Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
"НАЦИОНАЛЬНЫЙ МИНЕРАЛЬНО-СЫРЬЕВОЙ УНИВЕРСИТЕТ "ГОРНЫЙ"

На правах рукописи

ШАЙДУРОВ Владимир Николаевич

ФОРМИРОВАНИЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ЕВРОПЕЙСКИХ ОБЩИН В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В УСЛОВИЯХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ XIX - НАЧАЛА XX В.

Том 1

Диссертация
на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Специальность **07.00.02** - Отечественная история

Санкт-Петербург - 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ..... 4
ГЛАВА 1. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ И ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ НЕМЕЦКОЙ, ПОЛЬСКОЙ И ЕВРЕЙСКОЙ ОБЩИН ЗАПАДНОЙ СИБИРИ XIX – НАЧАЛА XX В. 31
1.1. История изучения еврейской, немецкой и польской общин Западной Сибири в отечественной историографии XIX - начала XX в. 31
1.2. История изучения еврейской, немецкой и польской общин Западной Сибири в советский период (1920 - 1991 гг.) 66
1.3. Основные тенденции в изучении истории еврейской, немецкой и польской общин Западной Сибири на современном этапе (1990-е - первая половина 2010-х гг.) 79
1.4. История еврейской, немецкой и польской общин Западной Сибири в публикациях иностранных исследователей конца XIX - начала XXI вв. 106
1.5. Источники для изучения истории еврейской, немецкой и польской общин Западной Сибири в XIX – начале XX в. 127
ГЛАВА 2. ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЕВРЕЙСКОЙ, НЕМЕЦКОЙ И ПОЛЬСКОЙ ОБЩИН В XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ. 156
2.1. Российское законодательство и его влияние на формирование европейских общин в XIX – начале XX вв. 156
2.2. Гражданско-правовой статус представителей еврейской, немецкой, польской общин в Сибири в XIX – начале XX вв. 193
ГЛАВА 3. ЕВРЕЙСКАЯ, НЕМЕЦКАЯ, ПОЛЬСКАЯ ОБЩИНЫ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ: ИСТОЧНИКИ ФОРМИРОВАНИЯ, ЧИСЛЕННОСТЬ И РАЗМЕЩЕНИЕ В РЕГИОНЕ В XIX – НАЧАЛЕ XX В..... 224
3.1. Формирование национальных общин в дореформенный период (1800-е - 1850-е гг.) 224
3.2. Особенности формирования общин в пореформенный период (1860-е – 1880-е гг.) 246
3.3. Формирование национальных общин на рубеже XIX – XX вв. 263

3.4. Первая мировая война и ее влияние на еврейскую, польскую, немецкую общины в Западной Сибири (1914 – 1917 гг.) 294
ГЛАВА 4. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОБЩИН В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В XIX – НАЧАЛЕ XX В. **307**
4.1. Хозяйственные занятия евреев, немцев и поляков в дореформенный период (1800-е - 1850-е гг.) 307
4.2. Хозяйственная деятельность евреев, немцев и поляков в пореформенный период (1860-е - 1890-е гг.) 327
4.3. Хозяйственная жизнь общин в начале XX вв. 393
ЗАКЛЮЧЕНИЕ **463**
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ **469**
СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ **470**
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ **473**
ПРИЛОЖЕНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Межнациональные отношения имеют длительную историю. Они выстраивались на политической, культурной, конфессиональной и иных основах. В истории можно увидеть множество примеров, когда именно межнациональные контакты были основополагающим принципом межгосударственных отношений.

В силу исторических обстоятельств Россия является полиэтничным государством. На протяжении более чем тысячелетней истории на ее судьбу оказывали влияние различные этносы. Греки, немцы, шведы, монголо-татары приняли участие в общественно-политическом, экономическом и культурном развитии русских земель. В удельный период эти контакты носили непропорциональный характер: Русь больше получала, чем отдавала вовне.

Завершение собирания русских земель вокруг Москвы качественно изменило дальнейший характер отношений с соседними государствами. Проводившаяся со времен Ивана IV имперская политика вела, с одной стороны, к расширению государственных границ, а с другой - включению в состав страны многочисленных народов и этносов в Европе и Азии. С этого момента характер двусторонних отношений изменился: Россия начала осуществлять политику распространения не только своего экономического, но и социокультурного влияния на прочие народы. Это привело к возникновению разноплановых вертикальных связей "государство – этнос". Однако помимо вертикальных связей в это время формировались и развивались горизонтальные связи, определявшие характер отношений между различными народами внутри государства.

В ряде регионов возникли своего рода пограничные зоны взаимодействия цивилизаций. Примером тому может служить сибирский фронтир, характеризующийся активным взаимодействием различных этносов. Здесь происходит не только соприкосновение европейской и азиатской цивилизаций. На сибирских пространствах со временем оказались представлены все мировые религии. Недаром в последнее время говорят о Сибири как "плавильном котле", в котором перемешались многочисленные народности.

Присоединение Сибири и Дальнего Востока к России на протяжении конца XVI – XVIII вв. сопровождалось их хозяйственным и культурным освоением. Русское влияние на аборигенное население было неоднозначным. Но нельзя не признать положительных результатов осуществляемой государством политики, в ходе которой регион стал играть заметную роль в различных сферах.

Одним из зримых последствий стал рост численности населения. Миграционные потоки из Европейской России способствовали появлению за Уралом представителей различных народов. Переселявшиеся сюда по разным причинам украинцы, белорусы, поляки, немцы, евреи и многие другие несли с собой самобытные черты хозяйственной деятельности, социальной организации, культуры. Их дисперсное проживание на огромной территории способствовало установлению контактов между ними. В результате шел процесс формирования многоликого сибирского сообщества.

В центре внимания нашего исследования находятся немецкая, польская и еврейская общины Западной Сибири в XIX – начале XX в. У многих может возникнуть закономерный вопрос: было ли между ними что-либо общее, что позволяет рассматривать их в рамках одной научной работы.

Историческая судьба указанных выше этносов в России имеет достаточно много общего. Со времен Киевской Руси с ними имелись многочисленные контакты, отраженные в летописях. Известно, что в Киеве X в. была иудейская община. В пользу этого говорит, например, "Киевское письмо", обнаруженное американским гебраистом Н. Голбом в материалах генизы Каирской синагоги и опубликованное в 1982 г.[1]. Сам термин "немец" также ведет свою историю со времен Древнерусского государства – так называли тех, кто не владел русским языком – был "немой". Непростой характер отношений с Польским королевством имел место еще во времена княжения Владимира Святого.

Созданная в Москве для иностранцев Немецкая слобода лишний раз свидетельствует о существовавших контактах Русского государства с соседями. До начала XVIII в. эти контакты носили несистематический характер. Только со времен правления Петра I изменился характер отношений с немцами, поляками и евреями – определилось отношение к ним на государственном уровне. В первую очередь, это относилось к евреям, которым приезд и деятельность в России были запрещены. В отношении немцев и поляков подобного запрета не было. Наоборот, многие из них поступали на службу и принимали русское подданство. Подобная ситуация сохранялась вплоть до 1760-х гг.

В правление Екатерины II началось формирование в России немецкой, польской и еврейской диаспор. Первая из них возникла в результате реализации государственной программы по заселению и освоению окраинных территорий. Две последние оказались включенными в состав российского населения против своей воли в силу развития международных отношений в Восточной Европе во второй половине XVIII в. Уже в начале XIX в. определились основные регионы их проживания.

---

[1] Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X века / Ред. и коммент. В.Я. Петрухина. Изд. 2-е. М.; Иерусалим, 2003.

Можно сказать, что именно с этого периода формируется вертикальная связь между государством и указанными диаспорами.

Права и обязанности подавляющего большинства представителей немецкой диаспоры (речь идет о колонистах) были "навечно" определены законодательными актами 1760-х – 1810-х гг. Положение поляков и евреев в царствование Екатерины II также было юридически оформлено. В правление Александра I этот процесс был завершен.

Таким образом, во второй половине XVIII – начале XIX в. в России сформировались польская, немецкая и еврейская диаспоры, которые имели европейское происхождение. В отличие от прочих этнических групп, их положение в империи было закреплено на законодательном уровне. В дальнейшей судьбе рассматриваемых диаспор также имеется много общего.

Может вызвать недоумение факт отнесения еврейской диаспоры к числу европейских. Необходимо пояснить, что подавляющая масса еврейского населения в Восточной и Центральной Европе - евреи, принадлежащие к субэтнической группе ашкеназов. Мы не будем вдаваться во все тонкости дискуссий о ее происхождении, которые продолжаются до сих пор (рейнская, хазарская теории). Доказанным научным фактом являются их этногенез в Центральной Европе и дальнейшее расселение на территории Восточной Европы[1]. Исторически основным языком евреев-ашкеназов был идиш, принадлежащий к германской языковой группе. Ашкеназы, как и другая субэтническая еврейская группа сефардов, сформировавшаяся в средневековой Испании, сохраняли в исторической памяти связь с Землей Израилевой и считали себя потомками евреев эпох Первого и Второго Храмов[2].

Одним из объединяющих факторов для поляков, немцев и евреев стало их расселение по всей территории Российской империи. Оно носило как добровольный, так и принудительный характер. Часть общего миграционного потока была ориентирована на Западную Сибирь.

Сближение рассматриваемых диаспор продолжалось в последней четверти XIX – начале XX в., что было связано с модернизационными процессами в Российской империи. Занимая определенные экономические ниши в местах компактного проживания евреи, немцы и поляки оказались вовлеченными в развитие отдельных отраслей экономики. Так, евреи были тесно связаны с банковской и торговой сферами. Немцы, традиционно занимавшиеся в России в подавляющем своем большинстве сельским хозяйством, стали играть заметную роль в товарном производстве сельскохозяйственной продукции в Поволжье, Новороссии и Западной Сибири. В

---

[1] Штампфер Ш. Преследования и миграция евреев-ашкеназов в Восточную Европу // Научные труды по иудаике. Материалы XVII Международной ежегодной конференции по иудаике. Вып. 31. Т. 2. М., 2010. С. 54-55.

[2] Ашкеназы // Краткая еврейская энциклопедия. Т. 1. Иерусалим, 1976. Кол. 264-266.

это же время польские текстильщики из Лодзи составили серьезную конкуренцию русским предпринимателям, которые настаивали на запрете ввоза тканей из польских губерний во внутренние губернии.

Протекавшие в экономике процессы были одним из поводов к возникновению различных фобий в отношении рассматриваемых диаспор как в правящих кругах России, так и в обществе. Активизация царской администрации в этом направлении носила эпизодический характер и зависела от политической ситуации. Катализаторами, например, были покушения на императоров, Первая мировая война. Со стороны властей появлялись различного рода запретительные меры, направленные на ограничение в передвижении, проживании, занятии различными видами деятельности и т.д. Введение ограничительных санкций в отношении отдельных групп населения в подобные периоды сопровождалось положительной реакцией в общественном мнении. Но для представителей национальных меньшинств это означало поражение в экономических правах, вынужденное переселение, ухудшение экономического благосостояния. В то же время негативные последствия были и для отдельных регионов, т.к. вследствие этих событий происходило нарушение традиционных хозяйственных отношений. Это можно проследить и в отношении еврейского населения в черте оседлости после марта 1881 г., и в отношении российских немцев в различных регионах страны осенью 1914 г.

История изучения рассматриваемых нами общин объемна и разнонаправлена. Это позволило нам рассмотреть ее в первой главе диссертации, ограничившись во введении кратким **историографическим обзором,** который позволяет представить основные тенденции в изучении рассматриваемых сообществ в отечественной и зарубежной историографии.

Имеющуюся научную литературу можно в содержательном плане разделить на общую и специальную, в хронологическом – на досоветскую, советскую и современную, в территориальном – на отечественную и зарубежную.

Первые отечественные публикации по истории европейских диаспор в Российской империи появились уже в первой трети XIX в.: именно на страницах ведомственных журналов были опубликованы описательные и аналитические статьи о немецкой колонизации в России времен Екатерины II, Павла I и Александра I и о еврейских земледельческих колониях в Новороссии. Польская тема в силу периодической активизации национально-освободительного движения находилась под негласным запретом.

Уже в 1860-х гг. началось целенаправленное изучение истории отдельных национальных групп в России, что было связано с попытками восполнить существовавший вакуум и создать положительный образ тех же немецких колонистов и евреев в русском общественном мнении (А. Клаус, В. Никитин, С. Бершадский, И. Оршанский и др.). Авторами, как правило, были

чиновники либо университетские преподаватели. Свои труды они создавали на нарративных источниках.

На рубеже XIX – XX вв. обозначился переход к рассмотрению отдельных проблем. Отечественная иудаика развивалась в рамках юридической школы (С. Бершадский, Г. Слиозберг, М. Мыш и др.). Изучение немецкой колонизации шло в рамках позитивизма (В. Цветков, Г. Писаревский). Участие евреев, немцев и поляков в миграции внутри России привело к тому, что о них писали с позиций теории колонизации В. Дедлов, А. Кауфман, В. Вощинин и др. Активное участие отдельных диаспор в экономической модернизации России рубежа XIX – XX вв. подтолкнуло шовинистически настроенные круги к обсуждению в печати вопроса об "угрозе", которая якобы исходила национальным интересам России от немцев и евреев (А. Велицын и др.).

Именно на этом фоне появились первые публикации о евреях, немцах и поляках в Сибири. Первоначально это были отдельные заметки в газетах и журналах. В дальнейшем появились специальные исследования (Г. Слиозберг, Ю. Островский, В. Войтинский, Б. Герасимов, В. Вощинин и др.), касавшиеся преимущественно правового и экономического аспектов.

В целом, к началу XX в. история отдельных европейских сообществ в Сибири была представлена в литературе крайне фрагментарно и неравномерно. Еврейские общины рассматривалась преимущественно сквозь призму юриспруденции. Немецкое сообщество было представлено с точки зрения государственной колонизационной политики. Сибирская полония являлась в сибирском областническом мнении результатом репрессивной политики государства.

В советский период "национальная" тема оказалась под запретом. Это касалось экономической, культурной, социальной сфер. Только при изучении революционного движения в силу определенных обстоятельств сохранялся этнический фактор (Б.С. Шостакович, Н.П. Митина и др.). В 1970-е гг. наметился перелом – начали появляться отдельные статьи, в которых авторы рассматривали отдельные аспекты исторического прошлого некоторых этнических групп. Правда, авторы стремились дезавуировать национальный фактор, не вынося его в заглавие своих работ (Г.Х. Рабинович, Л.В. Малиновский и др.).

Общественно-политические изменения в СССР второй половины 1980-х гг. возродили интерес к национальной истории. В полной мере это относится к евреям, немцам, полякам, проживавшим в разных регионах.

С конца 1980-х – начала 1990-х гг. стали проводиться многочисленные "этнические" конференции, на которых обсуждались самые различные аспекты истории и современного

положения того или иного народа. Наиболее удачными проектами в международном масштабе стали Московская конференция по иудаике и Анапско-Московская конференция по истории и культуре российских немцев. К сожалению, мы не можем отметить что-либо подобное в истории полонии в России.

С середины 1990-х гг. в рамках регионального подхода началось активное изучение истории немецкой, польской, еврейской общин. Результатом стало появление многочисленных статей, диссертаций, монографий. При этом степень изученности трех сообществ остается неравномерной.

Немцы Сибири в большей степени представлены сквозь призму экономической истории. Сохранившиеся многочисленные делопроизводственные и статистические документы позволили сибирским историкам (Л.В. Малиновский, В.И. Бруль, П.П. Вибе, В.Н. Шайдуров, И.И. Кротт, С.А. Баах, А.Р. Бетхер, В.В. Ведерников и др.) реконструировать хозяйственную жизнь городских и сельских немцев на протяжении XIX – начала XX в. Результаты этой работы воплощены в диссертациях, монографиях, статьях. Отсутствие же по объективным и субъективным причинам документов о внутриобщинной жизни затрудняет восстановление социальной истории сибирских немцев в досоветский период.

Иная ситуация наблюдается в отношении сибирских евреев. Исторические обстоятельства способствовали сохранению многочисленных документов внутриобщинной жизни и материалов, раскрывающих характер взаимоотношений государства и иудеев. Следствием стало появление многочисленных исследований о социокультурной жизни евреев в различных сибирских губерниях (Н.Б. Галашова, Н.А. Орехова, В.Ю. Рабинович, Л.В. Кальмина, Ю.М. Гончаров, Л.В. Курас и др.). Авторы основываются в своих исследованиях преимущественно на делопроизводственной документации, материалах периодической печати, метрических книгах. Работы же по экономической жизни еврейского населения Сибири носят единичный характер (А.Р. Ивонин, А.М. Мариупольский, В.Н. Шайдуров) и базируются на немногочисленных опубликованных и архивных статистических источниках.

Постсоветская история изучения сибирской полонии на сегодняшний день развивается не столь динамично. По-прежнему в центре внимания исследователей находится вопрос польской ссылки (Б.С. Шостакович, И.Н. Никулина, С.А. Мулина). В то же время место и роль поляков в хозяйственной жизни региона изучена крайне слабо. Только в последние годы начали появляться публикации, в которых историки обратились к вкладу поляков в различные сферы экономики (В.А. Скубневский, Л.К. Островский, В.Н. Шайдуров, С.В. Леончик). Все это

объясняется как сформировавшейся в исторической науке традицией, так и узостью круга источников.

Во многом сложившаяся в историографии конца XX в. ситуация объясняется рядом причин. Большой интерес к региональной истории поляков, немцев и евреев во многом был обусловлен начавшимся движением за национальное возрождение. Подавляющее большинство историков, связанных с этой тематикой, - выходцы из местных национальных сообществ, которые приняли на себя миссию по восстановлению истории собственных субнациональных групп. Связанные профессиональными отношениями с высшей школой, они сформировали научные центры и школы (Барнаул, Омск, Иркутск, Томск), ориентированные на выполнение этой задачи.

Однако следует признать, что к концу 2000-х гг. в отечественной историографии наметился кризис. Если в 1990-х гг. появлялись новаторские исследования, написанные с позиций регионального подхода и основанные на только что открытых источниках, то 20 лет спустя подавляющая масса публикаций по национальной теме выглядит вполне шаблонно в силу однотипности круга источников и методики их обработки.

Выход из этой ситуации нам видится в применении компаративистского подхода. И уже в начале 2000-х гг. стали появляться исследования, написанные с этих позиций (Е.В. Карих, И.В. Нам, А.К. Тихонов, В.Н. Шайдуров). Необходимо переходить к сравнительному исследованию однопорядковых явлений. Разноплановость исторических источников, известных специалистам, и их доступность позволяют активно использовать этот подход.

Зарубежная историография значительно уступает в содержательном плане отечественным исследованиям. Следует отметить, что уже в межвоенный период в Германии и Польше были опубликованы работы по истории отдельных национальных групп в Сибири (Я. Штах, А. Манковский).

Во второй половине XX в. интерес к сибирскому региону со стороны германских и израильских специалистов был минимален в силу недоступности источников. В то же время польские историки имели ограниченные возможности работать в советских архивах, что привело к появлению немногочисленных исследований по истории сибирской полонии (В. Масярж).

Свободный доступ к архивных материалам с 1990-х гг. способствовал активизации зарубежных исследователей. Но их интерес редко распространяется на региональные архивы, ограничиваясь архивохранилищами Москвы и Санкт-Петербурга. Результатом стало появление ряда работ общего содержания (Д. Брандес, А. Кучинский, В. Сливовская). Основное

содержание исследований зарубежных историков сводится к рассмотрению общественно-политических проблем.

Таким образом, в историографии на протяжении второй половины XIX – начала XXI вв. шел процесс изучения истории европейских общин в Сибири. Степень и глубина изученности проблем различны. Отсутствие сравнительных исследований открывает перед исследователями широкое поле деятельности.

Цель данного исследования - историко-сравнительное изучение процесса формирования и социально-экономического развития европейских общин (еврейской, немецкой, польской) в Западной Сибири в условиях общественных трансформаций на протяжении XIX – начала XX в.

Исходя из поставленной цели мы должны решить ряд исследовательских **задач**, заключенных в следующих направлениях:

- проанализировать современное состояние изученности истории еврейской, немецкой и польской общин Западной Сибири XIX – начала XX в. в контексте отечественной и зарубежной историографии и определить основные направления ее развития;

- на основе проведенного историографического анализа выявить наименее изученные аспекты в истории рассматриваемых сообществ;

- выявить, классифицировать и охарактеризовать исторические источники, применяемые для достижения поставленной научной цели;

- дать структурный анализ законодательной базы XIX – начала XX в. для переселения немцев, поляков и евреев в сибирские губернии;

- выявить источники формирования основных миграционных потоков, приведших к формированию в регионе новых национальных общин и определить их соотношение в различные исторические периоды;

- проследить эволюцию гражданско-правового статуса немцев, поляков и евреев в регионе на протяжении рассматриваемого периода;

- на основе законодательных, делопроизводственных, статистических и иных источников реконструировать географию размещения еврейской, немецкой и польской общин в западносибирских губерниях и областях в различные временные периоды;

- выявить и охарактеризовать в динамике нормативно-правовую основу для экономического развития различных национальных общин в Западной Сибири;

- на основе комплекса исторических источников осуществить реконструкцию хозяйственной деятельности евреев, немцев и поляков, определив их место и роль в региональной экономике в XIX – начале XX в.

В целом, нами будет представлен сравнительный правовой, демографический, экономический портрет польской, еврейской и немецкой общин. Основное внимание будет уделено экономической жизни рассматриваемых этнических групп. Под хозяйственной деятельностью в данном случае понимаются отрасли как производственной сферы (промышленность, сельское хозяйство), производящие материальные блага, так и непроизводственной сферы (торговля, транспорт, образование и пр.), связанные с созданием и реализацией услуг. Вне поля нашего интереса остаются вопросы, связанные с внутриобщинной и конфессиональной жизнью, а также с общественно-политическими процессами XIX - начала XX в.

Данные вопросы не являются новыми для исторической науки в России и за ее пределами применительно к данным группам. Качественное отличие нашего исследования от предшествующих заключается в том, что мы рассматриваем три общины на определенной территории и в определенное время с позиций компаративизма.

Объектом исследования в данной работе являются европейские общины (еврейская, немецкая, польская), представленные в виде определенных этно-социальных общностей, члены которых идентифицируются между собой единством исторических судеб, сходными типами хозяйственной деятельности, исторически сформировавшимися ценностями и нормами, оторванностью от материнского этноса, а также рассматриваемые в динамике происходящих социально-экономических и политических процессов.

Изучение истории отдельных национальных групп в Российской империи создает различного рода сложности. Одна из них заключена в идентификации. Можно вполне согласиться с финляндским историком Марком Энгманом, отметившим, что "нет единого однозначного критерия, который можно было бы применить к любому периоду времени и к изучению любого источника"[1]. При изучении сложных этнических групп прагматично использовать различные критерии.

1. *Конфессиональная принадлежность*. Казалось бы, применительно к имперскому периоду этот критерий должен быть определяющим, но он имеет ряд недостатков. Так, в течение XIX – начала XX вв. наблюдался переход евреев из иудаизма в христианские конфессии. Часть обрусевших в Сибири поляков приняла православие. Далеко не все немцы в России были лютеранами, среди них были католики, сектанты, а также православные. Но все это не исключает их из родной этнической среды.

[1] Энгман М. Финляндцы в Петербурге. СПб., 2008. С. 25.

2. *Язык.* До 1917 г. в опросных листах переписей населения язык был соотнесен с этнической принадлежностью. Но это автоматически исключало из числа евреев, немцев, поляков тех, кто указал в качестве родного языка русский или иной язык.

3. *Национальность.* Только в 1917 г. идентификация впервые была осуществлена по национальному признаку. К сожалению, полные данные о национальном составе России на этот период отсутствуют по причине того, что по отдельным параметрам сводные данные не были составлены.

4. *Фамилия (родовое имя).* При работе с некоторыми источниками (справочная литература, периодическая печать) этот критерий может быть основным для идентификации.

5. *Место рождения, указанное в приходских книгах и переписях населения*. Этот критерий может носить вспомогательный характер. Зная географию компактного проживания, мы можем говорить о том, что тот или иной человек имел отношение к определенной этнической группе.

Таким образом, под евреями, немцами и поляками будут пониматься представители соответствующей национальной группы, принадлежность к которой зафиксирована в различных источниках на основании одного или нескольких упомянутых критериев. Данный подход не является произвольным, его результативность будет подтверждена в проделанной работе.

Другая сложность заключена в научной классификации лиц одной национальности, проживающих на определенной территории. В литературе для этого применяются различные термины (диаспора, община, общность и т.д.). Часто они используются исследователями как синонимы. Но каждый из них имеет свое научное толкование и смысл.

Вплоть до второй половины XX в. в авторитетных энциклопедических изданиях ("Британика" и др.) термин "диаспора" применялся лишь в рамках еврейской истории. В настоящее время, как верно заметил А. Милитарев, "в современной литературе термин этот достаточно произвольно применяется к самым разным процессам и явлениям, с вкладыванием в него того смысла, который считает нужным придать ему тот или иной автор или научная школа"[1]. Это связано с резким увеличением интереса к миграциям (добровольным и вынужденным) и диаспоре как исторически и культурно значимому феномену.

Социологический, этнический, государственный подходы к определению диаспоры содержат в своей основе различные основополагающие признаки. Так, в одних случаях ими признаются существующие социальные институты для развития и функционирования

[1] Милитарев А. О содержании термина "диаспора" (к разработке дефиниции) // Диаспоры. 1999. N 1. С. 26.

общности[1]. Другие считают диаспору, в первую очередь, этническим явлением[2]. Для некоторых исследователей (Тишков В.А. и др.) основополагающими признаками выступают такие понятия как "родина" и "политическая граница", а потому диаспоры могут существовать только за пределами государства исхода[3].

Однако каждый из этих подходов имеет свои недостатки. Так, политический и социологический подходы отказывают в праве называться диаспорой неорганизованному в социально-политическом отношении сообществу. Находясь на позициях политического подхода, мы должны отказать в праве на диаспорность в Российской империи финнам, эстонцам и другим национальным меньшинствам Российской империи, не имевшим до начала XX в. своей государственности. То же мы вынуждены будем предпринять и в отношении поляков, утративших свою государственность в последней четверти XVIII в.

Под диаспорой подразумевается национальная группа, которая в силу обстоятельств оказалась оторванной от материнского этноса, имеющего (имевшего) собственную государственность, и проживает в иноэтничном окружении. Для представителей диаспоры характерно общее историческое прошлое, язык, материальная и духовная культура. Важным признаком диаспоры является наличие общественных институтов для сохранения идентичности и общности, например, в сфере образования, религии. Диаспора может возникнуть в той или иной стране в результате добровольной или вынужденной массовой миграции.

Место и роль диаспоры в принимающем государстве зависит отношений, которые она имеет с государственным аппаратом. В принимающем государстве существует только одна (национальная) диаспора: еврейская, польская, немецкая и т.д. Как правило, диаспоры занимают экономические ниши, которые дают им средства к существованию, но не позволяют получать ресурсы, связанные с властными отношениями. Нередко они занимали в них доминирующее положение.

Исходя из этого, можно вывести основополагающие признаки диаспор, каковыми являются:

- наличие национального очага;
- проживание в иноэтничном окружении на положении национального меньшинства;
- корпоративность (создание социальных институтов);

---

[1] Тощенко Ж.Т., Чаптыкова Т.И. Диаспора как объект социологического исследования // Социс. – М., 1996. – №12. – С. 37.

[2] См., напр.: Семенов Ю.И. Этнос, нация, диаспора // Этнографическое обозрение. – М., 2000. – № 2. – С. 64-74.

[3] См., напр.: Тишков В.А. Исторический феномен диаспоры / Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX-XX вв. Сб. ст. под ред. Ю.А. Полякова и Г.Я. Тарле. – М., 2001. - С. 9-44; Он же. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. – М., 2003.

- интеграция в экономику принимающей страны;

- сегрегация в гражданских, политических, экономических правах;

- диаспорное сознание.

Каждый из этих признаков присутствовал постоянно либо проявлялся в определенные периоды истории рассматриваемых нами диаспор.

Переход к индустриальному обществу отодвинул на второй план национальную корпоративность и поставил во главу угла экономические отношения между индивидами независимо от их этнической принадлежности. Изменения в экономике повлекли за собой трансформацию в политической сфере. Вполне можно согласиться с В.И. Дятловым, который писал, что "эмансипация, получение гражданского равенства, эрозия закрепленной в законе и обычае иерархии общин, распад самой общинности, как основного принципа организации общества ... резко уменьшило внешнее давление"[1]. Это привело к началу размывания границ между различными национальными группами в разных экономических сферах. В этих условиях диаспора продолжает существовать как социокультурный организм.

Диаспора может быть компактной либо дисперсной и состоит из территориальных национальных общин, которые представляют собой сообщества представителей отдельной национальности или по принципу этнической общности, созданные для сохранения языка, традиций и развития национальной культуры. Применительно к большей части XIX в. мы можем характеризовать их как общины (Gemeinschaft), основанные на традиционных отношениях социально-органического типа. В данном типе могут сочетаться одновременно национальная и конфессиональная общины. Каждый индивид в этом случае не мыслит свое существование за пределами общины. Переход к индустриальному обществу изменил внутриобщинные отношения, которые сохранились во внешних связях членов общины. Результатом стало формирование национальной общности (Gesellschaft), инкорпорированной в индустриальное общество.

Таким образом, в поле нашего внимания будут находиться конкретные национальные общины, существовавшие в Западной Сибири и являвшиеся частью еврейской, немецкой и польской диаспор Российской империи.

Предметом данной исследовательской работы являются процессы, определившие характер и содержание трансформаций европейских общин (еврейской, немецкой, польской) на протяжении XIX – начала XX в.

---

[1] Дятлов В. Диаспора: попытка определиться в понятиях // Диаспоры. 1999. - № 1. С. 20.

Территориальные рамки исследования. Территориально исследование охватывает Западную Сибирь. При этом границы исследовательского поля в рассматриваемый период изменялись под влиянием историко-административного фактора. Это связано с проводившимися на протяжении XIX – начала XX вв. административно-территориальными изменениями. В 1796 г. на месте Сибирского наместничества были образованы Тобольская и Иркутская губернии. В 1803 г. было учреждено Сибирское генерал-губернаторство с административным центром в Тобольске. В 1804 г. из состава Тобольской губернии была выделена Томская губерния. В 1822 г. в ходе административной реформы Сибирь была разделена на Западно-Сибирское и Восточно-Сибирское генерал-губернаторства. В состав Западно-Сибирского генерал-губернаторства вошли существовавшие к тому моменту Тобольская и Томская губернии и учрежденная Омская область. В 1838 г. Омская область была упразднена, Омский и Тюкалинский уезды были включены в состав Тобольской губернии. В 1868 г. Омский уезд был передан в состав образованной Акмолинской области. В 1882 г. Западно-Сибирское генерал-губернаторство было упразднено. Часть Западной Сибири (Омский уезд Акмолинской области) в административном отношении оказалась включенной в состав Степного генерал-губернаторства, в который Тобольская и Томская губернии не входили. В таком состоянии административно-территориальное деление изучаемого региона сохранялось до 1917 г.

Хронологически данное исследование охватывает период XIX – начала XX в., в котором представляется возможным выделение последовательных этапов:

- 1800-е – 1850-е гг. – период начального формирования в Западной Сибири европейских общин (еврейской, немецкой, польской) под влиянием консервативной государственной политики, сопряженный с оформлением общинных институтов и их постепенным включением в экономическую и социокультурную жизнь региона;

- 1860-е – 1880-е гг. – период стабильного развития рассматриваемых сообществ в условиях социально-экономической модернизации, постепенное нарастание их влияния на различные сферы хозяйственной жизни Западной Сибири;

- 1890-е – 1910-е гг. – период нестабильного развития европейских общин в Западной Сибири в результате проводившейся национальной политики на рубеже XIX – XX вв. и в годы Первой мировой войны (введение ограничительных мер к распространению немецкого и еврейского землевладения, депортации и т.д.).

Методология и основные методы исследования. Любопытство и необходимость – вот важнейшие мотивы, лежащие в основе человеческого познания. Мы пытаемся понять мир вокруг нас и ради знания, и ради облегчения своей судьбы. Иными словами, чем больше мы

узнаем об окружающем нас мире, тем больше возможностей для управления им получаем. В первом случае, когда речь идет о том, как мы получаем знания и что мы знаем, необходимо говорить об эмпирическом анализе, то есть разработке и использовании языка для описания исторического бытия. Этот язык может быть количественным, основанным на статистическом сравнении характеристик различных объектов или случаев; или может быть качественным, то есть основанным на понимании тех же самых объектов или случаев исследователем, владеющим информацией. Во втором случае, когда речь идет о том, как использовать полученные знания, на поверхность выходит нормативный анализ, то есть разработка и изучение субъективных целей, ценностей, этических норм, которыми мы руководствуемся при использовании наших знаний о прошлом. Исторический запрос – максимальное использование обоих типов анализа путем привлечения не только знаний, но и понимания исторического прошлого.

В исторической науке имеются различные точки зрения, с какой позиции подходить к рассмотрению исторического бытия. Предметом исторической науки может и должен выступать человек. Но не абстрактный человек, а, как говорил М. Блок, "скажем точнее – люди". Люсьен Февр при этом отмечал: "Никогда просто человек – человеческие общества, организованные группы"[1]. Нельзя не согласиться и с Г.В. Плехановым, отмечавшим, что "массы действуют … в своих интересах"[2]. Именно человек, социальные группы и их интересы являются объектом исторической науки.

Теоретический базис работы - общенаучные принципы познания, среди каковых, в первую очередь, необходимо выделить принцип историзма, предполагающий изучение исторического явления в его развитии и конкретно-исторической обусловленности, научной объективности, основанный на привлечении всех фактов и явлений, составляющих предмет исследования, системности, позволяющий рассматривать изучаемое явление как совокупность элементов, находящихся в определенной взаимосвязи и взаимозависимости, методологического синтеза, предусматривающий использование различных теорий и концепций различных гуманитарных наук (истории, права, экономики, социологии, этнологии и др.) и реализующийся посредством междисциплинарного подхода.

История России XVIII - начала XX в. представляет собой процесс постоянного обновления всех сфер жизни общества и государства. Пик перехода от традиционного общества

---

[1] Цит. по: Афанасьев Ю.Н. Историзм против эклектики. Французская историческая школа "Анналов" в современной историографии – М., 1980. С. 46.

[2] Плеханов Г.В. Материалистическое понимание истории // Избранные произведения. В 5-ти тт. Т. 2 – М., 1956. С. 649.

к современному пришелся на рубеж XIX - XX вв., когда стали активно развиваться основные черты модернизации (индустриализация, урбанизация, рационализация, бюрократизация, демократизация, доминирование капитализма, широкое распространение индивидуализма и пр.). Сформировавшаяся в США в середине XX в. *теория модернизации* в различных концепциях позволяет рассматривать этот переход как уровне государства, так и на микроуровне.

Модернизационные процессы протекали по-разному не только в различных регионах России, но и в разных национальных меньшинствах. Не последнюю роль в этом играла национальная политика, осуществлявшаяся властями. И в нашем случае мы имеем три модели "осовременивания" европейских диаспор в Российской империи. Еврейская политика Николая I была направлена на полноценное включение иудейского населения в общероссийский организм. Это проявилось в переселении из сельской местности в города, распространении на евреев всеобщей воинской повинности, ликвидации традиционных органов самоуправления и т.д. Однако борьба с традиционализмом привела к обратному эффекту: неконтролируемым миграциям внутри черты оседлости, обнищанию населения, росту преступности и т.д. В то же время внутри еврейского сообщества в это время шел процесс культурной модернизации (распространение идей Гаскалы), что привело уже во второй половине XIX в. к его заметной секулярности. Высокая концентрация евреев в промышленности и торговле способствовали их активному включению в капиталистические отношения.

Сохранение на протяжении второй половины XVIII - середины XIX в. в неизменном состоянии гражданско-правового статуса немецких колонистов, составлявших подавляющее большинство немецкого населения Российской империи, способствовало сохранению традиционных отношений между обществом и государством и их концентрации в сельской местности. Однако в экономике колоний с середины XIX в. начали происходить существенные трансформации, связанные с распространением в них черт аграрного капитализма. Развиваясь по фермерскому пути, они в сравнительно короткое время стали играть важную роль на региональных сельскохозяйственных рынках Поволжья и Новороссии. Это была единственная сфера жизни колоний, подвергшаяся модернизации. Общественные отношения и культура сохраняли свои традиционные черты.

В отличие от евреев и немцев России, польское население наиболее активно было включено в модернизационные процессы. Еще в начале XIX в. Польская конституция способствовала становлению отдельных демократических ценностей. Однако восстания 1794, 1830-1831, 1863 гг. привели к их нивелированию и доминированию бюрократизации в управлении регионом. Близость польских губерний к динамично развивающимся Германии и

Австро-Венгрии способствовала активному переходу региональной экономики к капитализму. Формирование и развитие промышленных районов (Лодзь, Домбров) вело к оттоку населения в города, что повышало уровень урбанизации. Политические процессы начала XX в. привели к ограниченной демократизации, что проявилось, например, в системе выборов депутатов Государственной Думы от польских губерний.

В Сибири модернизационные процессы начинались с заметным отставанием от Европейской России. В некоторых случаях именно представители европейских меньшинств выступали в качестве своего рода катализатора обновления в различных отраслях промышленности, торгово-финансовой сфере, транспорте, аграрном секторе.

Сохранение традиционных элементов на фоне частичной модернизации свидетельствует о том, что процесс шел по схеме "модернизация без модернити". Данная концепция позволяет объяснить характер внутреннего развития диаспор в целом и составляющих их отдельных территориальных общин и их место и роль в общероссийской и региональной модернизации.

В работе над исследованием мы опирались на близкие по своему содержанию *теории колонизации* (В.О. Ключевский и др.) и *фронтира* (Тёрнер и др.), которые вполне схоже трактуют русскую и американскую историю, представляя ее историей колонизации. В последней четверти XX в. они вновь стали играть важную роль в изучении отдельных регионов. Изучение истории Сибири с подобных позиций, например, прослеживается в трудах Л.М. Горюшкина[1], Д.Я. Резуна и др. Одним из последовательных сторонников применения теории фронтира к изучению истории евреев в Российской империи является американский историк Б. Натанс, воплотивший ее в монографии "За чертой. Евреи встречаются с позднеимперской Россией", изданной на английском языке в США в 2002 г. и на русском языке в 2007 г. Использование данной теории объясняется непосредственным участием представителей еврейского, немецкого и польского сообществ в заселении и хозяйственном освоении региона.

В условиях постсоветского периода развития исторической науки широкое распространение получил *историко-региональный подход* в изучении историко-культурного развития отдельных территорий. В зарубежной историографии России этот подход наиболее полно проявился в работе австрийско-немецкого историка А. Каппелера. В целом подход предполагает реконструкцию общественно-политического, экономического, социокультурного развития определенной территории в определенный промежуток времени. Это должно

[1] Горюшкин Л.М., Миненко Н.А. Историография Сибири дооктябрьского периода (конец XVI – начало XX в.). Новосибирск, 1984; Резун Д.Я. О периодизации развития исторической урбанистики Сибири XVII – XX вв. // Городская культура Сибири: история и современность. Омск, 1997. С. 16 – 32.

позволить представить роль и место региона во всей системе отношений, а так же отобразить механизмы территориального взаимодействия различных факторов общественного развития.

Однако в современном регионализме доминирует этнизация истории, то есть концентрация внимания исключительно на одной этнической группе, при маргинализации остальных. Это имеет как позитивные, так и негативные последствия. С одной стороны, продолжается процесс реконструкции отдельных аспектов исторического прошлого, переосмысление ранее освоенного материала. С другой стороны, наблюдается создание истории только одного актора во всех ее проявлениях.

Преодолеть недостатки регионализма в историческом исследовании современные историки пытаются с позиций так называемой *"новой имперской истории"*, позволяющей объединить несколько однопорядковых явлений, существовавших в Российской империи (или ином государстве) в определенных условиях. Имперская ситуация характеризуется параллельным существованием несовпадающих социальных иерархий и систем ценностей, с очень приблизительно устанавливаемым "обменным курсом" статуса — в то время как идеальная модель модерного национального государства предполагает универсальность и равнозначность социальных категорий во всех уголках общества.

Имперская ситуация характеризуется тем, что сословие, конфессия, язык, класс, экономическое положение, образование, сфера занятости выступают в роли самостоятельных и часто равнозначных элементов, из которых можно "выстраивать" совершенно разные комбинации. Кроме того, отсутствуют универсальные, действующие во всех уголках государства правила и даже законодательство. "Имперское общество" состоит из регионов и краев, каждый на особом положении, оно анализируется в категориях частных "вопросов" ("украинского", "польского", "еврейского" и пр.), каждая принимаемая рациональная мера немедленно вызывает совершенно неожиданные последствия. "Новая имперская история" — это не история конкретного региона или политии, это способ описания исторической реальности принципиально гетерогенного, полиэтничного и мультикультурного общества.

Изучение диаспор ставит вопрос о степени их интегрированности либо изолированности в принимающем обществе и государстве. Наиболее полно ответ на него дает *теория адаптации*, рассматривающая способность той или иной группы приспосабливаться к новым природно-климатическим, социальным, экономическим условиям с сохранением или утратой собственной идентичности.

Адаптация может проявляться в различной степени: от полного растворения в принимающем обществе с включением в экономическую, общественно-политическую, социальную, культурную жизнь до подлинного культурного плюрализма.

Россия XIX - начала XX в. в условиях перехода от традиционного общества к индустриальному продемонстрировала постепенный переход от состояния "сепаратного плюрализма", предполагавшего изолированность некоторых диаспор и национальных меньшинств, в том числе на законодательном уровне, каждая из них признается легитимной, к "этнографическому мультикультурализму", характеризовавшемуся интеграцией в экономическую жизнь с сохранением отдельных национальных элементов в общественных отношениях, культуре.

Рассуждая об обществе с точки зрения современной социологии и философии, о структуре и функциях общества необходимо, в первую очередь, определиться с тем, в каком же пространстве существует это общество. В значительной степени ответы на данные вопросы дает *теория социальной стратификации общества*, предложенная П.А. Сорокиным.

Выражения типа "низшие и высшие классы", "продвижение по социальной лестнице", "его социальное положение высоко" и т.д. довольно часто используются в повседневной жизни, экономических, социологических и политологических трудах. Все эти выражения указывают на существование того, что может быть определено термином "социальное пространство". При этом необходимо помнить о том, что социальное и геометрическое пространства в корне отличны друг от друга. По мнению П.А. Сорокина, социальное пространство есть некая вселенная, состоящая из народонаселения земли [1]. Соответственно, определить положение человека или какого-либо социального явления в социальном пространстве означает определить его (их) отношение к другим людям и другим социальным явлениям, взятым за такие "точки отсчета". Таким образом, социальное пространство - 1) это народонаселение Земли; 2) совокупность его связей со всеми группами населения, внутри каждой из этих групп, то есть с ее членами; 3) положение человека в социальной вселенной определяется путем установления связей; 4) совокупность таких групп, а также совокупность положений внутри каждой из них составляют систему социальных координат, позволяющую определить социальное положение любого индивида[2]. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что люди, принадлежащие к одинаковым социальным группам и выполняющие практически идентичную функцию в пределах каждой из этих групп, находятся в одинаковом социальном положении.

Что же такое "социальная стратификация", по П. Сорокину? В его понимании под этим термином подразумевается дифференциация некоей данной совокупности людей (населения) в иерархическом плане. Ее основа и сущность заключена в неравномерном распределении прав и

---

[1] Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество – М., 1992. С. 298.

[2] Там же. С. 299.

привилегий, ответственности и обязанностей, наличии и отсутствии социальных ценностей, власти и влияния среди членов того или иного сообщества.

Конкретные формы социальной стратификации разнообразны и многочисленны. Если экономический статус членов некоего общества неодинаков, если среди них имеются как имущие, так и неимущие, то такое общество характеризуется наличием экономического расслоения независимо от того, на каких принципах оно организовано. Если в пределах какой-то группы существуют иерархически различные ранги в смысле авторитетов и престижа, званий и почестей, если существуют управляющие и управляемые, тогда независимо от терминов, провозглашений конституций и деклараций это означает наличие в обществе политической дифференциации. Если члены общества разделены на различные группы по роду своей деятельности, занятиям, и некоторые профессии при этом считаются более престижными в сравнении с другими, и если члены той или иной профессиональной группы делятся на руководителей различного ранга и на подчиненных, то такая группа будет характеризоваться как профессионально дифференцированная независимо от того, избираются ли начальники или назначаются, достаются им руководящие должности по наследству или благодаря личным качествам.

Конкретные ипостаси социальной стратификации многочисленны. Нами основной упор сделан на одной из форм стратификации – экономической. Рассуждая об экономическом статусе некоей группы, следует выделить два основных типа флуктуации. Первый относится к экономическому падению и подъему группы; второй - к росту или сокращению экономической стратификации внутри самой группы. Первое явление находит свое выражение в экономическом обогащении или обеднении социальных групп в целом. Это проявляется, например, в предложенной американскими историками гипотезе "социальной лестницы", которая имела место, по их мнению, в аграрной истории США второй половины XIX в. По мнению авторов, она базируется как минимум на двух факторах: а) аренда земли представляет дополнительную возможность заниматься сельским хозяйством тем, кто не имеет значительного капитала, чтобы стать ее собственником; б) люди передвигаются с одной ступени лестницы на другую независимо от того, происходит это движение вверх или вниз[1]. Сокращение экономической стратификации выражено в изменении экономического профиля группы или в увеличении - уменьшении высоты экономической пирамиды.

Данный подход вполне применим в изучении рассматриваемых нами национальных общин, вовлеченных в активную экономическую жизнь региона. Объективные (природные

[1] Этак Дж. Арендаторы и мелкие фермеры в XIX веке: проблемы роста аренды на Севере // Аграрная эволюция России и США в XIX – начале XX века – М., 1991. С. 214.

катаклизмы, война и пр.) и субъективные (изменения в государственной политике, изменения в составе семьи и пр.) факторы способствовали изменению уровня экономического благосостояния евреев, немцев и поляков, вовлеченных в различные сферы промышленности, торговли, транспорта, сельского хозяйства, сферы услуг и пр.

При решении исследовательских задач не представляется возможным отрыв основополагающих принципов теории от исследовательского метода. Каждый метод дает возможность познавать лишь некоторые отдельные стороны объекта. Отсюда возникает необходимость во "взаимной дополнительности" отдельных методов. Кроме того, использование комплекса методов обусловлено тем, что каждый метод имеет определенные пределы своих познавательных возможностей.

Процесс познания совершается так, что мы сначала наблюдаем общую картину изучаемого предмета, а частности остаются в тени. Для изучения частностей мы должны расчленить изучаемый предмет. Мысленным разложением предмета на части занимается *анализ*. Когда путем анализа частности достаточно изучены, наступает следующая стадия познания – *синтез* –мысленное объединение в единое целое расчлененных анализом элементов. Анализ фиксирует в основном то специфическое, что отличает части друг от друга. Синтез же вскрывает то существенно общее, что связывает части в единое целое. Задачей всякого познания является *обобщение* – процесс мысленного перехода от единичного к общему, от менее общего к более общему. В процессе обобщения совершается переход от единичных суждений к общим, от суждений меньшей общности к суждениям большей общности. Научное обобщение – это не просто выделение и синтез сходных признаков, но проникновение в сущность вещи.

Мысленный переход от общего к частному есть процесс *ограничения*. Без обобщения нет теории. Теория же создается для того, чтобы применить ее на практике к решению конкретных задач.

Одним из необходимых приемов познания является *сравнение*. При этом оно играет важную роль лишь тогда, когда сравниваются действительно однородные или близкие по своей сущности вещи. Как говорят, нет смысла сравнивать фунты с аршинами. То есть сравнение есть установление различия и сходства предметов. Сравнение ни есть объяснение, но оно помогает уяснению.

Одновременно с общенаучными методами были использованы конкретно-научные методы.

Проблемно-хронологический метод дал возможность изучить проблемы, составлявшие суть предмета исследования, во временной последовательности с определением произошедших в них количественных и качественных изменений.

Использование историко-ретроспективного метода позволило обратиться к прошлому для более глубокого осмысления исторических процессов с определенной дистанции, когда уже стали ясны их исторические результаты.

Историко-генетический метод позволил осуществить изучение предмета исследования в исторической динамике на конкретной территории в конкретный временной промежуток.

Историко-сравнительный метод основан на проведении сравнительного анализа жизни и деятельности еврейской, немецкой и польской общин между собой на изучаемой территории и с другими однопорядковыми явлениями в других регионах Российской империи.

Метод исторического синтеза позволил обобщить полученные выводы и способствовал созданию целостной картины процесса формирования и социально-экономического развития рассматриваемых национальных общин в Западной Сибири.

Помимо сугубо исторических методов, нами были использованы методы других общественных дисциплин. Методы исторической географии позволили при помощи использования географических и территориально-административных карт определить географию расселения переселенцев, количество основанных ими населенных пунктов, осуществить привязку к основным экономическим центрам в разные временные периоды.

Примером заимствования исторической наукой методов прочих наук может служить использование историками методов экономической истории. Это позволяет осуществить работу по обобщению и усвоению опыта хозяйственного развития рассматриваемых субъектов. Наиболее распространенными являются методы группировки, заключающиеся в разделении исходной совокупности данных на группы, каждая из которых объединяется общими показателями. Описывая данные методы, необходимо выделить типологическую (деление совокупности на качественно-однородные группы), структурную (деление качественно однородной совокупности на количественные группы) и аналитическую или факторную (позволяет на определенном уровне установить и изучить связи между признаками) группировки[1]. Подобное подразделение обусловлено характером задач, изучаемых в области общественных явлений при помощи той или иной группировки. Подобное деление распространено также в статистической, экономической и социологической литературе. При помощи группировок подобного рода сложное явление представляется через более простые. Вместе с тем, изучение отдельных групп не представляет собой изолированных процессов, а

[1] Славко Т.И. Математико-статистические методы в исторических исследованиях. М., 1981. С. 33.

приводит к анализу всей системы в целом. Так же были применены в работе методы классификаций и математической статистики. В работе активно использован метод стратификации (группировки) статистических данных. В качестве стратифицирующего фактора в исследовании применялись количественные данные об обеспечении различными видами движимого и недвижимого имущества, административно-территориальная принадлежность и т.д. Результаты применения этих методов нашли свое воплощение в табличной форме.

Методы конкретизируются в методике. При этом необходимо помнить, что методика - это конкретные приемы, средства получения и обработки фактического материала. Она производна от методологических принципов и основана на них. Выбор и применение различных методик исследовательской работы предопределяются и вытекают и из природы изучаемого явления, и из поставленных перед исследователем задач. Результатом применения методов является не только текст, но также таблицы, графики, диаграммы и иной иллюстративный материал, облегчающий восприятие информации.

На основе данных методов и методик научного исследования, научных теориях строится данное диссертационное сочинение.

Источниковая база исследования. Решение поставленных исследовательских задач с определенных методологических позиций необходимо с привлечением широкого круга источников. Подробно источниковедческий анализ представлен в первой главе диссертации. Здесь мы ограничимся общей характеристикой использованного корпуса документов, которые условно можно разделить на опубликованные и архивные и включают следующие виды документов: законодательные и нормативные акты; статистические материалы, делопроизводственную документацию; периодическую печать, мемуары, дневники и другие источники личного происхождения.

Издание различных документов по данной теме берет свое начало в правление императора Николая I, когда в свет вышло первое издание "Полного собрания законов Российской империи". В нем и других подобных изданиях ("Свод законов Российской империи") сосредоточены основные законодательные акты (манифесты, указы, правила и пр.), регулировавшие различные стороны жизни общества, в том числе региональных национальных общин. В дальнейшем опубликованные законодательные источники были дополнены последовательными редакциями целого ряда Уставов, регламентирующих положение отдельных категорий российских подданных в разных регионах.

Одним из информативных компилятивных опубликованных источников второй половины XIX – начала XX в. стали губернские "Памятные книжки" и "Обзоры". Наиболее ценной в них является приведенная статистическая информация. Именно в них публиковались,

например, данные однодневных переписей населения, проводившихся в сибирских городах. Кроме того, "Обзоры" основывались на губернаторских отчетах, ежегодно подававшихся в Министерство внутренних дел.

Использованные в нашем исследовании статистические данные были извлечены и из других печатных изданий. Так, например, активно использованы сводные данные Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., изданные Центральным статистическим комитетом МВД в 1904 – 1905 гг. Для нас наибольший интерес представляли тома по Тобольской, Томской губерниям и Акмолинской области.

Начало XX в. характеризуется развитием в Российской империи ведомственной статистики. Наглядным примером тому служат изданные в это время многочисленные экономические справочники. В изданиях, например, Министерства торговли содержится разноплановая информация о промышленных предприятиях в разных губерниях.

Вторая половина XIX – начало XX в. – время появления массовых источников (газет и журналов). Для нас наибольший интерес представляют региональные издания (губернские, городские), на страницах которых отражалась повседневная жизнь местных сообществ.

Еще одна группа опубликованных источников – воспоминания и мемуары. К сожалению, их количество невелико, что лишь повышает их ценность. Авторами, как правило, являлись высокообразованные люди, принимавшие участие в жизни национального сообщества (А. Новомейский, Г. Цам, Ю. Ручиньский, Г. Фаст) или наблюдавшие ее со стороны (Н. Лорер, В. Коковцов).

Однако использование в исследовательской работе исключительно опубликованных источников не позволяет решить поставленные задачи в полной мере. Это заставляет нас активно использовать документы, хранящиеся в различных архивохранилищах. Массив документов сосредоточен не только в центральных российских (Государственный архив Российской Федерации, Российский государственный исторический архив) и зарубежных (Центральный архив истории еврейского народа в Иерусалиме, Израиль), но и региональных архивах (Государственный архив Алтайского края, Государственный архив Томской области, Государственный архив в г. Тобольске).

Использованный корпус делопроизводственных документом можно разделить на несколько блоков: внутриведомственная документация (журналы заседаний); переписка (внутриведомственная, межведомственная, частная); отчеты и записки. Комплекс делопроизводственных документов позволил нам представить специфику российского законоприменения в XIX – начале XX вв., а так же выявить методы и способы принятия тех или

иных решений по вопросам, относящимся к жизни и деятельности рассматриваемых сообществ и их отдельных членов.

Архивные статистические источники носят, как правило, ведомственный характер и представлены в виде сводных материалов (отчетов, ведомостей и пр.) либо первичных статистических данных (переписные листы переписей 1897, 1916 и 1917 г.). Эти материалы нами активно использовались для реконструкции демографической картины и хозяйственных занятий различных групп населения.

В работе нами использован набор традиционных исторических источников. Однако принцип сравнительного изучения однопорядковых явлений, каковыми у нас выступают национальные общины, позволяет использовать различного рода документы более успешно. Это, в частности, отражено в их комбинаторности, что позволяет получить новую информацию.

Научная новизна и теоретическая значимость работы заключается в том, что впервые в историографии с позиций методологического синтеза рассматривается сравнительная история формирования отдельных европейских общин в российской провинции на (примере Западной Сибири) на протяжении XIX – начала XX вв., определяется их место в экономической жизни регионального социума с точки зрения компаративизма. В научный оборот введен обширный корпус как опубликованных, так и неопубликованных источников, в первую очередь, из фондохранилищ Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного исторического архива, Государственного архива Алтайского края, Государственного архива Томской области, Тобольского филиала Государственного архива Тюменской области. Автором вводятся в научный оборот новые источники законодательного (секретные циркуляры, не вошедшие в Полное собрание законов Российской империи) и делопроизводственного характера (секретная переписка государственных деятелей, журналы присутствий Комитетов, губернских органов власти, донесения агентов III Отделения), некоторые статистические материалы (отчеты Департамента неокладных сборов Министерства финансов, первичные карточки поземельных и сельскохозяйственных переписей 1916 г. и 1917 г.), материалы региональной периодической печати, позволяющие всесторонне исследовать как недостаточно освещенные, так и малоизученные проблемы истории формирования и развития различных меньшинств в условиях общественных трансформаций.

В диссертации дан анализ истории изучения еврейской, немецкой и польской общин в отечественной и зарубежной исторической науке на протяжении XIX - начала XXI в., произведена полноценная реконструкция процесса формирования еврейской, немецкой и польской общин в Западной Сибири в XIX – начале XX в. и выявлены его специфические черты в различные исторические периоды. Определена законодательная база, на основе которой

осуществлялись межрегиональные и внутрирегиональные миграции. На основе различных делопроизводственных и статистических источников проведена работа по определению в динамике численности отдельных этнических общностей, их концентрации на территории губерний и областей Западной Сибири. Впервые проведен поэтапный компаративный анализ по выявлению места и роли рассматриваемых европейских общин в региональной экономике.

В работе представлен разнообразный статистический материал, собранный нами из различных источников. Эти данные основаны на авторских расчетах и не имеют аналогов в научной литературе.

Научно-практическая значимость работы заключается в возможности применения результатов исследования при подготовке обобщающих трудов научного и учебного содержания по истории еврейской, немецкой, польской диаспор в России, колонизации и экономики Сибири, разработке учебных курсов и спецкурсов по истории национальных меньшинств в XIX – начала XX в., региональной экономической истории. Кроме того, результаты работы могут быть использованы при разработке отдельных аспектов национальной политики.

Научные результаты были использованы автором при чтении спецкурса по истории российских немцев на немецком отделении Славгородского педагогического колледжа (г. Славгород, Россия), по истории диаспор на историческом факультете Алтайского государственного университета (г. Барнаул, Россия), лекции по истории польской общины в Сибири на гуманитарном факультете Варминско-Мазурского университета (г. Ольштын, Польша), курсов "История стран Центральной и Восточной Европы" и "Культура, литература, искусство стран Центральной и Восточной Европы" для студентов отделения "Международное регионоведение (Центральная и Восточная Европа)" Невского института языка и культуры (г. Санкт-Петербург, Россия).

Применявшаяся для определения уровня социально-экономической дифференциации методика комбинационной группировки крестьянских хозяйств на основе двух экономических показателей (размер земельного посева и поголовье рабочего скота в расчете на одно хозяйство) в настоящее время применяется другими исследователями.

Итоги исследования были использованы в энциклопедических изданиях "Немцы России" (в 3-х тт.), "Исторической энциклопедии Сибири" (в 3-х тт.).

На защиту выносятся следующие положения диссертации:

- на протяжении XIX - начала XXI в. в отечественной и зарубежной исторической науке в рамках различных методологических парадигм шел процесс изучения истории еврейской, польской и немецкой общин как в России в целом, так и в отдельных регионах. Общественно-

политическая обстановка ставила перед исследователями различные вопросы, что привело к неравномерности и неравнозначности в изученности данных объектов в Западной Сибири применительно к XIX - началу XX в.;

- формирование еврейской, немецкой, польской общин в Западной Сибири на протяжении XIX – начала XX в. осуществлялось в общем контексте массовых миграций из Европейской России в Азиатскую часть страны;

- особенностью национальной политики в Российской империи XIX – начала XX в. стало отсутствие единого подхода к решению еврейского, польского, немецкого вопросов. Большое влияние оказывали субъективные и объективные факторы, что делало ее формирование спонтанным непоследовательным. Противоречивость нормативно-правовой сферы давало возможность чиновникам по-разному трактовать одну и ту же правовую норму, что приводило к разночтениям между законотворчеством и правоприменением и складыванию местной традиции;

- в различные исторические периоды формирование национальных общин осуществлялось за счет добровольной и принудительной миграций из внутренних губерний в Азиатскую Россию. Только на рубеже XIX - XX в. добровольная миграция стала главным источником роста их численности, что было связано с активизацией колонизационной политики в Сибири, Центральной Азии и на Дальнем Востоке. Правительство, заинтересованное в заселении и освоении огромной территории, вынуждено было допустить нерусские народы к водворению и включению в активную экономическую жизнь за Уралом. Начавшаяся Первая мировая война вновь сделала вынужденную миграцию (депортация, беженцы) основным источником для увеличения численности рассматриваемых групп населения;

- расселение евреев, немцев и поляков на территории Западной Сибири в рассматриваемый период зависело от социального статуса: ссыльные и крестьяне-переселенцы распределялись в сельской местности, мещане, купцы и дворяне – в городах. В вопросе поселения не последнюю роль играл экономический фактор: мигранты тяготели к источникам высоких и стабильных заработков, сырья, рынкам сбыта готовой продукции. Поэтому подавляющая масса евреев и поляков оказалась сконцентрирована в крупных городах (Томск, Тобольск, Омск) и их окрестностях, а немцы расселились в степных уездах Юга Западной Сибири;

- существовавшая в Российской империи на протяжении XIX в. юридическая практика предусматривала в качестве наказания за уголовные и административные правонарушения изменение сословного статуса осужденного. Преобладание высылки и ссылки как основных

форм наказания вело к формированию многочисленной прослойки ссыльных и ссыльнопоселенцев. Их последующее включение в региональную экономику заставило правительство разрешить им первоначально приписываться в разряд государственных крестьян, а в дальнейшем допустить их в мещанские и купеческие общества. Результатом стало присутствие представителей рассматриваемых общин во всех сословиях;

- хозяйственная деятельность евреев, немцев и поляков в дореформенный период была обусловлена их сословным статусом, поэтому подавляющая масса оказалась вовлеченной в поденщину, аграрное производство и переработку сельскохозяйственного сырья, выполнение подрядов. Изменение политического климата в 1860-х гг. привело к активному включению евреев, немцев, поляков в различные сферы экономики, начался процесс формирования национального предпринимательства. С 1880-х – 1890-х гг. они стали играть большую роль не только в производственной сфере (сельское хозяйство, переработка сельскохозяйственного сырья, строительство), но и сфере обслуживания (торговля, транспорт, здравоохранение, образование, адвокатура и др.). Наряду с русскими, евреи, немцы и поляки приняли активное участие в хозяйственном освоении новых территорий.

Апробация результатов исследования. Основные положения и выводы диссертации обсуждены на кафедре истории Национального минерально-сырьевого университета "Горный". Результаты исследования были доложены и обсуждены представителями научного сообщества на 25 международных, всероссийских, региональных научных и научно-практических конференциях по истории евреев в России (Барнаул, Москва, Санкт-Петербург, Кемерово, Алматы), российских немцев (Анапа, Москва, Санкт-Петербург, Барнаул, Омск, Томск, Новосибирск, Саратов, Красноярск), поляков в России (Санкт-Петербург, Минск, Краснодар). Предварительные результаты были опубликованы в 57 научных работах, в том числе 3 монографиях, 14 статьях на русском и английском языках в российских и зарубежных научных журналах, включенных в международные реферируемые базы данных Scopus и Web of Science, 15 статьях в ведущих научных журналах, рекомендованных ВАК РФ, 25 прочих публикациях.

Структура диссертации определена объектом и предметом исследования в соответствии с исследовательскими задачами и логикой изложения материала. Диссертация состоит из двух томов. Первый том включает введение, четыре главы, разделенные на параграфы, заключение, список сокращений и условных обозначений, словарь терминов, список использованной литературы и источников. Втоорой том состоит из 75 приложений (таблицы, графики, диаграммы, карты).

ГЛАВА 1. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ И ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ НЕМЕЦКОЙ, ПОЛЬСКОЙ И ЕВРЕЙСКОЙ ОБЩИН ЗАПАДНОЙ СИБИРИ XIX – НАЧАЛА XX В.

1.1. История изучения еврейской, немецкой и польской общин Западной Сибири в отечественной историографии XIX - начала XX в.

Обращаясь к историографическому обзору, мы оказались перед необходимостью решения серьезной проблемы. Когда речь заходит об истории изучения какой-то конкретной национальной группы, наиболее оправданным, несомненно, является проблемно-хронологический подход, позволяющий представить ход изучения различных сторон жизни общности с течением времени.

Перед нами стоит задача представить историографию одних и тех же явлений, но относящихся к различным общностям. Ситуация еще больше усложнена тем, что на процесс изучения еврейской, немецкой и польской общин в России в целом и отдельных регионах оказывали влияние самые различные аспекты, которые достаточно часто имели решающее влияние для какой-то одной общности. Это приводит к тому, что этапы развития истории изучения общин зачастую хронологически не совпадают. Например, для истории изучения российских немцев важной вехой явилась середина 1860-х гг., когда отмечалось 100-летие многочисленных немецких колоний в Поволжье. Для русской еврейской историографии заметным событием стал 1882 г., связанный с началом деятельности Высшей комиссии по пересмотру законов о евреях под председательством Палена (так называемая Паленская комиссия). Сам ход внутренних процессов в немецком, польском и еврейском обществах ставил на повестку дня необходимость обсуждения того или иного вопроса, что находило свое отражение в публикациях.

Кроме того, мы сталкиваемся с двумя подходами в историографии. С одной стороны, существует взгляд изнутри, представленный выходцами из еврейской, польской либо немецкой среды. На мнение автора, несомненно, оказывало влияние его происхождение и принадлежность к данной этнической группе. С другой стороны, существовал взгляд со стороны, который был озвучен представителями иных национальностей. И в том, и в другом случае мы сталкиваемся с известной долей субъективности, ибо национальные авторы склонны

к представлению картины в более радужных тонах, тогда как "внешние" исследователи рассматривали то же самое явление с более критических позиций.

Но не только национальный фактор оказывал влияние на содержание работ. Национальные авторы более тонко знали и понимали внутренние процессы, протекавшие в рассматриваемых общностях. Они могли объяснить те явления жизни, в которых стороннему наблюдателю было сложно разобраться.

В нашем случае историографический обзор будет представлен с учетом особенностей рассматриваемого объекта.

Изучавшиеся произведения изначально разделены на отечественные и зарубежные. Отечественная историография будет структурирована по хронологическому принципу, принятому в современной российской исторической науке: досоветский период (XIX в. – 1919 г.); советский период (1920 – 1991 гг.); современный период (с 1992 до 2013 г.). В определенных временных границах исследования будут проанализированы с учетом содержания материала: от общих работ, посвященных истории отдельных общин в рассматриваемый период, к работам частного характера, в которых представлены результаты исследования отдельных аспектов (правовых, экономических, демографических и иных) региональной жизни общностей. Характеристика истории изучения еврейской, немецкой и польской общин параллельно в рамках определенного периода позволит выявить степень интереса к их истории в целом и отдельным проблемам в частности. Это даст основание для сравнительных выводов.

Анализ зарубежных исследований будет представлен по хронологическому принципу с учетом национального фактора объекта исследования. Это позволит продемонстрировать интерес исследователей из других стран к истории национальных общин в российской провинции на примере Западной Сибири.

XIX – начало XX в. прошли в Российской империи под знаком зарождения и развития национального движения. Это было связано с возникновением национального Просвещения, которое изменило внутреннюю жизнь диаспор и их взаимоотношения с окружающим большинством. Этот процесс протекал диахронно, а потому и однопорядковые изменения в жизни этнических групп начинались в различные временные периоды.

Польское Просвещение, зародившееся во второй половине XVIII века, оказало радикальное воздействие на жизнь польского населения, оказавшегося в результате разделов Речи Посполитой в составе России, Австрии и Пруссии. Питавшееся им стремление к восстановлению независимого государства толкало поляков к вооруженной борьбе на протяжении всего XIX в.

Еврейское Просвещение (Гаскала) привело к радикальным изменениям традиционной жизни еврейских общин в Восточной и Центральной Европе, породив различные идеологические течения (маскилим, хасидизм и др.). В Российской империи идеи Гаскалы начали активно распространяться лишь на рубеже XVIII – XIX вв., а потому и последствия деятельности просветителей начали проявляться лишь в середине XIX в.

Российские немцы, оторванные от материнского этноса добровольным переселением 1760-х – 1810-х гг., оказались вне влияния возрождения немецкой национальной идеи в конце XVIII – XIX вв., а потому вплоть до 1870-х – 1890-х гг. они в идеологическом отношении развивались в рамках христианских церковных и сектантских вероучений раннего Нового времени.

Возникновение и распространение идей национального Возрождения протекало на фоне бурного общественно-политического развития Российской империи. Идеологическое многообразие породило различные взгляды на одни и те же явления жизни страны, что нашло свое отражение в многочисленных публикациях XIX – начала XX вв.

Российское государство, включившее в свой состав различные народы и народности, должно было выработать собственное к ним отношение. Проще всего было выработать механизм взаимодействия с немецкими колонистами, которые изначально являлись отдельной социальной группой, проживавшей изолированно от окружавшего их большинства, - немецкие колонии были аполитичны, а потому сохраняли свое уникальное положение вплоть до эпохи "Великих реформ".

Национальная политика в отношении поляков строилась на стремлении подавить национально-освободительное движение и свести к минимуму польскую автономию в Российской империи. Польские восстания 1830 – 1831 гг. и 1863 г. не способствовали общей либерализации позиций властных институтов в польском вопросе, хотя периоды репрессий всегда сменялись "оттепелью".

С рубежа XVIII – XIX вв. российские власти столкнулись с необходимостью решения еврейского вопроса. Попытки "загнать" его в рамки уставов и иных нормативно-правовых актов не принесли своих результатов. Это привело к тому, что на протяжении всего XIX века периодически предпринимались попытки изменить положение еврейского населения в России в целом либо ее отдельных частях. Но в течение всего XIX – начала XX в. позиция властей не отличалась последовательностью: достаточно часто либеральные мероприятия соседствовали с консервативными, что делало звучание еврейского вопроса еще более острым.

Национальная тема невольно возникала на страницах монументальных исторических исследований, появившихся в XIX – начале XX в. Во многом это объясняется тем, что в разные периоды своей истории Российское государство сталкивалось с еврейским, немецким и

польским факторами, которые оказались со времен зарождения государственности вписанными в отечественную историю. А потому у Н.М. Карамзина, С.М. Соловьева, В.О. Ключевского и других русских историков эти факторы нашли свое отражение.

При этом вплоть до 1880-х – 1890-х гг. на страницах журналов и в отдельных публикациях по истории национальных общин "сибирская" тема не возникала. Но к этому моменту был накоплен определенный опыт в изучении еврейской, немецкой и польской общин. Несомненно, это стало существенной базой для зарождения нового направления в исследованиях.

Уже во второй четверти XIX в. появились первые публикации, в которых в центре внимания оказались рассматриваемые нами национальные общности (еврейская, немецкая). В 1830-х – 1840-х гг. на страницах ведомственных журналов были опубликованы статьи, в которых рассматривались различные аспекты жизни немецких колонистов в Среднем Поволжье и на Юге России. Так, в статье анонимного автора "Историческое обозрение водворения иностранных поселенцев в России"[1] приводилась не только хроника событий, но и давались определенные аналитические оценки. Например, автор указывал на то, что "не одно только заселение обширных невозделанных пространств было конечной целью сей мысли; но и улучшение самого земледелия и домоводства природных подданных, через знакомство с усовершенствованными орудиями и лучшими способами, кои должны были принести с собой иностранные поселенцы; распространение рукоделий, промышленных искусств и торговли в городах, которые столь счастливо размножились и двинулись на пути к преуспеванию"[2].

Традиция собирательства исторических и культурных ценностей переросла во второй четверти XIX в. в самостоятельные исследования. Одним из известных авторов этого времени был А.А. Скальковский, из-под пера которого вышло в свет несколько работ, в том числе по истории Новороссийского края, в которых он обращался к характеристике немецких колоний[3]. Будучи руководителем статистического комитета Новороссийского края и основателем архива в Одессе, он активно использовал в своих работах исторические источники по истории региона. Имея богатейший опыт, он не ограничился статическим фиксированием фактов, а давал рассматриваемым явлениям достаточно емкие характеристики. Рассуждая о роли и месте менонитских колоний на Юге России, он писал, что "влияние их на край ничтожно, тогда как при большей сообщительности могло быть безмерно"[4].

---

[1] Б/а. Историческое обозрение водворения иностранных поселенцев в России // Журнал Министерства внутренних дел. Ч. XXVI. 1837. № 12. С. 427 – 453.

[2] Там же. С. 428.

[3] См., напр., Скальковский А.А. Опыт статистического описания Новороссийского края. В 2-х частях. Ч. 1. Одесса, 1850; Ч. 2. Одесса, 1853.

[4] Скальковский А.А. Опыт статистического описания Новороссийского края. В 2-х частях. Ч. 1. Одесса, 1850. С. 29

Нельзя согласиться и с утверждением некоторых историографов, которые начинают отсчет изучения истории русского еврейства с работы С.И. Фина[1] 1860 г. На протяжении конца XVIII – первой половины XIX вв. в России появляются первые работы, в которых еврейская диаспора являлась объектом изучения, и в которых давался краткий экскурс в ее историю. Труд С.И. Фина, посвященный истории еврейской общины Вильно, может рассматриваться как начало осмысления евреями собственной истории в Восточной Европе и России и его места в принимающем обществе.

В конце правления Николая I в силу целого ряда обстоятельств в правящих кругах Российской империи нарастал интерес к национальному вопросу и способам его решения. В значительной степени подобная ситуация стала отголоском реформаторских мероприятий в отношении выходцев из иностранных государств (немцев, шведов, евреев, поляков и пр.), осуществленных при Павле I и Александре I. Это нашло отражение, в частности, в многочисленных публикациях на страницах ведомственных периодических изданий: "Журнала Министерства внутренних дел", "Журнала Министерства государственных имуществ" и др.

В 1850-е гг. еврейский вопрос переживает свое рождение на страницах ведомственных журналов, в которых представлялась история еврейской крестьянской колонизации начала XIX в.[2] В статьях "Журнала Министерства государственных имуществ" в достаточно пафосном тоне представлены немногочисленные успехи властей по улучшению положения евреев в результате переселения в Новороссию. Однако авторы отмечали провал переселенческой кампании и отмечали нежелание большинства евреев уезжать с прежнего места жительства. Повышенное внимание же к польскому вопросу подогревалось активизацией национально-освободительного движения в Царстве Польском в 1830-х – начале 1850-х гг.

Во второй четверти XIX в. появились первые научные публикации, в которых евреи стали объектом изучения. Так, например, в 1841 г. на страницах "Санкт-Петербургских ведомостей" была опубликована работа П.И. Кеппена о численности еврейского населения в 1838 г.[3] Позднее она была издана отдельным оттиском и переведена на немецкий язык. Основываясь на

---

[1]. Трунк И. Историки русского еврейства // Книга о русском еврействе: от 1860-х годов до революции 1917 г. – Иерусалим – М., 2002. С. 16.

[2]. История и статистика колоний иностранных поселенцев в России. Историческое обозрение водворения иностранных поселенцев в России // Журнал МГИ. 1854. Ч. 52. № 8. С. 35-78; Учреждение новых колоний в царствование Императора Александра I // Журнал МГИ. 1854. Ч. 52. № 10. С. 1-34; Историческое обозрение колоний в царствование императора Николая I // Журнал МГИ. 1855. Ч. 54. № 2. С. 71 – 88; Распределение колоний по губерниям // Журнал МГИ. 1855. Ч. 55. с. 57-88. С. 121-138.

[3]. Кеппен П.И. О числе евреев в Российской губернии в 1838 году // Санкт-Петербургские ведомости. СПб., 1841. - № 76.

данных ведомственной статистики, автор представил комментированные сведения о численности и распределении евреев по губерниям. Основное внимание уделено так называемой "черте оседлости", в которой в это время проживало подавляющее большинство российского еврейства.

Таким образом, во второй четверти XIX в. были заложены основы для изучения истории немцев и евреев в России. Естественно, что появившиеся в это время немногочисленные публикации носили разрозненный характер. Их авторы, как правило, сталкивались с немцами-колонистами и евреями в силу собственной профессиональной деятельности, поэтому их суждения носили вполне официальный характер.

"Великие реформы" Александра II способствовали формированию буржуазного общества. Либерализация политического режима способствовала бурному развитию периодической печати в России в 1860-е – 1870-е гг., что ознаменовалось появлением большого количества новых печатных изданий как в обеих столицах, так и провинции. Именно они стали основным источником информации в стране.

На страницах газет и журналов, издававшихся в различных частях Империи и проповедовавших разные идеологические установки, присутствует большое количество материалов о повседневной жизни еврейского населения. В них рассматривались его правовое положение, экономическая деятельность евреев, особенности внутреннего самоуправления, религиозная жизнь и т.д. Авторами этих произведений являлись выходцы из еврейских местечек, получивших среднее или высшее образование. Они относились к маскилам, выступавшим за секуляризацию еврейской повседневной жизни. Реформы Александра II дали им возможность поселиться в Петербурге, Москве и других городах, где они занимались литературным творчеством или имели юридическую практику.

В последней трети XIX в. некоторые издания, в первую очередь, русско-еврейские ("Восход", "Сион", "День", "Вестник русских евреев") предприняли попытку сформировать в русском обществе позитивный взгляд на иудеев. В значительной степени это достигалось путем привлечения к сотрудничеству профессиональных юристов, статистиков, педагогов, которые писали статьи на определенные темы. В них, в частности, культивировалась идея о положительном влиянии еврейского общества на окружавшее его иноэтничное и иноконфессиональное население. Это была ответная реакция на волну негативных публикаций в местной и центральной печати. Именно эти издания стали своего рода площадкой для формирования русской иудаики.

Одним из наиболее активных еврейских публицистов конца 1860-х – первой половины 1870-х гг. был И.Г. Оршанский (1846 – 1876 гг.). Будучи юристом, он опубликовал ряд работ,

посвященных особенностям еврейского судопроизводства[1]. Однако достаточно быстро он увлекся национальной историей, что нашло выражение в очерках "Евреи в России" (СПб., 1872). В них автор стремился доказать, что "недостатки евреев обуславливаются внешними условиями их быта, что ходячие понятия о зловредности евреев в народно-хозяйственном отношении суть плод предубеждений и опровергаются фактами действительной жизни"[2]. Рассматривая особенности экономической жизни евреев в различных частях Российской империи в XIX в., автор указывал на некоторые противоречия, существовавшие как внутри еврейской общины, так и в ее отношениях с властями. Так, он обращал внимание на то, что в результате буржуазных реформ 1860-х гг. и начавшегося капиталистического развития России, положение евреев в значительной степени ухудшилось, и тому им были приведены многочисленные примеры[3]. Анализируя особенности экономической жизни еврейства в Западном крае и в Новороссии, И. Оршанский пришел к интересному выводу: чем больше евреи рассеяны между христианским населением, чем слабее их старая общественная и духовная организация, тем выше уровень их благосостоятельности[4].

Итогом многолетней работы И. Оршанского стали две объемные работы, посвященные истории правового положения евреев в Российской империи и особенностям их экономической жизни и общественного быта, изданные посмертно[5]. Наибольший интерес представляет его труд о русском законодательстве применительно к евреям, основной лейтмотив которого сводится к критике властей за реализацию ограничительных мероприятий как в черте оседлости, так и в России в целом. Автором на конкретных примерах демонстрируется противоречивость государственной политики в отношении еврейства и взглядов политических деятелей второй половины XVIII – начала XIX вв., которые заложили основу для решения еврейского вопроса в России. В центре внимания оказываются фигуры Екатерины II и Г.Р. Державина. Разрешение евреям селиться в Новороссии, данное Екатериной II, автор склонен объяснять "не столько либеральным отношением ... к евреям, сколько крайней нуждою в людях для заселения обширного и пустынного края"[6]. Последний получал же и вовсе нелестную характеристику: Оршанский отнес его к людям "легковерным и близоруким"[7]. Несмотря на это

---

[1]. См., напр.: Оршанский И.Г. Раввинский суд // День. СПб., 1871. - № 2.

[2]. Он же. Евреи в России. Очерки и исследования. СПб., 1872. с. I.

[3]. Там же. С. 8-11.

[4]. Там же. С. 30.

[5]. Оршанский И.Г. Евреи в России. Очерки экономического и общественного быта русских евреев. СПб., 1877; Он же. Русское законодательство о евреях. СПб., 1877.

[6]. Он же. Русское законодательство о евреях. СПб., 1877. С. 251.

[7]. Там же. с. 258.

он достаточно высоко оценил меры, предложенные Державиным для изменения положения еврейского населения, называя их "большей частью довольно разумными"[1].

Работы И. Оршанского характеризуются тем, что в них автор отошел от "декламативного сентиментальничания" и "обратился к строго научной разработке различных элементов еврейского вопроса"[2]. В частности, им было заложено одно из основных направлений в отечественной историографии русского еврейства – изучение законодательной политики государства в отношении еврейского народа.

В эпоху правления Александра III национальный вопрос стал одним из ключевых во внутренней политике. Шел процесс ужесточения законодательства в отношении еврейского населения (деятельность Высшей комиссии под председательством графа Палена и принятие Временных правил в 1882 г.), активно проводилась насильственная русификация национальных окраин. На окраинах государства заговорили о "засилии" евреев, немцев и пр., что повлекло за собой трагические события (погромы и пр.). Великодержавный шовинизм был возведен в ранг официальной точки зрения. Все это не замедлило отразиться на страницах работ, вышедших в рассматриваемый период.

Одним из первых на "вызов" времени ответил Н.Н. Голицын (1836 – 1893 гг.). Занимая должность Подольского вице-губернатора, он в силу служебного положения вынужден был столкнуться с еврейской проблемой, к изучению которой он подошел достаточно обстоятельно, результатом чего стала его первая объемная работа[3]. В дальнейшем интерес к еврейской теме только укреплялся. Уже в 1876 г. был опубликован его труд "О необходимости и возможности проведения еврейской реформы в России", который был адресован министру внутренних дел А.Е. Тимашеву. В 1886 г. он откликнулся новой публикацией на попытки пересмотра Временных правил 1882 г., которые были выработаны комиссией Палена и значительно ухудшили положение евреев[4]. К этому моменту им проделана колоссальная работа по сбору и изучению законодательства в отношении евреев. Своего рода промежуточным результатом исследовательской деятельности стало издание в 1884 г. хронологического указателя к законодательным актам о евреях России, обнародованным в 1768 – 1873 гг.[5].

---

[1]. Там же. С. 261.

[2]. От издателей // Оршанский И.Г. Русское законодательство о евреях. СПб., 1877. С. VI.

[3]. Голицын Н.Н. Записка по еврейскому вопросу. Каменец-Подольский, 1873.

[4]. Он же. О пересмотре "Временных правил" 3 мая 1882 года. СПб., 1886.

[5]. Он же. Список главнейших законоположений о евреях (в порядке законодательных инстанций и хронологическом). 1768 – 1873 гг. СПб., 1884.

Основные мысли Н. Голицына по еврейскому вопросу были изложены в нескольких трудах, опубликованных в середине 1880-х гг.[1] Многие выводы были неоднозначно восприняты как современниками[2], так и специалистами более позднего времени. Так, например, в еврейской историографии за Н. Голицыным закрепилась негативная оценка, в первую очередь, за оправдание дискриминационной политики в отношении еврейского населения, начиная с Комитета 1802 г.

Справедливости ради необходимо отметить критичный подход Н. Голицына ко многим событиям и историческим персонажам. В отличие от своих предшественников, например, Оршанского, он характеризовал Екатерину II как либерального и просвещенного монарха. Нерешенность же еврейского вопроса объяснялась им консервативностью русского общества и сохранением тех идей, которые были высказаны еще в предшествующие правления. Не останавливаясь на личностной характеристике Державина, Н. Голицын дал достаточно емкую оценку его "Записке". И в этом отношении он выступил скорее как критик, чем сторонник сенатора. Высказанные предложения были, по его мнению, достаточно смелыми, но слабое знание предмета, работа и написание документа "по живому", не позволяло им стать основой "всеобщей реформы русского еврейства"[3]. Однако значение этого проекта нельзя недооценивать: в нем были указаны "больные места", "главные пункты реформы", которые так и не были выполнены в течение последующего периода.

Однако, несмотря на свою объемность, работа вызвала в значительной степени негативную реакцию общества. Это нашло свое отражение в ряде публичных рецензий. Автором одной из них был В.Н. Никитин, представивший свое впечатление о прочитанном в брошюре "Удивительное беспристрастие" (СПб., 1887). Он открыто обвинял Голицына в плагиате, неоднократно заявляя о том, что "князь Голицын не только со мной, но и с логикой не церемонится и противоречиями не смущается"[4].

На этом фоне развернул свою исследовательскую деятельность В.Н. Никитин (1839 – 1908 гг.) – личность достаточно интересная. Известно, что он был евреем по рождению, детские годы провел на положении кантониста, но сумел сделать карьеру и занимал посты одного из директоров Санкт-Петербургского тюремного комитета и чиновника особых поручений при

---

[1]. Он же. Записка о развитии русского законодательства о евреях. СПб., 1884; Он же. История русского законодательства о евреях. СПб., 1886.

[2]. См., напр.: Никитин В.Н. Удивительное беспристрастие ("История русского законодательства о евреях". Сочинение кн. Н.Н. Голицына). СПб., 1887.

[3]. Голицын Н.Н. История русского законодательства о евреях. Т. 1. СПб., 1888. С. 263.

[4]. Никитин В.Н. Удивительное беспристрастие ("История русского законодательства о евреях". Сочинение князя Н.Н. Голицына. Санкт-Петербург, 1886 г.). СПб., 1887. С. 13.

министре государственных имуществ[1]. На протяжении нескольких лет он работал над своим исследованием "Евреи земледельцы. 1807 – 1887 гг." (СПб., 1887), отдельные части которого публиковались в журнале "Восход". Будучи крупным чиновником, Никитин имел доступ к первоисточникам. В своей работе он использовал большой комплекс делопроизводственных документов, хранившихся в архиве Министерства государственных имуществ, что позволило ему представить общую картину некоторых сюжетов, например, переселенческой кампании в Сибирь. К сожалению, на тот момент отсутствовала практика ссылки на конкретные архивные источники, но проведенные нами текстовые сравнения не позволяют усомниться в этом.

Отличительной чертой этого произведения являлось наличие в нем историографического обзора работ, в которых рассматривалась данная проблематика.

На страницах своего объемного сочинения В. Никитин достаточно подробно представил позиции министра финансов Е.Ф. Канкрина, министра внутренних дел Д.Н. Блудова, шефа III Отделения А.Х. Бенкендорфа в попытке решить еврейский вопрос.

Достаточно много внимания уделено истории колонизации начала XIX в. В. Никитин дал положительную оценку действиям властей в вопросе переселения евреев из белорусско-литовских губерний в Новороссию, считая, что, тем самым, оно стремилось улучшить их экономическое положение. Его заслугой стал и проведенный первичный анализ мнений, существовавших в окружении Николая I по этому вопросу.

Именно В. Никитин впервые на основании документов описал кампанию по неудачному переселению евреев в Тобольскую губернию и Омскую область в 1835 – 1837 гг. В девятой главе, посвященной этому вопросу, он скрупулезно восстановил в деталях картину подготовки и реализации этого проекта. Инициатором направления евреев из городов и местечек черты оседлости в Сибирь он считал Канкрина, который заявил об отсутствии свободных государственных земель в губерниях в черте оседлости, на которые можно было бы вывести земледельческие колонии. По мнению В. Никитина, Министерство финансов сделало все, чтобы обеспечить успех переселенческого движения, подкрепив его финансово. В то же время он обратил внимание на непоследовательность действий министра внутренних дел Д.Н. Блудова, позиция которого в значительной степени определила провал переселенческой кампании.

Несомненной заслугой автора стало введение в научный оборот архивных документов из фондов Министерства внутренних дел. В отличие от исследователей последующих лет, он не дал количественных данных о переселенцах-евреях этого времени, сославшись лишь на текст манифеста 1837 г., запретивший переселение и проживание иудеев в Сибири, согласно

[1] Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. Т. XXI. С. 79.

которому в Сибирь пожелало переселиться "1317 совершеннолетних мужских душ (кроме самовольно ушедших в Сибирь, - а верного числа их никто не знал)"[1]. Правда, исследователи более позднего времени воспримут эти данные буквально.

Таким образом, обратившись к описанию еврейских колоний в историческом, законодательном, административном и бытовом отношении Никитин стал основоположником еще одного направления в изучении еврейской истории в России – истории еврейской аграрной колонизации и колоний.

На 1880-е – первую половину 1890-х гг. пришелся непродолжительный период научной деятельности профессора Санкт-Петербургского университета С.А. Бершадского (1850 – 1896 гг.). Так же как и Голицын, он вошел в историю изучения русского еврейства как собиратель и исследователь исторических документов, которые были подвергнуты тщательной обработке. В течение почти 20 лет издавались собранные им документы и материалы в "Русско-еврейском архиве" (1882 - 1903). По праву его можно считать основоположником русско-еврейской археографии. Вклад С. Бершадского был высоко оценен современниками[2].

На протяжении последней трети XIX в. было опубликовано большое количество работ касательно русского еврейства. Их авторами были не только евреи, но зачастую русские литераторы, публицисты, среди которых видное место занимали Ф.М. Достоевский, Н.С. Лесков и др.

Одна из первых попыток сгруппировать различные по форме и содержанию печатные материалы относительно еврейства в России и отдельных регионах была предпринята В.И. Межовым в 1875 г.[3] Им была проделана колоссальная работа по сбору и систематизации отдельных монографических работ научного, научно-популярного содержания, журнальных и газетных материалов. Их анализ позволяет сделать вывод о том, что в рассматриваемый период подавляющая часть работ, в которых рассматриваются этнографические, статистические, экономические аспекты жизни евреев России, была написана на материале губерний, входивших в черту оседлости. В некоторых случаях они публиковались на страницах региональных или столичных печатных изданий (например, "Губернских ведомостей", "Санкт-Петербургских ведомостей" и пр.), но были случаи публикации научных и научно-популярных очерков о еврейском населении в "Памятных книжках"[4] и научных журналах[1].

---

[1]. Никитин В.Н. Указ. соч. С. 207.

[2]. См., напр.: Дубнов С.М. Об изучении истории русских евреев и об учреждении русско-еврейского исторического общества. СПб., 1891. С. 34; Брудо А.И. С.А. Бершадский как историк русских евреев. СПб., 1896.

[3]. Библиография еврейского вопроса в России с 1855 по 1875 год / Сост. В.И. Межов. СПб., 1875.

[4]. См., напр., Корев А.К. Евреи Виленской губернии / Памятная книжка Виленской губернии на 1860 год. Вильно, 1859. Ч. 2. С. 37 – 38.

Таким образом, 1850-е – 1880-е гг. характеризуются зарождением российской иудаики. В центре внимания авторов оказывались вопросы, связанные с историческим прошлым еврейского народа, проживавшего на территории Восточной Европы. Шел активный процесс выявления исторических и иных источников, которые профессионально описывались и вводились в научный оборот. Авторами исследований являлись как представители русского еврейства, так и представители иных национальностей. Это привело к тому, что уже в этот период достаточно четко обозначились два формальных подхода к изучению истории еврейского народа в Российской империи, окончательно сформировавшиеся на рубеже XIX – XX вв. в дискуссии С. Дубнова и Ю. Гессена, о которой будет сказано далее, - на основании внутренних общинных источников (пинкасы и прочие) и внешних источников, влиявших на жизнь общин (законодательные и прочие нормативно-правовые акты).

Несомненно, 1860-е – 1870-е гг. стали важной вехой в истории изучения отдельных национальных сообществ в России. Это в полной мере относится не только к еврейской диаспоре, но и к российским немцам.

Одна из первых работ, посвященных истории российских немцев, была написана в 1860-е гг. А. Клаусом[2]. В ней автор попытался дать оценку значения немецкой колонизации в России спустя 100 лет с момента ее начала. Богатый опыт работы с официальными документами (Клаус был статистиком) объясняют выбор тех источников, которые он использовал при написании своего труда. На обширном законодательном, делопроизводственном, статистическом материалах, воспоминаниях колонистов различных лет автор воссоздал историю отдельных колоний, представил читателю достижения, которые были достигнуты немецкими колонистами в различных районах поселения. Самостоятельную роль до сих пор играет приложение, содержащее в себе ценную информацию. Значение этой работы столь велико, что она используется до сих пор исследователями не только в качестве самостоятельного исследования, но так же и как источник.

Как мы видим, первые работы по истории немецких колонистов в России, также как и по истории еврейской диаспоры, были направлены на создание у российского обывателя позитивного представления об этнической группе, которая на протяжении десятилетий проживала изолированно от окружавшего его населения. И в этом же случае первыми авторами были выходцы из данной общности, знавшие ее жизнь изнутри.

---

[1]. См., напр., О Еврейском населении Виленской губернии // Известия Русского географического общества. 1873. - № 4.

[2]. Клаус А. Наши колонии. СПб., 1869.

Несколько иначе выглядела история изучения польского населения. Вне всякого сомнения, польский вопрос, наряду с еврейским, был одним из важных составляющих общественно-политического развития России XIX в., а потому события, происходившие в Царстве Польском, всегда вызывали повышенный интерес. Выступления 1830-1831 гг., 1863 г. нашли свое отражение на страницах "толстых" журналов. Правда, анализ публикаций конца XIX – начала XX в. по польскому вопросу приводит нас к выводу о том, что большая их часть – воспоминания и мемуары участников и современников событий (Валуев П.А., Миркович Ф.Я., Венюков М.И., Милютин Н.А. и др.).

Собственно исследований до конца XIX в. было крайне мало. Отсутствие серьезных исследовательских работ было связано с недоступностью архивных фондов. Как отметил в своей работе Л.Е. Горизонтов: "Доступ к архивам – привилегия XX века"[1]. Первые научно-популярные работы появились на рубеже XIX – XX вв. Авторами работ были не только университетские преподаватели, но и военные историки. Например, в 1886 г. по распоряжению начальника Николаевской академии Генерального Штаба М.И. Драгомирова была издана подготовленная А.К. Пузыревским[2] работа "Русско-польская война 1831 года". На содержание исследования оказало влияние несколько факторов: автор был военным историком и преподавателем упомянутого учебного заведения. В авторском предисловии указано, что данное событие "столь же поучительно для русского офицера в теоретическом, так и практическом отношениях"[3]. И главная задача работы сводилась к тому, чтобы дать понять читателю, почему столь долго длилось противостояние "могущественного государства, обладавшего громадным запасом личных и материальных средств" и "относительно слабой, с небольшими средствами и вооруженной силой страной"[4]. Автор, несомненно, выступал с охранительных позиций, указывая на то, что восставшими двигала "ложная, неосуществимая политическая идея"[5]. Но в то же время он стремился в своей работе быть объективным, а потому затяжной характер кампании объяснял не только силой русской армии, но и воодушевлением, охватившим поляков. А. Пузыревский блистательно реконструировал ход военных действий. Свое повествование он основывал на многочисленных документах,

---

[1]. Горизонтов Л.Е. Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше. М., 1999. С. 24.

[2]. Пузыревский Александр Казимирович (1845 – 1904) – генерал от инфантерии (1901), военный историк и теоретик, профессор Академии Генерального Штаба по кафедре военного искусства (1889), член Государственного Совета (1904). В 1890 году назначен начальником штаба Варшавского военного округа. Преподавал Наследнику Цесаревичу (Николаю II), историю военного искусства.

[3]. Пузыревский А.К. Русско-польская война 1831 года. СПб., 1886. С. I.

[4]. Там же.

[5]. Там же.

опубликованных и рукописных материалах (уже в предисловии дана их содержательная характеристика, всего упомянуто 25 работ на русском, польском и французском языках). Но изначальная цель, стоящая перед автором, не позволила ему посмотреть на последствия восстания.

Таким образом, к 1890-м гг. оформились основные историографические тенденции, связанные с изучением еврейской, немецкой и польской диаспор в России. Главная из них сводилась к необходимости создания позитивной картины об истории и современном положении данных обществ у прочих подданных Российской империи. Каждое направление развивалось независимо друг от друга и в немногочисленных работах этого времени авторы рассматривали один и тот же объект, но в различных плоскостях.

С 1890-х гг. под влиянием различных событий немецкая и еврейская тема начинают все чаще пересекаться на общероссийском и региональном уровнях, так как все чаще в печатных изданиях нагнеталась истерия об иноземном засилье в России и необходимости решения национального вопроса.

Так, в свет вышли работы, в которых рассматривались отдельные аспекты положения российских немцев. В основном они касались экономической сферы и стали своего рода идеологической основной "антинемецкой" кампании в России. Одной из наиболее одиозных работ этого периода стала книга петербургского чиновника-ревизора А.А. Палтова (Велицына) "Немцы в России. Очерки исторического развития и настоящего положения немецких колоний на Юге и Востоке России" (СПб., 1893). Отдельные статьи, которые легли в основу книги, были опубликованы в свое время на страницах журнала "Русский вестник", который был в последний период своего существования одним из наиболее авторитетных консервативных "толстых" периодических изданий.

Уже во введении автор отметил изолированность немецких колоний, заявляя, что ему "удалось заглянуть в этот закрытый для русского глаза мирок, который создали у нас немцы, и который они ревниво охраняют от всякого внешнего влияния"[1]. Весь лейтмотив работы сведен к одной мысли – немецкие колонии в России есть форпост влияния Германии. Чрезмерное раздражение Палтова вызывало не столько нищенское положение русского и украинского крестьянства, доведенного до такого состояния бывшими русскими помещиками и проживавшего по соседству с немцами, сколько экономическое благосостояние бывших колонистов, основанное не только на государственной поддержке, но и протестантской капиталистической культуре.

[1] Велицын А.А. (Палтов). Немцы в России. СПб., 1893. С. 1.

Поверхностное знакомство петербургского чиновника с особенностями экономической, социальной и религиозной жизни колонистов Новороссии и Поволжья привело его к мнению о необходимости избавиться от "немецкого засилья" в экономике России.

Надо сказать, что эта работа вызвала неоднозначную реакцию в обществе. Одни приветствовали ее появление, выступая за немедленную ликвидацию немецкого землевладения, другие же стремились доказать безосновательность утверждений А. Велицына[1].

В это же время в литературе параллельно возникла дискуссия о еврейских земледельческих колониях Юга России. Она нашла свое выражение в серии работ еврейских и нееврейских авторов. Неоднозначную реакцию вызвала работа представителя екатеринославского земства И.В. Канкрина "Еврейские земледельческие колонии Александровского уезда Екатеринославской губернии" (Екатеринослав, 1893), которая отразила настроения в различных частях националистически настроенного российского общества. Публикация была построена на основе богатого земского статистического материала. На основе его анализа автор дает оценку тенденциям экономического развития еврейского землевладения в Южной России. В частности, им акцентировано внимание на том, что в течение пореформенного периода в руках евреев сосредотачивается значительный земельный фонд. Однако автор доказывал главную угрозу русской экономике тем, что сами евреи не занимаются обработкой земли, а сдают ее в аренду русским и украинским крестьянам. Тем самым, в работе вновь прозвучала идея об эксплуатации христианского населения еврейством, которую необходимо пресечь.

Подобного рода работы стали отражением мнения определенных кругов русского общества, формировавшихся под влиянием экономических процессов. Капитализм породил жесткую конкурентную борьбу между различными промышленными группами, которые достаточно часто формировались в это время по национальному признаку. А потому русские промышленные круги часто использовали в качестве способа укрепления своих позиций национальный фактор, нагнетая истерию вокруг несуществующего ущемления русских экономических интересов.

К началу XX в. в исторической науке был накоплен опыт изучения истории отдельных национальных групп. Правда, в этом процессе были определенные особенности. Так, авторами исследований в области иудаики были выходцы из еврейской среды, ставившие перед собой цель познакомить прочее население Российской империи с прошлым русского еврейства и развенчать многочисленные мифы, распространявшиеся в обществе. Их высокая издательская активность объяснялась нарастанием антисемитских настроений в российском обществе, которые находили

---

[1] См., напр., Каменский П.В. Вопрос или недоразумение? (К вопросу об иностранных поселениях на Юге России). М., 1895.

свой выход в многочисленных погромах с начала 1880-х гг. и ангажированных политических процессах.

В то же время российские немцы не смогли породить из своей среды творческую "интеллигенцию", которая бы занялась восстановлением исторического бытия немецкого этноса в России. За них этим занимались немногочисленные ученые, которых эта тема интересовала исключительно с научной точки зрения.

Так, одним из центров научного изучения истории немцев-колонистов в России в конце XIX в. стал Варшавский университет. Это произошло во многом благодаря тому, что профессором по кафедре русской истории с 1887 по 1897 гг. был Дмитрий Владимирович Цветков, занимавшийся изучением жизни и деятельности иностранцев и инородцев протестантского и католического вероисповеданий и отношения русских к этим людям и к западноевропейской культуре и образованности в допетровской России. В 1891 г. здесь была опубликована его работа "К истории изучения вопроса об иностранцах в России". В ней автор фактически определил основные направления, которым должны были следовать ученые. В частности, он указал на то, что "верное раскрытие культурной деятельности чужеземцев возможно, конечно, только после ближайшего ознакомления с ними. Подобно тому, как нельзя безошибочно судить о следствии не зная причины, так точно трудно говорить о деятельности, когда наперед не знаем самого деятеля"[1]. По его мнению, "в русской исторической науке должен народиться вопрос о самих иноземцах и условиях, при которых они действовали. Возникла надобность узнать, что это были за чужие люди, которые жили в Московском государстве и западали в него, изучить их свойства и качества, занимаемое ими у нас положение, их быт общественный и частный, церковный и гражданский, их интересы, взаимные отношения и сферы соприкосновения их с местным православно-русским населением. Требовалось выяснить взгляд на них правительства и различных классов русского общества, равно как и то, почему отдавалось преимущество протестантам перед католиками, а из самих протестантов – той или иной группе их; проследить, в какой мере подчинялись эти чужие люди местному влиянию, и какие изменения производили в жизни соприкасавшихся с ними русских людей"[2].

Одним из последователей Д. Цветкова стал Г.Г. Писаревский. В течение нескольких лет он работал в архивах Петербурга и Москвы. Результатом изысканий стала серия работ, посвященная истории иностранной колонизации и немецких колоний в России во второй

---

[1] Цветков Д.В. К истории изучения вопроса об иностранцах в России. Варшава, 1891. С. 4.

[2] Там же.

половине XVIII в.[1]. В первых журнальных статьях он обращается к отдельным эпизодам, связанным с переселением в южные районы России лютеран - выходцев из района Данцига (Гданьска) и меннонитов. В более поздних работах он представляет целостную картину переселения колонистов в отдельные регионы России.

Несомненная заслуга автора заключается в привлечении широкого круга исторических источников по вопросам иностранной колонизации в России во второй половине XVIII в. Значительная часть источников впервые введена в научный оборот. Детальное изучение государственных архивов, в первую очередь, Московского главного архива Министерства иностранных дел, позволило профессору Московского университета достаточно подробно осветить отдельные эпизоды иностранной колонизации, например, миссию Г. Траппе в Данциге в течение 1786 г. и др.

Появление подобных работ создало основу для научного изучения истории российских немцев в дальнейшем.

На рубеже XIX – XX вв. в отечественной историографии укрепляются позиции юридической школы. В первую очередь, она была представлена профессиональными правоведами, которые обратились к историческим аспектам. Эта тенденция была характерна как для изучения различных периодов русской истории, так и для отдельных направлений в исторической науке.

Достаточно широко юридический подход оказался распространенным в отечественной иудаике начала XX в. Через анализ законодательных актов правоведы стремились показать историю своего народа. Одним из известных специалистов этого периода был Г.Б. Слиозберг (1863 - 1937) – автор ряда работ, раскрывающих особенности правового положения евреев в России и отдельных регионах. Большое внимание им было уделено сибирским евреям. В своих работах он приводил многочисленные тексты законов и выдержки из них, которые касались правового положения этой группы населения[2]. Г. Слиозберг неоднократно отмечал факты противоречивости русского законодательства, отмечались факты необъективного толкования тех или иных правовых норм. Изменить положение можно было посредством ликвидации правовой неграмотности среди еврейского населения региона, а для этого необходимо было издавать комментированные тексты законов. Результаты многолетних наблюдений, практики,

---

[1] Писаревский Г.Г. Вызов в Россию колонистов из Данцига. Эпизод из истории иностранной колонизации в России (по неизданным архивным документам) // Русская мысль. 1902. Кн. IX. С. 71 – 94; Он же. Вызов меннонитов в Россию (по неизданным архивным документам) // Русская мысль. 1903. Кн. X. С. 49-102; Он же. Из истории иностранной колонизации в России в XVIII в. (по неизданным архивным документам). М., 1909; Он же. Хозяйство и форма землевладения в колониях Поволжья в XVIII – первой четверти XIX века. Ростов-на-Дону, 1916.

[2]. Слиозберг Г.Б. Записка по вопросу о правах евреев на приезд и постоянное пребывание в Сибири. СПб., 1896; Он же. Законы о евреях и практика их применения. СПб., 1907.

исследований были обобщены им в работе "Правовое и экономическое положение евреев в России" (СПб., 1907). В этом же направлении работали другие правоведы-практики.

Проведенная в Российской империи в 1897 г. Первая всеобщая перепись населения дала богатейший материал для современников. Одни ограничивались группировкой данных по тем или иным принципам и параметрам, публикуя результаты своих трудов. Другие же сопровождали их развернутыми, емкими комментариями. К сожалению, мы не имеем в наличии подобного рода аналитического исследования о немцах России, но данные по всем губерниям и областям, опубликованные в начале 1900-х гг., легли в основу труда одного из крупнейших русских еврейских экономистов конца XIX – начала XX вв. Б.Д. Бруцкуса "Профессиональный состав еврейского населения России: по материалам Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года" (СПб., 1908). Эта работа была подготовлена им в соответствии с планами отделения Еврейского колонизационного общества в России и должна была продемонстрировать истинное положение еврейского населения в экономике Российской империи.

Главный недостаток предшествовавших работ Б. Бруцкус видел в том, что в них нет "никаких указаний на социальную структуру населения, установившуюся в связи с его экономической деятельностью"[1]. Это, по словам Бориса Давидовича, приводило к тому, что, например, владелец сталелитейного завода, инженер и простой рабочий оказывались в одной категории – "лица, занимающиеся обработкой металла". Но применительно к статистике еврейского населения этот недостаток нельзя считать существенным, т.к. в течение 1897 – 1899 гг. Еврейское колонизационное общество проводило собственное исследование, охватившее еврейское население, занятое ремеслом, сельским хозяйством. Правда, при этом он вовсе не делает оговорку о том, что эта "перепись" охватила лишь еврейское население Европейской России.

Одной из особенностей работ стало четкое выделение объекта изучения, каковым стало восточноевропейское еврейство (евреи-ашкеназы), говорившее на немецко-еврейском наречии и исповедующее иудаизм. За рамками работы остались прочие группы еврейского населения России: горские, бухарские евреи, перешедшие в христианство и пр. В своей объемной работе Б. Бруцкус проанализировал степень присутствия евреев в восьми профессиональных группах, в которые вошли 65 профессий, во всех регионах страны.

---

[1] Бруцкус Б.Д. Профессиональный состав еврейского населения России: по материалам Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. СПб., 1908. С. 1.

Исследование содержит не только многочисленный сводный статистический материал, но и аналитические выкладки. В отличие от многих современников[1], Б. Бруцкус обратил внимание не только на места традиционного расселения ашкеназов (черта оседлости), но и прочие регионы, в которых они проживали к концу XIX в. Это позволило ему представить наиболее объективную картину.

Главный вывод Б. Бруцкуса можно свести к следующему: в аграрной России еврейское население исторически и юридически было оторвано от производств, которые были связаны с "обладанием естественными богатствами страны"[2], и в "стране по преимуществу земледельческой евреи должны были заниматься преимущественно неземледельческими промыслами"[3]. Результатом подобного экономического развития стала высокая концентрация евреев в ремесле. Достаточно неожиданным стал вывод о большом значении для ашкеназов отдельных видов сельскохозяйственной деятельности (табаководство, огородничество, молочное хозяйство). И еще более поразительным явился вывод Б. Бруцкуса о роли торговли в жизни евреев России. По его данным, торговыми профессиями жило менее 40% евреев, а потому "русских евреев никак нельзя признать народом по преимуществу торговым"[4]. Справедливости ради нужно отметить, что эти выводы вполне относятся к местам компактного проживания еврейского населения в западных губерниях Империи.

В конце XIX – начале XX вв. протекал активный процесс формирования либеральной еврейской интеллигенции, ориентированной на полную эмансипацию в русском государстве и обществе. Этому способствовало развитие национальной печати, создание ряда просветительских организаций. Именно в это время шло становление русско-еврейской историографии, наиболее известными представителями которой были С.М. Дубнов (1860 – 1941) и Ю.И. Гессен (1871 - 1939), заложившие принципы "внешнего" и "внутреннего" подходов изучения еврейской общины. В рамках этих принципов в дальнейшем будет развиваться отечественная и зарубежная иудаика. Первый подход предполагает изучение еврейской истории с привлечением широкого круга источников, в том числе нееврейского происхождения. Второй подход строит свои концепции преимущественно на внутриобщинных документах. Историографический обзор их научного наследия является отдельной темой для обсуждения.

---

[1] См., напр., Еврейское население России по данным переписи 1897 г. и по новейшим источникам. Пг., 1917.

[2] Там же. С. 75.

[3] Там же.

[4] Там же. С. 76.

Одной из внешних особенностей работ С. Дубнова является их написание хронологическом ключе. Это прослеживается как на примере публикаций о евреях Европы, так и о евреях России. В последнем случае нас будут интересовать его исследования о жизни еврейского населения в Российской империи в период правления Александра III и Николая II[1].

В отличие от С. Дубнова, Ю. Гессен строил свои исследования иначе, претендуя на представление в одной работе всей истории еврейского народа. Уже в 1906 г. вышла в свет его монография "Евреи в России. Очерки общественной, правовой и экономической жизни русских евреев", в которой автор представил эволюцию различных сторон жизни еврейского общества на протяжении длительного времени. В 1914 г. публика познакомилась с новым трудом Ю.И. Гессена[2], которая стала последним крупным событием в еврейской дореволюционной историографии.

Таким образом, историография конца XIX – начала XX вв. вышла на качественно новый уровень своего развития: произошел переход от работ преимущественно описательных и прикладных к публикациям аналитического и фундаментального характера.

В первой половине XIX в. зародился интерес к региональной истории. Одновременно с работами общероссийского масштаба во второй половине XIX в. появились региональные исследования, в которых рассматривалось положение отдельных групп населения. Наиболее активно этот процесс шел в регионах с многонациональным населением (Закавказье, Северный Кавказ, Поволжье и др.)[3].

В Сибири возникновение интереса к местной истории было обусловлено появлением интеллектуальной прослойки, которая приняла на себя роль местной интеллигенции. Ее формирование было связано с местными военными и чиновниками, с одной стороны, и ссыльнопоселенцами, с другой стороны. Именно последние, например, занимались изучением доступных источников, на основании которых были написаны многие работы исторического, статистического, этнографического содержания.

---

[1]. Дубнов С.М. Евреи в России и Западной Европе. Кн. 1. Евреи в России в царствование Александра III. Пг., 1923; Он же. Евреи в царствование Николая II. Пг., 1922.

[2]. Гессен Ю.И. История евреев в России. СПб., 1914.

[3] См., напр., Гаксгаузен А. Закавказский край. Заметки о семейной и общественной жизни и отношениях народов, обитающих между Черным и Каспийским морями. В. 2-х ч. Ч. 1. СПб., 1857; Анисимов И.Ш. Кавказские евреи-горцы. М., 1888; Заалов М. Меннониты и их колонии на Кавказе // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 23. Тифлис, 1897. С. 89-127; Розенберг Л. Немецкая колония Семеновка Кубанской области Кавказского отдела // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 27. Тифлис, 1900. С. 162-191 и др.

Так, в 1818 - 1825 гг. в Санкт-Петербурге горным офицером Г.И. Спасским издавался "Сибирский вестник", который стал первым периодическим изданием, на страницах которого публиковались материалы по истории региона. Это были, в первую очередь, различные источники: от Строгановской и Есиповской летописей до отдельных переведенных с немецкого языка писем Эриха Лаксманна.

В 1860 г. Сибирский комитет рассмотрел вопрос об издании рукописи "Описание Сибири" в четырех томах, представленной ссыльным Ипполитом Завалишиным[1]. Принимавший в этом участии руководитель III Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии князь Долгоруков своим отношением от 24 сентября 1860 г. разрешил ее публикацию "с купюрами"[2].

Расцвет научного изучения Сибири пришелся уже на вторую половину XIX в., когда определились основные направления в изучении истории и современного состояния региона. Изменение общественно-политической ситуации в России в эпоху правления Александра II способствовало легализации отдельных тем. Но этого было недостаточно. Нужно было преодолеть препоны цензуры. Эта проблема решалась практически ежегодно уже с рубежа 1850-х – 1860-х гг. на заседаниях Второго Сибирского комитета, в ведении которого находились практически все вопросы, связанные с управлением территорией от Урала до Тихого океана. В процесс обсуждения этих вопросов были вовлечены также Цензурный комитет и Третье отделение.

Представлявшиеся рукописи статей проходили комплексное обсуждение в ведомствах. Принимаемые решения допускали на страницы газет и журналов отдельные материалы сибирской тематики. В то же время на некоторые из них налагался запрет. Так, например, в 1861 г. была запрещена к печати в газете "День" статья "Из Омска. А. Титов" "как заключающая в себе неуместные суждения относительно существующих постановлений о ссыльных"[3].

Темы Сибири и сибирской ссылки во второй половине XIX в. были чрезвычайно популярными. К ним обращались как русские, так и иностранцы. Из первых необходимо отметить работы С.В. Максимова, Н.М. Ядринцева, князя П. Кропоткина, и др.

Несомненно, произведение С.В. Максимова (1831 – 1901) "Сибирь и каторга" стало классическим, и без упоминания о нем нет ни одного серьезного научного исследования, в котором бы шла речь о жизни и быте населения Сибири в XIX в. В центре внимания автора оказываются различные группы ссыльных, оказавшихся в различные периоды русской истории

---

[1] Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 1265. Оп. 9. Д. 131.

[2] Там же. Л. 3.

[3] РГИА. Ф. 1265. Оп. 11. Д. 13. Л. 8.

за Уралом. Для нас наибольший интерес представляет третий том под названием "Государственные преступники". С. Максимов строил свое повествование на твердой источниковой базе, каковой для него стали документы из столичных архивов, воспоминания ссыльных, публикации современников, собственные полевые записи. Богатый опыт полевой этнографической работы, накопленный во время поездок по Владимирской и Костромской губерниям, на Русский Север, в Приамурье, позволил автору представить историю сибирской ссылки в ее динамичном развитии.

Если большинство современников, как мы увидим далее, представляли сибирскую ссылку и каторгу обезличенными, то С. Максимов представил их со всех сторон. Он дал детальную характеристику различным категориям ссыльных и каторжан. Так, он представил портрет воров, фальшивомонетчиков, контрабандистов и многих других. Отдельно им изучены сюжеты, связанные с различными религиозными группами (сектантами). Для нас же наибольший интерес представляют те разделы работы, в которых автор обращался к анализу и характеристике отдельных этнических групп ссыльных (евреев, поляков и др.).

В своей работе С. Максимов много внимания уделил польским ссыльным, выделяя их из общей массы. Он одним из первых выделяет несколько этапов ссылки поляков в Сибирь. Первый период он связывал с событиями рубежа XVIII – XIX вв., в это время в Сибири оказались польские конфедераты 1790-х гг. Он обратил внимание читателя и на то, что поляки ссылались не только за политические преступления; значительная их часть была осуждена в правление Александра I за уголовные преступления[1].

Второй период польской ссылки он связывал со ссылкой участников восстания 1830 г. и патриотических кружков. Особенностью этого периода, по мнению Максимова, стало то, что "громадное большинство политических ссыльных принадлежало к кровным полякам, наибольшей частью уроженцам Царства Польского, преимущественно шляхетскому роду и исключительно людям римско-католического вероисповедания"[2].

Тот факт, что работа впервые была напечатана ограниченным тиражом для служебного пользования в 1862 г., объясняет отсутствие в ней сведений о польской ссылке, последовавшей после подавления Январского восстания 1863 г.

Рассматривая ссылку по национальному признаку, С. Максимов обратил внимание и на евреев. В частности, он привел описание г. Каинска, который получил у него название "жидовский Иерусалим" за большое количество проживавших в городе иудеев. Одним из первых он указал на то, что подавляющее большинство евреев оказалось в сибирских губерниях

---

[1] Максимов С.В. Сибирь и каторга. СПб., 1900. С. 340.

[2] Там же. С. 341.

в результате уголовной и административной высылки из Европейской России. Это утверждение найдет свое подтверждение в более поздних исследованиях современников по сибирской ссылке (Е. Анучин и др.).

Несомненной заслугой Максимова стало сочетание элементов исторического и этнографического исследований, что вывело его на тему адаптации ссыльных в новых условиях проживания. Так, он писал о включенности польских ссыльных, оказавшихся на поселении, в экономическую жизнь региона. Средоточие большого количества ссыльных в Восточной Сибири способствовало формированию здесь новых форм и видов хозяйственной деятельности и развитию уже существовавших предприятий. В то же время ограниченное число польских ссыльных в Западной Сибири не привело к таким положительным последствиям.

Ссылка в Сибирь в 1870-х гг. уже не являлась "запретной темой". Постепенная реализация судебной реформы 1864 г., изменения в административном, уголовном праве поставили на повестку дня необходимость научного изучения этого феномена. Тем более, что в последней трети XIX в. все чаще начали раздаваться голоса о бесперспективности ссылки в Сибирь за административные и уголовные правонарушения.

Одним из наиболее авторитетных исследований по истории сибирской ссылки периода правления Николая I стала работа Е.Н. Анучина (1831 – 1905) "Исследование о проценте сосланных в Сибирь. Материалы для уголовной статистики России", впервые опубликованная в Тобольске в 1866 г.

В нашем случае работа Анучина интересна с позиций статистических данных и их первичного анализа применительно к отдельным национальным группам (немцам, евреям, полякам) и конфессиям (иудаизм, католичество, протестантизм) уголовных ссыльных. Обращает на себя внимание приводимый исследователем факт, что в сравнении с поляками и евреями, немцы в России отличались чрезмерным законопослушанием, чем объясняется их малое количество среди сосланных в рассматриваемый период преступников. Для всех рассматриваемых этнических, конфессиональных групп им определены наиболее распространенные правонарушения. Так, по мнению Е. Анучина, поляки были больше склонны к преступлениям против государственной власти, тогда как евреи ссылались в Сибирь преимущественно за экономические преступления (контрабанда, фальшивомонетчество, незаконная торговля и пр.).

Основанное на богатейших материалах Тобольского приказа о ссыльных, исследование выпускника медицинского факультета Московского университета, волею судеб попавшего в Тобольский статистический комитет вызвало большой интерес научной общественности. В 1869 г. оно было удостоено Константиновской медали Императорского Русского

географического общества[1]. В 1873 г. сочинение было издано в Петербурге по распоряжению Русского географического общества. Положительные моменты работы были отмечены членами комиссии по отделению статистики, которые указали на то, что "важнейшей частью труда представляются те отделы, в которых рассматривается в мельчайших подробностях зависимость числа преступлений от пола, возраста, общественного положения и вероисповедания осужденных, а также географическое распределение преступлений по губерниям"[2].

Можно говорить о том, что проанализированные выше работы свидетельствовали о формировании в отечественной историографии нового подхода: изучаемый объект перестал быть обезличенным и рассматривался во всем его многообразии. Но, к сожалению, публикаций подобного рода было крайне мало.

Большинство авторов в своих исследованиях не ставили перед собой задачу представить то или иное явление с учетом его национальных или конфессиональных особенностей. Это можно объяснить формированием в отечественной историографии различных направлений. Так, консервативное течение следовало в духе государственной политики, а власть в это время уклонялась от решения национальных вопросов, стараясь их не замечать. Либеральные авторы, например, сибирские областники, ставили перед собой в этот период иные задачи, а потому национальный вопрос в регионе сводился для них к положению русского и инородческого населения.

Одним из примеров может служить многотомное издание "Живописная Россия", подготовленная под руководством академика П.П. Семенова в 1880-е – 1890-е гг. Один из томов этой серии (11-й) посвящен Западной Сибири. В нем авторитетные авторы, среди которых Н.М. Ядринцев, Г.П. Потанин и сам Семенов, дали читателю представление о регионе, его населении, хозяйственном развитии. Но в тексте практически отсутствуют какие бы то ни было намеки на присутствие в Тобольской и Томской губерниях какого-то другого населения, кроме инородцев и русских. Лишь единожды Ядринцев упомянул о том, что среди славянского населения Тобольской губернии встречаются немногочисленные поляки[3]. Семенов и вовсе именует Сибирь не иначе как "оседлая земледельческая русская колония"[4]. Таким образом,

---

[1] В свое время лауреатами Константиновской медали были Гофман Э.К. (1849), Аксаков И.С. (1858), Даль В.И. (1863), Обручев В.А. (1900), Колчак А.В. (1905) и др.

[2] Анучин Е.Н. Исследование о проценте сосланных в Сибирь. Материалы для уголовной статистики России. СПб., 1873. С. II.

[3] Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. Т. 11. Западная Сибирь. СПб., - М., 1884. С. 59.

[4] Там же. С. 366.

представленная в очерках информация носит достаточно абстрактный, инперсонифицированный характер. Надо сказать, что подобная тенденция характерна и для следующего тома серии, посвященного Восточной Сибири.

Подобная тенденция сохранилась в начале XX в. в работах охранительного направления, например, в труде "Азиатская Россия". В первом томе дана положительная оценка переселенческой политики правительства П.А. Столыпина, что проиллюстрировано примером быстрого экономического роста г. Славгорода. Работа достаточно интересна вследствие приведенного богатого фактического материала справочного характера, например, по статистике вероисповеданий по материалам переписи 1897 г. Однако она вызывает ряд критических замечаний. Например, авторы указывают на положительную роль в освоении переселенческого района исключительно великорусского населения, оставляя без внимания участие в хозяйственном и социальном развитии немецкого, эстонского, латышского и прочего крестьянства. Кроме того, бросается в глаза тот факт, что авторами достаточно скрупулезно подбираются положительные факты. В определенной степени это объясняется следствиями национальной политики царского правительства.

Уже отмечалось выше, что основоположники сибирского областничества Н. Ядринцев и Г. Потанин в своих трудах обходили стороной национальный вопрос. В своей работе "Сибирь как колония" (1882 более поздние переиздания) Н. Ядринцев, указывая на важное значение ссылки как одного из источников пополнения населения Сибири, игнорирует этнический состав ссыльных. В то же самое время большое внимание уделено положению аборигенов. Вряд ли можно это объяснить незнанием материала, ведь на страницах редактируемого им "Восточного обозрения" публиковались многочисленные материалы, связанные с рассматриваемой проблемой.

В это же время появились первые публикации экономической направленности, в которых встречались отдельные упоминания о представителях еврейской, польской и немецкой общин.

Среди таковых, в первую очередь, нужно отметить работы ссыльного народника, видного экономиста, статистика, этнографа С.П. Швецова. Будучи вольнонаемным в статистическом отделе Главного Управления Алтайского округа, он собрал богатый материал, который был использован, например, для написания статьи "Положение труда на частных заводах Алтайского округа"[1], в которой дано подробное описание наиболее крупных частных промышленных предприятий и различных аспектов труда и быта на них рабочих. В частности,

[1] Швецов С.П. Положение труда на частных заводах Алтайского округа // Сборник правоведения и общественных знаний. М., 1897. Т. 7. С. 130 – 180.

он привел многочисленные сведения о предприятии семьи немецких предпринимателей Прангов.

Проблемы социально-экономического положения немецких переселенцев на Алтае оказалась в центре внимания в статье М.П. Ковригиной "Неурожай хлебов в юго-западной части Алтайского округа в 1900 году"[1]. В данной работе в общем контексте приводятся сведения об экономическом бедствии немцев-католиков и лютеран в Бель-Агачской степи вследствие неурожая хлебов 1900 г.

Конец XIX – начало XX вв. в России связан с активизацией переселения крестьян в азиатскую часть страны. Это явление было вызвано не только ростом населения, но также необходимостью введения в оборот новых мощностей, что диктовалось развивающимися капиталистическими отношениями.

Переселенческая политика властей вызывала неоднозначную реакцию общественного мнения. Еще до начала столыпинского переселения, начали раздаваться голоса против переселенческой политики правительства. Одной из подобных работ стала книга В.Л. Дедлова "Переселенцы и новые места" (СПб., 1894). В данной монографии автор открыто заявляет о своем неприятии общего переселенческого движения за Урал, отмечая уже в предисловии, что-де "читатель увидит, что я далеко не в восторге ни от переселенцев, ни от новых мест"[2].

Книга стала одной из первых работ, в которой описывается достаточно подробно движение на "новые места" немецких колонистов. Описывая его, В.Л. Дедлов делит колонистов на "героев" и "толпу", относя к первым богатых колонистов Юга России, которые едут в Сибирь со значительными капиталами, а ко вторым - тех, кто победнее, преимущественно из числа поволжских немцев. То есть, автор не выступал абсолютным противником переселенческого движения, но им приветствуется лишь миграция на "новые места" "капиталов", но никак не народная колонизация. При этом в качестве аргумента выдвигается тезис о том, что бедняки не смогут самостоятельно выжить в новых условиях.

Несостоятельность опасений того, что разрешать переселяться можно лишь зажиточным крестьянам, опроверг в своей книге "На сибирском просторе: картины переселения" (СПб., 1912) чиновник Министерства земледелия В. Вощинин. В ней приводится обширный фактический материал для того, чтобы составить представление, с известной долей критики, конечно, о жизни немецких крестьян, о тех процессах, которые происходили в их среде, проблемах, которые перед ними стояли. Работа эта является достаточно универсальной, т.к. в

---

[1]. Ковригина М.П. Неурожай хлебов в юго-западной части Алтайского округа в 1900 году // Алтайский сборник. Т. 5. Барнаул, 1903. С. 115 – 133.

[2]. Дедлов В.Л. Переселенцы и новые места. Путевые заметки. СПб., 1894. С. I.

ней представлена информация по экономике, истории переселения, этнографии некоторых групп населения Кулундинской степи, в том числе и немцев. Говоря о жизни переселенцев, автор обращает внимание читателя не только на тот позитив, который, несомненно, имел место, но и на некоторые негативные моменты. Повествуя о бурном развитии Кулундинской степи, в чем принимали непосредственное участие и немецкие переселенцы, он указал на крайнюю необходимость оказывать этому перспективному зернопроизводящему району всяческую помощь со стороны как правительства, так и местных органов власти, и, в первую очередь, повторил В. Вощинин вслед за жителями, позитив, который, несомненно, имел место, но и на некоторые необходима железнодорожная ветка до Татарска, которая связала бы Славгород с Транссибирской железной дорогой, что позволит создать более широкую и мощную базу для экономического развития. Он подвел читателя к выводу о том, что основная масса переселенцев, в том числе и немцы, предпочла пойти по пути создания среднего и крупного хозяйства фермерского типа, что позволило в сжатые сроки превратить некогда неосвоенный и слабозаселенный район в один из основных зернопроизводящих мест Томской губернии.

На фоне подобного интереса к местной проблематике появились публикации, в которых рассматриваемые нами национальные общины оказались в центре внимания. Не последнюю роль в этом сыграла разрешительная политика властей в области печати, о чем уже упоминалось выше.

Первые упоминания о евреях региона встречаются в газетных и журнальных публикациях 1870-х – 1880-х гг. и носят случайный характер. Их авторами являлись, как правило, члены местных еврейских общин, которые стремились донести до соплеменников информацию о своем бедственном положении[1]. Так, в некоторых материалах, опубликованных в "Вестнике русских евреев", была заложена главная тема для обсуждения: правовой статус евреев Сибири, его трансформация и зависимость от воли властей[2].

В 1887-1889 гг. сибирская тема возникла на страницах журнала "Восход", в котором были опубликованы статьи Ф.В.[3] "Евреи в Сибири"[4] и М. М-ш[1] "О евреях в Сибири"[2]. Содержание

---

[1]. См., напр., Б/а. Из Иркутска // Вестник русских евреев. СПб., 1871. - № 5; Гудович. Быт евреев в Сибири (Из заметок еврейского старожила) // Вестник русских евреев. СПб., 1871. - № 29-30.

[2]. См., напр., N. Из Сибири // Вестник русских евреев. СПб., 1871. - № 16.

[3]. Под псевдонимом В.Ф. в журнале "Восход" публиковал свои материалы народник Ф.В. Волховский (1846 – 1914), отбывавший с 1881 по 1889 гг. ссылку в г. Томске.

[4]. Ф.В. Евреи в Сибири // Восход. 1887. № 9. С. 1-8.

материалов не отличалось от предшествующих – по-прежнему, в центре внимания стояли правовые вопросы. В то же время Ф. Волховский обратился к вопросу о появлении евреев в Сибири. Вслед за Никитиным отправной точкой в формировании еврейских общин в регионе он связывал с переселенческой кампанией 1835-1837 гг. Таким образом, в отечественной историографии утвердилась традиция начинать историю еврейской общины Сибири с середины 1830-х гг.

Большое внимание правоведов на рубеже XIX – XX вв. привлекал вопрос гражданско-правового статуса евреев вне черты оседлости, что было связано с его неурегулированностью и расхождениями правовых норм и правоприменения. Например, обращался к нему упомянутый выше Г.Б. Слиозберг. В 1896 г. им была издана "Записка по вопросу о правах евреев на приезд и постоянное пребывание в Сибири", которая содержала в себе выдержки из действовавших законодательных актов и авторские комментарии к ним.

"Еврейская тема" в регионах России получает свое второе рождение в начале XX в. Всплеск интереса к ней возник на фоне Кишиневского погрома 1903 г. и погромов 1905 г., обсуждения в обществе "дела Бейлиса", "дела Дрейфуса" и пр. Однако не везде рассматриваемый вопрос вызывал негативную реакцию в обществе. Одним из регионов относительно толерантного отношения к евреям была Сибирь. Евреи оказались здесь как ссыльные или добровольные мигранты, а потому мало чем отличались от прочего населения.

Одним из первых авторов, обратившихся к "еврейскому вопросу" в Сибири, был Т.И. Тихонов, редактор-издатель газеты "Земский голос". В 1905 г. он опубликовал на страницах областнического журнала "Сибирские вопросы" статью "Сибирские евреи, их права и нужды"[3], в которой поднимаются наиболее острые проблемы, связанные с положением сибирских евреев. В ней автор не только рассматривает особенности правового положения сибирского еврейства, но и предваряет их историческим экскурсом. Анализируя нормативные акты, Т. Тихонов вслед за Г. Слиозбергом отмечал, что "юридическое положение евреев… регулируется многочисленными, но в то же время неясными, сбивчивыми и противоречащими друг другу узаконениями настолько, что открывается полный простор для всякого рода толкований"[4]. Тяжелое положение

---

[1]. Мыш Михаил Игнатьевич – юрист; родился в Волынской губ. в 1846 г.; окончил курс юридических наук в Киевском университете; с 1876 г. состоял присяжным поверенным в Санкт-Петербурге, пользовался заслуженной репутацией знатока административного права. Автор работ "Руководство к русским законам о евреях" (4-е издание вышло в 1914 г.), "Сборники узаконений о мещанских и ремесленных управлениях и об иностранцах в России (с разъяснениями всех этих законодательных актов)" и др.

[2]. М. М-ъ. О евреях в Сибири // Восход. 1889. № 7. С. 1-18; № 8. С. 1-21.

[3]. Тихонов Т.И. Сибирские евреи, их права и нужды // Сибирские вопросы. 1905. - № 1. С. 278 – 309.

[4]. Там же. С. 295 – 296.

евреев в Сибири, по его мнению, ухудшается отсутствием демократических институтов. В 1906 г. им была опубликована работа "Еврейский вопрос в России и Сибири", в которой был собран богатый материал, дающий представление о региональных особенностях положения этой этноконфессиональной группы.

В это же время в свет вышла работа бывшего профессора Софийского университета Г.А. Белковского "Русское законодательство о евреях Сибири" (СПб., 1905). Автор не мог обойти стороной вопрос о еврейском переселении 1835-1836 гг. Рассуждая о запретительных мерах 1837 г. он указывал на то, что они не были распространены на тех, "которые успели добровольно поселиться в течение 1836 г. Их всего-то было 1367 человек"[1]. Если В. Никитин в своем исследовании опирался на архивные данные, то Г. Белковский в качестве источника использовал статью "Евреи в Сибири", опубликованную в журнале "Восход".

Будучи профессиональным юристом Белковский на первых же страницах своей работы определил причину постоянных колебаний в нормативно-правовом положении еврейского населения Сибири. Она, по его мнению, заключалась в изменениях представлений властей на способы и условия успешной колонизации региона. Другая причина состояла в том, что мероприятия в этом направлении осуществлялись различными ведомствами, "взгляды которых на культурно-экономическое значение евреев далеко не были тождественны"[2]. Именно эти разночтения предопределили характер развития рассматриваемого вопроса.

Пытаясь разобраться в сущности того или иного вопроса, Белковский провел достаточно подробный историко-правовой анализ нормативных актов. Это наглядно демонстрировалось его разъяснениями относительно ст. 23 "Устава о паспортах" (ред. 1890 г.), которая являлась "основным законом об ограничении пребывания евреев в Сибири" для Сената и сибирской высшей администрации[3].

Глубокие познания в русской юриспруденции позволили Г. Белковскому представить противоречивость нормативно-правовой базы относительно различных категорий еврейского населения, которым разрешено проживание в Сибири (отставные нижние чины, купцы, ремесленники, лица с высшим образованием).

Сторонником "внешнего" подхода в изучении еврейской истории стал Ю. Островский, представивший в своей работе "Сибирские евреи" (СПб., 1911) зарисовки из жизни общины. Основная задача автора – вследствие "скудости нашей литературы о сибирских евреях, смутное представление евреев Европейской России о своих собратьях в далекой окраине" "ознакомиться

---

[1]. Белковский Г.А. Русское законодательство о евреях Сибири. СПб., 1905. С. 11.

[2]. Белковский Г.А. Российское законодательство о евреях Сибири. СПб., 1905. С. 5.

[3]. Там же. С. 16.

на местах с правовым, экономическим и правовым положением евреев в Сибири и результаты своих наблюдений и впечатлений изложить в очерке"[1]. Для этого автор использует собственные наблюдения, а также публикации современников и нормативно-правовые акты.

Работа выстроена в виде ряда тезисов, выдвигаемых автором, которые в дальнейшем обосновываются. Несомненно, он не мог не упомянуть переселенческую кампанию 1830-х гг. Не приводя конкретных данных о переселившихся, автор пишет, что "пожелали переселиться 1317 душ евреев"[2]. В дальнейшем Ю. Островский заявляет о том, что "еврейского вопроса нет в Сибири и быть не может"[3]. Одним из ключевых аргументов является малочисленность еврейской общины в регионе, которая, по данным 1897 г., составляла всего 30500 чел. Евреи были разбросаны по огромной территории, многие из них аттестовывались местными властями как "полезные для края люди". По мнению автора, "еврейский вопрос" в Сибири – порождение местных властей в корыстных целях. В подтверждение этому приводятся многочисленные факты попыток высшей администрации обуздать "рвение низшей власти"[4].

Шаткость положения еврейского населения в Сибири стало результатом издания правительством циркуляра за циркуляром, которые еще более запутывают и без того неясное русское законодательство о евреях в регионе. И в этом утверждении Ю. Островский солидарен со своими предшественниками.

Постоянная трансформация правового положения в значительной степени обуславливала хозяйственные занятия сибирских евреев. Отсутствие статистических данных не помешало Островскому сделать вывод о преобладании евреев в мелкой и средней городской торговле. Особую категорию составляли так называемые "барахольщики" - скупщики случайных вещей и всякого "хлама". Другой сферой занятости евреев, по его наблюдениям, являлся извоз[5]. В первую очередь, это касалось населенных пунктов, расположенных вдоль трактов.

Достаточно интересны наблюдения Ю. Островского за культурной жизнью сибирских, в первую очередь, городских евреев. Так, указывалось, что "в городах устраиваются национальные вечера, но последние лишены национального характера и по своей программе и содержанию подчас не имеют ничего общего с еврейскими вечерами"[6]. Еврейскую общину в Сибири в значительной степени миновали конфликты, которые потрясали общины в Европейской России. Она сохраняла свое значение, но в то же время стремилась не выставлять на передний план

---

[1]. Островский Ю. Сибирские евреи. СПб., 1911. С. 6.

[2]. Там же. С. 13.

[3]. Там же. С. 18.

[4]. Там же.

[5]. Там же. С. 34.

[6]. Там же. С. 41.

национальные черты. Это, в свою очередь, приводило к тому, что "еврейская молодежь устраивает русскую пирушку, приглашая гостей, не исключая исправника, "закусывают", танцуют, и все это под соусом национального вечера"[1].

Общий лейтмотив работы Ю. Островского отвечал либеральному духу времени: в отношении еврейства необходимо опираться не на личные выгоды и посторонние соображения, а исключительно на государственные интересы. А последние настоятельно требуют положительного решения "еврейский вопроса" и уравнивания евреев в правах с прочим населением Российской империи.

К теме положения сибирских евреев обращался уже упоминавшийся юрист и публицист М.М. Мыш. В своей книге он посвятил ей специальный раздел "Право жительства евреев в Сибири", в котором привел историческую справку о евреях в Сибири. Их появление связано с кампанией 1835-1836 гг., когда "в течение 1836 г. пожелали переселиться из разных губерний 1217 евреев"[2]. Приводя данные о числе желающих переселиться, автор ссылается на текст высочайше утвержденного положения Комитета министров "О приостановлении переселения евреев в Сибирь" от 5 января 1837 г. Однако в тексте Положения приведены иные сведения: "на сии участки в течение 1836 г. пожелании переселиться 1317 душ евреев".

В 1915 г. в Иркутске была опубликована работа В.С. Войтинского и А.Я. Горнштейна "Евреи в Иркутске", ставшая одним из наиболее полных исследований жизни городской еврейской общины дореволюционной России. Заслугой авторов стало объединение двух подходов в изучении еврейской истории: внешнего и внутреннего, что позволило представить полную картину еврейской жизни. Как отмечали авторы в предисловии, "в первой части мы имеем дело с евреями как с одним из элементов городской жизни. Во второй части еврейская колония интересует нас как состоящее из разнообразных культурных элементов целое"[3].

Рассматривая сибирские региональные материалы, следует признать, что их количество крайне невелико, что объясняется, в первую очередь, отсутствием образованной прослойки, которая могла взять на себя функции исследователя общинной жизни. На этом фоне существующие работы выглядят утилитарно, т.к. несли на себе четко определенную миссию: внести ясность в правовое положение еврейского населения.

Подводя итог анализу дореволюционной истории изучения еврейской общины, следует отметить, что в течение второй половины XIX – начала XX вв. шел процесс создания обширной отечественной историографии. Уже в конце XIX в. появились первые историографические обзоры

---

[1]. Там же.

[2]. Мыш М.М. Указ. соч.

[3]. Войтинский В.С., Горнштейн А.Я. Евреи в Иркутске. Иркутск, 1915. С. XIII.

как в рамках исследований (В. Никитин), так и в качестве самостоятельных работ (С. Дубнов). Итог дореволюционного периода изучения истории русских евреев был подведен в статье И. Трунка "Историки русского еврейства", опубликованной в Нью-Йорке в 1960 г.[1]. В ней в значительной степени получили свое отражение те настроения, которые царили в еврейских эмигрантских научных кругах. В частности, нет даже упоминания о работах целого ряда нееврейских авторов, которые внесли свой вклад в изучение различных аспектов рассматриваемого объекта. Отсутствие анализа и оценки деятельности Н. Голицына, В. Никитина и ряда других можно объяснить неприятием выводов, к которым они приходят в своих трудах. К сожалению, подобная тенденция имеет место и в работах некоторых современных авторов. Историческая справедливость же требует более уважительно относиться к труду предшественников.

Возникновение польских анклавов во внутренних губерниях Российской империи было связано с историей взаимоотношений польского сообщества и имперской власти во второй половине XVIII – XIX вв. К сожалению, полякам не удалось сохранить дарованную им Александром I автономию, как это произошло в Финляндии. Русско-польский антагонизм на протяжении этого времени находил свое выражение в восстаниях, которые впоследствии влияли на размещение поляков на территории Российской империи.

Сибирская полония имеет достаточно длительную историю, в сравнении с немецкой и еврейской общинами. Правда, в историографическом отношении она значительно уступает по изученности двум предыдущим.

В начале XX в. была подготовлена и издана монография А.А. Сидорова "Польское восстание 1863 года: исторический очерк" (СПб., 1903). В кратком предисловии автор дает емкую, на его взгляд характеристику предшествующим публикациям: "о польском восстании 1863 года напечатано много книг, брошюр, статей и заметок на различных языках, но, к сожалению, многое … не представляет исторической достоверности"[2].

Мы не станем углубляться в отечественную историографию полонистики, т.к. это не является темой нашего исследования. Наибольший интерес для нас представляет тот массив исследований, который имеет непосредственное отношение к полякам в Западной Сибири XIX – начала XX в.

Одним из наиболее известных авторов в начале XX в. был Бронислав Пилсудский, сосланный за революционную деятельность. В течение длительного времени он проживал в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, занимаясь активной научной деятельностью.

---

[1]. Трунк И. Историки русского еврейства // Книга о русском еврействе от 1860-х годов до революции 1917 г. Иерусалим – М., 2002. С. 16 – 39.

[2]. Сидоров А.А. Польское восстание 1863 года: исторический очерк. СПб., 1903. [Авторская аннотация].

Разумеется, Пилсудский общался с представителями местной полонии. Результатом стала изданная на польском языке в 1918 г. брошюра "Поляки в Сибири", некоторое время назад переведенная на русский язык и снабженная комментариями известного современного историка-полониста Б.С. Шостаковича[1]. В центре внимания автора оказалась периодизация польской ссылки за Урал, начатая им со ссылки польских пленных в середине XVII в. Не обошел вниманием он и проблему адаптации поляков на новом месте жительства, отмечая, что первые контакты с местным населением не всегда носили дружелюбный характер, в чем он винит "темных попов и злонамеренных лиц". В то же время Пилсудский отмечал большое позитивное влияние польских ссыльных на коренное население. Подобный акцент получил свое развитие в так называемом цивилизаторском подходе, который доминирует сегодня в изучении истории взаимоотношений поляков с прочим населением Сибири.

Цензурные послабления начала XX в. сделали возможным публикацию материалов по поселению польских ссыльных в Тобольской губернии после подавления восстания 1863 г. Автором одного из них стал А. Макаров, подготовивший пространный "Очерк водворения по Тобольской губернии переселенцев из Царства Польского и Западного края после мятежа 1863 г. (по материалам архива Тобольской казенной палаты)", публиковавшийся в нескольких выпусках "Ежегодника Тобольского губернского музея" в течение 1911 - 1915 гг.[2].

Опираясь на архивные материалы (копии донесений губернатора, журналы Тобольской казенной палаты, отчеты чиновников) и законодательные акты, А. Макаров описал основные принципы ссылки и поселения поляков с Сибири. Сложности, с которыми ссыльные вынуждены были сталкиваться в пути и при водворении, по мнению автора, носили искусственный характер и были порождением столичных чиновников. Так, описывая процесс перемещения поляков по территории Тобольской губернии, он обратил внимание на попытку тобольского губернатора Дюгамеля организовать их перевозку к месту поселения на подводах. Однако Министерство внутренних дел, которое должно было утвердить это решение, наложило на него запрет[3].

Несомненной заслугой А. Макарова является публикация статистических данных, касающихся численности водворенных польских ссыльных в различных округах Тобольской

---

[1] Пилсудский Б. Поляки в Сибири / Перевод с польского яз. Л. И. Каберник. Подготовка текста, публикация и комментарии Б.С. Шостаковича // Известия Института наследия Бронислава Пилсудского. 2001. № 5. С. 125–153.

[2] Макаров А. Очерк водворения по Тобольской губернии переселенцев из Царства Польского и Западного края после мятежа 1863 г. (по материалам архива Тобольской казенной палаты) // Ежегодник Тобольского губернского музея. Выпуск 21. Тобольск, 1911. С. 1 - 32; Там же. Выпуск 24. Тобольск, 1915. С. 33 - 80; Там же. Выпуск 26. Тобольск, 1915. С. 81 - 124.

[3] Там же. Выпуск 24. Тобольск, 1915. С. 49.

губернии в течение 1865 по 1871 г. Опираясь на распределительные списки Исполнительной комиссии по водворению польских переселенцев, он отмечал, что в них нет сведений о членах семей, прибывших вслед за ссыльными[1]. В то же время в них вносились сведения о перемещении поляков по тем или иным причинам из округа в округ внутри губернии[2], что порождало двойной учет. Проанализировав отчетные документы, Макаров пришел к выводу, что к 1871 г. даже упомянутая выше Комиссия "не располагала математически точной цифрой водворенных ею в губернии польских переселенцев, так как в трех донесениях ее ... начальнику губернии по этому предмету заметны явные разночтения и неточности"[3].

Имевшиеся в распоряжении А. Макарова донесения исправников позволили ему сделать некоторые выводы об адаптации польских поселенцев. Позитивную роль в этом процессе сыграли местные крестьяне-сторожилы, которые в большинстве случаев встречали последних "дружелюбно и гостеприимно"[4]. Однако широко распространенная надежда на скорую амнистию препятствовала включению ссыльных в местную хозяйственную жизнь[5].

В целом, работа А. Макарова интересна как изложением архивных документов, так и авторскими критическими замечаниями и выводами.

Автором другой работы по истории сибирской полонии был священник Б. Герасимов[6], опубликовавший на страницах "Записок Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела Русского географического общества" свое сочинение под названием "Ссыльные поляки в Семипалатинской области (краткий исторический очерк)" (Семипалатинск, 1918).

Достаточно объемное произведение (более 100 страниц текста) пролежало "под сукном" с 1907 г. В нем затрагиваются различные аспекты жизни и деятельности поляков в этом регионе, который на протяжении XIX в. находился под управлением сибирских властей сначала из Тобольска, а затем Омска.

Особенностью публикации является то, что автором использованы архивные дела Семипалатинского областного правления и Усть-Каменогорского городского управления. Правда, он вполне критично оценил их неполноту. В тексте упомянуты различные документы,

---

[1] Там же. С. 63.

[2] Там же. С. 70.

[3] Там же.

[4] Там же. Выпуск 26. Тобольск, 1915. С. 82.

[5] Там же. С. 83.

[6]. Герасимов Борис Георгиевич (1872 – 1938), священник, окончил Томскую духовную семинарию, настоятель Никольского собора в Семипалатинске (1901 – 1931), исследователь истории и географии Восточного Казахстана, награжден серебряной медалью Русского географического общества за публикацию об освоении Бухтармы (1912), автор большого количества статей и заметок по истории, этнологии, географии.

извлеченные Б. Герасимовым из архивных дел: формулярные и статейные списки, донесения полиции и т.д. Заслугой автора на начало XX в. явилось то, что в конце своей работы он привел список использованных архивных дел (37) с указанием их наименований. Дав краткий обзор положения поляков, сосланных в Западную Сибирь в 1820-х – 1860-х гг., автор представил "краткие биографические сведения о поляках, проживавших в Семипалатинской области в разное время", которые составили большую часть работы[1].

Вне всякого сомнения, публикация Б. Герасимова имеет большое значение для историографии сибирской полонии, т.к. в ней даются не только оценочные характеристики. Автором включены в текст объемные выдержки из документов, многие из которых, возможно, не сохранились до наших дней.

Подводя итог обзору дореволюционной историографии, следует отметить несколько моментов. В первой половине XIX в. в России под воздействием различных обстоятельств зародился интерес к истории отдельных национальных общин, в том числе евреев, немцев, поляков. Первоначально авторами публикаций были государственные чиновники. В них они стремились отразить официальное отношение имперской власти к той или иной общности.

Со второй половины XIX в. началось научное изучение отдельных аспектов истории рассматриваемых меньшинств. Этот процесс осуществлялся как собственно представителями национальной группы (А. Клаус, В. Никитин, И. Оршанский), так и выходцами из других этнических групп (Н. Голицын). Осоденностью периода стало выявление и изучение многочисленных источников по истории диаспор. Результатом стало формирование различных подходов к изучению истории еврейской, российско-немецкой, польской диаспор в составе Российской империи. Главная задача, которая стояла перед авторами в этот период, - создание объективной картины исторического прошлого и современного бытия отдельной общности. Это объясняет интерес авторов к проблемам правового и экономического положения рассматриваемых диаспор и оформление основных направлений в исследовательской деятельности.

На рубеже XIX – XX вв. неспособность и нежелание правительства решить еврейский, немецкий, польский и другие вопросы подталкивали маргинализированные слои общества к столкновениям на национальной почве. В условиях бурного развития капиталистических отношений возникали существенные противоречия в экономической сфере. На этом фоне появлялись одиозные произведения, нацеленные на укрепление позиций русской нации в

---

[1]. Герасимов Б. Ссыльные поляки в Семипалатинской области (краткий исторический очерк) // Записок Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела Русского географического общества. Семипалатинск, 1918. С. 19 – 106.

аграрном секторе, промышленности, банковском секторе, торговле, и полное устранение из них конкурентов других национальностей (А. Велицын, Е. Канкрин).

Одновременно с этим шел процесс объективного научного изучения еврейской, русско-немецкой, польской истории в контексте истории Российской империи. Появились публикации, основанные на архивных документах, в которых рассматривались различные аспекты социально-политической и социально-экономической истории (С. Дубнов, Ю. Гессен, Г. Писаревский). Большой вклад в изучение рассматриваемых национальных групп внесла юридическая школа, представленная, в первую очередь, правоведами-практиками (Г. Слиозберг, Г. Мыш).

На общероссийском фоне с последней четверти XIX в. стали появляться публикации, в центре которых оказывались сибирские евреи, немцы, поляки. С одной стороны, это были немногочисленные работы профессионалов (общего характера С. Максимова, В. Дедлова, В. Вощинина, по истории евреев Сибири Г. Белковского, Ю. Островского, Г. Войтинского, по истории польской ссылки А. Макарова, Б. Герасимова). С другой стороны, национальный вопрос, в том числе относительно Сибири, фигурирует на страницах центральных и периодических изданий ("Восход", "Вестник русских евреев", "Сибирские вопросы", "Сибирская газета" и др.). Акценты в сибирских публикациях в силу известной толерантности местного сообщества были несколько иными, чем в Европейской России. Так, авторы, затрагивавшие экономические и культурные вопросы, отмечали факты положительного влияния добровольных и вынужденных переселенцев на аборигенное и русское старожильческое и переселенческое население. В то же время официальная историография и областники остались в стороне от этой темы.

К 1910-м гг. был накоплен значительный эмпирический материал. Сформировались научные подходы, тематика и научные школы в изучении истории диаспор в России. Однако исследовательский процесс был нарушен внешнеполитическими и социальными потрясениями.

1.2. История изучения еврейской, немецкой и польской общин Западной Сибири в советский период (1920 - 1991 гг.)

1920-е – первая половина 1930-х гг. в истории Советского государства и общества достаточно противоречивы. С одной стороны, были созданы национальные автономии немцев и евреев в Поволжье, на Украине, в Сибири (АССР немцев Поволжья, национальные районы). Появились академические структуры, которые должны были изучать историю отдельных

этнических групп (Институт славяноведения АН СССР в Ленинграде (1931 - 1934 гг.), Институт еврейской пролетарской культуры при ВУАН (1932 – 1935 гг.), Институт национальных меньшинств при АН БССР (1935 – 1936) и др.). С другой стороны, партийная политика была направлена на повсеместную ликвидацию нацсекций при местных партийных органах и стирание этнических различий в новом советском человеке. Разумеется, это не способствовало сохранению интереса к истории диаспор в России.

Первые годы Советской власти характеризовались сохранением видимого плюрализма в исторической науке. Это было связано с отсутствием кадров, строивших свои исследования на марксистской методологии, с одной стороны, с другой стороны, с еще крепкими позициями представителей старой школы. Разумеется, представители дворянского направления ушли в прошлое, но еще публиковались работы авторов, отнесенных в дальнейшем к мелкобуржуазному направлению. Преимущественно это были работы общего содержания, и национальный фактор в них не выдвигался на первый план.

Одним из последних отголосков в общероссийском масштабе стало переиздание в сокращенном варианте работы Ю.И. Гессена, оставшегося в России, "История еврейского народа в России" (1925 – 1927 гг.). Другие авторы (например, С.М. Дубнов) предпочли эмиграцию и уже публиковали свои работы за границей.

В то же время появляются работы о Сибири и населении региона. Одним из наиболее заметных представителей немарксистского течения первых послереволюционных лет являлся Н.П. Огановский - автор ряда исследований по истории аграрного развития сибирской деревни. В начале 1920-х гг. он издает в Ново-Николаевске и Омске некоторые из своих работ, в том числе "Народное хозяйство в Сибири" (Омск, 1921), в которой он рассматривал различные отрасли региональной экономики сибирской деревни конца XIX- начала XX вв. Для нас эта работа представляет интерес, прежде всего, вследствие приведенного в ней большого объема фактического материала, использования данных переписей 1897 и 1917 гг., статистических обследований локального характера 1903 и 1911-12 гг. Высокий уровень профессионализма автора и качество его работ объясняются его долговременной практической работой в общественных и государственных структурах

Экономическая история недавнего прошлого нашла свое отражение на страницах некоторых научных периодических изданий. Интерес для нас представляет, например, статья Ф. Сластухина и Г. Чешихина "Заселение и процесс капитализации сельского хозяйства Сибири до революции" (Северная Азия, 1930, № 1-2; Советская Азия, 1930, № 3-4)[1], так как она

[1] Журнал издавался Обществом изучения Урала, Сибири и Дальнего Востока с 1925 по 1930 гг. под названием "Северная Азия", в 1930-1931 гг. журнал выходил в свет под названием "Советская Азия".

написана на материале статистического обследования селений Славгородского уезда, среди которых были и немецкие переселенческие поселки. В своих выводах авторы отмечали высокий уровень применения наемного труда в сельском хозяйстве. При этом они подчеркивали, что увеличение посевных площадей объясняется не просто приростом населения и его плотности, а развитием капиталистических отношений, высказав мысль о том, что "для процесса развития капиталистических отношений в Сибири характерно скорее мелкое и среднекапиталистическое фермерского типа хозяйство, чем крупнокапиталистическое"[1].

Рубеж 1920-х – 1930-х гг. ознаменовался в научной жизни Сибири появлением первых томов "Сибирской советской энциклопедии", в которой представлялась официальная точка зрения на разные аспекты жизни общества. Не остались без внимания и некоторые национальные меньшинства. Так, в 3-м томе была помещена тематическая статья "Немцы"[2]. Не последнюю роль в содержательном наполнении статьи сыграли события 1929-1930 гг., т.е. попытка массовой эмиграции немецкого населения из Сибири за пределы Союза ССР (в Канаду и Германию). А потому статья выглядит излишне идеологизированной: данная национальная группа представлена как реакционно настроенная по отношению к Советской власти, гипертрофирована роль меннонитов в экономической, общественно-политической жизни национальной группы.

Своего рода "последним словом" в объективном изучении дореволюционной истории евреев Сибири стала статья "Евреи в Сибири", опубликованная в том же справочном издании[3]. Несмотря на время публикации, она лишена идеологической окраски. Автор представил не только историческую хронологию основных событий в жизни еврейской общины Сибири. В данном материале присутствуют и качественные характеристики. Так, указывается, что "в хозяйственной жизни евреи с самого своего появления и вплоть до установления Советской власти играли роль преимущественно торгово-промышленного элемента"[4]. Примечательно, что автор статьи, бывший бундовец А. Киржниц, в качестве источников использовал не только работы Островского, Войтинского, но и материалы периодики ("Сибирский вестник Бунда", "Еврейская старина").

---

[1]. Сластухин Ф., Чешихин Г. Заселение и процесс капитализации сельского хозяйства Сибири до революции // Советская Азия, 1930, № 3-4. С. 160.

[2]. Немцы // Сибирская советская энциклопедия. Т. 3. Новосибирск, 1933. С. 731.

[3]. Киржниц А. Евреи в Сибири // Сибирская советская энциклопедия. Т. 1. М., 1929. Стлб. 869-873.

[4]. Там же. Стлб. 870.

К сожалению, четвертый том "Сибирской советской энциклопедии", в котором должна был быть статья по полякам Сибири, не был издан в 1930-х гг., хотя вся подготовительная работа была практически завершена.

Одним из наиболее популярных направлений в исторической науке 1920-х–1930-х гг. стало изучение сибирской ссылки и каторги в царское время. Одним из центральных печатных органов, в котором публиковались различные по своему содержанию материалы, стал журнал "Каторга и ссылка", издававшийся Всесоюзным обществом бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев в 1921 – 1935 гг. Основное место в нем занимают, несомненно, воспоминания, биографии и некрологи, но есть и некоторое количество аналитических материалов, имеющих к нашей теме непосредственное отношение. Так, целый ряд статей В.И. Николаева был посвящен изучению ссыльными Сибири, их участию в становлении и развитии сибирской периодической печати[1]. Тема влияния ссыльных на формирование сибирской журналистики стала одной из популярных. Она была подхвачена в заметке Е.И. Яковенко, опубликованной в журнале несколькими выпусками позже[2].

Своего рода вершиной в изучении этой темы в рассматриваемый период стала статья С.П. Швецова "Культурное значение политической ссылки в Западной Сибири", которая была опубликована в нескольких номерах журнала в 1928 г.[3]. Будучи очевидцем многих событий, знакомый с их участниками, он представил развернутую картину влияния политических ссыльных на население региона. Все это продемонстрировано автором на примере различных сфер деятельности: от сельского хозяйства до журналистики. В статье дано подробное описание тарских коммун, основанных еще в 1880-е гг. местными ссыльнопоселенцами. Первое место по уровню развития и влияния на местное население отдано коммуне А. Комаровской, которая имела, по словам Швецова, "недурно обставленное хозяйство", включавшее в себя огород, различный скот, сенокос[4]. Сами политссыльные занимались различными ремеслами. "Горожане

---

[1] См., напр., Николаев В.И. Сибирская политическая ссылка и изучение местного края // Каторга и ссылка. Вып. XXXIV. С. 87 – 116; Он же. Сибирская периодическая печать и политическая ссылка // Каторга и ссылка. Вып. XLI. С. 101 – 119, Вып. XLII. С. 96 – 122.

[2] Яковенко Е.И. Из воспоминаний о сибирской ссылке (К истории сибирской журналистики) // Каторга и ссылка. Вып. XXXVII. С. 100 – 104.

[3] Швецов С.П. Культурное значение политической ссылки в Западной Сибири // Каторга и ссылка. Вып. XL. С. 57 – 87; Вып. XLI. С. 90 – 100; Вып. XLVII. С. 96 – 112; Вып. XLVIII. С. 88 – 105.

[4] Швецов С.П. Культурное значение политической ссылки в Западной Сибири // Каторга и ссылка. Вып. XLVIII. С. 88.

все это видели, - пишет Швецов, - … и не могли не оценить работу … и ее результаты"[1]. А результатом, по его мнению, стало неограниченное доверие со стороны горожан к ссыльным.

Большое внимание он уделил работе ссыльных в качестве журналистов в газетах Тобольска, Тюмени, Томска. Он отмечал, что для сибирской журналистики того времени, ссыльные являлись единственным источником кадров. Для многих из них публицистическая деятельность стала одним из основных, если не главным, способом заработать деньги для жизни. Таким образом, сложился взаимовыгодный союз местных издателей и ссыльных.

Швецов отметил также роль некоторых ссыльных в изучении Сибири. Пальму первенства он отдавал в этом отношении выходцу из еврейской общины Херсона Соломону Чудновскому, который, по его мнению, "оставил за собой первое место в исследовании сибирской земельной общины"[2]. Он отметил при этом, что Чудновским изучение общины велось не по архивным материалам, а посредством наблюдения "живых общинных форм современного крестьянства"[3].

Таким образом, "национальная" тема в исследованиях 1920-х гг. фактически отсутствует. 1930-е гг. характеризуются изменением политической ситуации в СССР. Внутри страны ликвидируются остатки национальной жизни нетитульных наций. Под влиянием событий в других странах, в первую очередь, в Германии, изменилось отношение к советским немцам. И рассматриваемые нами национальные общины оказались с этого момента вне поля зрения ученых.

Подобная ситуация сохранялась до середины 1960-х гг. Свой отпечаток на "молчание" наложила и Великая Отечественная война, в ходе которой советские немцы были обвинены в пособничестве фашистам. Борьба с космополитизмом нанесла свой очередной удар по еврейскому населению СССР. Доходило до того, что, например, в статье "Нации социалистических советских республик" Большой советской энциклопедии, вышедшей в 1952 г. на немецком языке в Берлине, среди сорока трех крупных народов СССР, по данным переписи населения 17 января 1939 г., были указаны даже ассирийцы (20200 чел.), тогда как немцы не упоминались вовсе[4].

При этом в сибирской исторической науке достаточно активно разрабатывались общие проблемы аграрного развития Сибири конца XIX - начала XX вв., что со временем позволило создать общий фон для изучения локальных аграрных групп, в том числе национальных.

---

[1] Там же. С. 89.

[2] Швецов С.П. Культурное значение политической ссылки в Западной Сибири // Каторга и ссылка. Вып. XL. С. 65.

[3] Там же.

[4]. Teich G. Die russlanddeutsche Bevoelkerungsbewegung in Kriegs- und Nachkriegszeit. 1941 – 1950 / Heimatbuch der Deutschen aus Russland. 1958. Stuttgart, 1958. S. 82.

Наибольший интерес представляет развернувшаяся в конце 1950-х - 1960-е гг. дискуссия о путях развития капитализма в Сибири. Эта проблематика вызвала появление большого количество работ, касавшихся положения крестьянства в пореформенный период.

Так, в 1952 г. в кандидатской диссертации А.К. Захаровой "Развитие капитализма в сельском хозяйстве Западной Сибири. Пореформенный период" (М., 1952) на основе обширного опубликованного и архивного материала был сформулирован вывод о развитии сельского хозяйства Сибири по "американскому пути", что подтверждается отсутствием помещиков и преобладанием среди крестьян категории "государственных", наличием большого колонизационного фонда и более высокой зажиточностью сибирских крестьян. Однако автором практически не учитывались остатки патриархальщины и широкое распространение в деревне мелкотоварного производства.

Достаточно интересными в освещении вопросов аграрного развития Сибири представляются диссертация и публикации А.А. Храмкова [1]. Им отмечалось, что крепостнические пережитки в Сибири были слабее, чем в Европейской России. Развитие капитализма в Сибири началось позднее, но процесс этот протекал более интенсивно. Говоря об общей картине, автор присоединяется к мнению Ф. Сластухина и Г. Чешихина о том, что Сибирь являлась краем мелкого и среднего фермерского хозяйства, подчеркивая преобладание эволюции фермерского типа.

Проблемы аграрного развития Сибири периода становления капиталистических отношений рассматривались историками и в 1960-е - 1970-е гг. Эти вопросы рассматриваются в монографии В.Г. Тюкавкина "Сибирская деревня накануне Октября" (Иркутск, 1966). В центре внимания автора - земельные отношения и аграрная политика правительства в Сибири конца XIX- начала XX в., разложение крестьянства, буржуазная кооперация и характер аграрно-капиталистической эволюции. В данной работе В.Г. Тюкавкиным развивается концепция о сравнительно свободных условиях для аграрного капитализма в Сибири, отдельные положения которой были сформулированы еще в 1920-е гг. Однако все они представляются в качестве вспомогательной литературы, историография которой достаточно подробно представлена в различных специальных статьях и сборниках.

Изменение общественно-политической ситуации в СССР во второй половине 1950-х гг. вызвало некоторое оживление в изучении истории отдельных народов. Однако частичная

---

[1] Храмков А.А. Крестьянство Западной Сибири накануне февраля 1917 года (по материалам Томской губернии). Дисс. на соиск. … канд. ист. наук. Томск, 1955; Он же. О некоторых вопросах развития капитализма в сельском хозяйстве Сибири в конце XIX - начале XX в.// Особенности аграрного строя России в период империализма. М., 1962; и др.

реабилитация советских немцев в период хрущевской "оттепели" не способствовало изучению истории немецкого населения на территории страны. То же можно сказать применительно к еврейскому населению. Можно полностью согласиться с мнением Н.Ф. Бугая, что именно государственная национальная политика сказалась на состоянии исследований в гуманитарных науках[1].

В отношении поляков ситуация в корне изменилась – включение Польши в сферу влияния СССР привело к активизации полонистики как одного из направлений отечественной исторической науки. Повышение интереса к польской истории, русско-польским связям было во многом обусловлено 100-летним юбилеем Январского восстания 1863 г., которому были посвящены многочисленные исследования и документальные публикации. Одним из главных центров изучения польской истории в СССР стал Институт славяноведения АН СССР.

Общей историографической тенденцией в изучении истории отдельных этносов и этнических групп в СССР в 1960-х – первой половине 1980-х гг. стало рассмотрение их в контексте событий и явлений, имевших место в Российской империи. Авторы в это время не выносят в заголовки своих публикаций этнический признак. Но последнее вовсе не означало обезличивание рассматриваемых исторических событий.

В это же время в Сибири начинают формироваться научные центры. Одним из центров изучения региональной истории стал Томский государственный университет. Профессора исторического факультета Г.Х Рабинович, И.М. Разгон и другие заложили основу исторического сибириведения, занимаясь изучением различных аспектов истории региона. Находясь в рамках описанной реальности, они занимались изучением сибирской промышленности, торговли, общественных отношений. Ставя перед собой задачу, например, исследовать состояние сибирской крупной буржуазии рубежа XIX – XX вв., Г.Х. Рабинович не выпускал из поля зрения и национальный фактор, отмечая влияние еврейского капитала на развитие отдельных отраслей местной промышленности[2].

Важной вехой в изучении истории Сибири стало появление коллективной монографии "Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период" (1982), представляющей собой обобщающее исследование по истории сибирского пролетариата от момента его зарождения в XVIII в. до 1917 г. Выстроенная в проблемно-хронологическом ключе, работа дает представление о социально-экономических и политических условиях формирования рабочих, источниках их

---

[1] Бугай Н.Ф. Предисловие // Чернова-Дёке Т.Н. Российские немцы. Отечественная библиография. 1991 – 2000 гг. М., 2001. С. 11.

[2] См., напр.: Рабинович Г.Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX - начала XX в. Томск, 1975.

пополнения, численности, концентрации и составе пролетариата. Исследователи, естественно, не могли обойти вопрос о национальном составе рабочего класса региона. Но, следует признать, что эта тема не получила своего развернутого освещения. Авторы ограничились констатацией факта доминирования русских, составлявших более 90% рабочего класса, и признанием того, что "сибирский отряд наемных рабочих формировался как многонациональный"[1].

Именно региональные научные центры в данный период занимались изучением места и роли национальных сообществ в жизни социума. В полной мере это можно отнести к Сибири.

Иудаика как одно из научных направлений в советской исторической науке фактически отсутствовала. Можно согласиться с высказыванием Е.З. Гончаровой о том, что появлявшиеся в советский период исследования характеризовались чрезмерной тенденциозностью и были чрезвычайно идеологизированы[2]. Но это не означало, что не было работ, в которых так или иначе историки не затрагивали бы положение еврейского населения в различных регионах Российской империи. Эта тема нередко рассматривалась сквозь призму тезиса о Российской империи как тюрьме народов, что определяло характер и тон публикаций. Применительно к Сибири этот тезис сохранял свое значение до 1990-х гг.

В работах сибирских историков 1960-х – 1980-х гг. отсутствовали специальные работы по истории евреев региона. В то же самое время отдельные сюжеты нашли свое отражение в работах общесибирского содержания[3].

Интерес к истории собственного народа подталкивал к краеведческой работе. Результатом стало появление отдельных материалов, в которых находили свое отражение отдельные аспекты прошлого еврейского населения Сибири.

Одной из таких работ стал труд А.Г. Гройсмана "Евреи в Якутске", над которой автор закончил работать в 1991 г. Будучи выпускником Новосибирского университета, он был направлен по распределению в Якутск, где работал научным сотрудником одного из физических НИИ АН СССР (1969). Здесь он общался с "евреями-старожилами", которые и познакомили его с некоторыми сюжетами местной истории. Гройсман предпринял смелую попытку на основе опубликованных материалов и воспоминаний современников представить историю еврейской общины Якутска. Главная идея, которая проходит через весь текст,

---

[1] Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск, 1982. С. 120.

[2]. Гончарова Е.З. Еврейское купечество дореволюционной Сибири в новейшей историографии // Проблемы еврейской истории. Ч. 1 / Мат-лы научных конференций центра "Сэфер" по иудаике 2007 г. М., 2008. С. 207-208.

[3]. См., напр., Рабинович Г.Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX – начала XX в. Томск, 1975; Бойко В.П. Томское купечество в конце XVIII – XIX вв. Из истории формирования сибирской буржуазии. Томск, 1996.

сводится к тому, что главным источником ее формирования в царское и отчасти советское время была ссылка.

Несомненной заслугой автора стало обширное цитирование дореволюционных исследований. Так, приводится множество оценок относительно еврейского населения России и Сибири, сделанных С. Дубновым в его публицистических статьях и С. Максимовым в труде "Сибирь и каторга", в других материалах, опубликованных в "Восточно-Сибирском календаре" и иных справочных и периодических дореволюционных изданиях. Отдельное место занимает тема ссыльных революционеров последней четверти XIX - начала XX в., которую автор пытается раскрыть на основе опубликованных воспоминаний. Не будучи профессиональным историком А. Гройсман достаточно небрежно отнесся к оформлению сносок на использованные источники, указав лишь его название, мотивируя это, например, тем, что "ссылаться каждый раз на конкретный номер газеты было затруднительно, и поэтому эти ссылки не приводятся"[1].

Таким образом, сибирская иудаика послевоенного периода представлена единичными работами краеведческого характера либо "еврейская" тема звучала в работах общесибирской направленности.

Со второй половины 1960-х гг. вновь начали появляться публикации по истории российских, в том числе сибирских немцев, что было связано с частичной реабилитацией немецкого народа в период хрущевской оттепели. Особенностью советской историографии 1960-х и особенно 1970-х гг. являлось то, что в название работ, как правило, не выносился этнический признак. Особенно четко это можно проследить на примере публикаций Л.В. Малиновского. Например, были опубликованы его статьи "Сельское хозяйство западных национальных меньшинств в Сибири (1919-1928 гг.)"[2], "К характеристике некоторых групп переселенцев в Сибирь конца XIX-XX в."[3]. Несмотря на заглавие, все внимание в работах было сконцентрировано на немецких колонистах-переселенцах.

Основное внимание Малиновского в его работах по истории сибирских немцев относящихся к середине 1960-х – начала 1980-х гг. было обращено на социально-экономическое развитие немецкой субнациональной группы. Рассматривая экономическое положение сибирских немцев преимущественно на материалах Степного края и распространяя полученные результаты на прочие районы Сибири, Л. Малиновский выступает в качестве

---

[1] Гройсман А.Г. Евреи в Якутске (рукопись). Якутск, 1991. С. 4.

[2]. Малиновский Л.В. Сельское хозяйство западных национальных меньшинств в Сибири (1919-1928 гг.)// Вопросы истории Сибири. Выпуск 3. Томск, 1967.

[3]. Он же. К характеристике некоторых групп переселенцев в Сибирь конца XIX-XX в.// Известия СО АН СССР. Серия общ. наук. Выпуск 1. Новосибирск, 1980. С. 98 – 104.

поборника идеи, что в сельском хозяйстве немецкого населения региона активно культивировались капиталистические отношения, которые базировались на бедняках и "полных хозяевах", поддерживая тем самым мнение некоторых историков о преобладании в том числе в немецкой колонии Сибири американского пути аграрного развития, т.е. формирования в ней мелкого и среднего хозяйства фермерского типа, что выделяло ее в общем ряду, ибо, например, в новороссийских колониях, а также в Поволжье к тому времени преобладали уже крупнофермерские крестьянские хозяйства, имевшие 60 и более десятин.

Можно сказать, что в советский период изучение истории немцев Сибири носило эпизодический характер. Ограниченность источниковой базы так же не способствовала развитию исследовательского процесса. Тем не менее, отечественная историческая наука накопила фактический материал об экономическом и социокультурном развитии немецкой общины в Сибири XIX - начала XX вв. Основное внимание в немногочисленных публикациях этого периода уделено не персонифицированной истории, как это наблюдается при изучении политической ссылки, а развитию хозяйства больших групп немецких переселенцев рубежа XIX - XX вв. Правда, за рамками остались вопросы их гражданско-правового положения, взаимодействия с местной администрацией и старожильческим населением, места и роли в региональной экономике.

В 1920-х – 1960-х гг. отечественные историки не обращались к комплексному изучению сибирской полонии: шел процесс исследования отдельных ее аспектов и, в первую очередь, разрабатывалась история польской ссылки. Эта традиция, как мы увидим в дальнейшем, сохранилась до настоящего времени.

Центром изучения в СССР польской истории и истории польской диаспоры стал созданный в 1946 г. Институт славяноведения и балканистики АН СССР (начал свою работу с 1947 г.). В 1960-е гг. его сотрудниками велась активная работа по сбору и обработке документов, относящихся к восстанию 1863 г., что было сопряжено с его 100-летним юбилеем. Результатом стало издание многотомного сборника "Восстание 1863 года. Материалы и документы" (т. 1-25. М., 1960 – 1986). Одновременно с этим на страницах научных журналов и в сборниках появляются статьи, посвященные польскому революционному движению в 1860-х гг.

Для нас наибольший интерес представляет монография Н.П. Митиной "Во глубине Сибирских руд" (М., 1966). Несмотря на то, что исследование посвящено восстанию ссыльных поляков на Кругобайкальском тракте, автор обратила внимание на вопросы предыстории события. Уже во введении дан достаточно емкий историографический и источниковедческий обзор. В первой главе в центре внимания оказался вопрос ссылки в Сибирь участников Январского восстания 1863 г. Большую ценность представляют приведенные архивные

статистические сведения о количестве сосланных, их размещении по сибирским губерниям и областям, их социальном составе.

Представляя сословный портрет ссыльных поляков, Н.П. Митина обратила внимание на то, что положение дворян, составлявших большинство, и выходцев из крестьян и мещан было неодинаковым: "лицам низшего сословия … никакого пособия не выдавалось", тогда как "ссыльным из дворян разрешалось выдавать по 15 коп. в сутки"[1].

Положение ссыльных на поселении во многом зависело, по мнению Н. Митиной, от отношения к ним представителей местной администрации. Так, указывается, что "широкие слои русского общества выражали сочувствие участникам революционного и национально-освободительного движения"[2]. Подобные настроения были распространены в разных регионах. Подтверждение этому автор находит как в донесениях чиновников III Отделения, так и в более поздних воспоминаниях польских ссыльных. Правда, Н. Митина подходит к подобным фактам не вполне критично – известны и многочисленные случаи негативного отношения местного населения к полякам.

В конце 1960-х – 1970-е гг. в Иркутске закладываются основы научного центра изучения поляков в Сибири. Этот процесс был связан с научной деятельностью Б.С. Шостаковича, который в 1974 г. защитил кандидатскую диссертацию "Поляки в Сибири 1870 – 1890-е гг.", ставшую результатом многолетней исследовательской работы. В дальнейшем им и его учениками будет продолжена работа в этом направлении. Результаты этой работы в течение 1973 - 1991 гг. публиковались в Иркутске на страницах межвузовского научного сборника "Ссыльные революционеры в Сибири (XIX в. - февраль 1917 г.)". Достаточно рано определится и территориальная ограниченность этого круга публикаций – в поле их зрения окажется польское ссыльное население Восточной Сибири.

Своего рода ответной реакцией на научную инициативу иркутян стало издание в Новосибирске нескольких сборников под редакцией Л.М. Горюшкина, посвященных польской ссылке в Западной Сибири[3]. Немногочисленные публикации по истории сибирской полонии написаны в проблемно-хронологическом либо историко-биографическом ключе. Последний подход же сих пор является достаточно распространенным в изучении истории ссылки в

---

[1]. Митина Н.П. Во глубине Сибирских руд. М., 1966. С. 14-15.

[2]. Там же. С. 17.

[3] Ссылка и каторга в Сибири (XVIII - начало XX в.). Новосибирск, 1975; Ссылка и общественно-политическая жизнь в Сибири XVIII - начала XX в. Новосибирск, 1978; Политические ссыльные в Сибири (XVIII - XIX вв.). Новосибирск, 1983; Политическая ссылка в Сибири (XVIII - начало XX в.): Историография и источники. Новосибирск, 1987; Политическая ссылка и революционное движение в России. Конец XIX - начало XX в. Новосибирск, 1988.

Сибирь, в том числе и польской. Одним из примеров его реализации стала статья Б.С. Шостаковича "Революционер-шестидесятник Болестав Шостакович в сибирской ссылке"[1]. Наибольший интерес представляет та часть исследования, которая посвящена пребыванию Шостаковича в Томской губернии. Приведенный в ней материал позволяет реконструировать отношения в среде польских ссыльных, оказавшихся на поселении в Томске, характер их контактов с представителями местной администрации.

На фоне гипертрофированного интереса к польскому революционному движению и его связям с российскими революционерами и либеральными кругами (областниками в Сибири) вне поля зрения исследователей оставались вопросы социально-экономического и политико-юридического положения ссыльных на новом месте жительства.

В 1970-х гг. были опубликованы работы Л.П. Рощевской, посвященных политическим ссыльным в Западной Сибири во второй половине XIX - начале XX в. Так, в журнале "Советское славяноведение" вышла статья "Члены польской партии "Пролетариат" в западносибирской ссылке"[2]. В ней автором рассматривается судьба членов политической организации, сосланных в западносибирские губернии в середине 1880-х гг. Обратившись к частному сюжету в истории революционного движения, исследователем на основе богатого материала центральных и региональных архивов приведен поименный список "пролетариатовцев", указаны места их водворения для отбывания наказания. Преобладание мещан и разночинцев в их среде дало автору основание с позиций советской идеологии заявить о завершении дворянской ссылки и начале пролетарской[3]. Особое место в исследовании уделено проблеме экономической адаптации ссыльных и их отношению с властями и местным населением. Так, отмечается, что раньше "в основном польские революционеры зарабатывали на жизнь физическим трудом, в Сибири они не могли найти подходящих занятий"[4]. Причиной тому был как их профессиональный состав, так и нежелание местной администрации допускать контакты ссыльных и местного населения. Адаптационные сложности привели к гибели части ссыльных уже в первые годы ссылки. Часть из них после амнистии, не имея средств, вынуждена была остаться в Западной Сибири. Главным же результатом, по мнению Л. Рощевской, стало вовлечение поляков в революционное движение в Сибири и активное

---

[1] Шостакович Б.С. Революционер-шестидесятник Болеслав Шостакович в сибирской ссылке (по сохранившимся отрывкам его воспоминаний и другим неопубликованным материалам) // Ссылка и общественно-политическая жизнь в Сибири (XVIII – начало XX в.). Новосибирск, 1978. С. 175 – 205.

[2] Рощевская Л.П. Члены польской партии "Пролетариат" в западносибирской ссылке // Советское славяноведение. 1976. - № 6. С. 31 - 42.

[3] Там же. С. 33 - 34, 41.

[4] Там же. С. 34.

распространение социал-демократических идей среди немногочисленного местного пролетариата[1].

Однако в дальнейшем исследователями не была продолжена работа в данном направлении. В центре внимания по-прежнему оставалась общественно-политическая борьба с существующим политическим режимом. Правда, некоторые исследователи предпринимали шаги в разработке культурологических аспектов польской ссылки, изучая влияние поляков на сибирскую медицину[2] и образование[3]. Но и в этом случае авторы увязывали их культурно-просветительскую и революционную деятельность.

Вне всякого сомнения, историография истории поляков Западной Сибири в рассматриваемый период не ограничивается перечисленными выше работами. Но приведенный обзор позволяет определить основные тенденции, имеющиеся на настоящий момент. Так, по-прежнему в центре внимания исследователей находятся вопросы, связанные с различными сторонами польской ссылки. Этой теме посвящено подавляющее количество работ как применительно к Западной, так и к Восточной Сибири. В то же время исследователи уделяли незначительное внимание социально-демографическим и экономическим вопросам жизни и деятельности поляков в регионе. К сожалению, отсутствуют серьезные историографические и обобщающие работы по данному направлению. Но все это создает благоприятное поле для следующего поколения историков.

Таким образом, в межвоенный период (1920 - 1941 гг.) в СССР осуществлялась достаточно противоречивая идеологическая политика в гуманитарных науках. С одной стороны, власти пошли на создание целого ряда институтов, которые должны были заниматься изучением отдельных этносов и наций, которые в царской России были подвержены ущемлению в правах. С другой стороны, уже с середины 1930-х гг. был взят курс на нивелирование каких бы то ни было национальных различий в создаваемом советском гражданине. Это проявилось в свертывании национального образования для нетитульных наций, ликвидации болгарских, немецких, еврейских национальных районов в РСФСР и в Украинской ССР, закрытии академических институтов и репрессиях в отношении национальной интеллигенции. Национальная тема могла разрабатываться лишь с позиций официальной марксистско-

---

[1] Там же. С. 41 - 42.

[2] См., напр.: Мендрина Г.И. Медицинская деятельность политических ссыльных в Сибири. Томск, 1962.

[3] См., напр.: Евсеева А.Н. Педагогическая деятельность ссыльных большевиков в Сибири (конец XIX - начало XX вв.) // Революционная и общественная деятельность ссыльных большевиков в Сибири (1903 — февраль 1917 гг.): опыт, историография, источниковедение. Омск, 1989. С. 32.

ленинской методологии в русле изучения революционного и национально-освободительного движения в России.

Изменения в общественно-политической жизни СССР во второй половине 1950-х - начале 1960-х гг. ознаменовались появлением монографий, статей, сборников документов. Однако все они были написаны в прежних концептуальных рамках.

В 1970-е – 1980-е гг. определились основные сибирские научные центры, в которых шло изучение различных национальных общин в Сибири. Несмотря на то, что в качестве основной темы сохраняется политическая ссылка XIX - начала XX в., появились работы, в которых ставились новые исследовательские аспекты (политико-правовое положение ссыльных, их место и роль в экономике региона). Кроме того, исследователи отходят от персонифицированности в истории и рассматривают отдельные стороны исторического прошлого отдельных национальных групп.

1.3. Основные тенденции в изучении истории еврейской, немецкой и польской общин Западной Сибири на современном этапе (1990-е - первая половина 2010-х гг.)

Становление сибирской иудаики пришлось на рубеж XX – XXI вв. Этот процесс проходил как в рамках развития региональных научных центров (Барнаул, Иркутск, Кемерово, Красноярск, Томск, Улан-Удэ), так и в условиях формирования научной среды, сложившейся в результате ежегодных научных конференций "Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке: история и современность", проходившие в начале 2000-х гг. в различных сибирских городах по инициативе Я.М. Кофмана. Сборники материалов конференций и издававшиеся выпуски "Еврейские общины Сибири и Дальнего Востока" явились индикатором успешного развития научной иудаики за Уралом. Опубликованные материалы свидетельствуют о научных интересах специалистов и их эволюции.

Обращает на себя внимание тот факт, что исследователи в это время занимались изучением локальных еврейских сообществ. Так, уже в 2000 г. на страницах "Вестника Евразии" была опубликована статья Ю.Н. Пинигиной "Меньшинства и власть: стремление к сосуществованию?"[1]. Автором представлен социально-экономический портрет иркутской еврейской общины рубежа XIX – XX вв. Сквозь призму архивных документов восстановлен

[1]. Пинигина Ю.Н. Меньшинства и власть: стремление к сосуществованию? (Опыт еврейской общины дореволюционного Иркутска) // Вестник Евразии. 2000. - № 4. С. 5 – 19.

механизм отношения различных местных государственных органов власти к еврейскому населению. Название статьи предполагает рассмотрение двустороннего канала общения евреев Иркутска и администрации. Но в публикации представлена деятельность только в одном направлении: администрации в отношении меньшинства.

Ключевыми фигурами, определявшими положение евреев в рассматриваемый период, для автора статьи являлись генерал-губернатор, "который принимал "стратегическое решение""[1], и Иркутский полицмейстер, выступавший в роли исполнителя. На фоне этого утверждения некоторое удивление вызывает пассаж Ю. Пинигиной, в котором отмечено, что "резолюция генерал-губернатора, как правило, полностью основывается на мнении полиции"[2]. Как нам кажется, ситуация была абсолютно противоположной: мнение полицейских чинов в том или ином вопросе являлось отражением губернаторских высказываний и действий, и они представляли на бумаге именно то, что от них ожидал управляющий регионом.

Наряду с отдельными статьями в начале 2000-х гг. появились первые монографические работы и диссертации, посвященные сибирским евреям.

Одной из первых в этой череде стала монография В.Ю. Рабиновича "Евреи дореволюционного Иркутска: меняющееся меньшинство в меняющемся обществе" (Красноярск, 2002), посвященная проблемам формирования и жизнедеятельности одной из самых многочисленных общин в Восточной Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. Рассматривая иркутскую общину не только с позиций истории, но и социологии, автор характеризует ее как типичное предпринимательское меньшинство, расцвет которого пришелся на рубеж XIX – XX вв. Развитие еврейской колонии, по его убеждению, происходило вопреки воле чиновников. Особенностью же социокультурного портрета еврея Иркутска была его схожесть с местным населением, т.е. в Сибири в рассматриваемый период сформировалась особенная группа еврейского населения, которая отличалась от еврейского населения "черты оседлости". Правомерность выводов Рабиновича будет в дальнейшем подтверждена новыми исследованиями.

Истории еврейского населения Восточной Сибири посвящена монография Л.В. Кальминой "Евреи Восточной Сибири: "духовная территория" (середина XIX века – 1917 год)" (Красноярск, 2002), в которой основное внимание уделено было проблемам внутриобщинной жизни. В работе, построенной на богатом региональном архивном материале, представлены

---

[1]. Там же. С. 14.

[2]. Там же.

различные аспекты религиозной жизни, общинного самоуправления, сохранения и распространения образования в различных губерниях региона.

Своего рода продолжением вышеназванной работы стала диссертация Л.В. Кальминой, на основе которой была подготовлена и опубликована в 2003 г. в Улан-Удэ монография "Еврейские общины Восточной Сибири". Автором была проделана колоссальная работа по выявлению, систематизации и анализу многочисленных архивных документов. Это позволило автору детально реконструировать правовое положение евреев в Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. Этот аспект рассматривается с двух сторон: законодательная база и ее эволюция применительно к въезду последних в сибирские губернии и трансформация регламентации их положения в Восточной Сибири. И тот, и другой аспекты, по мнению Кальминой, были напрямую персонифицированы с министрами внутренних дел и восточносибирскими генерал-губернаторами: именно они определяли вектор развития еврейского вопроса в регионе. Ужесточение государственной политики в отношении меньшинства было связано с ростом экономического влияния евреев, а потому "власти вынуждены были принимать меры, искусственно сдерживающие еврейскую активность"[1].

Особо рассмотрен в монографии вопрос формирования еврейских общин Восточной Сибири. Так, отмечена преимущественная концентрация евреев в крупных городах (Иркутске и др.). Их профессиональная занятость определена была существованием "запрета на профессии": различные ремесла стали для евреев главным источником существования. Данный вывод подтвержден Кальминой многочисленными статистическими фактами.

Проблема законотворчества самодержавия во второй половине XIX – начале XX вв. применительно к еврейскому населению Российской империи стала предметом изучения М.Н. Савиных, опубликовавшего на эту тему монографию[2]. В целом, работа посвящена общероссийской теме, но отдельно в ней рассматриваются особенности законодательной политики в отношении сибирских евреев. Так, правление Николая I связано у автора преимущественно с формированием реакционной политики, направленной на сокращение численности еврейского населения в Сибири. Значительное улучшение произошло в период "великих реформ" Александра II. Но в обоих случаях Савиных ограничивается перечислением многочисленных фактов в пользу того или иного утверждения. Внутренние мотивы, побуждавшие государственных деятелей к тем или иным действиям, остались вне поля зрения исследователя.

---

[1]. Кальмина Л.В. Еврейские общины Восточной Сибири. Улан-Удэ, 2003. С. 51.

[2]. Савиных М.Н. Законодательная политика Российского самодержавия в отношении евреев во второй половине XIX – начале XX вв. Омск, 2004.

Заметным событием в научной жизни стало появление в 2004 г. сборника статей "Приезд и водворение в Сибирь евреям воспрещается …" (Тюмень, 2004). Ряд материалов посвящен историческим аспектам положения евреев в Тобольской губернии[1]. Так, впервые были опубликованы сведения об общественных институтах местной общины начала XIX в. Это позволило расширить границы исторического прошлого сибирских евреев.

В 2005 г. барнаульский историк Ю.М. Гончаров опубликовал "Очерки истории еврейских общин Западной Сибири (XIX – начало XX в.)". Построенная на принципах ставшего уже классическим регионального "внешнего" подхода работа стала еще одним шагом к реконструкции целостной картины еврейской общинной жизни региона. В ней автор представил свое видение вопросов, ставших традиционными для исследователей, - правовое положение, численность и размещение, хозяйственные занятия и религиозная жизнь еврейских общин. В целом, можно согласиться с Д.С. Ивановым, который указал на то, что "очерковый характер" не позволил Гончарову раскрыть тему во всей полноте[2].

Изучение истории евреев в Томской губернии получило свое развитие в монографии Н.Б. Галашовой[3], подготовленной на основе кандидатской диссертации (2004). Особое внимание автором уделено вопросам хозяйственной деятельности. Среди специфических черт еврейского предпринимательства автор обращает их повышенный интерес в начале XX в. к маслоделию. В некоторых уездах Томской губернии, по данным Н. Галашовой, большинство среди владельцев маслоделен были евреями. Кроме того, автор отмечает, что евреи, стремясь найти свободное поле в торговле и промышленности, осваивали сферы, которые часто не давали сверхприбыль. Такой отраслью, например, была фотография.

Именно в середине 2000-х гг. была заложена традиция изучения еврейских общин в границах конкретной губернии. Работа Галашовой стала "первой ласточкой". В дальнейшем в этом же ключе была издана совместная работа Я.М. Кофмана и Н.А. Ореховой "Еврейские общины на территории Енисейской губернии (XIX - начало 30-х гг. XX вв.)" (Красноярск, 2009). Несколько позже увидело свет исследование Белых Е.А., Кальминой Л.В., Кураса Л.В. "Общественная и культурно-просветительская деятельность евреев в Забайкальской области (60-е гг. XIX в. – февраль 1917 г.)" (Улан-Удэ, 2010).

---

[1]. См., напр., Клюева В.П. Евреи в Западной Сибири: политика государства и проблемы адаптации в сибирском обществе (XVII – начало XX в.) // "Приезд и водворение в Сибирь евреям воспрещается …". Тюмень, 2004. С. 5 – 27.

[2]. Иванов Д.С. Евреи в сибирском регионе: историографический обзор // Евреи в социокультурном пространстве Тюмени и региона. Мат-лы науч.-практ. конф. Тюмень, 2013. С. 7.

[3]. Галашова Н.Б. Евреи в Томской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. Красноярск, 2006.

Наряду с территориально-хронологическим отмечается и проблемно-хронологический подход исследователей. Так, например, в ряде своих публикаций С.Л. Курас обращалась к теме роли и месте евреев в пенитенциарной системе Российской империи[1]. В статьях О.С. Ульяновой основное внимание сосредоточено на проблемах внутриобщинной жизни[2].

Особо хотелось бы отметить работы Л.В. Кальминой, посвященные различным аспектам правового положения и хозяйственной деятельности еврейского населения в Сибири в пореформенный период[3]. Одной из особенностей публикаций является рассмотрение еврейского меньшинства в регионе в сравнении с представителями других некоренных этнических групп. На примере Восточной Сибири автор достаточно убедительно показала, что этническая политика самодержавия по отношению к несибирским народам носила более либеральный характер, чем в Европейской России. Можно согласиться и с теми аргументами, которые приведены в пользу данного тезиса: ссыльные и каторжники были важной составляющей экономической колонизации, оторванные от основной массы, евреи были относительно малочисленны, позднее появление молитвенных учреждений не способствовало активизации их общественно-политической жизни[4]. В экономическом отношении евреи Сибири мало отличались от своих единоверцев в других регионах – они стремились найти свою экономическую нишу, деятельность в которой не противоречила бы действовавшему законодательству[5].

---

[1]. См., напр., Курас С.Л. роль и место еврейской ссылки в карательной системе Российской империи // Власть. 2008. - № 10. С. 116 – 119; Она же. Уголовно-правовая характеристика преступника-иудея, сосланного в Сибирь (конец XIX в.) // Власть. 2009. - № 9. С. 147 – 150; Она же. Ссылка евреев в Сибирь в законодательных актах и делопроизводственной документации (вторая половина XIX в. – февраль 1917 г.) Улан-Удэ, 2010.

[2]. См., напр., Ульянова О.С. Метрические книги Томского еврейского духовного правления как источник по истории евреев г. Томска второй половины XIX – начала XX столетия // Вестник Томского государственного университета. Серия "История". 2008. - № 3 (4). С. 57 – 62; Она же. Конфессиональная жизнь еврейской общины в аспекте функционирования синагог и молитвенных домов (на материалах по Томску второй половины XIX – начала XX столетия) // Вестник ТГУ. Серия "История". 2009. - № 324. С. 152 – 154.

[3]. См., напр.: Кальмина Л.В. Евреи в Западном Забайкалье: поиск экономических ниш (вторая половина XIX – начало XX в.) // Диаспоры. 1999. № 1. С. 104 – 114; Она же. Сибирский золотопромышленник и меценат Яков Фризен // Вопросы истории. 2003. № 3. С. 142 – 145; Она же. Стать своим и остаться собой. Некоренные этнические группы в Забайкальском социуме во второй половине XIX – начале XX вв. // Tartaria Magna. 2001. № 1. С. 38 – 52.

[4]. Кальмина Л.В. Этническая политика самодержавия и некоренные этнические группы в Байкальском регионе (конец XIX – начало XX в.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2009. № 10. С. 97.

[5]. Кальмина Л.В. Евреи в Западном Забайкалье … С. 104.

Новым направление в иудаике является сравнительное изучение общин в различных регионах. Один из первых шагов в этом направлении был сделан М.В. Пулькиным, который сопоставляет в своих работах общины иудеев на Европейском Севере России и в Сибири в конце XIX - начале XX вв.[1] Исследование выстраивается на религиоведческой основе. С этих позиций он стремится определить общее и различное в процессе становления общин за чертой оседлости. Автор, блестяще владея материалом по губерниям Европейского Севера, опирается на различные архивные документы. Но его представления в Сибири оставляют желать лучшего. Так, в качестве общего он определяет доминирующее влияние евреев-военнослужащих, которые становились первоосновой для общин[2]. Возможно, для Архангельской, Олонецкой и других губерний Русского Севера этот тезис вполне подтвержден. Однако к Сибири его применение вызывает большие сомнения, которые связаны с тем, что еврейское население в городах появляется до распространения рекрутской повинности на евреев, с одной стороны, а с другой, - с малочисленностью самих евреев-военных в регионе. Тем не менее, сама постановка проблемы заслуживает уважения и имеет, как нам кажется, отличные перспективы для исследователей.

Отдельным направлением в сибирской иудаике вновь стало изучение исторического прошлого отдельных общин. Примером тому могут служить публикации В.Ю. Рабиновича по истории одной из самых многочисленных общин дореволюционной Сибири – Иркутска[3], Ю.М. Гончарова, посвященные еврейской общине Каинска[4] и др. В этом историографическом направлении выходят не только научные, но и краеведческие работы[5], что характерно не только для Сибири, но и других регионов России[6].

Значительную роль в сохранении интереса к иудаике в научном сообществе Сибири сыграла Международная конференция по иудаике, ежегодно проходящая в Москве с 1994 г. В целом, тематические конференции являлись площадкой для обсуждения научных проблем. В

---

[1]. См., напр., Пулькин М.В. Иудаизм на Европейском Севере и в Сибири (конец XIX - начало XX вв.) // Религиоведение. 2011. № 2. С. 26-34.

[2]. Пулькин М.В. Формирование иудейских общин на Европейском Севере и в Сибири // Материалы XVIII ежегодной Международной конференции по иудаике. Т. 2. М., 2012. С. 145.

[3]. См., напр.: Рабинович В.Ю. Евреи дореволюционного Иркутска: наброски к портрету // Диаспоры. 1999. № 1. С. 77 – 103; Он же. Евреи и поляки в дореволюционном Иркутске: "переселенцы" в переселенческом обществе // Известия Алтайского государственного университета. Серия "История". 2010. № 4-1. С. 201 – 206.

[4]. См., напр.: Гончаров Ю.М. "Сибирский Иерусалим": еврейская община города Каинска в XIX – начале XX в. // Известия Алтайского государственного университета. Серия "История". 2010. № 4-3. С. 54 – 57.

[5]. Гройсман А.С. Евреи в Якутии (рукопись). Якутск, 1991.

[6]. См., напр., Пудалов Б.М. Евреи в Нижнем Новгороде: XIX – начало XX в. Нижний Новгород, 1998; Левин В.И. История евреев России. Взгляд из Пензы. Пенза, 2003.

сборниках материалов опубликованы статьи, в которых авторы обращались к различным проблемам истории сибирских евреев.

В конце 1980-х начале 1990-х гг. вопросы истории немецкого населения были вызваны к жизни политической ситуацией. На Алтае это было связано с начавшимся движением за восстановление автономий. В первую очередь, речь шла о восстановлении АССР немцев Поволжья, но при этом раздавались голоса за восстановление Немецкого района, ликвидированного в 1938 г. Это движение получило широкую общественную поддержку, а потому власти не могли не отреагировать на него. К разработке вариантов восстановления территориально-административной автономии немцев на Алтае были привлечены ученые. Результатом коллективной работы стал "Сводный аналитический отчет: к вопросу об образовании немецкой автономии на Алтае" (Барнаул, 1990). В данной работе авторы не могли обойти стороной вопросы исторического прошлого алтайских немцев. Однако недостаток информации не позволил им объективно подойти к решению данного вопроса. Например, говоря о ликвидационном законодательстве, авторы указывают на то, что его реализации помешали события 1917 года[1]. Однако, как свидетельствуют более поздние исследования, законодательство воплощалось на местах, но медленно, т.к. этому мешало отсутствие механизмов реализации его в жизнь, а также различные бюрократические препоны.

История изучения сибирских немцев на современном этапе имеет ряд особенностей. Проживание немецкого населения до начала 1940-х гг. в Сибири в сельской местности определило преобладание исследований по истории немецкой переселенческой деревни. В географическом отношении исследования охватывают преимущественно Томскую и Тобольскую губернии.

Гораздо большее внимание уделено этнографическим аспектам этнической истории, которые чрезвычайно активно изучаются специалистами из Омска. Разумеется, в своих публикациях (статьях, монографиях, диссертациях), они не могут обойти стороной вопросы исторического содержания, связанные с появлением немецкого населения в различных районах Сибири. Однако общим недостатком этих работ является экстраполяция положений, применимых к немцам, поселившимся вблизи Омска, на все немецкое население региона. При этом упускаются из вида, например, особенности административного управления территориями, специфика хозяйственного развития отдельных районов и т.д. Говоря об освещении проблем истории и культуры сибирских немцев, следует не забывать о том, что переселение немцев в Сибирь имело свои специфические черты, например, в законодательной, социально-экономической сфере. Так, положение Алтайского (до 1896 г. горного) округа как

[1]. Сводный аналитический отчет … С. 13.

собственности правящего монарха и управление им через Кабинет Его Величества определило в значительной степени его специфику, которую не следует упускать из виду. Именно по этой причине не следует распространять результаты ряда обследований по Степному краю на алтайских немцев и наоборот.

В середине 1990-х гг. одновременно в свет выходит несколько работ, посвященных историческому прошлому немцев Алтая, - Л.В. Малиновского "Немцы в России и на Алтае"[1], выдержанная в ключе популярных очерков, В.И. Бруля "Немцы в Западной Сибири"[2], которая написана преимущественно на алтайском материале, и В.И. Матиса "Немцы Алтая"[3], посвящена рассмотрению проблем исторического прошлого и современного положения немецкой субнациональной группы на Алтае.

Работы Л.В. Малиновского и В.И. Бруля отличаются тем, что речь в них ведется преимущественно об алтайских немцах. При этом полученные в отношении данной группы немецких поселенцев данные нередко распространяются и на всех сибирских немцев. Следует отметить, что в работах присутствуют фактические и фактологические неточности. Например, В.И. Бруль, анализируя сводные экономические данные по поселениям Кулундинской степи, приводит данные по Славгородскому округу применительно к 1914 году[4]. Однако Славгородский уезд, а позднее округ был выделен лишь после лета 1917 г. Традиционным стереотипом стало мнение о том, что в конфессиональном плане среди алтайских немцев преобладали меннониты. Однако это не вполне верно, ибо они составляли не более 40% немцев. Авторы ограничивают поле своей деятельности немецкими населенными пунктами Кулундинской степи. При этом игнорируются поселения немецких колонистов в южной части Алтая. Причиной появления подобного рода ошибок является узкая источниковая база исследователей. При беглом просмотре авторских примечаний к работе Л.В. Малиновского, касающихся истории немецкого населения Алтая, бросается в глаза огромное количество ссылок на материалы периодической печати и воспоминания эмигрантов на немецком языке, в то же время практически отсутствуют русские, в первую очередь, архивные источники.

В вводной части своей монографии В.И. Матис затрагивает вопросы исторического прошлого немецкого населения Алтая. Однако именно затрагивает, ибо представляет в ней традиционную точку зрения: преобладание меннонитов среди немецкого населения, вопрос о первом поселении и дате его возникновения и т.д. Но даже среди приведенных утверждений

---

[1]. Малиновский Л.В. Немцы в России и на Алтае. Барнаул, 1995.

[2]. Бруль В.И. Немцы в Западной Сибири. В 2-х частях. Топчиха, 1996.

[3]. Матис В.И. Немцы Алтая. Барнаул, 1996.

[4]. Бруль В.И. Указ. соч. Ч. 1. С. 37.

достаточно много неточностей. Например, ссылаясь на "Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Томской губернии", автор указывает на расселение на территории Орловской волости Барнаульского уезда лишь меннонитов, хотя, на самом деле, в переселенческих поселках, расположенных на ее территории, проживали не только меннониты, но и лютеране и католики (Александровка и др.). Вызывает некоторое удивление буквальное калькирование В.И. Матисом уже известных работ (публикации Л.В. Малиновского, В.И. Бруля и других), при этом не вводятся оборот новые архивные и иные источники. То есть, историческая часть данной монографии может рассматриваться лишь в качестве историографического обзора с претензией на самостоятельное исследование. Поэтому вполне справедливо, на наш взгляд, мнение специалистов, что по ряду причин объективного и субъективного характера ни один их вышеназванных авторов не справился с поставленной перед собой задачей, не предоставив достаточно полную и объективную картину развития социальной и экономической жизни немецкой деревни на Алтае[1].

В последнее десятилетие XX в. в историографии было отмечено новое явление, которое уже, правда, имело место во второй половине XIX в., - в публикации истории отдельных сел, подготовленных местными краеведами. Наиболее заметными являются книга И.И. Шеленберга "История села Орлово" (М.,1996) и работа А.А. Фаста "Страницы прошлого и настоящего села Полевое и колхоза имени Тельмана" (Славгород, 1999), в которых представлен богатый фактический материал, работы подготовлены с использованием значительного количества архивного материала, воспоминаний жителей села. В отличие от научных публикаций, данные работы снабжены богатым иллюстративным материалом, который позволяет представить историю населенного пункта и людей в нем проживающих в фотографиях.

Уровень научной изученности темы продемонстрировали отдельные справочные издания середины 1990-х гг. Так, в 1996 г. вышла в свет "Энциклопедия Алтайского края" (2-х тт., Барнаул, 1996). Одна из многочисленных статей была посвящена истории немецкого населения края[2]. Однако и в ней, несмотря на сделанные за многие годы наработки, содержится огромное количество неточностей фактологического и фактического характера. Достаточно сказать, что количество населенных пунктов, основанных немецкими переселенцами, не соответствует действительности. Кроме того, авторы почему-то ограничили географию проживания немцев-

---

[1]. Герман А.А. Новая книга о немцах Сибири (рецензия) // Научно-информационный бюллетень. Издание Института германских и восточноевропейских исследований, Международного союза немецкой культуры, Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев. М., 1996. – № 2. С. 27-28.

[2]. Анашкин А.П., Мельников А.Н. Немцы на Алтае // Энциклопедия Алтайского края. Т.2. Барнаул, 1996. С. 243 – 244.

крестьян в досоветский период исключительно Кулундинской степью, игнорируя при этом поселения немецких переселенцев в районе Змеиногорска и Рубцовска.

Вторая половина 1990-х гг. – начало 2000-х гг. характеризуются устойчивым интересом исследователей к истории немецкого населения региона. Это нашло свое отражение не только в большом количестве научных публикаций, но и диссертациях, защищенных в Барнауле, Томске, Омске, Новосибирске, Красноярске.

Надо отметить, что положительным стимулом для активной исследовательской работы стало появление целого ряда научных площадок, на которых шло обсуждение различных аспектов истории российских немцев. На международном уровне таковой стала научная конференция, проводимая совместно Институтом германских и восточноевропейских исследований (Германия) и Международным союзом немецкой культуры (Россия). На региональном (сибирском) - конференция "Немцы Сибири". Практическим результатом работы конференций становились сборники докладов.

В условиях высокого интереса к данной теме крайне необходимо было заниматься выявлением опубликованных и неопубликованных источников по истории немецкого населения региона. Каково же было удивление исследователей, когда выяснилось, что в архивохранилищах Тобольска, Барнаула и Томска сохранились первичные карточки переписей населения Российской империи 1897, 1916, 1917 г., в том числе и по немецким переселенческим поселкам. В дальнейшем этот источник очень активно использовался для характеристики экономической жизни сибирских немцев[1].

Фактическое отсутствие серьезных научных работ дореволюционного периода заставило историков обратиться к проблемам переселения немцев в Сибирь. Первоначальные реконструкции с опорой на устную историю породили неверное представление о времени появления первых немецких поселений в регионе. Так, в публикациях Малиновского указывается пос. Шенфельд, якобы возникший в Барнаульском уезде Томской губернии еще в 1899 г. Однако обнаруженные позднее архивные документы не подтверждают эту версию. С датировкой алтайских поселений возникает существенная проблема: очень часто они образовывались не на частновладельческих или государственных землях, а на арендованных у Кабинета участках. И подобная ситуация сохранялась до начала землеустроительной кампании в 1907 г., когда кабинетские земли были переданы в казенное ведение. Одновременно с этим многочисленные поселения в оброчных статьях были переведены на положение поселков.

---

[1] См., напр., Шайдуров В.Н. Формирование и социально-экономическое развитие немецкой диаспоры на Алтае. Конец XIX - начало XX в. Барнаул, 2003.

Параллельно с этим историки изучают географию прежнего места жительства переселенцев, причины переселения, их потенциальные возможности как колонизаторов. Этому посвящены, например, статьи П.П. Вибе[1], Л.В. Малиновского[2], В.Н. Шайдурова[3]. Все авторы сходятся во мнении, что на рубеже XIX - XX вв. немцы из Поволжья и Новороссии переселялись в Сибирь по экономическим причинам. Для одних переселение стало спасением от голода, для других - способом улучшить свое материальное благосостояние. Именно это способствовало их активному участию в переселенческом движении особенно в годы Столыпинской аграрной реформы.

Особо следует выделить работы, посвященные экономическому развитию немецкой деревни Западной Сибири в начале XX в. Одним из сторонников развития в немецкой деревне аграрного капитализма в его фермерском варианте является Малиновский. По его мнению, "Столыпин оказался благодетелем немецкого фермерства, предоставив ему бесплатные или за дешевую цену обширные владения в Сибири"[4].

В серии статей А.Р. Бетхера рассматриваются проблемы организации и функционирования системы земледелия и животноводства у различных групп сибирских немцев[5]. Анализируя последнее, автор отмечал, например, у меннонитов развитие молочного скотоводства, что было

---

[1]. См., например, Вибе П.П. К вопросу о факторах, определявших колонизационные возможности немцев-колонистов в Сибири (конец 19 – начало 20 вв.) // Российские немцы. Проблемы истории, языка и современного положения. Материалы междунар. науч. конф., Анапа, 20-25 сент. 1995 г. М., 1996. С. 232- 237; он же. Политика государственного регулирования переселения немцев-колонистов в Сибирь в конце 19 – начале 20 вв. // Немцы Сибири: история и современность. Часть 1. Омск, 1995. С. 40-44; Он же. Образование и становление немецких колоний в Западной Сибири в конце XIX – начале XX веков // Немцы. Россия. Сибирь. Омск, 1996. С. 5 – 57. Он же. Факторы, определявшие колонизационные возможности переселенцев Сибири в эпоху капитализма (историография вопроса) // Проблемы источниковедения и историографии Сибири дооктябрьского периода. Омск, 1990. С. 78 – 95.

[2] Малиновский Л.В. Столыпинская реформа и немецкая деревня в России 190 0 - 1917 гг. // Немцы России: социально-экономическое и духовное развитие (1871 - 1941 гг.). М., 2002. С. 119 - 124.

[3] Шайдуров В.Н. Самовольные поселения немецких крестьян на Алтае (конец XIX - начало XX в.) // История и культура российских немцев. Выпуск 3. Ч. 1. Саратов, 1996. С. 66 - 75.

[4] Малиновский Л.В. Столыпинская реформа ... С. 121.

[5] Бетхер А.Р. Состояние индивидуального и коллективного начал землепользования у различных этнических групп немцев Западной Сибири (конец XIX - начало XX в.) // Немцы России: социально-экономическое и духовное развитие (1871 - 1941 гг.). М., 2002. С. 125 - 136; Состояние животноводства в хозяйстве немецкого населения Западной Сибири в первой трети XX в. (на примере меннонитов) // Немцы России: социально-экономическое и духовное развитие (1871 - 1941 гг.). М., 2002. С. 147.

обусловлено высокой прибыльностью производства сливочного масла[1]. В то же время, по его сведениям, у переселенцев из Поволжья молочное скотоводство не носило столь выраженный товарный характер, а служило лишь для удовлетворения личных потребностей отдельной семьи[2].

Новой темой для исследователей в 1990-х - начале 2000-х гг. стало национальное предпринимательство. Одними из первых к ней обратились барнаульские историки, рассматривавшие разные его проявления в промышленной сфере и сельском хозяйстве на материалах Алтайского горного округа[3]. Так, в публикациях Н.В. Иванченко был поставлен вопрос о сельскохозяйственном предпринимательстве. Ею активно изучалась деятельность нерусских дельцов (Брок-Миллера и др.). В некоторых статьях Скубневского рассматривается деятельность предпринимателей-немцев из числа горных инженеров, чиновников и колонистов. По его мнению, отдельные предприниматели среди сибирских немцев появились уже в середине XIX в. Успех их деятельности во многом зависел от взаимоотношений с администрацией горного округа, и в этом выводе он солидарен с предшественниками[4].

С конца 1990-х гг. немецкое предпринимательство получило свое отражение в печатных работах ряда омских историков, связанных с Омским историко-краеведческим музеем. Полевая работа, связанная с комплектованием музейных фондов, подкрепленная изучением опубликованных и архивных документов, позволила им заявить о наличии предпринимательского типа хозяйствования у немцев Акмолинской области, который был представлен в некоторых отраслях сельского хозяйства (скотоводство) (хозяйство Ф. Штумппа и др.)[5].

---

[1] Бетхер А.Р. Состояние животноводства в хозяйстве немецкого населения Западной Сибири в первой трети XX в. (на примере меннонитов) // Немцы России: социально-экономическое и духовное развитие (1871 - 1941 гг.). М., 2002. С. 137 - 149.

[2] Там же. С 148.

[3] См., напр., Иванченко Н.В. Сельские предприниматели Алтая в пореформенное время // Предпринимательство на Алтае. XVIII в. – 1920-е годы. – Барнаул, 1993; Разгон В.Н. Частное предпринимательство на Алтае в XVIII – первой половине XIX вв. // Предпринимательство на Алтае XVIII в. – 1920-е годы. – Барнаул, 1993; Скубневский В.А. Немецкое предпринимательство на Алтае во второй половине XIX - начале XX в. // Известия Алтайского государственного университета. Серия "История". 2010. № 3-4. С. 198 - 202. и др.

[4] См., напр., Иванченко Н.В. Сельские предприниматели Алтая в пореформенное время // Предпринимательство на Алтае. XVIII в. – 1920-е годы. – Барнаул, 1993.

[5] Вибе П.П. Вклад немцев-предпринимателей в становление крупных культурных хозяйств в Сибири // Немцы в России: российско-немецкий диалог. СПб., 2001. С. 399 - 411; Кротт И.И. Немецкое сельскохозяйственное предпринимательство Омского Прииртышья в конце XIX - начале XX вв. // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. Омск. 2000. № 8. С. 167 - 170

Публикации по экономической истории касаются преимущественно немецкой деревни. В то же время немецкое население сибирских городов изучено крайне поверхностно. Одна из причин - его немногочисленность и, как следствие, слабая представленность в источниках. Однако это не является препятствием для изучения некоторых групп немцев-горожан. Так, томские историки, опираясь на сохранившуюся в Научной библиотеке ТГУ периодику конца XIX - начала XX в., уделяли большое внимание повседневной жизни немецкой общины[1].

В конце XIX - начале XX вв. российские немцы оказались вовлеченными в активную политическую жизнь империи. Перманентная антинемецкая кампания накануне и в годы Первой мировой войны стала самостоятельной темой для исследований на рубеже XX - XXI вв. Гражданско-правовая сторона этой проблемы на общероссийском уровне получила развитие в публикациях С.А. Бааха[2]. Применительно реализации антинемецкого законодательства в Западной Сибири среди авторов сложились разные мнения. Так, омские исследователи отмечают его практическую реализацию в ликвидации немецких частновладельческих хозяйств в некоторых уездах Томской и Тобольской губерниях[3]. При этом вне поля их зрения остается тот факт, что действия губернского начальства не распространялись на уезды, в которых существовали десятки поселков, в которых проживало несколько десятков тысяч немцев.

Некоторые исследователи рассматривают данную тему применительно к реалиям Алтайского округа и приходят к другим выводам. Например, приводятся многочисленные факты в пользу того, что кампания затронула лишь те немецкие промышленные и аграрные хозяйства, которые функционировали на арендованных землях[4].

Тем не менее, исследователи находят и общие черты антинемецкой кампании в разных районах Сибири: замена немецких названий переселенческих поселков русскими топонимами и др.

---

[1] См., напр., Нам И.В. Жизнь в диаспоре (городские немцы Западной Сибири в конце XIX - начале XX в.) // Немцы России: социально-экономическое и духовное развитие (1871 - 1941 гг.). М., 2002. С. 361 - 398.

[2] См., напр., Баах С. Законопроект П.А. Столыпина об ограничении иностранного землевладения в Юго-Западном крае Российской империи // Немцы России: социально-экономическое и духовное развитие (1871 - 1941 гг.). М., 2002. С. 59 - 70.

[3] См., напр., Вибе П., Баах С. Антинемецкая компания в Сибирском регионе в начале XX в. // Немцы России: социально-экономическое и духовное развитие (1871 - 1941 гг.). М., 2002. С. 56 - 57.

[4] См., напр., Шайдуров В.Н. Алтайские немцы накануне и в ходе Первой мировой войны // История и культура немцев Алтая. Выпуск 1. Барнаул, 1999; Он же. Сибирские немцы и Первая мировая война // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития: Сб. науч. тр. Омск, 2000. С. 62 - 64. Он же. Первая мировая война и судьба российских немцев // Алтайский сборник. Выпуск XX Барнаул, 2000. С. 48 - 62; Кижаева Т.А. Дискриминация немцев России в годы Первой мировой войны (на примере Алтайского округа) // Немцы России: социально-экономическое и духовное развитие (1871 - 1941 гг.). М., 2002. С. 304 - 317.

В 2008 г. в журнале "Гуманитарные науки в Сибири" была опубликована историографическая статья Т.Б. Смирновой "Этническая история немецкой диаспоры в трудах сибирских ученых"[1]. В данном исследовании автором дан анализ формирования и развития основных направлений в изучении немцев России и сопредельных территорий, а также уделено внимание складыванию и деятельности во второй половине XX в. научных центров. Можно в полной мере согласиться с автором, что крупнейшим научным центром, ориентированным на изучение истории и культуры немцев в Сибири стал Омск, в котором оформились два направления – изучение социально-экономической истории сибирских немцев и меннонитов конца XIX в. – 1920-х гг., с одной стороны, и этническая история немецкого населения региона, с другой стороны[2]. В то же время есть отдельные тезисы, которые выглядят дискуссионными. Так, в начале статьи заявлено, что "до начала 1990-х гг. немцы Сибири находились вне поля зрения исследователей"[3]. Правда, после проведенного обзора Смирнова уже не столь категорична, утверждая, что "период с начала 1990-х гг. до настоящего времени ... наиболее плодотворный и результативный"[4].

В целом, вторая половина 2000-х гг. стала периодом обобщения накопленного эмпирического материала в диссертационных и монографических работах, написанных по-прежнему с позиций регионального подхода.

Заметной вехой в изучении истории немецкого населения Сибири стали научные исследования П.П. Вибе: монография "Немецкие колонии в Сибири: социально-экономический аспект" (Омск, 2007) и докторская диссертация "Немецкие колонисты в Сибири в условиях социальной трансформации конца XIX – первой трети XX вв." (2009).

Знакомство с указанной монографией позволяет нам сделать несколько критических замечаний. Так, в основу исследования были положены материалы по Степному краю, но его результаты автором были экстраполированы на всю Сибирь. Нельзя согласиться с тезисом, который выдвинут автором, о безоговорочном противостоянии сибирских властей немецкому переселению. Подобная картина была характерна лишь для Степного края (Акмолинской губернии), но не для Алтайского округа Томской губернии, куда немцы переселялись беспрепятственно. Мало того, они, как показывают документы, пользовались поддержкой окружных властей в вопросах компактного водворения.

---

[1]. Смирнова Т.Б. Этническая история немецкой диаспоры в трудах сибирских ученых // Гуманитарные науки в Сибири. 2008. - № 3. С. 63 – 68.

[2]. Там же. С. 65.

[3] Там же. С. 63.

[4] Там же. С. 66.

Тема "немецкого засилья" также нашла свое отражение на страницах работы. При этом автор рассматривает ситуацию 1915 – 1916 гг. и позицию властей в это время под одним углом зрения: немецкое землевладение ликвидировать. Однако на Алтае, например, окружные власти в течение 1915 – 1916 гг. вели оживленную переписку с Кабинетом ЕИВ, из которой явствует стремление местных властей не допустить массового лишения крестьян земли. В итоге немцы на Алтае сохранили за собой земли переселенческих поселков, но потеряли крайне незначительные арендованные у Кабинета площади. О неоднозначности позиции властей в этом вопросе писали в своих публикациях В.Н. Шайдуров[1], Т.А. Кижаева[2].

Достаточно подробно рассматривает П.П. Вибе и аспекты переселения немцев в Акмолинскую область. При этом возникновение переселенческих поселков на Алтае и в Енисейской губернии рассматривается фрагментарно.

Особо автор рассмотрел вопросы социально-экономического развития немецких переселенческих поселков в Сибири. В поле зрения автора почему-то оказываются только земледелие и скотоводство, но полностью выпадает аспект неземледельческих занятий, которые, порой, были напрямую связаны с первыми. Так, маслодельная кооперация на Алтае охватила от 35 до 90% немецких хозяйств. Для многих из них доход от маслоделия был существенным подспорьем. Другой сферой интереса немцев-переселенцев было мукомольное производство. На Алтае, где, по словам автора, сформировался "крупнейший в Сибири очаг немецкой крестьянской колонизации", именно немцы активно вели строительство мельниц-крупорушек, которые обслуживали не только нужды немецких поселков, но и близлежащих русских и украинских деревень. Несомненно, вблизи г. Омска немцы-переселенцы активно устраивали фермерские хозяйства и занимались предпринимательством. Но, как показывает исследовательский материал, и в других регионах Сибири эти аспекты так же имели место. И эти аспекты нашли свое отражение в отечественной историографии.

Накопление огромного фактологического материала поставило перед исследователями новую задачу – создание универсального справочного издания. Таковой стала многотомная энциклопедия "Немцы России". Однако далеко не все стороны жизни российских немцев, персоналии и пр. материалы нашли свое отражение на ее страницах. Уже во время работы над словником энциклопедии возникали предложения об издании региональных справочных

---

[1] См., напр., Шайдуров В.Н. Первая мировая война и судьба российских немцев // Алтайский сборник. Выпуск XX Барнаул, 2000. С. 48 - 62.

[2] Кижаева Т.А. Воздействие Первой мировой войны на общественные настроения русских немцев (на примере Томской губернии) // Четвертые научные чтения памяти проф. А.П. Бородавкина. Сб. науч. трудов. Кн. II / Под ред. В.А. Скубневского, Ю.М. Гончарова. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. С. 280-283.

изданий: "Немцы Москвы", "Немцы Санкт-Петербурга" и пр. Эти издания должны были компенсировать те лакуны, которые возникли при работе над энциклопедией. Справочно-библиографический сборник "Немцы Алтая" (Барнаул, 2008) стал одним из таких изданий. В нем концентрировано и систематизированно представлены сведения об истории, конфессиональных, культурных, этнических процессах, социально-экономических аспектах жизни российских немцев региона.

Основой для сборника стали материалы, ранее опубликованные в различных изданиях, в том числе энциклопедии "Немцы России", "Советская сибирская энциклопедия", "Энциклопедия Алтайского края", отдельных справочных изданиях, сборниках статей и монографиях, а так же материалы, публикующиеся впервые.

Структурно справочник состоит из вводной части, расположенных в алфавитном порядке статей и списка авторов.

Автором вступительной статьи, в которой излагается краткий исторический очерк истории появления немцев в Западной Сибири и современное состояние немецкого населения в регионе, выступил В.И. Матис. Источниками для ее написания стали публикации конца 1980-х – начала 1990-х гг., в основном краеведческие работы (Гришаев В., Шеленберг И.), и материалы устной истории.

Основная часть представляемого справочника состоит из расположенных в алфавитном порядке статей. "Черными словами" в данном случае стали биографии известных немцев, внесших значительный вклад в развитие экономики, науки и культуры региона, наиболее значимые события в истории российских немцев, и в которых принимали участие немцы Сибири, географические названия, а так же различного рода организации и предприятия.

Авторами статей справочника являются известные специалисты по истории, культуре, языку российских немцев из университетов и научных центров России, Германии, Австрии.

Наиболее объемными и научно проработанными выглядят статьи, посвященные отдельным событиям, процессам, административно-территориальным и географическим названиям. Так, например, достаточно объемной и информативной является статья В. Бруля "Западная Сибирь", которая дает представление о географическом положении, историческом развитии региона как в общероссийском контексте, так и в контексте истории российских немцев. Применительно к истории немецкой общины автор обращает внимание не только на Алтай, но дает информацию о немецких переселенцах Тобольской, Томской губерний в целом. Представляя Западную Сибирь в советский период, автор дает информацию об участии в коллективизации и индустриализации немецкого населения всех административно-территориальных единиц

региона. Особое внимание уделено военному периоду и депортации немцев из Европейской части СССР в Сибирь.

В целом, надо отметить, что авторы статей, посвященных географическим и административно-территориальным наименованиям, стараются не замыкаться в границах описываемого объекта, а представить его в более широком контексте.

Основной упор составители справочника сделали на представление наиболее известных персоналий из числа ученых, политических, культурных, общественных деятелей, чья жизнь или творчество так или иначе были связаны с Сибирью. Наиболее отчетливо это прослеживается на материалах, посвященных досоветскому периоду. Достаточно интересными являются статьи об академиках Юлии Гагемейстере, Иоганне-Готлибе Георги, И. Германе и др., внесших огромный вклад в научное изучение и описание Западной Сибири во второй половине XVIII – XIX вв. Они совершали поездки по Тобольской и Томской губерниям, собирая исторический, экономический, геологический, этнографический и пр. материал. В каждой статье приведены наиболее значимые труды того или иного ученого, относящиеся к региону.

В начале 2000-х гг. в России была продолжена работа по собиранию и систематизации исследований по истории российских немцев. Так, можно выделить справочное издание "Российские немцы. Отечественная библиография, 1991 – 2000 гг." (М., 2001), подготовленное Т.Н. Черновой-Дёке. В нем собраны сведения о публикациях, вышедших в свет в период распада единого научного пространства СССР и его складывания в условиях независимых государств.

Уже в конце 2000-х гг. вышел в свет справочник, подготовленный И.В. Черказьяновой, в котором были собраны данные о диссертациях, защищенных в СССР и на постсоветском пространстве по истории, культуре, языку немцев России[1]. В развернутой вступительной статье составителем дан анализ ситуации, сложившейся научном в изучении различных аспектов прошлого и настоящего немецкого населения.

Работы подобного характера, несомненно, позволяют современным исследователям сориентироваться в основных научных течениях и определить перспективы своей дальнейшей работы.

В начале 2010-х гг. вновь проявился интерес к Столыпинской аграрной реформе начала XX в. Свой вклад в новое прочтение этой темы внесли алтайские исследователи, представившие в 2010 г. коллективную монографию "Столыпинская аграрная реформа и Алтай"[2]. В разделе,

---

[1]. Черказьянова И.В. Летопись диссертация по истории и культуре российских немцев (1960-е – 2009 гг.). СПб., 2009.

[2] Разгон В.Н., Храмков А.А., Пожарская К.А. Столыпинская аграрная реформа и Алтай. Барнаул, 2010.

посвященном демографической характеристике переселенческих семействах и их хозяйственной адаптации, авторы обратили внимание на национальную специфику, в том числе и немецких крестьян[1].

Таким образом, в конце XX - начале XXI вв. исследователями была проделана большая работа по реконструкции исторического прошлого немецкого населения Сибири рубежа XIX - XX вв. Основное внимание, как мы видим, обращено на немецкую деревню. Исследования в рамках экономической истории проведены с позиций регионального подхода, что отразилось на характере и результатах работы. Авторами использован достаточно узкий круг источников, который постепенно расширяется. Отсутствие сравнительных внутрирегиональных исследований с применением широкого круга опубликованных и архивных исследований позволяет сформулировать новые исследовательские задачи с позиций компаративизма.

В 1990-е гг. на новый уровень вышло изучение сибирской полонии. Несомненно, одним из центров оставался Иркутск, но появились исследователи и в других университетских центрах.

В 1995 г. вышла в свет работа Б. Шостаковича "История поляков в Сибири (XVII – XIX вв.)", в которой сохранилось преобладание восточносибирского материала. Как и прежде, автор основное внимание уделил политической ссылке поляков в Иркутскую губернию. Несомненной заслугой автора стало введение в научный оборот большого количества неопубликованных источников из региональных архивов (преимущественно Государственного архива Иркутской области). Много внимания Б. Шостакович уделил в этой работе анализу польской мемуаристики середины XIX – начала XX в.

Во второй половине 1990-х гг. Иркутск сохраняет за собой лидерство в изучении различных аспектов истории и культуры полонии региона. Подтверждением тому явился доклад Шостаковича "Узловые вопросы истории поляков в Сибири (конец XVIII – конец XX в.)"[2].

На рубеже XX – XXI вв. изучение польских общин в России в дореволюционный период приобрело свои особенности. Так, стали проводиться научные конференции, на которых полония являлась центральным объектом. Так, например, прошли конференции в Казани, Москве, Краснодаре, Новосибирске и др. городах. Опубликованы сборники материалов. Кроме того, в регионах выходят сборники краеведческого направления[3]. Особенностью этого периода стало установление тесных научных контактов с учеными Польши, которые занимались

---

[1] Там же. С. 165 – 220.

[2]. Шостакович Б.С. Узловые вопросы истории поляков в Сибири (конец XVIII – конец XX в.): Научн. доклад дисс. на соиск. уч. ст. докт. ист. наук. М., 1997.

[3]. См., напр., Поляки Прикамья. Пермь, 2004.

изучением сибирской полонии. Так, в 1990-е гг. Иркутский университет стал одним из центров российско-польских научных связей. Результатом контактов стало появление диссертации польского историка В. Масяржа "Поляки в Восточной Сибири (1907 – 1947 гг.)" (Иркутск, 1995), в которой автор вышел за традиционные хронологические рамки и обратился к комплексному изучению польской общины. Введение в научный оборот широкого круга источников из российских и польских архивов позволило ему реконструировать целостную картину жизни поляков.

В начале 2000-х гг. вновь начато активное изучение истории польских общин Западной Сибири XIX – начала XX в. Правда, мы не можем говорить о формировании научного центра, подобного иркутскому. Тем не менее, появившаяся историография достаточно обширна.

Региональной историографической особенностью является преобладающий интерес исследователей к польской ссылке, религиозной жизни, общественно-политической деятельности польского населения. Заметным вкладом в изучение формирования поликонфессионального состава населения Сибири стали работы И.Н. Никулиной[1] и Т.Г. Недзелюк[2]. Оба исследования сближает изучение католического населения Западной Сибири в разные периоды XIX в. Для нас эти публикации интересны, в первую очередь, тем, что в них рассматриваются отдельные вопросы формирования польского населения Западной Сибири. Серьезным вкладом в историографию стало восстановление И.Н. Никулиной круга польско-литовских католических священнослужителей, сосланных в Сибирь за участие в национально-освободительном движении в 20-е – 70-е гг. XIX в.[3].

О сохраняющемся научном интересе к истории польской общины в Западной Сибири свидетельствуют диссертации и публикации. Так, темы польской ссылки в Западную Сибирь в 1860-е гг. и жизни поляков в пореформенный период нашли свое отражение в многочисленных публикациях И.Н. Никулиной[4]. Основное внимание автором сконцентрировано на изучении положения польского духовенства, оказавшегося за Уралом. Рассматривая вопрос о

---

[1] Никулина И.Н. Религия и политические ссыльные Западной Сибири в XIX в. (20-е – первая половина 70-х гг. XIX в.). Иркутск, 2011.

[2] Недзелюк Т.Г. Римско-католическая церковь в полиэтничном пространстве Западной Сибири 1881 - 1918 гг. Новосибирск, 2009.

[3] Никулина И.Н. Религия и политические ссыльные …

[4]. См., напр., Никулина И.Н. Из истории польской ссылки второй половины XIX века в Западной Сибири // Известия Томского политехнического университета. 2004. Т. 307. № 4. С. 169-174; Она же. Из истории пребывания поляков на Алтае (60-е гг. XIX в.) // Диаспоры. 2005. № 4. С. 83-99; Она же. Представители католического духовенства в западносибирской ссылке (60-70-е гг. XIX в.) // Известия Иркутского государственного университета. Серия "Политология. Религиоведение". 2007. № 1. С. 155-160 и др.

пребывании ссыльнопоселенцев из числа поляков на Алтае, И. Никулина отмечает факты негативного отношения к ним со стороны местных чиновников, настаивавших на их удалении из Алтайского горного округа в целях сохранения спокойствия[1]. Приведенные сведения указывают на неоднозначное отношение к ссыльным из Польши и губерний Западного края в среде сибирской администрации. Автором приведены количественные и персональные сведения о поляках, определенных на жительство в Алтайскую часть Томской губернии. Это является несомненной исследовательской заслугой, ибо, как отмечает сама И. Никулина, "в виду частого перевода ссыльных с одного места жительства на другое точный подсчет достаточно затруднен"[2].

Результатом многолетней исследовательской работы стала докторская диссертация И.Н. Никулиной "Религия и политические ссыльные Западной Сибири в XIX в." (Барнаул, 2006). Во 2 и 3 главах диссертации автор обратилась к проблемам пребывания в Томской и Тобольской губерниях ссыльных из числа католического духовенства в 1830-е – 1870-е гг. Одновременно с этим в центре внимания диссертанта оказались социокультурные аспекты жизни западносибирской полонии. Диссертация имеет не только важное теоретическое значение для осмысления польско-сибирской истории, но и сугубо прикладное - автором составлена база данных о ссыльных католических священниках рассматриваемого периода. Данное исследование, несомненно, стало заметным вкладом в изучение истории польского населения Сибири.

Ссылка поляков в Сибирь - тема многогранная. Она по-прежнему привлекает внимание историков, которые излагают результаты работы в своих публикациях. В 2004 г. состоялась защита кандидатской диссертации С.Г. Пятковой "Польская политическая ссылка в Западную Сибирь в пореформенный период" (Сургут). В центре внимания исследователя оказался один аспект сибирской полонии – ее пополнение за счет политических ссыльных, прибывавших в регион.

Кандидатская диссертация С.А. Мулиной "Участники польского восстания 1863 года в западносибирской ссылке" (Омск, 2005) посвящена другому аспекту истории поляков Сибири. Автор обратился не только к самой ссылки, но и подробно рассматривает процесс вынужденной адаптации ссыльных повстанцев в Сибири.

В этом же направлении выполнена еще одна диссертация – Е.П. Береговой "Польская политическая ссылка в Енисейскую губернию во второй половине XIX – начале XX в." (Красноярск, 2007). Автором рассматривается все та же польская политическая ссылка, но уже

---

[1]. Она же. Из истории польской ссылки … С. 171.

[2]. Там же.

применительно к губернскому уровню. На основе многочисленных архивных источников исследователем реконструированы социально-демографические процессы, характерные для сообщества ссыльных, рассмотрен процесс практической реализации карательной политики со стороны местных органов полиции, а также представлены проблемы взаимоотношений ссыльных с местной администрацией и населением.

Несмотря на близость тем рассмотренных диссертаций, в каждой из них присутствует научная новизна.

Как мы видим, подавляющая масса публикаций по истории поляков в Западной Сибири хронологически охватывают вторую половину XIX – начало XX в. Но это вовсе не означает, что история сибирской полонии в предшествующее время не изучалась. На самом деле, исследований, в которых рассматриваются проблемы формирования и развития польской общины Западной Сибири в первой половине XIX в., немного. В этой части отечественной историографии доминирует изучение польской ссылки в Сибирь в связи с Отечественной войной 1812 г. и восстания 1830 г. Например, в монографии В.С. Сулимова "Польская армия Наполеона в Тобольской губернии" (Тобольск, 2007) рассмотрена проблема пребывания в Тобольской губернии пленных поляков, воевавших в наполеоновской армии. Работа написана преимущественно на архивных материалах. Автором подробно рассматривается весь комплекс вопросов, связанных с отправкой военнопленных в Западную Сибирь и их пребыванием в регионе.

Отдельно необходимо выделить статьи С. Филя, занимающегося изучением жизни польских ссыльных в Тобольской губернии в первой половине XIX в.[1].

В 2012 г. на основе диссертации вышла в свет монография С. Мулиной "Мигранты поневоле: адаптация ссыльных участников Польского восстания 1863 года в Западной Сибири" (СПб., 2012). Хотелось бы сделать несколько критических замечаний по поводу этого сочинения.

Уже с первых страниц автор заявляет о том, что рассматривает поляков в Сибири как диаспору. В подтверждение тому приводятся обоснования различных подходов к данной проблеме, которые были сформулированы в отечественной науке на рубеже XX – XXI вв. Но дальнейшее прочтение текста заставляет задать вопрос: "Когда начала формироваться польская диаспора в Сибири?". Хотя, на наш взгляд, применение данного термина допустимо лишь в рамках страноведения, но не истории отдельных регионов, т.к. диаспора формируется в ином

---

[1]. См., напр., Филь С.Г. Поляки в Ишимской ссылке: первая половина XIX в. // http://a-pesni.org/polsk/a-ichim19.htm (Электронный ресурс. Режим доступа 20.03.2013 г.).

государстве под влиянием особенностей внутренней и внешней государственной политики. В отдельных же регионах возникают территориальные общины, которые имели или имеют свои отличительные черты. Но и в этом случае читатель невольно приходит к выводу, что формирование сибирской полонии связано со ссылкой польских восставших и их "пособников" в середине 1860-х гг. и до этого времени поляков в Сибири не было.

На нескольких страницах автором приведен широкий спектр мнений относительно численности сосланных участников восстания 1863 г. Эти цифры заимствованы из исследований как отечественных, так и польских историков. Но изложение разночтений, к сожалению, не завершается представлением авторской позиции по этому вопросу. Некоторые количественные показатели Мулиной заменены абстрактными высказываниями. Так, говоря о численности польского населения в губерниях Западной Сибири, она отмечает, что "реально же поляков было больше"[1].

Разумеется, что в монографии в центре внимания находится только часть сибирской полонии – каторжане и ссыльнопоселенцы. Но, акцентируя все внимание на этом сообществе, автор абсолютно выпускает из вида другую часть поляков, сосланную в это же время в Сибирь, но уже не за политические, а уголовные и административные правонарушения. Вряд ли эта часть общепольского потока за Урал была мизерной – преступность в привислинских и западных губерниях не была искоренена. Напротив, с бурным развитием капиталистических отношений в регионе росла и преступность. А значит, воры, бродяги, контрабандисты, фальшивомонетчики и прочие представители польского преступного мира прибывали в Сибирь.

В некоторых случаях автор допускает некорректные сравнения. Это относится, например, к характеристике социального состава ссыльных: приводятся данные переписи 1897 г., которые могут отражать ситуацию 1863 – 1883 гг., т.к. за последующий период социальный облик полонии коренным образом преобразовался вследствие изменений в польских мигрантских потоках: гораздо больше стало прибывать трудовых мигрантов из числа крестьян, мещан, разночинцев.

Несмотря на критические замечания обе монографии являются существенным вкладом в изучение полонии в Западной Сибири во второй половине XIX – первой четверти XX в.

Несмотря на сохраняющийся высокий интерес к теме ссылки, исследователи рассматривают местную полонию и с иных точек зрения - административной, экономической, правовой.

---

[1] Мулина С.А. Мигранты поневоле: адаптация ссыльных участников Польского восстания 1863 года в Западную Сибирь. СПб., 2012. С. 34.

Автором ряда работ по истории поляков Западной Сибири является В.А. Скубневский. В них он обращается к демографическим и экономическим аспектам. Так, несколько публикаций посвящено участию поляков в экономической жизни региона[1]. Будучи специалистом по экономической истории, В. Скубневский фокус собственного исследовательского интереса перенес на польское предпринимательство второй половины XIX – начала XX в. Разрабатывая эту тему, он обратил внимание на сложности выявления источников: "Найти исчерпывающие перечни промышленных предприятий с указанием фамилий владельцев весьма сложно, их полного учета в российской статистике просто не существовало"[2]. Для восполнения подобного рода пробелов необходимо, по его мнению, привлекать различные источники как архивного происхождения, так и опубликованные, в первую очередь, статистические сборники рубежа XIX - XX вв. Активная исследовательская работа в этом направлении позволила автору ввести в научный оборот информацию о польских предпринимателях Западной Сибири, которые вели свои дела здесь в пореформенный период.

Тема польского предпринимательства нашла свое отражение в публикациях С. Филя. Некоторые из них посвящены деятельности одного из крупнейших сибирских предпринимателей второй половины XIX в. Альфонса Поклевского-Козелл[3].

В начале 2000-х гг. появилась серия публикаций абаканского историка Сергея Леончика, посвященные экономическим и демографическим аспектам сибирской полонии[4]. Обращая внимание на добровольных крестьян-переселенцев, он отмечал уровень высокой агрикультуры и сохранявшуюся связь с прежним местом жительства посредством церковной организации.

---

[1]. См., напр., Скубневский В.А. Польское население Сибири по материалам переписи 1897 года // Польская ссылка в России XIX – XX веков: региональные центры. Казань, 1998. С. 170 – 175; Он же. Предпринимательство поляков в Сибири. Вторая половина XIX – начало XX вв. // Предприниматели и предпринимательство в Сибири. Вып. 3. Барнаул, 2001. С. 139-152; Он же. Источники изучения хозяйственной деятельности поляков в Сибири (вторая половина XIX – начало XX в.) // Восточная Европа и Россия: история, современное состояние и перспективы взаимоотношений. СПб., 2008. С. 82-92 и др.

[2]. Он же. Источники изучения хозяйственной деятельности … С. 85.

[3] См., напр.: Филь С. Поклевские-Козелл - владельцы винокуренного завода // Лукич. 2001. № 3(19). С. 56 - 63.

[4] См., напр.: Леончик С. Сибирь и ссыльные поляки // Родина, заново обретенная. Абакан, 2007. С. 4 - 12; Он же. Поляки в переселенческой политике российского государства в конце XIX – начале XX века // Поляки в социокультурном пространстве сибирской деревни. Материалы Международной научно-практической конференции (Омск – Тара, 7 – 10 августа 2009 г.). Омск, 2012. С. 7 - 12.

Одновременно с этим появляются публикации по истории польских общин отдельных сибирских городов. Так, в статьях Е. Тершуковой и А. Жаровой рассматривается история польской общности в Кургане на протяжении XIX – начала XX в.[1]

В статьях новосибирского исследователя Л.К. Островского рассматриваются социокультурные аспекты деятельности польских сообществ в западносибирских городах[2]. В 2011 г. им была издана монография "Поляки в Западной Сибири (1890-е – 1930-е годы)" (Новосибирск, 2011), посвященная различным аспектам истории формирования полонии в регионе. Изначально автор оговорил хронологические рамки рассматриваемых этапов и с этим делением вполне можно согласиться. Первый этап охватывает 1890-е гг. – 1914 г., второй – годы Первой мировой войны, третий – межвоенный период. В соответствующих разделах автор рассматривает вопросы, связанные с численностью полонии в сибирских губерниях, указывает на особенности ее демографического развития. В основном, Л. Островский апеллирует к материалам переписей населения, но этот источник им использован далеко не в полной мере. Некоторые количественные показатели заимствованы из исследований более раннего времени. Но они не подвергаются критической оценке. В некоторых случаях им использованы сводные результаты переписи населения 1897 г., но не дается пояснение, кто рассматривается им в качестве поляка. Ведь в переписном листе отсутствовала графа "Национальность", а потому достаточно непросто определить этническую принадлежность. Некоторые исследователи в качестве основополагающего признака используют знание родного языка. Но следует помнить, что с течением времени (одно-два поколения) шел активный процесс русификирования нерусских народов. На это обращали внимание многие современники. С другой стороны, Л. Островским крайне слабо использованы материалы переписей 1916 и 1917 гг., которые позволяют определить численность национальных групп в отдельных районах Западной Сибири. В то же время автор достаточно подробно представил различные аспекты экономической жизни поляков в Западной Сибири. Но этот раздел, как нам кажется, выиграл бы от сопоставления полонии с другими национальными общинами.

---

[1]. См., напр., Тершукова Е. Поляки в г. Кургане в XIX – начале XX веков: постановка проблемы, анализ источниковой базы http://www.kurgangen.org/local-finding/Poles%20in%20Zaurali/Polyaki%20v%20Kurgane/ (Электронный ресурс. Режим доступа 7.04.2013); Она же. Ссыльные поляки в г. Кургане в первой половине XIX века. http://www.kurgangen.org/local-finding/Poles%20in%20Zaurali/Poland%20in%20Kurgan%20III/ (Электронный ресурс. Режим доступа 7.04.2013) и др.

[2]. См., напр., Островский Л.К. Польское население Томска, Тобольска и Омска и деятельность католических благотворительных обществ 1890-е – начало 1920-х гг.) // Известия Новосибирского государственного университета. Серия "История. Филология". 2012. Т. 11. № 8. С. 59-62.

Таким образом, на современном этапе изучения сибирской полонии произошли некоторые концептуальные сдвиги. Все большее внимание в публикациях уделяется не столько процессу ссылки поляков в Азиатскую часть Российской империи в XIX - начале XX в., сколько проблемам их адаптации в новых условиях жизни. В научный оборот вводятся не только мемуарные источники, которые служили базисом для исследований в предшествующие периоды. Активно используются материалы периодических изданий второй половины XIX - начала XX в., издававшихся как в Сибири, так и за ее пределами. Введение в оборот все большего количества опубликованных и неопубликованных статистических материалов позволило исследователям говорить о формировании в Сибири в рассматриваемый период качественно нового экономического явления - национального предпринимательства, в том числе и польского.

Одной из историографических особенностей, как мы уже отмечали выше, является изучение общин в отрыве от окружающего населения региона. У неискушенного читателя может сложиться ощущение, что евреи, немцы, поляки, финны и прочие национальные группы проживали в изолированных поселениях, не вступая в экономические и прочие отношения с местным аборигенным и переселенческим населением. Монография Е.В. Карих "Межэтнические отношения в Западной Сибири в процессе ее хозяйственного освоения. XIX – начало XX в." (Томск, 2004) стала одной из первых работ, в которой был поставлен вопрос об изучении процессов межэтнического взаимодействия, возникавших в Западной Сибири во время ее хозяйственного освоения в XIX - начале XX в.

Несомненно, сильной стороной исследования явился анализ межэтнического разделения труда и особенностей взаимодействия этносов в различных хозяйственно-климатических зонах края, проведенный на основе широкого круга статистических источников. Особо автор обратил внимание на сегрегационные группы и их интеграцию в хозяйственную жизнь региона. Позволим себе не согласиться с включением в этот разряд немцев, положение которых в Российской империи не было законодательно ущемлено, как например, евреев. Вряд ли можно рассматривать "бумажную волокиту"[1] как сегрегационную меру.

Заметным событием в отечественной исторической науке стал выход в свет фундаментальной монографии И.В. Нам "Национальные меньшинства Сибири и Дальнего Востока на историческом переломе (1917 – 1922 гг.)" (Томск, 2009). Свое повествование автор начинает с представления исторического пути немцев, поляков, евреев, прибалтов и пр. в Сибирь на рубеже XIX – начала XX в. При этом отмечается различное влияние добровольного

[1] Карих Е.В. Межэтнические отношения в Западной Сибири в процессе ее хозяйственного освоения. XIX - начало XX в. Томск, 2004. С. 180.

переселения и уголовной, административной ссылки на формирование национальных общин. Именно ссылка являлась в течение длительного времени основным источником прироста населения в регионе. По мнению автора, ей "царизм придавал не только карательное, но и колонизационное значение" при освоении и заселении окраинных районов страны[1]. На материалах статистики наглядно показано, что в течение второй половины XIX в. доля ссыльных среди населения Сибири постоянно возрастала[2].

Автор проводит скрупулезный анализ переселенческого движения. Нельзя не согласиться с утверждением о том, что "вплоть до конца XIX в. Российское государство проводило нелогичную … политику противодействия центробежным устремлениям крестьянства"[3]. Социально-экономические процессы заставили правительство изменить свое отношение к переселенческому вопросу и легализовать миграционные потоки. При рассмотрении этого аспекта И.В. Нам проанализировано переселение немцев – бывших колонистов из Поволжья и новороссийских губерний.

В завершение обзора русскоязычной историографии следует отметить монографию А.К. Тихонова "Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последней четверти XVIII - начале XX в." (2007), которая так же, как и вышеназванные работы, построена на принципах компаративизма. В центре внимания автора находится конфессиональная политика Российской империи. Обращает на себя внимание тот факт, что при рассмотрении вопроса о формировании законодательства в отношении иудейского населения автор апеллирует преимущественно к документам, опубликованным в разных изданиях "Полного собрания законов Российской империи"[4], но при этом он не ставит вопрос о порядке правоприменения появившихся нормативно-правовых актов. Современная иудаика качественно изменилась в сравнении с началом XX в., однако А.К. Тихонов предпочитает использовать дореволюционные публикации, которые, порой, носят публицистический характер, оставляя вне поля зрения многочисленные исследования последних двух десятилетий, вышедших как в России, так и за рубежом.

Таким образом, постсоветский период характеризуется активизацией исследователей в изучении национальных историй. Историки, этнографы обращаются к рассмотрению этнических групп с позиций микроистории. В условиях методологического плюрализма

---

[1]. Нам И.В. Национальные меньшинства Сибири и Дальнего Востока на историческом переломе (1917 – 1922 гг.). Томск, 2009. С. 42.

[2]. Там же. С. 44.

[3]. Там же. С. 49.

[4] Тихонов А.К. Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последней четверти XVIII - начале XX в. СПб., 2007. С. 122 - 158 и др.

появились возможности взглянуть на многие события по-новому. Исследования строятся на источниках, использование которых ранее было невозможно. Сложились академические научные центры и школы, которые занимаются изучением диаспор.

Во-вторых, даже неполное знакомство с историографией истории евреев, поляков, немцев в Сибири позволяет говорить о крайней неравномерности изученности объекта. Более полно реконструированы различные стороны жизни немецкого населения Западной Сибири. Эта часть историографии, как мы могли убедиться, является наиболее обширной и разноплановой. О научной зрелости этого направления в исторической науке свидетельствует также наличие большого количества обобщающих работ в виде исследовательских (диссертации, монографии) и справочных (библиографические указатели, справочники) изданий.

Говоря о сибирской иудаике, нужно отметить особый интерес к вопросам внутриобщинной жизни, к участию еврейского населения в общественно-политических процессах в регионе. Социально-экономическая составляющая исторического прошлого евреев Сибири нуждается в дальнейшем развитии.

Вне всякого сомнения, исследователями проделана большая работа по восстановлению исторического прошлого еврейского населения Сибири. Но эти публикации имеют ряд общих недостатков. Так, можно отметить некую оторванность реконструкций от макрорегионального контекста. Это не позволяет, в свою очередь, выявить объективные связи между явлениями, установить достоверную причинно-следственную связь.

Помимо этого авторы рассматривают предмет изучения сугубо в рамках губернии (края), не прибегая к межрегиональным сравнениям дефиниций одного порядка. И уж тем более в исследованиях, за редким исключением, отсутствуют межнациональные сравнительные построения в правовой, экономической, религиозной и иных сферах. В то же время мы должны помнить о том, что еврейское население находилось в тесной взаимосвязи не только с русским старожильческим и переселенческим населением Сибири, но и аборигенами, а также представителями иных меньшинств, оказавшихся в регионе вследствие реализации государственных мероприятий.

Целый ряд сюжетов, например, о переселенческой кампании 1836-1837 гг. имеет неоднозначное толкование. Появление новых источников позволяет нам по-новому взглянуть на отдельные сюжеты истории сибирских евреев.

В целом, обширная историография конца XIX – начала XXI вв. является заметным вкладом в изучение истории развития не только еврейской общины Сибири, но и России в целом. Появление многочисленных работ открывает исследователям возможность для проведения компаративистских исследований как в рамках Сибири, так и других регионов, в которых

проживало еврейское население. Можно вполне согласиться с А.Е. Локшиным, отмечавшим уже в 2002 г. факт существования самостоятельной сибирской школы иудаики[1].

В течение длительного времени доминирует рассмотрение польского населения сквозь призму политической ссылки XIX – начала XX в., что привело к появлению большого количества публикаций. Но на этом фоне абсолютно теряются те немногочисленные исследования, в которых представлены результаты изучения экономических, демографических, социокультурных аспектов. И это, несомненно, обедняет общую историографию темы.

В-третьих, исследователи XX – начала XXI в. рассматривают национальные общины, как правило, в отрыве от общего контекста. Ими создано представление о немецкой экономике в Сибири, формировании и развитии общинных еврейских институтов, о польской политической ссылке и т.д. Но эти явления представлены в своем внутреннем развитии, но во внешней статике. Недостаточное сравнение и сопоставление однопорядковых исторических явлений в этой ситуации не позволяет сделать объективный вывод о роли и месте национальных групп в общественно-политической, экономической и социокультурной жизни региона.

1.4. История еврейской, немецкой и польской общин Западной Сибири в публикациях иностранных исследователей конца XIX - начала XXI вв.

Собственная трактовка событий русской истории XIX - начала XX в. содержится в многочисленных работах зарубежных авторов.

В начале XX в. был чрезвычайно популярен американский журналист и путешественник Джордж Кеннан, являвшийся одним из членов американского "Общества друзей русской свободы". В 1885 – 1886 гг. он совершил поездку по Сибири. Результатом стали его путевые записки, вышедшие в свет в 1891 г. под названием "Сибирь и ссылка", изданная на русском языке в 1906 г.

Главная тема – положение ссыльных в Сибири. Вокруг нее выстроены все сюжеты. В этой работе автором упоминаются многие ссыльные, с которыми ему приходилось общаться. Среди них был Ф. Волховский, о котором мы уже упоминали выше, представляя характеристику первых газетных публикаций о сибирских евреях. Отдельные зарисовки, сделанные автором, давали первоначально американскому читателю представление о регионе. Так, представлено краткое описание крупных городов, через которые проезжал Дж. Кеннан. Применительно к

---

[1]. Локшин А.Е. Современная зарубежная историография российского еврейства XVII – начала XX вв. Взгляд из России // История еврейских общин Сибири и Дальнего Востока. Красноярск, 2002. С. 4.

Томску, он не только привел данные о численности населения в городе, но и упомянул о наличии в нем помимо православных церквей одного костела и двух синагог, что создавало картину его поликонфессиональности[1].

Другим примером американского взгляда на Сибирь и его жителей стали путевые записки путешественницы Джон Кларенс Ли "Одна через всю Сибирь", изданные в Нью-Йорке в 1914 г. В отличие от Кеннана, она представила читателям картины повседневной жизни населения Российской империи накануне Первой мировой войны. Отдельные главы посвящены описанию Иркутска, Томска и их обывателей. Практически во всех главах присутствует тема переселения в Сибирь. Автор приводит разноплановые данные, полученные ею от собеседников. Так, со слов юной сибирячки, изучавшей медицину, она узнала о том, что большое количество переселенцев различных национальностей устремилось в Сибирь, среди которых были поляки, немцы, евреи, малороссы, финны и др.[2].

Таким образом, в немногочисленных работах иностранных авторов, вышедших в свет в дореволюционный период, содержится достаточно скупая информация о жизни национальных групп. Это объясняется, в первую очередь, целью которую преследовали авторы. Но их значение не следует умалять, т.к. они позволяют реконструировать дух той эпохи в регионе.

Крушение империй как итог Первой мировой войны привело к изменению геополитической ситуации в Центральной и Восточной Европе. В восстановленных и новых государствах (Германия, Польша и др.) в 1920-х - 1930-х гг. шел процесс изучения истории некоторых диаспор в царской России (немецкой, польской, еврейской).

Уже в 1919 г. в Берлине по инициативе одного из лидеров сионистского движения д-ра Артура Хантке начата работа по комплектованию фондов Центрального сионистского архива. С 1920 по 1933 гг. в них оказались многочисленные документы, фотографии, периодические издания из разных стран мира по истории сионизма. С 1933 г. архив находится в Иерусалиме, где продолжает свою работу.

Одним из центров изучения еврейской истории стал созданный в 1925 г. в Вильно Еврейский научно-исследовательский институт (YIVO), имевший филиалы в Берлине, Варшаве и Нью-Йорке. Одной из задач его стали сбор и сохранение документов по истории евреев Восточной Европы, в том числе и России. С приходом к власти в Германии национал-социалистов Берлинский филиал был вывезен за пределы Германии.

В Германии в эмиграции оказался целый ряд выдающихся русско-еврейских деятелей, внесших вклад в изучение истории евреев в России. Несомненно, одной из самых значимых

---

[1] Кеннан Дж. Сибирь и ссылка. В 2-х ч. СПб., 1906. С. 44.

[2] Lee, J. C. Across Siberia Alone. An American Women's Adventures. New York, MCMXIV. P. 186.

среди них фигур был Дубнов, проживавший в 1922 - 1933 гг. в Германии, а с августа 1933 г. до своей смерти в декабре 1941 г. в Латвии. Он в это время активно сотрудничал с историческим отделом упомянутого института.

В 1939 г. в Иерусалиме был открыт Центральный архив истории еврейского народа, в фондах которого содержатся преимущественно копии документов из архивов еврейских общин и организаций в диаспоре.

Отсутствие дипломатических отношений между СССР и Израилем до 1991 г. препятствовало пополнению архивохранилищ копиями из советских центральных и региональных архивов. Естественно, исследователи вынуждены были пользоваться теми немногочисленными документами, которые были в их распоряжении. Возникшая узкая источниковая база во многом объясняет тенденции в истории изучения еврейского населения в различных регионах Российской империи на Западе.

Отсутствие работ по истории евреев дореволюционной России в СССР компенсировалось исследованиями за рубежом. Одним из ведущих центров стали США, где уже в середине 1940-х гг. в некоторых университетах были созданы кафедры изучения истории евреев России. Перевезенный в Нью-Йорк архив Еврейского научно-исследовательского института и архивы Израиля позволяли им проводить активную исследовательскую работу, результаты которой не заставили себя долго ждать.

В 1943 г. в издательстве Колумбийского университета была опубликована монография Исаака Левитатса "The Jewish Community in Russia, 1772 – 1844" ("Еврейская община в России, 1772 - 1844"). Автор ограничил свое исследование периодом, когда еврейская жизнь в Российской империи контролировалась кагалами. Заслуга Левитатса состоит в том, что внутренняя жизнь общин в черте оседлости рассмотрена им на основании внутриобщинных документов (регестов и др.), а взаимоотношения евреев с русским государством реконструированы с позиций официального законодательства рассматриваемого периода.

В 1970-е – 1980-е гг. в этом направлении работали английские и американские историки. Одним из признанных специалистов по истории евреев России в имперский период остается английский профессор Джон Клиер – автор нескольких монографий, в которых представлен опыт изучения еврейского населения в различные периоды. В 1975 г. он представил свое исследование "The origins of the jewish minority problem in Russia, 1772 – 1812". В 1986 г. в Иллинойсе (США) была опубликована монография "The origins of the “jewish question” in Russia, 1772 – 1825", увидевшая свет в русском переводе под названием "Россия собирает своих евреев: Происхождение еврейского вопроса в России: 1772 – 1825" (М., 2000). В монографии автор упоминает о контактах Русского государства с евреями до 1772 г. Так, в

общеисторическом контексте указывается на Сибирь как место ссылки евреев, начиная с правления царя Алексея Михайловича[1]. В дальнейшем эта практика лишь получила свое развитие[2].

В 2000-е гг. на русский язык переводятся работы израильских историков, которые стали классическими в изучении истории евреев царской России. Это в полной мере относится к монографии И. Барталя "От общины к нации: евреи Восточной Европы в 1772 – 1881 гг." (М., 2007), в которой рассматриваются различные аспекты жизни евреев в Российской и Австрийской империях.

Примером изучения еврейской общины вне мест традиционного проживания стала монография Б. Натанса "За чертой: евреи встречаются с позднеимперской Россией", изданная на русском языке в 2007 г., в которой автор сосредоточил свое внимание преимущественно на жизни еврейской общины Петербурга. Работа написана с позиций "новой имперской истории" и раскрывает различные аспекты взаимоотношений имперской власти и еврейского сообщества. В отличие от предшественников и современников, он ввел в текст большое количество статистического материала, который красноречиво подтверждает сделанные выводы. Данная работа может служить своего рода методическим пособием по истории изучения еврейской общины вне черты оседлости.

Надо сказать, что региональная тематика популярна среди израильских историков. Это можно подтвердить указанием на ряд работ.

В 1990 г. в Тель-Авиве вышла в свет двухтомная монография Ицхака Давида "История евреев на Кавказе". Данная работа посвящена периоду с середины XVIII до начала XX в. Структурно работа выстроена в хронологическом порядке. В каждом периоде рассматривается одинаковый круг вопросов: правовое положение еврейского населения, экономическая жизнь, социокультурные особенности. Работа построена, в первую очередь, на опубликованных источниках и исследованиях предшественников. Русскоязычная литература представлена преимущественно публикациями дореволюционных авторов. В то же время автор использовал и многочисленные архивные материалы, которые значительно обогатили работу. Введение в работу многочисленного статистического материала при реконструкции экономической жизни евреев региона позволяет использовать его для сравнения с другими регионами, в которых проживало еврейское население.

---

[1]. Клиер Дж. Россия собирает своих евреев: Происхождение еврейского вопроса в России: 1772 – 1825. М., 2000. С. 61.

[2]. Там же. С. 177, 277.

Опыт изучения еврейского населения вне черты оседлости представлен в диссертации израильского историка Альберта Кагановича "Отношение администрации к бухарским евреям и их правовое положение в Туркестанском крае в 1867 – 1917 гг." (2003). Опираясь на богатый источниковый опубликованный и архивный материал, автор подробно проанализировал правовые взаимоотношения среднеазиатских евреев с местными властями до присоединения территорий к России, на которых они проживали, и русской администрацией. По мнению автора, бедственное положение иудеев в Средней Азии подтолкнуло их в сторону поддержки русской армии, как это было в свое время при завоевании Восточного Кавказа русской армией или Алжира французами[1]. Под давлением комплекса причин русская администрация предоставила бухарским евреям "широкие права, которые не имели ни ашкеназские евреи в черте оседлости, ни горские и грузинские евреи на Кавказе"[2]. Но под влиянием общегосударственных тенденций ухудшилось отношение к евреям Европейской России, а "через туркестанскую администрацию эти перемены ощути на себе и бухарские евреи"[3]. Специфика Туркестанского края, проявлявшаяся в управлении территорией военным и финансовым министерствами, породила противостояние двух ведомств. Именно военные власти выступили инициатором ограничения прав евреев, что продолжалось на протяжении 1880-х – 1910-х гг. Но прагматичная позиция министров финансов С.Ю. Витте, В.Н. Коковцова, по мнению А. Кагановича, позволили сохранить за среднеазиатскими евреями многие привилегии[4].

Другим примером комплексного изучения еврейского местечка может служить монография А. Кагановича "Речица: История еврейского местечка Юго-Восточной Белоруссии" (Иерусалим, 2007). Данная работа носит научный характер, построена на многочисленных релевантных источниках и охватывает период от средневековья до 1991 г. Для нас представляет интерес та часть работы, которая посвящена правовому положению, экономической жизни и демографическим аспектам еврейского населения штетла. Экономика и демография Речиц реконструирована по опубликованным и архивным источникам.

Несомненно, сильной стороной работы является постоянное сопоставление евреев и окружающего населения, что позволяет получить целостную картину. Например, рассматривая динамику численности еврейского населения Речиц, автор указал на то, что эмиграция не могла

---

[1]. Каганович А. Отношение администрации к бухарским евреям и их правовое положение в Туркестанском крае в 1867 – 1917 гг. Иерусалим, 2003. С. 342-343.

[2]. Там же. С. 343.

[3]. Там же. С. 344.

[4]. Там же. С. 349.

сдержать общий рост численности евреев в городе, и их удельный вес увеличивался за счет относительного сокращения христиан, в первую очередь, православного населения[1]. Сравнение с православным, мусульманским, католическим населением приводится и при рассмотрении брачного возраста[2].

В конце XX в. появились отдельные работы, авторы которых выступали с ортодоксальных позиций, доказывая плаченое положение еврейского населения в Российской империи. В этом историографическом направлении можно выделить работу Аарона Оксмана "История евреев в Российской империи и Советском Союзе" (Иерусалим, 1996). Основанная преимущественно на материалах "Еврейской энциклопедии" она представляет собой краткий очерк еврейской истории от библейских времен до 1980-х гг. Общий фон истории еврейского народа в дореволюционной России представлен достаточно мрачным – вся государственная политика от Екатерины II до Николая II носила антиеврейскую направленность, а проводимые властями мероприятия были направлены на ущемление прав евреев.

Справедливости ради нужно отметить высокий профессионализм современных исследователей. В 2012 г. вышла в свет коллективная монография "История еврейского народа в России. От разделов Польши до падения Российской империи, 1772 – 1917", в которой историки из России, Израиля, Германии, США раскрывают различные стороны общественно-политической, экономической, социокультурной жизни евреев в черте оседлости и за ее пределами. Правда, материал, представленный по истории евреев за чертой оседлости, сведен преимущественно к Москве и Петербургу[3]. Тем не менее, представленные материалы позволяют определить основные тенденции и подходы в изучении данного объекта.

История российских немцев нашла свое отражение в зарубежной историографии. Правда, следует признать, что количество публикаций на немецком и английском языках, в которых раскрываются различные аспекты жизни немцев Сибири крайне мало. Они представлены преимущественно газетными и журнальными статьями, а отдельных монографий по ряду причин немного. Общий их анализ свидетельствует о том, что освещенность истории немцев Сибири заметно уступает изученности прочих немецких анклавов.

Высокий интерес к данной теме наблюдался в конце 1920 - начале 1940-е гг. С одной стороны, это можно объяснить тем, что после Октябрьской революции и Гражданской войны многие немцы оказались в добровольной или вынужденной эмиграции, где они принялись за

---

[1]. Каганович А. Речица: История еврейского местечка Юго-Восточной Белоруссии. Иерусалим, 2007. С. 154.

[2]. Там же. С. 155.

[3]. См. Клайнман И. Еврейское общество за пределами черты оседлости // История еврейского народа в России. От разделов Польши до падения Российской империи, 1772 – 1917. М., 2012. С. 188-203.

написание собственных воспоминаний. Уже с 1920-х гг. прослеживается идеологическая окраска многих публикаций. Например, еще в 1920 г. была опубликована брошюра А. Франка "Правда о России. Эмиграция из Советской России и диктатура Третьего Интернационала" (Берлин, 1920).

Выделяется в этом ряду объемная работа пастора Я. Штаха, который в свое время проживал на Алтае, а затем эмигрировал в Германию, где в 1938 г. вышла в свет книга "Die Deutschen in Sibirien, Mittelasien und von dem Fernen Osten" - "Немцы в Сибири, Средней Азии и на Дальнем Востоке" (Штуттгарт, 1938). Особый интерес представляет для нас тот раздел, в котором автор затрагивает вопросы немецкой крестьянской колонизации в Сибири. Автор представляет читателю общую информацию о географических, климатических, природных условиях новых мест поселения, о немецкой школе в Сибири, судьбах немецких колонистов в годы Первой мировой войны. В целом, в работе представлен интересный материал из жизни немецкой колонии на Алтае в дореволюционный период. Однако о том, что автор не в полной мере владел ситуацией по региону, свидетельствует, например, тот факт, что занижено число дочерних колоний на юге Алтайского округа, отсутствует информация о хозяйственной стороне жизни колонистов не только юга Алтая, но также Кулундинской степи и т.д.

С началом Великой Отечественной войны германская пропаганда стремилась привлечь на сторону Третьего рейха советских немцев, проживавших в Европейской России. Еще до начала Второй мировой войны лидеры фашистской Германии говорили о том, что необходимо объединить немецкие диаспоры за рубежом. Для этих целей был создан ряд организаций, в том числе действующий до сих пор "Союз помощи немцам за рубежом" (VDA). С оккупацией советской территории активизировался интерес к истории советских немцев германских исследователей. Именно в это время собирал уникальные материалы по истории немецких колоний Юга России д-р Карл Штумпп, опубликовавший большое число научных статей и монографий по истории иностранной колонизации в России.

По окончании Второй мировой войны ситуация в немецкоязычной историографии несколько меняется. Позитив наметился, в первую очередь, в том, что землячество немцев России в Штутгарте начинает выпускать ежегодник "Heimatbuch der Deutschen aus Russland"- "Родная книга немцев из России". Редактором этого сборника долгое время являлся д-р К. Штумпп, который опубликовал в нем ряд своих статей по истории российских немцев. Некоторые из них касались Сибири. Наиболее интересными представляются публикации "Das Russlanddeutschtum in Nord- (Sibirien) und Mittelasien" -"Российские немцы в Северной (Сибири)

и Средней Азии"[1], "Folgeschwere Auswirkungen der russischen politischen Entwicklung auf das Russlanddeutschtum" - "Тяжелые последствия русского политического развития для немцев России"[2] и ряд других, в которых автором рассматриваются вопросы законодательства относительно немецкого населения и переселения колонистов за Урал в начале XX в. Однако оторванность его от архивов, незнание или слабое представление о специфике районов, где селились немцы, заметно сказывались на качестве работ. То же самое можно сказать и о других работах этого времени[3]. Например, в статье А. М…ра "Das Deutschtum in Sibirien und Mittelasien" – "Немцы в Сибири и Средней Азии" указывается на то, что уже с середины XVIII в. немцы при переселении в Сибирь получали различные привилегии. Однако это далеко не так: и в XVIII, и в XIX, и на рубеже XIX – XX вв. немцы переселялись за Урал на общих основаниях. Если же горные инженеры и прочие специалисты получали какие-то привилегии в сравнении с русскими чиновниками, то это было связано со спецификой их положения в хозяйственной или иной сферах жизни.

При этом необходимо отметить, что появляются работы по истории российских немцев, опубликованные вне Германии. Активная издательская деятельность характерна для общин российских немцев Канады, США, ряда стран Южной Америки. Стоит отметить две работы Герхарда Фаста[4], опубликованные в 1950-е гг. в Канаде, куда автор эмигрировал из СССР через Великобританию и Германию еще в начале 1930-х гг. Речь идет о книгах "In den Steppen Sibiriens" - "В степях Сибири" (Виннипег, 1954) и "Im Stammen des Todes" - "В тени смерти" (Виннипег, 1956). Опираясь на знание местного материала, автор достоверно и живым языком описывает причины переселения за Урал, сложности, с которыми переселенцы сталкивались в пути. Будучи учителем, он уделяет внимание влиянию учителей на формирование немецкой колонии на Алтае, проводя сравнение с деятельностью религиозных проповедников. Автор в течение длительного времени собирал материал для обеих книг, что позволило ему, например,

---

[1]. Stumpp, Karl. Das Russlanddeutschtum in Nord- (Sibirien) und Mittelasien // Heimatbuch der Deutschen aus Russland – 1964. Stuttgart, 1964. S. 5 – 14.

[2]. Stumpp, Karl. Folgeschwere Auswirkungen der russischen politischen Entwicklung auf das Russlanddeutschtum // Heimatbuch der Deutschen aus Russland – 1966. Stuttgart, 1966. S. 5 – 13.

[3]. M…r, A. Das Deutschtum in Sibirien und Mittelasien // Heimatbuch der Deutschen aus Russland – 1959. Stuttgart, 1964. S. 16- 25.

[4]. Герхард Фаст в течение длительного времени являлся учителем школы в с. Орлово одноименной волости Барнаульского уезда. В 1929 г. нелегально эмигрировал в Великобританию, но был выслан в Германию, куда позднее переехала его семья. После Второй мировой войны вместе с семьей переехал в Канаду, где поселился в г. Виннипеге. Потомки проживают в России, Германии, Канаде.

снабдить их уникальными фотографиями, которые позволяют более четко представить себе немецкую деревню и людей, живших в ней, в те далекие годы.

В 1965 г. в Тюбингене была выпущена книга К. Штумппа "Российские немцы. Двести лет в пути"[1], в которой был обобщен весть собранный к тому времени в Германии материал по истории российских немцев. Как и следовало ожидать, основное внимание уделено колониям немцев Поволжья, Юга России, Кавказа, приводится материал о судьбе немецкого населения СССР в годы Второй мировой войны, но практически ничего не сказано о немецких поселениях в Сибири.

В незначительном числе немецкоязычных публикаций по истории немецкого населения Сибири и Алтая в частности, вышедших в свет в Западной Германии в 1950 – 1980-е гг., основное внимание уделялось достаточно узкому кругу проблем – переселению за Урал, сложностям обоснования на новом месте жительства, религиозной жизни переселенцев. Остальные аспекты социально-экономической и общественно-политической жизни представителей данной национальной группы в новых условиях вследствие отсутствия источников не получили должного освещения. Именно поэтому интерес к этим аспектам в среде германских ученых сегодня необычайно велик.

Особенностью западногерманской историографии является также то, что в научных публикациях по истории сибирских немцев авторы оперируют ограниченным количеством фактов, которые "кочуют" из одной работы в другую. Не вполне объективно, не имея на то должных причин, как указано было выше, они стремятся особо выделить немецких колонистов в общем потоке крестьян-переселенцев, пришедших в Сибирь в конце XIX – начале XX вв. Кроме того, основными источниками для них являются воспоминания колонистов-переселенцев различных лет.

Некоторые из немецких авторов, чьи работы вышли в 1920 – 1930 –е гг., сами бывали в Сибири, но нередко они посещали лишь кулундинские поселения немцев-колонистов. Это вело к тому, что складывалось неверное представление о том, что на Алтае немцы селились в начале века лишь в районе Славгорода, тогда как имелась достаточно большая дисперсная группа немецких поселений в южной части Алтайского округа[2]. Достаточно отчетливо это прослеживается на примере монографии пастора Я. Штаха "Немцы в Сибири, Средней Азии и на Дальнем Востоке". Правда, в приложении автор упоминает несколько дочерних колоний расположенных в районе Рубцовска, но число их далеко от достоверного. Подобного рода

---

[1]. Stumpp K. Die Russlanddeutschen. Zweihundert Jahren unterwegs. Tuebingen, 1965.

[2]. Ныне эта территория Алтайского края Российской Федерации и Восточно-Казахстанской области Республики Казахстан.

фактические и фактологические ошибки и неточности со временем привели к порождению и укреплению стереотипов и заблуждений, преодолеть которые, порой, бывает непросто.

На этом фоне выделяется монография И. Фляйшхауэр "Немцы в царской империи. Два века немецко-русского культурного сотрудничества"[1]. В своей работе автор обратила особое внимание на проблемы общественно-политической жизни российских немцев. Тщательному анализу подвергается реформа немецкой колонии 1871 г., развитие сельского хозяйства и колонистской промышленности в конце XIX – начале XX вв., в связи с чем применительно к данному периоду вводится термин "грюндерские годы" (по аналогии с грюндерской горячкой в Германии – В.Ш.). Обращаясь к общественно-политической жизни немецких колонистов, автор рассматривает проблему возникновения и развития "немецкого вопроса" в России, его рассмотрение в Государственной Думе различных созывов. Но эта работа носит в целом общий характер.

Занимаясь изучением истории российских немцев, германские исследователи обращаются к проблеме их интегрированности в российское общество. Наиболее ярко это прослеживается в трудах А. Каппелера[2]. В своих работах он приходит к выводу о том, что российские немцы, как и прочие национальные меньшинства Российской империи, например, евреи или поляки, занимали свою нишу в хозяйственной, общественно-политической жизни государства.

Очередной всплеск интереса к истории российских немцев в Германии приходится на начало 1990-х гг. Это было связано с началом массовой эмиграции немцев из республик бывшего Союза ССР. Для ускорения интеграции "поздних переселенцев" (Spaetaussiedler) необходимо было знать их историю.

На этом фоне появляется целая серия работ. В 1992 г. выходит в свет монография А. Айсфельда "Российские немцы"[3]. Богато иллюстрированная работа содержит ценную информацию о развитии немецких колоний в России в пореформенный (для немецких колонистов он начинается в 1871 г., что связано с реформой немецкой колонии – В. Ш.) период (1871 – 1917 гг.). Особое внимание автор обращает на экономическое развитие немецких колоний. На материале Юга России приводятся данные об экономическом росте предприятий, особенно в промышленных, принадлежащих поселянам – собственникам (бывшим колонистам). Рассматривая вопросы политической жизни России рубежа XIX - XX вв., автор

---

[1]. Fleischhauer I. Die Deutschen im Zarenreich. Zweihunderte deutsch – russische Kulturgemeinschaft. Stuttgart, 1986.

[2]. Kappeler A. Die Deutschen im Rahmen des zaristischen und sowjetischen Vielvoelkerreiches: Kontinuitaet und Brueche // Die Deutschen im Russischen Reich und im Sowjetstaat. Köln, 1987. S. 9 – 19; Ders.: Russland als Vielvoelkerreich: Entstehung – Geschichte – Zerfall. Muenchen, 1992.

[3]. Eisfeld A. Die Russlanddeutschen. Muenchen, 1992.

приходит к выводу об успешной интеграции немецкого населения в эту сферу, что проявилось в активном участии немецких поселян в деятельности земств, общественных организаций, не имея собственной политической партии, они, тем не менее, принимали непосредственное участие в политической жизни, выдвигая своих кандидатов в депутаты Государственной Думы.

Проблемы сравнительного анализа жизни и деятельности немцев в России и Америке рассматриваются в работе "Немцы за рубежом – незнакомцы в Германии. Миграция в истории и современности"[1]. В данной работе впервые обращаются к проблеме возникновения дочерних колоний в Сибири. Успех переселенческой политики правительства применительно к немецким колонистам автор объясняет тем, что на Алтае переселенцы могли получить от правительства до 15 дес. земли на душу мужского пола, а также 165 рублей подъемных. Автор обращает внимание на то, что подавляющее большинство немецкого населения региона занималось земледелием. Однако вновь всплывает заблуждение о том, что на Алтае немецкие поселения имелись лишь в районе Славгорода[2].

Вершиной германских исследований по истории российских немцев стала коллективная монография "Немецкая история в Восточной Европе. Россия" (Берлин, 1997)[3]. В данной работе в кратком изложении представлена информация и о возникновении дочерних колоний в Сибири, в том числе на Алтае. Однако ничего нового к тому, что было опубликовано в работе "Немцы за рубежом – незнакомцы в Германии" авторы добавить не смогли. Кроме того, встречаются существенные разночтения по поводу одного и того же факта. Например, в книге "Немцы за рубежом – незнакомцы в Германии" и рассматриваемой нами книге приводится численность немецкого населения в Кулундинской степи в районе г. Славгорода. Но полностью совпадающие данные приводятся на разные годы - 1914 и 1924 соответственно[4].

Таким образом, особенностью немецкоязычной историографии является то, что она представлена работами по истории немцев Сибири XIX - начала XX в. преимущественно описательной направленности, что объясняется оторванностью авторов от мест событий и основной массы исторических источников.

Уже во второй половине XIX в. сложилась традиция изучения польской ссылки в Сибири в польскоязычной историографии. Немногочисленные исследования, в которых прямо или косвенно звучала эта тема, начали появляться на польском языке уже в конце 1860-х гг. Так, в

---

[1]. Deutsche im Ausland – Fremde in Deutschland. Migration in Geschichte und Gegenwart. Muenchen, 1992.

[2]. Ders. S. 114.

[3]. Deutsche Geschichte im Osten Europas. Russland. Berlin, 1997.

[4]. Deutsche im Ausland – Fremde in Deutschland. Migration in Geschichte und Gegenwart. Muenchen, 1992. S. 114; Deutsche Geschichte im Osten Europas. Russland. Berlin, 1997. S. 95.

1861 и 1864 г. в Париже вышла в свет работа Е. Хеленужа-Ивановского "Народные воспоминания", а в 1876 г. в Кракове были опубликованы его же "Воспоминания минувших лет".

Практически все польские авторы используют в качестве источника мемуары А. Гиллера, которые были изданы в Липске в 1867 г.[1]. Автор одним из первых познакомил польского читателя с Забайкальем. В 1870 г. в Львове была издана книга "В изгнании", также посвященная истории польской ссылки.

Эти работы стали основой для мартирологического (мифологизированного) изучения сибирской полонии, взяв курс на героизацию ссыльных как борцов за восстановление польского независимого государства. Это направление в польской историографии стало доминирующим до конца XX в.

Значительным шагом в изучении жизни поляков в Сибири был сделан в середине 1880-х гг., когда в Кракове увидела свет монография Зигмунда Либровича "Поляки в Сибири" (1884 г.). Географические рамки охватывают не только Восточную и Западную Сибирь, но так же и прилегающие территории: Амурский и Оренбургский края, Киргизская Степь, Камчатка и Южный Урал[2]. Это свидетельствует о чрезвычайно широком толковании в польской традиции понятия "Сибирь".

В качестве источников автором использованы опубликованные работы на русском языке (Максимов С.В. Сибирь и каторга. СПб., 1871), на польском языке (A. Giller. Opisanie Zabajkalskiej Krainy w Syberji. Lipsk, 1867), опубликованные воспоминания поляков, вернувшихся из сибирской ссылки (Wspomnienie o duchowinstwie polskiem znajdujacem sie na wygnaniu w Syberji. Poznan, 1875) и др.

Одним из первых З. Либрович дал свою периодизацию польского присутствия в Сибири. Так, первые сведения о Сибири в польских источниках он отнес к XIII в. Именно тогда поляки в составе дипломатической миссии побывали в Кара-Коруме. Следующий этап – польские пленные, сосланные в Сибирь после войн между Россией и Польшей в XVII в. Важной вехой стала ссылка в Сибирь барских конфедератов. "Новая значительная партия прибыла после войны 1812 г."[3]. По прошествии времени ссыльные получали возможность вернуться домой, что свидетельствует в пользу эпизодического присутствия поляков в регионе. Совершенно иначе ситуация развернулась позднее. Так, важным этапом стал период от революции 1830 года

[1] Giller A. Opisanie Zabajkalskiej Krainy w Syberji. Lipsk, 1867.

[2] Librowicz Z. Polacy w Syberji. Krakow. G. Gebethner I Spolka, 1884. S. III.

[3] Ibid. S. 362.

до 1848 года[1]. Заключительный этап – ссылка участников Январского восстания. Подобная ограниченность объясняется временем написания работы.

Повествуя о ссыльных 1830 – 1848 г., автор приводит персональные данные, указывая место пребывания и вид деятельности. Так, указывается, что "Онуфрий Петражкевич был секретарем в Приказе общественного призрения в Тобольске"[2]. Упоминает автор об оркестре, который был при военном губернаторе в Омске. В нем тоже были некоторые ссыльные поляки. Так, Кожиркевич играл на кларнете, Хольвынский играл на трубе и виолончели, Хожнацкий был там скрипачом[3]. К сожалению, нет точных данных о количестве сосланных в Сибирь за это время.

Повествуя о ссылке в середине 1860-х гг. автор уже дает конкретные данные. "В 1863 году прибыло в Сибирь 524 человека, в 1864 – 10649, в 1865 – 4671, в 1866 – 2829. Из них 3894 были приговорены к каторжным работам, 2153 на поселение, 2254 в ссылку и 8491 на водворение; 1830 человек прибыло добровольно. В Тобольской губернии было поселено 4000, в Томской 6306, Енисейской 3719, Иркутской 4424, в Якутской области 56"[4]. Эти цифры были заимствованы им у С. Максимова, о чем автор указал в тексте.

В своей работе З. Либрович рассматривал не только проблему ссыльных поляков. Он обратил внимание на их хозяйственную жизнь. Так, он упомянул о деятельности "винокура" Альфонса Поклевского-Козелл (у автора он указан как Kozierr-Poklewski) в связи с заметкой из Кургана, опубликованной в "Екатеринбургской неделе" 1882 г. (№ 42). Смысл публикации сводился к тому, что "поляки спаивали Сибирь"[5]. Однако сам Либрович считал, что это обвинение не имеет под собой основания.

Большое внимание в работе уделено религиозной жизни ссыльных. Церковь для поляков оставалась важным связующим звеном. Так, по мнению З. Либровича, "главным очагом жизни поляков в Тобольске был костел"[6].

Особо рассматривается вопрос амнистии участников Январского восстания. Первые послабления были сделаны уже в 1865 г., затем последовали манифесты 1871 и 1874 г. Завершением стал манифест Александра III от 15 (27) мая 1883 г.[7].

---

[1] Ibid. S. 363.

[2] Ibid. S. 131.

[3] Ibid. S. 139 – 140.

[4] Ibid. S. 160.

[5] Ibid. S. 196.

[6] Ibid. S. 205.

[7] Ibid. S. 257.

З. Либрович не стал ограничивать сибирскую полонию только ссыльными. Он неоднократно отмечал также наличие в среде высланных из Польши в Сибирь не только участников антиправительственных выступлений, но и уголовный элемент. Были и добровольные переселенцы. Так, ссылаясь на публикации в иркутской газете "Сибирь", автор указывал на то, что в 1881 г. в Сибирь прибыло 4955 выходцев из Царства Польского, а в 1882 г. 5708[1].

Несомненной заслугой З. Либровича, как отмечалось более поздними историками, стало оформление темы польско-сибирских отношений[2]. Именно цивилизационная деятельность поляков во многом способствовала их положительному характеру. Это отвечало и тем настроениям, которые были широко распространены в польском обществе, считавших предначертанием поляков вести миссионерскую деятельность по распространению достижений европейской цивилизации.

Эта работа подтолкнула польских исследователей к изучению этой темы, что нашло свое отражение в трудах А. Клаушара "Барские конфедераты в Сибири" (Краков, 1895), Г. Вирчинского "Литература Сибири" (1898 г.), М. Яника "Польско-сибирская литература" (Львов, 1907), М. Ролле "В минувшем столетии" (Львов, 1908) и др. Как мы видим, эти работы были опубликованы за пределами Российской империи, где они не могли увидеть свет по цензурным соображениям.

В межвоенный период польско-сибирская тема сохраняла свое значение в исторической науке суверенной Польши. Одним из подтверждений тому стало издание в 1928 г. в Кракове монографии М. Яника "Появление поляков в Сибири" ("Dzieje polakow na Syberji"), написанное под сильным влиянием национально-патриотического движения, что нашло свое отражение и в ее содержании.

Адресованная польскому читателю работа предваряется обширным географическим, природно-климатическим описанием Сибири. Опираясь на средневековые исторические источники, М. Яник привел сведения о поездках поляков в Азию и Сибирь в частности, начиная с дипломатической миссии де Плано Карпино. История сибирской полонии XIX в. рассмотрена преимущественно сквозь призму персонифицированной истории, что стало уже традиционным для польской историографии. С одной стороны, это позволяет определить круг лиц, оказавшихся в сибирской ссылке. Но, с другой стороны, это иногда препятствует складыванию целостной картины. Справедливости ради нужно отметить, что в центре внимания М. Яника оказались не только ссыльные и каторжане, но и те поляки, которые добровольно поселились в

---

[1] Ibid. S. 265.

[2] Janik M. Dzieje polakow na Syberji. Krakow, 1928. S. VII.

Сибири. Так, достаточно много внимания уделено деятельности Альфонса Поклевского-Козелл. Приводятся и упоминания о его помощи ссыльным в середине 1860-х гг.[1].

В отличие от З. Либровича, исследование М. Яника не отличается обильными статистическими сведениями о сибирской полонии, что его значительно обедняет. Кроме того, как отмечают другие исследователи польской историографии, в ней отсутствует глубокий критический анализ конкретной социально-экономической ситуации в регионе, нет ссылок на архивные материалы[2].

После Второй мировой войны в Польше сохранился интерес к истории сибирской полонии. Однако сохранился мартирологический подход, направленный, в первую очередь, на изучение польской ссылки. Одним подтверждений может служить работа В. Евсевицкого "В сибирской ссылке", изданная в 1959 г.[3]. В ней, в частности, утверждается, что после подавления Польского восстания 1830 - 1831 гг. в Сибирь было сослано около 50 тыс. человек, из которых около 20 тыс. - солдаты и офицеры, отправленные в сибирские гарнизоны, а оставшиеся 30 тыс. - гражданские лица[4]. Вряд ли подобное заявление может быть истинным. При этом необходимо помнить, что Сибирь в польском понимании XIX в., отложившееся в мемуарных и иных источниках, - это все русские провинции, расположенные к востоку от Москвы. А потому для многих поляков, незнакомых с региональной географией, Сибирью становился и Урал, и Поволжье.

В последней четверти XX в. активно развивается цивилизационное направление, ориентированное на изучение включенности поляков в жизнь сибирского социума в XIX - начале XX в. Одним из наиболее заметных явлений стал изданный в 1993 г. в Польше сборник "Сибирь", состоявший из двух частей. Первая часть, подготовленная А. Кучиньским, представляет собой исторический очерк, посвященный истории польской диаспоры, вторая часть – историко-культурная антология, включающая в себя статьи об отдельных аспектах жизни в диаспоре.

"Четыреста лет польской диаспоры" А. Кучиньского – это и его видение периодизации диаспоры в России. Первый этап, представленный им в разделе "Из темных веков" охватил период с рубежа XVI – XVII в. до разделов Речи Посполитой. Этот период характеризуется появлением в Сибири отдельных выходцев из Польши, которые находились на русской службе.

---

[1] Janik M. S. 289.

[2] Оплаканская Р.В. Польская диаспора в Сибири в конце XVIII - первой половине XIX в. Дисс. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2001. С. 43.

[3] Jewsiewicki W. Na syberyjskim zeslaniu. Warszawa. 1959.

[4] Ibid. S. 19.

Так, ссылаясь на З. Либровича, А. Кучиньский приводит сведения об Алексее Чехановецком[1], который упоминается и в русских источниках.

Новый этап в формировании диаспоры охватил период последней четверти XVIII – первой половины XIX в. (от Барской конфедерации до Январского восстания) и был связан с эпизодическим появлением в Сибири политических ссыльных. Уже в это время поляки начали оказывать положительное влияние на либеральных сибирских обывателей, с которыми им приходилось общаться. Примером приобщения сибиряков к европейской музыкальной культуре, по мнению А. Кучиньского, было участие некоторых польских ссыльных в омском оркестре[2]. Описывая многочисленные проблемы, с которыми пришлось столкнуться полякам на новом месте жительства, автор указывает и на ту поддержку, которую они получали от сибиряков. Подтверждением тому служат, как отмечает А. Кучиньский, письма ссыльных[3].

Следующий этап был связан с массовой ссылкой участников Январского восстания. Рассматривая этот период, А. Кучиньский не мог оставить без внимания вопрос о численности репрессированных в этот период уроженцев Польши и Литвы. При этом он отметил, что в польской литературе существуют разные данные по этому вопросу, и разброс составляет от 80 до 250 тыс. человек[4]. Эти сведения, по его мнению, не имеют ничего общего с действительностью. Единственный достоверный источник – архивные документы Министерства внутренних дел Российской империи, согласно которым до середины 1868 г. было репрессировано 36459 человек[5]. Выслано было 27908 человек, в том числе в Сибирь 13018[6]. Таким образом, полученные им данные значительно отличаются от распространенных в польских публикациях.

Манифест 27 мая 1883 г. положил начало новому этапу в истории сибирской полонии, который был связан со ссылкой польских революционеров, например, участников группы "Пролетариат"[7], а также появлением в регионе исследователей польского происхождения и трудовых мигрантов, которые отправились в Сибирь в поисках лучшей доли. Однако в рамках этого этапа Кучиньский практически ничего не говорит о добровольном переселении польских крестьян в Сибирь с конца XIX в. и беженцах начального периода Первой мировой войны, благодаря которым сибирская полония значительно увеличилась.

---

[1] Kuczynski A. Syberia. Czterysta lat polskiej diaspory. Wroclaw, Warszawa, Krakow, 1993. S. 27.

[2] Ibid. S. 69.

[3] Ibid. S. 91.

[4] Ibid. S. 92.

[5] Ibid.

[6] Ibid. S. 93.

[7] Ibid. S. 101.

Заключительный этап связан с репрессивной политикой Советского государства, в ходе которой в различные районы Сибири были сосланы тысячи поляков.

Таким образом, А. Кучиньский дал наиболее полную периодизацию истории сибирской полонии, охватив ее от средневековья до середины XX в.

Следуя научной традиции, А. Кучиньский предварил свой научный очерк историографическим обзором. Правда, основное внимание им уделено польским авторам. Достаточно подробно им описан процесс присоединения Сибири к Русскому государству и ее хозяйственное освоение на протяжении конца XVI – XVIII вв. В этом материале нашлось место и полякам, которые по тем или иным причинам оказались за Уралом.

Еще раз обратим внимание на то, что польские историки постепенно отошли от мартирологического подхода и рассматривают не только проблему польской ссылки в Сибирь, но и другие вопросы, связанные с сибирской полонией.

Современные польские историки обращают внимание на то, что среди поляков, оказавшихся в Сибири, были не только политические ссыльные, но и уголовные преступники. Но современная историческая литература, как справедливо признают польские историки, однобока, так как в ней содержатся сведения лишь об активности политических ссыльных, их заслугах и мартирологии. Эту тему развивает в некоторых своих публикациях профессор Варшавского университета Э. Качинска. Она справедливо ставит вопрос о соотношении политической и уголовной ссылки, указывая, что в XIX в. политические ссыльные составляли не более 1% ссыльных. В то же время гипертрофируется численность и значение уголовного элемента. Так, она говорит об "огромных армиях уголовников и бродяг" в Сибири, указывая, что в зависимости от округа на 1 ссыльного приходилось от 3 до 10 свободных жителей, включая грудных детей[1]. Сибирь же представляется "краем, где в общей численности населения исключительно велика была доля людей, принадлежавшим к отбросам общества"[2]. И на этом фоне разительно, по ее мнению, выглядели несчастные польские политические ссыльные, "бывшие представителями сравнительно высокой культуры".

В течение десятилетий в польской историографии практически не изучался процесс добровольного переселения крестьян из губерний Царства Польского за Урал, который по своему масштабу не уступал эмиграции в США. Одним из первых к ней обратился В. Масярж, обобщив результаты проделанной исследовательской работы в диссертации, защищенной в

---

[1] Качинска Э. политические ссыльные и уголовные преступники. Столкновение двух миров // Польская ссылка в России XIX – XX веков: региональные центры. Казань, 1998. С. 20 – 22.

[2] Качинска Э. С. 21.

1995 г.[1]. Охватывая первую половину XX в., автор рассматривал и вопросы появления поляков в регионе. Особая роль в формировании полонии им отведена добровольной крестьянской миграции.

Качественным отличием публикаций В. Масяржа является активное использование русских опубликованных и архивных материалов. Это нашло отражение не только в диссертации, но и работах более позднего периода.

В 1999 г. в Кракове была опубликована монография В. Масяржа, посвященная польской общине Тобольска в 1838 – 1922 гг.[2]. Хронологические рамки исследования, заявленные в заглавии, значительно уже реальных. Автор начал его с появления первых поляков на территории Тобольска в первой половине XVII в. Это были не только служившие России[3], но и миссионеры-иезуиты, добравшиеся до Урала[4].

Достаточно подробно В. Масярж представил тобольскую общину в XIX в. Источниками для него стали как многочисленные исследования сибирских историков, так и архивные материалы. Это позволило ему выделить этапы и охарактеризовать отдельные источники формирования тобольской полонии, дать ее демографическую характеристику. Особо рассмотрена деятельность настоятелей Тобольского костела в разные исторические периоды. Традиционно В. Масярж упомянул и о той помощи, которой ссыльным оказывали поляки, проживавшие в Сибири (А. Поклевский-Козелл и др.)[5], подчеркивая общую этническую принадлежность.

В силу ряда причин исследований польских историков по западносибирскому региону крайне мало – они преимущественно занимаются изучением Восточной Сибири. Но можно выделить несколько важных публикаций. Так, современные польские историки В. Масярж[6] и Э. Качинская[7] в центр внимания помещают социально-экономические и демографические проблемы. Выводы, к которым приходят авторы, достаточно интересны. Так, Масярж указывает на то, что в конце XIX в. в польских губерниях в крестьянской среде нарастают миграционные настроения, но местная администрация искусственно сдерживала переселение

---

[1] Масярж В. Поляки в Восточной Сибири (1907–1947 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Иркутск, 1995.

[2] Masiarz W. Dzieje kosciola I polskiej diaspory w Tobolsku na Syberii. 1838 – 1922. Krakkow, 1999.

[3] Ibid. S. 15.

[4] Ibid. S 17.

[5] Ibid. S. 91.

[6]. Масярж В. Миграция польских крестьян в Сибирь в конце XIX – начале XX века // Сибирь в истории и культуре польского народа. М., 2002. С. 241 – 245.

[7]. Качинская Э. Поляки в Сибири (1815 – 1914 гг.). Социально-демографический аспект // Сибирь в истории и культуре польского народа. М., 2002. С. 225 – 277.

крестьян в Сибирь. Подобное административное решение не снимало проблему, но привело к появлению большого количества самовольных переселенцев, которые направлялись за Урал без каких бы то ни было разрешительных документов[1].

В конце 1990-х - начале 2000-х гг. заметно активизировались научные контакты между сибирскими и польскими историками. Важными научными площадками для обмена мнениями стали совместные конференции, тематика которых наглядно демонстрирует преобладание того или иного исследовательского вектора. Так, первые академические встречи были посвящены "вечной" теме - ссылке ("Польская ссылка в России XIX – XX веков: региональные центры", Казань, 1998). В последнее время все больший интерес привлекает социально-экономическая и культурологическая проблематика ("Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития", Омск 2000 и др.).

Таким образом, в зарубежной историографии к настоящему моменту сформировались собственные традиции изучения еврейской, немецкой и польской общин Западной Сибири XIX - начала XX в.

Для израильско-американской историографии история общин имперского периода вне черты оседлости не представляет особого интереса вследствие их незначительного удельного веса в общей массе и роли в экономической жизни страны. Исключение представляют лишь общины столичных городов.

Интерес к немецкому населению Сибири в германской историографии носит эпизодический характер и связан, в первую очередь, с внешнеполитической составляющей немецкого вопроса в России. Основной чертой публикаций является историко-описательный подход к проблематике. Основное внимание в них уделено немецкой переселенческой деревне конца XIX - начала XX в.

В польскоязычной историографии на протяжении 60-х гг. XIX - первой половины XX в. доминировал мартирологический подход в изучении сибирской полонии. Другой чертой этого периода являлась персонификация польской ссылке, которая рассматривалась сквозь призму ее героизации. Только в последней четверти XX в. в польской исторической науке стал преобладать цивилизаторский подход, с позиций которого стали изучаться вопросы крестьянского переселения в Сибирь и участия поляков в трудовой миграции в общероссийских масштабах на рубеже XIX - XX в.

Подводя общий итог, необходимо отметить следующие моменты.

Во-первых, в развитии историографии всех общностей можно выделить одни и те же периоды. Евреи, немцы и поляки Западной Сибири стали объектом научного изучения во второй

---

[1]. Масярж В. Миграция польских крестьян … С. 243-244.

половине XIX в., и первыми свое внимание на эти группы обратили юристы. Именно в рамках государственной школы появились первые работы. В дальнейшем идеологический фон был обогащен и был представлен как консервативными, так и либеральными направлениями, сохранявшими свое значение до 1917 года.

Второй период (1920-е – 1960-е гг.) характеризуется фактическим запретом на изучение национальных групп (за исключением титульных). В это время исследователи вынуждены были включать исторический материал с национальной окраской в общий контекст.

В 1970-е – 1980-е гг. определились основные направления изучения польской, немецкой общин в Сибири, которые продолжают доминировать до сих пор (политическая ссылка и экономическое развитие соответственно).

Постсоветский период характеризуется активизацией исследователей в изучении национальных историй. Историки, этнографы обращаются к рассмотрению этнических групп с позиций микроистории. В условиях методологического плюрализма появились возможности взглянуть на многие события по-новому. Исследования строятся на источниках, использование которых ранее было невозможно. Сложились академические научные центры и школы, которые занимаются изучением диаспор.

История еврейской, немецкой, польской общин Сибири XIX - начала XX в. изучена крайне неравномерно. Это отражено как в географическом, так и тематическом отношении.

Так, основное внимание исследователей при изучении еврейской общины было обращено на Восточносибирский регион. При этом большая часть работ посвящена вопросам формирования отдельных общин в границах губерний, возникновению общинных институтов, сохранения и развития традиционного образования, характера религиозной жизни. Применительно к Западной Сибири эти проблемы остаются изученными недостаточно, что создает широкое исследовательское поле.

Крайне мало внимания уделено вопросам правового положения различных групп евреев. Современные авторы при рассмотрении проблем гражданско-правового статуса сибирских евреев, как правило, апеллируют к мнению законников рубежа XIX - XX вв. При этом совершенно вне поля зрения остается тема законоприменения тех или иных норм, которая имела специфические черты в разных регионах Сибири. Поэтому необходимо более внимательно изучить не только характер законодательных и иных нормативно-правовых актов, но и выяснить механизмы их реализации на местах.

Однобокость исторических источников и доминирование в исторической науке марксистско-ленинской методологии привело к неверному видению вопроса об источниках формирования еврейского социума в Западной Сибири. Широко распространенный тезис об

активном участии еврейской молодежи в русском революционном движении, естественно, способствовал возникновению мифа о том, что еврейская община состояла их ссыльных, каторжников и их потомков. Вне поля зрения в течение длительного времени оставался вопрос о добровольной миграции евреев в Сибирь на протяжении всего XIX в.

Неравномерно изучена проблема хозяйственной жизни отдельных еврейских общин региона. В исследованиях на первый план выходят ставшие уже хрестоматийными представители еврейской буржуазии (Мариупольские, Фуксман и др.). Излишняя персонификация экономической истории, как нам кажется, мешает формированию общего представления о роли и месте национальной группы в экономической жизни региона.

К настоящему моменту проведена большая исследовательская работа по изучению истории немецкого населения Сибири. При этом некоторые аспекты исследованы глубже.

Так, изучено переселение немцев в Сибирь в конце XIX - начале XX вв. Определена география выхода и размещения на новом месте жительства. Проведена реконструкция социально-экономических процессов в немецкой деревне. Правда, более глубоко они изучены применительно к немцам, проживавшим на Алтае, омские и тарские немцы изучены пока недостаточно подробно.

В исследованиях практически не поднимался вопрос о юридическом статусе немецких переселенцев, оказавшихся в Сибири. Чрезвычайно поверхностно изучены отдельные группы городских немцев. Перспективной темой является немецкое предпринимательство в регионе.

Изучение сибирской полонии достаточно рано было поставлено на научную основу. Большую роль в этом сыграли сами поляки, публиковавшие многочисленные воспоминания о пребывании в Сибири. Это подтолкнуло историков к рассмотрению проблемы с научной точки зрения. В результате на Западе, а затем и в России появились научные труды, в которых центральное место отведено изучению репрессивной политики Российского государства по отношению к участникам польского национально-освободительного движения. Спецификой данной историографии является ее чрезмерная персонификация, что в наибольшей мере характерно для польских исследований. История польской общины выстраивается из отдельных историй революционеров - борцов с правящим режимом. В отечественной исторической науке польское революционное движение рассматривалось как часть общероссийского процесса.

Пребывание ссыльных поляков в Сибири представлено, в первую очередь, сквозь призму их контактов с сибирской либеральной интеллигенцией и чиновниками в 1830-х- 1880-х гг., и влияния на развитие социал-демократического движения в сибирской рабочей среде в 1890-х - 1910-х гг.

За рамками на протяжении длительного времени оставалась тема экономической, социокультурной адаптации поляков на новом месте жительства. Только в последние годы это направление получило свое развитие. Подобная ситуация наблюдается с изучением добровольного переселения польских крестьян и рабочих в отдельные районы Сибири на рубеже XIX - XX вв.

Ставший традиционным при изучении национальных меньшинств региональный подход способствовал глубокому локальному изучению отдельных аспектов исторического прошлого каждой из рассматриваемых общин. В результате достаточно часто они рассматривались изолированно, без учета общественно-политических и социально-экономических процессов, протекавших в стране и регионе в частности. Для преодоления этой проблемы уже сделаны первые шаги в виде сравнительных исследований однопорядковых явлений.

1.5. Источники для изучения истории еврейской, немецкой и польской общин Западной Сибири в XIX – начале XX в.

Неравномерность изученности истории немцев, поляков и евреев Западной Сибири заставляет нас обратиться к различным источникам.

Значительная часть использованных источников вводится в научный оборот впервые. В первую очередь, это касается документов, обнаруженных в фондах Государственного Архива Российской Федерации (г. Москва), Российского государственного исторического архива (г. Санкт-Петербург), Государственного архива Алтайского края (г. Барнаул), Государственного архива Томской области (г. Томск), Государственного архива г. Тобольска (г. Тобольск), Центрального архива истории еврейского народа (г. Иерусалим, Израиль).

Исторические источники, использованные для подготовки данного исследования, можно классифицировать по-разному. Однако наиболее полно представить спектр задействованных типов источников позволяет традиционная классификация.

Наиболее важной группой источников являются законодательные акты, распубликованные через Правительственный Сенат, министерства, Кабинет Его Императорского Величества и другие государственные ведомства.

Вся масса русского законодательства досоветского периода собрана и представлена в трех Полных собраниях законов Российской империи, из которых первое охватывает время с 1649 г.

по 12 декабря 1825 г., второе начинается с 12 декабря 1825 г. и заканчивается 1 марта 1881 г., а третье – с 1 марта 1881 г.

Для обнародования законов с 1863 г. служило "Собрание узаконений и распоряжений правительства", издававшееся Правительственным Сенатом. Для руководства гражданских правительственных мест был издан в 15-ти тт. Свод Законов, ставший извлечением из Полного собрания законов.

Систематизация законодательных актов, проведенная II Отделением Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, позволила частным лицам составлять многочисленные сборники законов. Одна из первых работ в этом направлении "Хронологический указатель материалов для истории инородцев Европейской России", подготовленный под руководством П.И. Кеппена и изданный по решению Императорской Академии Наук в 1861 г. В данное издание вошли перечни законодательных актов относительно различных этнических групп, в том числе немцев и евреев.

Во второй половине XIX в. был опубликован ряд сборников законов, относящихся к еврейскому населению Российской империи. Эти сборники были различны по своему содержанию: в одних были помещены исключительно тексты нормативно-правовых актов, в других же они дополнялись комментариями составителей.

Этот тип источников представлен рядом манифестов, высочайших указов и прочими документами законодательного и нормативного характера. Разделяя первые два вида, следует помнить, что манифест в дореволюционной России представлял заявление государственной власти о важнейших событиях в жизни страны, тогда как высочайший указ как законодательный акт, наиболее распространенный уже в начале XX в., закреплял какую-либо одну правовую норму. То есть манифест в иерархии документов царской России может рассматриваться в качестве основного закона, тогда как второй вид являлся своего рода подзаконным актом, разъясняющим одно или несколько положений манифеста. В эту же группу можно отнести проекты документов, подготовленные к внесению правительством в Государственную Думу, но по ряду обстоятельств отклоненные ею и не ставшие нормативными актами. В качестве примера можно выделить внесенный правительством П.А. Столыпина в конце 1910 г. законопроект, согласно которому предлагалось лишить всех лиц иностранного происхождения и немецких колонистов ряда губерний некоторых гражданских прав. Несмотря на то, что законопроект не выносился даже на обсуждение, значение его было велико.

В разряд законодательных актов могут быть отнесены различного рода инструкции, положения, т.к. они обладали силой законов. В этот ряд мы можем поставить "Устав о

ссыльных" "Устав о паспортах" (различные редакции второй четверти XIX - начала XX в.), "Устав колоний иностранцев в Империи 1857 года", различные "Положения".

Однако в юридической практике XIX в. имели место документы секретного характера, Так, 19 декабря 1824 г. появилось секретное предписание, последовавшее от Александра I министру финансов Е.Ф. Канкрину, по которому с целью предотвращения хищения евреями драгоценных металлов и "растления местного населения" запрещено было иудеям селиться в уральских казенных и частных заводах и Алтайском горном округе[1].

Этот документ в силу своего грифа не был включен в Полное собрание законов Российской империи, но был хорошо известен, как мы увидим далее, в чиновной среде Сибири. Отсутствие его в юридических сборниках объясняется во многом характером документа и механизмом его реализации. Секретность не позволила опубликовать текст в установленном порядке, а потому документ носил "негласный" характер. В документах середины и второй половины XIX в. встречаются на него частые ссылки. Однако до начала 2000-х гг. у исследователей не было на руках текста самого документа. Он был обнаружен нами в копии среди бумаг Нерчинского горного правления в Российском государственном историческом архиве и введен в научный оборот[2] (см. прил. 1, 2).

Анализ законодательных и нормативных актов позволяет нам определить государственно-правовой статус представителей немецкой, польской и еврейской общин, его эволюцию во времени.

Говоря о законодательных актах, определявших права и обязанности представителей различных национальных групп в Западной Сибири необходимо помнить о неоднородности правового поля в регионе. С одной стороны, для сибирских губерний существовали особые законодательные акты, определявшие особенности положения, например, еврейского населения в губерниях черты оседлости и губерниях, которые к ней отнесены не были (в том числе Томская и Тобольская губернии). Но существовал еще один уровень законотворчества для

---

[1]. Алтайский горный округ (в 1745 – 1834 гг. – Колывано-Воскресенский горный округ) – крупная административно-территориальная структура, занимавшая большую территорию на юге Западной Сибири в 1834 – 1896 гг. Округ располагался в пределах ныне существующих административных единиц России (Алтайский край, Новосибирская, Кемеровская, Томская области, Республики Алтай и Хакасия) и Восточно-Казахстанской области Республики Казахстан. Он принадлежал к разряду ведомственных территориальных образований, управление было сосредоточено в Кабинете Его Императорского Величества, входил в состав более крупных административных единиц Сибири. Округ был центром сереброплавильной промышленности во второй половине XVIII – XIX вв., во второй половине XIX в. – одним из центров золотодобычи.

[2] Шайдуров В.Н. К вопросу о формировании еврейской общины Сибири в дореформенный период // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. № 4 (52). Т. 1. С. 104–110.

рассматриваемой территории - Кабинетский, ибо земли Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа находились вне общегосударственного правового поля, являясь собственностью правящего монарха. В дальнейшем мы неоднократно увидим противоречия, существовавшие между общероссийским, сибирским и алтайским уровнями законодательства.

Огромная масса законодательных актов, регламентировавших положение представителей рассматриваемых групп населения, вовсе не означала полное совпадение законотворчества и правоприменения в России XIX - начала XX в. Русское право этого периода представляло собой смесь элементов римской и англо-саксонской систем. Для понимания принципов реализации законов Российской империи в жизнь необходимо в обязательном порядке обращаться к делопроизводственной документации. В нашем случае переставляется целесообразным разделить ее на две подгруппы:

собственно делопроизводственная документация;

статистические источники.

Выделение последних возможно на том основании, что при их составлении использована отличная от других источников форма кодирования информации, ибо она представлена здесь в виде цифровых значений. Кроме того, статистические материалы выступали не в качестве самостоятельных документов, а как пояснение и дополнение к основному тексту.

Делопроизводственная документация является одним из наиболее многовидовых исторических источников. В первую очередь, необходимо обратить внимание на различного рода Журналы. Это, например, Журналы заседаний Комитета Министров, которые велись с начала XIX в. Записи в этих журналах лаконичны, но, тем не менее, позволяют получить представление о вопросе, который был вынесен на рассмотрение одного из высших государственных органов Российской империи. Все записи в журнале имеют свою дату и порядковый номер, т.к. на каждом заседании Комитета Министров рассматривалось множество вопросов. В обязательном порядке дано указание на суть вопроса и лицо, его представлявшее, с указанием должности. Заканчивается подобная запись, как правило, решением, которое было принято. Решения Комитета Министров утверждались императором и обретали таким образом силу закона. Анализ записей позволяет рассмотреть предысторию принятия того или иного решения, повлиявшего на внутриполитический курс. С другой стороны, он позволяет выявить и те предложения, которые силу закона не получили, но также характеризуют представления и мнения, имевшие место в правящих кругах того времени.

Другим примером могут служить Журналы различных Комитетов, существовавших в правление Николая I и Александра II (Сибирских Комитетов, Комитета по еврейскому вопросу

и т.д.). В отличие от Журналов Комитета Министров, Журналы Комитетов более информативны.

Нами достаточно внимательно проработаны Журналы Сибирского Комитета за 1854– 1864 гг. Ежегодный Журнал представляет собой отдельную книгу, состоящую из нескольких журналов, относящихся к данному году. Каждая такая подшивка открывается сводным перечнем вопросов, которые рассматривались на заседании Сибирского комитета в прошедшем году. Каждое заседание Комитета оформлялось отдельным журналом. На титульном листе указывалась дата заседания и список членов Комитета. В случае отсутствия его члена на заседании указывалась причина.

Журнальная запись по тому или иному вопросу состоит из двух частей, оформленных в табличную форму. В левом столбце подробно излагалась суть дела, приводились сведения о его инициаторе, мнения заинтересованных в его решении ведомств. В правом столбце приводилось решение, принятое Комитетом, которое позднее должен был одобрить император.

Не все журнальные записи дают исчерпывающую информацию. Наиболее полно представлены, как правило, те дела, которые были связаны с вопросами финансов, внутренней политики, обороны. Примером тому может служить рассмотрение прошения сибирских предпринимателей Поклевского-Козелл и Кузнецова о предоставлении им преимуществ в организации пароходства на оз. Балхаш и р. Или[1]. Так как речь велась о приграничной территории, то в обсуждение вопроса были вовлечены различные ведомства: военное, финансовое, внутренних дел, о чем свидетельствуют их приведенные мнения. Свою позицию по этому делу представил генерал-губернатор Западной Сибири Гасфорд, рассмотревший его как с экономической, так и военно-стратегической точки зрения. Все это указывает на детальную подготовку каждого вопроса, выносимого на рассмотрение Сибирского комитета.

Еще одним видом делопроизводственной документации были Журналы заседаний губернских Правлений. В нашем случае мы имеем дело с Журналами заседаний Тобольского и Томского губернских Правлений. Практика показывает: чем ниже уровень делопроизводства, тем более информативны представляющие его документы. Это можно в полной мере отнести к рассматриваемому источнику. Журнальные записи по тому или иному вопросу состоят из нескольких разделов. Так, помимо изложения сути дела, может присутствовать историческая справка по данной теме. Кроме того, в наличии в обязательном порядке пространная правовая часть, на основании которой принималось то или иное решение. Если записи в Журнале Комитета Министров представляют собой несколько строк, то в Журналах губернских Правлений они представлены на нескольких страницах. Анализ последних позволяет выявить

[1] РГИА. Ф. 1265. Оп. 13. Д. 13. Стлб. 190 – 200.

настроения, которые были распространены среди местных чиновников по тому или иному вопросу. В то же время он дает возможность определить региональную особенность в толковании той или иной правовой нормы, которая не была однозначно прописана в манифестах и высочайших указах, а потому могла иметь разночтения. Подобные примеры мы увидим в дальнейшем в подходах Тобольского и Томского губернских Правлений в вопросах положения евреев.

Помимо этого, делопроизводственная документация представлена несколькими иными видами: перепиской равноправных органов государственной власти (между министерствами, департаментами одного или нескольких министерств, губернскими управлениями и т.д.); перепиской между вышестоящим и нижестоящим органами (например, Комитетом министров и министерством, министерством и губернским органом власти); перепиской органов государственной власти с частными лицами.

Данная переписка имеет свои особенности. Межведомственная переписка, представленная записками, отношениями, - более объемная по своему содержанию. При обращении чиновника Министерства внутренних дел к чиновнику Министерства финансов или Военного Министерства необходимо было не только в полной мере изложить суть вопроса, но и предложить свой вариант его решения. Последнее должно было базироваться на имеющейся законодательной базе. Кроме того, приводились ссылки на имевшие место прецеденты. Помимо этого, упоминалась и прежняя межведомственная переписка по данному вопросу. В итоге мы имеем дело с многостраничными документами, из которых наибольший интерес могут представлять самые поздние, т.к. в них будет отражена вся история рассмотрения вопроса представителями различных государственных учреждений.

Делопроизводственная переписка губернского уровня представлена, с одной стороны, распоряжениями генерал-губернаторов, губернаторов, управляющих местными органами государственного самоуправления, а с другой стороны, - донесениями, рапортами, отчетами, которые в их адрес направляли нижестоящие инстанции. На этом уровне в документах содержится более конкретная информация, а документы часто имеют непосредственное отношение к конкретным персоналиям или событиям.

В разряд делопроизводственной документации можно включить различные ведомственные документы внутреннего характера. К таковым, например, могут быть отнесены формулярные списки чиновников различных ведомств. Подобного рода формальные персонифицированные материалы позволяют исследователям выявить информацию, которая могла не отложиться в других актах (вероисповедание, место учебы, семейное состояние, продвижение по служебной лестнице, государственные награды и т.д.).

Своего рода переходным звеном от делопроизводственных документов к статистическим материалам являются акты церковного учета населения. Значение данного вида источника для нас наиболее значимо, т.к. позволяет выявить динамику и определить тенденции развития определенной вероисповедной группы. Для нас будет представлять интерес корпус метрических книг католических, лютеранских приходов, иудейских общин.

Надо сказать, что церковный учет неправославного населения в Сибири был в плачевном состоянии. Это было связано, в первую очередь, с малым количеством церквей и, следовательно, огромной территорией приходов. В одном из своих писем в 1760-х гг. Э. Лаксманн, являвшийся лютеранским пастором в Барнауле, писал, что его прихожане разбросаны по территории в 3 тыс. верст[1]. В XIX в. применительно к католическому и лютеранскому населению ситуация мало изменилась. Многочисленные попытки представителей религиозных общин добиться от Министерств внутренних дел разрешения на строительство церкви или молельного дома оказывались безрезультатными. В начале XX в. ситуация не изменилась. Наоборот, чиновники заняли откровенно запретительную позицию в вопросе регистрации неправославных религиозных общин в Западной Сибири. В пользу этого говорит, например, тот факт, что в 1908 г. католическое население Томской губернии, насчитывавшее более 20 тыс. чел. и рассеянное по всей губернии, находилось в ведении четырех приходов, один из которых (Томский) включал в себя Томский, Барнаульский, Бийский, Змеиногорский, Кузнецкий уезды[2], т.е. большую часть губернии. Подобная ситуация приводила к отсутствию полных данных о динамике внутреннего развития общин. Сохранившиеся немногочисленные католические, лютеранские, иудейские метрические книги позволяют выявить и охарактеризовать конфессиональные и демографические особенности.

Выше уже отмечались обстоятельства, позволяющие выделить статистические источники в отдельную группу в составе делопроизводственных бумаг. Некоторое отличие имеется так же при их анализе. Надо сказать, что статистическое обследование в своем законченном виде представляется как трехэтапный процесс: на первом составляется программа обследования, на втором – основном - происходит сбор данных и кодирование их в виде чисел, на заключительном этапе происходит обработка полученных в ходе обследования материалов и сведение их в итоговые таблицы. Чаще всего историки апеллируют именно к третьему этапу. С одной стороны, это можно объяснить тем, что уже обработанный материал более удобен для исследователя, с другой - не всегда удается воспользоваться документами, принадлежащими к первым двум этапам. До сих пор сохраняется вопрос о достоверности подобного рода

---

[1]. Laxmann E. Sibirische Briefe. Gottingen-Gotha, 1769. S. 12.

[2]. Католические приходы // Памятная книжка Томской губернии на 1908 год. Томск, 1908. С. 124-125.

источников, полученных на третьем этапе. Для проверки их необходимо привлечение иных смежных документов. В нашем случае мы имеем дело с несколькими видами статистических обследований.

Среди источников демографической статистики, в первую очередь, следует выделить итоговые данные Всероссийской переписи населения 1897 года по Тобольской, Томской губерниям и Акмолинской области. Это было государственное статистическое обследование, проведенное в соответствии с существовавшими на тот момент требованиями. К сожалению, переписные листы были в дальнейшем уничтожены. Правда, по некоторым губерниям, например, Тобольской они сохранились в региональном архиве. Это позволяет нам обращаться не только к опубликованным сводным данным, но и к первичным по отдельным населенным пунктам. Это даст возможность реконструировать внутреннюю жизнь национальной деревни в конкретный период.

Несмотря на весь позитив, который исходит от данной переписи, необходимо отметить один существенный для нас недостаток - в переписном листе отсутствовала графа "национальность", что делает несколько затруднительным процесс восстановления национального состава отдельных территорий. Национальный признак компенсируется двумя другими - вероисповеданием и знанием национального языка. Но эти данные не совпадают, т.к. исследователи используют при определении численности национальной группы тот или иной критерий, поэтому вопрос о национальном составе регионов России на конец XIX в., на наш взгляд, остается дискуссионным.

Итоговые данные переписи 1897 г. стали основой для появления статистических публикаций общегосударственного и регионального уровня. Так, одновременно с изданием погубернских сводных данных шел процесс публикации сборников под общим названием "Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Краткие сведения по империи". Один из них был посвящен распределению населения по сословиям, вероисповеданиям, родному языку и некоторым занятиям. Для нас важность этого источника заключается в том, что в нем приведены в абсолютных показателях погубернские данные по занятым в непроизводственной сфере самостоятельным евреям, немцам, полякам. Другим примером может служить работа С. Патканова[1]. Но в ней есть некоторые моменты, вызывающие вопросы, например, относительно немецкого населения. Автор указывает, что в ряде населенных пунктов Тобольской губернии проживали крестьяне, которые определяли себя в первую очередь как лютеран, т.е. мы имеем дело в этом случае с подменой этнонима конфессиональной

[1]. Патканов С. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, языки и роды инородцев (на основании специально разработанных материалов переписи 1897 г.). В 3-х тт. СПб., 1911.

принадлежностью. Эта группа населения рассматривается С. Патхановым как немецкая, однако мотивация, им двигавшая, не отмечается даже в примечаниях.

Рассматривая материалы статистических обследований, после которых сохранились первичные материалы, например, учетные карточки, следует отметить, что преимущественно все они носят локальный характер будь то в пределах одного села или губернии. Исключение составляют лишь Всероссийская сельскохозяйственная перепись 1916 г. и Всероссийская сельскохозяйственная и поземельная перепись 1917 г. Последняя, представлявшая собой уникальное в своем роде статистическое обследование, которое на протяжении всего советского периода не получило адекватного освещения в отечественной историографии. Буквально несколько слов о ней сказано в "Источниковедении истории СССР"[1]. Сравнивая ее с переписью 1916 г., авторы отмечают недостатки последней и превосходства первой чисто в организационном плане. Повторное проведение статистического обследования в пределах всей России ими объясняется тем, что в предыдущий раз в ходе обследования хозяйств были получены неудовлетворительные результаты. В "Источниковедении истории СССР XIX-начала XX вв."[2] упоминание о переписи 1917 г. отсутствует, как будто она не проводилась вовсе. Зато значительное место отведено авторами статистическому обследованию предыдущего года. С их точки зрения, оно было не таким уж плохим. Отмечается, что это была первая сельскохозяйственная перепись во всероссийском масштабе, а потому значение ее велико.

Более подробную информацию можно почерпнуть в ряде очерков А.И. Гозулова[3]. Он отмечает, что целью переписи 1917 г. был "сбор материала для проведения намечавшейся аграрной реформы после февральской революции"[4], т.е. она была направлена на выяснение ситуации, сложившейся в деревне в "57 губерниях и областях Европейской части страны и частично в районах Средней Азии"[5], в том числе и Сибири.

Вероятно, рассматривая этот шаг Временного правительства в качестве подготовительной меры на пути осуществления аграрной реформы, большевики и советские историки в основной своей массе предпочитали не касаться ее. Объясняется это тем, что анализ данных переписи на низовом (сельском, волостном и уездном) уровне позволяет получить достаточно объективную картину хозяйственной жизни российской деревни накануне Октября, которая не всегда

---

[1]. Источниковедение истории СССР. М., 1973.

[2]. Источниковедение истории СССР XIX – начала XX вв. М.,1970.

[3]. Гозулов А.И. Очерки истории отечественной статистики. М., 1972.

[4]. Там же. С. 132.

[5]. Там же. С. 134.

совпадала с той картиной, которую представляли большевики, уверяя о том, что социалистическая революция необходима крестьянину.

В середине 1990-х - начале 2000-х гг. ситуация коренным образом изменилась, и исследователи обратили на перепись 1917 года более пристальное внимание. Это, в первую очередь, нашло свое отражение, с одной стороны, в многочисленных публикациях, в основе которых лежат данные статобследования[1], а с другой стороны, в специальной литературе[2].

Любого рода статистическое исследование после себя оставляет два наиболее ценных в источниковедческом плане документа: инструкцию, на основании которой проводилась перепись, и анкеты или учетные карточки. При анализе первого источника выявляется механизм и методы проведения обследования, второй же позволяет получить уже конкретное представление по тому или иному "сельскому предприятию".

Учетные карточки Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. и Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. состояли более чем из 150 вопросов, подавляющая часть которых касалась хозяйственной характеристики крестьянского двора. Отличительной чертой анкеты переписи 1917 г. является то, что в ней впервые в истории русской статистики было объединено обследование хозяйств с поземельным учетом.

Заполняемая на каждый двор анкета раскрывала структуру каждой семьи (отношение к домохозяину, пол, возраст, грамотность и трудоспособность); землепользование; состав угодий (площадь под усадьбой, лесом, покосом и т.д.) и посева в плане хозяйственного использования; количество скота (рабочего и продуктивного) и сельскохозяйственного инвентаря; занятость в промыслах и уровень кооперирования; социальные отношения: аренда-сдача земли (чья и на какой срок) и их условия, наем и продажа рабочей силы (срок) и сельскохозяйственного инвентаря. Одним словом, хозяйство, затронутое переписью 1917 г., было представлено очень подробно. Можно со всей определенностью сказать, что данная перепись была наиболее глубокой не только в дореволюционной, но и советской России и СССР. К подобному выводу подталкивает даже беглый просмотр анкет Всероссийской всеобщей переписи 1897 г., Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г., Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. и переписи населения 1920 г. Они разнятся не только

---

[1] См., напр., Шайдуров В.Н. Формирование и социально-экономическое развитие немецкой диаспоры на Алтае: конец XIX - начало XX вв. Барнаул, 2003; Вибе П.П. Немецкие колонии в Сибири: социально-экономический аспект. Омск, 2007; Российские немцы на Алтае: конец XIX - начало XX в. Переселение. Экономическое развитие. Саарбрюккен, 2012.

[2] См., напр., Данилевский И.Н., Кабанов В.В., Медушевская О.М., Румянцева М.Ф. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории. М., 1998.

количеством поднимаемых вопросов, но и качеством их раскрытия. Сравнительный анализ статистических данных, полученных в результате обработки первичных карточек за различные годы, позволяет нам не только воссоздать картину социально-экономической и демографической жизни немецкого и польского населения Западной Сибири, но также сопоставить ее с положением в русских, украинских и прочих переселенческих и старожильческих поселках. Использование этих уникальных источников позволяет по-новому взглянуть на, казалось, известные страницы истории сибирской деревни.

Возникает вопрос: насколько достоверны представленные в анкетах первичные данные. На этот вопрос ответ дают результаты контрольной переписи, проведенной спустя несколько дней после проведения основной переписи. Так, во время проведения контрольной переписи инструктора "в целях повышения степени достоверности этих показаний" должны были обращать внимание на следующее: "а) проверять скот в селении путем опроса пастуха или просмотра окладных книг; б) для выяснения площади посевов различных культур задавать контрольные вопросы о количестве высеянных семян; в) сравнивать показания о посевных площадях с показаниями о количестве пахотной земли"[1].

Контрольная перепись 1916 г. обнаружила следующие расхождения в переписных материалах: а) населения при втором опросе зарегистрировано больше на 0,79 %; б) скота при повторном опросе в общем итоге оказалось больше на 3,61 %…; в) посевная площадь данными повторного опроса определилась в большем размере на 1,39 % в сравнении с первоначальными данными крестьян[2].

К сожалению, в архивохранилищах сохранилась лишь часть карточек по обоим обследованиям. Нами использованы первичные карточки переписей 1916 и 1917 гг., хранящиеся в Государственном архиве Томской области и Государственном архиве Алтайского края соответственно. На основании извлеченной из них информации были составлены базы данных о крестьянских переселенческих хозяйствах (обработаны карточки более чем по 1 тыс. хозяйств), которые позволили получить демографическую и экономическую информацию, которая была использована для реконструкции польских и немецких хозяйств в Томской губернии. При этом следует отметить, что, если материалы сельскохозяйственной переписи 1917 г. относительно немецких переселенческих хозяйств Томской губернии были открыты нами еще в 1996 г. и активно изучались, то материалы переписи 1916 г. относительно польских переселенческих поселков (пос. Белостокский Ново-Александровской волости Томского уезда

---

[1]. Сельскохозяйственная перепись в Томской губернии // Статистико-экономические бюллетени. № 6. Томск, 1917. С. 23.

[2]. Там же. С. 27.

Томской губернии, пос. Малический той же волости, уезда и губернии, селение Ново-Александровское той же волости, уезда и губернии и др.) впервые вводятся в научный оборот.

Новым явлением в отечественной ведомственной статистике второй половины XIX в. стали однодневные переписи, проводившиеся, как правило, в городах: например, в Томске (1866, 1880, 1912 г.), Тобольске (1872, 1882 г.), Омске (1877 г.), в Барнауле (1895 г.). Переписи имели важное значение для получения демографических и экономических данных о городском населении. Важность данных исследований заключена в оперативной обработке и публикации полученных данных. Однако степень их сохранности крайне низкая, что не позволяет использовать их в полном объеме.

В нашем распоряжении оказались материалы ведомственной статистики, которые также введены в текст данной работы. Это, в первую очередь, сведения, которые содержатся в многочисленных архивных материалах. Так, например, отчеты губернаторов министру внутренних дел с указанием числа евреев, желавших переселиться в Западную Сибирь в 1836 г., позволяют говорить о несостоявшемся размахе миграционного движения, о том количестве семей, стремившихся вырваться за черту оседлости и улучшить свое экономическое положение.

Крайне важным, но слабо используемым источником являются различного рода посемейные и именные списки, составлявшиеся различными ведомствами. Например, в фондах Тобольского архива сохранились многочисленные именные списки польских мятежников середины 1860-х – первой половины 1870-х гг., на основании которых представляется возможным реконструировать географию размещения ссыльных не только по губерниям Западной Сибири, но и восстановить их концентрацию по всем уездам.

В Томском архиве хранятся уникальные списки XIX - начала XX в., составленные губернскими и полицейскими чиновниками по национальному, конфессиональному, профессиональному признакам. Для нас крайне важными стали посемейные списки еврейского населения, проживавшего в г. Томске и Томской губернии. Это списки 1836 г.[1], 1874 г.[2], 1893 г.[3], 1903 г.[4]. Они позволяют не только восстановить поименный состав еврейского населения в определенный промежуток времени, но и реконструировать отдельные стороны жизни конкретной общины (демографические, экономические). В списках 1893 и 1903 гг. содержится информация о сословной принадлежности томских евреев, местах их приписки по данным полицейского надзора. Эти материалы вводятся нами в научный оборот впервые.

---

[1] Государственный архив Томской области (далее ГАТО). Ф. 3. Оп. 4. Д. 38.
[2] ГАТО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 1265.
[3] ГАТО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 2573.
[4] ГАТО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 3248.

Из опубликованных статистических источников Министерства внутренних дел необходимо, в первую очередь, выделить "Статистический временник Российской империи", издававшийся на протяжении длительного времени. Особенность издания заключается в представлении различных аспектов жизни России пореформенного периода, но преимущественно на материалах Европейской части страны.

Одним из немногих сборников, в котором встречается информация о Сибири, был изданный в 1866 г. первый выпуск "Статистический временник Российской империи". Сведения о народонаселении, распределении его по сословиям и вероисповеданиям были разработаны редакторами А.Б. Бушевым и П.И. Бларамбергом[1]. Составители вполне критично подходили к приводимым данным, указывая на то, что "на цифры населения … не только нельзя смотреть как на абсолютно верные, … но даже эти цифры далеко не имеют той степени точности, какую они представляют в … государствах Западной Европы"[2]. В то же время, отмечали редакторы, неточность итоговых цифр достаточно часто была связана с различными способами учета населения. Полиция, например, учитывала исключительно приписное население. Тогда как в регионе проживало и неучтенное население. Это приводило к разночтениям в данных по сведениям полиции и по результатам кратковременных (однодневных) переписей населения губерний. На примере Енисейской губернии можно видеть, что разница между полицейским учетом (1862 г.) и местной переписью (1863 г.) составила почти + 4 тыс. чел.[3].

Одним из наиболее авторитетных справочных изданий начала XX в. стал "Статистический ежегодник России", издававшийся Центральным статистическим комитетом при МВД с 1905 г. Насколько приводимые в нем данные были достоверны? Нами были сопоставлены демографические данные по Тобольской и Томской губерниям, заимствованные из ежегодников за 1905, 1910 и 1913 гг. и губернских "Памятных книжек". В частности, нами были заимствованы данные численности населения и удельном весе в нем поляков, евреев и немцев.

Статистические данные ЦСК МВД наглядно свидетельствуют о росте численности населения в Тобольской и Томской губерниях в начале XX в. (см. прил. 3). Однако эти данные разнятся с данными губернской статистики. Так, в "Памятной книжке Томской губернии на 1911 год" приведены данные о численности населения губернии за период с 1900 по 1909 гг. В ней, в частности, этот показатель на 1905 г. составляет 2414,5 тыс. чел.[4], что почти на 87 тыс.

---

[1] Статистический временник Российской империи. Выпуск 1. СПб., 1866. С. I.

[2] Там же. С. VII.

[3] Там же. С. XI.

[4] Памятная книжка Томской губернии на 1911 год. Томск, 1911. С. 223.

чел. больше, чем указано в "Ежегоднике" Центрального статистического управления при МВД. Еще большие разночтения относительно 1910 г.: 3673,7 тыс. чел. (по данным полицейского учета)[1] против 3170,3 тыс. (по данным ЦСК МВД).

Однако при составлении таблиц по вероисповедному и национальному составу населений губерний, в том числе и сибирских, они привели сведения об удельном весе наиболее многочисленных конфессий и национальных общин. Их сопоставление с приведенными выше данными позволяет восстановить динамику численности рассматриваемых национальных общин (см. прил. 4).

Как мы видим, только относительные данные о национальном составе населения Западной Сибири, приведенные на разные годы почти за 10 лет, постоянны и не отражают реальных демографических процессов. Об этом свидетельствуют сравнения с данными, приводимыми в ежегодных губернских "Памятных книжках". Так, на 1904 г. в Томской губернии, по данным полицейского учета, насчитывалось 8524 еврея[2], а в 1911 г. - 15383 еврея[3]. Совершенно не имеют ничего общего с реальностью данные о численности немецкого населения в губерниях, которое к 1913 г. насчитывало в Томской губернии не менее 35 тыс. чел.

Столь существенные разночтения в данных центральной и губернской статистики заставляет нас больше доверять последней, которая базировалась на предоставлявшихся данных городских и уездных Полицейских Управлений, хотя и их информация была не всегда исчерпывающей. Тем не менее, как отмечает Б. Натанс, "полиция со временем стала более агрессивной в своем контроле над евреями города - особенно теми, кто жил там нелегально, которым, предположительно, было сложнее уклониться от дачи сведений полицейскому чину, чем официальному переписчику"[4]. Сказанное им о евреях можно в полной мере распространить на поляков и немцев. Общеимперские же сборники, как мы видим, вызывают гораздо больший скептицизм с учетом существовавшего привлекательного внешнего налета точности и ясности[5]. Однако некоторые современные историки предпочитают использовать статистику общегосударственных сборников, заимствуя из них, как правило, относительные показатели о доле той или иной национальной группы населения в регионе[6].

---

[1] Памятная книжка Томской губернии на 1913 год. Томск, 1913. С. 186.

[2] Памятная книжка Томской губернии на 1904 год. Томск, 1904. С. 3.

[3] Памятная книжка Томской губернии на 1911 год. Томск, 1911. С. 223.

[4] Натанс Б. За чертой. С. 115.

[5] Натанс Б. За чертой. С. 113.

[6] См., напр., Леончик С.В. Польские ссыльные и польские добровольные переселенцы в Сибири в конце XIX - начале XX в.: причины появления, взаимоотношения на новой родине // Польские ссыльные в Сибири во второй половине XVIII - начале XX в. в восприятии российской администрации, переселенцев и коренных народов

Достаточно содержательным источником являются "Списки населенных мест Российской империи", издававшиеся Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. Например, в 1871 г. был издан справочник, посвященный Тобольской губернии. В нем содержалась информация за 1868 – 1869 гг., включающая общие сведения о губернии. Для нас наиболее интересными являются разделы "Статистическо-этнографический состав населения" и "Религия", в которых приводятся различного рода сведения об этносах и вероисповеданиях. Источником для статистиков ЦСК стали, как указано в работе, отчеты губернаторов[1]. Помимо непосредственных статистических данных издание содержит существенные критические замечания. Это касается, например, разбора источников формирования национальных общин. Уже на тот момент отмечалось, что основным способом попадания поляков в Сибирь являлась ссылка на поселение[2]. Характеризуя польское население губернии, статистики отметили тот факт, что именно оно составило большинство католиков. По этому поводу, в частности, было сказано, что "принимая во внимание, что в Тобольской губернии всех этих национальностей [литовцев, французов, итальянцев и др. – В.Ш.] весьма мало, мы сделаем весьма небольшую ошибку, если сочтем всех католиков за поляков"[3]. Надо сказать, что поляки в Сибири уже на тот момент представляли научный интерес, что следует из рекомендации ЦСК: "Весьма желательно, чтобы местный статистический комитет обратил внимание на этот не лишенный интереса для этнографической статистики вопрос"[4].

Завершая обзор статистических публикаций Министерства внутренних дел, следует указать на издание "Статистики Российской империи". В 1907 г. в свет вышел очередной том "Движение населения в Европейской России и в двух губерниях Сибири: Енисейской и Тобольской за 1902 год". Как и в предыдущем случае, основной источник для ЦСК – сведения, доставленные местными правительственными органами Министерства внутренних дел. В отличие от прочих изданий, в настоящем содержатся данные о демографических характеристиках различных вероисповедных групп. Для нас наибольший интерес, соответственно, представляют сводные данные о рождаемости, смертности, брачности, людности семьи и пр. применительно к католикам, протестантам (лютеранам) и иудеям. Содержание сборника позволяет провести сравнительный анализ однопорядковых показателей

Сибири. Омск, 2015. С. 270.

[1] Списки населенных мест Российской империи. Т. LX. Тобольская губерния. СПб., 1871. С. CLXXX.

[2] Там же. С. CLIII.

[3] Там же. С. CLII.

[4] Там же. С. CLIII.

не только между Сибирью и Европейской Россией, но и внутри Сибири, что значительно повышает его информационную ценность.

С началом Первой мировой войны Россия столкнулась с феноменом беженства и вынужденных переселенцев. В общероссийском масштабе учет осуществлялся Татьянинским комитетом, а в губерниях - его отделениями и местными статистическими учреждениями. Огромный вклад в развитие сибирской статистики в этот период внес профессор В.Я. Нагнибеда, который уже в 1916 г. силами томских статистиков обработал данные о тысячах беженцев, имевших официально этот статус и оказавшихся на территории Томской губернии. Результатом стала публикация сборника, содержавшего в себе статистические сведения о семьях беженцев[1]. Информация о семье включала не только сведения о ее персональном составе (фамилия, имя, отношение к главе семьи, возраст, национальность), но также давала представление о прежнем месте жительства, месте поселения в Томской губернии, хозяйственной деятельности главы семьи. Ранее эти материалы интересовали некоторых исследователей с позиций профессионального состава беженцев[2] и вынужденных миграций в Первую мировую войну[3]. Для нас это немаловажный статистический источник по формированию еврейской, польской и немецкой общин в Западной Сибири.

На рубеже XIX – XX вв. в России активно развивается промышленная статистика, что было связано с возросшими потребностями Министерства финансов, а позднее Министерство торговли и промышленности. По их инициативе на местах статистики проводили сбор первичной информации, которая становилась в дальнейшем основой для различных сборников, содержавших в себе сведения о промышленных заведениях.

Одним из наиболее ранних и информативных источников о промышленных предприятиях Томской губернии стали ведомости о заводских и фабричных заведениях 1887 г., хранящиеся в Государственном архиве Томской области[4]. Это статистическое обследование на губернском уровне имело ряд своих специфических черт, которые касались, в первую очередь, сбора данных. Во-первых, карточка заполнялась только на те предприятия, которые имели годовой объем производства от 1 тыс. руб., остальные заведения вносились в сводную ведомость по губернии без отдельного выделения. Во-вторых, внимательное изучение ведомостей не оставляет сомнения в том, что они заполнялись самим владельцем или по его поручению

---

[1] Беженцы в Томской губернии: список семейств беженцев и адреса их / Регистр. и спр. для беженцев бюро при Стат. отделе Том. переселенч. района. Под ред. В.Я. Нагнибеды. Вып. 1. Томск, 1916.

[2] См., напр., Щетинина А.С. Профессиональный состав беженцев Первой мировой войны в Томской губернии // Историческое профессиоведение: источники, методы, теории анализа. Барнаул, 2008. С. 224 - 226.

[3] См., напр., Щетинина А.С. Беженцы на Юге Западной Сибири (1914 - 1923 гг.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2007.

[4] ГАТО. Ф. 324. Оп. 1. Д. 116.

управляющим (бланк заполнен тем же почерком и чернилами что и проставлена подпись владельца (управляющего)). В ряде случаев ведомость представляла собой не типографский бланк, отпечатанный с двух сторон листа, а полностью рукописный текст. В бланке содержится информация о владельце, местоположении, профиле предприятия, дате его открытия, объемах производимой продукции и ее стоимости за прошедший фискальный отчетный период. Последнее позволяет сопоставлять однородные предприятия между собой и выявлять их удельный вес в отрасли. Технические показатели позволяют говорить о характере производства (ручное, механизированное, смешанное). Достаточно важной является информация об условиях работы на предприятии (продолжительность рабочего дня, размер заработной платы и условия ее выплаты, место жительства рабочих). Практически во всех ведомостях представлена информация об объемах переработанного сырья, что позволяет определить его расход на единицу готовой продукции. Этот источник достаточно хорошо знаком специалистам, занимающимся экономической историей Сибири в пореформенный период. Но в нашем случае во главу угла ставится, в первую очередь, национальная принадлежность владельца предприятия, что позволяет по совокупности критериев определить место и роль той или иной национальной общины как в конкретной отрасли, так и в промышленности региона в целом.

Новым явлением стало издание многочисленных сборников с материалами промышленной статистики в конце XIX - начале XX в. Так, в 1899 г. по инициативе Департамента торговли и мануфактур Министерства финансов был издан справочник под названием "Торгово-промышленная Россия: справочная книга для купцов и фабрикантов". Главным источником для его составления стал адресный и статистический материал, предоставленный губернскими Казенными Палатами. По промышленным заведениям в него включены предприятия с годовым производством не менее 1 тыс. руб. Кроме того, составителями были использованы актуальные отраслевые справочные издания 1894 - 1895 гг. по горнодобыче, золотопромышленности, предприятиям, подлежащим акцизному сбору. Ценность данного труда состоит, в первую очередь, в том, что в него включены сведения о промышленных заведениях, расположенных в сибирских губерниях. Недостатком данного справочника, как это признали сами составители, явилось включение в него лишь сведений о гильдейских предприятиях, обложенных раскладочным и процентным сбором[1]. Но это не умаляет достоинств справочного издания. Структурно данные разделены по отраслевому и географическому принципу. Погубернская информация разделена на сведения о предприятиях с годовым производством выше среднего по отрасли и прочие. В отдельных случаях (винокуренное, пивоваренное производство) приведены

[1] Торгово-промышленная Россия: справочная книга для купцов и фабрикантов / Под ред. А.А. Блау. СПб., 1899. С. III.

данные по объемам производства и стоимости продукции. Отличительной особенностью данного справочного издания является включение в него сведений не только по промышленным, но и торговым заведениям. В дальнейшем, надо сказать, эта практика не повторится.

В 1900 г. был опубликован "Указатель фабрик и заводов окраин России: Царства Польского, Кавказа, Сибири и Средне-Азиатских владений", подготовленный П.А. Орловым. В отличие от предыдущего издания, в него были включены сведения только о промышленных заведениях, расположенных в сибирских губерниях. Основанием для него стали материалы фабрично-заводской статистики, собранные Департаментом торговли и мануфактур Министерства финансов в 1894 и 1895 гг. Уже в предисловии автор пояснил, что им в данное издание включены лишь те предприятия, которые имели размер годового производства не менее 2 тыс. руб.[1]. В структурном плане оно разделено на 10 разделов. Сведения о предприятии включают в себя персональные данные владельца, объем ежегодного производства продукции, его годовая стоимость, численность рабочих. Кроме того, давались сведения об использовании парового двигателя и дате возникновения производства. Как мы видим, сведения даны достаточно скупые, но они позволяют нам определить отрасли промышленности, в которые были вовлечены представители еврейской, немецкой и польской общин в Западной Сибири, а также долю их участия в производстве, присутствии на рынке наемного труда. Правда, данные о работниках вызывают определенные вопросы. Были ли это наемные рабочие или же это были члены семьи? Сколько человек было реально задействовано в производственном цикле, ведь в Министерство финансов подавались сведения обо всех сотрудниках, а потому в них попадали все: от руководителя (владельца) до чернорабочего. О востребованности сборника свидетельствует факт его переиздания в 1900 г.

В 1910 – 1912 гг. Министерство финансов совместно с Министерством торговли и промышленности на основании данных фабричного, податного надзора издали обновленные сведения. Издание было осуществлено "на помощь широким торгово-промышленным кругам в их повседневных деловых сношениях и осведомленности относительно существующих в Империи промышленных заведений"[2]. Издание 1910 г. является одним из немногих, в котором подробно изложена методика сбора информации: составители основывались на опубликованных данных при составлении предварительного списка предприятий, а в

[1] Орлов П.А. Указатель фабрик и заводов окраин России: Царства Польского, Кавказа, Сибири и Средне-Азиатских владений. СПб., 1900. С. 4.

[2] Список фабрик и заводов России. По официальным данным фабричного, заводского и горного надзоров. М., СПб., Варшава, 1910. С. XVII.

дальнейшем использовали официальные источники информации и результаты анкетирования среди владельцев предприятий. Это позволило включить в сборник информацию, проверенную и уточненную несколькими способами, что должно свидетельствовать о достоверности данных по 31950 предприятиям во всех регионах Российской империи.

Сопоставление данных промышленной статистики позволяет проследить эволюцию отдельных предприятий, а также изменение соотношения присутствия различных промышленных групп (национальных) в отдельных отраслях промышленности по различным показателям (годовой объем производства, ежегодная стоимость произведенной продукции, количество рабочих, число паровых двигателей и пр.), что позволяет нам говорить не только о количественном, но и качественном участии той или иной группы в развитии отрасли и промышленности региона в целом.

Уникальную информацию экономического характера содержат в себе "Материалы анкетного обследования кустарно-ремесленной промышленности в Томской губернии" (Томск, 1915), которые могут быть отнесены к материалам ведомственной статистики, ибо были собраны и обработаны томским отделением ЦСК МВД. В сборнике представлены не только количественные, но также качественные сведения о состоянии кустарных промыслов в различных волостях Томской губернии. Приводятся сведения о стоимости произведенной продукции, сбыте изделий промыслов в своих и соседних селениях, волости, уезде. Сопоставление данных, приведенных в поволостных таблицах сведений о промыслах, с комментариями по отдельным селениям волостей, позволяет определить роль и место немецких и польских крестьян в развитии того или иного промысла в волости, уезде.

Одним из примеров статистики Военного Министерства являются "Военно-статистические обзоры" губерний, которые составлялись офицерами Генерального Штаба. Деятельность последних была распространена не только на Европейскую Россию, как это было обычно, но и на владения за Уралом. В частности, были подготовлены и опубликованы "Обзоры" по Тобольской и Томской губерниям. Несмотря на то, что в основе работы офицеров лежал, по всей вероятности, единый опросник, конечное содержание работ несколько отличалось. Итог во многом зависел от индивидуальности составителя, его формального или неформального подхода к работе. Сравнительный анализ "Обзоров", опубликованных в 1840-х гг. позволяет выявить не только отдельные статистические данные, но и проследить динамику и определить некоторые тенденции в социально-экономическом развитии.

К ведомственной статистике можно отнести документы римско-католической и лютеранской консисторий. В архивных фондах сохранились отчеты и донесения священнослужителей Тобольска, Томска, в которых ими приведены сведения о примерном

количестве и территориальном размещении единоверцев. Правда, анализ этих данных показывает, что ксендзы, например, не самостоятельно собирали эти сведения, а прибегали к услугам местного полицейского аппарата. Об этом свидетельствует переписка, в которую были вовлечены тобольский губернатор, ксендз и уездные полицейские чины.

Отдельно необходимо выделить материалы земской (губернской) статистики, опубликованные в различного рода "Памятных книжках", "Сборниках"[1] и "Обзорах"[2]. Использование данного типа исторического источника должно помочь ответить на ряд вопросов, связанных с жизнью немцев, поляков, евреев в прежних местах жительства. Эти материалы позволяют восстановить, например, экономическую жизнь немецкой деревни в Поволжье и на Юге России накануне переселения за Урал, а также охарактеризовать особенности жизнедеятельности еврейского населения в черте оседлости и регионах, которые не были в нее включены. Тщательное их изучение дает возможность выяснить причины переселения немцев на новые места, определить динамику переселения, а со временем сравнить уровень экономической жизни материнской и дочерней колонии. Кроме того, эти материалы являются важным источником для проведения сравнительного анализа жизни представителей различных национальных общин в местах прежнего проживания и на новом месте жительства.

Особенностью Сибири являлось отсутствие до 1917 г. земского управления. А потому и о земской статистике говорить не приходится. Тем не менее, с 1870-х гг. в Тобольской и Томской губерниях начинают издаваться "Обзоры" и "Памятные книжки". Издателем-составителем выступали губернские статистические комитеты, которые включали в макет как информацию официального характера, так и неформальные сведения.

Первые являлись печатным приложением к всеподданнейшим докладам губернаторов. На протяжении первой половины 1880-х гг. в них регулярно помещались сведения о вероисповедном составе населения. В дальнейшем эта информация со страниц данного издания была удалена. С развитием переселенческого движения в Сибирь на страницах "Обзоров" губерний помещались статистические сведения о губерниях выхода переселенцев. Для нас наибольший интерес представляет отслеживание динамики переселения из польских губерний

---

[1]. См., например, Памятная книжка Таврической губернии. Симферополь, 1889.; Сборник статистических сведений по Самарской губернии. Отдел хозяйственной статистики. Новоузенский уезд. Самара, 1890; Сборник статистических сведений по Саратовской губернии. Том XI. Камышинский уезд. Саратов, 1891; Сборник статистических сведений по Таврической губернии. Том 1, Выпуск 2. М., 1887; Сельскохозяйственный обзор Самарской губернии за 1899 – 1900 год. Самара, 1902.

[2]. Статистико-экономический обзор по Одесскому уезду за 1892 год. Под ред. Б.Ю. Трояновского. Одесса, 1893.

на рубеже XIX - XX вв., когда польские крестьяне оказались включенными во внутрироссийские миграционные процессы.

Второе издание носило более неформальный характер. В нем содержалась различного рода информация не только о местных государственных и общественных учреждениях, но также данные о демографическом, экономическом развитии региона. Значимость издания применительно к Западной Сибири была велика в 1880-х гг., когда на страницах "Памятных книжек" публиковались развернутые итоги однодневных городских переписей (Тобольска и др.).

Неформальная часть "Памятных книжек" содержит различные статьи экономического содержания. В публикациях, описывавших развитие регионального пчеловодства, маслоделия и иных неземледельческих промыслов, встречаются упоминания о деятельности представителей различных национальных групп. В начале XX в. большое внимание в данных изданиях уделялось развитию переселенческого движения в сибирские губернии. Кроме того, достаточно интересны приводимые сведения о промышленных предприятиях в регионе на основе данных как губернских статистических комитетов[1], так и губернских управлений акцизными сборами[2].

Применительно к началу XX в. особое значение приобретают "Адрес-календари", ежегодно издававшиеся не только по губерниям, но и отдельным уездам. Эти издания чрезвычайно важны для восстановления экономических ниш, которые занимали евреи, немцы, поляки в различных регионах. Сравнение полученных данных по Сибири с материалами Европейской России может привести к выводу о преемственности в сферах деятельности либо о поиске новых ниш. К сожалению, подобного рода сборники позволяют определить число представителей различных этносов в той или иной сфере, но отсутствие сведений о капитализации и оборотах не дает возможности выявить их роль и место в конкретной экономической сфере. Поэтому подобного рода реконструкции носят достаточно общий характер.

В нашем случае эпистолярные источники крайне редки. Поэтому необходимо обратить внимание на письма ссыльных поляков, которые перлюстрировались жандармскими офицерами и передавались в III Отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии в Санкт-Петербурге. Этих писем сохранилось в архивных фондах достаточное количество. Их

---

[1]. См., напр.: Торговые и промышленные предприятия в г. Томске // Памятная книжка Томской губернии на 1910 год. Томск, 1910. С. 152 - 158; Список фабрик и заводов г. Томска // Там же. С. 265 - 266.

[2]. Управление акцизными сборами Томской губернии и Семипалатинской области // Памятная книжка Томской губернии на 1908 год. Томск, 1908. С. 92 - 110.

анализ лишний раз убеждает нас в субъективности данного вида источника: авторы зачастую излагают собственное видение того или иного события в своей жизни. Как бы то ни было, в них содержится и определенная доля достоверной информации, которая, например, позволяет восстановить общий фон атмосферы, в которой жили ссыльные, которая сформировалась вокруг них.

В заключение хотелось бы несколько слов сказать о мемуарных источниках и дореволюционной периодической печати. Мемуаристика, в зависимости от ее разновидности, считается одним из наиболее субъективных источников, причины чего вполне объяснимы. Однако наполнение этой группы у исследователей различно. Например, А.А. Курносов, относит дневники в число мемуарных источников наряду с произведениями эпистолярного жанра на том лишь основании, что они принадлежат к одной группе видов - источникам личного происхождения [1]. Другие же напротив, считая их "близкими по многим чертам", разводят их по разным группам[2].

Мы относим к данному типу два вида мемуарных записей - дневниковая форма и воспоминания. В фактологическом плане наиболее достоверной является первая форма, ибо для нее характерна быстрая фиксация событий без их конкретной оценки, тогда как в воспоминаниях всегда существует доля непреднамеренного или умышленного искажения действительности. Объективность воспоминаний зависит также от приближенности и участия в них автора. Однако не следует сбрасывать со счетов личностный фактор.

Автором одних из наиболее содержательных воспоминаний являлся декабрист Н.И. Лорер. В его сочинении "Записки декабриста. Воспоминания о прошлом" (Москва, 1988) встречаются упоминания о поляках, сосланных в разное время в Сибирь. Кстати, сам Лорер, находясь на поселении в Кургане, общался с некоторыми из участников Польского восстания 1830 г.

Из наиболее информативных опубликованных на русском языке воспоминаний следует отметить "Конарщика" Ю. Ручиньского[3], в которых достаточно подробно представлен путь польских ссыльных середины XIX в. в Сибирь и их жизнь в Нерчинском горном округе. Автор прошел до Нерчинских рудников, где и находился некоторое время на поселении. Так как мемуары были написаны им по возвращении из ссылки, в них содержатся лишь наиболее важные и запомнившиеся ему события. С течением времени негатив каторжного пути стерся, и

---

[1]. Курносов А.А. К вопросу о природе видов источников // Источниковедение отечественной истории. 1977. М., 1977. С. 5.

[2]. Источниковедение истории СССР. М., 1973. С. 275.

[3] Ручиньский Ю. Конарщик // Воспоминания из Сибири: Мемуары, очерки, дневниковые записи польских ссыльных в Восточную Сибирь первой половины XIX столетия. Иркутск, 2009. С. 325-476.

остались преимущественно позитивные моменты. Автор достаточно подробно описал путь своей пересыльной команды в Забайкалье, представил быт польских переселенцев в тюрьмах и на этапе. Интересны его воспоминания о взаимоотношениях каторжан с местными чиновниками и населением.

О жизни сибирских евреев в XIX в. писал в своих мемуарах Моисей Новомейский[1]. Несколько глав первой части книги посвящены различным аспектам семейной истории, через которую представлена история еврейского народа в России и Сибири. Так, автор писал о спорах среди ученых талмудистов в Одессе, что привело к ссылке в Сибирь его прадеда. Дед был сослан за Урал за помощь польским восставшим в 1831 г. Выживание в Сибири, по мнению Новомейского, зависело от расторопности, а потому его отец и мать очень рано начали работать.

Воспоминания Новомейского интересны и для изучения вопросов польской ссылки в Сибирь. Так, им приведена информация о польском восстании на Кругобайкальской железной дороге. Жизнь польских ссыльных оказалась вне поля зрения мемуариста, но он отметил их большое влияние "в общественной жизни и в кругу деловых людей"[2].

Особым источником по истории социума Сибири является периодическая печать. Развитие периодики в регионе имело свою специфику. В течение длительного времени единственным печатным органом являлись "Губернские ведомости", издаваемые в Тобольске, Томске. С 1880-х гг. число газет возрастает. Это уже не только официальные издания, но и газеты, издававшиеся частными лицами, например, "Сибирский вестник политики, литературы и общественной жизни" (Томск), "Сибирская газета" (Томск), "Сибирский листок" (Тобольск), "Сибирская торговая газета" (Тюмень). Издателями-редакторами газет являлись представители либеральных кругов сибирского общества (П. Макушин, В. Картамышев и др.), которые тем самым стремились преодолеть культурную отсталость региона.

Уже в 1860-е гг. на страницах "Томских губернских ведомостей" появляется большое количество объявлений, фигурантами которых выступают евреи, немцы, поляки. Преимущественно они касались движения по службе, хозяйственных вопросов, имущественных отношений между отдельными лицами и пр.

Краткие газетные сообщения дают информацию о географии расселения и численности общин в Западной Сибири. В 1860-е гг. под руководством Н.А. Кострова в Томской губернии проводились частые городские переписи. Их результаты с комментариями также

---

[1] Novomeysky A. My Siberian life. London, 1956.

[2] Novomeysky A. My Siberian life. London, 1956 // http://novomeysky.narod.ru/mose/book/glava1_2.htm [Электронный ресурс. Дата доступа 10.05.2013]

публиковались на страницах "Томских губернских ведомостей". Они позволяют определить долю нерусского населения в среде горожан[1]. Источниками статистических данных, публикуемых в газетах, становились полиция и духовные правления. Последние представляли сведения о количестве родившихся, умерших, вступивших в брак и разведенных за истекший год[2]. В последующее время "Губернские ведомости" регулярно представляли сведения о текущей статистике народонаселения губерний, которые заимствовались из ежегодных губернаторских отчетов. В начале 1880-х гг. в наиболее крупных городах была проведена однодневная перепись населения, промежуточные результаты которой так же были представлены в местных газетах.

Некоторые газетные публикации, в первую очередь, объявления, позволяют значительно расширить географию расселения представителей общин. Например, на протяжении XIX в. сохранялся запрет на проживание евреев на территории Алтайского горного округа. Однако, судя по материалам периодики, они там не только проживали, но и занимались хозяйственной деятельностью. Так, например, встречаются упоминания о барнаульском мещанине Марке Левшице[3], проживавшем в Бийске отставном унтер-офицере Мовше Фельдмане[4] и др.

В мае 1884 г. мещанское общество г. Колывань возбудило перед Главным Управлением Алтайского горного округа вопрос о причислении новых членов из числа евреев, однако получило отрицательный ответ[5]. В то же время на страницах "Томских губернских ведомостей" встречаются неоднократные упоминания о колыванских купцах и мещанах из числа евреев. Например, в начале 1883 г. в Томским городовым полицейским управлением разыскивался колыванский купец Монтий Лейбович "по делу о потраве скотом, принадлежащим Лейбовичу сена в стогах бухарца Набыша Апмена"[6]. В одном из номеров газеты в рубрике "О наложении запрета на имение" было помещено объявление об аресте недвижимого имущества томского мещанина Хаима Рубанова и его брата колыванского мещанина Абрама Рубанова за неуплату по векселям виленскому купцу 2-й гильдии Исаю Вульфину[7]. Таким образом, закон на местах далеко не всегда соблюдался в соответствии с "духом и буквой". Подобного рода ситуации могли возникать вследствие попустительства властей, а также на основе действовавшего тогда в отношении евреев достаточно противоречивого законодательства.

---

[1] См., напр., по г. Мариинску на 1864 г.: Томские губернские ведомости. 1867. - № 6; по г. Томску: Там же. № 16.

[2] См., напр., Сибирская жизнь. 1901. – 24 февраля.

[3] Томские губернские ведомости. 1883. - № 17.

[4] Там же. № 40.

[5] Государственный архив Алтайского края (далее ГААК). Ф. 3. Оп. 1. Д. 575. ЛЛ. 130 об. – 132.

[6] Томские губернские ведомости. 1883. - № 4.

[7] Там же. № 8.

Разночтения в действующем законодательстве нередко приводили к печальным последствиям для нерусского населения. Наибольшее притеснение со стороны властей испытывали евреи, и периодика не оставалась в стороне от освещения подобных ситуаций. Так, окружные полицейские управления проводили переписи и устраивали проверку разрешительных документов. В 1895 – 1897 гг. частыми стали случаи высылок евреев из городов Томской губернии. В Томске наибольшую активность проявлял полицмейстер А.А. Зеленский. В одной из газетных заметок современник указывал, что в результате решения общего присутствия Томского губернского правления и придирок полиции под угрозой выселения из Томска оказывалось ок. 800 семей[1].

Официальные сообщения "Губернских ведомостей" позволяют сделать вывод о том, что достаточно часто на протяжении второй половины XIX в. посты губернатора и вице-губернатора в сибирских губерниях занимали лица немецкого или польского происхождения (например, Бекман В.А., Гасфорд Г.Х., Лакс А.И., Ломачевский А.А., Таубе М.А., Тобизер Г.А. и др.). То же можно сказать о чиновниках губернских правлений, судебной палаты, финансовых органов, полиции и прочих органов управления. Представленная в них информация позволяет отследить прохождение по служебной лестнице, получение наград и высочайших благодарностей.

Достаточно большое внимание местная пресса уделяла хозяйственным вопросам, поэтому основная часть хроникальных материалов, заметок, корреспонденций, объявлений, фельетонов была посвящена именно им. Упоминание в них польских, немецких, еврейских фамилий позволяет восстановить сферы экономики, в которых они играли заметную роль. Среди таковых, в первую очередь, необходимо назвать промышленное и торговое предпринимательство.

Периодическая печать позволяет выявить целый ряд особенностей развития отечественного предпринимательства второй половины XIX в. Одна из них, как это неоднократно отмечали исследователи, заключалась в том, что семейное предприятие в редких случаях переживало своего основателя. Как правило, наследники либо пускали капитал "на ветер", либо разорялись вследствие неумелого ведения дел. Наиболее показательным примером может служить торгово-промышленное предприятие томского купца первой гильдии Б.Л. Хотимского, который оставил своим наследникам значительный капитал. Основная часть предприятия оказалась в руках вдовы – Марины Хотимской. В 1881 г. она в судебном порядке взыскивала с должников задолженности по векселям с процентами[2]. Однако, уже в 1883 г. на

---

[1] Томский листок. Томск. 1897. - № 120.

[2] Там же. 1881. - № 5.

все имущество той же Хотимской был наложен арест, как было сказано "в обеспечение могущего пасть на Хотимскую взыскания по делу о неправильности постройки Больше-Косульского моста, находящегося в Мариинской округе, и по другим делам…"[1]. А уже через месяц (13 апреля 1883 г.) "по определению Томского Окружного Суда Томская 1-й гильдии купчиха Марина Григорьева Хотимская объявлена несостоятельной должницею…"[2]. И таких примеров было немало.

Особое внимание на себя обращают две отрасли пищевой промышленности, в которых немцы и евреи играли ведущую роль, - винокурение и пивоварение.

Одним из "водочных королей" Урала и Сибири был А.Ф. Поклевский-Козелл, который начал свою деятельность на этой почве после отмены откупной системы в 1863 г. К 1890 г. вследствие бурного развития отрасли он был уже "первым среди равных". Но интерес к этой персоне не угасал и после смерти, о чем свидетельствует ряд публикаций, появившихся в тобольских газетах в 1890 – 1891 гг.[3]

В 1888 г. томские обыватели с огромным интересом следили за развитием так называемой "стачки виноторговцев", возникшей осенью 1887 г., в которой приняли активное участие еврейские "тузы винного дела" (Фуксман, Файнберг, Юдалевич, Буткевич, Каймановичь). Этой теме была посвящена обширная редакторская статья "Стачка томских виноторговцев", помещенная в одном из первых номеров "Сибирской газеты" за 1888 г. В ней, в частности, отмечалось, что "почти во всех столичных и некоторых провинциальных газетах уже давно появилось подробное описание стачки", и только местная пресса замалчивает этот факт[4]. Поместив подобное "заявление" редакция взяла на себя обязанность извещать томичей о развитии ситуации. И, действительно, на страницах газеты появляется целый ряд публикаций на эту тему. Причем журналисты сообщали не только о деятельности участников стачки, но и реакции центральных и местных властей. В июне 1888 г. дело было рассмотрено в публичном заседании Томского окружного суда, по итогам которого зачинщики были приговорены к шестимесячному тюремному заключению. Редакция откликнулась на это событие подробным репортажем из зала суда и фельетоном[5], общий тон которого отразил положительные эмоции в обществе.

---

[1] Там же. 1883. - № 13.

[2] Там же. № 17.

[3] См., напр., Сибирский листок. Тобольск. 1891. - № 19.

[4] Стачка томских виноторговцев // Сибирская газета. Томск. 1888.- № 2.

[5] Там же. № 44, 45.

Гораздо меньше внимания газеты уделяли различным ремеслам и промыслам, которыми занимались поляки, евреи или немцы. "Сибирский листок" на своих страницах опубликовал статью "Кое-что о ремеслах в г. Тобольске", в которой основное внимание уделено оценке культурного влияния поляков на развитие местных ремесел. Так, например, автор отдает дань уважения мастерству Игнация Пляпаса, резные изделия из кости которого, отличавшиеся изяществом и оригинальностью, "иностранцы скупали … на крупные суммы", и даже "шли заказы из Москвы и Петербурга". Из других мастеров упоминается в статье ссыльный Флеоровский, который делал шкатулки, табакерки. За образ распятия из бересты им была получена золотая медаль из Лондона. После его смерти "берестяное дело двинулось назад; хотя в 70-х гг. были попытки делать шкатулки из бересты …, но это … было только ремесло"[1].

В 1870-е гг. начинается некоторое оживление общественно-политической жизни в регионах. В частности, это было связано с реализацией буржуазно-демократических реформ. Определенные изменения в положении отдельных категорий населения нашли свое отражение в содержании официальной части губернской прессы. Так, например, с введением в 1870 г. нового "Городового положения" в "Губернских ведомостях" начинают печатать списки выборщиков гласных в городские думы по всем городам губерний региона. Списки составлялись на местах на последующее четырехлетие. Подобные списки были опубликованы в "Томских губернских ведомостях" за 1883 г.[2]

С 1874 г. новый военный устав изменяет принцип комплектования русской армии: новобранцами становились лица, подлежащие по возрасту призыву. Как правило, список призывников формировался путем жеребьевки. В дальнейшем он подлежал публикации в местных газетах. Так, например, в 1883 г. подобного рода жеребьевка была проведена в Томской городовой управе среди дворян, купеческих детей, мещан и иногородних[3]. Анализ опубликованных данных позволяет не только установить фамилию и сословие каждого призывника, но и определить долю евреев, призванных на военную службу. Так, например, в 1883 г. евреи-призывники г. Томска составили среди купеческих детей 43%, иногородних – 22%, а среди мещан лишь 4%[4].

В конце XIX в. на Сибирь была распространена судебная реформа. С этого времени на страницах "Томских губернских ведомостей" и других аналогичных изданий публиковались списки очередных и запасных присяжных заседателей, принимавших участие в сессионных

---

[1] Кое-что о ремеслах в г. Тобольске // Сибирский листок. Тобольск, 1891. - № 3.

[2] См., напр., по г. Мариинску: Там же. № 41.

[3] Там же. №. 39.

[4] Там же. Подсчет наш.

заседаниях окружных судов[1]. В данных списках представлены порядковый номер, именные данные заседателей, сословная принадлежность и адрес. Например, по г. Томску:"42. Фонштейн Вениамин Яковлев, купец, Никитинская, 56"; "43. Фельштейн Нахим Киселев, купец, Спасская, 5"[2]. Анализ списков выборщиков и присяжных заседателей позволяет выявить круг евреев, которые по различным цензам подходили под ту или иную избирательную категорию.

Таким образом, публикуемые списки позволяют сделать некоторые выводы о вовлеченности нерусского некоренного населения региона в процесс реализации реформ и его интеграции в общество. Кроме того, эти материалы дают дополнительную информацию об особенностях этнической антропонимики региона.

Трудно согласиться с некоторыми исследователями, которые отказываются от использования периодики или обращают на нее незначительное внимание лишь вследствие "ее особенной политизации, а также пристрастностью в отношении еврейского вопроса"[3]. В газетных и журнальных публикациях достаточно часто можно обнаружить информацию, которая в иных нарративных источниках не отложилась. Материалы носят преимущественно информативный характер. Количество публикаций аналитического характера крайне невелико, они касаются преимущественно внутриполитической ситуации ("еврейские погромы" и т.д.).

Таким образом, на страницах периодических изданий во второй половине XIX – начале XX вв. находили отражение различные аспекты экономической, социальной, культурной жизни национальных общин региона. Опубликованные материалы, несмотря на свой тенденциозный характер, позволяют в совокупности с прочими историческими источниками более полно реконструировать картину жизни социума в целом и его составных частей в частности в конкретный исторический период. Однако в силу комплекса причин этот материал остается разрозненным, неструктурированным и слабо востребованным исследователями.

При работе с периодической печатью, как историческим источником, следует помнить о его избирательности, т.к. в тех условиях публиковались лишь те материалы, которые не затрагивали своим содержанием устоев существующей власти. Достаточно четко это проявилось в годы Первой мировой войны. Столичные газеты писали о "немецкой угрозе" со стороны колонистов России, тогда как местная пресса не обращала на эту проблему особого внимания, считая, что таковая вовсе не существует. Для сравнения: за первую неделю февраля

---

[1] См., напр., Томские губернские ведомости. 1912. - № 1 (по г. Тайга Томской губернии); Там же. № 3 (по г. Бийску и г. Татарску); Там же. № 4 (по г. Ново-Николаевску и по г. Томску) и др.

[2] Там же. № 4.

[3] Савиных М.Н. Законодательная политика российского самодержавия в отношении евреев во второй половине 19 – начале 20 вв. Омск, 2004. С. 21-22.

1915 г. в газете "Новое время" (Петроград) было опубликовано 8 материалов антинемецкой шовинистической направленности, тогда как в газете "Жизнь Алтая" (Барнаул) за весь период антинемецкой кампании (июль 1914 – февраль 1917 гг.) свет увидела единственная заметка, в которой сообщалось о выселении в Томскую губернию с Юго-Западного фронта 3000 немцев-колонистов.

Таким образом, лишь использование комплекса перечисленных групп исторических источников позволит наиболее адекватно осветить проблемы, связанные с историей формирования и развития еврейской, немецкой и польской общин Западной Сибири конца XIX - начала XX вв., и даст основу для объективных выводов и обобщений.

Подводя общий итог вышеизложенному, следует отметить, что, несмотря на длительную историю изучения еврейской, немецкой и польской диаспор в России в XIX - начале XX в. в отечественной и зарубежной историографии только еще формируется традиция их сравнительного изучения в региональном измерении. Решение проблемы формирования общин позволит перейти к решению других вопросов. В полной мере этому способствует имеющийся в распоряжении исследователей корпус исторических источников. В нашем случае традиционные законодательные, делопроизводственные, статистические и иные документы, рассмотренные сквозь призму национальности, позволяют получить новую информацию.

ГЛАВА 2. ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЕВРЕЙСКОЙ, НЕМЕЦКОЙ И ПОЛЬСКОЙ ОБЩИН В XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

2.1. Российское законодательство и его влияние на формирование европейских общин в XIX – начале XX вв.

Для понимания процессов, связанных с развитием различных сторон жизни диаспор в России XIX - начала XX в., необходимо представлять то правовое поле, в котором они протекали. Законодательное определение прав и обязанностей представителей нетитульной нации началось еще в XVI в., когда, например, именно Немецкая слобода стала единственным местом для проживания в Москве неправославных европейцев. Многие правовые нормы были оформлены в XVIII в., когда Россия столкнулась с наплывом выходцев из Европы. Естественно, этот процесс продолжился в XIX в. Поэтому вопросы, связанные с законодательной базой, определявшей формирование и развитие некоторых национальных меньшинств, необходимо рассматривать с исторической ретроспективой, которая позволит понять суть происходящего на протяжении рассматриваемого нами периода.

Европейские народы, оказавшиеся в составе Российской империи в конце XVIII – начале XIX в., не были включены в состав инородческого населения. В их отношении формировался и развивался самостоятельный корпус нормативно-правовых актов, регламентировавший их жизнь и деятельность как в России в целом, так и отдельных регионах. Параллельно с этим формировалось законодательство относительно отдельных групп, составлявших то или иное меньшинство (караимы, меннониты, сектанты). Большой вклад в его развитие внес М.М. Сперанский, по инициативе которого появился свод законов, регламентировавших взаимоотношения русских властей и коренных народов Сибири и Дальнего Востока ("Устав об управлении инородцев"). Это был единственный в императорской России пример кодификации законов по национальному принципу.

Одна из основных задач, стоявших перед русскими властями в середине XVIII в., заключалась в освоении незаселенных территорий Поволжья и Юга России. Их реализации были посвящены различные планы, предполагавшие, в том числе иностранную, колонизацию данных территорий.

Необходимость освоения новых земель, приобретенных Россией в течение XVI - XVII вв., осознавалась давно. В 1731 г. правительство разрешило селиться в Поволжье всем желающим,

давая на обзаведение хозяйством деньги и хлеб. Однако желающих поселиться на землях, прилегающих к кочевьям калмыков и ногаев, практически не оказалось[1]. Убедившись в невозможности добровольной колонизации региона, в следующем году правительство Анны Иоанновны перешло к принудительному переселению земледельческого населения в Поволжье. Под предлогом сооружения новой сторожевой линии на Волгу были переселены 1057 семей донских казаков. Но они оказались плохими колонистами. Как солдаты, они могли достаточно успешно охранять территории, но не осваивать их быстро в хозяйственном плане. Не редки были случаи, когда казаки сами принимали участие в грабежах на торговых путях[2].

В то же время в русских губерниях крестьяне давно уже столкнулись с аграрным перенаселением. Редким был двор, имевший более 10 десятин всех угодий. Недостаток земли всегда толкал русского крестьянина на поиски свободных земель, Примером тому может служить свободная крестьянская колонизация Сибири в конце XVI – XVII вв. Однако в век восемнадцатый этот процесс был практически невозможен: лично свободных крестьян в стране практически не было, а помещики, как указано было выше, не собирались переселять зависимое от них население на окраины империи.

Таким образом, феодально-крепостнические порядки, царившие в России в рассматриваемый период, не позволяли эффективно использовать в экономическом плане плодородные, но пустовавшие земли Поволжья.

Все это подтолкнуло русское правительство к мысли об использовании иностранцев для освоения новых земель. Не придумывая ничего нового, русские власти обратились к опыту западных стран.

Уже на рубеже XVI - XVII вв. европейские державы, пытаясь решить проблему нехватки квалифицированных рук, прибегали к внутренней "колонизации". Достаточно успешно эти процессы реализовывались в Англии, Пруссии и других странах.

В России впервые к возможностям массового приглашения в страну иностранцев обратилась Елизавета Петровна. Жалованной грамотой от 29 декабря 1751 г. она поручила австрийскому генералу Хорвату навербовать за границей полки из сербов[3]. Вскоре из сербов, болгар, греков, черногорцев и прочих были сформированы два полка. Для поселения им были отведены земли на Украине за Днепром вдоль бывшей польской границы. Эти земли стали именоваться колонией "Новая Сербия".

---

[1] Дитц Я. История поволжских немцев-колонистов. М., 1997. С. 33.

[2] Плеве И.Р. Манифест Екатерины II от 22 июля 1763 г.: обещания и реальность / Российские немцы на Дону, Кавказе и Волге. М., 1995. С. 26.

[3] Полное собрание законов Российской империи – I (далее ПСЗ – I). Т. XIII. № 9921.

В 1752 г. правительством рассматривался вопрос о заселении районов, прилегавших к турецкой границе, французскими протестантами. Была назначена комиссия по разработке проекта[1]. Однако разразившаяся Семилетняя война помешала реализации планов, выдвинутых французским чиновником де Ла Фонтена.

Тем не менее, в доекатерининскую эпоху были накоплены определенные правовые и экономические наработки по приему и размещению иностранных колонистов. В конце царствования Елисаветы были выработаны общие положения для приглашения колонистов из-за границы. Об этом свидетельствует резолюция русскому послу в Вене Кейзерлингу от 2 мая 1759 г. В данном документе указывалось, что если к послу обратятся желающие переселиться в Россию, то следует указывать на то, что по переселении "все иностранцы в исповедании каждой своей религии имеют полную свободу и во всем прочем фаворизуются, то, конечно, и ныне со всякой благосклонностью все приняты будут, кои усердие возымеют сюда приехать, поселитца и жить, при чем ремесленники тотчас в цехи примутся, а хлебопашцы обильные и довольные земли получат с увольнением на несколько лет от всех податей и налогов, и особливое в том вспоможение, дабы скорее всем завести и обзаводиться могли, но что для нынешней тяжелой войны не могут на перевоз их сюда из отечества никакие иждивения употреблены быть"[2]. Таким образом, вопрос о начале переселенческой кампании был решен и оставалось дождаться окончания войны.

Продолжить разработку и реализацию переселенческой политики было суждено Софье-Фредерике-Августе принцессе Ангальт-Цербстской, вошедшей в русскую и мировую историю под именем Екатерины Второй. И одним из первых документов в вопросе колонизации стал манифест "О позволении иностранцам, кроме Жидов, выходить и селиться в России и о свободном возвращении в свое отечество Русских людей, бежавших за границу" от 4 декабря 1762 года[3]. Данный документ был предельно краток, нося декларативный характер, а по содержанию механизма приглашения он значительно уступал резолюции Кейзерлингу 1759 г.

В историографии сложилось мнение, что данный манифест был "пустым" и не имел серьезного значения для дальнейшей колонизационной политики[4]. Анализ законодательных

---

[1] Писаревский Г.Г. Из истории иностранной колонизации в России в 18 в. М., 1909. С. 43.

[2] Дитц Я. История поволжских немцев-колонистов. М., 1997. С.33.

[3] ПСЗ – I. Т. 16. № 11720. С. 126 – 127.

[4] См., например, Дитц Я. Указ. соч. С. 34; Плеве И.Р. Манифест Екатерины II от 22 июля 1763 г.: обещания и реальность / Российские немцы на Дону, Кавказе и Волге. М., 1995. С. 28; Иордан В.К. Государственное управление немецкими колониями в России во второй половине XVI – первой трети XIX вв. / Российские немцы на Дону, Кавказе и Волге. М., 1995. С. 34 и др.

актов конца 1762 – первой половины 1763 гг. заставляет несколько иначе взглянуть на упомянутый документ.

В первую очередь, манифест имел огромное значение для начинавшей свое царствование Екатерины II, ибо, тем самым, она подчеркивала преемственность правительственного курса даже в столь "незначительном" вопросе. Это отразилось, в том числе, в сохранении запрета на въезд евреев в пределы Российской империи. Кроме того, он имел большое значение для дальнейшей выработки колонизационной политики в целом и отношения к иностранцам-переселенцам в частности. Таким образом, данный законодательный акт может рассматриваться как краеугольный камень, на котором в дальнейшем базировалась вся екатерининская переселенческая политика.

Уже 14 декабря 1762 г. появляется сенатский указ "О позволении раскольникам выходить и селиться в России, на местах означенных в прилагаемом у сего реэстра"[1], в котором содержится прямая ссылка на предыдущий акт. Если в манифесте 4 декабря мы встречаем декларативные заявления, то в сенатском указе уже упоминаются условия, на которых власти разрешали данной группе переселяться в пределы империи; кроме того, мы встречаем указание мест, которые надлежало заселить староверам. Как мы увидим далее, в основных идеях этот законодательный акт перекликался с манифестом 22 июля 1763 года.

При этом необходимо отметить, что упомянутый указ оговаривал порядок переселения и поселения определенной группы, раскольников. Однако в свет выходили нормативные акты, распространявшие свое действие на всех иностранцев русского подданства. Примером может служить сенатский указ от 9 июля 1763 г. "О позволении иностранцам выходящим в Россию, строить и содержать по их законам церкви в тех местах, где они селиться пожелают"[2]. Рассмотрев прошение представителей армянской диаспоры о разрешении им строительства церквей, Правительственный Сенат постановил, "что надлежит, как … просителю Гоф-Фактору Асатурову, так и другим, кто пожелает, по их законам церкви строить и содержать позволить в тех местах, где они селиться похотят (выделено мною – В.Ш."[3]. Подобного рода меры предпринимались для того, чтобы переселенцы "охотнее выходить и через то селение умножить могли"[4].

Не следует забывать и о том, что уже имелся определенный опыт обустройства иностранных поселенцев в России. Таковым была упоминавшаяся "Новая Сербия". Для

---

[1] ПСЗ – I. Т. 16. № 11725. С. 129 – 132.

[2] ПСЗ – I. Т. 16. № 11853. С. 287-289.

[3] Там же. С. 288.

[4] Там же.

укрепления поселений южных славян, поселившихся в России, власти делали все, дабы не допустить произвола по отношению к ним местных властей, направляя им для правильного ведения дел офицеров-сербов, состоявших на русской службе. Так, 11 июля 1763 г. был опубликован именной указ "О принятии в Новую Сербию на поселение выходящих из Польши беглых, не только Малороссиян, но Великороссийских и всяких народов, и о бытии Новосербскому корпусу под ведомством Военной Коллегии"[1], в котором указывалось, что командиру корпуса Мельгунову придается в помощь бригадир Зорич, "как знающий выходящих в Новую Сербию иностранных людей нравы и обычаи и их подробности, для лучшего их поправления, умножения и приведения в жизнь порядочную"[2].

Необходимо признать тот факт, что за границей был известен лишь манифест от 4 декабря 1762 года, тогда как прочие упомянутые акты имели исключительно внутреннее "хождение". Это, разумеется, не способствовало пропаганде переселения в Россию. На это указывал посол России в Лондоне граф Воронцов в своем письме Екатерине Второй, отмечая, что "одно только обещание принимать тех, которые к тому являться будут, не может привлечь большого числа жителей, ибо в сем случае оставили бы они то, что им уже надежно, для принятия того, что им еще совсем безызвестно"[3]. К такому же мнению склонялись и прочие дипломаты, которые считали, что необходим документ, в котором бы были определены те "авантажи" и привилегии, которые будут предоставлены переселенцам.

А потому необходим был документ, в котором разрозненные нормы были бы сведены воедино. Таким актом стал манифест от 22 июля 1763 г., с которого принято начинать отсчет начала иностранной, преимущественно немецкой, колонизации в России.

Россия не могла собственными силами колонизировать южные земли, а потому вынуждена была прибегнуть к помощи иностранцев. Но в каком положении находились потенциальные колонисты в местах своего прежнего проживания?

Сразу необходимо отметить, что наибольшую активность в переселении в Российскую империю проявили выходцы из южно-германских государств. И тому можно определить несколько причин, которые наглядно проиллюстрируют положение германских крестьян в конце 50-х - начале 60-х гг. XVIII в.

Последствия только что закончившейся Семилетней войны тяжело сказались на экономике прирейнских княжеств, на территории которых велись боевые действия. Война разорила не только крестьян, но также местных феодалов. Последние попытались компенсировать убытки

---

[1] ПСЗ – I. Т. 16. № 11861. С. 297- 299.

[2] Там же. С. 297.

[3] Дитц Я. Указ. соч. С. 34.

за счет подвластного им населения. В результате крестьянство, которое в большинстве германских государств зависело от феодалов не столько лично, сколько экономически, испытало на себе неимоверное давление налогового пресса. Непомерные платежи привели к обнищанию крестьян. Подобное положение заставляло их все чаще задумываться о том, как бы избавиться от этого гнета. В качестве одного из вариантов в рассматриваемый период времени представлялось переселение на новое место жительства, например, в американские колонии. Но Америка была далеко, а потому переселение за океан стоило значительных денег. А потому начавшаяся в 1762 – 1763 гг. в России кампания по колонизации окраинных земель была как нельзя кстати.

Не последнюю роль для определенных групп германских переселенцев играл религиозный фактор – сказывалось влияние распространявшихся в Германии с XVII в. идей о скором втором пришествии Иисуса Христа, которое должно было произойти где-то на Востоке, наиболее часто в качестве этого места называли Кавказ. Таким образом, переселяясь в Россию, различные мистически настроенные группы колонистов пытались открыть для себя "Новый Свет". Примером может служить переселение представителей Сарептского евангелистистического общества Аусбургского исповедания. Но, наибольший приток групп немецких сектантов-представителей, в основном, бедноты, охваченной хилиастическими идеями, которые также искали в России свое воплощение "Нового Света", произошло уже в начале XIX в.[1]

На что же могли рассчитывать иностранные колонисты при переселении в Россию, и насколько были реалистичны заявления русских властей? Ограничимся лишь кратким обзором норм манифеста.

Изначально в манифесте было заложено ключевое противоречие, мешавшее в некоторых случаях его реализации. Это противоречие заключается в том, что колонистам согласно ст. 1 манифеста предлагалось "селиться, где кто пожелает, во всех Наших Губерниях"[2], тогда как ниже приводился реестр земель, на которых чиновники, принимавшие приходящих иностранцев, должны были направлять. Правда, в Инструкции Канцелярии опекунства иностранных "Об обязанности ее при выходе в Россию и поселении иностранцев" от 22 июля 1763 г. указывалось, что расселение должно происходить на "праздных местах" без принуждения[3].

---

[1] Клибанов А.И. К характеристике идейных движений крестьян // Из истории экономической и общественной жизни России. М., 1976. С. 157.

[2] ПСЗ – I. Т. 16. № 11880. С. 313.

[3] Там же. № 11881. С. 317.

Несмотря на это, следующие статьи манифеста выглядели достаточно привлекательно. Особенно привлекательными для иностранных подданных, решившихся на переселение в Россию, были пункты, в которых оговаривалась возможность переселения на новые земли за счет казны (ст. 3). При этом они могли рассчитывать на получение средств не только на проезд, но также на то, что "путевыми деньгами удовлетворены будут"[1]. Это позволяло двинуться с насиженных мест не только зажиточным, но также малообеспеченным и неимущим гражданам.

Для многих переселенцев наиболее остро при переселении на новые места стоял конфессиональный вопрос. Екатерина Вторая решила его либерально: колонисты получили возможность в России свободного отправления веры, строительства и содержания церквей (п. 1 ст. 6). Кроме того, они получили возможность приносить присягу верности по канонам и обрядам своей религии (ст. 5).

Не последнюю роль в привлечении колонистов в Россию сыграли экономические пункты манифеста. Согласно им, колонисты получали свободу от уплаты налогов и податей на срок от 5 до 30 лет, что зависело от места поселения[2]. По истечении "льготных лет", колонисты и их потомки должны были выполнять подати и повинности, как и прочие подданные Империи. К числу льгот, дарованных на "вечные времена", относилась свобода от всякой воинской и гражданской служб.

Необходимо отметить, что государство брало на себя изначально протекционистские обязательства в отношении иностранных колонистов. Им была обещана помощь в заведении хлебопашества, мануфактурного производства. Согласно манифесту, предприниматели, устроившие в России заводы и фабрики, производящие продукцию, которая ранее импортировалась в страну из-за рубежа, получали право в течение 10 лет вести торговлю "без всякого платежа внутренней портовой и пограничной пошлины"[3]. Кроме того такие промышленники получали возможность приобретать к заводам и фабрикам необходимое количество земель и крестьян. Тем самым, государство нарушило монополию дворянства и церкви на владение крепостными крестьянами.

Не стоит упускать из виду тот факт, что правительство обязалось выделить колонистам беспроцентные ссуды для строительства домов, заведение необходимого скота, приобретения сельскохозяйственного инвентаря.

---

[1] Там же. № 11880. С. 313.

[2] Колонисты, поселявшиеся на праздных землях, получали свободу от налогов на срок в 30 лет, в Санкт-Петербурге, Москве, прибалтийских городах – в 5 лет, в прочих губернских и провинциальных городах – в 10 лет.

[3] Там же. № 11880. С. 315.

Возникает вопрос: являлась ли переселенческая политика России калькой с Запада или имела свои отличительные моменты. Основную массу "колонистов" в Англии, Нидерландах или Пруссии составляли ремесленники. В отличие от стран Западной Европы, привлекая в Россию всех желающих, правящие круги делали ставку, в первую очередь, на земледельцев, которые составили около 60% переселенцев,[1] и промышленников. Все прочие должны были невольно примкнуть к той или иной категории населения.

Ни в одной из европейских стран вследствие густоты населения колонистам не были предоставлены для поселения отдельные земли, все они растворялись в существующих уже городах и селениях[2]. В России же изначально предполагалось поселение колонистов на особо отведенных землях. Значительное влияние на произошедшие изменения оказали распространившиеся в Европе идеи физиократов, заявлявших в своих произведениях о том, что "земледелие" есть основной производительный труд, источник богатства нации"[3].

Отличалась колонизационная кампания в России и своим размахом. Для сравнения: в Пруссию за период с 1685 по 1738 гг. переселилось около 65 – 70 тыс. человек[4], тогда как в Россию в течение 1764 – 68 гг. переселилось на жительство только выходцев из германских государств порядка 22 тыс. человек, которые осели в Поволжье[5].

Сходство, казалось можно увидеть в том, что первоначально проекты строились на меркантилистских идеалах. Но Екатерина Вторая, как отмечают дореволюционные исследователи, несколько меняет идеологические акценты во внутренней политике. Польза от переселения иностранцев видится "преимущественно в расширении эксплуатируемых земель и усовершенствовании системы земледелия"[6], т.е. промышленное направление сменяется сельскохозяйственным.

Законодательные акты 1762 – 1763 гг. открыли для иностранных колонистов просторы России. В них, как выше было указано, были задекларированы основные положения социальной и экономической сторон жизни переселенцев. Однако был необходим документ, в котором указанные аспекты были бы прописаны более конкретно. Кроме того, не следует забывать, что колонисты переселялись в Россию из разных государств Европы, в которых законодательно господствовали различные права и нормы. В значительной степени этого

---

[1] Плеве И.Р. Прием иностранных колонистов в России и отправка их к месту поселения … / Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект. М., 1998. С. 15.

[2] Писаревский Г.Г. Из истории иностранной колонизации в России в 18 в. М., 1909. С. 9.

[3] Там же. С. 47.

[4] Там же. С. 8.

[5] Плеве И.Р. Манифест Екатерины II …С. 29.

[6] Там же.

требовали вопросы землевладения, землепользования, наследования собственности и некоторые другие. Все это было прописано в тексте высочайше утвержденного доклада Сената "О размежевании земель, назначенных для поселения выезжающих иностранцев"[1]. Этот акт стал своего рода "аграрным кодексом", в котором были законодательно прописаны унифицированные для всех колонистов права.

Таким образом, В первой половине 1760-х гг. был приобретен богатый опыт по разработке и реализации подобного тематического законодательства. Он будет использован уже в ближайшей перспективе.

Анализ законодательных актов конца XVIII - первой четверти XIX в. в отношении немецких колонистов и прочего некрепостного земледельческого населения Империи позволяет сделать вывод о том, что постепенно происходит сближение указанных групп в некоторых аспектах, в частности в вопросе внутреннего и внешнего управления: если в правление Екатерины Второй делами колоний занималась Канцелярия опекунства иностранных колонистов, приравненная в правах к коллегии, то на рубеже веков ими занимается отделение общероссийской Экспедиции государственного хозяйства, опекунства иностранных и сельского домоводства. По манифесту 8 сентября 1802 г. Саратовская контора перешла в ведение Министерства внутренних дел, а с 1810 г. она стала структурной единицей департамента государственного хозяйства и публичных зданий МВД. Еще более укрепилась данная тенденция в 30-е гг. XIX в., когда управление колониями иностранных поселян было передано в ведение Министерства государственных имуществ.

Все эти документы (инструкции, дополнения и прочие акты) при кодификации законов в 1857 г. вошли в Свод законов (Ч. 2, т. XII) в виде "Устава о колониях иностранных в России", который и составлял вплоть до 1871 г. гражданское законодательство немецких колонистов.

Одним из результатов разделов Речи Посполитой стало включение в состав Российской империи ок. полумиллиона евреев. Российское государство, таким образом, вынуждено было столкнуться с проблемой, от которой оно старательно уходило на протяжении почти всего XVIII в. В период правления Петра Первого время от времени возникал вопрос о разрешении голландским евреям вести торговые дела в России. Однако этот вопрос так и не получил своего развития. Тот же факт, что виной была религиозная неприязнь императора, которая не позволяла положительно решить этот вопрос, не смотря на все экономические выгоды, Н.Д. Градовский считал слабо

[1] ПСЗ – I. Т. 16. № 12095. С. 648 – 655.

аргументированным и в большей степени анекдотичным[1]. Он же обратил внимание на решение Петра Первого оставить в России пленных поляков из числа евреев[2].

Все более активное включение Левобережной Украины в состав Российской империи заставило чиновников обратить внимание на проживавших там немногочисленных евреев. Конфессиональный фактор привел к появлению в эпоху дворцовых переворотов ограничительных указов относительно евреев[3]. Упомянутый выше манифест от 4 декабря 1762 г. о приглашении в Россию иностранцев, подтвердил исключение "жидов" из числа потенциальных колонистов.

Если немцы стали пришлым населением России, оказавшимся тут по призыву властей, то поляки и евреи оказались кооптированы в Российскую империю вследствие внешних объективных обстоятельств. Екатерине Второй пришлось менять отношение к евреям на государственном уровне. Однако именно законодательство о колонистах подготовило почву для коренного изменения в еврейском вопросе в России конце 1760-х гг. Внедрение на практике принципа веротерпимости через разрешение лютеранам, католикам и прочим западноевропейским сектантам строить церкви и отправлять обряды, дало возможность сделать шаг и в отношении еврейского населения. В ходе первой русско-турецкой войны Екатерина Вторая разрешила водворить евреев в Киевском губернаторстве, ограничив их в праве передвижения[4].

1770-е - 1780-е гг. не характеризуются во внутренней политике России как антиеврейские. Первые шаги, предпринятые властями, были направлены на консервацию традиционных отношений, сформировавшихся в течение нескольких столетий на перешедших от Речи Посполитой землях.

В конце XVIII – начале XIX в. законодательно сложилась так называемая "черта оседлости", включавшая в себя западные губернии, в которых законодательно было разрешено проживание евреев. За ее пределами они могли находиться только временно, получив от губернских властей срочный паспорт. Практика показывает, что они присутствовали в первой четверти XIX в. в Симбирской, Рязанской, Костромской, Московской, Нижегородской и иных губерниях[5]. Проживали они и на территории Сибири, которая официально не была включена в черту оседлости. В 1804 г. был принят вполне либеральный по своему содержанию первый Устав о евреях, который регламентировал все аспекты жизни и деятельности еврейского населения на территории России.

---

[1] Градовский Н.Д. Торговые и иные права евреев в России в историческом ходе законодательных мер, предшествовавших ныне действовавшему законодательству о евреях. СПб., 1885. С. 21 - 22.

[2] Градовский Н.Д. Торговые и иные права евреев в России в историческом ходе законодательных мер, предшествовавших ныне действовавшему законодательству о евреях. СПб., 1885. С. 22.

[3] См., напр.,: ПСЗ - I. Т. 7. № 5063; Т.8. № 5324; Т.11. №№ 8169, 8673, 8840; Т.12. № 8867.

[4] ПСЗ - I. Т. 18. № 13383.

[5] РГИА. Ф. 41. Оп. 1. Д. 5.

Им, в частности, была подтверждена черта оседлости, что свидетельствовало о сохранении сегрегационных традиций.

До начала 1820-х гг. еврейский вопрос в границах сибирских губерний не поднимался. Но вскоре ситуация изменилась. Это было связано с активным участием евреев в незаконной торговле самородным и россыпным золотом, которая приобрела большой размах к середине 1820-х гг. Именно этот вид хозяйственной деятельности предопределил дальнейшую судьбу сибирского еврейского населения.

Приезд Александра I на уральские заводы позволил местным властям начать радикальную борьбу с "еврейским злом". Мероприятия по искоренению еврейства проводились одновременно по линии Министерства финансов и Министерства внутренних дел. Так, министру финансов Е.Ф. Канкрину было дано указание "о евреях, чтобы отнюдь не были терпимы на горных заводах"[1]. Последнему надлежало сообщить об этом Управляющему Министерством внутренних дел. Уже неделю спустя через управляющего Кабинетом Его Императорского Величества графа Д.А. Гурьева содержание секретного документа было доведено до сведения горных начальников Колывано-Воскресенских, Нерчинских и Екатеринбургских заводов.

В конце января 1825 г. на имя Гурьева поступили первые отчеты от начальника Колывано-Воскресенского горного округа П. Фролова и начальника Екатеринбургских горных заводов О. Осипова о евреях на подконтрольной территории. Так, последний сообщил в Петербург о том, что "проживавшие в здешнем городе [Екатеринбурге – В.Ш.], коих найдено шесть человек, из оного уже высланы, а в Горнощитском мраморном заводе, как командир сего завода и гранильной фабрики … донес, таковых не оказалось"[2].

Основательно подошел к выполнению поручения П. Фролов, который принялся изыскивать евреев не только на горных заводах и рудниках Алтая, но и в деревнях приписных крестьян, куда те могли попасть "по делам питейного сбора"[3]. В том же донесении графу Гурьеву Фролов задался вопросом: "Что делать с евреями, принявшими христианство?" Это наталкивает на мысль о наличии в округе евреев-выкрестов, с которыми начальнику приходилось сталкиваться по тем или иным делам. Но последних было приказано не подвергать высылке[4].

---

[1]. РГИА. Ф. 468. Оп. 23. Д. 2728. Л. 9.

[2]. Там же. Л. 14.

[3]. Там же. Л. 15 – 15 об.

[4]. Там же. Л. 19.

Но более всех букву закона соблюдал начальник Нерчинского горного округа Т. Бурнашев[1], который, по словам Восточносибирского генерал-губернатора С.Б. Броневского, выслал "из вверенных ему заводов и тех евреев, которые сосланы туда за разные преступления по приговорам судебных мест, выпроводил их в г. Нерчинск и просил начальника Иркутской губернии об устранении евреев в отдаленные места от черты заводской, так и о неназначении впредь таковых в горные заводы"[2].

Одновременно с этим было начато наступление по линии Министерства внутренних дел. Уже 9 декабря 1825 г. Западносибирский генерал-губернатор П.М. Капцевич[3] сообщал в Сибирский комитет[4] о проживавших в Омской области евреях и мероприятиях, которые планировалось осуществить в отношении этой группы. Сохранившиеся документы, в частности, решения Совета Главного управления Западной Сибири, позволяют говорить о том, что отношение местных властей и общества к ссыльным евреям было негативным. В них, например, указывалось, что "Семипалатинская Ратуша очень невыгодно на их [евреев – В.Ш.] счет отозвалась, да и Петропавловский городничий так же не ручался за благонадежное их поведение"[5].

Губернские власти оказались в непростой ситуации: им необходимо было отселить евреев не только от горных заводов Алтайского горного округа, но и населенных пунктов приграничной Сибирской линии[6]. Основываясь на упомянутом секретном предписании, губернские власти приняли решение: "всех евреев, находящихся … по паспортам и в округах проживающих без оных, выслать в места прежнего жительства, и впредь не пускать их на Линию, за чем приказать городским и Земским полициям строго наблюсти причисленных же в мещане и крестьяне и имеющих домообзаводство поселенцев"[7]. В дальнейшем предполагалось отселить евреев из

---

[1]. Бурнашев Тимофей Степанович (1772 – 1849) – горный инженер, администратор, путешественник. Исполняющий обязанности начальника Колывано-Воскресенских (Алтайских) заводов (1818 – 1819). В 1821 – 1829 – начальник Нерчинских заводов. По высочайшему повелению совершил 2 путешествия: в Бухару (1794 – 1795) и Ташкент (1800). Составил подробные отчеты, опубликовал в журнале "Сибирский вестник" (1818) и в сокращенном варианте в "Вестнике Императорского Русского географического общества" (1851).

[2]. РГИА. Ф. 1286. Оп. 6-1836 г. Д. 327. Л. 1 об.

[3]. Капцевич Петр Михайлович (1772 – 1840) – генерал от артиллерии, генерал-губернатор Западной Сибири (1822 – 1827).

[4]. Сибирский комитет (1821 – 1838) - специальный орган для рассмотрения законопроектов, имевших отношение к управлению Сибирью; ему были подчинены генерал-губернаторы Сибири, которые представляли в комитет свои всеподданнейшие отчеты.

[5]. РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 260. Л. 3 об.

[6]. Сибирская линия – система оборонительных сооружений на юге Западной Сибири в XVIII—XIX вв.

[7]. РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 260. Л. 4-4 об.

Семипалатинска и Петропавловской крепости во внутренние районы Тобольской и Томской губерний и просить Тобольский приказ о ссыльных[1], "чтобы он в будущее время не присылал уже как на Линию, так равно иные места, кои близки к горным заводам"[2] ссыльных иудеев.

В 1829 г. эта кампания получила свое дальнейшее развитие. Евреи г. Колывани обратились к начальнику Алтайского горного округа с просьбой разрешить им поселиться на территории округа, но получили категорический отказ[3].

Подобная позиция сибирской администрации свидетельствует об изменении отношения к евреям. Это произошло в силу появления законодательных актов применительно к последним, которые носили запретительный характер. С другой стороны, мнение местных чиновников формировалось не под воздействием экономического определения, а преимущественно культурного и религиозного подхода, которые выводились из "вредных качеств" евреев: их религиозного "фанатизма" и "паразитирования" на христианах[4].

В 1826 г. по представлению Сибирского комитета было принято решение о частичном выселении евреев из поселений Омской области[5]. Уже в этом документе указано, что евреи, проживавшие на Сибирской линии, - как ссыльные, так и свободные, причисленные в местные крестьянские и мещанские общества. За полное выселение евреев во внутренние районы Томской и Тобольской губерний выступило Главное Управление Западной Сибирью, однако эта позиция не нашла поддержки в лице генерал-губернатора Капцевича. В результате детального изучения вопроса Сибирский комитет принял половинчатое решение: выслать во внутренние районы ссыльных с последующим запретом размещения присылаемых из Европейской России ссыльных на Сибирской линии; тех же евреев, которые приписаны к местным обществам и заняты крестьянским трудом или ремеслами, оставить на прежнем месте жительства. Таким образом, законодательно была значительно ограничена территория Сибири, в которой могли проживать ссыльные и свободные евреи.

Именно ссыльные евреи, как мы увидим позднее, стали основным источником формирования общины в регионе. Это потребовало от законодателей решения целого ряда смежных вопросов. Так, в 1827 г. Государственный Совет запретил евреям отправляться в Сибирь вместе с сосланными туда на поселение женами[6]. Но в то же время было разрешено женам следовать за мужьями-

---

[1]. Тобольский приказ о ссыльных - центральный государственный административный орган сибирской ссылки с 1822 г.

[2]. РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 260. Л. 5-5 об.

[3]. ГААК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 575. Л. 130.

[4]. Гольдин С. Еврей как понятие в истории имперской России / Понятия о России. Т. 2. М., 2012. С. 347.

[5] ПСЗ - II. Т. 1. № 237.

[6] ПСЗ - II. Т. 2. № 1434.

ссыльными. При этом разрешено было брать с собой на поселение малолетних детей в возрасте до 5 лет. Очень часто возрастной ценз нарушался. В дальнейшем этот факт станет основанием для признания факта пребывания в Сибири незаконным и высылке на прежнее место жительства родителей. В 1846 г. последовало дополнение к указанным нормам[1]. Новый документ касался, в первую очередь, детей мужского пола, которых следовало либо зачислять в военные кантонисты, либо под конвоем отправлять в места приписки родителей.

Некоторые из ссыльных стремились облегчить свое положение на новом месте жительства. Уже во время суда они переходили в православие, рассчитывая на послабления. Однако законодатели в 1828 г. подтвердили необходимость ссылки таких евреев в сибирские губернии под конвоем. Правда, было сделано существенное послабление - выкрестов необходимо было поселять в городах, где они поступали под надзор местных священников, бесправное пребывание в разряде цеховых слуг для них был сокращен с 8 до 4 лет[2].

В 1827 г. Николай I коренным образом реформировал вопрос о службе евреев в русской армии. Если на протяжении почти 50 лет для них рекрутская повинность была заменена денежными платежами, то теперь она должна была реализовываться "в натуре". В соответствии с "Уставом рекрутской повинности и военной службы евреев" от нее освобождались лишь купцы и раввины[3]. По мнению авторитетного американского историка Й. Петровского-Штерна, это мероприятие было воплощено в жизнь с подачи министра финансов Канкрина, стремившегося к повышению экономического благосостояния губерний Западного края и пополнения государственной казны посредством ликвидации посреднических деревенско-городских сословий, среди которых главную роль играли евреи. Вместо того, чтобы отменить черту оседлости и позволить евреям свободно торговать по всей России, власти с целью сокращения экономически активного еврейского населения ввели натуральную рекрутскую повинность[4]. Одним из последствий распространения рекрутчины на евреев стало их постепенное распыление за черту оседлости. В дальнейшем, как мы увидим, они оказывались в Сибири в кантонистских школах и среди служащих дисциплинарных батальонов.

Указанная выше посылка в 1829 г. привела к кампании по сокращению еврейского населения в Курляндской губернии, в которой оно увеличилось с 1799 г. почти вдвое и составило ок. 5600 чел.[5]. По решению властей право на жительство имели лишь те, кто был приписан к крестьянским,

---

[1] ПСЗ - II. Т. 21. № 20737.

[2] ПСЗ - II. Т. 3. № 1924.

[3] ПСЗ - II. Т. 2. № 1330.

[4] Петровский-Штерн Й. Евреи в Русской армии. 1827 - 1917. М., 2003. С. 33.

[5] ПСЗ - II. Т. 4. № 2884.

мещанским, купеческим обществам до 1826 г. Всем остальным была дана возможность получить приемные приговоры в течение 6 месяцем после опубликования сенатского указа от 24 мая 1829 г. Непричисленных по истечении этого срока евреев следовало отправлять в Сибирь. 28 марта 1831 г. последовал указ Николая I о переселении непричисленных евреев вместе с женами и детьми[1]. Это стало первым шагом по организации еврейского переселения в регион. Но это же шло вразрез с проводимой политикой о недопущении евреев во внутренние губернии. В течение 1820-х гг. это неоднократно подтверждалось на законодательном уровне[2].

Ограничительные мероприятия инициировались в это время и региональными властями. Так, в 1832 г. Совет Главного Управления Западной Сибири обратился в Министерство внутренних дел с просьбой ограничить выдачу губернаторами паспортов евреям для прибытия и проживания в Сибири. Свой шаг Совет мотивировал тем, что, например, в Томской губернии к тому моменту находились евреи, которые "придя сюда или за родственниками своими, сосланными на поселение, или же и без родства по собственной воле и желая там остаться навсегда, просят местное губернское начальство о своем причислении"[3]. Данная инициатива нашла поддержку в МВД и была облечена в циркуляр от 28 февраля 1833 г. "О перечислении евреев в Сибирские губернии", которым впервые официально был введен запрет "свободного перехода евреев для оседлости в Сибирские губернии" и причисления их в различные сословия[4]

Запрещая евреям переселяться в Сибирь и ограничивая места их проживания, власти, тем не менее, оставляли их тут в качестве поселенцев, а потому запретительные меры не могли исключить евреев из числа сибирских обывателей. По данным МВД, уже к 1834 г. в Сибири проживало "18 купцов, мещан, цеховых и городовых рабочих 659, а в Омской области поселенцев 13"[5] иудейского исповедания.

Окончательно запрет на водворение евреев в Сибири был оформлен 5 января 1837 г. запретом Николая I[6]. Высочайше утвержденные правила от 15 мая 1837 г. изложили его в деталях[7]. Для сокращения числа евреев власти предпочли пойти механическим путем. Так, законодательно было разрешено проживать в губерниях Западной и Восточной Сибири тем из евреев, которые находились там до появления упомянутого запрета. Это право было распространено и на их потомство.

---

[1] ПСЗ - II. Т. 6. № 4456.

[2] См., напр., ПСЗ - I. Т. XL. № 30465; ПСЗ - II. Т. 2. № 1443 и др.

[3]. РГИА. Ф. 1286. Оп. 5. Д. 438. Л. 3.

[4]. Там же. Л. 38 об.

[5]. Там же. Ф. 383. Оп. 29. Ф. 960. Л. 4.

[6] ПСЗ – II. Т. 12. Ч. 1. № 9843.

[7] Там же. № 10242.

Наряду с самовольными переселенцами в начале XIX в. появились административные и уголовные ссыльнопоселенцы, которые стали важным источником в формировании общины. Их водворение тут становилось пожизненным. Но эта мера не распространялась на их детей, которых надлежало высылать в черту оседлости либо записывать в кантонисты[1]. В 1853 г. Сибирский комитет подтвердил высылку детей ссыльнопоселенцев из евреев, указав на то, что отправка должна проводиться в черту оседлости под конвоем[2].

В декабре 1858 г. Сибирский комитет рассматривал вопрос "о выдаче проживающим в Сибири евреям паспортов на отлучки с места их жительства"[3]. Вынесенное им решение, основанное на мнении Министра юстиции, сохраняло закрытость региона: "Евреям, приписанным не в Сибирские губернии и не состоящим в гильдиях, воспретить приезд в Сибирь и паспортов на проезд туда не выдавать"[4]. Это свидетельствует о сохранении в кругах столичных чиновников стремления оградить население азиатской части страны от "вредного влияния" иудеев. По-прежнему, в Сибирь можно было попасть только в качестве ссыльного. В дальнейшем мнение Сибирского комитета обрело силу закона[5].

До середины 1850-х гг. ссылаемые в судебном и административном порядке евреи направлялись преимущественно в губернии и области Восточной Сибири. Генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев-Амурский в активной переписке со Вторым Сибирским комитетом настаивал на размещении ссыльных из числа евреев не только в подконтрольных ему губерниях, но и в Томской и Тобольской губерниях. Подобная мера, по его мнению, должна была позволить избежать высокой степени их концентрации в отдельных местностях. Утвержденное императором Александром II принятое по этому предложению решение, значительно расширило территорию для водворения ссыльнопоселенцев.

Таким образом, политика Николая I и его ближайшего окружения относительно евреев была достаточно противоречивой. Всячески стремясь сократить численность еврейского населения, они не разрешают евреям эмигрировать, введя запрет на выдачу им паспортов, ограничивают право повсеместного проживания и начали формировать новые территориальные общины. С середины 1820-х гг. было положено начало правовой регламентации водворения и проживания евреев в Сибири. Формировавшееся во второй четверти XIX в. законодательство о праве на жительство

---

[1] Там же.

[2] РГИА. Ф. 1265. Оп. 13. Д. 12. Стлб. 302.

[3] . Там же. Ф. 1265. Оп. 13. Д. 17. Стлб. 773 – 776.

[4] Там же. Стлб. 776.

[5] ПСЗ – II. Т. 34. Ч. 1. № 34128.

носило преимущественно запретительный характер, что было связано, как отмечают современные исследователи, с юдофобскими настроениями в окружении Николая I[1].

В отличие от евреев и немецких колонистов, положение поляков не было подвергнуто столь жесткой законодательной регламентации со стороны русских властей на рубеже XVIII - XIX в., когда сохранялись традиционные устои в вопросах управления, сословной структуре, землевладения и т.д. Польская конституция 1815 г. во многом определила характер автономного положения Королевства Польского в составе Российской империи, сохранявшееся до 1830-х гг. Это отразилось в сохранении традиционных органов центрального и местного управления, в которых делопроизводство велось на польском или немецком языках, отбывании наказания за уголовные или административные правонарушения в польских тюрьмах и т.д.

Часть польского дворянства на протяжении длительного времени выступала за восстановление Речи Посполитой. Популярность этой идеи вылилась в массовое общественно-политическое движение. Мы не будем останавливаться на причинах и ходе различного рода выступлений поляков с русскими властями (восстания, бунты, политические кружки, заговоры и т.д.), которые не являются предметом нашего исследования. Нас в данном случае больше интересуют их практические результаты. Общественно-политическая ситуация в России в первой трети XIX в. нашла свое отражение в нормативно-правовых документах, определивших гражданско-правовой статус некоторых групп населения. Так, в 1830-е гг. формировалась законодательная база для политической ссылки: появился ряд документов, определявших дальнейшую судьбу участников восстания 1830-1831 гг. Важнейшими из них были постановление "Об окончательном уничтожении состава бывшей польской армии" от 14 февраля 1832 г., указ "О бунте, происшедшем в трех уездах Виленской губернии, и о суждении всех дворян или шляхты, принявших участие в сем бунте, военным судом по Полевому Уголовному Уложению" от 22 марта 1831 г., "Положение о пленных и добровольно переходящих польских чинах" от 31 мая 1831 г. Кроме того, на поляков, подвергшихся наказаниям за участие в Ноябрьском восстании и национально-освободительном движении 1840-1850-х гг., распространялись правила 1826 гг., переработанные и дополненные в декабре 1834 г. Означенные документы определили дальнейшую судьбу поляков-военнопленных: их надлежало отправить в военную службу в Сибирские линейные батальоны, а мальчиков определить в военные кантонисты[2].

---

[1] См., напр., Кальмина Л.В. Сибирская "еврейская" политика графа Блудова // Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке: история и современность: Материалы VII регион. науч.-практ. конф. (21–22 авг. 2006 г.). Красноярск; Кемерово, 2006. С. 3–11.

[2]. ПСЗ – II. Т. 6. № 4444.

Помимо ссыльных в Сибири по долгу службы оказывались чиновники и военные немецкого и польского происхождения. Их положение определялось общеимперскими законами, и проживание в регионе не было каким-то образом ограничено. Так, среди них нужно назвать "Устав о службе по определению от Правительства" (в разных редакциях с 1835 г.)[1]. В основе прохождения службы лежат происхождение, образование и возраст (ст. 1). Уже в ст. 2 говорится, что "различие вероисповедания или племени не препятствует определению в службу". Однако в ст. 5 указывается, что "запрещается принимать в гражданскую службу: ... 7) евреев...". В разделе "Об определении к должностям" прописана процедура поступления на гражданскую службу. Так, кандидат имеет право подать прошение об определении его в службу туда, где он намерен служить (ст. 155). Никаких территориальных ограничений для прохождения службы не было. Все они были связаны исключительно с формальными аспектами: наличие вакансии, соответствие кандидата в образовательном плане и т.д. В этом же ключе может быть рассмотрен "Воинский устав", регламентировавший службу в сухопутных частях русской армии.

Наличие университетского диплома было хорошим аргументом при поступлении на службу. Этим пользовались, например, немцы-врачи, определяясь в медицинское ведомство и уезжая для прохождения службы в колывано-воскресенские заводы.

Таким образом, на протяжении XVIII - первой половины XIX в. сформировались основные тенденции в законодательстве Российской империи относительно некоторых национальный меньшинств. Еврейское законодательство сформировалось и поддерживалось в сегрегационном направлении. Немногочисленные попытки государственных деятелей расширить права еврейского населения в вопросе проживания или хозяйственной деятельности заканчивались безрезультатно. Даже фискальная выгода не могла разрушить антиеврейские настроения, укоренившиеся в чиновничьем представлении. Не желая давать евреям те же права, что и прочему населению Империи, власть загоняла себя в тупик, в котором возникал конфликт феодального правового статуса и пред-капиталистической реальности в экономике. Немецкие колонисты, составлявшие большинство в немецкой диаспоре, до середины XIX в. проживали в Российской империи по законам времен правления Екатерины Второй, которые в последующие царствования не подвергались каким бы то ни было изменениям. Напротив, как мы видели, нормативно-правовые нормы время от времени подтверждались, сохраняя свою незыблемость. Наиболее противоречивым оказалось "польское" законодательство, сменившее свой характер с либерального на репрессивный. В целом же законодательство этого периода носило преимущественно феодальный характер, ибо было выстроено преимущественно на национальном факторе.

---

[1] См. Свод законов Российской империи. Т. 3. СПб., 1835.

Общественно-политические трансформации конца 1850-х начала 1860-х гг. привели к изменениям в различных сферах, которые теперь стали развиваться в буржуазном направлении (местное самоуправление, судопроизводство, образование, военная служба и т.д.). Начавшаяся политическая модернизация должна была отразиться и на положении различных национальностей, в том числе евреев, поляков и немцев.

Переломным моментом стало начало 1860-х гг. С одной стороны, 19 июля 1860 г. было официально опубликовано Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета о прекращении ссылки евреев на поселение в Сибирь[1]. Эта мера наказания была заменена для них продолжительным заключением в арестантские роты и работные дома. Главной причиной, побудившей власти отказаться от ссылки, вновь указывалось "предупреждение непомерного увеличения числа евреев в Сибири"[2]. Этим же документом было запрещено поселение евреев вблизи русско-китайской границы на расстоянии 100 верст, что значительно уменьшило территорию, разрешенную для проживания сибирских евреев.

С другой стороны, появился ряд законодательных актов, которые открывали дорогу в Сибирь отдельным категориям еврейского населения. Это касалось, в частности, бывших кантонистов и их детей, а с 1865 г. и ремесленников, которые получили возможность повсеместного проживания. В 1870-е гг. в Сибирь начинают переселяться лица, имевшие высшее образование, в первую очередь, медики и педагоги[3]. Результатом реализации данных законов стал приток квалифицированных технических кадров, медиков, адвокатов и пр.

Таким образом, реформы 1860-х – 1870-х гг. внесли свои коррективы в развитие сибирского социума. У евреев появляются легальные основания для водворения в Сибири. Аналогичные процессы, приведшие к количественному росту местных общин, были характерны не только для Сибири, но и различных районов Европейской части России, не входивших в черту оседлости[4].

Реформы 1870-х гг. затронули и армию, а вместе с ней и всю систему военной службы. Все это имело существенные последствия для некоторых национальных меньшинств. Так, для еврейского населения было отменено ненавистное отбывание военной службы в качестве кантонистов. Мужчины призывного возраста теперь должны были отбывать воинскую повинность на равных со всеми основаниях. Небольшое число евреев-призывников (по данным

---

[1] ПСЗ – II. Т. 35. Ч. 1. № 35922.

[2] Там же.

[3] См., напр., ПСЗ – II. Т. 40. Ч. 1. № 42264.

[4]. См., напр., Акиньшин А.Н. Еврейская община в Воронежской губернии во второй половине XIX – XX веке // Исторические записки. Научные труды исторического факультета. Воронеж, 2001. С. 22 – 44.

Военного министерства, ок. 4 тыс. в год) потенциально могло оказаться за чертой оседлости, в том числе в Сибири. Надо сказать, что так называемые "николаевские кантонисты" и их потомки в период правления Александра II получили право повсеместного проживания.

Введение всеобщей воинской повинности в середине 1870-х гг. отменяло для немцев-колонистов освобождение от воинской службы, дарованное на "вечные времена" Екатериной Второй. Правда, военные администраторы, разрабатывавшие новый Устав, вынуждены были учесть в нем некоторые особенности религиозного вероучения некоторых групп населения. Так, меннониты должны были "отбывать службу в мастерских морского ведомства, в пожарных командах и в особых подвижных командах лесного ведомства" (п. 157), т.е. при введении всеобщей воинской повинности в Российской империи правительство приняло во внимание религиозные нормы меннонитов и предоставило им по Уставу 1874 г. указанные нормы, освободив их от строевой службы и ношения оружия. Служившие в нестроевых командах меннониты стали называться не нижними чинами, а "обязанными рабочими"[1]. Законодательство по отбыванию меннонитами воинской службы в течение последующего времени существенно не изменилось.

Немецкое население лютеранского и католического вероисповедания обязано было Уставом 1874 г. нести воинскую повинность на общих основаниях, зачисляясь после прохождения действительной военной службы в запас, становясь запасными нижними чинами, а по достижении определенного возраста или по состоянию здоровья переводились в категорию ратников ополчения того или иного разряда.

Выходцы из немецких колоний Поволжья, Новороссии и Волыни, как и евреи, могли оказаться в сибирских губерниях, где после отбывания службы они могли остаться на жительство.

К 1860-м гг. уже была частично создана основная правовая база для политической ссылки. Основополагающими законодательными актами являлись "Устав о ссыльных" 1822 г., "Уложение о наказаниях уголовных и исправительных" 1845 г. и ряд других законов, большая часть из которых объединялась в "Свод законов уголовных". Был создан также ряд специальных правил и инструкций, регулировавших, прежде всего, условия препровождения, размещения и материального обеспечения ссыльных, правила их поведения, отдельные обязанности и права, а также взаимоотношения с административно-полицейскими учреждениями, ведавшими и управлявшими ссылкой. Эти законы затрагивали преимущественно уголовную ссылку.

---

[1] Красноперов И. Меннонитское хозяйство в Самарском уезде // Русская мысль. Кн. X. М., 1883. С. 54.

С началом репрессий против участников Январского восстания выяснилось, что эти правила трудно применимы в новой ситуации. Никогда прежде политическая ссылка не носила такой массовый характер. За участие в восстании 1863-1864 гг. были высланы представители всех существовавших в то время сословий, различного имущественного положения, возраста и даже гражданства. История дореволюционной России не знает другого примера столь масштабной административной и судебной ссылки за политические преступления. В связи с этим появилась необходимость в выработке законов и подзаконных актов, регулирующих судопроизводство, виды наказаний и места водворения, а также правила надзора за бывшими повстанцами. Для детальной регламентации ссылки предполагалось создать целый комплекс нормативно-правовых актов.

Так, 5 марта 1864 г. появилось положение Западного Комитета "О порядке водворения в Империи лиц, высланных из Царства Польского и Западного края, за прикосновенность к мятежу". Уже в документах этого времени определялось, что причастные к восстанию являются "польскими переселенцами"[1]. Ответственным за переселение поляков в Сибирь стал министр внутренних дел П.А. Валуев.

В середине октября 1865 г. в Комитет министров была внесена записка "О выдаче пособий, отправляемым в Сибирь на водворение польским переселенцам", в которой указывалось, что водворение переселенцев необходимо производить на основании правил, установленных для государственных крестьян, переселявшихся из малоземельных в многоземельные губернии с предоставлением им тех же льгот и пособий. В записке, в частности, приведены данные о масштабах кампании: "из числа лиц, присужденных к содержанию в арестантских ротах гражданского ведомства за участие в польском мятеже – 77 человек уже отправлено в Сибирь для водворения на казенных землях и 6230 человек содержится еще в арестантских ротах"[2]. Основные положения документа в конце 1865 – начале 1866 г. были согласованы МВД, МГИ и МФ, и уже 22 февраля 1866 г. Комитет министров утвердил записку "О выдаче пособий…", придав ей силу закона[3]. Таким образом, польские переселенцы могли рассчитывать на получение денежного довольствия во время следования в Сибирь и по водворении на новом месте жительства. Для руководства переселением был назначен заведующий делами по их водворению барон Фелькерзам, имевший резиденцию в с. Спасском Каинского округа Томской губернии.

В 1860-е – 1870-е гг. власти пошли на некоторое облегчение положения ссыльных участников Польского восстания. Но законотворчество в этом направлении имело свою

---

[1]. РГИА. Ф. 1263. Оп. 3. Д. 77, л. 1

[2]. Там же, л. 5-5 об.

[3]. Там же, л. 25

специфику. Так, в течение 1866 – 1868 гг. ежегодно объявлялось о послаблениях. Но объявлялось это не специальными законодательными актами, а в рамках общих законов. Так, например, 28 октября 1866 г. был опубликован манифест "О Всемилостивейшее дарованных милостях и облегчениях по случаю бракосочетания Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича Великого Князя Александра Александровича", в котором объявлялось о сокращении сроков каторжных работ (ст. 1, п. 2), дозволении некоторым категориям поселенцев записываться в мещанство (ст. 1, п. 3), разрешении переселиться в другие отдаленные губернии вне Сибири (ст. 1, п. 6) и т.д.[1]. Аналогичное решение было принято в мае 1868 г.[2]

Собственно, 17 мая 1867 г. был начат процесс реабилитации участников Польского восстания. Его невольными участниками стали министр внутренних дел П.А. Валуев и главноуправляющий III Отделением Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, шеф корпуса жандармов П.А. Шувалов, посредством которых воля монарха была донесена до Правительствующего Сената. Так, именным указом Александра II было остановлено судопроизводство по делам, связанным с событиями 1863 г. Это сократило поток ссылаемых в Сибирь в судебном и административном порядке. На волне либерализма император утвердил облегчительные нормы для тех лиц, причастных к беспорядкам, которые были сосланы в административном порядке. Именно в отношении этой категории и были сделаны первые шаги. В частности, им было разрешено вернуться в губернии Царства Польского. В то же время эта норма имела и ограничения по применению: она не распространялась на лиц духовного звания, высланных из Царства Польского и Западного края, и тех поселенцев, поведение которых, по мнению местных властей, было неодобрительным (пп. 3-4)[3]. Тем не менее, появление этого законодательного акта ознаменовало начало нового этапа в отношениях между польскими ссыльными и правительством Александра II.

В дальнейшем реабилитация поляков была продолжена. Для этого использовались различные поводы. Так, по случаю рождения Великого Князя Георгия Александровича 13 мая 1871 г. вновь было объявлено об облегчении участи лиц, сосланных в Сибирь за политические преступления. Так, одним из пунктов Высочайше утвержденного Положения Комитета министров полякам, выехавшим из Сибири в Европейскую Россию или Царство Польское и незамеченным "ни в чем предосудительном", возвращены были прежние права состояния. Но "политическая реабилитация" оставалась частичной, т.к. они не получали права на возврат

---

[1]. ПСЗ РИ-II. Т. 41. Отд. 2. № 43784

[2]. Там же..Т. 43. Отд. 1. № 45898

[3]. Там же. Т. 42. Отд. 1. № 44601

отчужденной в судебном порядке собственности (п. 1). Правда, Министерство юстиции предусмотрело механизм облегчения материального положения вчерашних ссыльных: им было разрешено поступать в государственную и общественную службы (п. 3). Право на причисление к прежнему сословию родителей получили и законнорожденные дети, которые родились в ссылке[1].

В январе 1874 г. по представлению Министерства юстиции по случаю бракосочетания Великой Княжны Марии Александровны император Александр II подписал еще одно Положение Комитета министров, которое продолжило процедуру восстановления прав репрессированных поляков. В частности, в нем приведены прямые ссылки на более ранние документы, которые нами были упомянуты выше. Кроме всего прочего, поляки, проживавшие в Сибири, снова получили право переселиться во внутренние губернии Европейской России. Правда, им было разрешено проживание только в губерниях, определенных Правительством (п. 2). С тех же поляков, которые к тому моменту уже проживали в Европейской России, был снят полицейский надзор, что значительно облегчило их положение (п. 3)[2].

Таким образом, в 1860-х - 1870-х гг. в Российской империи проводилась достаточно противоречивая политика в отношении польского населения. С одной стороны, была сформирована репрессивная законодательная база в отношении определенной национальной группы. Центральные и локальные правовые акты этого времени определяли принципы применения репрессивных мер в отношении польского населения, выступавшего за восстановление национального государства. Ими были установлены территории для водворения различных категорий осужденных. Кроме того, законодательно были определены их права и обязанности. С другой стороны, суровое антипольское по своей направленности законодательство очень быстро было сменено либеральным: на протяжении конца 1860-х – 1870-х гг. многие из ссыльных получили возможность покинуть Сибирь и выехать в губернии Европейской России.

Законодательные акты сняли преграды к развитию капиталистических отношений в колонии, что не замедлило сказаться на уровне социально–экономической жизни колонистов: имевшие возможности и желание к хозяйственному росту получили "зеленый свет". Тот экономический бум, который начался в западных и причерноморских губерниях именно с начала 70-х гг. XIX в., можно в какой-то степени сравнить с "грюндерской горячкой" в Германии. Ликвидация механизмов сдерживания позволила немецкой колонии занять ведущие

---

[1]. Там же. Т. 46. Отд. 1. № 49597.

[2]. Там же. Т. 49. Отд. 1. № 53017.

позиции в некоторых отраслях сельскохозяйственного производства и существенно укрепить те, которые она занимала.

С другой стороны, экономический рост сказался на изменении социально–экономической структуры общества в деревне: усилились противоречия между зажиточными крестьянами, вступившими на капиталистический путь, и сельской беднотой, не желавшей отказываться от общинных рамок, усматривая в них механизм защиты своих интересов. Тем не менее, бурное капиталистическое развитие в аграрном секторе, и это касается не только немецкой, но также русской деревни, стало одним из тех факторов, который привел к активизации переселенческих настроений, которые со временем усиливались.

Нараставшее малоземелье, заставило крестьян обратить свое внимание на свободные окраинные земли. Уже в конце 50-х гг. XIX в. меннониты Таврической губернии предпринимают попытку переселиться на Амур. Ответом на их многочисленные запросы стало появление указа Правительственного Сената "Правила поселения в Амурской и Приморской областях Восточной Сибири". Однако ограниченность данного акта не позволила развить переселенческое движение, хотя на стороне меннонитов выступил генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев–Амурский[1].

Либеральные реформы 1860-х гг. затронули также переселенческий вопрос. Распространение крестьянской реформы 1861 г. на земли, находившиеся в составе домена правящего монарха, управление которыми осуществлялось через Кабинет Его Величества, в том числе на Алтайский горный округ, позволило со временем открыть его для крестьянской колонизации. До того момента лишь Смоленская волость, земли которой являлись не коронной, а государственной собственностью, была доступна для желающих переселиться на Алтай.

Переселение за Урал требовало разработки соответствующего законодательства. Так, официальное открытие переселенческого движения на юг Западной Сибири, являвшейся наиболее привлекательным в плане сельскохозяйственной колонизации, связано с появлением 30 июля 1865 г. высочайше утвержденного Положения Комитета министров о порядке переселения в Алтайский округ, принятого на основе представленной в Комитет записки Министра императорского двора. Согласно Правилам, было разрешено водворение переселенцев как в старожильческих обществах, так и на свободных землях Округа"[2]. Однако эти меры были половинчатыми, ибо переселенцам разрешалось поселяться в уже существовавших сельских обществах либо на так называемых "пустолежащих местностях", которые определялись окружными властями. При этом количество "пустолежащих местностей"

---

[1] РГИА. Ф. 1265. Оп. 9. Д. 54.

[2] ГААК. Ф. 3. Оп. 1. Д.3702. Л. 21.

было ограничено, ими являлись, как правило, не вполне удобные для поселения земли. Другой причиной, тормозившей развитие переселенческого движения, стали сложности с выходом из общины на прежнем месте жительства, с одной стороны, и прием в новую общину. Тем не менее, была заложена нормативно-правовая основа для упорядочивания переселенческого движения за Урал.

Половинчатость буржуазных реформ 1860-х – 1870-х гг. коренным образом не изменила ущербного положения некоторых национальных меньшинств, которые были ограничены в свободе передвижения по территории Российской империи.

В начале 1880-х гг. сибирские евреи оказались причастными к деятельности Высшей комиссии по пересмотру законов о евреях (так называемой комиссии Палена). К работе комиссии были привлечены чиновники министерств и неформальные лидеры русских евреев этого времени барон Г. Гинзбург, С.С. Поляков. Через своих агентов Гинзбург представлял комиссии различные сведения. Но информация о положении еврейского населения в России поступала в этот орган и напрямую от местных "активистов" еврейской эмансипации.

Сибирские евреи решили воспользоваться ситуацией и напомнить о себе чиновникам в столице. Подобный шаг был связан с распространившейся в столице тенденцией признавать сибирские губернии чертой оседлости для проживавших тут евреев. В сентябре 1883 г. на имя графа Палена была направлена докладная записка енисейского купца 2-й гильдии Герши Скопа, в которой достаточно четко были обозначены пожелания местных евреев – на основании Устава о паспортах признать Сибирь местом постоянной оседлости[1]. Законодательное закрепление этой нормы должно, по мнению заявителя, с одной стороны, исключить противоречие в нормативных актах, а, с другой стороны, закрепить экономические права евреев, ибо до того момента "местное начальство стесняет нас в занятиях многих торговлей, промышленности, … лишает нас средств к существованию"[2].

Однако эта проблема осталась нерешенной и уже на рубеже XIX – XX вв. Сибирь оказалась в уникальном положении: с одной стороны, регион по-прежнему оставался не включенным в черту оседлости, а с другой стороны, была создана персональная черта оседлости для каждого еврея. Двойственность ситуации давала возможность местным властям для различной дискриминации еврейского населения.

В 1870-х – 1880-х гг. применительно к Западной Сибири сохранялось ограничительное законодательство применительно к праву поселения. Эти ограничения относились к Алтайскому горному округу, а также Акмолинской и Семипалатинской областям.

---

[1]. РГИА. Ф. 821. Оп. 9. Д. 207. Л. 1-1 об.

[2]. Там же. Л. 3 об.

Особые правовые нормы продолжали сохраняться для Алтайского горного округа, который по-прежнему находился в ведении Кабинета Его Императорского Величества. Например, сохранялся запрет на водворение здесь евреев как из числа добровольных переселенцев, так и ссыльных. Правда, в 1872 г. Министерство внутренних дел попыталось получить у Министерства императорского двора, в чьем непосредственном ведении находился округ, согласие "на допущение евреев к проживанию в Алтайском округе"[1]. Это было связано с вопросом о причислении евреев, проживавших в г. Колывань Томской губернии к местному мещанскому обществу. Однако буква закона, которой придерживались чиновники в Санкт-Петербурге и Барнауле, а также нахождение города на территории Округа не позволили решить эту проблему положительно для местного еврейского общества[2].

В 1880 г. Томский губернатор поставил перед Алтайским Горным Правлением вопрос о праве постоянного и временного проживания евреев в г. Кузнецке. Запрос стал порождением той ситуации, которая сложилась в городе: "земля, на которой стоит город, хотя и принадлежала Кабинету Его Императорского Величества, но по Именному Высочайшему указу … отдана в собственность города"[3]. Но чиновники в Барнауле выступили категорическими противниками положительного решения вопроса, указывая на то, что "город этот все-таки находится в границах Алтайского горного округа, а так как в распоряжениях о недопустимости евреев к проживанию в Алтайском горном округе не сделано никаких исключений о евреях, проживающих в тех городах, коим отданы в собственность земли, вследствие чего и в Кузнецке не может быть допущено проживание евреев"[4].

В своих отказах на причисление евреев к городским обществам алтайские чиновники во второй половине XIX - начале XX в. опирались на секретный указ 1824 г., о котором уже говорило выше. Однако его действие применительно к Колывано-Воскресенскому, а затем и Алтайскому округу чрезвычайно спорно. Дело в том, что в упомянутом документе предписывалось выслать евреев исключительно из казенных и частных заводов Урала, состоявших в ведении Горного департамента. Об алтайских заводах не было ни одного упоминания. Министры Александра I и управляющий Кабинетом превысили свои полномочия, распространив его действие - незаконно - на заводы Алтайского горного округа и Нерчинского округа, т.к. ст. 65 Основных законов Российской империи требует исполнения закона по точному и буквальному его содержанию. Но даже если признать действие этого указа post

---

[1]. ГААК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 575. Л. 130.

[2]. Там же. ЛЛ. 131 – 132.

[3]. РГИА. Ф. 468. Оп. 27. Д. 1728. Л. 5.

[4]. Там же. Л. 5 об.

factum на более обширной территории (кроме Урала), то следует относить его исключительно к тем территориям, которые были приписаны к алтайским и нерчинским заводам. В управленческом отношении даже Алтайский горный округ представлял собой комплекс земель, которые были в юрисдикции Начальника округа как представителя Кабинета и под управлением Томского губернатора, т.к. округ входил в состав Томской губернии. Из последнего следует, что ни при каких условиях действие указа 1824 г. не действовало на городских землях, выведенных из-под управления горных начальников. Исходя из процессуального права, вопросы о законности или незаконности проживания евреев, скажем, в Барнауле, Бийске или Кузнецке, находились в компетенции Томского губернатора. Налицо мы имеем неправовую ситуацию.

Подобная ситуация сохранялась до начала XX в. Временное разрешение о поселении евреев на территории Алтайского округа было связано с указом от 11 августа 1904 г., которым "вносились некоторые изменения в действующие распоряжения о правах их (евреев – В.Н.) жительства в различных местностях Империи"[1]. Так, п. 7 данного документа право повсеместного проживания получили те из евреев, "которые, участвуя в военных действиях на Дальнем Востоке, удостоились пожалования знаками отличия или вообще беспорочно несли службу в действующих войсках"[2]. Но воспользоваться этим правом отставники-евреи не успели, т.к. вскоре последовало разъяснение, согласно которому данная норма, например, не распространялась на те местности, в которых для еврейского населения действовали "особые ограничительные правила"[3].

С передачей алтайских земель из ведения Кабинета и Министерства императорского двора под контроль Главного управления землеустройства и земледелия (с 1907 г. в связи с начавшейся переселенческой и землеустроительной кампанией) были сняты барьеры, препятствовавшие поселению евреев в городах и сельской местности Алтая. Так, некоторые из евреев, проживавшие в Европейской России, получали разрешение на поселение в Сибири и наделялись землей "на общих основаниях с крестьянами"[4]. Правда, это касалось ограниченного круга лиц – отставных нижних чинов, участников русско-японской войны, ремесленников и некоторых других. В целом, сохранялся запрет на поселение евреев на землях Кабинета (см. прил. 5).

---

[1]. ПСЗ РИ – III. Т. 24. Отд. 1. № 25016.

[2]. Там же.

[3]. РГИА. Ф. 391. Оп. 4. Д. 1508. Л. 19.

[4]. Там же. Л. 3.

В 1890-х гг. власть возвратилась к идее выселения евреев из сибирских губерний. Это привело к многочисленным кампаниям по выявлению лиц, не имевших право на жительство в регионе. Подобные кампании имели место во всех сибирских губерниях и проходили с завидной частотой.

Вновь возник вопрос о черте оседлости для евреев Сибири. Местные чиновники в начале 1890-х гг. рассматривали в качестве черты оседлости место приписки по полицейскому учету. Это приводило к тому, что евреям было запрещено выезжать за пределы того населенного пункта, к обществу которого они были приписаны, не говоря уже о жительстве в другом населенном пункте.

Практика этого времени показывала, что евреи вели мобильный образ жизни, и значительная их часть проживала вне мест приписки. Это было связано с традицией приписки евреев к близлежащим крестьянским обществам, о которой мы писали выше. В результате с позиций полицейского учета евреи были сконцентрированы в нескольких анклавах (Томск, Мариинск, Каинск, Тобольск и др. города и ряд уездов). И на этом основании многие полицейские чиновники ежегодно рапортовали в губернское полицейское управление о том, что на их подконтрольной территории евреи не проживают. Однако в реальности евреи тяготели не к месту приписки, а к экономическим центрам, которые позволяли им получать доход.

Анализ прошений, поступивших на имя министра внутренних дел от евреев Томской губернии за 1899 – 1903 гг. наглядно подтверждает этот тезис. Наиболее распространенной была внутригубернская миграция, связанная, в первую очередь, с экономическими причинами – еврейские семьи переселялись из деревень в уездные (Мариинск, Каинск) и губернский (Томск) города. Гораздо в меньшей степени оказалась распространенной внутрисибирская мобильность. В нее оказались вовлеченными лица, обладавшие редкими профессиями, например, печные мастера, служащие на золотых приисках[1]. В то же время имела место и внутрироссийская миграция евреев. Так, на протяжении почти 20 лет на момент подачи собственного прошения в с. Боготольском проживал с семьей полоцкий мещанин Мовша Рапопорт, работавший на мыловарне купца Елькевича. К августу 1902 г. в Мариинске уже 22 года проживал с многочисленным семейством мещанин Гомельской губернии Исор Шмуйлов Короневский, занимавшийся в зимнее время подбором и окрасом мехов, а в летнее – производством и продажей фруктовых вод[2]. И подобных примеров было множество (см. прил. 6).

Надо сказать, что этот период прошел под знаком ожидания "разрешения в законодательном порядке вопроса о жительстве евреев в Сибири". Это давало губернским и

---

[1]. Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. 102. Оп. 76а. Д. 1834.

[2]. Там же.

столичным чиновникам широкое поле для маневра. В 1901-1902 гг. последовали разъяснения Сената о применении в Сибири понятия "черта оседлости", "по которым в Сибири является специальной чертой оседлости еврея тот округ или уезд (выделено в тексте – В.Ш.), в котором он приписан"[1] (см. прил. 7).

Подобное решение дало возможность многим евреям сохранить не только заработок, но и ту недвижимость, которой они успели обзавестись за время проживания вне мест приписки.

Эта тема нередко поднималась на страницах либеральных сибирских газет. Так, "Томский листок" в 1897 г. писал о намерении томского полицмейстера А.А. Земенского провести силами полицейских приставов проверку всех евреев в городе с целью незамедлительной высылки тех из них, для которых Томск не был местом причисления. Далее корреспондент отмечал, что "это распоряжение ставит в затруднительное положение владеющих в Томске недвижимостью ссыльных евреев, которых насчитывается до 800 семей"[2].

В начале XX в. Николай II продолжал проводить в отношении евреев ту же дискриминационную политику, что и Александр III. Каких-то значительных уступок еврейскому населению сделано не было. Упоминавшийся выше указ от 11 августа 1904 г. во многом повторял нормы, ранее уже прописанные в многочисленных указах, циркулярах, инструкциях. Казалось бы, существенный шаг вперед в решении еврейского вопроса правительство должно было сделать после 17 октября 1905 г., воплощая тезис о гражданском равноправии и свободе вероисповедания. Но деятельность правительства Столыпина не изменила существовавшего порядка. Можно в полной мере согласиться с исследователями, которые утверждают, что ""еврейская политика" Столыпина никакого улучшения жизни евреям не принесла, а в ряде моментов ужесточила антиеврейские законы"[3].

Как мы видим, в конце XIX – начале XX вв. еврейский вопрос сохранял свою остроту, что объяснялось нежеланием власти идти на полную эмансипацию еврейского населения в Империи. Мало того, в начале XX в. неоднократно звучали призывы к еще большему его обособлению посредством нового поражения в правах. Так, в 1913 г. русский генералитет был привлечен к обсуждению вопроса о дальнейшем привлечении евреев на действительную военную службу. Анализ мнений привел Генеральный Штаб к следующим результатам: 56% высказалось за полное удаление евреев из армии, 32% - за их оставление в воинских соединениях, 12% поставило этот вопрос в зависимость от решения "трудного" еврейского

---

[1]. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 76а. Д. 2077. Л. 4.

[2]. Томский листок. Томск. 1897. № 120.

[3]. См., напр., Миндлин А. "Еврейская политика" Столыпина // http://jhistory.nfurman.com/russ/russ003.htm (Электронный ресурс. Режим доступа 7.06.2013 г.)

вопроса Советом министров[1]. В генеральских кругах высказывались и за "изгнание их вовсе из России" (генерал-лейтенант Литвинов А.И., командир 5-го армейского корпуса)[2]. Столь радикальное решение вопроса, разумеется, было невозможным, что понимали и сами военные. Высказывались мнения о приравнивании евреев в законодательном отношении к иностранцам, что, по мнению наказного атамана Войска Донского генерал-адъютанта Миненко, должно было раз и навсегда решить в России еврейский вопрос[3]. Это, естественно, привело бы к еще большему ущемлению в правах российского еврейства.

На этом фоне вполне органично выглядел и сам Николай II, юдофобские настроения которого, например, нашли свое отражение в пометках, сделанных им собственноручно на полях всеподданнических отчетах, касавшихся вопроса о евреях в армии. Так, напротив мнения командующего войсками Омского военного округа генерала от кавалерии Е.О. Шмита о том, что "необходимо отказаться от привлечения евреев к натуральной воинской повинности, и чем скорее это будет сделано, тем больше выиграет армия", император в 1910 г. написал: "Да, да и да"[4]. Годом ранее он был солидарен с тем же Шмитом, который писал в своем отчете, что "решение еврейского вопроса в смысле недопущения евреев в ряды войск столь же важно, как для интересов армии, так и для всего государства". Напротив этих слов Николай II написал: "И я этого мнения"[5]. Естественно, что при императоре с подобными взглядами радикальное решение еврейского вопроса в условиях проходившей модернизации общественно-политической и экономической жизни было немыслимым.

Нарастающая популярность переселения за Урал требовала дальнейшей регламентации на законодательном уровне миграционного законодательства. В 1891 г. Правила 1865 г., регламентировавшие переселенческое движение за Урал, были подвергнуты некоторым изменениям. Местным органам власти было предписано не выдавать разрешений на водворение переселенцам прежде, чем будет выяснено посредством переписки с начальниками губерний, из которых переселяются крестьяне, возможности увольнения их из прежних обществ, и не получив на их переселение согласия губернского начальства. То есть процедура получения разрешения на поселение со временем становилась все четче посредством ее бюрократизации. Несмотря на возникновение подобных бюрократических проволочек, как отмечали

---

[1] The Central Archives for the History of the Jewish People Jerusalem (CAHJP). F.. HM2/8279.6 (Оригинал: Российский военно-исторический архив. Ф. 400. Оп. 19. Д. 37).

[2] Ibid.

[3] Ibid.

[4] Ibid.

[5] Ibid.

современники, "переселенческое дело шло непрерывно, не считаясь с правительственными распоряжениями и теми стеснениями, которые ему ставились с конца 80-х гг."[1].

С начала 1892 г. наблюдается некоторый откат в официальной политике переселения. 6 марта 1892 г. был опубликован циркуляр министра внутренних дел, согласно которому приостанавливалось переселение вообще и на Алтай в частности. В 1894 г. по распоряжению Кабинета Его Величества был приостановлен отвод свободных земель под образование переселенческих участков. Официальные власти объясняли подобные действия "желанием сохранить запас земель для предстоящего земельного надела крестьян"[2]. Такая позиция властей может быть объяснима словами Х.Х. Роопа, считавшего, что раз "у России нет колоний", то "земли Сибири должны служить земельным резервом для увеличивающегося населения"[3].

Но, несмотря на запрещение, переселенческое движение в Сибирь, продолжилось. Это привело к тому, что в пределах некоторых округов Томской губернии скопилось несколько сот самовольных переселенцев. Большая часть их поселилась в старожильческих обществах без приемных приговоров. Значительное количество самовольцев и участившиеся конфликты между переселенцами и старожилами побуждали начальника Алтайского горного округа постоянно обращаться с ходатайствами перед Кабинетом "об устройстве в Округе проживающих самовольцев"[4].

В апреле 1896 г. были внесены некоторые дополнения в правила, касавшиеся добровольного переселения крестьян и мещан в сибирские губернии (за исключением Алтайского горного округа)[5]. В Высочайше утвержденном мнении Государственного Совета в отдельный пункт была выделена норма относительно "переселенцев нерусского происхождения". В ней местным чиновникам предписывалось таковых "по возможности, включать в состав обществ из переселенцев русского происхождения"[6]. Таким образом, власти стремились растворить переселявшихся в общем потоке немцев, поляков, евреев, прибалтов.

27 апреля 1896 г. были определены новые правила устройства крестьян-переселенцев. Необходимо более детально остановиться на этом документе, регламентировавшем переселение, в том числе немецких и польских крестьян, ибо с незначительными уточнениями и изменениями он сохранял свое значение до 1906 г.

---

[1] ГААК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 3702. Л. 21.

[2] Переселение в Алтайский округ. Барнаул, 1912. С. 2.

[3] Храмков А.А. Земельная реформа в Сибири (1896 – 1916 гг.) и ее влияние на положение крестьян. Барнаул, 1994. С. 23-24.

[4] ГААК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 3702. Л. 21.

[5] ПСЗ РИ - III. Т. 16. Отд. 1. № 12777.

[6] ПСЗ РИ - III. Т. 16. Отд. 1. № 12777.

Закон 1896 г. предусматривал причисление самовольных переселенцев, переселившихся к старожильческим обществам, без приемных приговоров, если в обществе обеспечение землей на душу составляет более 15 дес. или дополнительные земли могут быть прирезаны к наделу из свободных кабинетских земель. Душевая норма надела определялась для переселенцев в 15 дес. В этом случае переселенцы с момента причисления включались в разверстку. В том же случае, если переселенцы водворялись во вновь образованных обществах, то они освобождались от платежа податей в течение первых трех лет, а в последующее трехлетие должны были платить подати в половинном размере[1].

Закон оговаривал условия причисления крестьян к категории переселенцев. Это могло происходить лишь в том случае, когда переселенцы имели в местах своего пребывания домообзаводство и занимались земледелием. Они не должны были состоять под судом и следствием. Кроме того, переселенцы не должны были в местах прежнего поселения оставлять необеспеченных содержанием лиц, принадлежащих к семьям переселявшихся.

Законодательная инициатива властей на этом не остановилась. Необходимо было осуществлять передачу земли в пользу крестьян-переселенцев. Так, 31 мая 1899 г. был принят закон о землеустройстве в Алтайском округе. В некоторой степени он дублировал положения закона 1896 г. Согласно ему, кабинетские земли, отведенные для водворения переселенцев, передавались в собственность казны, но выкуп за нее должны были платить крестьяне. Выкупная операция была рассчитана на 49 лет: за каждую десятину следовало уплатить 22 коп. ежегодно, то есть для алтайских крестьян, оказавшихся на казенных землях, были введены выкупные операции, от которых в Европейской части Империи вскоре предполагалось отказаться[2].

В развитие закона 1896 г. министр императорского двора в согласии с министром внутренних дел определил правила по приему переселенцев, которые нашли свое отражение в предписании Кабинета от 29 июня 1899 г. В чем заключались основные положения этого предписания?

1. Водворение переселенцев на свободных кабинетских землях должно было производиться местными властями в строгом соответствии с законом 1896 г. и только после получения переселенцами предварительного разрешения на водворение министра императорского двора и министра внутренних дел.

2. Самовольные переселенцы могли получить разрешение на водворение лишь после получения разрешения на то от министра императорского двора и министра внутренних дел.

---

[1] ГААК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 3702. Л. 21.

[2] Тюкавкин В.Г. Сибирская деревня накануне Октября. Иркутск, 1966. С. 53.

Разрешение на поселение в этом случае объявлялось просителям через Главное Управление Округа.

3. Прием переселенцев в общества заполненных переселенческих участков и вообще водворение переселенцев в сих участках прекратить.

4. Прием новых членов старожильческими обществами Алтайского округа должно было производиться на точном основании ст. 142 Общего Положения о крестьянах, но только в те селения, которые имеют для приема новых членов достаточное количество земли[1].

Уже 5 апреля 1906 г. министр императорского двора Фредерикс обратился к Председателю Совета министров с запиской, в которой изложил свои мысли по поводу крестьянского переселения на алтайские земли. Он высказался, в частности, за необходимость проведения некоей унификации налоговых послаблений, а потому предлагал изменить 1-е отделение закона 1896 г. для всех переселенцев на казенные земли. Уже 18 апреля того же года появилась мемория Совета министров, высочайше утвержденная 26 апреля, согласно которой "все живущие в пределах округа переселенцы, по заявлению поселиться на особо образованных переселенческих участках, водворяются в них … с применением 15-десятинной нормы", кроме того было заявлено, что они "освобождаются от казенных платежей и земских денежных сборов в течение пяти лет, считая с полугодия следующего за новым водворением, а в последующий за тем пятилетний срок означенные переселенцы облагаются упомянутыми сборами в половинном размере"[2].

На основании рассматриваемой мемории подлежали устройству применительно к закону 1896 г. переселенцы, прибывшие в Округ до издания положений мемории и удовлетворяющие изложенным в ней условиям. Ввиду того, что в Томском и Бийском уездах землеустройство было уже закончено, а в Барнаульском уезде этот процесс уже начался, действие данных правил было распространено на Змеиногорский и Кузнецкий уезды.

Одновременно с этим шел процесс законотворчества в вопросах передачи кабинетских земель в ведение казны и образовании на них переселенческих участков. Первоначально предполагалось, что вопросы образования участков будут находиться в ведении Главного Управления Алтайского округа, и этот процесс будет происходить по согласованию с заведующим землеустройством. Однако это было не вполне эффективным, и по предложению министра императорского двора вопросы устройства переселенцев на территории Алтая были переданы в руки того же ведомства, которое занималось устройством переселенцев на казенных

---

[1] Переселение в Алтайский округ. Барнаул, 1912. С. 4.

[2] ГААК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2821. Л. 4.

землях. Это и повлекло за собой законодательное оформление передачи кабинетских земель в распоряжение Главного Управления Землеустройства и Земледелия.

Начавшаяся в 1906 г. аграрная реформа в России имела перед собой несколько задач. Одна из них заключалась в том, чтобы посредством переселения на свободные земли малоземельных и безземельных крестьян снять социальную напряженность в деревне. Для этого необходимо было чем-то привлечь крестьян. Эта задача решалась посредством популяризации переселенческого процесса, предоставления крестьянам льготных условий к переселению и первому времени проживания на новом месте. А для этого необходимо было подвести под это законодательную базу.

19 сентября 1906 г. особый журнал Совета министров получил высочайше утверждение. Последовавший за этим именной указ признавал "необходимым облегчить возможность водворения на незаселенных еще землях названного (Алтайского) Округа переселенцев из внутренних губерний"[1]. Основные положения данного указа могут быть сведены к нескольким моментам.

1. Кабинетские земли передавались в собственность казны по мере образования на них переселенческих участков. При этом права на недра на передаваемых землях сохранялись за Кабинетом.

2. Переселенческие участки могли быть образованы на свободных и пригодных к заселению землях, оброчных статьях по мере окончания действия срока арендного договора, земельных излишках Кабинета, которые остались после землеустройства старожилов.

3. Законодатель оговорил в акте, какие угодья не могут быть переданы под образование переселенческих участков, и какие угодья не могут быть включены в состав данных участков. В разряд таковых попадали леса, водоемы, земли, необходимые для отвода для нужд Кабинета или отводимые Кабинетом под частные горнозаводские предприятия, заводы, фабрики и иные "ценные сооружения". То есть Кабинет передавал лишь земли, оставляя за собой права на то, без чего крестьянин не мог прожить – лес и водоемы.

4. Достаточно важной была оговорка, что "предоставляемые переселенцам земли поступают в их постоянное пользование"[2], то есть крестьяне-переселенцы не являлись собственниками земли, а выступали лишь в качестве держателей. Здесь мы наблюдаем юридическое сохранение феодального института, когда верховным собственником выступало государство, а не частное лицо, то есть признавалась исключительно государственная

---

[1] Переселение в Алтайский округ. Барнаул, 1912. С. 7.

[2] Там же. С. 8.

собственность на землю на территории Алтайского округа, но не частная. Подобная ситуация сохранялась на Алтае, как уже отмечалось выше, вплоть до 1917 года.

5. Переселенческий земельный фонд Алтайского округа Кабинетом передавался казне на условиях выкупа. Государственное казначейство было обязано в течение 49 лет выплачивать Кабинету Его Величества вознаграждение в размере 22 коп. за десятину удобной земли ежегодно в течение 49 лет. Уплата оговоренного вознаграждения Кабинету должна была начаться "с 1 января следующего года по истечении перваго пятилетия со времени таковой передачи"[1].

6. Одновременно с этим подтверждалось положение предыдущих законодательных актов, согласно которым лица, водворявшиеся в Алтайском округе, могли рассчитывать на получение всех льгот, установленных для крестьян, переселяющихся на казенные земли.

Этот акт, ознаменовавший переселенческую сторону столыпинской аграрной реформы, либерализовал политику государства через снятие стоявших перед потенциальными переселенцами препонов и способствовал началу новой волны массового миграции на юг Западной Сибири. Результатом его реализации стало появление большого количества русских, украинских, белорусских, немецких, польских, эстонских переселенческих поселков.

Начавшаяся Первая мировая война способствовала новому витку принудительных миграций из прифронтовых губерний и губерний, оказавшихся на военном положении, в глубокий тыл. Десятки тысяч евреев, немцев, поляков, латышей, литовцев и пр. были высланы или эвакуированы в Сибирь.

Положение еврейских беженцев создавало наибольшие проблемы для военных и гражданских администраторов. В условиях сохранения черты оседлости они концентрировались в западных губерниях. По мере отступления русской армии значительно сокращалась территория, на которой евреи могли проживать на законных основаниях. Это приводило к их чрезмерной концентрации в Витебской, Могилевской, Виленской, Киевской, Черниговской и других губерниях. Складывалась крайне взрывоопасная ситуация: беженцев необходимо было обеспечить продовольствием, медико-санитарной помощью, заработком, жильем, тогда как их появление вызывало негативную реакцию со стороны местного населения, которое также находилось в тяжелых условиях.

Единственный выход из сложившейся патовой ситуации был в фактической отмене черты оседлости и распылении еврейского населения по внутренним губерниям. На заседании Совета министров 4 августа 1915 г. были рассмотрены предложения от Министерства внутренних дел. Правоцентрист князь Н.Б. Щербатов, занимавший пост министра, выступил за разрешение

[1] Переселение в Алтайский округ. Барнаул, 1912. С. 8.

беженцам-евреям селиться повсеместно в России, кроме столичных городов и тех территорий, которые находились под управлением министра Императорского двора и военного министра. Следует обратить внимание на то, что, во-первых, разрешение носило временный характер. В Особом журнале Совета министров было записано, что речь не идет "об общем пересмотре действующих о евреях узаконений"[1]. Во-вторых, этим правом могли воспользоваться лишь выселившиеся из районов военных действий. Под давлением "чрезвычайных обстоятельств военного времени" власти были вынуждены пойти на принятие подобных половинчатых мер. Несмотря на то, что черта оседлости была отменена лишь применительно к части еврейского населения, это позволило беженцам на законных основаниях переселиться в сибирские губернии и воспользоваться на новом месте жительства как помощью еврейских комитетов, так и государства через Татьянинский комитет.

Начало депортации российских немцев из прифронтовой полосы в Сибирь в начальный период Первой мировой войны не было ознаменовано принятием законодательных актов. Он ограничился действием внутриведомственных нормативных актов. Главным образом, речь идет об актах, касающихся насильственного перемещения, вышедших из недр Военного Министерства и Министерства внутренних дел, ибо сами военные в сопроводительных документах отмечали, например, что "вверенная Вам губерния (Томская – В.Ш.) предназначена для водворения немцев-колонистов выселенных Юго-Западного фронта распоряжением военных властей" (выделено нами – В.Ш.)[2]. При этом необходимо пояснить, что высланные из приграничных с Германией и Австро-Венгрией губерний немецкие крестьяне были водворены в Алтайском округе. К счастью, этот процесс оказался хотя и продолжительным по времени, но не столь значительным по своим последствиям.

К переселению во внутренние губернии, в том числе сибирские, евреев, поляков, латышей, белорусов и пр., подталкивала ситуация на фронтах, которая складывалась не вполне благоприятно для России. Необходимость организации беженства потребовало разработки законов, которые бы регулировали этот процесс. Результатом стало появление Закона об обеспечении нужд беженцев (1915 г.).

Подводя итоги можно с уверенностью говорить о том, что со второй половины XVIII в. шел активный законотворческий процесс, определивший права и обязанности евреев, немцев и поляков в Российской империи. Нормативно-правовые акты носили очень часто сегрегационный характер, отсекая рассматриваемые национальные группы от прочего населения страны. Только в период буржуазно-демократических реформ 1860-х - 1870-х гг.

---

[1] The Central Archives for the History of the Jewish People Jerusalem (CAHJP). F. RU-89 .

[2] ГАТО. Ф. 3. Оп. 67. Д. 503. Л. 1.

юридическое положение рассматриваемых диаспор стало нивелироваться, а их представители получили больше гражданских прав. Для евреев это нашло свое выражение в предоставлении отдельным социальным категориям права повсеместного проживания, а для немцев - в фактической ликвидации изолированности колоний.

Одновременно с этим на протяжении XIX - начала XX в. шел процесс законодательного регулирования переселений в Сибирь. Добровольное переселение было сопряжено, в первую очередь, с отправлением военной и гражданской службы и регламентировалось общеимперскими законами (О службе гражданской, Воинский устав, Рекрутский устав). Для немцев и поляков в этом отношении не было никаких правовых ограничений в рассматриваемый период. В то же время добровольная миграция еврейского населения в губернии и области Сибири с середины 1830-х гг. была формально запрещена - прибывать сюда могли лишь рекруты и кантонисты. С начала 1860-х гг. был значительно расширен круг лиц, имевших законное право переселиться в регион на постоянное место жительства.

Перемещение внутри региона для всех категорий населения, за исключением ссыльных и евреев, не было ограничено законодательно. Последние же находились под полицейским надзором. Однако на рубеже XIX - XX в. положение евреев еще более ухудшилось, что было связано с введением так называемой персональной черты оседлости там, где ее никогда не было. Если ссыльный по завершении срока наказания мог покинуть место приписки, то сибирские евреи формально не имели права переселяться в другие регионы без согласия на то полицейских властей.

Таким образом, вплоть до Февральской революции 1917 г. сохранялась дискриминация еврейского населения на законодательном уровне. Как отмечается в статье "Черта оседлости" Электронной еврейской энциклопедии, "20 марта 1917 г. Временное правительство приняло постановление, подготовленное министром юстиции А. Керенским при участии членов Политического и информационного бюро при евреях-депутатах 4-й Государственной думы. Этим законодательным актом (опубликован 22 марта 1917 г.) отменялись все “ограничения в правах российских граждан, обусловленные принадлежностью к тому или иному вероисповеданию, вероучению или национальности”. По просьбе Политического и информационного бюро при евреях-депутатах 4-й Государственной думы евреи в постановлении отдельно не упоминались, однако в него вошел перечень статей российских законов, утративших силу с принятием этого постановления. Почти все эти статьи (их было около 150) содержали те или иные антиеврейские ограничения. Отмене подлежали, в частности, все запреты, связанные с существованием черты оседлости"[1].

[1]. Черта оседлости // http://www.eleven.co.il/article/14679 (Электронный ресурс. Режим доступа 7.06.2013 г.).

2.2. Гражданско-правовой статус представителей еврейской, немецкой, польской общин в Сибири в XIX – начале XX вв.

Гражданско-правовой статус нетитульного населения в Российской империи включал в себя два чрезвычайно важных взаимосвязанных аспекта: сословная принадлежность, хозяйственная деятельность. В условиях сословного государства, каковой Россия являлась на протяжении XIX - начала XX в., принадлежность к тому или иному сословию определяла допустимые сферы экономической деятельности. Сословная политика, реализовывавшаяся в это время в отношении еврейского, немецкого и польского населения, была достаточно консервативной и ограничительной по своему содержанию.

Хозяйственная деятельность евреев в имперской России зависела, в первую очередь, от сословной принадлежности. Однако приписка к сословиям ссыльных, поселенцев и их потомков в первой половине XIX в. была достаточно запутанной, что обуславливалось особенностями их положения.

В 1804 г. было опубликовано первое Положение "Об устройстве евреев", один из разделов которого именовался "О разных состояниях и промыслах евреев и преимуществах"[1]. В нем законодатель определил те сословия, к которым могут быть причислены евреи: земледельцы, ремесленники, купцы, мещане. Как мы видим, они не могли иметь в своей среде дворянство и духовенство, которое у них отсутствовало. Правда, возникал вопрос с причислением раввинов к той или иной социальной группе. Положение имело силу закона не только в черте оседлости, но на всей территории России. Следовательно, свободные евреи, проживавшие в Западной Сибири, на протяжении XIX - начала XX в. могли быть записаны в одно из упомянутых сословий. Надо признать, что этот Устав был одним из самых либеральных за время существования еврейского вопроса в Российской империи. Так, евреи-земледельцы, зачисленные в разряд государственных крестьян, не могли быть обращены в крепостное состояние, они имели право на приобретение земель и найм работников по контракту. Ремесленники и купцы получали те же права, что и "прочие Российские подданные", их деятельность регламентировалась общими для всех законами. Общий смысл документа лишен какого бы то ни было намека на сегрегацию.

В Сибири население делилось на свободное и пораженное в правах. К последним относились различные категории ссыльных, ссыльнопоселенцев, каторжан. Юридический статус этих категорий зачастую определялся специальными законодательными актами. Положение ссыльных и их потомков было определено лишь в 1822 г. "Уставом о ссыльных". О евреях упоминается в Уставе в ст. 195, в которой говорится о распределении на разряды "ссыльных, сосланных на поселение". Евреи были отнесены к четвертому разряду и числились наряду с "дворовыми людьми"

[1] ПСЗ - I. Т. 28. № 21574.

и "людьми малоспособными к работе". В этом состоянии они должны были, как и другие, "пробыть 8 лет, по истечении коих они могли вступать в мещане и цеховые на общих правилах" (ст. 340); "евреям, выслужившим положенные сроки беспорочно, предоставляется на ряду с другими, свобода записываться, где пожелают, по всем Сибирским губерниям и областям, как в городах, так и в селениях с ведения начальства" (ст. 401)[1].

Правда, существовавшая на тот момент практика законоприменения, предусматривала и значительное сокращение сроков пребывания на поселении в разряде цеховых. Это относилось, в первую очередь, к евреям, принявшим христианство. Так, по определению Пятого Департамента Правительствующего Сената, в 1827 г. было предписано отправлять евреев в Сибирь, не разрешая им по пути следования приписываться ни в какое сословие. По прибытии же в Сибирь их по-прежнему записывали в цеховые, но размещали в качестве послабления условий существования в городах; кроме того, срок пребывания в состоянии цеховых слуг был сокращен для них до четырех лет[2].

Что касается потомства сосланных в Сибирь, то детей ссыльнопоселенцев должны были записывать в ревизию (ст. 404), а детей каторжных – в крестьяне в ближайших от мест каторжных работ волостях (ст. 262)[3].

В 1834 г. за евреями было признано право причисляться в купеческие гильдии. Основанием для рассмотрения этого вопроса стали обращения Берковича и Каминера, поданные ими в Сибирский Комитет, которым было выработано соответствующее положение. Согласно этому документу, подобное право получили евреи из числа ссыльнопоселенцев по истечении срока ссылки и их дети, добровольно пришедшие в Сибирь за своими родителями. Однако здесь же была установлена норма, ограничивавшая развитие еврейской торговли в Сибири: окончательное решение о причислении евреев в купеческие гильдии в Сибири оставалось за Министерством финансов[4]. В 1840 г. подобная практика была запрещена. Но к этому времени, по данным Еврейского комитета, на этом основании было причислено к купечеству в Сибирских губерниях 19 евреев[5]. Одновременно с этим был введен запрет на переход ссыльнопоселенцев в городские сословия, в том числе мещанство и цеховые. Таким образом, для подавляющей части еврейского социума Сибири был открыт только разряд государственных крестьян. Подобная

---

[1]. ГАРФ. Ф. 102. Д-2. Оп. 76а. Д. 2025. Л. 4 об.

[2]. РГИА. Ф. 1149. Оп. 1 – 1827 г. Д. 76. Л. 4.

[3]. ГАРФ. Ф. 102. Д-2. Оп. 76а. Д. 2025. Л. 4 об.

[4]. ПСЗ – II. Т. 9. № 6875.

[5]. РГИА. Ф. 383. Оп. 18. Д. 23388. Л. 50.

запретительная мера была принята в общем духе решения еврейского вопроса в Сибири. Но она не затрагивала тех, кто проживал в регионе до 1837 г., и их потомков.

Во второй половине 1840-х гг. отбывшие срок поселения евреи, а также их дети стремились причислиться к мещанским обществам и получить, таким образом, право проживать в городах и заниматься ремеслом. Право причисления к обществам было возложено на губернские Казенные палаты. Правда, Томская и Тобольская палаты по-разному трактовали некоторые правовые нормы, чем облегчали либо препятствовали переходу евреев из разряда государственных крестьян в городское сословие. Так, чиновники Тобольской казенной палаты считали, что "крестьяне из евреев, которым по ст. 1736 т. XIV Устава о ссыльных дозволено остаться в Сибири, не могут быть за силой Высочайше утвержденного 11 ноября 1847 г.[1] Положения Комитета министров перечисляемы в городские сословия"[2]. В то время как служащие Томской казенной палаты полагали, что "упомянутым Положением Комитета министров воспрещается только возводить евреев в купечество, но что перечисление их из одной местности в другую, или из крестьян в мещане, должно быть допустимо на основании общих законоположений"[3].

Столь разное толкование законодательных актов привело к череде обращений евреев в Совет Главного управления Западной Сибири. В своих прошениях они указывали на то, что в городах (Томске, Тюмени и др.) намеревались заниматься не торговлей, а мастерством. Совет предпочитал не брать на себя ответственность в решении этих вопросов и апеллировал к столичным чиновникам. К принятию решений по различным проблемам оказывались привлеченными Министерства финансов, государственных имуществ и внутренних дел, которые имели свое видение ситуации. Надо отметить, что первые два министерства продолжали рассматривать евреев в Сибири как хозяйственный субъект, тогда как последнее стояло на уже ставших традиционными запретительных позициях.

Подобная ситуация сохранялась до 1855 г., пока не был опубликован манифест "О Всемилостивейшем даровании народу милостей и облегчений", который предусматривал в п. XV (2) возможность причисления ссыльнопоселенцев в разряд государственных крестьян и высшие городские сословия. Обязательным условием должно было быть согласие на то Экспедиции о ссыльных.

Таким образом, по отношению к правам сосланных в Сибирь евреев первоначально не было никаких правовых ограничений; на них распространялось действие общего для всего

---

[1]. ПСЗ – II. Т. 22. № 21701.

[2]. РГИА. Ф. 383. Оп. 18. Д. 23388. Л. 4 об.

[3]. Там же.

ссыльного населения законодательства. На этом основании они могли оказаться в разряде государственных крестьян либо купцов. В дальнейшем ситуация начала развиваться для еврейского населения региона крайне неблагоприятно, что было связано с общей установкой, нацеленной на сокращение его численности.

Во второй половине 1850-х гг. еврейский вопрос в Сибири сохранял свою нерешенность. В столичных учреждениях (департаментах Сената, Министерства внутренних дел, Министерства финансов и пр.) продолжалась работа по толкованию правоприменения законов относительно еврейского населения региона. Это было связано с необходимостью упорядочить правовую сферу, к чему стремились и губернские чиновники, и сами евреи, направлявшие многочисленные запросы и отношения в Петербург.

Надо сказать, что власти оказались в это время заложниками ситуации: с одной стороны, они выступали за соблюдение буквы и духа законов конца 1830-х гг., нацеленных на искоренение еврейского населения в Сибири; с другой стороны, административная ссылка евреев в этот период сохраняла свое значение и являлась одним из основных источников пополнения общины. Ситуация еще более запутывалась с формальным делением евреев на три категории в регионе: 1) тех, кто проживал в Сибири до 1837 г., и их потомков, 2) ссыльнопоселенцев и 3) потомков ссыльнопоселенцев. Это отразилось на правах различных групп приписываться в разные сословия во второй половине 1850-х – начале 1860-х гг.

Как уже отмечалось выше, к середине XIX в. сибирские евреи причислялись преимущественно в разряд государственных крестьян. В первые же годы правления Александра II отмечается определенная либерализация сословной политики в отношении данной группы населения. Так, 23 февраля 1857 г. появился сенатский указ, регламентировавший порядок причисления евреев в состав сибирского купечества[1]. С этого момента только причисленные окладом к сибирским губерниям иудеи имели право на общих основаниях записываться в купеческие гильдии. Купеческое состояние распространялось на всех членов семьи, в том числе на сыновей. При этом была сделана одна существенная оговорка: норма не распространялась на ссыльнопоселенцев. Появление этого документа значительно расширило круг лиц, имевших право на причисление к купечеству.

Однако уже в 1858 г. эта норма была пересмотрена в сторону ужесточения. В 1858 г. Сибирский комитет рассматривал дело евреев Захерова и Зельковича, которые просили разрешения записаться в мещанские общества Томска и Тюмени соответственно[2]. К тому моменту они уже де-факто проживали в указанных городах и занимались ремеслом, но де-юре

[1] ПСЗ – II. Т. 32. Ч. 1. № 31538.

[2] РГИА. Ф. 1265. Оп. 13. Д. 17. Стлб. 534.

были причислены к разряду государственных крестьян. С их причислением не могло возникнуть проблем, если бы они не были потомками ссыльнопоселенцев, которым это причисление было запрещено Уставом о ссыльных и прочими нормативными актами. Главное Управление Западной Сибирью, министры внутренних дел и финансов сочли возможным подобное причисление. Таким образом, был создан прецедент, оформленный в виде Высочайше утвержденного Положения[1]. С этого момента потомки ссыльнопоселенцев из числа евреев получили право записываться в мещанское сословие сибирских городов, заниматься ремеслом, вести разрешенную мещанам торговлю. Однако причисление в купеческие гильдии для них по-прежнему было недоступно[2]. Тем не менее, этот документ способствовал узаконению положения тех из сибирских евреев, которые к тому моменту проживали в городах и занимались ремеслом и мелочным торгом.

До конца 1858 г. для евреев была доступна еще одна социальная категория – казачество, что было связано с военной службой.

Распространение на евреев во второй половине 1820-х гг. рекрутской повинности привело к их появлению среди рядового состава и нижних чинов в армии и на флоте. Часть из них вынужденно приняла крещение, но некоторые продолжали оставаться иудеями.

Нарушение Военного либо Морского устава влекло за собой различные наказания: от телесных до отправки в части Отдельного корпуса внутренней стражи и высылки в Сибирь. Как показывает статистика, ежегодные отправки в Западную и Восточную Сибирь "порочных из нижних чинов" были достаточно многочисленными. Так, только в 1858 г. несколькими партиями было отправлено за Урал около 5 тыс.[3]. По прибытии на новое место службы они зачислялись в сибирское казачество.

Эта мера в полном объеме применялась и к направляемым сюда евреям. В том же 1858 г., по данным военного министра, во всех партиях их насчитывалось до 400 чел.[4]. Таким образом, евреи из числа военных становились казаками, получая все права и обязанности, приписанные Сибирскому казачьему войску. Надо отметить, что последнее в середине XIX в. было чрезвычайно многонациональным. Это было связано с действовавшим на тот момент законодательством, согласно которому в него могли быть приписаны представители различных конфессий, включая язычников[5].

---

[1] ПСЗ – II. Т. 33. Ч. 2. № 33702.

[2] Там же.

[3] РГИА. Ф. 1265. Оп. 13. Д. 17. Стлб. 748.

[4] Там же.

[5] Там же. Стлб. 749.

Генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев-Амурский в своем отношении на имя Сибирского комитета высказался против сохранения подобной практики, мотивируя это тем, что власти всегда стремились "сократить по возможности еврейское население в тамошнем крае, которое и без того довольно значительно от высылки евреев за преступления"[1].

Изначально Военное Министерство в лице министра Н.О. Сухозанета выступило против введения подобной меры. Основанием для этого стал именной Высочайший указ от 26 августа 1856 г., согласно которому "в отправлении рекрутской повинности [евреи] сравнены с прочими сословиями"[2]. По Высочайше утвержденному Расписанию, приложенному к приказу по военному ведомству от 22 апреля 1857 г., евреи должны были поступать в строевую службу во все войска, за исключением гвардии, а также учебных и образцовых войск[3]. Кроме того, ведомство указало и на тот факт, что в числе казаков Восточной Сибири, кроме христиан, есть мусульмане и язычники, "по сему нет достаточного повода отменять назначение порочных нижних чинов из евреев в Восточную Сибирь для обращения в казачье сословие"[4]. Таким образом, у военных не было законных оснований для отказа евреям в праве служить в казачьих частях. К тому же часть евреев, отправленных в Сибирь, уже находилась на марше. Некоторые сводные команды, как отмечалось в документах Военного Министерства, уже прошли не только Пермь, но и Тобольск.

В этой ситуации генерал-губернатор Муравьев-Амурский продолжал настаивать на введении запретительных мер. Понимая, что возвращение евреев в Европейскую часть будет стоить дорого, он предложил включить их в состав воинских частей Западной Сибири и записать в казачье сословие только тех, "которые примут крещение; что же касается до остающихся в своем законе, то они будут или употреблены на службу или приселены к какой-либо части казачьих войск, где сие окажется наиболее возможным по местным обстоятельствам"[5].

Таким образом, запретительный подход, на котором настаивал представитель сибирской администрации, оказался в противоречии с действовавшими на тот момент правовыми нормами. Правда, он действовал вполне последовательно относительно собственных взглядов на еврейский вопрос в рамках Сибири: нельзя превращать Восточную Сибирь в регион высокой концентрации евреев-правонарушителей. Это касалось, как мы видели ранее, вопроса о

---

[1] РГИА. Ф. 1265. Оп. 7. Д. 274. Л. 2.

[2] Там же. Л. 7.

[3] Там же.

[4] Там же.

[5] РГИА. Ф. 1265. Оп. 7. Д. 274. Л. 2.

равномерном распределении ссыльных между двумя частями Сибири. Это нашло свое выражение и в сословном аспекте. При этом следует указать, что Муравьев-Амурский, исходя из интересов региона, был сторонником поселения в Сибири и на Дальнем Востоке евреев из числа промышленников и торговцев для активной экономической колонизации данной территории.

Последнее слово оставалось за Сибирским комитетом, который запретил с 1859 г. отправлять нижних чинов еврейского происхождения из частей Отдельного корпуса внутренней стражи в Сибирь с зачислением их в казачье сословие[1].

Запретительные меры не были распространены на тех евреев, которые к тому моменту уже были причислены в сибирское казачество. А потому во второй половине XIX – начале XX вв. в Западной и Восточной Сибири было достаточное количество иудеев и выкрестов, записанных в это сословие. Они, соответственно, имели права и обязанности. Согласно Положению о Сибирском казачьем войске (1846 г.), "лица, однажды поступившие в войсковое сословие и их потомство, остаются в войске навсегда"[2]. Отдельно в Положении были прописаны права и преимущества казаков. Так, они имели право "в свободное от службы время производить торговлю и промышленность внутри и вне войсковых пределов" (§ 103). На них, как и прочих казаков, распространялись и обязанности, сводившиеся к содержанию в исправности дорог, мостов, гатей и перевозов на войсковых землях; выполнению местных обязанностей при переходе воинских команд, ремонтов и казенных транспортов через войсковые земли; сопровождение арестантов (§ 321).

Это Положение имело силу закона за Уралом до начала 1850-х гг. В марте 1851 г. по инициативе Муравьева-Амурского было разработано и принято Положение о Забайкальском казачьем войске[3]. В нем также была прописана норма, согласно которой лица, единожды приписанные к войсковому сословию, оставались в нем вместе с потомками навсегда (§ 12). Из этого следует, что те из евреев, которые были высланы до 1859 г. в регион и записаны в казачество, оставались в дальнейшем в этом сословии без изъятия.

В 1863 г. для евреев, в том числе проживавших в Сибири, был облегчен доступ в ряды потомственных почетных граждан. До этого момента, согласно Уставу о состояниях (ред. 1857 г.), они могли быть причислены в это сословие лишь "в особенно важных случаях, когда они принесли особенную пользу государству"[4] либо прослужив не менее 15 лет в должности

---

[1] ПСЗ – II. Т. 33. Ч. 2. № 33970.

[2] ПСЗ – II. Т. 21. Ч. 1. № 21671. С. 589.

[3] ПСЗ – II. Т. 26. Ч. 1. № 25039.

[4] Устав о состояниях. Ред. 1857 г. Ст. 597.

ученого еврея[1] при генерал-губернаторах[2]. Теперь же, по представлению Еврейского комитета, на получение потомственного почетного гражданства могли рассчитывать те из евреев, которые пробыли в первой купеческой гильдии 10 лет и во второй гильдии 20 лет[3]. Разумеется, этой нормой могли воспользоваться, в первую очередь, те еврейские купцы, которые проживали в Европейской части России, т.к. в сибирских губерниях на середину 1860-х гг. таковых не было. Но введение данной правовой нормы стало для некоторых из торговцев хорошим стимулом для изменения своего статуса посредством ведения экономической деятельности.

По-прежнему одной из многочисленных категорий сибирского еврейства являлись потомки ссыльнопоселенцев. В середине XIX в. это уже были и те, кто пришел со своими ссыльными родителями на поселение, и те, кто родился в Сибири. Как мы уже отмечали выше, они были поражены в отдельных правах в сравнении с детьми свободно проживавших в регионе евреев. Но постепенно шел процесс сглаживания различий между ними, что было, вероятно, вызвано к жизни стремлением чиновников унифицировать правовой статус евреев, чтобы не вносить дополнительную путаницу в процесс правоприменения.

В апреле 1866 г. было опубликовано Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета[4], которым были внесены изменения в права детей ссыльнопоселенцев из евреев и тех евреев, которые были сосланы на поселение без лишения прав состояния, т.е. были оставлены в своих прежних сословиях. Этим документом, принятом на основании мнения министра финансов, было разрешено указанным лицам записываться в податные сословия и купечество. По-прежнему она не была распространена на ссыльнопоселенцев.

Таким образом, к середине 1860-х гг. для значительной части еврейского населения Сибири оказались открытыми податные сословия (крестьянство, мещанство), а также купечество. Кроме того, произошло относительное облегчение получения потомственного почетного гражданства. Поражение в правах распространялось лишь на тех, кто был водворен на поселение. Но и они по истечении срока поселения получали равные с остальными права.

В последней трети XIX века в России произошел ряд событий, кардинальным образом изменивших статус немецких колонистов. Одним из таковых стала серия буржуазно-демократических реформ, которые в том числе унифицировали российское общество в

---

[1] Ученый еврей - в Российской империи название учёного-богослова, специалиста по религиозно-духовным делам иудаизма, а также должностей в системе государственного управления. С 1844 - 1917 гг. состояли при министре народного просвещения, министерстве внутренних дел, генерал-губернаторах в черте оседлости и одесском градоначальнике.

[2] Там же. Ст. 598.

[3] ПСЗ – II. Т. 38. Ч. 1. № 39158.

[4] Там же. Т. 41. Ч. 1. № 43169.

различных отношениях. Не остались в стороне и российские немцы. Это нашло свое проявление в реформе немецких колоний: 4 (16) июня 1871 года были подписаны "Правила об устройстве поселян-собственников (бывших колонистов), водворенных на казенных землях". Эти "Правила ..." вместе с прочими документами составили основу "Свода узаконений и распоряжений правительства по устройству поселян-собственников (бывших колонистов), водворенных на казенных землях"[1]. Именно этот "кодекс" теперь определял положения, на основе которых строилась внутренняя жизнь немецких колоний.

Возникает вопрос: можем ли мы распространять действие свода на колонии немцев в Сибири, Средней Азии и на Дальнем Востоке. Нам кажется, что на него можно ответить положительно, ибо эти поселения рассматривались переселенцами в качестве дочерних колоний (Tochterkolonien), связанных с прежними местами поселения (Mutterkolonien). Кроме того, на это указывает и их статус поселян-собственников, который продолжал сохраняться за ними и их потомками. В пользу этого говорит и существовавшее законодательство. Так, в марте 1865 г. Александром II было утверждено мнение Государственного Совета о лишении колонистов, самовольно переселившихся из одной губернии в другую, прав и привилегий, предоставленных колонистскому званию[2]. Организованное переселение колонистов допускалось лишь с согласия Министерства государственных имуществ, в ведении которого они находились. Те же из немцев-колонистов, кто самовольно переселялся на окраины, в том числе в Сибирь, подлежали записи в податные сословия на общих основаниях.

Накануне реформ немецкие колонисты находились в ведении Министерства государственных имуществ (МГИ). Но по новым правилам (ст. 1) они переходили в ведение общих губернских и уездных, а также местных по крестьянским делам учреждений, что переводило их в один разряд с прочим крестьянским населением империи. Согласно "Своду" все население колоний вошло в состав сельских обывателей, но причисляясь к разряду крестьян – собственников, они сохраняли личные преимущества, которыми они пользовались в дореформенное время (ст. 2). Однако были сделаны исключения: положения "Свода" не распространялись на евангелических братьев колонии Сарепты Саратовской губернии, относительно которых последовало дополнительное распоряжение.

---

[1] Свод узаконений и распоряжений правительства по устройству поселян-собственников (бывших колонистов), водворенных на казенных землях в губерниях: С-Петербургской, Новгородской, Самарской, Саратовской, Воронежской, Черниговской, Полтавской, Екатеринославской, Херсонской и Таврической и в области Бессарабской. СПб., 1871.

[2] ПСЗ - II. Т. 40. Отд. 1. № 41919.

"Свод" определил, по сути, категории населения колоний, которые принимали активное участие в общественной деятельности. Среди таковых признавались, в первую очередь, выборные должностные лица, владельцы усадеб и земельных участков в мирском наделе, владельцы усадеб и земли вне мира, а также владельцы усадьбенной оседлости и безземельные. Эти категории населения составляли сельский сход (ст. 3), который выступал в качестве органа, решавшего вопросы внутренней жизни селения. При этом необходимо помнить, что участвовать в работе схода имели право только мужчины, обладавшие недвижимостью и плативщие налоги. Это не означает, что безземельные и безусадьбные крестьяне исключались из сельского общественного управления. Они имели право принимать участие в выработке и принятии решений на сходе, но только через своих выборных представителей (один выборный от десяти взрослых работников) (п. а) ст. 4).

Разделение населения по имущественному признаку оказывало влияние на то, в решении каких общественных дел они могли принимать участие. В примечаниях к п. а) ст. 4 "Свода" указывается на то, что "причисленные к обществу поселяне, которые не участвуя в пользовании общественными землями, приобретут участки в собственность вне границ мирского надела, а также выборные от безземельных поселян …подают голос на сходе" по следующим вопросам "раскладам казенных податей и повинностей земских и общественных, при суждениях о мирских нуждах и пользах, при выборе должностных лиц и по распоряжению мирскими оброчными статьями и вообще земельными угодьями, состоящими в пользовании целого общества". Однако они не имели права принимать участие в решении вопросов, касавшихся земель мирского надела, состоящих во владении отдельных домохозяев. Все это вполне было применимо к тем переселенцам, которые в конце XIX в. оказались в Сибири и основали тут свои поселения.

В "Правилах об устройстве поселян–собственников" оговаривался порядок увольнения и причисления к обществам поселян. Анализ последующего содержания приводит к мысли, что законодатели нацелили данный процесс на постепенное "растворение" немецких поселян в общей крестьянской массе Российской империи, ибо "к обществам поселян могут быть причислены только лица, пользующиеся, лично и по состоянию, теми же правами, какие присвоены членам общества, в состав которого они приписываются" (п. а) ст. 9), тогда как увольнение в прочие категории и выход из русского подданства было возможно в течение 10 лет со дня издания "Правил" (п. б) ст. 9).

Устанавливался порядок общественного владения надельной землей. Теперь общество получало угодья во владение на основе владенной записи (ст. 17). Тем самым, поселяне – собственники из числа бывших колонистов обязаны были вносить в казну определенный

законом ежегодный платеж – государственную оброчную подать. Размер подати определялся посредством оценки угодий, если подобная оценка уже произведена, или в размере, который исчислялся следующим образом: общее количество удобной земли умножался на средний размер подати, причитающийся по разверстке в соседних селениях государственных крестьян, земли которых подходили для сравнения с колонистскими по степени доходности и местным условиям (ст. 25).

Реформа косвенным образом затронула основы землевладения и землепользования в немецких поселениях. Государство предписало обществам пустующие земли, имевшиеся в колониях, заселить в течение десяти лет за счет "выходцев из малоземельных коренных водворений" без особых приемных договоров (ст. 16).

Претерпели изменения порядки отчуждения земельной собственности. Если ранее колонист и мог продать свой участок, то только члену своего общества, чем сохранялась целостность земельного фонда поселения, то теперь, по истечении трех лет с момента издания "Правил", домохозяева и общества могли продавать в соответствие с законом земельные участки также лицам, не принадлежавшим к тому же обществу (пп. г), д) ст. 19). При этом новый владелец земельного надела приобретал вместе с землею и обязанность выплачивать государственную оброчную подать, которая на ней лежала. Введение подобной нормы значительно расширяло существовавший земельный рынок, что открывало возможности к более активному развитию капиталистических отношений в немецкой колонии через концентрацию земельной собственности в руках наиболее зажиточных колонистов.

Таким образом, "Правила об устройстве поселян–собственников (бывших колонистов)" и прочие акты, принятые в течение 70-х гг. XIX в. и включенные в "Свод узаконений и распоряжений по устройству поселян–собственников", коренным образом изменили юридический статус немецких колонистов. Они были кооптированы в крестьянскую массу империи, правда, приобретя особый статус – поселян-собственников.

Правительство стремилось законодательно сохранить их как земледельческое население, способствовавшее экономическому развитию тех регионов, в которых они проживали. В нормативно-правовых актах второй половины XIX в. мы не встречаем запретительных мер, направленных на сословную или экономическую сферу. Как и русские, малороссийские, белорусские, польские и прочие крестьяне, они могли теперь заниматься не только сельским хозяйством. Законодательное разрешение продавать принадлежавшие им земельные участки способствовало активизации сословной мобильности. Проживая в динамично развивающихся губерниях Среднего Поволжья и Новороссии, наиболее предприимчивые из них стали покупать гильдейские свидетельства, принимая активное участие в торговле сельскохозяйственным

сырьем. Социально-экономическая дифференциация, спровоцированная в немецких колониях активным процессом формирования земельного рынка, привела к обезземеливанию части колонистов, которые, стремясь сохранить свою связь с сельским хозяйством, оказались вынуждены переселяться на окраины Российской империи, в том числе в Сибирь.

В подобной форме статус немецких колонистов просуществовал фактически до начала Первой мировой войны. Даже в Сибири они стремились сохранить те традиционные общественные отношения, которые существовали в старых колониях.

Доминирование среди поляков Сибири ссыльного элемента определило их сословную принадлежность в новых местах жительства. В этот период гражданско-правовой статус каторжан и поселенцев из числа поляков определялся "Уставом о ссыльных" (ред. 1822 г.) и их положение ничем не отличалось от других.

Положение ссыльных и каторжан из числа поляков после 1830 г. зависело не только от меры наказания, но и прежнего социального статуса. Необходимо отметить, что почти 2/3 сосланных за политические преступления, по данным Максимова, принадлежали к числу дворян[1]. Так, например, немногочисленная группа участников восстания была выслана в Сибирь на поселение сроком на 5 и более лет, но без лишения сословного статуса и конфискации имущества. По истечении срока поселения они имели возможность поселиться в губерниях Европейской России. Эта мера затронула, в первую очередь, знатное шляхетство. Но численность их была незначительной.

Более многочисленной была другая категория сосланных. В нее входили поселенцы, ранее принадлежавшие к различным сословиям (шляхетству, мещанству, крестьянству), но лишенные состояния и приговоренные к конфискации имущества. По своему статусу данная категория была наиболее ущемленной в правах, а положение этой группы поселенцев было наиболее тяжелым в Западной Сибири, где, по данным Максимова, "им не позволяли, по силе закона, выезжать за предел 10 верст от деревни или города, в которых указано их водворить"[2]. Но бывшие шляхтичи оказались в этой массе в более привилегированном положении, что отразилось в получении ими от правительства денежных сумм в размере 57 руб. ежегодно, а старики и калеки могли рассчитывать на сумму в 114 руб. в год[3]. Правда, получали причитающиеся им деньги поляки с большим трудом. Постоянная зависимость от благосклонности губернских властей, в воле которых было выплатить пособие или нет,

---

[1]. Максимов С.В. Указ. соч. С. 342.

[2]. Там же.

[3]. Там же.

нивелировало их условное превосходство над бывшими мещанами и крестьянами, которые таковых пособий не были удостоены.

"Устав о ссыльных" в его многочисленных редакциях подробно регламентировал положение ссыльных. Так, предписывалось водворять поселенцев в селениях старожилов либо во вновь образованных казенных поселениях (ст. 673)[1]. В более выгодном положении оказывались те из сосланных, которые были распределены в старожильческие селения. Старожилы имели право взять такого поселенца на жительство, получая за него в течение четырех месяцев полплаката арестантского содержания (ст. 677). Размер так называемой арестантской дачи (денежное содержание арестанта в сутки) ежегодно пересматривался Министерством финансов[2], а потому не был фиксированным.

Администрация была заинтересована в прикреплении поселенцев к новому месту жительства любой ценой. Так, поселянам, вступившим в брак, полагалось выплатить в случае женитьбы на ссыльной 15 руб. серебром на домообзаводство безвозмездно и такую же сумму в виде ссуды на общих основаниях (ст. 766). Женщины же свободного состояния в случае брака с ссыльным получали поощрение в сумме 50 руб. серебром (там же).

Срок пребывания в разряде поселенцев был определен в 10 лет (ст. 682). Лишенные права состояния и сосланные в административном порядке получали возможность по отбывании определенного срока причислиться в разряд государственных крестьян. Однако возвращение на прежнее место жительства в Европейскую Россию бывшим поселянам был запрещен. "Устав о ссыльных" (изд. 1857 г.) определил, что лица, вышедшие из разряда ссыльнопоселенцев, "имеют свободу водвориться, где пожелают, по всем Сибирским губерниям и областям, кроме так называемой Сибирской линии и областей Семипалатинской и Сибирских киргизов, как в городах, так и в селениях, с ведома и разрешения местного начальства" (ст. 728).

Истечение срока пребывания в разряде поселенцев не приводило к автоматической смене гражданско-правового статуса. В разделе "О содержании ссыльных в местах назначения" "Устава о ссыльных" была прописана норма обязательной приписки к какому-либо из крестьянских обществ. Иначе и быть не могло, т.к. освобожденный вновь переходил в податное состояние и обязан был платить как общегосударственные, так и местные подати и повинности в полном объеме. Для включения в разряд государственных крестьян необходимо было получить письменное согласие на то конкретного крестьянского общества (ст. 734). В дальнейшем приемный приговор фиксировался у местного начальства и передавался в

---

[1]. Устав о ссыльных // Свод законов Российской империи. Т. XIV. СПб., 1857.

[2]. Кононова Л.П. Участники польского восстания 1863-1864 гг. в архангельской ссылке // http://do.gendocs.ru/docs/index-316193.html (Электронный ресурс. Режим доступа 22.03.2013 г.).

губернскую Казенную палату для включения новоявленного общинника в расклад податей. Но и за сам приемный приговор кандидат должен был заплатить значительную сумму. Некоторые сибирские историки отмечали "дороговизну приемных приговоров"[1].

Кроме того, для отбывших ссылку, но не получивших право вернуться на прежнее место жительства, была открыта возможность записаться в мещанство либо заниматься торговой деятельностью. Правда, разрешение на причисление в эти сословия зависело от благосклонности местных властей: в течение 10 лет поселенцы должны были "не нарушать ничем благонамеренности, не провиниться перед начальством"[2].

Исключение вчерашних шляхтичей, мещан, крестьян из своих сословий изменило их фискальные отношения с государством. По прибытии в Сибирь и водворении на новом месте жительства на них распространялись особые налоговые положения. Так, в первое трехлетие они были освобождены от уплаты всех податей, а в последующие семь лет они должны были уплачивать половинный оклад подушных и оброчных денег. Правда, местные земские и волостные подати на них не возлагались. Другой особенностью налоговой политики в отношении поселян было взимание с них ежегодно 15 коп. серебром в так называемый экономический капитал ссыльных, средства из которого направлялись на содержание старых и увечных ссыльных (ст. 751).

Гражданско-правовой статус поляков, сосланных в Сибирь по суду или в административном порядке во второй половине XIX в., в целом соответствовал дореформенному периоду. Основная масса поляков была приговорена к каторге и поселению. Это означало, что они были лишены по суду принадлежности к своим сословиям. В дальнейшем их положение определялось статьями "Уложения о наказаниях" и "Устава о ссыльных" в более поздних редакциях.

По-прежнему для поселян законодательно был открыт доступ лишь в две категории: крестьянство и мещанство. Уже в 1866 г. полякам наряду с прочими поселенцами было разрешено после пребывания в ссылке не менее пяти лет приписываться к местным сельским обществам, а по прошествии десяти лет – в мещанские общества сибирских городов[3]. В то же время сохранялся запрет на приписку к купеческим обществам. В дальнейшем (1868 г.) был отменен временной ценз, связанный с проживанием в Сибири политических преступников, осужденных до 1 января 1866 г. Это в полной мере было распространено на поляков,

---

[1]. Соловьева Е.И. Промыслы сибирского крестьянства в пореформенный период. Новосибирск, 1981. С. 72.

[2]. См., напр.,: Устав о ссыльных // Свод законов Российской империи. Т. XIV. СПб., 1857. Ст. 735; Максимов С.В. Указ. соч. С. 342.

[3]. ПСЗ - II. Т. 41. Ч. 1. № 43784.

приговоренных к поселению в сибирских губерниях. На основании п. 2 Указа "О даровании облегчения осужденным до 1 января 1866 года политическим преступникам", поляки, как и прочие поселенцы, отвечающие указанному требованию, автоматически зачислялись в разряд "государственных поселян" с предоставлением им права в соответствии со ст. 735 "Устава о ссыльных" проживать в городах и заниматься ремеслом и промышленностью. Правда, они по-прежнему были поражены в гражданских правах и не имели возможности участвовать в выборах и быть избираемыми в общественную службу[1].

Подобного рода послабления не означали начало массового перехода из разряда поселян в число государственных крестьян либо мещан. Подобный переход был сопряжен не только с изменением правового статуса, но и фискальных взаимоотношений между подданным и государством. На новоявленного крестьянина или мещанина по истечении срока пребывания в положении поселянина возлагались соответствующие подати и повинности, которые были выше. В том же случае, когда поселянин досрочно переходил в более высокую сословную категорию, он обязан был платить не только соответствующие налоги, но и уплачивать в течение определенного срока своего рода компенсацию в размере 15 коп. серебром в год в экономический капитал ссыльных (ст. 743)[2]. Далеко не все желающие имели возможность платить повышенные подушный и окладные сборы.

Таким образом, подавляющая часть еврейского, немецкого и польского населения Западной Сибири к началу XX в. принадлежала к крестьянскому и мещанскому сословиям. Купечество как сословие, сосредоточенное на торговле, к этому моменту потеряло свое значение. Законодатель изменил систему осуществления торговых операций: достаточно было ежегодно приобретать соответствующее гильдейское (до 1898 г.) или промысловое (с 1899 г.) свидетельство[3]. Принадлежность к купеческому сословию в начале XX в., скорее, - стремление выделиться из общей массы, заявить о собственной особенности.

Как бы то ни было, принадлежность к тому или иному сословию в России XIX - начала XX в. определяла права в хозяйственном отношении. Наибольший вклад в регламентацию этого вопроса внесла Екатерина Вторая, издав Жалованные грамоты дворянству и городам в 1785 г. Эти документы не только стали последней точкой в складывании в Российской империи сословной структуры общества, но и на десятилетия вперед определили характер экономической жизни страны.

---

[1]. Там же. Изд. II. Т. 43. Ч. 1. № 45898.

[2]. Устав о ссыльных // Свод законов Российской империи. Т. XIV. СПб., 1857.

[3] Старцев А.В., Гончаров Ю.М. История предпринимательства в Сибири (XVII - начало XX в.). Барнаул, 2002. С. 75.

Выше мы уже отмечали, что хозяйственные занятия еврейского населения были первоначально регламентированы Положением 1804 г., в котором ремесленники и купцы из иудеев были приравнены к прочему населению страны. В одной из статей, в частности, говорилось, что "никакая ремесленная или цеховая Управа ни под каким видом не должна им [евреям] в этом препятствовать"[1]. Так как в документе говорилось, что разрешительные нормы распространяются на те губернии, в которых евреям разрешено проживание, то они распространялись изначально и на сибирские губернии.

Но уже в 1819 г. последовало одно из первых ограничений, связанных с винокурением и производством хлебных водок[2]. В межведомственной переписке возник вопрос об использовании евреев в качестве мастеров на винокуренных заводах в российских губерниях. Сперанский, бывший в тот момент Пензенским губернатором, указывал, что вольных винокуров помещикам найти очень сложно, а потому они пользуются услугами евреев-винокуров, которые наняты одновременно на два-три крупных предприятия. В условиях, когда питейный сбор являлся одной из важных составляющих государственного бюджета, препятствовать процессу его развития было недопустимо. На этом основании министр финансов Д.А. Гурьев предложил временно допустить евреев к винокуренному производству в российских губерниях. Правда, временный характер в документе был регламентирован достаточно расплывчато: он действовал до "усовершенствования русских мастеров"[3]. Это давало заводчикам возможность как расторгать контракты с неугодными мастерами, так и продлять их сколь угодно, мотивируя это отсутствием винокуров из числа русских. Однако в 1826 г. последовал запрет на привлечение евреев в качестве мастеров на винокуренные заводы в великороссийских губерниях[4].

Положение сенатского указа 1819 г. автоматически распространялось на сибирские губернии. Однако в регионе возникли серьезные проблемы с винокурами. Губернаторы предпринимали неоднократные попытки найти мастеров из евреев в губерниях за чертой оседлости (Симбирской, Вятской и др.). Однако немногочисленные мастера отказывались поступить на службу в Сибирь. В 1827 г. винокуры из евреев г. Орши Лейба и Яков Давыдовы согласились поступить на службу в Иркутские заводы. Вступивший годом раньше запрет, потребовал личного вмешательства Николая I, который разрешил Давыдовым служить в Сибири последующее трехлетие[5].

---

[1] ПСЗ - I. Т. 28. № 21547.

[2] ПСЗ - I. Т. 36. № 27795.

[3] ПСЗ - I. Т. 36. № 27795.

[4] ПСЗ - II. Т. 1. № 86.

[5] ПСЗ - II. Т. 2. № 1355.

Тема сибирского винокурения применительно к евреям в дальнейшем будет возникать неоднократно. Политика государства, как мы увидим, будет непоследовательной: от допущения евреев в отрасль до их полного исключения из нее. Для того, чтобы представлять себе этот процесс, обозначим основные законодательные вехи.

В 1842 г. евреям было запрещено курить вино, но разрешалось изготовления водок из купленного вина. В 1843-1847 гг. им было разрешено курить вино в городах, в которых функционировала система акцизных сборов на крепкие напитки[1]. Этой нормой был сохранен запрет на еврейское винокурение в Сибири. Реформированная в 1846 г. откупная система оставила за рамками евреев, не допустив их в сибирских губерниях к участию в комиссионерстве[2].

В 1854 г. питейное ограничение получило свое дальнейшее распространение. Теперь оно нашло свое отражение в Положении о продаже вина в Сибири в течение 1855 - 1859 гг. Этим документом евреям было разрешено ведение питейной торговли с одобрения местного начальства лишь в тех городах, к обществам которых они были приписаны[3]. В этом же положении были прописаны категории населения, которые могли быть привлечены к различным работам по торговле. Особо указывалось, что могут быть привлечены ссыльные, но лишь те из них, которые были направлены в Сибирь для жительства. Правда, исключение было составлено для ссыльных евреев. Таким образом, власти дозировано допускали евреев к виноторговле.

Но на фоне относительной либерализации законодательный запрет на еврейское винокурение в Сибири сохранялся до 1863 г., когда произошли определенные изменения в государственной политике. В 1861 г. было утверждено новое Положение "О питейном сборе", в котором было указано, что "ст. 107. Из частных лиц правом на винокурение пользуются: <...> в) В губерниях и областях Сибирских: лица всех состояний без исключения"[4]. Варение пива в регионе было разрешено дворянам, чиновникам, купцам трех гильдий, мещанам и крестьянам, имевшим торговые свидетельства (ст. 112)[5]. Акцизная реформа, по оценкам современных исследователей, имела большое значение: казна получила дополнительный доход, были созданы условия для развития частного предпринимательства в отрасли[6].

---

[1] ПСЗ - II. Т. 18. № 16416.

[2] ПСЗ - II. Т. 21. № 20051.

[3] ПСЗ - II. Т. 29. № . 27954.

[4] ПСЗ - II. Т. 36. Отд. 2. № 37197.

[5] ПСЗ - II. Т. 36. Отд. 2. № 37197.

[6] Бойко В.П. Купечество Западной Сибири в конце XVIII - XIX вв.: Очерки социальной, отраслевой и ментальной истории. Томск, 2009. С. 105.

Казалось бы, нововведение затронуло все свободное население региона без каких бы то ни было национальных и конфессиональных ограничений. Однако на евреев оно не распространялось, т.к. продолжали сохранять силу закона положения 1820-х гг. Потребовалось разработать отдельный акт, который дал возможность евреям вернуться в вино- и пивоварение в России и Сибири в частности. Только в марте 1863 г. Александр II утвердил мнение Государственного Совета, высказавшегося за разрешение евреям арендовать винокуренные заводы и осуществлять питейную торговлю[1]. Опять же данный шаг был полумерой. С одной стороны, власти разрешали евреям заниматься винокурением и торговлей готовой продукцией. Но, с другой стороны, евреи по-прежнему не могли выступать в качестве собственников заводов, и действие закона распространялось только на места их постоянного проживания. Это, несомненно, сдерживало развитие данной отрасли. В 1865 г. было подтверждено право евреям заниматься питейной торговлей в Сибири[2].

В 1887 г. власти вновь вернулись к запретительной политике в сфере еврейской виноторговли. Этому способствовала монополизация отрасли еврейскими предпринимателями. Устраивая "стачки", они играли на повышение цены на продукцию винокуренных заводов и получали от этого большие барыши. Стремясь к контролю над этим сегментом рынка, власти вынуждены были заявить о незаконности продажи крепких напитков евреями. Своего рода катализатором стали, как отмечали В. Войтинский и А. Горнштейн, разногласия в Первом Департаменте Сената, возникшие при рассмотрении жалобы купчихи-еврейки на право виноторговли в Иркутской губернии[3]. Рассмотрение дела было передано в Государственный Совет.

Мнение Государственного Совета от 16 февраля 1887 г. касалось, с одной стороны, признания Сибири территорией, на которой евреям проживать разрешено, но которая не включена в общую черту оседлости в соответствии с Уставом о паспортах; с другой стороны, оно объявляло на основании Устава о пошлинах и Устава о питейном сборе вне закона участие евреев в виноторговле в соответствии с действовавшим законодательством[4]. Несомненно, это стало новой трактовкой законодательства. В этой ситуации не был принят во внимание даже упомянутый выше акт 1865 г.

Нужно отметить, что первоначально запрет вводился на виноторговлю для евреев в Восточной Сибири. Вероятно, ситуация не получила бы своего дальнейшего развития, не

---

[1] ПСЗ - II. Т. 38. Отд. 1. № 39998.

[2] ПСЗ - II. Т. 40. № 41774.

[3] Войтинский В., Горнштейн А. Евреи в Иркутске... С. 23.

[4] ПСЗ - III. Т. 7. № 4239.

вмешайся в нее Министр финансов И.А. Вышнеградский и Министр внутренних дел Д.А.Толстой. По их решению евреи не могли заниматься не только виноторговлей, но и винокурением, а также производством дрожжей. Дальнейшее решение вопроса было перенесено на губернский уровень.

В июле 1887 г. Томское Губернское Правление приняло решение о распространении норм Мнения Государственного Совета от 16 февраля 1887 г. на Томскую губернию. Кроме того, был введен запрет на занятие евреями любых должностей на винокуренных, водочных заводах и в питейных заведениях. С этой целью 24 июля того же года Томскому и Колыванскому полицмейстерам и окружным исправникам было поручено предоставить в двухнедельный срок предоставить списки и сведения о винокурах и виноторговцах, а также приступить к исполнению запретительного предписания[1]. По данным, представленным Томским полицмейстером последнее должно было привести к закрытию только в Томске 2 пивоваренных заводов (владельцы М. Рейхзелигман и Б. Фуксман), 1 водочного завода (владелец О.Л. Фуксман), 2 ренсковых погребов, 19 питейных заведений, 2 винных складов, 3 оптовых винных складов, 5 трактиров[2].

С 1888 г. евреи могли выступать лишь в качестве арендаторов предприятий, что породило систему подставных лиц в качестве формальных собственников. Об этом будет сказано в соответствующем разделе.

Значительный удар по винокуренной отрасли был нанесен с началом Первой мировой войны, когда был введен запрет на продажу спиртных напитков. В результате этого предприниматели независимо от национальности понесли существенные убытки.

Торговля наряду с винокурением являлась одной их традиционных сфер деятельности еврейской диаспоры. В 1824 г. был нанесен еще один удар по экономическому благосостоянию евреев, занимавшихся в прежние годы торговлей. Нововведение в Положении "Об устройстве гильдий и торговле прочих состояний" касалось, в первую очередь, купцов 3-й гильдии. Одна из основных сфер, занимавшихся еврейскими купцами, - разносная торговля. Новые правила устанавливали запрет на торговлю на дому и в разнос в местах временного проживания купцов[3]. В качестве наказания за нарушение этой нормы предусматривалась конфискация товара на основании Таможенных правил. Справедливости радо нужно отметить, что эта норма не была направлена только против еврейских торговцев, но в соответствующей статье они были выделены особо.

---

[1] ГАТО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 1839. Л. 1 об. - 2.

[2] ГАТО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 1839. Лл. 15 об. - 26 об.

[3] ПСЗ - I. Т. 39. № 30115.

Проект 1836 г. по перемещению еврейского населения в Тобольскую губернию и Омскую область предполагал переведение его на положение земледельцев. Правда, проект по образованию еврейских земледельческих колоний во многом был обречен на провал, что можно объяснить преобладанием среди евреев ремесленного и торгового населения в польских и белорусско-литовских губерниях. Так, в Плоцкой губернии из 63050 евреев о.п. 48020 душ о.п. или 76,2% проживало в городах[1]. В Минской губернии из 97,5 тыс. евреев только 839 или менее 1% во второй четверти XIX в. занималось сельским хозяйством[2]. Бросается в глаза высокая доля евреев среди купечества: в Люблинской губернии – 97,4%[3], в Плоцкой – 95,8%[4], в Варшавской – 84,5%[5]. В их руках оказался контроль за торговлей хлебом, скотом. В Брестском уезде Гродненской губернии 3 купца-еврея фактически держали монополию на вывоз зерна к портам Балтийского моря[6]. При этом составители обзоров обратили внимание на следующий факт. В той же Гродненской губернии годовой торговый оборот составлял не менее 9 млн. руб., в то же время городскими и уездными купцами были объявлены крайне низкие суммы: 590 тыс. и 150 тыс. руб., что заставляло усомниться в справедливом объявлении купцами капиталов, которыми они производят свою торговлю[7]. Кроме того, в руках евреев оказалась вся мелочная торговля колониальными товарами. Они же держали кабаки, шинки, постоялые и заезжие дворы на шляхах и в городах[8]. Естественно, что общество с подобной социальной структурой не могло превратиться в одночасье в земледельческое. К тому же Россия уже имела печальный опыт образования немецких колоний в Поволжье, среди жителей которых неземледельческий элемент длительное время преобладал, что вело к его обнищанию в условиях, когда ставка была сделана на развитие сельского хозяйства.

---

[1] Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. X V. Ч. 2. Плоцкая губерния / Сост. Крузе. СПб.: Тип. Деп. Ген. Штаба, 1849. Табл. 3, 4. Подсчет наш.

[2] Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. IX. Ч. 4. Минская губерния / Сост. Стрен. СПб.: Тип. Деп. Ген. Штаба, 1848. Ведомость 2. Подсчет наш.

[3] Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. XV. Ч. 4. Люблинская губерния / Сост. Витковский. СПб.: Тип. Деп. Ген. Штаба, 1851. Табл. 3. Подсчет наш.

[4] Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. X V. Ч. 2. Плоцкая губерния / Сост. Крузе. СПб.: Тип. Деп. Ген. Штаба, 1849. Табл. 3, 4. Подсчет наш.

[5] Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. XV. Ч. 3. Варшавская губерния / Сост. Астафьев. СПб.: Тип. Деп. Ген. Штаба, 1850. Табл. 4. Подсчет наш.

[6] Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. IX. Ч. 3. Гродненская губерния / Сост. Калмберг. СПб.: Тип. Деп. Ген. Штаба, 1849. С. 106.

[7] Там же. С. 90-91.

[8] Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. XV. Ч. 4. Люблинская губерния / Сост. Витковский. СПб.: Тип. Деп. Ген. Штаба, 1851. С. 189.

Запрет на переселение евреев в Сибирь 1837 г. во многом обозначил запрет на приобретение евреями земли. В дальнейшем были определены категории евреев, которые имели право на приобретение земли в сибирских губерниях. К таковым, в первую очередь, были отнесены бывшие кантонисты (так называемые "николаевские солдаты") и их дети. Но, как показывала практика, чиновники не особо способствовали получению ими земельных наделов. После русско-японской войны 1904-1905 гг. власти на непродолжительное время разрешили евреям из числа солдат и нижних чинов, участвовавших в боевых действиях, приобретать земли повсеместно в Российской империи, в том числе и Сибири. Однако этим правом они могли воспользоваться непродолжительное время, т.к. был вновь восстановлен запрет на приобретение евреями земель сельскохозяйственного назначения. Однако это не отвергало факт занятия евреев земледелием: свои наделы они получили будучи причисленными в качестве государственных крестьян к сельским обществам.

Таким образом, хозяйственная деятельность еврейского населения в Западной Сибири на протяжении XIX - начала XX в. подвергалась постоянной регламентации. Законодательство носило чаще всего запретительный либо частично разрешительный характер. Все это можно объяснить той политикой, которая была характерна для временного периода. Например, вторая четверть XIX в., характеризовавшаяся стремлением чиновников удалить евреев из Сибири, отмечена запретами на различные виды деятельности в сфере промышленности и торговле.

Сословный состав немецкого населения в России и Сибири в частности определил основные сферы хозяйственной деятельности. Так как подавляющая масса немцев в России колонисты, они были связаны с сельским хозяйством. Законодательную основу в этом отношении составили нормативные акты времен Екатерины Второй, которые в дальнейшем были приспособлены к экономическим реалиям первой половины XIX в. В своих правах и обязанностях поселян-собственников немцы были близки к государственным крестьянам.

На протяжении большей части XIX в. в России сохранялось патерналистское отношение власти к немцам-поселянам. Однако начавшаяся общественно-политическая и экономическая модернизация способствовали уравниванию всех групп населения.

Хозяйственные занятия немногочисленных немцев, сосланных в Сибирь, регламентировались Уложением о ссыльных. Так же как и прочие, они должны были 8 лет отработать на казенных предприятиях, после чего переводились на положение ссыльнопоселенцев, приписанных к сельским обществам старожилов. Те десятки немцев, которые оказались в этом состоянии, должны были заниматься сельским хозяйством. Но каких бы то ни было специальных законодательных актов в этом отношении принято не было.

Надо сказать, что уже в 1890-е гг. в общественном мнении начал формироваться отрицательный образ немца-колониста. Динамичное развитие капитализма в сельском хозяйстве привело на рубеже веков к высокой степени концентрации земли в некоторых губерниях (Екатеринославская, Таврическая, Херсонская и др.) в руках немецких поселян-собственников. Например, в губерниях Новороссии доля немецкого землевладения выросла с 10% (2,3 млн. дес.) в 1890 г. до более чем 17% (3,8 млн. дес.) в 1912 г., в поволжских губерниях в период с 1897 по 1914 г. земельная собственность бывших колонистов увеличилась с 1,2 до 2 млн. дес.[1]. По современным оценкам к началу Первой мировой войны в руках немецких крестьян в России оказалось от 9 млн.[2] до 10 млн. дес.[3]

Совокупность принципов меркурианства и протестантской этики способствовала возникновению высокого уровня благосостояния в немецких колониях Юга России относительно проживавшего рядом русского или малороссийского крестьянства. Неспособность противостоять нарастающему влиянию немцев в сельском хозяйстве, отраслях перерабатывающей промышленности толкало конкурентов к использованию неэкономических методов сдерживания, в том числе административных и политических.

"Грюндерская горячка" в Германии и Австро-Венгрии в 1870-х гг. протекала на фоне развивающейся индустриализации. Экономический рост в этих странах требовал поиска новых рынков сырья, сбыта и дешевой рабочей силы. Западные приграничные губернии Российской империи стали объектом пристального внимания зарубежных предпринимателей. Германский капитал начал активно вкладываться в строительство фабрик и заводов, железных дорог в Царстве Польском. Так, только в 1880 г. общий объем германских капиталовложений в русскую экономику составил 29,8 млн. руб. золотом, что вывело Германию на третье место по этому показателю после Франции (31,4 млн. руб.) и Англии (30,1 млн. руб.)[4].

Одним из привлекательных районов стал Домбровский угольный бассейн, стимулировавший индустриальное развитие польских губерний. На протяжении 1869 - 1887 гг. Германия вложила только в горнопромышленные предприятия более 6 млн. руб.[5], что способствовало появлению новых заводов и шахт и модернизации уже существовавших.

---

[1] Лор Э. Русский национализм и Российская империя: кампания против "враждебных подданных" в годы Первой мировой войны. М., 2012. С. 107.

[2] Лор Э. Русский национализм и Российская империя: кампания против "враждебных подданных" в годы Первой мировой войны. М., 2012. С. 107.

[3] Бахмутская Е.В. Немецкие колонисты // Немцы в России. Т. 2. М., 1999.

[4] Оль П.В. Иностранные капиталы в народном хозяйстве дореволюционной России. Л., 1925. С. 15. Подсчет наш.

[5] Оль П.В. Иностранные капиталы в народном хозяйстве дореволюционной России. Л., 1925. С. 20. Подсчет наш.

Для подавляющего большинства в шовинистически настроенных кругах выход виделся, в первую очередь, в ликвидации иностранной (в том числе немецкой) собственности в России. При этом все прекрасно понимали, что осуществить экспроприационные мероприятия достаточно сложно. Одна из первых попыток в этом направлении на законодательном уровне была предпринята в 1887 г., когда были введены ограничительные меры в губерниях Западного края.

Уже в преамбуле документа указывается его преемственность с проводимым курсом, направленным "к укреплению на западных окраинах Империи русского землевладения"[1]. Здесь же был определен и временный характер вводимых ограничительных мер. Правда, законодатель не оговорил срок их действия.

Вообще, в тексте указа нет указаний на конкретные национальные группы, против которых он направлен. В документе использован достаточно общий термин "иностранные подданные", под который могли быть подведены все нерусские, проживавшие на обширной территории Польши, Прибалтики, Белоруссии, Западной Украины. Негативная реакция, последовавшая на появление законопроекта, заставила его разработчиков распространить его на иностранцев и тех, кто принял российское подданство до издания данного закона[2]. Это было единственное послабление в рамках политики русификации в этом конкретном случае. Данный шаг имел и другое объяснение. К концу XIX в. нерусское население западных губерний и Прибалтики оказалось чрезвычайно глубоко интегрировано в различные отрасли местной экономики. Его исключение из экономической жизни привело бы к глубочайшему кризису, который мог затронуть всю Россию.

Предметный анализ текста указа приводит нас к следующему выводу: он был направлен на ограничение не только в сфере землевладения. В поле его исполнения оказалось любое "недвижимое имущество", а потому эффект от его воплощения на практике потенциально затрагивал не только сельское хозяйство, но и прочие отрасли экономики макрорегиона: промышленность, транспорт, торговлю, сферу услуг.

Реализация закона на практике имела противоречивые последствия. С одной стороны, русские землевладельцы и предприниматели смогли укрепить свои позиции в региональной экономике, значительно сократив присутствие в ней иностранцев, в первую очередь, евреев, немцев и поляков. Это произошло в результате скупки по заниженным ценам различного недвижимого имущества: от земельных участков до промышленных предприятий. С другой стороны, был нанесен ущерб аграрному сектору, часть немцев предпочла эмигрировать из

---

[1] ПСЗ РИ - III. Т. VII. № 4286.

[2] ПСЗ РИ - III. Т. VII. № 4286.

России за Океан. В последующее десятилетие наблюдался отток германского капитала из целого ряда отраслей русской промышленности. Так, в 1887 - 1897 гг. только из горнопромышленной отрасли убыло почти 7 млн. руб. золотом, пик процесса пришелся на 1890 г. (- 4,7 млн. руб.)[1]. Это были наибольшие показатели: за тот же период отток французского капитала составил в отрасли 4,9 млн. руб., а английского лишь 0,6 млн. руб.[2].

Уже в 1892 г. запретительные действия получили свое развитие в Волынской губернии на внутриведомственном уровне. Теперь "временные правила" распространялись в целом на лиц "нерусского происхождения", охватывая не только колонистов, но также проживавших здесь поляков и евреев. Это еще более стимулировало эмиграцию[3]. Этому способствовало и предоставление всем желающим бесплатных эмиграционных свидетельств без какой-либо бюрократической волокиты[4]. Отличием данного указа от аналогичного запретительного акта рассмотренного выше было не только ограничение его деятельности границами конкретной губернии. Обращает на себя внимание стремление властей не допустить к поселению на Волыни даже русских подданных иностранного происхождения. Единственным способом получения лицами нерусского происхождения недвижимого имущества было признано его получение по наследству[5].

Несмотря на то, что география распространения данных запретительных указов не затрагивала Сибирь, его реализация отразилась и на этом регионе, т.к. часть евреев, немцев, поляков, лишившаяся своего имущества в западных губерниях, предпочла остаться в России, переселившись в азиатскую часть страны, в том числе западносибирские губернии.

В фактическое нераспространение немецкого землевладения на Урале и в Сибири в начале 1900-х гг. включились кредитно-финансовые учреждения в лице Министерства финансов и Крестьянского банка. В июле 1900 г. уфимский губернатор Н.М. Богданович в своем письме А.В. Кривошеину, занимавшему на тот момент пост помощника Начальника Переселенческого Управления, отмечал, что "конфиденциальным разъяснением Банка [Крестьянского Банка] местному Отделению было предложено отклонять ходатайства о ссуде этому разряду переселенцев (речь идет о немецких переселенцах из Таврической губернии – В.Ш.)"[6]. О подобной позиции, занятой руководством Крестьянского Банка, в Переселенческом

---

[1] Оль П.В. Иностранные капиталы в народном хозяйстве дореволюционной России. Л., 1925. С. 22. Подсчет наш.

[2] Оль П.В. Иностранные капиталы в народном хозяйстве дореволюционной России. Л., 1925. С. 22. Подсчет наш.

[3] Бахтурина А.Ю. "Лучше пусть немцы разорятся, чем будут шпионить": немцы-колонисты и российское общество в годы "Германской" войны // Новый исторический вестник. 2013. № 35. С. 7.

[4] ПСЗ РИ - III. Т. XII. № 8420.

[5] ПСЗ РИ - III. Т. XII. № 8419.

[6] РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 754. Л. 4.

Управлении не были извещены. Тот же Кривошеин ссылался в своем письме к Богдановичу от 3 июля 1900 г. на "дошедшие до МВД сведения"[1].

Основанием для подобного решения вопроса стало принятое несколькими годами ранее решение министра финансов о деятельности Крестьянского Банка в Привислинском крае. Тогда было заявлено, что "право на получение ссуд из Банка предоставляется только русским подданным русского, польского или литовского происхождения, так как иначе … могли бы ходатайствовать о ссудах иностранные колонисты, принявшие русское подданство, и евреи, между тем как воспособление к приобретению земель сего рода лицами не входит в виды правительства"[2].

О сложившейся ситуации Кривошеин вынужден был доложить своему непосредственному начальнику В.И. Гиппиусу. Однако на антинемецких позициях оказался и министр внутренних дел Д.С. Сипягин, стоявший на защите русской государственности и православия, который, по словам Начальника Переселенческого Управления, "решительно высказался в смысле нежелательности удовлетворения подобного рода ходатайств немцев-колонистов"[3], что ставило их в неравные условия с прочим крестьянским населением страны, принявшим участие в переселении.

Антинемецкая компания в России привела к тому, что с появлением так называемых "ликвидационных законов" в феврале 1915 года были ограничены некоторые гражданские права "германских выходцев". В частности, обществам, образованным из германских выходцев и их потомков, запрещалось в соответствии с законом "О землевладении и землепользовании некоторых разрядов состоящих в русском подданстве австрийских, венгерских или германских выходцев"[4] "совершение всякого рода актов о приобретении права собственности, права залога, а также прав владения и пользования недвижимыми имуществами, отдельного от права собственности, равно как участие в публичных торгах на указанные имущества"[5].

Более жесткое законодательство появляется в отношении колонистов, проживающих в приграничной с Германией и Австро-Венгрией 150-тиверстной полосе. Это было связано с появлением закона "О прекращении землевладения и землепользования австрийских,

---

[1] Там же. Л. 1.

[2] РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 754. Л. 17.

[3] РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 754. Л. 11.

[4] Закон о землевладении и землепользовании некоторых разрядов состоящих в русском подданстве австрийских, венгерских или германских выходцев / История российских немцев в документах (1763 – 1992 гг.). Под ред. В.И. Аумана, В.Г. Чеботаревой. М., 1993. С. 36 – 38.

[5] Там же. С. 37.

венгерских или германских выходцев в приграничных местностях"[1]. У колонистов, согласно закону, надлежало отчудить по добровольным соглашениям недвижимые имущества, находящиеся вне городских поселений и "принадлежащие товариществам и отдельным лицам, как на праве собственности, так и на иных вотчинных правах пользования и владения, каковы, например, чиншевое право, право застройки, наследственной аренды, за исключением лишь разного рода пожизненных прав пользования и владения, возникших до 1 ноября 1914 года"[2]. Насильственному отчуждению подвергались не только земли, но также промышленные и торговые предприятия. Особенно много промышленных предприятий было передано в новые руки в промышленной зоне Украины[3]. В случае добровольного неотчуждения указанного имущества в определенный срок (от шести месяцев до одного года), оно подлежало продаже с публичных торгов.

Первоначально эти узаконения были распространены на немецких колонистов, состоящих в указанных выше обществах, проживающих в Царстве Польском, "владеющих землею в пределах, предусмотренных в статье 63 Устава Крестьянского Поземельного Банка, издания 1912 года и по быту своему не отличающихся от русского крестьянства"[4], перешедших в русское подданство после 1 января 1880 г. Правда, власти в данном акте оговорили категории, на которые положения закона не распространяли свое действие. К таковым относились принадлежащие к православию от рождения или принявшие его до 1 января 1914 года, доказавшие участие свое или одного из своих восходящих или нисходящих по мужской линии в боевых действиях русской армии или русского флота против неприятеля в звании офицера или добровольцев либо вдовам, принадлежавшим к перечисленным выше категориям.

В декабре 1915 г. действие ликвидационного законодательства было распространено на прочие территории Российской империи, о чем свидетельствую положения закона "О распространении на некоторые местности Империи действия ограничительных в отношении землевладения и землепользования неприятельских выходцев узаконений" [5]. Анализ закона

---

[1] Закон о прекращении землевладения и землепользования австрийских, венгерских или германских выходцев в приграничных местностях/ История российских немцев в документах (1763 – 1992 гг.). Под ред. В.И. Аумана, В.Г. Чеботаревой. М., 1993. С. 38 - 40.

[2] Там же. С. 39.

[3] Кулинич І.М., Н.В. Кривець. Нариси з історії німецьких колоній в Україні. К., Ін-т історії України, 1995. С. 183.

[4] Там же.

[5] Закон о распространении на некоторые местности Империи действия ограничительных в отношении землевладения и землепользования неприятельских выходцев узаконений / История российских немцев в документах (1763 – 1992 гг.). Под ред. В.И. Аумана, В.Г. Чеботаревой. М., 1993. С. 52 – 54.

позволяет заявить со всей ответственностью, что он затронул все территории, на которых проживали поселяне – собственники (бывшие колонисты), в том числе и Томскую губернию.

Единственной группой немецких колонистов, на которых ликвидационное законодательство не было распространено, являлись жители Сарепты. В упомянутом законе указывалось, что "впредь до особых распоряжений, действие сей (I) статьи не распространяется на земли, отведенные от казны обществу Сарептской колонии Царицынского уезда Саратовской губернии"[1].

По подсчетам Центрального Статистического Комитета, в 107 уездах по закону от 2 февраля 1915 г. предполагалось конфисковать немногим более 2 млн. дес. земли. В дальнейшем эта цифра выросла почти до 3 млн. дес. за счет расширения круга лиц, чьи земли подлежали изъятию. При этом иностранным подданным враждебных государств из них принадлежало ок. 10%[2], остальные же земли находились в собственности или аренде русских подданных.

Уже современники событий отмечали противоречивость ликвидационного законодательства. В частности, указывалось на то, что под его действие попадали исключительно крестьянские земли, тогда как землевладение немцев-дворян оставалось неприкосновенным. Депутат Государственной Думы Ф.И. Родичев в своем выступлении отметил, что "поневоле вспомнил, что предки [колонистов] пришли в Россию раньше, чем предки Штюрмера, председателя Совета Министров; и его [колониста] экспроприируют, потому что он крестьянин и работник, а немецкого помещичьего землевладения или помещичьего землевладения немецких выходцев - не экспроприируют.... Когда здесь (в Государственно Думе) радуются экспроприации крестьян, то как же вы останавливаетесь перед той экспроприацией?"[3].

Таким образом, царское правительство, поддавшись давлению со стороны шовинистически настроенных кругов и промышленников, стремившихся подобным образом избавиться от конкурентов, пошло на сознательное ограничение естественных прав целой группы населения. Поэтому ограничение ее представителей в правах собственности и владении не замедлило сказаться на экономическом положении отдельных регионов России и страны в целом. Лишенные на основании этих законов собственности, не только немцы, но и евреи, венгры, словаки и пр. оказались выключенными из экономической жизни.

Участие немцев в торговле и промышленности осуществлялось на общих основаниях. Исключение делалось лишь для тех из них, кто не принял российского подданства. Так,

---

[1] Там же. С. 52.

[2] Прокопович С.Н. Война и народное хозяйство. М., 1918. С. 156.

[3] Цит. по: Прокопович С.Н. Война и народное хозяйство. М., 1918. С. 158.

проведение в Сибири акцизной реформы способствовало появлению здесь крупных пивоваренных заводов, принадлежавших немцам.

Положение поляков в Сибири несколько отличалось от вышерассмотренных евреев и немцев. Но были и общие моменты. Так, следует помнить, что основная масса польского населения на протяжении XIX в. - ссыльные и ссыльнопоселенцы. Их хозяйственная деятельность в соответствии с действовавшими законами (Устав о ссыльных и пр.) должна была быть сопряжена с сельским хозяйством, ибо они переводились на положение государственных крестьян. Во второй половине XIX в., как мы увидим ниже, это приводило к возникновению моноэтничных и смешанных в национальном отношении крестьянских поселений в Тобольской губернии (пос. Деспот-Зеновича и др.).

Прибытие в середине 1860-х гг. большого числа польских ссыльных поставило перед местными властями вопрос о том, за счет каких источников дохода они будут существовать. Разумеется, они получали небольшие денежные пособия от казны. Но эти выплаты были крайне малы и нерегулярны. Далеко не все сосланные имели состоятельных родственников, которые могли бы регулярно присылать деньги в достаточном количестве. В этой ситуации поляки вынуждены были обратиться к различным хозяйственным занятиям.

Если в отношении евреев существовала обширная и чрезвычайно запутанная законодательная база, регламентировавшая отдельные виды хозяйственной деятельности и состоявшая из Высочайших и сенатских указов, Высочайше утвержденных мнений Государственного Совета, так же имевших силу закона, то применительно к полякам мы этого не отмечаем. Это вовсе не означает, что не существовало никаких ограничений, и поляки могли устраивать зарабатывать средства любыми законными способами.

Регламентирующие меры относительно экономической жизни польских ссыльных можно разделить на несколько уровней:

- министерский (ведомственный), имевший силу в отношении польских ссыльных во всех регионах Империи - начиная с 1865 г. появилось достаточное количество циркуляров, в первую очередь, вышедших из Министерства внутренних дел, которыми вводились ограничения на те или иных хозяйственные занятия; так, одним из распоряжений был введен запрет на занятие ссыльными фотографическим делом; III Отделение всячески препятствовало преподавательской деятельности ссыльных, стремясь ограничить их контакты с местным населением;

- губернский, относившийся лишь к ссыльным, проживавшим на территории конкретной губернии (области) - как показывает практика, был более либеральным, в сравнении с имперским.

В то же время, отсутствие общеимперских законов открывало дорогу для злоупотреблений на местах. Так, тобольские чиновники на рубеже 1860-х - 1870-х гг. препятствовали открытию поляками в городах губернии гостиниц. В 1868 г. Западносибирский генерал-губернатор Хрущов разрешая им заниматься оптовой торговлей вином, запретил выдавать полякам патенты на право розничной виноторговли.

Подобная ситуация порождала множественные вопросы со стороны чиновников, ответственных за контроль над ссыльными. Так, в 1869 г. в Тобольской Казенной палате рассматривался рапорт Ишимского окружного исправника о допущении политических ссыльных к различного вида торгам[1]. При этом он ссылался на статьи Положения о пошлинах, в которых "в отношении торговли и промыслов для политических ссыльных, лишенных и нелишенных прав преимуществ, не сделано ни исключений, ни ограничений"[2]. В дальнейшем Главное Управление Западной Сибирью разрешило этой категории населения заниматься торговлей в пределах округа (уезда), подтвердив запрет на занятие фотографическим делом. Это решение было принято в 1870 г., его последняя норма явно противоречила общеимперскому законодательству, т.к. в 1868 г. с политических ссыльных было снято и это ограничение.

Положение немногочисленных военных и гражданских чиновников из числа поляков регламентировалось, как и в случае с немцами, общегражданскими законами. Не существовало каких бы то ни было запретов на прохождение ими службы в сибирских областях и губерниях. Широкое польское представительство среди администрации различного уровня как в Западной, так и Восточной Сибири, как мы увидим ниже, наглядное тому доказательство.

Переселявшиеся с конца XIX в. в Западную Сибирь польские крестьяне, не сталкивались на новом месте жительства с ограничительными нормами. В их отношении действовали общеимперские законы, регламентировавшие переселенческие движение на окраины Империи. На общих основаниях с теми же русскими, малороссийскими, немецкими и прочими крестьянами они получали права на льготный проезд по железной дороге, наделение землей в соответствии с установленной подушной нормой, освобождение от уплаты податей и повинностей на тот или иной срок и их уплату в половинном размере и т.д.

Таким образом, на протяжении XIX - начала XX в. наибольшей регламентации подвергался гражданско-правовой статус еврейского населения. В начале XIX в. государство стремилось

---

[1] Государственное учреждение Тюменской области "Государственный архив г. Тобольска" (далее ГУТО ГАТ). Ф. И. 152. Оп. 4. Д. 392.

[2] ГУТО ГАТ. Ф. И. 152. Оп. 4. Д. 392. Л. 3.

удержать его в мещанском и крестьянском состоянии. Однако под давлением экономических интересов вынуждено было допускать евреев в разряд почетных граждан и купечество.

В среде сибирской полонии наиболее ущемленным было положение ссыльных и ссыльнопоселенцев, которые после отбывания наказания в большинстве случаев не имели право на возвращение в свои прежние сословные группы, а вынуждены были приписываться в податные сословия. В то же время при благоприятном стечении обстоятельств они могли повысить свой социальный статус, получив личное или потомственное гражданство либо записавшись в гильдейское купечество. Лично свободные же поляки сохраняли ту сословную принадлежность, которую получили по рождению. То же самое мы можем в полной мере отнести и к немецкому населению Западной Сибири.

В рассматриваемый временной период мы наблюдаем крайне непропорциональное нормативно-правовое регулирование хозяйственной деятельности еврейского, немецкого и польского меньшинств. Подобная ситуация была связана с политикой, которая проводилась в их отношении, и зависела от той цели, к которой стремилось правительство.

Устойчивое стремление удалить евреев из Сибири объясняет крайне противоречивую экономическую политику в их отношении. С одной стороны, вводятся запреты на наиболее доходные виды деятельности (винокурение, виноторговля и др.). Одновременно с этим евреи вправе были заниматься золотодобычей, торгом, ремеслами, что давало возможность получения дохода. В вопросах функционирования мелких кредитных организаций (ломбардов и пр.) они не сталкивались с какими бы то ни было ограничениями или запретами. Идя на частичную экономическую эмансипацию евреев, власти, тем не менее, стремились контролировать этот процесс и сдерживать его различными искусственными мерами, среди которых наиболее действенной было поражение в праве свободного перемещения по стране, сохранявшееся вплоть до 1917 г. Непредсказуемая политика препятствовала включению евреев в региональную экономику на полную мощность.

На этом фоне положение немцев разительно отличалось в положительную сторону. На протяжении большей части XIX в. их права в экономической сфере не подвергались ограничению. Наоборот, в середине 1870-х гг. за ними было сохранено право заниматься земледелием в многочисленных колониях, а с началом переселенческого движения и на окраинах Империи, что привело к появлению многочисленных переселенческих поселков в Сибири, Центральной Азии и на Дальнем Востоке. Здесь же они могли заниматься ремеслом, промыслами, открывать предприятия на общих с прочими российскими подданными основаниях. Изменение ситуации пришлось на рубеж XIX - XX в., когда обострились противоречия между странами Тройственного союза и Антанты. С этого момента российские

немцы стали своего рода "разменной монетой" во внешней политике великих держав. Начавшиеся с конца 1880-х гг. и носившие первоначально региональный характер поражения в экономических правах, достигли своего пика с началом Первой мировой войны, охватив всю страну. Подобные шаги сегрегационного характера, несомненно, привели к негативным последствиям как для региональных рынков, так и для отдельных отраслей экономики в целом.

Если права еврейского и немецкого населения Российской империи в экономической сфере регламентировались на протяжении XIX - XX в. основными государственными законами, то права польских ссыльных, составлявших длительное время подавляющую массу сибирской полонии, регулировались исключительно подзаконными актами ведомственного характера. Это давало чиновникам широкое поле для маневра, проявлявшегося как во введении жестких запретительных норм, следуя букве и духу министерских циркуляров, так и в их относительно либеральном воплощении. Те же поляки, которые оказались в сибирских губерниях по собственному желанию либо долгу службы, не испытывали каких бы то ни было ущемлений в своей экономической деятельности.

ГЛАВА 3. ЕВРЕЙСКАЯ, НЕМЕЦКАЯ, ПОЛЬСКАЯ ОБЩИНЫ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ: ИСТОЧНИКИ ФОРМИРОВАНИЯ, ЧИСЛЕННОСТЬ И РАЗМЕЩЕНИЕ В РЕГИОНЕ В XIX – НАЧАЛЕ XX В.

3.1. Формирование национальных общин в дореформенный период (1800-е - 1850-е гг.)

Сибирь в XIX в. стала своего рода "плавильным котлом", в котором оказались различные национальные группы. Особенности внутренней политики и геополитические интересы России в Азии привели к заселению этой территории представителями некоренных народов. Волею судеб тут оказались немцы, поляки, финны, эстонцы, латыши, евреи и многие другие, которые сформировали свои общины, развивавшиеся под влиянием внешних и внутренних факторов.

Обращаясь к истории сибирских евреев, сталкиваешься с закономерным вопросом: когда в регионе появляются первые евреи? Первое упоминание о евреях в Сибири относится к середине XVII в., когда по указу царя Алексея Михайловича были высланы в Астрахань и Сибирь из Немецкой слободы в Москве евреи, не имевшие права там проживать. Этот факт зафиксирован в документах, которые сохранились в Российском государственном архиве древних актов[1].

Сто лет спустя в Сибири по-прежнему находились ссыльные евреи. Так, сохранилось донесение Митрополиту Тобольскому и Сибирскому Павлу II[2] новокрещенного из жидов Алексея Шморгина, просившего разрешения поселиться в Тобольске. Последний был сослан в Сибирь по решению Сената в 1753 г., где и перешел в православие[3]. В 1762 (1763?) г. последовала промемория Митрополита, по которой Шморгина причислили к Архиерейскому Дому[4].

В начале XIX в. население Сибири возрастает преимущественно искусственным путем, и основным источником становится ссылка в административном порядке. Именно последнее стало для многих евреев главным способом водворения за Уралом. Уже в середине и второй половине XIX в. евреи в своих прошениях указывали на то, что их ближайшие предки были сосланы в Сибирь, либо сами они пришли с родителями в детском возрасте. Например, в 1901 г. Янкель

---

[1]. САНЈР. НМ2/8250.5 (Оригинал: Российский государственный исторический архив древних актов. Ф. 210. Оп. 9. Д. 909. Ч. IV. Лл. 246-265).

[2]. Павел II (Конючкевич) (1705 – 1770) – Митрополит Тобольский и Сибирский (1758 – 1868).

[3]. ГУТО ГАТ. Ф. 156. Оп. 2. Д. 423. Л. 2.

[4]. Там же. Л. 4.

Крымский в прошении на имя министра внутренних дел писал, что "отец мой покойный Вульф Крымский прибыл в Сибирь добровольно за отцом своим, а моим дедом, в 1829 г."[1].

Один из первых фактов массовой ссылки евреев в Сибирь относится, как писал М. Новомейский в своих мемуарах, к 1800 г., когда были сосланы "евреи, просрочившие на три года уплату налогов. В официальном докладе о последующей судьбе ссыльных в тот период значилось: "Смертность среди ссыльных чрезвычайно высокая. Из этапа, отправленного из Москвы и Калуги, до Сибири дошла едва четвертая часть, да и в той все совершенно сломлены""[2].

В общей массе сосланных евреев оказывались неординарные личности. Например, в 1828 г. император Николай I, будучи в Варшаве, ознакомился с донесением западносибирского генерал-губернатора о еврее-выкресте Александре Грабовском (Лихтенбауме). Почему о нем сочли необходимым доложить императору? Из материалов дела видно, что в 1824 г. от имени императора Александра I графом А. Грабовским было совершено крещение еврея Лихтенбаума в римско-католическое вероисповедание. Уже в 1825 г. он оказался в доминиканском монастыре Св. Духа в Вильно для укрепления в новой религии. Но, обвиненный в буйстве и поругании веры, он был сослан в 1826 г. в Сибирь. Однако, по мнению генерал-губернатора, "царскому крестнику не прилично быть на поселении в Сибири, какого бы рода преступления он не учинил"[3].

Уголовная и административная высылка во второй трети XIX в. также сыграли свою роль. По данным Е. Анучина, извлеченных из архива Тобольского приказа о ссыльных, только за десятилетие 1837 – 1846 гг. в Сибирь было сослано 876 евреев м.п. и 63 ж.п.[4]. Это составило лишь 1,4% в общей массе ссыльных (в общей массе населения России этого времени евреи составляли ок. 2,4%). За что ссылали в Сибирь из черты оседлости? Более 27,6% пришлось на воровство, более 15% - бродяжничество. Примечательно, что в среде еврейских поселенцев более 16% были осуждены за бегство из Сибири[5]. Среди представителей прочих вероисповеданий этот показатель был крайне незначительным (православные – 10,6%, раскольники 4,6%, католики – 3,2%, протестанты – 2,5%, магометане – 0,96%)[6].

---

[1]. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 76а. Д. 2077. Л. 1.

[2] Новомейский М. От Байкала до Мертвого моря // http://novomeysky.narod.ru/mose/book/glava1_2.htm [Электронный ресурс. Режим доступа 27.07.2013 г.]

[3]. САНЈР. RU-660 (Оригинал: ГАРФ. Ф. 109. Оп. 221. Д. 13. Лл. 66-68)..

[4] Анучин Е.Н. Исследования о проценте сосланных в Сибирь в период 1827 – 1846 годов. Материалы для уголовной статистики России. СПб., 1873. С. 136.

[5] Там же. С. 139.

[6] Там же.

В целом евреи отличались наибольшими пропорциями для воровства, контрабанды и подделки ассигнаций. В еврейской ссыльнопоселенческой среде в первой половине XIX в. преступники против собственности (воровство, грабеж, контрабанда, зажигательство или поджоги, подделка ассигнаций, святотатство) составляли почти ¾ всего числа ссыльных[1].

Что касается бывшей сословной принадлежности еврейских ссыльнопоселенцев, то за период с 1835 по 1843 гг. в Сибирь прибыло 542 мужчины и 54 женщины из мещанского сословия[2]. Вопрос о сословиях прочих ссыльных остается открытым, но можно предположить, что это были низшие военные чины, сосланные в арестантские роты и казаки, о чем будет сказано ниже.

В середине XIX в. ссылка и каторга как источник пополнения еврейского населения сохраняли свое значение. Так, в справке Министерства юстиции Еврейскому комитету[3] в марте 1860 г. указывалось, что "в течение минувшего года Судебными палатами приговорено евреев: к высылке в Сибирь на поселение – 12, на жительство – 12, к отдаче в исправительные арестантские роты гражданского ведомства – 40 и к заключению в работные дома 35 человек…"[4].

Уже в начале XIX в. в России на государственном уровне возник "еврейский вопрос", который поставил на повестку дня необходимость его решения. По мнению Г.Р. Державина и членов Еврейского комитета, евреев необходимо было превратить в земледельческое население России и поселить в сельскохозяйственных колониях вне мест традиционного проживания. Это положило начало истории еврейских земледельческих колоний в Новороссии. Наряду с государственными проектами в это время появлялись и иные предложения. Так, в середине марта 1810 г. Комитет министров на своем заседании заслушал записку министра внутренних дел О.П. Козодавлева[5]. В ней докладчик представил проект курляндского дворянина, советника Курляндского губернского правления Г.Ф. фон Фелькерзама[6] о переселении евреев из

---

[1] Там же. С. 142.

[2] Там же. С. 69.

[3]. Еврейский комитет (второй) был образован в 1823 г. по инициативе Комитета министров для пересмотра всего законодательства о евреях; в состав его вошли министры внутренних дел, финансов, юстиции и духовных дел и народного просвещения. В 1865 г. Еврейский комитет был закрыт; дела его переданы в Комитет министров.

[4]. РГИА. Ф. 1269. Оп. 1. Д. 51. Л. 81-81 об.

[5]. Козодавлев Осип Петрович (1754 – 1819) – председатель Еврейского комитета (1808 – 1812), министр внутренних дел (1811 – 1819).

[6]. Фелькерзам Георг Фридрих фон (1766 – 1848) – советник губернского правления Курляндской губернии (1809 – 1812).

Курляндии в Тобольскую губернию[1]. Однако правительство на тот момент не сочло необходимым рассматривать эту проблему, а потому было принято решение "по выслушании сих проектов … оставить без уважения"[2].

В первое десятилетие правления Николая I шла борьба между различными политическими силами, формировавшими государственную политику в отношении евреев. С одной стороны, Николай I придерживается негативного культурно-религиозного взгляда на еврейское население. Растворение его в общероссийском организме путем христианизации – верный способ решения "еврейского вопроса". В то же время некоторые из высших чиновников стремились не к проведению ассимиляционной политики, а мероприятий аккультурационного характера. Противоречивость внутриполитического курса 1826-1836 гг. и объяснялась отсутствием единодушия в подходах.

В 1827 г. на евреев была распространена рекрутская повинность. Это событие отразилось и на положении сибирских евреев. В период с 1827 по 1855 гг. в Иркутске, Красноярске, Омске, Тобольске и Томске располагались кантонистские заведения, в которых оказались и еврейские мальчики в возрасте от 8 до 18 лет. Историк Й. Петровский-Штерн в своей работе, посвященной евреям в русской армии, приводит данные об их количестве на 11 июня 1839 г. – в Омском, Тобольском, Томском, Иркутском батальонах и Красноярских учебных ротах их насчитывалось 57 (1,3% евреев-кантонистов), при чем все они остались в иудейской вере[3].

По нашим данным, в 1847 г. из Томской губернии в Омский батальон военных кантонистов следовало отправить 45 еврейских мальчиков. Однако, как докладывал в своем рапорте командир Томского полубатальона военных кантонистов капитан Чащин, "исключено по разным случаям 6 человек, а остальные 39 остаются"[4].

При этом следует помнить, что именно включение сибирских евреев в ряды военных кантонистов вело к некоторому их оттоку в черту оседлости, ибо в соответствии с действовавшим законодательством, родители должны были либо отдать сына в армию, либо отправить его в черту оседлости - губернию, к которой они ранее были приписаны.

Ежегодное количество кантонистов к 1856 г. постоянно возрастало. Так, по данным "Еврейской электронной энциклопедии", в 1855 г. только в Томскую школу кантонистов

---

[1]. РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Ф. 20. Л. 148 об.-149.

[2]. Там же. Л. 149.

[3]. Петровский-Штерн Й. Евреи в русской армии. М., 2003. С. 124. Подсчет наш.

[4] ГАТО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 376. Л. 34 об.

прибыло 350 детей из губерний черты оседлости[1]. Увеличению евреев-кантонистов способствовала и законодательная политика: актами 1837, 1846, 1847 гг. дети сосланных в Сибирь евреев автоматически зачислялись в кантонистские школы[2].

В 1850-е гг. в Сибирском комитете обсуждался вопрос, поднятый генерал-губернатором Восточной Сибири графом Н.Н. Муравьевым-Амурским[3] о непричислении нижних чинов еврейского происхождения, высылаемых в Восточную Сибирь, в казачье сословие. В нашем распоряжении нет полных данных о евреях, зачисленных в казачество до 1858 г., когда подобная практика была отменена. Но мы можем представить себе масштаб этой кампании: по данным Военного Министерства, только в 1858 г. в числе 5 тыс. высылаемых "порочных нижних чинов … для обращения в казачье сословие … евреев [было] до 400 человек"[4]. Из этого можно сделать вывод, что в сибирских казачьих полках евреи присутствовали.

Рассматривая источники формирования еврейской общины в Сибири необходимо упомянуть также обращение женщин-нехристианок из коренных народов в иудаизм. Преобладание в среде ссыльных мужчин (94%) ставило вопрос о поиске жен. Особенности вероисповедания не позволяли им брать в жены представительниц иных конфессий – она должна была быть иудейкой.

В условиях процветавшей коррупции евреям не оставалось ничего иного, как использовать для решения собственной проблемы административный ресурс. В 1817 г. сибирский генерал-губернатор П.И. Пестель инициировал рассмотрение в Государственном Совете вопроса "о дозволении поселенным в Сибири евреям вступать в брак с женщинами калмыцкого рода"[5] (см. прил. 8). Предполагалось, что им будет дано право "покупать или выписывать привозимых из-за границы девок калмыцкого рода нехристианской веры для обращения их себе в жены по еврейскому закону"[6]. Надо сказать, что подобного рода решения уже имели место в практике российского законотворчества. Например, в 1808 г. Александром I был подписан указ,

---

[1]. Томск // Еврейская электронная энциклопедия. http://www.eleven.co.il/?mode=article&id=14130&query=%D2%CE%CC%D1%CA (Электронный ресурс. Режим доступа 25.07.2012).

[2]. Гончаров Ю.М. Очерки истории еврейских общин Западной Сибири XIX – начала XX в. Барнаул, 2005. С. 10.

[3]. Муравьев-Амурский Николай Николаевич (1809 – 1881) - российский государственный деятель, с 1847 по 1861 год служил генерал-губернатором Восточной Сибири. В истории расширения российских владений в Сибири Муравьёв-Амурский сыграл видную роль: ему принадлежит почин в возвращении Амура, уступленного Китаю в 1689 г.

[4]. РГИА. Ф. 1265. Оп. 7. Д. 274. Л. 8.

[5] РГИА. Ф. 1154. Оп. 1-1817. Д. 20.

[6] Там же. Л. 2 об.

разрешавший покупать киргизских детей вдоль Сибирской линии[1]. Основываясь на существовавшей законодательной базе, 11 членов Государственного Совета высказались положительно по поднятому вопросу, только 5 сановников были негативно настроены по этому поводу. Это привело к появлению настоящего промысла: поиск и доставка невест за Урал. Стоили они очень дорого и были далеко не всем по карману. Таким образом, узаконенный прозелитизм не принес ожидаемого результата.

В дальнейшем правительство будет предпринимать иные меры по привлечению в сибирские губернии еврейских женщин. Так, в 1836 г. им было предоставлено право следовать в Сибирь за осужденными мужьями вместе с малолетними дочерьми до 10 лет[2]. Незамужним дочерям более старшего возраста по их желанию также было разрешено отправляться с матерьми на поселение. Однако принимаемые меры не снимали всей остроты проблемы, и половой дисбаланс продолжал сохраняться, ведь, как писал позднее М. Новомейский, "согласно положению, жены ссыльных евреев могли следовать за своими мужьями, подобно женам ссыльных русских или поляков; но если ссылалась еврейская женщина, ее муж не имел права следовать за ней. Еще более свирепыми были установления в отношении детей еврейских ссыльных. Женщинам любых национальностей разрешалось брать с собой детей – только не еврейкам, их разлучали с детьми"[3]. Последнее утверждение было не совсем верным – на поселение в Сибирь нельзя было брать мальчиков, но это не распространялось на дочерей.

Плачевное состояние еврейского населения в черте оседлости заставило власти перейти к радикальному рассмотрению "еврейского вопроса". Для этого было принято решение о переселении евреев на окраины с целью обращения их в земледельческое состояние. Основным местом водворения евреев должна была стать Сибирь. По представлению министра финансов Е.Ф. Канкрина[4], 12 ноября 1835 г. Николай I распорядился выделить для поселения евреев 5 свободных участков казенных земель в Тобольской губернии (Тарский округ: отрезки от татар Юрт-Черналинских 2212 дес.) и Омской области (Омский округ: между селом Кулачинским и деревней Хариной два участка 3254 и 3446 дес., между деревнями Хариной и Захламиной 3184 и 3056 дес.) площадью в 15154 дес.[5].

---

[1] ПСЗ – I. Т. 30. № 23040.

[2] ПСЗ – II. Т. 11. Отд. 1. № 8745.

[3] Новомейский М. От Байкала до Мертвого моря // http://novomeysky.narod.ru/mose/book/glava1_2.htm [Электронный ресурс. Режим доступа 27.07.2013 г.]

[4]. Канкрин Егор Францевич (1774-1845), граф (1826) – министр финансов (1823-1844). Почетный член Петербургской АН (1824).

[5]. РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 959. Л. 1-1 об.

Предполагалось в течение осени 1835 – зимы 1836 гг. закончить подготовительные действия и начать переселенческую кампанию уже весной 1836 г. На этом этапе в действие включилось Министерство внутренних дел, которое должно было посредством губернских чиновников донести до еврейского населения информацию о начале переселенческой кампании и ее условиях. Таким образом, МФ и МВД становились центральными учреждениями по исполнению монаршей воли. Надо сказать, что к тому моменту в канцелярии МВД скопилось большое количество прошений от еврейских обществ различных губерний, в которых содержались просьбы об улучшении положения евреев. Наибольшее количество прошений исходило от евреев прибалтийских и белорусских губерний. Так, на имя министра внутренних дел Д.Н. Блудова[1] поступило прошение от еврейских семейств г. Митавы Курляндской губернии, в которой просители жаловались на "великие неудобства пропитывать себя законным образом"[2]. По данным С. Борового, только из Вильно изъявило желание переселиться в Сибирь 286 семейств, из Митавы - 150, Витебска - 139, Гродно - 45, Минского кагала - 102 и т.д.[3].

О перенаселении евреями городов и невозможности ими содержать свои семьи указывал в своей записке Витебский генерал-губернатор Дьяков, указывая, например, на то, что "купеческие и мещанские промыслы за неимением достаточного числа покупателей и потребителей должны ограничиваться только мелочной торговлей, которая едва стоит содержания лавки; ремесленники, коих между евреями множество, не имеют работы. В одном только Могилеве, сколько известно, более 600 портных, тогда как достаточно 100-й доли сего числа по общей массе людей, имеющих нужду в их мастерстве"[4].

Многие еврейские семьи стремились любыми путями вырваться из нищеты, в которой они оказались по милости царской власти, а потому в еврейских общинах к середине 1830-х гг. сложились внутренние предпосылки к включению в переселенческий процесс.

Но далеко не все в еврейских общинах являлись сторонниками переселения на новые места. Одним из противников этого процесса выступили кагалы[5]. В своей записке на имя

---

[1]. Блудов Дмитрий Николаевич (1785 – 1864) – товарищ министра народного просвещения (1826 – 1828), в 1830 - 1831 гг. и 1838 - 1839 гг. управлял министерством юстиции. В 1832 – 1838 гг. министр внутренних дел. В 1855 - 1864 гг. президент Петербургской АН, председатель Государственного совета (1862 – 1864) и Комитета министров (1861 – 1864).

[2]. РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 959. Там же. Л. 3.

[3] Боровой С.Я. Еврейская земледельческая колонизация в старой России: политика - идеология - хозяйство - быт. М., 1928. С. 137.

[4]. РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 959. Там же. Л. 44-44 об.

[5] Кагалы – органы еврейского самоуправления, выступавшие посредниками между общиной и государственными органами управления в России с 1772 г. по 1844 г. Несли ответственность за своевременную поставку рекрутов (с 1827 г.), своевременную уплату налогов и пр.

А.Х. Бенкендорфа[1] генерал-майор Дребуш указывал, что "они (евреи – В.Ш.) приняли как благодеяние Всемилостивейшее дозволение им сделаться хлебопашцами Тобольской губернии…, но встречают в том затруднение со стороны еврейских кагалов"[2]. Кагалы вместе с градской и земской полицией старались скрыть от евреев соответствующий указ. Дело в том, что положение указа и фискальная практика вступили в явное противоречие: кагалы требовали от стремящихся покинуть черту оседлости уплаты всех необходимых податей и недоимок, тогда как высочайший указ списывал с переселенцев все недоимки по уплате податей[3]. Но желали переселиться, в первую очередь, те евреи, которые не могли материально устроить свою жизнь в прежней общине, поэтому действия кагала ставили их в более затруднительное положение.

Некоторые из чиновников предлагали изыскать земли для поселения евреев во внутренних губерниях. Но позиция Канкрина была неизменной: в своем письме Блудову от 26 августа 1836 г. он отметил, что, основываясь на имеющихся в министерстве сведениях, считает невозможным выделение земель в белорусских губерниях, т.к. свободных земель нет[4].

Уже весной 1836 г. стало ясно, что в губерниях не готовы к реализации переселенческой кампании. Так, например, выяснилось, что в губернских казенных палатах не было денег для выдачи ссуд переселенцам. Эта проблема была решена радикально: от Канкрина поступило распоряжение о выделении необходимых средств и одежды для еврейских переселенцев[5]. Таким образом, чиновники решали проблемы переселенцев по мере их возникновения.

В середине декабря 1836 г. Канкрин подвел промежуточный итог переселенческой кампании. Он указывал, что "в течение нынешнего 1836 г. пожелало переселиться из разных губерний на упомянутые для них казенные участки до 1317 душ"[6]. В канцелярии МВД на тот момент находились списки потенциальных переселенцев из различных белорусско-литовских губерний, насчитывавшие более 3 тыс. чел[7]. Эти результаты настолько вдохновили министра финансов, что он заявил о своем намерении в следующем году выделить уже десять участков для водворения евреев в Омском и Петропавловском округах общей площадью 13363 дес.[8].

---

[1]. Бенкендорф Александр Христианович (1782 – 1844) – российский военачальник, генерал от кавалерии; шеф жандармов и одновременно Главный начальник III отделения Собственной Е. И. В. канцелярии (1826-1844).

[2]. РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 959. Там же. Л. 50.

[3]. РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Ф. 959. Л. 50 об.

[4]. Там же. Л. 59 об.

[5]. Там же. Л. 102.

[6]. Там же. Л. 107.

[7]. Там же. Д. 960. Л. 84-131 об.; Д. 962. Л. 56-76 об. Подсчет наш.

[8]. Там же. Д. 959. Л. 107 об.

22 декабря 1836 г. состоялось очередное заседание Комитета министров, на котором был рассмотрен вопрос о развитии еврейского переселения в Сибирь на основании внесенного предложения министра финансов Канкрина. Комитет министров принял решение: "на утверждение распоряжения испросить Высочайшее соизволение"[1].

Уже 5 января 1837 г. Николай I наложил на положение Комитета министров резолюцию: "переселение евреев в Сибирь приостановить"[2]. Это перечеркнуло все предпринятые ранее различными ведомствами действия. Вскоре последовало распоряжение о возвращении всех переселенческих партий на прежнее место жительства или направлении их в Херсонскую губернию, где их водворением должно было заняться недавно созданное Министерство государственных имуществ во главе с графом П.Д. Киселевым[3]. Распоряжение об этом было направлено Блудовым всем губернаторам, через чьи губернии могли проходить евреи-переселенцы. Ответные рапорты губернаторов позволяют оценить реальные масштабы переселенческой кампании. Согласно им, в конце 1836 – начале 1837 г. на пути в Сибирь было не более 100 евреев, успевших воспользоваться дарованным правом переселится в Сибирь. Так, партия из 17 семей из Могилевской губернии численностью 70 человек была задержана в апреле 1837 г. в Симбирской губернии, о чем местный гражданский губернатор сообщил в Петербург[4]. Кроме того, 20 семейств к этому моменту оказалось во Владимире, по 4 в Новгород-Северском и Глухове, несколько семей в Пензе и Камышеве[5]. Все они были направлены в Херсонскую губернию в земледельческие колонии.

Однако одна группа переселенцев успела прибыть в Тобольскую губернию в конце 1836 г. Пришедшее распоряжение Блудова вызвало замешательство у губернских властей. В Петербург 5 июля было направлено донесение, что еще до 5 января 1837 г. в Сибирь прибыла партия евреев из Могилевской губернии и Белостокской области численностью 36 душ обоего пола[6]. Возник вопрос: что делать? Потребовалось вмешательство Николая I, который передал решение этого вопроса в руки самих евреев. Статс-секретарь Танеев писал по этому поводу Блудову: "Государь Император, рассмотрев всеподданнейшую записку … от 8 июля …, изволит считать несправедливым евреев сих вновь переводить. Но Его Императорское Величество повелевает

---

[1]. Там же. Л. 120-120 об.

[2]. Там же. Л. 120 об.

[3]. Киселев Павел Дмитриевич (1788 – 1872) – русский государственный деятель, генерал от инфантерии (1834), министр государственных имуществ (1837 – 1856), руководитель второго Еврейского комитета.

[4]. РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Ф. 959. Л. 38.

[5] Боровой С.Я. Еврейская земледельческая колонизация в старой России: политика - идеология - хозяйство - быт. М., 1928. С. 137.

[6]. Там же. Д. 960. Л. 165-166.

предоставить им или переселиться в Херсонскую губернию или остаться на месте с подтверждением правилам принятым отныне для евреев в Сибири находящимся"[1]. Воспользовавшись этим правом, 32 еврея решили остаться в Сибири, и только четверо приняли решение вернуться в Европейскую Россию. Этот сюжет заставляет усомниться в сложившемся в литературе стереотипе о том, что более 1 тыс. евреев переселилось в Сибирь в 1836 г.[2]

В середине 1840-х гг. 32 омских еврея напомнили о себе. Это было связано с делом об освобождении их от податей и повинностей. В январе 1843 г. последовало Высочайшее повеление Николая I на решение Комитета министров по представлению министра государственных имуществ графа П.Д. Киселева: "дозволить сим евреям остаться навсегда на отведенном им в Омской области участке земли, а затем участок сей исключить из оклада"[3]. Так, они получили 480 дес. удобной земли в бесплатное пользование сроком на 25 лет.

В ноябре 1853 г. Западносибирский генерал-губернатор Г.Х. Гасфорд[4] докладывал министру государственных имуществ графу П.Д. Киселеву о просьбе доверенных от евреев Шимона Лейбина и Мордуха Минского разрешить им переселиться в Екатеринославскую губернию. В записке было указано, что речь идет о тех самых 32 евреях, которым было разрешено поселение в Омской области в 1837 г. Прожив в Сибири 16 лет, они столкнулись с рядом проблем. Так, указывалось, что они не имеют возможности заниматься в прежних размерах хлебопашеством и скотоводством вследствие притеснения их от водворявшихся переселенцев из великороссийских губерний. Кроме того, сказывались последствия запретительного законодательства: "при постоянном уменьшении в здешнем крае евреев, они встречают крайнее затруднение как в образовании своих детей по иудейскому закону, так и в выдаче в замужество дочерей"[5].

Переселение в Новороссию должно было, по их мнению, решить эти проблемы. Евреи готовы были двинуться в путь по получении разрешения за собственный счет. В Петербурге не стали возражать, согласившись с тем, что "переход их [евреев – В.Ш.] в Екатеринославскую губернию будет соответствовать цели правительства относительно уменьшения в Сибири числа евреев"[6]. При этом в ведомстве П.Д. Киселева выдвинули свои условия: переселение за свой

---

[1]. Там же. Л. 185.

[2] См., напр., Белковский Г.А. Указ. соч.; Островский Ю. Указ. соч.; Мыш М. Руководство к русским законам о евреях... и др.

[3]. РГИА. Ф. 383. Оп. 10. Д. 9352. Л. 14.

[4]. Гасфорд Густав-Кристоф фон (Гасфорт, Гасфордт) (1794 – 1874) – русский генерал, генерал-губернатор Западной Сибири (1851 – 1861).

[5]. РГИА. Ф. 383. Оп. 16. Д. 20045. Л. 2.

[6]. Там же. Л. 2 об.

счет; не требовать от государства новых налоговых льгот, внести на обеспечение своего водворения в Новороссии за каждое семейство 175 руб. серебром на счет Попечительского комитета об иностранных поселенцах Южной России[1].

Летом 1854 г. Гасфорд докладывал в Петербург, что по объявлении условий, евреи заявили об отсутствии у них достаточных средств для переселения, а потому вынуждены остаться на жительстве в Сибири[2].

Уже в 1850-х гг. вновь был поднят вопрос о возможности аграрного переселения евреев в Сибирь и на Дальний Восток. Министерство государственных имуществ рассматривало, например, возможность "поселения в Приамурском крае евреев из Западных губерний в видах облегчения от накопления в этих губерниях еврейского населения"[3]. Но генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев-Амурский высказался категорически: "Переселение на Амур значительного числа людей, не занимающихся хлебопашеством, может подвергнуть их бедствиям"[4]. В результате переселенческая кампания не состоялась. Многовековая оторванность восточноевропейского еврейства от земледелия не позволяла им в короткое время перестроиться и вписаться в проводимые правительством мероприятия.

В первой половине XIX в. евреи в Западной Сибири оказались разбросанными по огромной территории. В марте 1853 г. генерал-губернатор Западной Сибири Гасфорд предложил томскому гражданскому губернатору В.А. Бекману рассмотреть возможность "составить в Томской губернии особую колонию из тех евреев, кои подходят под означенное правило (п. 1 ст. 1736 т. XIV Устав о ссыльных) для той цели, чтобы дети этих евреев могли быть оставляемы при родителях, не будучи отправляемы в Российские губернии"[5]. То есть изначально речь шла о тех евреях, которые не были ссыльными и законно проживали в Сибири до 15 мая 1837 г. Предложение Гасфорда было передано для изучения Томскому губерскому правлению.

В конце 1853 г. в Томское губернское правление были собраны данные о евреях, проживавших в губернии. Выяснилось, что основная масса была сконцентрирована в Томске (4 семьи в составе 13 чел.)[6], Томском округе (16 семей в составе 59 чел.)[7], в безуездном городе Колывань (18 семей в составе 57 чел.)[8], Каинском округе (21 семья в составе 61 чел.)[9]. Всего же

---

[1]. Там же. Л. 13.

[2]. Там же. Л. 14-14 об.

[3] РГИА. Ф. 383. Оп. 22. Д. 33044. Л. 10.

[4] Там же. Л. 10 – 10 об.

[5] ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 594. Л. 3.

[6] ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 594. Л. 44. Подсчет наш.

[7] ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 594. Л. 44об. - 45 об.

[8] ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 594. Л. 45 об. - 47. Подсчет наш.

[9] ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 594. Л. 47 - 48 об. Подсчет наш.

было 59 семей (190 чел.), главы которых не были сами либо потомками ссыльных, были причислены к вольным званиям (купцы, мещане, государственные крестьяне) и не подпадали под действие запретительного закона 15 мая 1837 г. и всех последующих ограничительных нормативно-правовых актов.

По расчетам Томской казенной палаты для нового поселения требовалось 3,5 тыс. дес. земли[1]. Сами губернские чиновники указывали на то, что в волостях Томского округа было достаточное количество свободных земель: в Колыванской волости - ок. 40 тыс. дес., Кийской волости - ок. 30 тыс. дес., в Богородской волости - ок. 15 тыс. дес.[2]. Но эти волости были близки к Кабинетским заводам и Округу, "вблизи которых поселение евреев запрещено"[3]. Это стало формальным поводом для того, чтобы в Томском округе еврейскую колонию не основывать.

Достаточно свободной земли было в Каинском округе Томской губернии. Но тут процесс был осложнен тем, что в инородческих волостях процесс отвода земли для местных полукочевых скотоводческих племен не был завершен. Но свободные земли (почти 8 тыс. дес.) были найдены в Верхне-Каинской волости Каинского округа. Именно на их Губернское правление предложило основать две колонии для евреев[4]. Что и было сделано. К 1897 г. тут проживал 151 еврей[5].

Таким образом, в первой половине XIX в. еврейская община Сибири формировалась за счет различных источников, среди которых преобладало принудительное поселение. В первую очередь, речь шла об административной ссылке (по приговорам обществ). Нарушение паспортного режима и контрабанда являлись основными причинами отправления за Урал. Следовавшие за мужьями жены с малолетними детьми составили в этот период незначительное количество добровольных мигрантов. Попытка организовать в Тобольской губернии и Омской области еврейское земледельческие колонии в середине 1830-х гг. не увенчалась успехом. Одна из главных причин провала, как нам кажется, кроется в стремлении Николая I, с одной стороны, максимально инкорпорировать евреев в общероссийский имперский организм, лишив их каких бы то ни было оснований к самоизоляции; с другой стороны, это было связано с попыткой оградить православное население отдельных регионов России от "пагубного" влияния иудаизма. Эти два противоречивых вектора наиболее наглядно проявились в Сибири. Вводя многочисленные законодательные запреты на проживание евреев в сибирских губерниях и

[1] ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 594. Л. 50 об.
[2] ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 594. Л. 51.
[3] ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 594. Л. 51.
[4] ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 594. Л. 52.
[5] Патканов С. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.). Т. II. Тобольская, Томская и Енисейская губернии. СПб., 1911. С. 254.

всячески способствуя их выселению из региона, о чем будет говориться ниже, власти продолжали направлять сюда ссыльных и военных кантонистов, которые volens nolens количественно пополняли еврейское сообщество.

На этом фоне совершенно иначе выглядят польская и немецкая общины. В современной отечественной и, особенно, зарубежной историографии закрепился устойчивый стереотип: формирование немецкой общины в Сибири связано с переселенческим движением рубежа XIX – XX вв. и депортацией сталинского времени. Однако это вовсе не так. Первые немцы на территории Сибири появились еще в начале XVIII в. в составе воинских частей и горных поисковых отрядов. В дальнейшем они обзавелись тут семьями и остались на жительство. Манифестом 1763 г., положившим начало массовому переселению выходцев из германских княжеств в Россию, Барабинская степь рассматривалась как один из объектов колонизации[1]. Однако в течение длительного времени немцы составляли крайне незначительную часть населения региона.

В досоветской истории немецкой общины в Сибири можно выделить несколько периодов. Первый период охватывает XVIII в. – 80-е гг. XIX в. Источники формирования общины были обусловлены в значительной степени потребностями государства. Нацеленность на укрепление российской государственности в Сибири и, как следствие, ее хозяйственное освоение Казной и частными лицами привели к тому, что немецкий компонент был представлен преимущественно жителями немногочисленных городов: военными, гражданскими чиновниками, горными специалистами, которые оказались по различным причинам в Сибири.

Можно выделить несколько источников формирования служилой части немецкой общины. Если обратить внимание на немногочисленных военных, которые несли службу в частях сибирских гарнизонов, то это будут, как правило, либо потомки выходцев из германских княжеств, пришедших на русскую службу на протяжении XVIII в., либо представители остзейских (прибалтийских) германских фамилий.

Одним из центров средоточия немцев в Сибири в первой половине XIX в. стал Колывано-Воскресенский (Алтайский) горный округ. Уже со второй четверти XVIII в. он являлся одним из центров развития цветной металлургии России. Становление и развитие горнодобывающей и горноперерабатывающей отраслей напрямую зависело от иностранных специалистов, которые поступали на русскую службу и направлялись для работ на алтайские и нерчинские рудники и заводы.

---

[1]. ПСЗ-I. Т. 16. № 11880.

Признанным центром подготовки кадров для горной промышленности в Центральной Европе в этот период была Саксония. Именно из этого германского государства и прилегающих княжеств были родом многие из тех немцев, которые в дальнейшем окажутся на Алтае. Многие из будущих горных инженеров и врачей получили первоначальное образование в университете Йены либо других учебных заведениях, о чем свидетельствуют сохранившиеся формулярные списки классных чиновников и служащих Алтайского горного правления[1]. Как правило, поступали на русскую службу отнюдь не представители германского патрициата. Поэтому для них предложение Кабинета отправиться в Сибирь являлось вполне приемлемым: получение чинов шло быстрее, жалованье было выше. Именно прослойка немецких горных инженеров до 1880-х гг. являлась самой многочисленной и устойчивой частью немецкой общины.

Но помимо военных и гражданских служащих сибирское немецкое сообщество состояло и из других компонентов. В первую очередь, необходимо, как и применительно к другим рассматриваемым меньшинствам, упомянуть ссыльных. Правда, в отличие от прочих, число немцев в Сибири крайне незначительно возрастало за счет ссыльных. Немцы составляли крайне небольшой процент среди сосланных в Сибирь лиц лютеранского происхождения, значительно уступая латышам, финнам, эстонцам. Для поселения последних уже в начале XIX в. власти вынуждены были образовать отдельные поселения (например, дер. Рыжково в Тобольской губернии). Низкий уровень преступности среди немецкого населения современники объясняли относительно высокой грамотностью[2]. С другой стороны, необходимо отметить, что немцы проживали не только и не столько в прибалтийских губерниях, сколько были сконцентрированы преимущественно в колониях Поволжья, Новороссии и Волыни, в которых они проживали фактически изолированно от окружающего их мира, а их контакты с ним в этот период были ограничены преимущественно контактами с представителями местной администрации.

Сибирь являлась в первой половине XIX в. центром притяжения не только высокообразованных специалистов. Сюда направлялись германские торговцы, видевшие в Сибири новую Америку и намеревавшиеся заработать здесь баснословные капиталы. Выходцы из Пруссии, Саксонии и других германских государств, получив от местных губернских властей паспорта на проезд и проживание, добирались вплоть до Иркутска. Столичный статус Тобольска привлек некоторых из них. На протяжении различных периодов времени они жили в сибирских городах, оставаясь в иностранном подданстве. Местным властям не было особого интереса до этой группы, так как она была крайне немногочисленна, и ее представители были

[1] Государственный архив Алтайского края (далее ГААК). Ф. 2. Оп. 1. Д. 4145, 7743 а и др.
[2] Анучин Е.Н. Указ. соч. С. 153.

хорошо известны городским сообществам. Напоминали о себе они лишь в том случае, если по каким-то причинам намеревались выехать из Томской или Тобольской губернии и вернуться на Родину. Например, подобного рода ситуация имела место в 1808 г., когда один из гамбургских граждан, в течение нескольких лет торговавших в сибирских городах, принял решение вернуться на историческую родину[1].

Уже упоминалось выше, что Сибирь рассматривалась как место образования немецких переселенческих колоний уже в 1763 г.[2]. Барабинская степь была лишь упомянута в приложении к манифесту Екатерины II, в котором перечислялись территории, на которых было разрешено создание поселений иностранных колонистов, прибывавших в Российскую империю во второй половине 1760-х гг. Наличие в Среднем Поволжье (Саратовская и Самарская губернии) свободных земель позволило Канцелярии опекунства иностранных колонистов во главе с графом Г.Г. Орловым направить их поток именно в этот регион. В дальнейшем немецкие колонии возникнут под Петербургом, в Новороссии, но Сибирь вплоть до конца 1880-х гг. не будет рассматриваться немцами-колонистами как территория для поселения.

Таким образом, в отличие от еврейской немецкая община была более однородной по своему составу, что было связано с источниками ее формирования. Правда, ее малочисленность, о чем будет сказано далее, ставила сообщество на грань существования.

Первые поляки появились в сибирских городах в XVII в. Преимущественно это были военнопленные эпохи русско-польских войн. Исследователи отмечают наличие приказной переписки, касавшейся вопроса о пленных поляках, литовцах, "немецких людях", черкасах и евреях[3]. Одним из первых поляков, оказавшихся в Сибири, стал Никифор Черниговский, упоминаемый в сибирских летописях[4]. Его имя связано в источниках с освоением Амура.

По условиям Деулинского перемирия 1619 г. и Андрусовского мира 1667 г. (Московские трактаты 1667 и 1672 гг.) между Россией и Речью Посполитой производился обмен военнопленными и возвращение поляков на Родину[5]. Это привело к тому, что полония в Сибири, появившись ненадолго, к началу следующего столетия практически исчезла. Этому способствовала и политика, проводимая русскими властями в отношении польских и литовских пленных, оказавшихся в Сибири: вместе с московскими стрельцами они поступали в казачество

---

[1] ГУТО ГАТ. Ф. 329. Оп. 13. Д. 291. Л. 1-2 об.

[2] ПСЗ – I. Т. 16. № 11880.

[3]. Фельдман Д.З. К истории появления крещеных евреев в Московском государстве XVII в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2005. № 4 (22). С. 21.

[4]. Максимов С.В. Сибирь и каторга. СПб., 1900. С. 326.

[5]. ПСЗ РИ – I, т. 1, № 398.

и в этом сословии, по словам С.В. Максимова, "исчезали бесследно"[1]. Правда, некоторые из них оставили свой след в сибирской истории XVII в. Например, Юрий Крыжановский был в 1677 г. ясачным сборщиком у тунгусов. Его незаконные действия настолько взбудоражили местное население, что они осадили Охотск. Последовавшее за этим событием следствие вскрыло многочисленные злоупотребления Крыжановского, после наказания кнутом он был сослан в даурские остроги[2].

Во второй половине XVIII – середине XIX в. рост численности поляков в регионе был связан, в первую очередь, с ссылкой участников освободительного движения. Этот период может быть разделен на несколько этапов.

Первый этап пришелся на 70-е – 90-е гг. XVIII в.: именно в это время часть польских конфедератов была сослана в Сибирь. Уже в 1772 г. сибирский губернатор Д.И. Чичерин[3] обсуждал с Тобольским епископом Варлаамом I[4] возможность строительства в Тобольске костела, для "находившихся здесь польских военнопленных конфедератов"[5]. В конце XVIII в. часть костюшковцев оказалась в Нерчинских заводах. Так, декабрист Н.И. Лорер в своих воспоминаниях писал о генерале С.Р. Лепарском, который в 1791 г., будучи поручиком, сопровождал польских арестантов. Он так хорошо исполнил это поручение, что имя его с того времени сделалось известным по всей армии[6]. Уже в первый месяц царствования Павла I была начата амнистия, означенная именным указом от 29 ноября 1796 г., согласно которому предписывалось освободить всех попавших под "наказание, заточение и ссылку по случаю бывших в Польше замешательств"[7]. Ответственность за исполнение монаршей воли была возложена на Сенат, который, в свою очередь, должен был сделать соответствующие распоряжения губернаторам и земским начальникам. Однако, как показала практика, не все бывшие конфедераты получили возможность вернуться на прежнее место жительства или покинуть Россию. Иногда требовалось вмешательство из Петербурга. Например, по распоряжению генерал-прокурора Сената А.Б. Куракина в 1797 г. из сибирской ссылки были

---

[1]. Там же. С. 327.

[2]. Там же.

[3]. Чичерин Денис Иванович (1720 – 1785) – генерал-поручик и кавалер, сибирский губернатор в 1763 – 1780 гг.

[4]. Варлаам I (Петров) (ок. 1729 – 1802) – архиепископ Тобольский и всея Сибири (1768 – 1802), способствовал миссионерской деятельности среди коренных народов Сибири, уделял большое внимание развитию Тобольской духовной семинарии, инициировал введение преподавания греческого, татарского языков, математики, физики, высшего красноречия, географии, медицины.

[5]. ГУТО ГАТ. Ф. 156. Оп. 2. Д. 3038. Л. 1а.

[6]. Лорер Н.И. Записки моего времени. Воспоминание о прошлом // Мемуары декабристов. М., 1988, с. 406-407.

[7]. ПСЗ РИ – I, т. 24, № 17585.

освобождены некоторые участники восстания 1794 г. Правда, некоторых из них, в том числе Иосифа Терясевича, тобольские власти разыскивали по всей губернии[1].

В период правления Александра I и первые годы царствования Николая I поляки продолжали ссылаться в Сибирь. Правда, этот этап в формировании полонии имел свою особенность, которая заключалась в том, что большинство сосланных уроженцев Царства Польского принадлежало к числу "обыкновенных преступников, осужденных за уголовные преступления"[2]. Это утверждение вполне подтверждается сохранившимися именными списками. Так, только в Каинском и Томском округах Томской губернии во второй половине 1820-х гг. оказалось 118 поляков, высланных за различные преступления. Более 60% были сосланы за бродяжничество, что подразумевало, в первую очередь, отсутствие действующего паспорта. Второе место среди преступлений занимало воровство (почти 20%)[3]. Социальный состав тоже был неоднородным. Так, 27% ссыльных в рассматриваемой группе были указаны как "бродяги", 25% - крестьяне, 22% - шляхтичи. При этом крайне мало было мещан - только 7,6%[4]. Из всего это следует сделать вывод о том, что в Сибири оказывались не только участники национально-освободительного движения, но я административные и уголовные преступники.

На 1830-е гг. пришелся новый приток поляков в Сибирь. Как и прежде, он был связан с насильственным переселением, но теперь уже участников Польской войны 1830-1831 гг. и членов различных тайных обществ, действовавших на территории Царства Польского после его подавления, например, "Содружества польского народа"[5].

Вновь обратимся к данным Е. Анучина. Среди всей массы ссыльных в Сибирь он выделял католиков, которых идентифицировал преимущественно с поляками. В 1830-е – 1840-е гг. поляки составляли вторую по количеству ссыльных группу после православных. С 1837 по 1846 гг. из различных западных губерний было сослано на каторгу и поселение 2032 мужчин и 452 женщины[6]. Из этой массы 2/3 женщин было осуждено за воровство и бродяжничество. Среди мужчин наибольшее количество было приговорено к поселению за воровство (697) и бродяжничество (525). Таким образом, структура основных уголовных и административных

---

[1]. ГУТО ГАТ. Ф. 329. Оп. 13. Д. 14.

[2]. Максимов С.В. Указ. соч. С. 340.

[3] ГАТО. Ф. 3. Оп. 36. Д. 87а. ЛЛ. 59 - 73. Подсчет наш.

[4] ГАТО. Ф. 3. Оп. 36. Д. 87а. ЛЛ. 59 - 73. Подсчет наш.

[5]. Конарщик Юстысьян Ручиньский и его воспоминания о сибирской ссылке // Воспоминания из Сибири: Мемуары, очерки, дневниковые записи польских ссыльных в Восточную Сибирь первой половины XIX столетия. Иркутск: Изд-во ООО "Артиздат", 2009, с. 304.

[6] Анучин Е.Н. Указ. соч. С. 135.

преступлений у мужчин и женщин католического вероисповедания полностью совпадала. На этом фоне абсолютно теряются государственные преступления, за которые в рассматриваемый период было сослано лишь 80 человек[1]. Но и этот показатель выделял католиков – всего за государственные преступления были сосланы 132 человека, т.е. поляки-католики составили в этой массе более 60%.

Таким образом, польская община Западной Сибири начала формироваться на рубеже XVIII – XIX вв. в результате осуществления имперской властью репрессивной политики.

К 1830-м гг. поляки были рассеяны по всей Сибири. Среди них оказались не только ссыльные, но и те, кто перебрался за Урал по долгу службы. Это были пока еще немногочисленные военные и гражданские служащие. В основном они были сконцентрированы в крупных городах (Тобольске, Томске, Иркутске). Немало ссыльных находилось в Тобольске[2]. Здесь же присутствовали и чиновники-поляки. Ссыльный Ю. Ручиньский в своих мемуарах, например, упоминает чиновников особых поручений при генерал-губернаторе Западной Сибири князе П.Д. Горчакове Кузьминского и А.Ф. Козелло-Поклевского (Поклевского-Козелл), о котором мы скажем ниже (в тексте он упоминает его как Кожелло-Пахлевского). Последний с 1834 г. занимал различные должности в Томском губернском правлении, а с 1836 г. состоял в штате генерал-губернатора Западной Сибири. Поляками были офицеры сибирского этапа, лавочники, ремесленники.

Сосланные в Восточную Сибирь оказались в Нерчинских заводах и служили солдатами в местном батальоне и инвалидной роте, некоторые были определены в каторжные работы. "Разнородная среда польских ссыльных определила их дальнейшую судьбу. Так, некоторые переженились на местных девушках и навсегда стали сибиряками; других нужда заставила пойти в батраки к крестьянам; немногочисленным ремесленникам было легче, т.к. их продукция находила сбыт на местном рынке"[3]. Это замечание современника свидетельствует о трансформации национальной идентификации, т.к. некоторые ссыльные предпочли влиться в сибирский социум, приняв нормы и законы его существования. Но в то же время оставалась часть польских ссыльных, которые не оставляли надежды вернуться на Родину, а потому стремились сохранить элементы национальной и религиозной польской жизни.

Таким образом, западносибирская полония формировалась в дореформенный период под воздействием, в первую очередь, уголовной и административной ссылки. В отличие от немцев,

---

[1] Анучин Е.Н. Указ. соч. С. 135.

[2]. Ручиньский Ю. Указ. соч., с. 330.

[3]. Там же, с. 385

поляки крайне редко добровольно отправлялись в Сибирь в качестве военных либо гражданских служащих. Преобладание в Западной и Восточной Сибири польских каторжан и ссыльнопоселенцев делало общину крайне неустойчивой. Подавляющее большинство рассматривало регион как место временного пребывания и при первой же возможности стремились его покинуть: объявляемые амнистии практически сводили численность полонии к минимуму.

Говоря о формировании еврейской, немецкой и польской общин, необходимо остановиться на вопросах, связанных с определением их численности, размещением по западносибирским губерниям и внутри губерний.

Слабое развитие отечественной статистики в первой половине XIX в. наиболее отчетливо можно проследить в Сибири. Единственным источником информации о численности населения в губерниях были проводившиеся нерегулярно ревизии. Однако эта форма учета фиксировала исключительно ревизские (податные) души. Сведения о количественном составе различных групп в этот период могла дать только ведомственная статистика. По данным Министерства внутренних дел и Военного Министерства мы можем определить динамику роста или сокращения общин, а также их приблизительную численность.

Единственное упоминание о количестве евреев, проживавших в Сибири в середине 1830-х гг. связано с подготовкой и проведением упоминавшейся выше кампании по созданию еврейских земледельческих колоний: по данным МВД, уже к 1834 г. в Сибири проживало "18 купцов, мещан, цеховых и городовых рабочих 659, а в Омской области поселенцев 13"[1]. Как мы видим, упомянуты различные социальные категории. Однако, речь идет в данном случае только о тех, кто находился на учете по ревизии. В 1833 г. была проведена VIII ревизия, в ходе которой были учтены мужчины и женщины, входившие в разряд различных категорий крестьян, посадских людей и купцов (за исключением купцов 1 гильдии).

О численности еврейских общин в отдельных сибирских городах позволяют говорить составлявшиеся местными полицейскими чинами по поручению губернских властей еврейские посемейные списки. Так, в 1835 г. томские евреи, представленные "мещанами и сельскими жителями"[2], просили Томское гражданское начальство разрешить им "по случаю заведения в г. Томске ... молитвенной школы и богадельни"[3] провести выборы раввина и прочих традиционных должностных лиц. В результате разбирательства было среди прочего установлено, что в Томске и округе на тот момент проживало 35 еврейских семей в составе 124

[1] РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Ф. 960. Л. 4.

[2] ГАТО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 38. Л. 4.

[3] Там же.

человек и 10 неженатых молодых людей[1]. При сопоставлении с данными 1834 г., они составляли ок. 20% сибирского еврейского населения.

Нерегулярность проведения общероссийских ревизий вело к отсутствию систематических данных о численности различных национальных и социальных групп населения. Если в Европейской части России этот пробел восполнялся местными обследованиями, то Сибирь оставалась вне поля зрения статистиков.

Отсутствие данных по ведомству Министерства внутренних дел в какой-то степени восполняют данные других государственных учреждений. Так, на протяжении нескольких лет офицеры Генерального Штаба проводили полномасштабное изучение губерний Российской империи на предмет составления их военно-статистического обзора. В конце 1840-х гг. эти обзоры начали публиковать. На этот раз военные обратили внимание и на сибирские губернии. В результате появились "Обозрения" по Тобольской и Томской губерниям. По их данным, в Тобольской губернии проживало 785 душ обоего пола (388 мужчин и 407 женщин)[2], а в Томской губернии – 1482 души обоего пола[3], т.е. всего за 15 лет официальная численность еврейства в двух сибирских губерниях выросла почти в 3 раза. Это произошло, в первую очередь, за счет насильственного переселения в Сибирь.

Как мы видим из приведенных данных, еврейское население было неравномерно распределено внутри региона. Это еще более проявляется при рассмотрении этнической структуры населения внутри губерний. Как правило, евреи стремились поселиться в крупных городах либо поблизости от них, чтобы иметь возможность заниматься традиционными видами экономической деятельности – торговлей, промыслами. Здесь же оказывались евреи-кантонисты и солдаты. Но Томский и Тюменский приказы о ссыльных стремились поселить евреев в сельской местности, причисляя их к разряду государственных крестьян.

Одним из основных мест средоточия еврейской жизни Западной Сибири стал к середине XIX в. г. Каинск, в котором, по оценке современника, "большая часть жителей … евреи, переселенные за сделанные ими преступления и более за контрабанду"[4]. В своем "Статистическом описании Сибири" Ю.А. Гагемейстер указал число проживавших в городе

---

[1] Там же. ЛЛ. 12 - 14 об. Подсчет наш.

[2]. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. XVII. Ч. 1. Тобольская губерния. СПб., 1849. С. 37.

[3]. Там же. Ч. 2. Томская губерния. СПб., 1849. С. 82.

[4]. Там же. С. 95.

евреев: из 2700 жителей – 400 евреи[1]. Отметим, что это было единственное упоминание о количестве евреев во всей объемной работе.

По данным губернского статистического комитета на 1853 г., в Томской губернии проживало в общей сложности 1783 еврея обоего пола. Самой многочисленной была еврейская община Каинска (226 мужчин и 192 женщины) и Каинского округа (266 мужчин и 285 женщин), насчитывавшая на тот момент 1009 человек (57% евреев губернии). Надо сказать, что эти данные вполне подтверждают сведения Ю. Гагемейстера, приведенные относительно каинских евреев (на 1853 г. в Каинске проживало 3296 чел. Далее следовала община Томска, составлявшая ок. 36% евреев Томской губернии[2].

Относительно точной численности немцев в Западной Сибири в дореформенный период нет никаких сведений. Отсутствие регулярного церковного учета лютеран в регионе сохранялось на протяжении длительного времени. Непосредственным образом на это влияло крайне малое количество церквей. Даже последовавшее в середине XIX в. распоряжение со стороны Департамента духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел о ведении метрических книг не способствовало изменению ситуации. Смешанные браки немцев-лютеран с православными девицами также мешают установлению численности первых. По мнению В.В. Ведерникова, в этот период саксонская "община" была немногочисленной и насчитывала не более 50 человек (инженеры и члены их семей)[3]. Мы вполне можем с ними согласиться на том основании, что в 1853 г. в Барнауле проживало 54 лютеранина (35 мужчин и 19 женщин), которые и были немцами преимущественно саксонского происхождения[4].

Одним из открытых вопросов в современной истории изучения полонии Западной Сибири остается численность поляков в первой половине XIX в. Первые сведения о количестве поляков в Тобольской губернии связаны с высылкой польских пленных, служивших в 1812 – 1813 гг. в армии Наполеона. По данным В. Сулимова, в 1814 г. в Сибирь прибыло более 2 тыс. пленных поляков, среди них не только солдаты, но и офицеры[5]. К 1830 г. в Сибири, по всей видимости, осталось немного поляков из числа конфедератов и польских пленных времен Отечественной

---

[1] Гагемейстер Ю.А. Статистическое обозрение Сибири, составленное по высочайшему Его Императорского Величества повелению, при Сибирском комитете, действительным статским советником Гагемейстером . Часть II. – СПб., 1854. С. 152.

[2] ГАТО. Ф. 234. Оп. 1. Д. 11. Лл. 3, 4, 37 об., 42, 78 об., 94, 135, 167. Подсчет наш.

[3] Ведерников В.В. Саксонцы на Алтае: их роль и место в становлении и развитии сереброплавильного производства // Европейские общины в российской провинции во второй половине XIX - начала XX веков. Барнаул, 2010. С. 131.

[4] ГАТО. Ф. 234. Оп. 1. Д. 11. Л. 94.

[5] Сулимов В.С. Польская армия Наполеона в Тобольской губернии. Тобольск, 2007. С. 68.

войны. Большая часть воспользовалась амнистиями и покинула регион. Тем не менее, отдельные группы поляков остались. Так, в 1831 г. в Тюмени проживало 23 конфедерата (9 мужчин и 14 женщин)[1]. Имели место и прочие отдельные случаи.

К сожалению, в имеющейся на сегодняшний день литературе встречается ничем необоснованный существенный разброс приблизительных данных о числе сосланных в регион участников восстания 1830-1831 гг. Так, Б. Пилсудский писал, что "вооруженное восстание в 1830-1831 гг., подавленное Паскевичем, пополнило Сибирь новыми отрядами польских колонизаторов: одних сослали на каторгу, других - на поселение, менее виноватых - в линейные сибирские батальоны. Всего их насчитывалось около десятка тысяч"[2]. В некоторых случаях говорят о 20-30 тыс. сосланных в Сибирь[3].

Делопроизводственная документация, отложившаяся в архивных фондах, позволяет определить динамику численности польского населения в 50-60-е гг. XIX в. по общему количеству католиков в крае[4]. Так, по данным Второго Сибирского комитета, на 1852 г. в городах Западной и Восточной Сибири (без Тобольска) проживало ок. 6250 католиков, которые имели 2 приходские церкви в Иркутске и Томске. При этом самая крупная католическая община была приписана к томскому приходу (2,4 тыс. чел.)[5]. Разумеется, это приблизительные сведения, включавшие в себя как ссыльных, так и свободное население, проживавшее не только на территории Томской губернии.

На 1853 г. в Томской губернии числилось ок. 1 тыс. католиков, которые были поляками[6]. Больше половины (370 мужчин и 287 женщин) проживало в г. Томске. Вторая по размеру община была в Мариинском округе, где она составила почти 20% католиков Томской губернии (113 мужчин и 89 женщин)[7].

В целом, большинство национальных общин в Западной Сибири в конце XVIII – первой половине XIX вв. возникает как результат репрессивной деятельности государственного аппарата. Выступление против политических и экономических основ государственного строя (антиправительственные выступления, крестьянские бунты, нарушение паспортного режима, незаконная торговля и пр.) являлось неоспоримым поводом для ссылки на каторгу или

---

[1] Государственный архив Тюменской области. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 308. Л. 3.

[2] Пилсудский Б. Поляки в Сибири // http://www.icrap.org/ru/pils5-4.html [Электронный ресурс. Режим доступа 30.07.2013 г.]

[3] См., напр. Kuczynski A. Syberia. Czterysta lat polskiej diaspory. Wroclaw, Warszawa, Krakow, 1993. S. 92.

[4] Поляки составляли среди католиков Сибири от 80 до 90%.

[5]. РГИА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 44. Л. 1.

[6] ГАТО. Ф. 234. Оп. 1. Д. 11. Лл. 3, 4, 37 об., 42, 78 об., 94, 135, 167. Подсчет наш.

[7] Там же.

поселение. Именно уголовное и административное преследование со стороны государства или обществ стало для поляков и евреев основным источником формирования этнических территориальных групп. На этом фоне разительно выделяются немцы, среди которых в силу различных обстоятельств антигосударственные настроения в это время полностью отсутствовали, а потому немецкое сообщество в регионе формировалось в рассматриваемый период преимущественно за счет добровольных мигрантов и естественного прироста населения.

3.2. Особенности формирования общин в пореформенный период (1860-е – 1880-е гг.)

В 1860-е – 1880-е гг. в формировании национальных общин в Западной Сибири произошли определенные трансформации. В первую очередь, это нашло свое выражение в изменении соотношения основных источников, что было связано с трансформацией основных направлений внутриполитического курса.

Буржуазно-демократические преобразования Александровской эпохи сказались на жизни еврейской общины Западной Сибири. Если в первой половине XIX в. основными источниками формирования сообщества было принудительное переселение, будь то уголовная и административная ссылка, либо направление малолетних иудеев в кантонисты, то вторая половина столетия характеризовалась усилением добровольной миграции в Тобольскую и Томскую губернии. В начале 1860-х гг. был принят ряд законодательных актов, позволивших некоторым категориям евреев переселиться из черты оседлости во внутренние губернии Российской империи. В число этих губерний попали и сибирские. На этом основании лица, имевшие высшее образование, академические степени, аптекари, ремесленники и др., в массовом порядке начали переселяться первоначально в прилегающие к черте оседлости губернии (Новгородская, Псковская, Смоленская и др.). Так, в городах Новгородской губернии на 1880 г. проживал 1 еврей, имевший диплом на ученую степень, 4 купца 1-й гильдии, 89 механиков, винокуров и вообще мастеров и ремесленников, 12 евреев, обучающихся ремеслу[1]. В этом же 1880 г. в Псковской губернии на основании упомянутых разрешений проживал 1 еврей с ученой степенью, двое окончившие курс обучения в университете, 4 купца 1-й гильдии, 360 ремесленников, 46 подмастерьев[2]. Положительная динамика подтверждается более

[1] РГИА. Ф. 821. Оп. 9. Д. 122. ЛЛ. 44 – 44 об.

[2] Там же. Л. 87 – 87 об.

серьезными сравнительными данными. Например, в Смоленской губернии, примыкавшей к черте оседлости, на 1863 г. иудейское население составляло лишь 0,1% учтенного населения, тогда как к 1897 г. этот показатель вырос в 7 раз (0,69%)[1]. Постепенно миграционный поток достиг Урала и Сибири. Так, в 1880 г. в Оренбургской губернии проживало 2 еврея-купца 1-й гильдии и 75 ремесленников[2].

География выхода евреев в Западную Сибирь была чрезвычайно широкой. Сохранившиеся документы 1890-х гг. позволяют нам говорить о том, что в Тобольскую и Томскую губернии переселялись еврейские семьи и евреи-одиночки как из губерний черты оседлости, так и из восточносибирских. По нашим подсчетам, 6,5% семей, проживавших в г. Томске в 1893 г., прибыло сюда из белорусско-литовских губерний, в первую очередь, Витебской и Могилевской[3]. Доля выходцев из украинских губерний черты оседлости была крайне малой и составила лишь 2,1%.

Важным фактором в условиях бурного роста экономики стало перераспределение населения внутри Сибири. Население устремилось, в первую очередь, в динамично развивавшиеся торгово-промышленные центры. На протяжении второй половины XIX в. одним из таковых был г. Томск, в котором, по данным 1893 г., 9% семей было причислено к обществам восточносибирских городов (Красноярск, Енисейск, Ачинск, Иркутск, Якутск). Сюда же переселялись евреи из Тобольской губернии, составившие ок. 11,6% семей томских евреев[4].

Надо сказать, что сибирские иудейские общины, возникшие искусственно в губернских и уездных городах, не существовали изолированно от прочего мира закона Моисеева. Об этом свидетельствует, например, активное стремление целого ряда евреев, досконально знавших Танах и Тору, авторитетно толковавших различные положения Галахи, занять должности раввинов в тех сибирских городах, где имелись вакансии. И часто это стремление встречало поддержку у местного религиозного сообщества, стремившегося жить в соответствии с иудейскими нормами и правилами.

Оба стремления подхлестывались попытками властей упорядочить религиозную жизнь иудейского общества. Именно в 1850-х – 1860-х гг. все большее значение начали приобретать так называемые казенные раввины, утверждаемые местным начальством. Основанием для занятия этой вполне доходной в Сибири должности должно было являться удостоверение об окончании какого бы то ни было казенного раввинского училища, в котором будущие раввины

---

[1] Довнар-Запольский М.В. Народное хозяйство Белоруссии. 1861 - 1914 гг. Минск, 1926. С. 27.

[2] Там же. Л. 68 об.

[3] ГАТО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 2573. ЛЛ. 17 - 29 об. Подсчет наш.

[4] ГАТО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 2573. ЛЛ. 17 - 29 об. Подсчет наш.

готовились под надзором со стороны Министерства народного просвещения. Разумеется, что эти училища были сосредоточены в черте оседлости.

Сибирским евреям приходилось прилагать немалые усилия для привлечения в Томск, Тобольск или Омск авторитетного раввина. И достаточно часто на имя губернатора поступало прошение от хозяйственного правления молитвенного дома или синагоги, в котором излагалась просьба утвердить в качестве раввина того или иного авторитетного еврея, который не имел подобного удостоверения. Чтобы не вносить раздор и сумятицу в религиозную жизнь местного еврейского сообщества, губернаторы поддерживали эти прошения в своих отношениях на имя министра внутренних дел. И, надо сказать, что достаточно часто по этим вопросам принималось положительное решение. Таким образом, священнослужители стали, своего рода, одним из составляющих элементов трудовой миграции, направленной из губерний черты оседлости в Западную и Восточную Сибирь.

Другая группа трудовых мигрантов – евреи, получившие высшее юридическое образование и после судебной реформы 1864 г. устремившиеся в ряды присяжных поверенных (адвокатов). Достаточно быстро в Сибири оказались врачи и прочие медицинские работники из иудеев (см. прил. 9).

Таким образом, частичная либерализация российского законодательства о евреях имела важное значение для целого ряда регионов, в том числе и Сибири. Появление здесь евреев с университетским и специальным образованием способствовало началу модернизации экономической и социокультурной жизни. Прибывшие в Сибирь добровольно евреи, активно включались в общинную жизнь, что было в тот период обязательной нормой. Ашкеназское еврейство Европейской России в период великих реформ было вовлечено в эмансипационные процессы. Шел активный процесс секуляризации жизни еврейского сообщества, в первую очередь, в крупных городах (Санкт-Петербурге, Москве, Киеве, Одессе, Вильно и др.). В Сибирь приезжали не просто евреи, имевшие высшее светское образование, а носители идей Гаскалы. Благодаря их деятельности изменился внешний облик еврейской общины, которая стала похожа на германскую или австрийскую. Все больше еврейских детей посещало уездные и губернские училища в сибирских городах. Это отмечали в своих работах как современники, так и историки более позднего времени[1].

Далеко не всегда прибывшие евреи могли найти работу. Вместе с сибирскими евреями они формировали поток внутрисибирской еврейской миграции, которая носила как экономический,

[1] См., напр., Голодников К.М. Тобольская губерния накануне 300-летней годовщины завоевания Сибири. Тобольск, 1881. С. 65; Гончаров Ю.М. Очерки истории еврейских общин Западной Сибири XIX - начала XX в. Барнаул, 2005. С. 71.

так и правовой характер. Первая была связана с поиском источников финансовой выгоды, а вторая с попытками вернуть евреев в те места, к которым они были прикреплены в вопросах полицейского учета.

Однако наряду с многочисленными добровольными мигрантами в 1860-е– 1880-е гг. в регион продолжали направляться уголовные и административные правонарушители, которые ссылались за Урал как в судебном порядке, так и по общественным приговорам.

Уже в середине 1850-х гг. в Сибирском комитете разгорелась дискуссия о ссылке евреев в сибирские губернии. Восточносибирский генерал-губернатор Муравьев-Амурский, как видно из архивных документов, настаивал на равномерном распределении потока каторжан и ссыльнопоселенцев между Западной и Восточной Сибирью. Напомним, что в свое время было принято решение о ссылке евреев исключительно в Забайкалье и Якутскую область. Дискуссия была порождена статистикой о значительном увеличении еврейского населения в восточносибирских губерниях. Власти были поставлены перед фактом: еврейское население в Сибири не только не уменьшается, как этого добивались с 1837 г., но имеет устойчивую тенденцию к росту. Для того, чтобы не создавать новую черту оседлости, необходимо было селить евреев-поселенцев повсеместно. Решение об этом было принято в 1860 г.

Социальный портрет еврея, сосланного в Сибирь во второй половине XIX в., ничем не отличался от того, который был изображен Анучиным. Но постепенно число евреев, прибывавших в Азиатскую Россию за совершенные уголовные и административные правонарушения (воровство, контрабанда, подделка документов, фальшивомонетчество и пр.), сокращается. Причиной тому, как считают исследователи, стала дискуссия о целесообразности ссылки в Сибирь за мелкие преступления вследствие ее дороговизны и принятие нового уголовного законодательства.

Сокращение к началу XX в. уголовной и административной ссылки не означало прекращение ссылки как таковой. Произошло смещение акцентов. Теперь большинство поселенцев и каторжан были отправлены в Сибирь за политические преступления: "за принадлежность к преступному сообществу, имевшему целью ниспровержение существующего в России строя"[1].

Сложившиеся на территории Тобольской и Томской губерний еврейские сообщества в пореформенный период развивались достаточно активно. Их включенность в экономическую жизнь вела к расслоению и выделению маргинальной группы, которая породила местное преступное сообщество. В сибирских условиях единственным наказанием являлась высылка в

[1] Цит. по: Курас С.В. Ссылка евреев в Сибирь в законодательных актах и делопроизводственной документации (вторая половина XIX в. – февраль 1917 г.). Улан-Удэ, 2010. С. 63.

более восточную губернию. Таким образом, возникла еще одна составляющая внутрисибирской миграции, количественно увеличивавшей или уменьшавшей общину.

В пореформенный период в качестве основных источников формирования еврейской общины Западной Сибири сохранило свое значение принудительное водворение в регионе. Однако постепенно вводятся запреты на высылку евреев в Сибирь в административном порядке (теперь они отбывали наказание в местах приписки). Это привело к тому, что постепенно начала расти доля добровольных переселенцев, которые прибывали в Томскую и Тобольскую губернии с целью улучшения своего материального положения.

Либерализация внутренней политики в начальный период правления Александра II проявилась в изменении подходов к решению национального вопроса. Уже в 1856 г. была объявлена амнистия декабристам и участникам Польского восстания 1830–1831 гг. Это привело к тому, что поляки, имевшие финансовые возможности, покинули Западную Сибирь.

В конце 1850-х – первой половине 1860-х гг. основным источником пополнения немногочисленной полонии стала ссылка поляков на каторгу и поселение за уголовные и административные правонарушения. В дальнейшем этот источник начнет терять свое значение, что было связано с пересмотром отношения властей к такого рода наказанию за преступления.

Январское восстание 1863 года и его провал привели к появлению значительной массы политических ссыльных и каторжан, которые были распределены по разным губерниям Сибири. Распределение ссыльных на поселение во многом зависело от тех сведений о наличии свободных земельных наделов, которые подавали в Тюменский и Томский приказы о ссыльных местные управления государственными имуществами. Именно политическая ссылка стала основным, но не единственным, источником пополнения западносибирской полонии. О численности и размещении польских политических ссыльных будет сказано далее.

Польская община продолжала пополняться за счет уголовных ссыльных. Анализируя многочисленные публикации В. Сливовской, П. Глушковский указывал, что, по ее мнению, "не все польские ссыльные были повстанцами. Многие поляки, сосланные в Сибирь, - уголовные преступники"[1]. Поэтому необходимо учитывать и этот компонент формирования сибирской полонии в 1860-х – 1880-х гг.

Кроме принудительной миграции, мы имеем дело с добровольным переселением в Сибирь, и в нем необходимо выделить несколько составляющих.

Во-первых, во второй половине 1860-х гг. в Тобольскую и Томскую губернии вместе с прямыми и косвенными участниками восстания 1863 г. на основании существовавших законов

---

[1] Глушковский П. Современные польские исследования по истории Сибири (Викторья Сливовская и Антони Кучиньский) // Польские исследователи Сибири. – СПб., 2011. С. 13.

прибыли их жены, некоторые с малолетними детьми. Подобная ситуация вряд ли была возможна в условиях первой половины XIX в., когда Сибирь в польском общественном сознании (не географическое понятие, а совокупность пережитого, по словам В. Сливовской[1]) олицетворяла собой подобие ада на земле. Но возвратившиеся ссыльные 1830-х – 1840-х гг. в той или иной степени своими устными и нарративными воспоминаниями способствовали ломке сложившегося стереотипа. Хотя были и иные случаи. Так, упоминается Роман Сангушко, который на французских картинках изображался закованным в цепи пленником, но состоявший на службе и проживавший в ссылке в квартире[2].

Добровольная миграция в этот период сохраняется и в форме трудовой. В пореформенный период сохранялся незначительный приток поляков, находившихся на государственной службе. Правда, тут произошли некоторые изменения. В 1880-е гг. в Сибирь направилось значительное количество поляков, которые влились в систему здравоохранения и народного просвещения. Для многих из них открытые в Томске Императорского университета (1888 г.) и Технологического института (1896 г.) стало реальной возможностью сделать или продолжить свою научную карьеру. Кроме того, развитие промышленности в Сибири привело к повышенному спросу на высококлассных технических специалистов. Проблема обеспечения частных и казенных предприятий высококвалифицированными кадрами решалась и посредством трудовой миграции из западных губерний. В этом потоке поляки составляли существенный процент.

На фоне активного формирования еврейской и польской общины в пореформенный период немецкое сообщество выглядело вполне стабильным. Оно по-прежнему было немногочисленным и пополнялось теми немногочисленными военными и чиновниками, которые прибывали в Сибирь для прохождения службы. Некоторые из них приезжали с семьями, некоторые обзаводились ими уже на новом месте жительства. Правда, эта часть немецкого населения региона в силу своих особенностей была чрезвычайна мобильна, отчасти она стала основой внутрирегиональной миграции германского элемента.

Сохранялся незначительный приток осужденных за уголовные и административные правонарушения. Но, как и раньше, количество немцев-ссыльнопоселенцев было крайне мало. В пользу этого говорит, например, статистика. Так, по данным С.. Курас, в 1889 г. было осуждено окружными судами: 3093 еврея, 1447 поляков, и только 286 немцев[3].

---

[1] Цит. по: Глушковский П. Современные польские исследования по истории Сибири (Викторья Сливовская и Антони Кучиньский) // Польские исследователи Сибири. – СПб., 2011. С. 12.

[2] Там же. С. 13.

[3] Курас С.В. Ссылка евреев в Сибирь … С. 41.

Новым источником для пополнения немецкой общины стали и иностранцы - немцы, сохранявшие долгое время, прусское, австрийское, нидерландское подданство. Именно крупные сибирские города стали местом их поселения. Так, в первой половине 1880 г., по данным Томского полицмейстера в г. Томске по паспортам Томского губернатора числилось 10 иностранцев (см. прил. 10).

Как мы видим, подавляющее большинство составляли немцы. Интересно, что они идентифицировали себя относительно тех государств, из которых они прибыли в Россию. А ведь в это время уже почти десятилетие существует Германская империя.

Реформа немецких колоний в Поволжье и Новороссии 1870-х гг. не привела к массовому исходу бывших колонистов за пределы мест своего прежнего проживания. На протяжении 1870-х – 1880-х гг. они продолжали тяготеть к своей малой родине. Бурное развитие капиталистических отношений в сельском хозяйстве колоний способствовало их активному включению в экономическую жизнь регионов и, как следствие, процветанию. Правда, "грюндерская горячка" быстро закончилась, и в колониях начался процесс социально-имущественной дифференциации, который привел к расслоению общества и выделению маргиналов, которые вынуждены были искать источник дохода вне бывших колоний. В результате часть поселян-собственников покинула их, направившись в города, пополняя ряды наемных рабочих, и за Урал, стремясь сохранить связь с аграрным сектором.

Тем не менее, немецкая община в Томской и Тобольской губерниях продолжала сохранять свое значение. Она была немногочисленна, но в сравнении с польской и еврейской чрезвычайно влиятельной, т.к. представляла собой часть военной и гражданской элиты в регионе.

Полицейский учет, отразившийся в "Памятных книжках" по разным губерниям, позволяет нам восстановить примерную картину размещения еврейского населения в Сибири на начало правления Александра II. Так, в Тобольской губернии проживало немногим более 1 тыс. евреев (1857 г.)[1], в Енисейской - ок. 1,5 тыс. (1863 г.)[2], Иркутской - 747 (1861 г.)[3]. Размещение еврейского населения внутри губерний в этот период осуществлялось преимущественно в сельской местности, куда оно направлялось на поселение. По данным губернской статистики, в Томской губернии к 1866 г. проживало 2468 евреев[4]. Местные евреи концентрировались преимущественно в городах (в первую очередь, Томск, Каинск). На их долю приходилось 58%.

---

[1] Памятная книжка Тобольской губернии на 1860 год. Тобольск, 1860. С. 135 – 136.

[2] Памятная книжка Енисейской губернии на 1865 год. Красноярск, 1864. С. 187.

[3] Памятная книжка Иркутской губернии на 1863 год. Иркутск, 1863. С. 108 - 109. Подсчет наш.

[4] ГАТО. Ф. 234. Оп. 1. Д. 22. Л. 7.

Введение всеобщей воинской обязанности для мужского населения Российской империи требовало от Военного министерства составления списков лиц мужского населения, подлежащих призыву на военную службу. С этой целью посредством Министерства внутренних дел в 1875 г. была проведена перепись мужского еврейского населения (см. прил. 11).

Правда, как свидетельствуют многочисленные документы, место приписки достаточно часто не совпадало с местом реального проживания. Власти предпринимали попытки навести в этом вопросе порядок, высылая целые семьи в места приписки. Например, Тобольский губернатор неоднократно получал ведомости о евреях-мужчинах в возрасте до 25 лет, приписанных во вверенной ему губернии, но фактически проживавших в других губерниях и областях Сибири. Подобная ведомость, например, была направлена ему из Томска 19 апреля 1875 г., о чем он был извещен сопроводительным письмом[1]. Подобные документы поступили из Волынской, Енисейской, Оренбургской, Полтавской губерний.

Еврейские общины были представлены практически во всех губерниях и областях Сибири. На протяжении 1850-х - 1880-х гг. их численность, как мы увидим далее, резко возросла (см. прил. 12).

Наиболее многочисленной становится в середине 1880-х гг. община Томской губернии. Правда, соотношение к наличному населению было не столь высоко в сравнении с Иркутской губернией.

Приведенная выше таблица позволяет понять общесибирскую тенденцию, направленную на увеличение численности населения. О более детальной динамике мы можем говорить на основе статистических данных о вероисповедном составе Томской губернии за середину 1850-х - первую половину 1880-х гг. (см. прил. 13).

Как мы видим, почти за 30 лет еврейское население Томской губернии увеличилось почти в 2,5 раза, численность женского населения - в 2 раза. Столь значительный прирост объясняется как естественным приростом населения, так и влиянием миграционного фактора, который активизировался в условиях буржуазно-демократических преобразований в России в период правления Александра II.

Следует отметить, что расширение географических рамок уголовной, административной и политической ссылки, либерализация законодательства о праве на место жительства за чертой оседлости для отдельных категорий подданных, естественный прирост населения сыграли в этом положительную роль.

---

[1] ГУТО ГАТ. Ф. 152. Оп. 38. Д. 2. Л. 85.

Мы уже неоднократно отмечали наличие правовых запретов на проживание и хозяйственную деятельность евреев на территории Алтайского горного (до 1896 г.) округа. Некоторые исследователи доказывали отсутствие последних на данной территории[1]. Однако полицейский учет фиксировал проживание иудеев, например, в г. Бийске: в 1866 г. здесь было 15 евреев[2].

В 1870-х – 1880-х гг. мы имеем дело с единичными случаями проживания евреев в Алтайском горном округе. Их появление здесь было связано с экономической деятельностью. Так, Марк Гудович "записан с семейством в барнаульские купцы по постановлению Томской казенной палаты 3 июля 1870 г. на основании ст. 129 т. XI Уст. Торг."[3]. В это же время на Алтае ведут свои промышленные дела Каминер и Хотимский, получившие на это право "по особому Высочайшему повелению"[4].

На рубеже XIX – XX вв. ситуация в корне меняется, и теперь тут проживают не только купцы. Данные по Бийскому уезду за 1901 – 1902 гг. показывают присутствие отставных солдат и медицинских работников. Так, в Усть-Чарышской волости проживали управляющий вольной аптекой Лазарь Ефимович Бейлин с женой Эмилией Рафаиловной (частной акушеркой) и малолетней дочерью Беллой[5]. В Смоленской волости должность участкового фельдшера при волостной лечебнице исполнял Иуда Леонтьев Бернштейн[6]. И подобные примеры не были единичными.

В марте 1895 г. в Барнауле была проведена однодневная перепись, которая также зафиксировала присутствие в городе евреев в количестве 19 человек (11 мужчин и 8 женщин)[7]. Это лишний раз свидетельствует о том, что законы, запрещавшие евреям жить на территории Алтайского горного округа, не соблюдались, и иудеи в Округе проживали. Концентрация данной группы в районе, ограниченном улицами Большой Тобольской, Малой Тобольской, Конюшенным переулком и р. Обь, не вызывает никаких сомнений в их сословно-профессиональной деятельности. Данный район Барнаула был центром торговли и ремесла.

Различные европейские национальные группы, оказавшиеся в Западной Сибири, имели существенные отличия как в своем национальном развитии, так и развитии в качестве "мобильной

---

[1]. См., напр., Усольцев А.В. Имперская политика в отношении евреев на Алтае в XIX в. // История еврейских общин Сибири и Дальнего Востока: Матер. II регион. науч.-практ. конф. Красноярск; Иркутск, 2001. С. 6–9.

[2] ГАТО. Ф. 234. Оп. 1. Д. 22. Л. 7.

[3]. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 76 а. Д. 48. Л. 4.

[4]. РГИА. Ф. 821. Оп. 9. Д. 86. Л. 8 об.

[5]. ГААК. Ф. Д-170. Оп. 1. Д. 147. Л. 248.

[6]. Там же. Л. 249.

[7] Город Барнаул по переписи 26 марта 1895 года // Алтайский сборник. Т. II. Вып. 1 и 2. Барнаул, 1898. С. 49.

группы-диаспоры" в сибирском регионе. Это нашло свое отражение в их расселении в городах и сельской местности. Например, в 1857 г. ок. 51% евреев Тобольской губернии проживало в городах[1], что не являлось уникальным для российских евреев. Так, на 1864 г. в Новгородской губернии городские евреи составляли почти половину общины[2]. Подобная ситуация наблюдалась и в других губерниях, не входивших в черту оседлости, но открытые для еврейского поселения. При этом в сибирских губерниях проявлялась тенденция к росту урбанизированности еврейской общины, что было связано с экономическим развитием ряда сибирских городов (Омск, Томск, Каинск и др.) и концентрацией в них представителей еврейской торговой и промышленной буржуазии.

Преобладание городского населения над сельским применительно к сибирскому еврейству объясняется также социальной структурой последнего. Наиболее наглядная картина представлена материалами однодневной переписи г. Тобольска 11 апреля 1882 г. Более половины евреев были причислены к мещанскому сословию (65,8%)[3], а с учетом ссыльных мещан их удельный вес был еще больше (84,7%)[4]. С одной стороны, это объясняется традиционным доминированием мещанства в еврейской среде, с другой стороны, это являлось одним из "ходов" для облегчения налогового бремени. Как отмечал известный сибирский статистик князь Н. Костров, с уничтожением подушной подати для мещан и обложением их только налогом на недвижимое имущество, на рубеже 1870-х – 1880-х гг. многие из крестьян-сибиряков и ссыльных стремились перейти в мещанство[5]. При этом доля евреев-крестьян была невелика и составляла 6,3% или ок. 7% с учетом ссыльных крестьян[6]. Самыми малочисленными были купеческое сословие (3,4%) и группа солдат с семьями (4%)[7].

Надо сказать, что подобная картина сохранялась и в дальнейшем. Так, посемейный сословный состав еврейского общества мы можем восстановить по именным спискам, которые составлялись полицией по различным поводам. В 1893 г. список был составлен по распоряжению Томского губернатора Полицейским Управлением Томска для выявления лиц, не имевших право проживать в городе и подлежавших высылке к месту приписки (см. прил. 14).

---

[1]. Памятная книжка Тобольской губернии на 1860 год. Тобольск, 1860. С. 135 – 136. Подсчет наш.

[2] Памятная книжка Новгородской губернии на 1864 год. Часть вторая. Новгород, 1864. С. 26.

[3]. Однодневная перепись населения ... Ведомость IX / Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 год. Тобольск, 1884.

[4]. Там же. Приложение к ведомости IX / Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 год. Тобольск, 1884.

[5]. Костров Н. Однодневная перепись населения города Томска 16 марта 1880 года. Томск, 1880. С. 35-36.

[6]. Однодневная перепись населения ... Ведомость IX / Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 год. Тобольск, 1884.

[7]. Там же.

Как мы видим из приложения, подавляющее большинство по-прежнему составляло мещанское сословие. Надо сказать, что учтенные семьи были причислены к различным мещанским обществам, что наглядно показывает географию прежнего места жительства глав семей или их родителей. Это были не только общества городов Тобольской или Томской губерний. Они составили 79% мест причисления; 9% семей было причислено к мещанским обществам восточносибирских городов, 12% - городов в черте оседлости. В то же время крестьянские семьи почти поголовно были приписаны к Томскому, Каинскому и Мариинскому округам Томской губернии.

Имели место и свои особенности в демографическом развитии еврейской общины в Западной Сибири. Постепенное увеличение еврейского женского населения объясняется, в первую очередь, уровнем рождаемости и его значительным превышением над уровнем высоким смертности (см. прил. 15).

На подобный феномен, характеризующий нахождение еврейской общины на начальном этапе демографического перехода от традиционной семьи к современной, обращают внимание современные исследователи, изучающие местные общины[1].

Другой отличительной чертой евреев России являлся высокий уровень естественного прироста, что являлось следствием низкого уровня смертности. По этому показателю евреи опережали, скажем, поляков, или немцев, для которых характерны более медленные темпы естественного увеличения общины – не более 10‰[2].

Являясь инородным элементом по этнической и конфессиональной принадлежности, евреи проявили в сибирских городах свое стремление к компактности в расселении. В этом они не были исключением. Примером тому может служить Томск 1880 г., как один из наиболее интернациональных городов региона. Наиболее этнически обусловленным было расселение татар, которые были сконцентрированы в Юрточной части города (индекс концентрации[3] составил 2,49), немцев в Юрточной и Сенной частях (1,3 и 1,2 соответственно), и евреев, которые проживали преимущественно в Воскресенской и Сенной частях (1,26 и 1,28 соответственно)[4] (см. прил. 16).

Таким образом, еврейская община в Тобольской и Томской губерниях имела устойчивую тенденцию к количественному увеличению. К концу XIX в. естественный прирост еврейского

---

[1] Гончаров Ю.М. Очерки истории еврейских общин Западной Сибири (XIX – начало XX вв.). Барнаул, 2005. С. 43.

[2] Памятная книжка Новгородской губернии на 1864 год. Новгород, 1864. С. 25, 29, 31; Памятная книжка Тобольской губернии на 1858 год. Тобольск, 1860. С. 134-135, 141, 144-145. Подсчет наш.

[3]. Индекс показывает, во сколько раз доля этнической группы в населении участка выше или ниже доли этой группы во всем населении

[4]. Костров Н. Указ. соч. С. 17 – 34. Подсчет наш.

населения в Западной Сибири находился на высоком уровне и не отличался от аналогичного показателя в других губерниях, что свидетельствовало о стабильности общины.

Местами средоточия немцев вплоть до конца XIX в. являлись крупные города, которые были административно-хозяйственными центрами и центрами расквартирования воинских частей (Тобольск, Томск, Омск, Барнаул).

Некоторое представление о немецкой общине в западносибирских городах дают материалы однодневных переписей рубежа 70-х – 80-х гг. XIX в. Согласно этим данным, самой многочисленной была община в г. Омске, которая насчитывала 251 чел.[1]. Томская и тобольская общины были менее многочисленными и составляли соответственно 136[2] и 77 чел.[3] соответственно.

Немецкая община этого времени имела ряд отличительных особенностей. Одна из них проявилась в сословной структуре, которая позволяет говорить о схематичном распределении немцев по различным экономическим нишам. Так, в Тобольске и Омске немцы-дворяне составляли на рубеже 70-х – 80-х гг. XIX в. 25 – 26% своей группы[4], и по этому показателю они значительно опережали другие национальные группы (среди поляков Тобольска дворяне составляли лишь 19%). Как правило, это были военные и гражданские чиновники. Свое влияние на сословную структуру городских немцев оказало и историческое прошлое городов. Так, от 15% в Омске до почти 30% немцев Тобольска были мещанами. В Тобольске 42% немцев относилось к разряду ссыльных[5], тогда как условная закрытость для ссыльных и аграрный характер Омска способствовал появлению в городе значительной части крестьянского элемента, который составил 1/3 немецкого населения города[6]. В отличие от польской и еврейской общин, немецкая община имела крайне невысокий процент ссыльного элемента.

Таким образом, к 1890-м гг. немецкая община Западной Сибири была крайне малочисленна и представлена преимущественно городскими обывателями различных сословий. В сельской местности проживали немногочисленные на тот момент арендаторы.

---

[1]. Подсчитано по: Словцов И.Я. Материалы по истории и статистике Омска, извлеченные из однодневной переписи 1877 г. Ч. 1. Омск, 1880. Отд. 1. Табл. 4.

[2]. Костров Н. Однодневная перепись населения г. Томска 16 марта 1880 года. Томск, 1880. С. 34.

[3]. Однодневная перепись населения г. Тобольска 11 апреля 1882 года // Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 год. Тобольск, 1884. Вед. VIII.

[4]. Подсчитано по: Однодневная перепись населения г. Тобольска...Вед. XII; Словцов И.Я. Указ. Соч. Отд. 1. Табл. 4.

[5]. Подсчитано по: Однодневная перепись населения г. Тобольска... Вед. XII.

[6]. Подсчитано по: Словцов И.Я. Указ. соч. Отдел 1. Табл. 4.

В середине 1860-х гг. численность поляков резко возрастает за счет ссыльных участников Январского восстания и прибывших с ними членов семей. Одним из первых дал количественную оценку Максимов, указавший в своей работе "Сибирь и каторга" цифру в 18623 повстанца[1]. В исследовательской и справочной научной литературе утвердилось мнение, что в Сибирь в общей сложности было сослано около 18 тыс. участников восстания. Так, Н.П. Митина в своей монографии указывает цифру в 18606 человек, опираясь на архивные документы[2]. Местами водворения стали населенные пункты Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской губерний, Забайкальской и Якутской областей. В течение 1863 – 1867 гг. в Тобольскую губернию было направлено поселение, жительство и водворение 4101 чел., из которых к водворению были приговорены около 3 тыс. В Томскую губернию было за этот же период выслано 6306 чел., из которых на водворение 4300, на жительство более 1 тыс. чел., 10 на поселение, а остальные (около 1 тыс. чел.) прибыли добровольно как члены семей сосланных[3].

Правда, в последнее десятилетие отечественные и польские исследователи склонны пересмотреть эту цифру в сторону ее увеличения. Так, польский историк Л. Заштовт считал, что в сибирскую ссылку в общей сложности было отправлено более 24 тыс. человек, которые были поселены в крупных городах и их окрестностях[4]. Сам он оценил свои подсчеты как "оценочные"[5].

Пытаясь определить точное количество польских ссыльных, исследователи сталкиваются с рядом проблем. Так, необходимо учесть только поляков, подвергнутых судебному преследованию и направленных на каторгу, поселение либо в арестантские роты, из всех губерний, в которых проходили соответствующие процессы. С другой стороны, необходимо избежать двойного, а то и тройного учета одних и тех же повстанцев, что вполне возможно при механическом суммировании тех данных, которые приводятся в официальных документах (отчетах губернаторов, полицейских донесениях и отчетах и пр.). Только составление полного именного списка, на наш взгляд, позволит решить эту проблему и поставить точку в этом вопросе.

---

[1] Максимов С.В. Указ. соч. С. 358.

[2]. Митина Н.П. Во глубине сибирских руд. М., 1966. С. 11.

[3]. Там же. С. 13.

[4] Заштовт Л. Депортация и переселение польского населения из Западных губерний вглубь Российской империи после Январского восстания 1863 – 1864 гг. // Польская ссылка в России XIX – XX веков: региональные центры. Казань, 1998. С. 168.

[5] Там же. С. 169.

Приводимые в документах статистические данные не дают возможности говорить о национальном составе сосланных. Мы можем лишь предположить, что подавляющую часть из них составляли поляки. Некоторые данные позволяют восстановить бывшую социальную принадлежность сосланных. Так, по данным Н.П. Митиной, в Енисейской губернии более 42% пришлось на долю шляхты и шляхтичей; почти 14% составили крестьяне, 10% - мещане. Доля представителей духовенства была незначительной и не превышала 1,5%. Правда, в архивных документах отсутствует информация о бывшем состоянии почти 20% ссыльных[1]. В целом же можно говорить о преобладании в общей массе бывших представителей дворянского сословия. Вряд ли данные по другим губерниям отличались в ту или иную сторону, а потому данные подсчеты, как нам кажется, могут быть распространены на все сибирские губернии.

Во второй половине XIX в. произошли качественные изменения в составе сибирской полонии. С одной стороны, она по-прежнему пополнялась ссыльными и поселенцами, например, после 1863 г., о чем мы только что сказали. С другой стороны, в это время в Сибирь в рамках государственных переселенческих кампаний отправлялись крестьяне из польских губерний.

Говоря о прибытии тысяч поляков в Западную Сибирь в середине 1860-х гг., необходимо помнить и об обратном процессе, который начался уже в конце 1860-х – начале 1870-х гг. и был связан с частичной амнистией участников Январского восстания 1863 г. Несомненно, это существенно влияло на численность польской общины. Правда, рассматривать данную ситуацию необходимо не только с точки зрения правотворчества, но и правоприменения. А эти два аспекта в России XIX в., как известно, часто не совпадали. Подобная ситуация прослеживалась и в данном случае. Так, на 1867 г., из Ишима получили возможность переселиться во внутренние губернии 39 семей и одиноких, из которых почти 1/3 была отправлена в Нижегородскую губернию, а почти пятая часть – в Ригу и Лифляндскую губернию[2]. К 18 мая 1867 г. в Таре был составлен именной список политическим ссыльным из Царства Польского и Западных губерний, сосланным по судебным приговорам и в административном порядке без ограничения прав за политическую неблагонадежность, в котором содержались данные на 24 семьи и одиноких в составе 119 человек: больше половины из них должны были быть отправлены в Саратовскую губернию под надзор полиции[3].

К сожалению, до 1897 г. в России не проводилось полномасштабных переписей населения, поэтому нам приходится восстанавливать картину по отрывочным данным, в том числе по

---

[1]. Там же. Подсчет наш.

[2]. ГУТО ГАТ. Ф. 152. Оп. 3. Д. 41. ЛЛ. 35-51. Подсчет наш.

[3]. Там же. ЛЛ. 57-79. Подсчет наш.

однодневным переписям и статистическим материалам "Памятных книжек". Так, на 1869 г. в Томской губернии проживало 6 516 католиков (поляки составляли ок. 5,2 тыс. чел.)[1].

Отсутствие упорядоченного учета населения по национальному признаку не позволяет нам говорить о конкретной численности польского населения Западной Сибири. Мы можем лишь обозначить некоторые тенденции, которые имели место. Так, если на середину 1860-х гг. приходится значительный приток поляков, то на рубеже 1860-х – 1870-х гг. отмечается сокращение численности полонии, что было связано с предоставлением правительством некоторым категориям ссыльных возможности переселиться в губернии Европейской России.

В то же время восстановить примерную численность поляков в Западной Сибири возможно по церковным документам. Уже в 1868 г. вице-курат Тобольского католического прихода обратился с просьбой к Тобольскому губернатору: оказать помощь в сборе сведений о лицах римско-католического вероисповедания. Просьба его основывалась на распоряжении католического архиепископа Могилевского (1867 г.). Сведения должны были содержать в себе не только данные о численности католиков, но также о количестве мужчин и женщин с указанием возраста, а также данные о количестве браков, числе законных и незаконнорожденных детях и т.д.[2] Не будет преувеличением, если мы определим эту просьбу как попытку провести перепись в пределах одной губернии. Правда, эта попытка оказалась безрезультатной.

О том, что распоряжения церковных римско-католических властей носили систематический характер, свидетельствуют документы, отправленные в Могилев из Томска. Так, из рапорта от 12 декабря 1872 г. Томского курата Архиепископу Могилёвскому Митрополиту всех римско-католических церквей Антонию Фиалковскому следует, что уже только "в Томском приходе находится католиков приблизительно около 6,5 тыс. В том числе мужского пола около 5550, женщин до 950. Проживающих в Томской губернии 5405 мужского пола, 945 женского пола, в Семипалатинской области 145 мужского пола, 5 женского пола"[3]. При этом в тексте своего донесения курат указывал на то, что католики его прихода – поляки. По всей видимости, курат обладал неполными данными о своей пастве. "Статистический обзор Томской губернии за 1872 год" содержит иные данные, согласно которым католическое население в губернии составляло 7323 чел.[4]

---

[1]. Памятная книжка Томской губернии. Томск, 1871, с. 57.

[2]. ГУТО ГАТ. Ф. 152. Оп. 4. Д. 3. Л. 1.

[3]. РГИА. Ф. 826. Оп. 3. Д. 76. Л. 26

[4]. Статистический обзор Томской губернии за 1872 год. Томск, 1872, с. 9

Священники достаточно часто имели весьма скудное представление о своих прихожанах. Для получения полных данных они зачастую прибегали к помощи местных властей. Так, для составления отчетов Могилевскому Митрополиту курат Тобольской римско-католической церкви Людович в 1884 г. вынужден был обратиться за помощью к Тобольскому губернатору. В частности, в своем отношении последнему он писал, что "не имеет точных сведений о своих прихожанах …, проживающих по Тобольской губернии"[1]. На основании рапортов окружных исправников, направленных в адрес начальника губернии, можно сделать вывод о том, что данные сведения Людовичем были получены в конце 1884 – начале 1885 гг.

Городские однодневные переписи 1870-х – 1880-х гг. позволяют определить численность поляков в крупных городах. Так, по данным И.Я. Словцова, на 1877 г. в г. Омске проживало 656 поляков обоего пола, при этом 97% были католиками, но встречались среди них православные (13 чел.) и даже протестанты (4 чел.)[2]. В 1881 г. была проведена однодневная перепись населения г. Тобольска, которая показала, что в нем проживает 521 поляк обоего пола[3].

Рассматриваемые нами общины изменялись количественно. Этот процесс шел далеко не всегда по нарастающей. Наиболее наглядно мы можем рассмотреть его на материале Томской губернии 1853 - 1881 гг. (см. прил. 17).

Резкий скачок численности польской общины, связанный с появление большого числа ссыльных и членов их семей в 1865 - 1866 гг., постепенно сменился спадом, вызванным амнистией ссыльных. Значительный рост рубежа 1870-х - 1880-х гг. был связан с внутрирегиональным перераспределением поляков, оставленных в Сибири и получивших возможность выбирать место жительства.

Надо сказать, что свою роль в количественном росте польского населения сыграл и естественный прирост. Так, на 1870 г. этот показатель составил применительно к Томской губернии 19,1‰[4]. Это был достаточно высокий показатель, учитывая высокую степень диспропорциональности польского католического населения (на 5902 мужчины приходилось 1421 женщина)[5].

В целом, опубликованные источники позволяют выявить тенденции в количественном составе отдельных этнических и конфессиональных групп населения в первой половине 1880-х гг. (см. прил. 18).

---

[1]. ГУТО ГАТ. Ф. 152. Оп. 10. Д. 150. Л. 1.

[2]. Словцов И.Я. Материалы по истории и статистике Омска, извлеченные из однодневной переписи 1877 г. Ч. 1. Омск, 1880, табл. 4, подсчет наш

[3]. Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 год. Тобольск, 1884, вед. VII, Подсчет наш

[4] ГАТО. Ф. 234. Оп. 1. Д. 39. ЛЛ. 8, 191, 348, 370. Подсчет наш.

[5] ГАТО. Ф. 234. Оп. 1. Д. 39. Л. 8.

Приведенные в таблице данные демонстрируют состояние трех общин в первой половине 1880-х гг. Как мы видим, наибольшей стабильностью отличалась польская католическая община. Сокращение численности поляков почти на 500 чел. (ок. 7%) было связано с их оттоком в европейские губернии в ходе политической амнистии участников Январского восстания 1863 г. Ежегодный прирост католической общины составил в этот период ок. 1,8%, что свидетельствовало о доминировании естественного прироста среди прочих источников. В дальнейшем резких колебаний в численности томской полонии не будет отмечено до начала XX в. – к 1897 г. в пределах Томской губернии зафиксировано 6328 католиков, преимущественно поляков.

Численность лютеранско-протестантской общины в пореформенный период не отличалась стабильностью, что было связано с источниками ее формирования.

На общем фоне выделяется иудейская (еврейская) община, которая имела устойчивую тенденцию к увеличению. С 1869 г. по 1885 г. она выросла на 262%. В первой половине 1880-х гг. ежегодный прирост составил в среднем от 2 до 5%, что свидетельствовало об увеличении еврейского населения Томской губернии за счет естественного прироста. Особо выделился период с 1883 г. по 1884 г., охарактеризовавшийся резким скачком – 46%. Последнее можно объяснить наплывом евреев из других губерний и высоким естественным приростом.

Таким образом, на протяжении 1860-х – 1880-х гг. в Западной Сибири продолжался процесс формирования национальных общин. Проведенные правительством Александра II реформы привели к некоторому изменению соотношения между различными источниками формирования общин. Все большее значение начала приобретать добровольная миграция в регион преимущественно в форме трудовой миграции. Значение уголовной и административной ссылки постепенно падает, что было связано с оставлением правонарушителей для отбывания наказания в Европейской России и введением широкой линейки денежных штрафов. На этом фоне активизировалась политическая ссылка, что было вызвано подъемом революционного движения внутри страны и на национальных окраинах.

3.3. Формирование национальных общин на рубеже XIX – XX вв.

В 1890-е – 1910-е гг. национальные общины пережили качественно новый период своего развития, который можно разделить на два этапа – 1890-е – гг. – 1914 г., 1914 – 1917 гг.

Одним из наиболее заметных событий, оказавших существенное влияние на развитие еврейской, польской, немецкой общин, стало прекращение ссылки в Сибирь за уголовные и

административные преступления, но на этом фоне усилилось значение политической ссылки. 25 марта 1900 года законопроект коренного реформирования ссылочной системы был представлен на рассмотрение Государственного Совета.

В числе прочих мер, в новом законе предусматривалась отмена ссылки "на житье" в полном объеме и значительное сокращение ссылки "на поселение" взамен на тюремное заключение на различные сроки или отбывание наказания в исправительных арестантских отделениях. Ссылка "на поселение" признавалась "исключительной карой" за "политические" и "религиозные" преступления. В итоге, закон отменял общеуголовную ссылку и ссылку в Сибирь на водворение за бродяжничество, а также существенно ограничивал ссылки по приговорам обществ.

Если до принятия закона доля политических ссыльных в общем числе была весьма незначительной, то, начиная с 1900 года, сибирская ссылка превращается, прежде всего, в политическую. На это обращают внимание современные исследователи[1]. При этом отмечается, что к концу XIX – началу XX вв. в среде политических ссыльных все больший удельный вес занимали евреи. В общей массе политических ссыльных и каторжан в этот период преобладали евреи, составлявшие, по некоторым данным, почти 30%[2], а среди ссыльных членов радикальных партий социалистической направленности (Партия социалистов-революционеров, РСДРП, Бунд) на их долю пришлось почти 50%[3]. При этом необходимо помнить, что к концу XIX в. на долю статей, защищавших государственный и общественный порядок, приходилось 84,3% всех статей[4].

Рубеж XIX – XX вв. характеризовался бурным всплеском в аграрном, промышленном, торговом развитии сибирской экономики. Западная Сибирь оказалась еще более тесно связанной с ведущими экономическими центрами страны. Это проявилось в открытии большого количества филиалов и отделений фирм, расположенных в Европейской России. В то же время сибиряки создают собственные предприятия различных организационных форм (акционерные общества, торговые дома и пр.). Во многом этому способствовало проведение Транссибирской железной дороги, положившей начало экономической модернизации региона. Правда, позитив от ее проведения лишь отчасти сказался на включении аграрного сектора сибирской экономики в общероссийский рынок сельскохозяйственной продукции. Сохранение "челябинского перелома" не привело к выходу западносибирского зерна в европейские

---

[1] См., напр.: Галашова Н.Б. Указ. соч. С. 55.

[2] Гончаров Ю.М. Очерки истории еврейских общин Западной Сибири (XIX – начало XX в.). Барнаул, 2005. С. 156.

[3] Курас С.В. Указ. соч. С. 58.

[4] Миронов Б.Н. Социальная история России периода Империи (XIX - начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2-х тт. Т. 2. СПб., 1999. С. 28.

губернии, но железнодорожное строительство способствовало в начале XX в. активному перемещению зерна из Томской, Тобольской губерний и Акмолинской области в Восточную Сибирь и на Дальний Восток.

Другим фактором, который способствовал изменению места Сибири в общероссийской экономической жизни, стала развернувшаяся переселенческая кампания, проводимая правительством с целью хозяйственного освоения региона. Большая часть переселенцев, прибывавших в Западную Сибирь до 1907 г., оседала в тех уездах Томской губернии, через которые проходила Транссибирская железная дорога (см. прил. 19). В 1890-е гг. переселенческое движение в Сибирь получает все большее развитие. За период с 1884 по 1894 г. только в Томскую губернию переселилось почти 50,5 тыс. семей. В течение 1889 - 1894 гг. в губернию ежегодно прибывало от 5 до 7 тыс. семей[1]. Правовой основой для него стали те законодательные акты, которые были приняты во второй половине 1860-х гг.

Уже современники отмечали положительное влияние на переселенческое движение строительства Сибирской железной дороги. По данным М. Петрова, только в 1900 г. через Челябинск в Сибирь прибыло ок. 200 тыс. чел.[2] Основной поток переселенцев составили крестьяне из губерний Центральной России. На долю переселенцев, например, только из Курской губернии, за период с 1884 по 1893 г. пришлось ок. 15% семей переселенцев. В целом, по центрально-черноземным губерниям этот показатель составил более 22,5%[3]. Основной поток устремился в Томскую губернию, которая была наиболее пригодна для крестьянского заселения. Говоря же о распределении учтенных и самостоятельных переселенцев внутри губернии, следует отметить доминирование Алтайской части. Значение Барнаульского, Змеиногорского уездов в дальнейшем будет нарастать и достигнет своего пика в 1907 – 1910 гг.

Серьезный удар по переселенческому движению нанесла русско-японская война, практически полностью его заморозившая. Так, по данным губернской статистики, в 1905 г. в Томской губернии было зарегистрировано лишь 890 душ м.п., прибывших за это время в Томскую губернию[4]. Сказывались не только транспортные сложности, но и нехватка средств в бюджете, испытавший на себе серьезную военную нагрузку.

До 1906 г. этот процесс протекал достаточно вяло, но с ноября 1906 г. ситуация резко изменилась – переселение за Урал стало одним из приоритетных направлений в деятельности ряда министерств, в первую очередь, Министерства земледелия и государственных имуществ.

---

[1] Обзор Томской губернии за 1893 год. Томск, 1894. С. 26.

[2] Петров М. Западная Сибирь. Губернии Тобольская и Томская. М., 1908. С. 49.

[3] Обзор Томской губернии за 1893 год. Томск, 1894. С. 27. Подсчет наш.

[4] Обзор Томской губернии за 1905 год. Томск, 1906. С. 38.

В дальнейшем все тяготы по организации и реализации переселенческого процесса были возложены на Главное управление землеустройства и земледелия.

Развитие законодательной базы, поддержка со стороны государства сделали Сибирь вполне привлекательной для переселенцев. На этом фоне Азиатская Россия превратилась в чрезвычайно емкий рынок рабочей силы.

Именно на этом фоне продолжался процесс формирования национальных общин. Ссыльный элемент оказывает на них все меньшее влияние, т.к. к рубежу XIX – XX вв. общества оформились структурно и в дальнейшем шел процесс их пополнения за счет прибытия преимущественно новых членов. Добровольное переселение стало основным источником пополнения еврейской, немецкой, польской общин. Причем наиболее активно в это время будут формироваться польское и немецкое сообщества, в результате чего возникнет совершенно иной их облик.

Стимулирование правительством переселенческого движения привело к включению в него представителей различных национальностей, проживавших в Европейской России. Евреи, немцы и поляки также оказались втянутыми в аграрные миграционные потоки.

Говоря об активизации добровольного переселения в Сибирь и на Дальний Восток в конце XIX – начале XX в., необходимо раскрыть в наиболее общем виде причины, толкавшие крестьян к смене прежнего места жительства.

К концу XIX в. немецкие колонисты, как "мобильная диаспора", заняли свое место в структуре экономики Российской империи. В рассматриваемый период они являлись крупными производителями сельскохозяйственной продукции в тех регионах, в которых они проживали. Немецкие колонисты представляли собой незначительную по численности диаспору, но при этом они являлись достаточно крупным коллективным владельцем земли. Например, в Бессарабской губернии немецкие колонисты составляли всего 3% населения, в то же время они являлись собственниками более 11% обрабатываемой земли. Подобная ситуация наблюдалась и в других губерниях. В Херсонской губернии эти цифры распределялись как 6,8% и 19,4%, В Екатеринославской губернии – 5,4% и 25%, в Таврической губернии - 8,8% и 38,8% соответственно[1].

В условиях развития промышленности немецкие колонисты только в Поволжье производили ежегодно от 12 до 20 млн. пудов зерна, которое вывозилось в другие регионы по Волге либо железной дороге[2]. Значительная часть продукции реализовывалась через

---

[1] Eisfeld A. Die Russlanddeutschen. Muenchen, 1992. S. 50.

[2] Eisfeld A. Die Russlanddeutschen. ….. S. 49.

представительства торговых домов непосредственно немецкими колонистами. Ежегодный оборот торговли колонистским зерном составлял около 50 – 60 млн. руб. золотом[1].

Подобный подъем сельского хозяйства в немецких колониях был неразрывно связан с бурным развитием предприятий перерабатывающей промышленности, принадлежавших колонистам. К началу Первой мировой войны немецким поселянам – собственникам принадлежали на Волге 429 ветряных мельниц, 80 водяных мельниц и 122 мельницы с механическими двигателями. Их производительность составляла около 240 тыс. пуд. муки в день. Центром колонистской мукомольной промышленности являлся Саратов. Только на двух мельницах фирмы "Братья Шмидт" производилось около 36 тыс. пуд. муки ежедневно. На этих предприятиях было занято более 500 рабочих. Аналогичная ситуация наблюдается и в южнорусских немецких колониях.

Однако подобное экономическое развитие не исключало проблем для немецкой колонии. Их было более чем достаточно.

Анализ данных земской статистики показывает, что в течение пореформенного периода миграционные настроения среди немецких колонистов усиливаются. Эти настроения были гораздо сильнее, чем у русских крестьян. Например, всего за период с 1865 по 1889 гг. только из Новоузенского уезда Самарской губернии выселилось 2077 семей, из которых 605 или 29,2% составили русские, а 1472 семьи или 77,8% были немецкими. При этом процент переселенцев среди немецких крестьян был значительно выше, чем среди русских – 70,7 и 29,3% соответственно[2].

Куда переселялись немецкие колонисты из Поволжья? В конце 80-х гг. XIX в. Сибирь по привлекательности значительно уступала странам Северной и Южной Америки (31,2% переселенцев) и Кавказу (42,5% переселенцев)[3]. К концу 1890-х гг. ситуация изменилась коренным образом. В 1899 г. в Сибирь переселилось только из Саратовской губернии 1106 семей, что составило 56,5% переселенцев из губернии, Кавказ и Урал приняли 12,8 % выходцев, а в Америку уехало в 1899 г. всего 1,1% переселенцев из губернии[4]. То есть география миграции немецких колонистов из Поволжья в течение конца 80-х – начала 90-х гг. XIX в. коренным образом изменилась.

Немецкие колонисты из южных районов России до начала столыпинской переселенческой кампании продолжали в основной своей массе мигрировать за океан. Только в США за

---

[1] Eisfeld A. Die Russlanddeutschen. …S. 50.

[2] Сборник статистических сведений по Самарской губернии … С. 23.

[3] Там же.

[4] Сельскохозяйственный обзор Самарской губернии за 1899 – 1900 год. Самара, 1902. С. 51.

двадцать пореформенных лет, начиная с 1871 г., эмигрировало несколько десятков тысяч российских немцев[1]. По различным данным около 75 тыс. меннонитов, 40 тыс. католиков, 30 тыс. лютеран и около 5 тыс. прочих сектантов эмигрировало за тот же период в Канаду. Только на Канадском Западе выходцы из России, по данным Лемана, составили около 44% в общем потоке иммигрантов немецкой национальности.[2] О том, что немецкие колонисты из Южной России не особо стремились переселиться в Сибирь в конце XIX в. говорят данные о прежнем месте жительства переселенцев: на долю южнорусских немцев приходилось всего около 2,5%[3].

Каковы были основные причины, толкавшие бывших немцев-колонистов к переселению в Сибирь? Рассматривая общие предпосылки свободного переселения, ряд дореволюционных исследователей (Кауфман, Романов) усматривал "первопричину" миграции в "относительном малоземелье", которое на субъективном уровне обращается в сознании, как "влияние субъективно ощущаемого проявления кризиса существующей системы крестьянского землевладения"[4].

В крестьянской среде существовало субъективное ощущение аграрного кризиса, и самые первые "звонки" этого кризиса (снижение урожайности, заметное увеличение населения) усиливали тревогу крестьян, усиливали ожидание худшего (земельного передела в соответствии с общинным правом, голода и др.).

Подобные "симптомы" начали появляться в немецкой колонии уже в 70-80-е гг. XIX в. Недостаточное изначальное обеспечение землей жителей ряда колоний и дальнейший рост населения колоний привели к его избытку и возникновению так называемого "аграрного перенаселения". Только за период с 1860 по 1890 г. численность населения в немецких колониях Самарской губернии увеличилась на 66,4%[5].

В то же самое время наиболее остро начало сказываться последствие перехода немецких колонистов в отдельных областях к передельной общине. Особенно остро эта проблема стояла в Поволжье – система коренных переделов на конец 80-х гг. XIX в. была распространена почти в 70% колоний. Только в Новоузенском уезде Самарской губернии за сравнительно короткий срок вследствие демографического взрыва размер надела в общем сократился на 6,9 дес. или 40%[6].

---

[1] Богина Ш.А. Иммигрантское население США. Л., 1976. С. 23.

[2] Stumpp K. Das Russlanddeutschtum in Uebersee. // Heimatbuch der Deutschen aus Russland – 1966. Stuttgart, 1966. S. 12.

[3] ГААК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2554. Подсчет.

[4] Кауфман А.А. Община. Переселение. Статистика. М., 1915. С. 163.

[5] Сборник статистических сведений по Самарской губернии … С. 23.

[6] Сборник статистических сведений по Самарской губернии ... С. 28.

Земский начальник 5-го участка Камышинского уезда Саратовской губернии Лавров отмечал в 1900 г. факт дробления земельных наделов, указывая на то, что если пятнадцать лет назад в семи селениях Камышинской волости было 2299 семейных надела, то в настоящее время их число достигло 3414. При этом указывалось на то, что при последующих переделах семейные участки вновь будут дробиться[1]. На 1900 г. среднедушевой надел в немецких колониях составил в считавшейся обеспеченной землей Линево-Озерской волости Камышинского уезда 5,5 дес., в Сосновской волости на наличную душу приходилось 3,6 дес., в Усть-Кулалинской – 3,5 дес., а в Ягодно-Полянской волости он равнялся 2 дес. Если же учесть, что большая часть территории была занята молодым лесом, не приносящим никакого дохода, то реальный размер пахотного участка составлял всего 28,5 кв. саж. на душу м.п.[2].

Подобного рода кризис являлся, несомненно, результатом перенаселения и недостатка в земле,— но не абсолютного, а относительного перенаселения и такого же относительного малоземелья. "Переселение,— писал Кауфман,— растет именно там, где крестьянство переживает критический момент замены залежного и безнавозного парового хозяйства навозным трехпольем"[3]. То есть экстенсивный характер земледелия препятствовал более эффективному использованию земельных угодий.

Всякое сокращение владений (в результате общинного передела, роста семьи) отрицательно сказывалось на благосостоянии крестьянских семей и воспринималось как ухудшение условий жизни, угроза самому существованию. Ведь других возможностей заработка крестьяне себе не представляли, т.к. распространенность промыслов была незначительной, а промышленность только становилась на ноги. Отличительной чертой психологии крестьянина-мигранта, переселяющегося вследствие влияния аграрного кризиса (прямо или косвенно), была своеобразная "рамочность", ограниченность представлений о возможной смене рода его занятий.

Среди личных качеств крестьянина-мигранта необходимо отметить такое качество, которое в психологии получило название "внутренний локус контроля" или ответственность. Крестьянин нередко шел в малоизвестные места, надеясь лишь на бога и на себя. Подобное явление было более распространенным среди поволжских немцев. И в этом они были близки к русским крестьянам-мигрантам. Немец же из Южной России переселялся по географической карте, основательно проштудировав закон о переселениях, притом в точном переводе на

---

[1] Булычев М.И. Социльно-экономическое положение немецких селений Саратовской губернии в конце XIX – начале XX вв. / Российские немцы. Проблемы истории, языка и современного положения. М., 1996. С. 211 – 212.

[2] Там же. С. 211.

[3] Кауфман А.А. Община. Переселение. Статистика. М., 1915. С. 79.

немецкий язык, обязательно сделанный для него немецкой колонистской газетой в Одессе. Современники отмечали, что "закон давал переселенцам некоторые права, и немец не упустит случая воспользоваться ими"[1]. Это позволяло колонистам быть более осведомленными в различных аспектах миграционного процесса, ведь кроме фактора воли, энергии и решительности переселенца, были важны и факторы знаний и умений.

Можно лишь частично согласиться с Кауфманом, который считал, что переселяются как раз те, кто не сумел изменить свое хозяйствование на родине так, чтобы оно соответствовало "изменяющимся условиям населенности и рынка". Дедлов по этому поводу отмечал, что "для немца переселение на восток – печальная необходимость, и он идет туда лишь в том случае, если уж никак не может одолеть вздорожавшей на родине земли, если есть хоть малейшая возможность остаться – он остается"[2]. А потому изначально в Сибирь переселялись лишь те колонисты, которые были доведены до отчаяния в старых колониях.

Таким образом, для типичного колониста-переселенца были свойственны большое личное мужество, готовность к риску, уверенность в своих силах, решительность.

Конечно, принятие решений о переселении часто происходило под воздействием механизма внутрисемейной и конфессиональной гетеросуггестии.

Под внутренним прямым и преднамеренным внушением здесь понимается своеобразие межличностных отношений в так называемой "большой семье". Состоящая из отца, матери, малолетних детей и женатых сыновей с женами и потомством, большая семья была традиционным типом крестьянской семьи, преобладавшей в России, в том числе среди немцев, до начала XX века. Роль главы семьи — "большака" или хозяина — была огромна. За ним оставалось последнее слово во всех семейных делах. Он устанавливал порядок полевых работ и проводил сев. Власть его была закреплена традицией. Все имущество находилось в совместном владении.

В экономическом смысле такая семья обладала громадными преимуществами. Отношение крестьян к такой семье было сложным. Они, несомненно, видели её экономическое преимущество, ибо стихийно сами пришли к ней. Однако им не нравились трения, неизбежно возникавшие при жизни нескольких супружеских пар под одной крышей. Они также хотели вести своё собственное хозяйство. Распад большой семьи происходил обычно лишь после смерти главы семейства или отхода его от дел. Однако и тогда сложная семья зачастую продолжала существовать в прежнем виде под началом одного из братьев, избранного на должность главы семьи.

---

[1] Дедлов В.Л. Переселенцы и новые места. Путевые заметки. СПб., 1894. С. 85.

[2] Дедлов В.Л. Переселенцы и новые места. Путевые заметки. СПб., 1894. С. 103.

По статистике около 8% выселяющихся крестьян не составляли до переселения самостоятельных домохозяйств, выделяясь из других семей лишь перед самой миграцией[1]. Можно предположить, что для определенной группы крестьян одной из предпосылок включения в миграционный процесс являлась сложность внутрисемейных взаимоотношений. Сам акт переселения субъективно приобретал для них смысл избавления от ситуации подчинения большаку и приобретения самостоятельности.

Описанная выше картина была характерной для немецких колоний Поволжья. В немецких поселениях Юга России наблюдалась несколько иная ситуация, которая, тем не менее, также толкала колонистов к переселению.

В южнорусских колониях с конца XVIII в. было распространено наследование по принципу минората. Эта норма была закреплена законодательно еще в 1764 г.[2] Цель подобной нормы заключалась в том, чтобы, с одной стороны, сохранить в неприкосновенности предоставленные правительством крупные наделы от 35 до 60 дес., предотвратить их дробление при наследовании и последующее бегство малоземельного населения из колоний в город. Предположение о том, что сыновья-ненаследники смогут выучиться ремеслу и найти работу в области промышленности в тогдашних условиях промышленного развития России оказалось нереальным. Эти обездоленные сыновья, дети полноправных колонистов, лишь пополняли ряды батраков и недовольных малоземельных колонистов, требовавших равноправия и наделения землей наравне с наследниками по первоначальной норме.

Именно эти безземельные колонисты стали первыми кандидатами на выделение и выселение из колоний. К началу реформ в некоторых меннонитских колониях Юга России они составляли уже почти 50 %[3]. В отдельных колониях молочанских меннонитов эта цифра вырастала до 70%[4]. Свою роль в накале страстей сыграл раскол немецких обществ Юга России на "большие" и "малые" хозяйства ("Grosswirtschaft" и "Kleinwirtschaft"). Они имели в пользовании по 60-65 и 12-14 дес. соответственно, при этом последние получали землю особо, что приводило к ситуации, когда интересы членов общества зачастую шли в разрез[5].

---

[1] Сборник статистических сведений по Самарской губернии. Новоузенский уезд. Самара, 1890. С. 23.

[2] ПСЗ – I. Т. 16. № 12095. С. 652.

[3] Велицын А.А. (Палтов А.А.) Немцы в Росси. Очерки исторического развития и настоящего положения немецких колоний на Юге и Востоке России. СПб., 1893. С. 125.

[4] Малиновский Л.В. Причины и обстоятельства миграции немецких колонистов на Восток в XIX – начале XX вв. / Миграционные процессы российских немцев: исторический аспект. М., 1998. С. 98.

[5] Памятная книжка Таврической губернии. Симферополь, 1889. С. 59.

Следствием обезземеливания колонистов стало обострение отношений между различными социальными группами и на другой основе. Это проявлялось в момент сельских сходов, на которых безземельные колонисты имели ограниченные права.

Царское правительство в лице Министерства государственных имуществ пыталось решить внутренние противоречия еще в 1866 г. посредством проекта о предоставлении безземельным права голоса в общине и о наделении их землями за счет запасных (овчарных) земель самих колоний. Но это было не всегда возможным реализовать, так как не все колонии имели запасные земли или они были уже распределены, с одной стороны, а с другой стороны, правительственные чиновники вовсе не хотели притеснять крупных фермеров, которые уже к тому времени стали крупными поставщиками товарного и экспортного зерна. Они не хотели передавать власть в руки малоземельной и безземельной бедноты, которая могла привести к переделу земель, введению передельной общины и, тем самым, подорвать экономическое благосостояние колоний. Поэтому безземельные крестьяне по реформе 1871 г. получили ограниченное право голоса на сельских сходах, на которых голосовали их представители, по одному от десяти дворов.

Так как внутренние противоречия в колониях не могли быть разрешены за счет собственных резервов, единственным выходом из конфликтной ситуации представлялось создание новых поселений на арендованных, купленных или приобретенных иным способом землях. Так как цены на землю в районах прежнего поселения с 1882 г. по 1907 г. выросли с 30 до 300 руб. за десятину, а полное хозяйство меннонитов в 60 дес. подорожало за полвека с 3 до 25 тыс. руб.[1], общины и созданные ими закупочные комиссии обратили свои взоры на Восток, где процесс колонизации только-только набирал обороты.

Другой социально-психологической предпосылкой включения личности в миграционный процесс является эсхатолого-хилиастические настроения немецких сект. Обычно организаторы переселений одновременно были и проповедниками, своего рода суггесторами. Обладая ораторским талантом и знанием Священного писания "рьяный и упорный" проповедник мог внушить (прямо или косвенно, но всегда преднамеренно) побудительную информацию о необходимости переселения в "места убежищ" нескольким тысячам своих единоверцев. Под влиянием его проповедей люди расставались с обжитыми селами, недвижимым, а частично и движимым имуществом, оставляя незасеянные поля, в другом случае несжатые пашни.

Действительно, у части немецких сектантов были представления о том, что "ex oriente lux", что тысячелетнее царство и второе пришествие Христа должно состояться где-то на Востоке.

---

[1] Штах Я. Очерки из истории и современной жизни южнорусских колонистов. М., 1916. С. 239.

Чаще других мест назывался Кавказ и Центральная Азия[1]. Этим было вызвано упорное стремление швабских сепаратистов в Закавказье в начале XIX в. Этими же идеями питались проповеди Клааса Эппа в Поволжье, который призывал к переселению в Среднюю Азию. Однако на миграцию в Сибирь этот фактор оказал незначительное влияние[2].

Социально-психическая ситуация, передаваемая выражением "мы и они", почти никогда не остается внешним отношением между общностями. Происходит их взаимная диффузия. Сама внутренняя структура того или иного "мы" в той или иной степени осложняется положением в ней отдельных индивидов, которые, принадлежа к "мы", в то же время представляют и нечто принципиально отличное от этого "мы". Рассматривая историю переселения немецких колонистов на Восток, замечаешь, что не последнюю роль в начале миграционного процесса сыграла небольшая количественно часть общества, которая может быть расценена как колонистская элита. Именно мнение входивших в нее лиц (пасторы или патеры, волостные и сельские старосты и др.) являлось, порой решающим в выборе места поселения и в целом начала переселения. В качестве подтверждения можно привести следующий пример, описанный Я. Петерсом. "Это было в феврале 1907 года, когда *глава Заградовской волости* Якоб Реймер (впоследствии сыграл выдающуюся роль в становлении немецких поселений Орловской волости Барнаульского уезда Томской губернии – В.Ш.) выступил с предложением направить на Амур, где земля была недорогой по своей цене, комиссию для изучения [состояния] земли... На волостном сходе были избраны три человека в земельную комиссию (Landskomission): *проповедник* Франц Буллер, Ф. Вибе и Абрам Дюк. … 180 семей в составе 882 человек записал *председатель комиссии* Ф. Буллер в список [желающих переселиться][3]". Это ли не красноречивый пример вышесказанному? И таких примеров было множество.

Еще одной социально-психологической предпосылкой включения немецких крестьян в миграционный процесс являлся страх за собственное имущество. Ранее мы уже отмечали законодательные акты 1880-х - 1890-х гг., направленные на ограничение и ликвидацию права собственности на недвижимое имущество для некоторых категорий российских подданных и иностранцев в западных губерниях. В начале XX в. эта тенденция получила свое развитие в 1910 г. и 1912 г. Появление подобных законопроектов в Государственной Думе создавало

---

[1] Клибанов А.И. К характеристике идейных движений крестьян / Из истории экономической и общественной жизни России. М., 1976. С. 157.

[2] Малиновский Л.В. Причины и обстоятельства миграции … / Миграционные процессы среди российских немцев … С. 90.

[3] Fast, Gerchard. In den Steppen Sibiriens. – Rorthern, Sask. Kanada: Druck und Verlag von J. Hesse. Winnipeg, 1956. S. 23.

соответствующую "пищу для размышления". Поэтому крестьяне предпочитали самостоятельно переселиться за Урал, где бы они никому не мешали.

Рассмотрев субъективные предпосылки включения личности в миграционный процесс, выясним: какие условия стимулировали крестьянскую миграцию. Под условием здесь понимаются непосредственные события, происходящие в жизни личности и страны, эмоциональной реакцией на которые стало создание массовых миграционных настроений крестьян.

Конечно, это наиболее общие, объективные предпосылки переселения, которые можно назвать инвариантной схемой. В каждом конкретном случае эти предпосылки действуют в конкретной ситуации, причем, лишь "переломившись" в субъективном восприятии крестьян. Ответы крестьян свидетельствуют о нужде в разных ее проявлениях. Здесь и неудобное расположение надела, и аренда земли на тяжелых условиях, и недостаток топлива, хлеба, и неурожаи, и бедность, и общая нехватка денег при мало- и при многоземелье. Перед нами явно выраженное субъективное ощущение безысходности, которое порождает у крестьян стремление найти выход из тупика и тем самым становится одной из субъективных предпосылок миграции.

Неурожайные годы стимулировали желание переселиться на новые места. Особенно остро возникает эта проблема на рубеже XIX – XX вв., когда неурожайными для Поволжья были 1880, 1891, 1898, 1901, 1905, 1906, 1911, 1912 годы. Неурожаи же отдельных культур по отдельным районам наблюдались значительно чаще. Для примера можно указать на урожайность зерновых культур за 1885 – 1899 гг. в селениях Каменской волости Саратовской губернии. Средняя урожайность в эти годы составила 18,1 пуд./дес.; если с 1885 по 1888 гг. урожайность составляла 24 пуд./дес., то в последующее пятилетие хороший урожай был только в 1892 г., тогда как средний показатель за этот период держался на отметке всего 10,2 пуд./дес. Последовавшее за этим трехлетие (1894 – 1896 гг.) было наиболее благоприятным для хлебопашцев – урожайность зерновых составила в среднем 32 пуд./дес., на этот период приходится самый высокий урожай за весь период – 45 пуд./дес. (1896 г.). Однако последующее трехлетие было вновь неурожайным, когда показатель не превышал в среднем 10 пуд./дес.[1]

Пожары и вообще все объективные несчастья, подрывая крестьянские хозяйства, усиливали стремление к переселению. Одни крестьяне собирались переселяться "вовсе избившись — им нечем взяться за дело, не у чего жить здесь", другие хотя и ведут хозяйство, но чем-либо подстегиваемые, предвидя возможность спуститься на низшую ступень благосостояния (для себя и для детей) — также решаются идти на "вольные земли". Причем в процесс включаются не только беднейшие, но также зажиточные, обеспеченные крестьяне.

---

[1] Булычев М.В. Социально-экономическое положение немецких селений Саратовской губернии … С. 211.

Нетрудно представить модель поведения крестьянина в ситуации субъективного ощущения кризиса. Сами ожидания ухудшения жизни негативным образом влияют на жизненные планы и настроения как отдельной личности, так и всей крестьянской семьи. В подобной ситуации в качестве выхода из кризиса, тупика возникает поисковая активность: человек ищет ответ на вопрос: Что делать, чтобы выжить? Как уйти от неблагоприятных условий? Несомненно, существовали и иные варианты выхода, но геополитические условия России (обширные территории империи, политика правительства, направленная на заселение новых земель и др.) делала предпочтительным выход через переселение крестьянства на окраины страны.

Исследователь переселенческих легенд о "далеких землях" К. В. Чистов считал, что ожидания потенциальных мигрантов, как и вообще крестьянские представления о переселениях на окраины империи, отражали не столько реальное развитие бегства и миграционных движений, но, в первую очередь, сознание их участников или крестьян готовых, но не имевших возможности примкнуть к ним. Бегство и уход с родных и насиженных мест, готовность пройти тысячи верст в поисках выхода из тисков личного или общественного кризиса сопровождали такие амбивалентные чувства, как отчаяние и решительность. Но не только они стимулировали переселенческий процесс. Без слухов, мифов, порождавших мечты и иллюзии, без массового заражения этим общественным настроением — переселение таких больших человеческих массивов не могло бы осуществиться. Беглецы и переселенцы не просто рвались в неизвестность, "им светили далекие, но яркие огни, на их горизонте рисовался красочный мираж, который звал и вел, заставляя обрубать столетние корни привязанности к земле"[1].

Миграционные настроения крестьян в рассматриваемый период, несомненно, укрепляла государственная политика по заселению окраинных земель. Переселявшиеся за Урал крестьяне могли рассчитывать на получение дарового надела земли, налоговых льгот, помощи в дороге. Подобные меры способствовали распространению самой разноречивой информации, которая порождала и укрепляла миграционные настроения крестьянства, "заражая" большое количество лиц переселенческими настроениями.

Распространение информации с разной степенью достоверности о привольном житье в Сибири через ходоков, популярную литературу, газеты, приводило миграционно настроенных крестьян в движение. Переселенческие настроения иногда охватывали сразу целые волости и уезды.

Таким образом, правительственные меры по защите и поощрению колонизации окраин империи, само наличие этих районов, с внешне привлекательными ресурсами (обилие земли, леса и пр.), порождало распространение ярких, эмоционально окрашенных слухов, мифов, на

[1] Клибанов А.И. Народная социальная утопия в России в XIX в. М., Наука, 1978. С. 317.

основе которых возникали разного рода ожидания, которые, в свою очередь, трансформировались в массовые миграционные настроения, порождавшие субъективную готовность к переселению.

Весьма важным в понимании механизмов включения личности в миграционный процесс является следующее положение: независимо от предпосылок возникновения миграционных настроений, готовность к переселению дает четкую установку на восприятие любой информации относительно возможного переселения как полезную и положительную. Поэтому, констатирующая (косвенная, предварительная) информация о наличии привлекательных районов для миграции, выраженная непреднамеренным способом в виде слухов, предположений и др. сообщений, активно воздействуют на психику потенциального мигранта. Это воздействие снижает сознательность и критичность при оценке содержания информации. Здесь мы имеем дело с гетеросуггестией, которая, с учетом готовности суггеренда (ожидание определенного рода информации), может плавно перейти в аутосуггестию. В результате мы можем определить основные предпосылки и условия миграции немецких и польских крестьян во второй половине XIX – начале XX вв. в Сибирь (см. прил. 20).

Подобные настроения царили в немецкой колонии в последней трети XIX в. При этом необходимо отметить, что перечисленные выше предпосылки к переселению далеко не везде были распространены одинаково. Данные о прежнем месте жительства колонистов – мигрантов, прибывших, например, на Алтай на рубеже XIX – XX вв., позволяют нам составить общее представление о географии распространения кризисных настроений среди немецких поселян–собственников.

Возьмем для примера данные о прежнем месте жительства колонистов, переселившихся на юг Алтайского округа за 1892 – 1905 гг. В качестве прежнего места жительства около 88 % мигрантов называли Поволжье, при этом более 60% говорили о том, что переселились из Самарской губернии. Оставшиеся 12% распределялись между выходцами из губерний Западного края (6,5%) и Юга России (5,5%)[1]. Преобладание на первом этапе формирования немецкой диаспоры на Алтае переселенцев из районов Поволжья свидетельствует о том, что поволжские колонии переживали в рассматриваемый период кризисные явления, связанные с хозяйствованием. Со временем соотношение изменилось, и доля мигрантов из причерноморских старых колоний значительно увеличилась. Накануне Первой мировой войны под воздействием, скорее политических, нежели экономических причин, выходцы из южнорусских колоний составили большинство в общем потоке немецких мигрантов на Алтай.

[1] ГААК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2554. Подсчет наш.

Это наглядно продемонстрирует сельскохозяйственная перепись 1917 г., зафиксировавшая преобладание переселенцев из Северного Причерноморья над поволжскими немцами.

Ради чего немецкие колонисты оставляли обжитые места и отправлялись в далекую Сибирь? Здесь немецкие переселенцы смогли в значительной степени удовлетворить свои потребности, решив те проблемы, которые стояли перед ними в местах прежнего проживания.

В первую очередь, колонисты откликнулись на предложение правящих кругов получить значительные земельные участки, ведь жившие большими семьями они могли рассчитывать на получение нескольких 15-тидесятинных участков. Меннониты, переселившиеся на Алтай, стремились установить на новом месте проживания привычную для них подворную систему хозяйствования, то есть разверстать земельные угодья между новыми "полными хозяйствами" (Grosswirtschaft) из расчета 65 дес. на хозяйство. Столь значительному выделению земли на одно хозяйство было возможно вследствие того, что земли при относительно небольшой численности населения было много. К началу Первой мировой войны эта система получила одобрение властей, однако не во всех меннонитских поселениях на территории Алтая удалось ее внедрить.

Проблема нехватки земли на новом месте могла быть решена посредством аренды дополнительных наделов в оброчных статьях кабинетского хозяйства либо в соседних старожильческих или переселенческих участках. Этот путь был доступен практически любому из переселенцев, благо арендная плата в Алтайском округе на кабинетских землях была несравнимо ниже, чем, например, в поволжских или новороссийских губерниях. Для сравнения: в немецких колониях Камышинского уезда на 1891 г. средняя арендная плата колебалась от 1 до 15 руб.[1], в Таврической губернии на владельческие земли арендная плата достигала 40 руб./дес.[2], а так как немцы предпочитали арендовать землю подесятинно сроком на один год, то арендная плата была еще выше, на Алтае же в период разгара столыпинского переселения (1910 – 1912 гг.) арендная плата не превышала 1 руб./дес.

Плодородные черноземы Кулундинской и Бель-Агачской степей позволяли получать урожаи зерновых культур более высокие, чем, скажем, в губерниях Европейской России, где земля была истощена в результате хищнического к ней отношения со стороны крестьян. Это позволяло переселенцам в течение длительного промежутка времени сохранять заимочно-захватный характер ведения хозяйства: лишь часть полученного от государства земельного надела подвергалась обработке, а часть его находилась в залежи, под целиной. Это позволяло крестьянам сохранять размер посевной площади без сокращения посева. Однако уже в середине

---

[1] Сборник статистических сведений по Саратовской губернии. Т. XI. Камышинский уезд. Саратов, 1891. С. 251.

[2] Памятная книжка Таврической губернии. Симферополь, 1889 г. С. 122.

1910-х гг. немецкие крестьяне полностью ввели в оборот земельные угодья и были вынуждены для поддержания плодородия почвы перейти к ее удобрению. Но это произойдет несколько позже. А в 1911 г. немецкие переселенцы, с чувством некоторой гордости показывая урожай, говорили: "Плохая земли не родила бы так"[1].

Урожаи в первые годы поселения, действительно, были высокими. Если в Европейской части Империи урожайность яровой пшеницы в среднем держалась на уровне "сам-трет" (чуть ниже на севере, чуть выше на юге), чего хватало лишь на прокорм, то на Алтае урожайность зерновых культур составляла в среднем в течение 90-х гг. XIX – 1910-х гг. "сам-восемь". По воспоминаниям Е.Ф. Фальк, осенью 1910 г. первопоселенцы собрали урожай по 100 пудов пшеницы с десятины[2].

Не следует забывать, что на переселение из старых колоний колонистов, особенно протестантов, толкали религиозные разногласия. На новом месте жительства они стремились устроиться обособленно и жить с соблюдением всех своих религиозных норм. При этом неприязнь между меннонитами и католиками, меннонитами и лютеранами, представителями различных течений протестантизма, поволжскими и южнорусскими немцами, вынесенная из мест прежнего проживания, сохранялась и в Сибири.

Не последнюю роль в привлечении немецких крестьян к переселению сыграли меры правительства, поощрявшие миграцию. Сведения о предоставляемых льготах и послаблениях со стороны властей подталкивали колеблющихся к смене места жительства. Кроме того, общества старых колоний выделяли значительные средства для переселения сообщественников на новые земли.

В отечественной историографии до сих пор нет единого мнения по поводу первого немецкого поселения в Сибири и дате его возникновения. Мы склонны полагать, что немцы-переселенцы оказались в Сибири в первой половине 1880-х гг. на территории Тобольской губернии. Это были небольшие группы, состоявшие, как правило, из нескольких семейств, которые подселялись в существовавшие здесь лютеранские прибалтийские поселения, например, Рыжково (Чухонское), в котором проживали с начала XIX в. ссыльные латыши, эстонцы и финны. Однако совместное проживание с иноэтничным населением не устраивало немцев, и они вынуждены были продвигаться далее на восток, изыскивая возможность поселиться на пустующих землях, создав моноэтничную общину.

Один из первых очагов немецкой крестьянской колонизации, именно так будет корректнее определить его, возникает на территории Томской губернии. Это произошло в 1885 г., когда

---

[1] На сибирском просторе: картины переселения. СПб., 1912. С. 32.

[2] Фаст А.А. Страницы прошлого и настоящего … С. 17.

"крестьяне-лютеране" Тобольской губернии заявили о своем желании переселиться на кабинетские земли. Не получив ответа от Главного Управления, которое занималось в то время переселением крестьян, просители вновь в 1886 г. направляют просьбу, на которую они получили ответ. Согласно этому акту, "крестьянам Нижне-Кулундинской волости дер. Дубровиной лютеранам" было сообщено, что их прошение "о желании … образовать отдельное селение в той же волости на Кулундинской степи" удовлетворено и разрешено "весною будущего года поручить осмотреть это место и снять на план кому-либо из межевщиков, если место окажется удобным для образования отдельного селения"[1].

Первоначально из нескольких селений Тобольской губернии на Алтай пожелали переселиться пятнадцать семей в количестве 53 душ о.п. Ими были выбраны доверенные лица, которыми стали Егор Сусик и Адам Вейлер. Уже в октябре 1886 г. они получили доверенность в том, что надлежало "им принять от начальства … участок земли для населения"[2]. Ожидая землеустройства, они переселились в упомянутую выше дер. Дубровино Нижне-Кулундинской волости Барнаульского округа. О том, что ими велась активная хозяйственная деятельность, свидетельствует факт посева хлебов на земельных участках, арендованных у местного старожильческого общества.

Стремление переселенцев землеустроиться на новом месте и согласие на то Главного Управления привело к тому, что в первых числах июня 1887 г. "было осмотрено пустолежащее место на Полуямке … межевщиком Шахновским"[3]. При осмотре места им было вынесено решение, что участок вполне подходит для образования на нем переселенческого участка. Однако немецкие переселенцы оказались неудовлетворенными сроками проведения землеустроительных работ. В первую очередь, их не устраивало проведение основных работ в середине лета, что весьма затрудняло обустройство поселенцев на новом месте. Поэтому они обратились с просьбой "назначить обмежевание дачи нового заселка … к будущему году в начале весны".[4] Это, по их мнению, дало бы возможность обустроиться при более благоприятных условиях.

Сведения о том, что "крестьянам-лютеранам" на Алтае отводится земельный участок под заселение, достаточно быстро распространились среди единоверцев. Уже в середине августа 1887 г. еще двое домохозяев обратились в Главное Управление Округа с просьбой разрешить им поселиться в образуемом заселке. Власти ответили на это согласием, но с одной оговоркой:

---

[1] ГААК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 670. Л. 1.

[2] Там же. Л. 3.

[3] Там же. Л. 7.

[4] Там же. Л. 7 об.

"разрешение на право поселения будет выдано … только в том случае, если они предоставят удостоверение или другие документы, доказывающие, что не принадлежат к числу ссыльных"[1], ибо водворение ссыльных на Алтае было законодательно запрещено. Но немецкие крестьяне предоставили требуемые от них властями документы, что подтверждает факт их добровольного переселения в Сибирь.

Однако в скором времени вокруг переселенческого поселка Полуямок возникла некоторая напряженность. Анализ архивных документов этого периода позволяет нам говорить о том, что русские крестьяне, уже переселившиеся на Алтай, призывали своих бывших односельчан, преимущественно эти призывы были обращены, в частности, к крестьянам Воронежской губернии, проситься на водворение именно в этот поселек. Это привело к тому, что немцы-лютеране, по чьей инициативе, собственно, возник переселенческий участок, оказались на нем в меньшинстве.

Со временем противостояние между первопоселенцами и поздними переселенцами перешло в иную плоскость, приняв религиозный характер. В своем рапорте на имя начальника Алтайского горного округа крестьяне-лютеране указывали на то, что с лицами, приезжающими из внутренних губерний России, т.е. русскими крестьянами, они "совместно жить не желали, собственно потому, что они религию (лютеранскую – В.Ш.) признают совершенно за магомеданскую"[2]. Конфликт достиг такой остроты, что немцы были вынуждены просить окружное начальство в своей записке, датированной 11 июля 1888 г., о том, "дабы поземельная часть Главного Управления Алтайского горного округа не допущала бы переселения … лиц неодинакого с нами вероисповедания"[3].

Понимая, что им не добиться отселения нелютеран, немцы обратились к властям с просьбой об отведении им нового участка для заселения. Уже в начале мая 1889 г. земельной частью Главного Управления крестьянам, обратившимся с просьбой "поселиться в новый заселок Ащегул Касмалинской волости рядом с заселком Полуямок", было выдано удостоверение о получении права на водворение[4]. В течение трех последующих лет немцы-лютеране должны были заселить переселенческий участок своими единоверцами. В том же случае, если по прошествии указанного срока в участке будут оставаться свободные земли, Главное Управление оставляло за собой право заселять их всеми желающими, не считаясь с мнением сельского общества.

---

[1] Там же. ЛЛ. 11 об. – 12.

[2] Там же. Л. 42 об.

[3] Там же.

[4] Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 190.

Насколько реально было в тех условиях заселение участка рассчитанного на 643 15-десятинных доль? Если обратиться к этому вопросу исходя из реальной ситуации, когда переселенческий процесс еще не вступил в полную силу и лишь набирал обороты, это было весьма маловероятным: в конце 1880-х гг. немцы охотнее переселялись за океан, чем ехали на жительство в Сибирь, где, по их словам, "волк смотрел в трубу, как хозяйка яичницу жарит". Тем не менее, первопоселенцы сделали все от них зависящее, дабы заселить выделенный участок в оговоренный срок своими единоверцами. Анализ документов говорит о том, что немецкие и прочие лютеране откликнулись на призыв. В 1891 г. прибыли первые семьи из Самарской губернии. В 1892 г. прибыло еще несколько семей из Поволжья. Преобладание среди первых немецких крестьян, поселившихся на Алтае, выходцев из поволжских колоний говорит о том, что они сохранили, несмотря на смену нескольких мест жительства, связи с материнскими колониями.

В 1890-е гг. немецкое переселение набирает обороты. Это отразилось, в частности, в образовании в Омском уезде нескольких переселенческих поселков, вокруг которых позднее возникли новые. В 1899 г. было проведено обследование переселенческих поселков Акмолинской и Семипалатинской областей, которое позволяет сделать некоторые выводы о темпах немецкой колонизации в этом районе (см. прил. 21).

Полученные данные подтверждают факт появления в течение короткого времени моноэтничных поселков. Особенностью этого района стало привлечение переселенцев преимущественно из поволжских губерний, что в дальнейшем отразилось на их экономическом состоянии.

В это же время немцы-переселенцы вновь появились на территории Томской губернии, но теперь уже в ее южной части. В 1899 г. в Главное Управление Алтайского округа начали поступать "частные сведения" о незаконном водворении переселенцев-немцев и попустительстве в данной ситуации местных властей. Результатом подобного рода "сообщений" стал запрос, направленный на имя управляющего Локтевским имением с просьбой прояснить ситуацию. Возникает закономерный вопрос: были ли местные власти в курсе событий, происходивших в даче старожильческого села. Оказывается, были. Подтверждением тому служит тот факт, что помощник управляющего имением еще "в конце апреля сего года (1899 – В.Ш.) … увидел на речке Ремовке партию немцев-переселенцев"[1]. Почему об этом факте не было сообщено окружным властям? Ответ на данный вопрос, как нам кажется, заключается в том, что управляющий намеревался самостоятельно без привлечения окружного начальства разрешить сложившуюся конфликтную ситуацию. С этой целью предполагалось

[1] Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2821. Л. 3.

отселить немцев на кабинетскую оброчную статью, сдав ее в аренду. Заметим, что он имел полномочия сдавать в аренду земельные наделы оброчных статей Кабинета на срок до пяти лет. Именно отселение на кабинетские земли виделось выходом из сложившейся ситуации.

Помощник управляющего Локтевским имением предложил самовольцам перейти с занятых ими земель на окружавшие их земли Кабинета. С этой целью власти были готовы выделить из состава оброчной статьи "Ремовская степь" для их водворения на арендных условиях 2 тыс. дес. целины (к тому моменту они уже арендовали под распашку 300 дес. в оброчной статье "Тума"). Колонисты согласились с подобным предложением, но перед этим они пожелали удостовериться, будут ли они на новом месте жительства иметь воду в достаточном количестве. "Выкопав десять колодцев по обе стороны дороги, идущей из с. Бородулиха в с. Золотуху, они нашли воду в небольшом количестве только в двух колодцах, в прочих же … на большой глубине оказался гранит"[1]. Отсутствие питьевой воды в необходимом для жизни количестве заставило переселенцев-немцев отказаться от подобного перемещения на предложенный участок и остаться на занятой земле. Но при этом они выразили желание арендовать упомянутые 2 тыс. дес. на 1900 г. под хлебопашество.

Анализируя сложившуюся ситуацию, возникает вопрос: почему немецкие колонисты, осевшие самовольно на землях старожильческого общества, основали на них только поселение, но не приступили к распашке лежавших вокруг целинных земель. Проблема основания небольшого поселения в даче чужого сельского общества могла быть решена посредством добровольного соглашения или аренды его у сельского общества, кроме того, самовольцы могли причислиться к старожильческому обществу, войдя в него на равных правах, но проживать в собственном заселке. Распашка земель могла усугубить конфликтную ситуацию, а помимо этого повлечь за собой преследование по закону. В интересы немецких колонистов все это не входило. Ведь, причислившись к старожильческому обществу, они должны были тотчас превратиться в полноценных налогоплательщиков. Перспектива осесть на кабинетских или казенных землях с получением статуса переселенца со всеми вытекающими последствиями была более приятной. Это было возможно лишь в том случае, если они в любом качестве закрепляются на данных землях. Немцы-самовольцы выбрали статус арендаторов кабинетских земель, преследуя тем самым несколько целей. Юридическое объяснение этому мы находим в работе И.М. Морозова "Алтайский округ в колонизационном отношении", в которой он отмечал, что "все лица, желающие переселиться в Алтайский округ, должны были получить на то разрешение, которое выдавалось министром внутренних дел и министром Двора, тем же из желающих переселиться, которые предъявят свидетельства Главного Управления … о

[1] Там же. Л. 3 об.

зачислении за ними непосредственно или за их доверенными лицами определенных участков – разрешение, согласно циркуляру министра внутренних дел от 20 января 1897 г., должны быть выдаваемы местным губернским начальством"[1]. А потому действия немецких переселенцев-самовольцев с юридической точки зрения были безукоризненными: арендовав у Кабинета 300 дес. земли, они настаивали на присвоении им статуса переселенцев и предоставления соответствующих прав и льгот.

Отношение старожильческого общества в сложившейся ситуации было однозначно: выселить самовольцев за пределы земельной дачи. Почему они препятствовали водворению на их землях поволжских немцев, и только ли этноконфессиональная сторона дела была здесь замешана? С одной стороны старожилы защищали от посягательств извне принадлежавшие им на законных основаниях земли, поэтому было бы странно, если бы они высказали добровольное согласие на отчуждение от их участки надела в 200–300 дес. неизвестно кому. Однако непримиримая позиция старожильческого общества имела и другую сторону, которую оно стремилось всячески скрыть. Она состояла в том, что общество не только не желало безвозмездно передать земли переселенцам, но даже обменять их на предлагаемые Кабинетом новые земельные отводы там, где оно пожелает. Сами крестьяне объясняли подобную неуступчивость тем, что "земля, самовольно захваченная переселенцами вся сенокосная", потеря же ее грозила бы "крупным недостатком в сене для скота в зимний период времени"[2]. На проверку же оказалось, что старожилы спорным участком вовсе не пользуются, а сдают в аренду семипалатинским купцам Громовым и местным казахам. Доход, получаемый обществом от сдачи в аренду 200 дес., общество не желало терять, а потому столь рьяно отстаивало свои права.

Руководство Округа и имения встало на сторону немецкого населения, ибо заинтересованность их была обоюдной, - колонисты стремились поскорее приобрести законный статус, пусть даже на арендованном участке земли, а власти видели в них, в первую очередь, арендаторов земельного надела, который в ближайшем времени должен был увеличиться еще на 2 тыс. дес., что влекло за собой увеличение прибыли кабинетского хозяйства. Не последнюю роль сыграл и чисто человеческий фактор: самовольно занятый колонистами участок был единственным пригодным для жизни в окрестности. Свою роль сыграло обращение куратора томского католического прихода на имя начальника Алтайского округа, в котором он просил "оставить их на этом участке, что они нынче живут, дозволить им отдохнуть. Иначе все они вымрут, обнищают вследствие варварского скитания", ведь "некоторые из них живут уже на

---

[1] Морозов И.М. Алтайский округ в колонизационном отношении. Полтава, 1908. С. VI – VII.

[2] ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2821. Л. 21.

третьем месте, разоряясь окончательно"[1]. В итоге окружные власти силовым решением передали занятый немецкими колонистами участок во владение, придав тем самым обществу статус переселенческого, а его членам право пользоваться налоговыми льготами и послаблениями, предусмотренными соответствующим переселенческим законодательством.

В начале XX в. аграрная миграция набирала обороты. Активное участие в ней принимали и немецкие колонисты. Первыми в переселенческое движение включились поволжские немцы, которые находились в более сложном экономическом положении. Они доминировали до 1907 – 1908 гг. После этого в Сибирь и Среднюю Азию начали переселяться выходцы из немецких колоний Украины и Крыма. Основную массу мигрантов в это время дали Херсонская, Екатеринославская, Таврическая губернии. Более 200 переселенческих поселков было основано немцами за Уралом. Особенностью переселения являлось стремление сохранить моноэтничность и моноконфессиональность при водворении на новом месте. Это привело к тому, что в Сибири возникли компактные группы лютеранских, католических и менонитских колоний.

Таким образом, под влиянием комплекса экономических причин крестьяне вынуждены были искать свободные земли для поселения. В конце XIX – начале XX в. аграрная трудовая миграция привела к быстрому росту польской и немецкой общин в количественном отношении.

В адрес губернских властей поступало большое количество прошений польских крестьян, которые не могли вести успешное хозяйство вследствие малоземелья у себя на Родине. Некоторые количественные данные о переселенцах из привислинских губерний содержатся в ежегодных "Обзорах" сибирских губерний. Так, в 1897 г. в Сибирь проследовал 251 переселенец, из которых 235 добирались самостоятельно. Общий вес этой группы был невысок и составлял всего 0,3% от общего количества переселенцев[2].

В 1898 г. из Седлецкой, Плоцкой и Калишской губерний в Тобольской губернии водворилось 15 крестьян[3]. В 1897 г. в Челябинске было зарегистрировано 40 семей, шедших из губерний Привислинского края, в составе 233 человек. Наибольшее количество дали Варшавская и Петроковская губернии, на долю которых пришлось более 50%[4]. Пик переселенческой активности пришелся на 1899 г., в течение которого в Тобольской губернии обосновалось 70 семей в составе 375 чел. Наибольшее количество переселенцев этой партии

---

[1] Там же. Л. 2.

[2] Обзор Тобольской губернии за 1898 год. Тобольск, 1899. С. 90.

[3] Обзор Тобольской губернии за 1898 год. Тобольск, 1899, с. 30

[4] Цифровой материал для изучения переселения в Сибирь. 1897 год: Собранный путем регистрации переселенцев, проходивших в Сибирь и возвратившихся из Сибири через Челябинск в 1897 г. М., 1901. С. 18.

были выходцами из Седлецкую и Люблинскую губернии: 13 семей (56 чел.) и 42 семьи (234 чел.)[1]. Особенностью польской аграрной миграции этого периода являлось преобладание переселенцев, которые следовали в Сибирь по паспортам и без переселенческих свидетельств. Это заставляло сибирских губернаторов время от времени рассматривать и удовлетворять прошения крестьян на переселение[2].

Надо сказать, что в Сибирь из польских губерний в это время шли не только крестьяне. Постепенно активизировалось и переселение мещан из городов. По данным на 1897 г., через Челябинск прошло 13 мещанских семей из польских губерний в составе 78 человек, что составило 33% всего выхода в этот год из региона[3]. Это свидетельствует о включении польских горожан в поток трудовых мигрантов в Сибирь.

В фонде Переселенческого управления Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург) сохранились дела о переселенческом движении крестьян из польских губерний в Сибирь. Анализ документов по Люблинской, Седлецкой и иным губерниям позволяет сделать вывод о том, что местные власти не всегда являлись сторонниками переселения крестьян в Сибирь. В условиях несовершенства переселенческого законодательства комиссары по крестьянским делам имели возможность отказать им в праве на переезд. Так, отказ мог последовать в случае, когда семья состояла из родителей и малолетних детей. В этом случае чиновники заявляли, что они-де "не имели взрослых работников"[4]. Непременным условием для получения разрешения являлось наличие достаточных денежных средств – крестьяне должны были документально подтвердить свое материальное благосостояние. В случае, если денежных средств было недостаточно, то о переселении и речи быть не могло, однако их наличие также не гарантировало получение разрешительных документов. Например, чиновники Люблинской губернии заявляли, что "каждый хозяин, располагающий имуществом в 500 руб., может при посредстве Крестьянского Поземельного банка приобрести участок вполне доброкачественный в пределах Люблинской губернии и завести на эти деньги необходимый инвентарь", а потому "ходатайство просителей не заслуживает удовлетворения"[5]. Местные комиссары по крестьянским делам проводили среди желавших уехать в Сибирь "разъяснительную работу", стремясь удержать крестьян от переезда. Многие после подобных бесед отказывались от своих планов и оставались на прежнем месте

---

[1] Обзор Тобольской губернии за 1899 год. Тобольск, 1900, с. 39

[2] Из истории земли Томской. Сибирский Белосток. / Сб. документов и материалов. Томск, 1998, с. 243-244

[3] Цифровой материал для изучения переселения в Сибирь. 1897 год: Собранный путем регистрации переселенцев, проходивших в Сибирь и возвратившихся из Сибири через Челябинск в 1897 г. М., 1901. С. 24.

[4] РГИА, Ф. 391. Оп. 2. Д. 839. Л. 38 об.

[5] Там же. Л. 28

жительства. Подобная ситуация объяснялась отсутствием достоверной информации о Сибири. К тому же для многих поляков она по-прежнему ассоциировалась с каторгой и ссылкой.

Но миграционный поток из польских губерний постепенно набирал силу. Так, в прошении о разрешении на строительство католической церкви на имя тобольского губернатора коллежский советник А.С. Гриневицкий отмечал, что только "в г. Тара и Тарском уезде проживает до двух тысяч католиков"[1]. В докладной записке от 6 июля 1901 г. статс-секретарю А.Н. Куломзину он писал, что нужно "делать хотя что-нибудь для переселенцев католического вероисповедания, переселившихся из Гродненской, Минской, Витебской и Могилевской губерний и поселившихся в поселках … Тарского уезда Бутаковской волости и других волостях того же уезда"[2].

В годы столыпинской аграрной реформы в положительную сторону менялось общее представление об Азиатской России, чему способствовали многочисленные разъяснительные брошюры, издававшиеся губернскими переселенческими управлениями и иными организациями: крестьяне получили более достоверную информацию о местах водворения и условиях переселения, и это способствовало распространению среди польских крестьян миграционных настроений. По данным С. Леончика, только в течение 1905 – 1916 гг. из Люблинской губернии прибыло 5580, из Холмской губернии – 1485 и около 3000 крестьян из прочих губерний Царства Польского[3].

На рубеже XIX-XX вв. ими начинают создаваться обособленные поселения. Наиболее известным является пос. Белосток, основанный в 1899 г. в Томской губернии, который вскоре становится центром притяжения польских переселенцев. Здесь в начале XX в. был открыт римско-католический костел, который стал не только религиозным, но и образовательным центром. К 1916 г. в поселке насчитывалось уже 95 крестьянских хозяйств (516 жителей)[4].

В это время сохранила свое значение и внутрирегиональная миграция. Она была, по-прежнему, связана со служебными перемещениями поляков, находившихся на военной и гражданской службе. В то же время возникло и переселение польских крестьян в поисках более удобных земельных наделов и условий ведения хозяйства как внутри отдельно взятой губернии, так и в рамках региона. Примером последнего может служить пос. Деспот-Зенович (Деспот-Зеновский) Тюкалинского округа Тобольской губернии. Поселение возникло около

---

[1] Там же. Ф. 391. Оп. 2. Д. 850. Л. 4.

[2] Там же, л. 2 об.

[3] Leończyk S. Migracja chłopów polskich z Królestwa Polskiego na Syberię // Studia Europaea Gnesnensia. 2012. - № 6. S. 281.

[4] Из истории земли Томской…, 1998, с. 245

1892 г. на основании прошения поляков "об отводе отдельного, выбранного ими участка земель, только что размежеванных западносибирским переселенческим отрядом"[1]. Уже в 1893 г. в поселке было 26 дворов, проживало 112 чел.[2] О том, что поселок не был временным, свидетельствует факт его учета Всеобщей переписью населения 1897 г. На тот момент в поселке было 25 дворов, в которых числилось 70 мужчин и 69 женщин[3]. Все население поселка на тот момент было католическим и в качестве родного языка указывало польский.

Подобные процессы были характерны и для немецких крестьян-переселенцев. Наиболее отчетливо этот факт зафиксировала Всероссийская сельскохозяйственная и поземельная перепись 1917 года, в анкете которой указывалась губерния, из которой семья переселилась на то место, в котором она была зафиксирована переписью. Незначительная часть семей, проживавших в Алтайской части Томской губернии, указала в качестве прежнего места жительства Тобольскую губернию.

Внутрисибирская миграция для еврейского населения была возможна, но имела свои ограничения в правовом отношении. Последнее было связано с попыткой властей определить для еврейского населения региона границы черты оседлости. Если в Европейской части России проживание иудейского населения было ограничено конкретными губерниями, то в Сибири чиновники ввели индивидуальную черту оседлости для каждого еврея, на которого распространялось это положение. К началу XX в. границы возможного перемещения были расширены до территории округа (уезда). Но для еврейского населения Западной и Восточной Сибири черта оседлости была условной, оно давно привыкло к ее нарушению. Подобная ситуация была распространена в регионе в последней четверти XIX в., когда евреи с семьями начали переселяться в города, становившиеся центрами промышленности и торговли. Так, евреи, проживавшие в уездах, потянулись в Каинск, Мариинск и другие города Томской и Тобольской губерний. В то же время из уездных городов в губернские начали переселяться те, кто имел достаточный капитал, родственные связи для устройства в крупных городах. Имеющиеся данные позволяют говорить о том, что на рубеже XIX – XX вв. еврейское население устремилось в окрестности Омска и Томска.

В этот период наблюдалась и обратная миграция, связанная с попыткой местных властей вернуть еврейское население из мест фактического (незаконного) проживания в места приписки по полицейскому учету. Правда, последнее зачастую сталкивалось с противодействием евреев, которые в массовом порядке подавали на имя министра внутренних дел прошения о

---

[1] Цит. по: www.admsargp.narod.ru/despotzenovisch.pdf (электронный ресурс. режим доступа 12.05.2013 г.)

[2] Там же.

[3] ГУТО ГАТ. Ф. 417. Оп. 2. Д. 2820. ЛЛ. 1 – 1 об.

разрешении им остаться в месте фактического проживания, мотивируя это наличием недвижимого имущества, участием в промышленной, промысловой, торговой жизни. Все это вело к увеличению и уменьшению региональных общин.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. стала важным событием в истории отечественной статистики. Впервые в стране было подготовлено и проведено широкомасштабное статистическое обследование, которое охватило все губернии и области. Несомненным положительным моментом стало быстрое подведение итогов переписи и их публикация уже в 1904 – 1905 гг.

В данном конкретном случае мы обратимся к показателям численности еврейского, немецкого и польского населения в Тобольской, Томской губерниях и Акмолинской области. В качестве определяющих национальность были взяты данные по совокупности владения родным языком и вероисповеданию. Хотя, этот критерий не лишен своих недостатков, ибо в ряды евреев, немцев, поляков не попали те, кто указал в качестве родного языка русский либо принял православие.

Как бы то ни было, национальные общины были распределены по трем западносибирским губерниям неравномерно, о чем свидетельствуют приводимые ниже данные (см. прил. 22).

Анализ приведенных данных позволяет нам говорить о крайне неравномерном распределении еврейского, немецкого и польского населения в западносибирском регионе. Вне всякого сомнения, подобная структура явилась результатом влияния различных источников на формирование рассматриваемых общин. Так, польская община оказалась сосредоточенной на территории Тобольской и Томской губерний примерно в равных пропорциях. Это было одним из последствий влияния ссылки в регион.

Высокая концентрация еврейского населения в Томской губернии (более 65% евреев региона) была связана с активизацией притока евреев из Европейской России и других сибирских губерний в силу динамичного торгово-промышленного развития данной территории.

Наибольшей, по данным переписи, была немецкая община Акмолинской области. Здесь проживало 65,9% немцев Западной Сибири. Столь резкое увеличение числа немцев напрямую было связано с развитием переселенческого движения и активным сельскохозяйственным освоением земель, пригодных для хлебопашества.

Выбранные для анализа национальные группы имели существенные различия как в своем национальном развитии, так и развитии в качестве "мобильной группы-диаспоры" в сибирском регионе. Это нашло свое отражение в расселении поляков, немцев и евреев в городах и сельской местности (см. прил. 23).

Еврейская община продемонстрировала традиционно высокий уровень урбанизированности. Это было характерно не только для Сибири, но и для черты оседлости еще середины XIX в. В польских губерниях, например, он составил 62,4%[1]. Наибольшим этот показатель для Западной Сибири был в Акмолинской области (99%). Это объясняется историческими особенностями формирования территориальной общины (в Омске как военном городе присутствовали бывшие кантонисты и их потомки) и спецификой экономического развития в конце XIX в. (проведение Транссиба, превращение в крупный торгово-промышленный центр Сибири).

Статистические данные показывают достаточно низкий уровень урбанизированности польской и немецкой общин, средний показатель для которых составил около 25% и 30% соответственно. Более высокая степень урбанизированности для немцев Томской губернии объясняется наличием в городах большого числа чиновников, военных, в среде которых немецкий компонент традиционно был значителен. С другой стороны, эти показатели свидетельствуют о водворении представителей немецкой и польской общины в сельской местности: в среде немецких мигрантов было много колонистов из Поволжья и Прибалтики; поляки, отказавшиеся от мысли вернуться на Родину, предпочли селиться вблизи крупных городов.

В то же время по степени урбанизированности рассматриваемые общины значительно опережали другие национальности. Например, доля городского населения для русских составила на 1897 г. от 6% (Тобольская губ.) до 11% (Енисейская губ.)[2]. В этих же пределах колебался общесибирский уровень урбанизированности.

Сводные материалы переписи позволяют представить географическое размещение представителей различных национальных групп по территории губерний.

Поляки проживали практически во всех округах Тобольской губернии. Однако наибольшее их число проживало в освоенных в хозяйственном отношении округах (см. прил. 24).

Многочисленность польской общины в Тобольском и иных округах объясняется, с одной стороны, отбыванием на их территории ссылки, а с другой – обретением в них источника заработка и места пребывания после амнистии. Однако поляки оседали не по всей территории, а предпочтительно в волостях, расположенных вблизи окружных городов либо непосредственно в них. Например, в Тобольском округе поляки проживали преимущественно в городе (87,9%).

---

[1] Кеппен П.И. О числе евреев в России // Санкт-Петербургские ведомости. СПб., 1841. - № 76. Подсчет наш.

[2] Патканов С.К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.). Т. II. СПб., 1911. С. 2-5, 130-133, 322-325. Подсчет наш.

Подобная ситуация наблюдалась и в других административно-территориальных единицах. Наименьшее число поляков проживало в Ялуторовском (299 чел.), Туринском (163 чел.), Березовском (11 чел.) и Сургутском (7 чел.) округах.

На территории Томской губернии поляки проживали преимущественно в северных округах. В алтайской части губернии их число было минимальным (391 чел. или 6,2%). Это являлось последствием сохранения запрета на водворение в Алтайском округе ссыльных и каторжан. В целом число поляков здесь было самым значительным по Западной Сибири – 6328 чел., однако их удельный вес в Томской губернии был наименьшим – 0,33%[1].

Наиболее крупная польская община существовала в данный момент в Томском округе (2617 чел.). Далее по численности шли общины Каинского и Мариинского округов (1937 и 1248 чел. соответственно). Подавляющая часть поляков проживала вне городов губернии. Самая крупная городская польская община имела место в Томске (1205 чел.). В Каинске и Мариинске общины были малочисленнее (200 и 136 чел. соответственно)[2].

Как уже отмечалось выше, польская община Акмолинской области была самой малочисленной и составляла чуть более 8% по Западной Сибири. Из этой массы более 97% было сконцентрировано в Омском уезде (82,8%) и Петропавловского уезда (15%).

Следующей по численности шла еврейская община. В целом в регионе проживало 11820 евреев, что составляло 0,39% его населения[3]. Распределение евреев по губерниям было не столь равномерным, как это наблюдалось в отношении поляков. Самой малочисленной была акмолинская областная община, насчитывавшая лишь 1613 евреев. Община Тобольской губернии была на втором месте и составляла 2458 чел. или 0,17% населения губернии. Столь незначительное количество еврейского населения в обеих административно-территориальных единицах можно объяснить проводимыми в конце XIX в. управленческих реформ, в ходе которых, например, произошло выделение Акмолинской области из состава Тобольской губернии. Самая многочисленная община существовала в Томской губернии – 7749 чел. или 0,4%. Надо сказать, что с 1885 г. она выросла почти на 15,3%.

Если на территории Тобольской губернии значительные польский общины существовали практически во всех округах, то этого нельзя сказать о еврейской общине. Самая крупная еврейская община находилась в Тобольской округе (1274 чел. или почти 52% евреев губернии). Далее следуют Тюкалинский, Тюменский, Тарский, Ишимский округа (360, 277, 169 и 154 чел.

---

[1] Там же. С. 130-133. Подсчет наш.

[2] Там же. С. 132-133. Подсчет наш.

[3] Там же. С. 2-5, 130-133, 322-325. Подсчет наш.

соответственно или 40% евреев губернии). В остальных округах проживало с совокупности около 8% членов еврейской общины[1].

Выше мы уже упоминали о высокой степени урбанизированности для еврейской общины Западной Сибири. Однако, говоря о Тобольской губернии, хотелось бы отметить, что этот факт не всегда имел место. Например, в Тюкалинском и Тарском округах вне городов проживало более 50% евреев (79,2 и 50,3% соответственно), в то время как Тобольском, Тюменском и Ишимском округах подавляющее число евреев было приписано к городским обществам (98,4 - 96,7 – 61,7% соответственно)[2].

Томская община евреев была расселена преимущественно по тем же районам, что и польская – в Томском, Каинском и Мариинском округах (см. прил. 25).

Слабая представленность евреев на территории Алтайского округа объясняется существованием запрета на водворение на кабинетских землях лицам иудейского вероисповедания, который сохранялся до начала XX в., о чем уже отмечалось выше.

Другой особенностью алтайской части Томской губернии являлось проживание основной массы членов общины в сельской местности. Так, из 206 евреев Барнаульского округа только 34 чел. проживали в Барнауле[3].

Из приведенных выше данных видно, что немецкая диаспора была самой малочисленной – 7271 душ о.п. или 0,09% к общему населению[4]. Появление немецких переселенцев в Западной Сибири было связано с начавшимися аграрными миграциями, которые окажут свое влияние на изменение этнической карты региона в начале XX в. Пока же особенностью немецкой общины являлась ее концентрация в сельской местности, что было характерно для всех трех губерний.

Размещение немцев по округам было напрямую связано с характером их аграрного развития. Например, самые крупные общины в Тобольской губернии представляли Тюкалинский (519 душ о.п.), Тюменский (147 душ о.п.), Тарский (104 души о.п.) и Ишимский (107 душ о.п.) округа[5].

В Томской губернии немцы проживали преимущественно в сельской местности в Томском (690 душ о.п.), Барнаульском (283 души о.п.) и Змеиногорском (156 душ о.п.) округа[6]. В прочих округах численность немцев, как правило, не превышала 100 человек. В целом, в Томской

---

[1] Там же. С. 4-5. Подсчет наш.

[2] Там же. Подсчет наш.

[3] Там же. С. 132-133. Подсчет наш.

[4] Там же. С. 2-5, 130-133, 322-325. Подсчет наш.

[5] Там же. С. 4-5. Подсчет наш.

[6] Там же. С. 132-133. Подсчет наш.

губернии немецкая община была самой многочисленной. Ее многочисленность будет сохраняться на протяжении первой трети XX в.

Самая многочисленная немецкая община, как уже выше указывалось, была в Акмолинской области. На 1897 г., почти 70% была сконцентрирована в Омском уезде и Омске (60% и 9,1% соответственно). Вторая по численности группа проживала в Петропавловском уезде (24,6), который в это время также был одним из мест водворения переселенцев. Водворение немцев преимущественно в сельской местности объясняется, в первую очередь, их традиционной связью с сельским хозяйством.

Сопоставление сводных данных по трем общинам в гендерном вопросе также позволяет нам сделать некоторые выводы о влиянии различных источников на их формирование. Для примера возьмем Акмолинскую область (см. прил. 26)

При анализе данных обращает на себя следующий факт. Еврейская и немецкая общины в гендерном отношении имеют устойчивый баланс, когда соотношение мужчин и женщин составляет почти 50/50. Это свидетельствует о стабильном развитии общин, их пополнение происходило за счет притока полноценных семей из других регионов и естественного прироста населения. В то же самое время польское население в городах и сельской местности имеет перекос в сторону мужского населения, составлявшего почти 60%. Подобного рода дисбаланс мог быть вызван только последствиями многолетнего влияния принудительного переселения поляков в Сибирь, когда подавляющее большинство осужденных составляли именно мужчины. В 1880-х – начале 1890-х гг. он был еще более существенным. Но начавшееся добровольное переселение в Сибирь польских трудовых мигрантов и активизация естественного прироста населения способствовали его сглаживанию.

Перепись 1897 г. стала, несомненно, знаковым событием в истории России. После ее проведения статистическая служба в общегосударственном масштабе должна была развиваться более активно, публикуя достоверные сведения о населении страны. Однако, как мы уже отмечали выше, общеимперские сборники по демографической статистике позволяют определить общую тенденцию, но не получить достоверные сведения об абсолютных данных по численности отдельных групп населения в российской провинции.

Для получения более достоверной картины нами использованы данные полицейского учета, которые губернские статистические комитеты публиковали в "Памятных книжках" и "Обзорах" губерний и областей. Однако специфическое содержание этих источников и их региональные особенности не позволяют провести реконструкцию динамики численности населения одновременно по всем интересующим нас административно-территориальным единицам за одно и то же время. Тем не менее, даже имеющиеся неполные статистические

данные позволяют определить основное направление в развитии той или иной общины (см. прил. 27).

Все общины продемонстрировали тенденцию к численному росту. Правда, она не всегда была неизменной, что вполне наглядно демонстрирует статистика (см. прил. 28). Анализируя динамику численности католической, лютеранской и иудейской общин Томской губернии с 1903 по 1914 гг. можно сделать вывод, что только католическая община (преимущественно польская по своему национальному составу) демонстрирует устойчивый рост, который составил почти + 280%. В первую очередь, это объясняется, как мы отмечали ранее, тем, что для поляков Сибирь в начале XX в. стала одним из привлекательных регионов потенциального переселения. В начальный период Первой мировой войны численность польского населения Западной Сибири выросла за счет беженцев, и уже к 1916 г. она составила, например, в Омске и Омском уезде 17203 чел.[1] против 9645 чел. в 1913 г.[2].

Значительное увеличение числа лютеран в Западной Сибири, которые в 1900-х гг. были преимущественно немцами, объясняется их включением в переселенческое движение на Восток, что было спровоцировано неурожаями и голодом начала 1890-х гг. Колебания 1911 - 1913 гг. можно объяснить несовершенством учета данных о числе немецких переселенцев в Алтайскую часть Томской губернии, когда возникшие в западной части Барнаульского уезда (Кулундинская степь) многочисленные немецкие переселенческие поселки попадали в статистические отчеты эпизодически. Сокращение числа немецкого населения с началом Первой мировой войны объясняется, в первую очередь, мобилизацией в действующую армию, санитарные, лесные и прочие вспомогательные команды. В Акмолинской области численность немецкого населения сократилась с 40 тыс. до 30 тыс. чел.[3]. В Омске и Омском уезде она упала с 18 тыс. до 11,5 тыс. немцев[4]. Та же тенденция прослеживается в Томской губернии.

В начале XX в. еврейская община в западносибирских регионах изменялась неодинаково. Так, в г. Омске и Омском уезде Акмолинской области она выросла с 4422 чел. в 1912 г. до 5458 чел. в 1915 г.[5]. В Томской губернии, в которой, как мы отмечали, на 1897 г. она была самой многочисленной, ее численность постоянно варьируется. "Памятные книжки" Томской

---

[1] Обзор Акмолинской области за 1915 год. Омск, 1916. Приложение.

[2] Обзор Акмолинской области за 1913 год. Омск, 1914. Приложение.

[3] Обзор Акмолинской области за 1912 год. Омск, 1913. Приложение; Обзор … за 1915 год. Омск, 1916. Приложение.

[4] Там же.

[5] Обзор Акмолинской области за 1912 год. Омск, 1913. Приложение; Обзор … за 1915 год. Омск, 1916. Приложение.

губернии за 1904 – 1915 гг. позволяют нам определить некоторую тенденцию ее развития (см. прил. 29).

Глядя на крайние цифры, мы видим существенный рост, составивший 25%. Но внутри рассматриваемого периода мы не наблюдаем однозначную динамику роста. Численность еврейского населения губернии постоянно изменяется. Прирост был связан с естественным приростом и приходом новых семей. Уменьшение можно объяснить, на наш взгляд, внутрирегиональными миграциями, высылкой к месту приписки, а с началом Первой мировой войны мобилизацией в ряды действующей армии. Не последнюю роль сыграла эмиграция евреев. Так, только в 1914 г., спасаясь от войны и мобилизации в армию, Россию покинуло ок. 102 тыс. евреев[1]. Этими же причинами объясняется колебание численности еврейского населения в Иркутске и Иркутской губернии[2].

Таким образом, на рубеже XIX – XX вв. продолжался процесс формирования национальных общин в Западной Сибири. Его качественным отличием от предшествующих стало изменение в соотношении основных источников их пополнения. Если на протяжении XIX в. в качестве основного источника их пополнения фигурировало принудительное переселение (административная, уголовная, политическая ссылка на поселение, каторга), то в рассматриваемый период основную роль играла добровольная миграция в виде трудовой, что было связано с бурным процессом модернизации экономики Российской империи.

3.4. Первая мировая война и ее влияние на еврейскую, польскую, немецкую общины в Западной Сибири (1914 – 1917 гг.)

Вступление России в войну со странами Тройственного союза отразилось на положении некоторых национальных меньшинств внутри страны. В первую очередь, это проявилось на диаспорах, имевших отношение к странам-противникам – немецкой, австрийской, венгерской, турецкой, болгарской.

Начавшиеся военные действия на Западном фронте привели к появлению в России новой группы мигрантов – депортированных, т.е. принудительно высланных из прифронтовой полосы во внутренние губернии страны. Это относилось, в первую очередь, к немецкому населению, проживавшему в польских и иных западных губерниях.

---

[1] Будницкий О.В. Российские евреи между красными и белыми. М., 2005. С. 31.

[2] Войтинский В.С., Горнштейн А.Я. евреи в Иркутске. Иркутск, 1915. С. 60.

Уже 31 декабря 1914 г. генерал Н.В. Рузский обратился к начальнику штаба Верховного главнокомандующего генералу Н.Н. Янушкевичу за разъяснением распоряжения Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича о "выселении из Привислинского края всех немецких колонистов". При этом им было предложено в дополнение: "Первое – выселять только мужское население в возрасте 15 лет и выше, женщин и детей не выселять; второе – выселять только сельское население, не распространяя выселение на городское население; третье – благонадежных лиц, состоящих на государственной и общественной службе, не выселять; четвертое – лиц, заподозренных в малейшей неблагожелательстве к нам, выселять, не взирая на возраст, пол, место жительства или служебное и общественное положение"[1].

11 января 1915 г. генерал Н.Н. Янушкевич распространил зону выселения на всю линию фронта, а уже 15 января того же года директор Департамента полиции МВД генерал В.Ф. Джунковский разрешил депортировать немцев во все губернии, кроме объявленных на военном положении. При этом вопросы депортации находились в ведении военных властей, а проблемы приема и водворения высланных немцев решались гражданскими властями.

В число губерний, в которые надлежало направлять выселяемых из прифронтовой полосы немецких колонистов, входила и Томская губерния, которая начала принимать первые партии депортированных только летом 1916 г. 3 июля 1916 г. в Томске была получена телеграмма из Петрограда, в которой указывалось, что "губерния предназначена для водворения немцев-колонистов выселенных юго-западного фронта распоряжением военных властей"[2]. Аналогичные телеграммы были направлены из МВД в Пермь, Вятку, Вологду, Тобольск, Акмолинск.

Анализ архивных документов свидетельствует о том, что в конце июля – начале августа 1916 г. в Томскую губернию были направлены две группы депортированных. Первая группа была направлена 26 июля со станции Новгород Волынский в составе 333 немцев – колонистов; несколько позже, 6 августа, со станции Костополь "на станцию Обь отправлена партия выселенных немцев-колонистов Луцкого уезда количестве шестидесяти девяти душ"[3].

16 августа первая партия прибыла в Ново-Николаевск, откуда была "этапным порядком" отправлена в город Колывань. Однако не все смогли достичь нового места поселения: из 333 человек, отправленных с Волыни, в Сибирь прибыло лишь 325 человек, а 8 человек скончалось в пути.

---

[1] Нелипович С.Г. Депортации в России 1914 – 1918 гг. // Военно-исторический журнал. 1997. - № 1. С. 45.

[2] ГАТО. Ф. 3. Оп. 67. Д. 503. Л.1.

[3] Там же. Л. 13.

Приближенное рассмотрение состава группы депортированных немцев позволяет сделать ряд выводов о характере депортационной кампании властей в рассматриваемый период. Это возможно благодаря информации, которая содержится в сохранившемся "Именном списке немцев-колонистов, выселенных по распоряжению военных властей Юго-Западного фронта и предназначенных для водворения в город Колывань Томской губернии".

Анализ сведений "Именного списка …" позволяет нам восстановить географию выселения, половозрастную структуру, вероисповедание, вид хозяйственной деятельности немецких колонистов данной партии.

География прежнего места жительства депортированных семей вполне локальна в рамках Российской империи: 74 из 79 семей были высланы из Волынской губернии и лишь 5 семей – из губерний Привислинского края. При более пристальном рассмотрении можно заметить, что данная партия была сформирована преимущественно из числа немецких колонистов, проживавших до лета 1916 г. в колониях Луцкого уезда и г. Луцке (69 семей)[1]. При этом создается впечатление, что на отправочном пункте военные власти, отвечавшие за депортацию, преднамеренно перемешивали жителей по партиям и местам водворения, чтобы на новом месте не были восстановлены прежние общества. Анализ половозрастной структуры прибывших в Томскую губернию немецких колонистов также оставляет много неясностей (см. прил. 30).

В рассматриваемой нами группе более 54 % составляли несовершеннолетние дети в возрасте до 16 лет у женщин и 18 лет у мужчин, при этом дети до 8 лет составили 25,8% в общей группе. Не столь значительной была старшая возрастная группа – старики в возрасте 55 (60) лет составили почти 16 % от общего числа депортированных. Очень непонятны данные по средней возрастной группе – немногим более 30 % высланных могут быть отнесены к данной возрастной категории, при этом обращает на себя внимание тот факт, что доля мужчин в возрасте от 18 до 60 лет в своей половой группе едва превысила 17 %. То есть, немногим более 1/3 из числа депортированных являлась полноценной.

Столь низкая доля взрослых мужчин в составе депортированной партии ставит перед нами вопрос: где остальные мужчины, почему столь значительно нарушено равновесие в половозрастной структуре. Часть из них была мобилизована в действующую армию, вспомогательные команды, часть использовалась для работ в тылу.

Другая волна прибывших в Западную Сибирь в начале Первой мировой войны – беженцы из прифронтовых и оккупированных губерний. В наибольшей степени это были поляки и евреи. Надо сказать, что уже в первые месяцы военных действий, по всей стране образовывались Комитеты помощи беженцам. Это были как общенациональные, так и, например, польские и

[1] Там же. ЛЛ. 27 – 41. Подсчет наш.

еврейские комитеты. В их обязанность входил сбор денежных и иных материальных средств для беженцев, оказание первой необходимой помощи на новом месте жительства. В общей массе беженцев, учтенных статистическим комитетом Татьянинского комитета, они составили, по данным И.В. Нам, 15 и 6,4% соответственно[1].

В Сибирь беженцы стали пребывать с лета 1915 г. Так, первая партия прибыла в Томскую губернию в конце июля того же года[2]. Столь позднее их появление в глубоком тылу связано с несколькими причинами. Например, А.Н. Курцев отмечал, что до весны 1915 г. преобладало стихийное беженство, характеризовавшееся самостоятельным расселением гражданского населения в прифронтовой полосе в возможной близости от покидаемых жилищ[3]. Только отступление русской армии в кампанию 1915 г. заставило сотни тысяч жителей западных губерний покинуть свои дома.

Основной поток беженцев пришелся на губернии Европейской России, а так же Петроград и Москву. Так, к началу 1916 г. в Калужская губерния приняла 61,1 тыс., Рязанская губерния - 68,9 тыс., Курская губерния - 79,2 тыс. вынужденных мигрантов[4].

В общей сложности, по данным В. Нагнибеды, за период с июля 1915 по август 1916 г. через Томскую губернию проследовало ок. 50 тыс. беженцев, из которых на территории губернии к середине 1916 г. проживало постоянно 35824 вынужденных мигранта (вполне сопоставимо с данными по Тульской губернии на тот же период, принявшей 37,4 тыс. беженцев), что составило почти 1% к общему населению губернии[5].

Согласившись с мнением А. Курцева о численности беженцев, оказавшихся в тыловых губерниях с начала войны до декабря 1915 г. (завершение их массового прибытия), - ок. 3 млн. чел.[6], укажем, что на долю только Томской губернии пришлось ок. 1,2% беженцев и выселенцев.

В Сибири к 1 февраля 1917 г., по данным Центрального Всероссийского Бюро по регистрации беженцев, оказалось 86664 чел. (ок. 2,7% к общему количеству учтенных по

---

[1] Нам И.В. Численность и национальный состав беженцев в Сибири в годы Первой мировой войны // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Сибири. Барнаул, 2003. С. 278.

[2] Беженцы в Томской губернии: список семейств беженцев и адреса их / Регистр. и спр. для беженцев бюро при Стат. отделе Том. переселенч. района. Вып. 1. Томск, 1916. С. I.

[3] Курцев А.Н. Беженцы Первой мировой войны в России // http://historystudies.org/2012/07/kurcev-a-n-bezhency-pervoj-mirovoj-vojny-v-rossii/ [Электронный ресурс. Режим доступа 18.01.2013].

[4] Белова И. Вынужденные мигранты Первой мировой войны в Российской империи. 1914 - 1917 // Гефтер // http://gefter.ru/archive/13169 [Электронный ресурс. Режим доступа 18.01.2013].

[5] Там же. С. II - III.

[6] Курцев А.Н. Указ. соч.

стране), которые крайне неравномерно оказались распределены по Сибири и Дальнему Востоку (см. прил. 31).

Как мы видим, ок. 75% беженцев пришлось на Западную Сибирь. Томская губерния к февралю 1917 г. приняла ок. 1/3 учтенных Центральным Всероссийским Бюро беженцев и выселенцев. Это объясняется, с одной стороны, их более ранним прибытием в регион, с другой стороны, как отмечали современники, нежеланием ехать далее на Восток[1].

Причины, толкавшие население прифронтовых губерний покидать родные места были различны. Среди них можно выделить желание уйти подальше от мест боевых действий тем самым спасая свою жизнь и жизнь членов семьи. Среди беженцев оказывались потенциальные выселенцы (евреи, немцы и пр.), стремившиеся уехать в тыловые районы, не будучи подвергнутым депортации. Кроме того, среди общего потока 1915 г. оказывались и вынужденные беженцы, которые стали жертвами проводившейся русскими властями тактики "выжженной земли" в тех губерниях, которые потенциально могли быть заняты неприятелем. В 1915 шла активная эвакуация государственных учреждений из прифронтовых губерний. Так, были эвакуированы Варшавский (в Ростов-на-Дону) и Рижский (в Москву и Иваново) университеты. С чиновниками эвакуировались и члены семей. В соответствии со ст. 1 Закона "Об обеспечении нужд беженцев" от 30 августа 1915 г. все они являлись лицами, "оставившие местности, угрожаемые неприятелем или им уже занятые, либо выселенные распоряжением военных или гражданских властей из районов военных действий" и признавались беженцами.

Национальный состав беженцев был достаточно пестрым, но в нем вполне выделяются одинаковые тенденции, характерные для разных регионов. Так, в Томской губернии, по данным местной статистики, второе место по численности после русских (включали в себя помимо великорусов малороссов и белорусов) уверенно занимали поляки, на долю которых пришлось ок. 13%[2]. Примерно такая же картина наблюдалась и в среднем по Западной Сибири (ок. 10%)[3]. Далее следовали немцы (ок. 6%) и евреи (ок. 5%)[4]. Надо сказать, что подобная картина наблюдалась и в других регионах (см. прил. 32).

---

[1] Киржниц А. Беженцы и выселенцы // Сибирская советская энциклопедия. Т. 1. Стлб. 263.

[2] Подсчитано по: Беженцы в Томской губернии: список семейств беженцев и адреса их / Регистр. и спр. для беженцев бюро при Стат. отделе Том. переселенч. района. Вып. 1. Томск, 1916; Беженцы в Томской губернии : список семейств беженцев и адреса их : Вып [1]-2. - Томск, 1916.

[3] Горелов Ю.П. Прием беженцев в Сибири в годы Первой мировой войны // Сибирь: XX век. Кемерово, 2002. С. 69.

[4] Подсчитано по: Беженцы в Томской губернии: список семейств беженцев и адреса их / Регистр. и спр. для беженцев бюро при Стат. отделе Том. переселенч. района. Вып. 1. Томск, 1916; Беженцы в Томской губернии: список семейств беженцев и адреса их: Вып [1]-2. - Томск, 1916.

Сопоставление данных по губерниям позволяет сделать выводы относительно некоторых групп беженцев. Так, крайне низкий процент немцев-колонистов, поселившихся во внутренних губерниях, объясним отсутствием тут сельских немецких поселений, где они могли бы оказаться в родственной среде. Например, в Калужской губернии на рубеж XIX - XX вв. проживало всего 593 немца[1], Курской - 1016[2], в Орловской - 1406[3]. В то же время в Томской губернии и Акмолинской области в начале XX в., как уже отмечалось, существовали крупные немецкие анклавы (в Барнаульском и Омском уездах соответственно).

Близкое расположение к губерниям черты оседлости и наличие в губерниях Центральной России еврейских общин объясняет водворение в них еврейских беженцев и выселенцев в течение 1915 г. В Сибири же оказалось незначительное число евреев-беженцев. Так, на долю Томской губернии пришлось ок. 1,5 – 2 тыс. чел. В губерниях Восточной Сибири их число оказалось гораздо большим: в Енисейской губернии ок. 10,7 тыс., Иркутский – ок. 8 тыс. еврейских беженцев[4]. Именно наличие родственного населения, которое могло оказать материальную помощь, играло определяющую роль в направлении потоков самостоятельных беженцев. Несоразмерность числа беженцев по губерниям Западной и Восточной Сибири, на наш взгляд, объясняется внутрирегиональной миграцией: первоначально они оказались в западной части, но в поисках более комфортных условий вынуждены были переселяться далее на восток, где так же были многочисленные общины единоверцев.

Опубликованные статистические сведения о беженцах позволяют нам говорить о географии их выхода. Более половины поляков пришло в Томскую губернию из белорусско-литовских губерний, среди которых лидировали Гродненская, Виленская и Ковенская губернии (ок. 20, 10,4 и 9% всех польских семейств в регионе)[5]. Более 40% поляков прибыло из собственно польских губерний, среди которых выделились Ломжинская, Варшавская и Холмская губернии (15,3, 8,3 и 4,9% соответственно)[6]. Вообще, география прежнего места жительства вынужденных мигрантов польской национальности была чрезвычайно широкой и

---

[1] Первая Всеобщая перепись населения Российской империи. Т. 15. Кн. 2. Калужская губерния. СПб., 1903. С. 77.

[2] Первая Всеобщая перепись населения Российской империи. Т. 20. Курская губерния. СПб., 1904. С. 103.

[3] Первая Всеобщая перепись населения Российской империи. Т. 29.Орловская губерния. СПб., 1904. С. 85.

[4] Соколов М.П. Беженцы и выселенцы // Сибирская советская энциклопедия. Т. 1. Стлб. 262 – 263.

[5] Подсчитано по: Беженцы в Томской губернии: список семейств беженцев и адреса их / Регистр. и спр. для беженцев бюро при Стат. отделе Том. переселенч. района. Вып. 1. Томск, 1916; Беженцы в Томской губернии: список семейств беженцев и адреса их: Вып [1]-2. - Томск, 1916.

[6] Подсчитано по: Беженцы в Томской губернии: список семейств беженцев и адреса их / Регистр. и спр. для беженцев бюро при Стат. отделе Том. переселенч. района. Вып. 1. Томск, 1916; Беженцы в Томской губернии: список семейств беженцев и адреса их: Вып [1]-2. - Томск, 1916.

охватывала практически все западные губернии. Это было связано с относительно высокой долей польского населения в губерниях Западного края, которые были оставлены частями Русской армии в кампании 1914 – 1915 гг.

Еврейские беженцы прибыли в Томскую губернию преимущественно из белорусско-литовских губерний, на долю которых пришлось более 70% семей. Наибольшее количество беженцев дали Ковенская (36,5%), Гродненская (11,5%) и Виленская (11,5%) губернии[1]. Сравнительно небольшое количество переселенцев из польских губерний (ок. 21%) можно объяснить их более ранним выселением в губернии Европейской России. В Сибирь отправились те, кто попал под новую волну выселений и добровольного беженства.

Относительно компактное проживание немцев-колонистов на западных окраинах Российской империи объясняет наиболее частое упоминание Волынской губернии в качестве прежнего места жительства среди немецких беженцев (более 85%). В конце XIX в. здесь, по данным переписи населения 1897 г., проживало ок. 171 тыс. немцев[2]. Однако панические настроения, связанные с депортацией и конфискацией имущества, охватили немецкое население в других губерниях, которые могли быть переведены на военное положение. Это объясняет факт присутствия среди немецких беженцев в Томской губернии выходцев из Киевской губернии (ок. 10%). Приведенные в справочнике данные позволяют нам говорить о том, что более 95% немцев-беженцев ранее проживали в сельской местности и были связаны с аграрным сектором[3].

К середине 1915 г. в тыловых губерниях была отлажена деятельность организаций и учреждений, связанных с оказанием помощи беженцам. Однако полученная от них материальная помощь была незначительной и заставляла последних озаботиться поиском источников стабильного дохода. Разумеется, наиболее беженцы стремились оказаться в привычной для себя среде (сельской или городской). Однако социально-экономическое развитие Западной Сибири значительно отличалось от процессов, протекавших в западных губерниях. Поэтому беженцам приходилось на новом месте жительства приспосабливаться к реальным условиям.

---

[1] Подсчитано по: Беженцы в Томской губернии: список семейств беженцев и адреса их / Регистр. и спр. для беженцев бюро при Стат. отделе Том. переселенч. района. Вып. 1. Томск, 1916; Беженцы в Томской губернии: список семейств беженцев и адреса их: Вып [1]-2. - Томск, 1916.

[2] Первая Всеобщая перепись населения Российской империи. Т. 8. Волынская губерния. СПб., 1904. С. 74.

[3] Подсчитано по: Беженцы в Томской губернии: список семейств беженцев и адреса их / Регистр. и спр. для беженцев бюро при Стат. отделе Том. переселенч. района. Вып. 1. Томск, 1916; Беженцы в Томской губернии: список семейств беженцев и адреса их: Вып [1]-2. - Томск, 1916.

Статистика показывает, что наибольшее количество беженцев пришлось на западносибирские города. В них резко количественно выросли различные национальные общины, что можно продемонстрировать на примере поляков и евреев. Так, почти 50% польских беженцев в качестве места жительства выбрали Ново-Николаевск – наиболее динамично развивавшийся в этот период новый промышленный, транспортный, торговый центр Томской губернии. Немногим более 21% поляков поселилось в Томске, по 3% - в Барнауле и Тайге. Евреи и в условиях беженства Первой мировой войны сохранили тяготение к городской среде: в Томской губернии почти 98% вынужденных мигрантов поселилось в городах. Наиболее привлекательными для них являлись Томск (48,1%) и Ново-Николаевск (33,3%) как развитые экономические центры. Им значительно уступали традиционные "еврейские" города в Томской губернии Мариинск и Каинск (7,4 и 9,2% соответственно)[1]. Выбор города в качестве нового места жительства во многом объяснялся и профессиональным составом домохозяев польского и еврейского происхождения, среди которых, например, земледельцы составили лишь 12,5 и 2% соответственно[2].

Как мы видим, в сельской местности оказалось незначительное число польских и еврейских семей, прибывших из прифронтовых губерний, - лишь 11,6 и 2% соответственно. На этом фоне разительно выделялись немцы, водворенные преимущественно на территории Томской губернии в поселках Томского (53,6%), Каинского (23,4%) и Барнаульского (10,6%) уездов[3].

В годы войны губернская статистика зафиксировала неоднозначные тенденции в изменении численности национальных общин в регионе.

В качестве отправной точки нами был выбран 1913 г. Так, по Томской губернии католическое население, преимущественно польские по своей этнической принадлежности, составило 43537 чел. обоего пола или чуть более 1,1% от учтенного населения губернии; лютеранско-протестантское население, преимущественно немецкое, на это же время

---

[1] Подсчитано по: Беженцы в Томской губернии: список семейств беженцев и адреса их / Регистр. и спр. для беженцев бюро при Стат. отделе Том. переселенч. района. Вып. 1. Томск, 1916; Беженцы в Томской губернии: список семейств беженцев и адреса их: Вып [1]-2. - Томск, 1916.

[2] Подсчитано по: Беженцы в Томской губернии: список семейств беженцев и адреса их / Регистр. и спр. для беженцев бюро при Стат. отделе Том. переселенч. района. Вып. 1. Томск, 1916; Беженцы в Томской губернии: список семейств беженцев и адреса их: Вып [1]-2. - Томск, 1916.

[3] Подсчитано по: Беженцы в Томской губернии: список семейств беженцев и адреса их / Регистр. и спр. для беженцев бюро при Стат. отделе Том. переселенч. района. Вып. 1. Томск, 1916; Беженцы в Томской губернии: список семейств беженцев и адреса их: Вып [1]-2. - Томск, 1916.

насчитывало 17724 чел. (0,47%); еврейское население – 11997 чел. (0,31%)[1]. При этом подавляющая масса католиков и лютеран была сконцентрирована в сельской местности (34128 и 15033 соответственно), тогда как 78% еврейского населения Томской губернии было рассредоточено по городам[2].

Уже первый же год войны отмечен резкими колебаниями в численности рассматриваемых национальных общин. Так, в Томской губернии численность католического населения увеличилась почти до 52 тыс. чел. (+ почти 8,5 тыс.), при том, что аналогичный показатель для лютеранско-протестантского (немецкого) и еврейского населения не был столь велик и составил + 300 и + 380 соответственно[3]. О притоке польского населения в западносибирские губернии говорят и данные по Акмолинской области, где за 1914 г. численность польского населения выросла почти в 2 раза и составила 17203 чел., тогда как еврейская община увеличилась лишь на 1 тыс. чел.[4].

Сокращение числа немецкого населения с началом Первой мировой войны объясняется, в первую очередь, мобилизацией в действующую армию, санитарные, лесные и прочие вспомогательные команды. В Акмолинской области численность немецкого населения сократилась с 40 тыс. до 30 тыс. чел.[5]. В Омске и Омском уезде она упала с 18 тыс. до 11,5 тыс. немцев[6]. Та же тенденция прослеживается в Томской губернии. В дальнейшем отмечается рост численности немецкого населения, начавшийся с 1915 г.: оно увеличилось до 21667 чел. (с 18028 чел. в 1914 г.) за счет беженцев и депортированных. Подобная картина наблюдалась и в других регионах глубокого тыла. Так, в Ставропольской губернии был отмечен рост числа немцев: с 14721 (1913 г.)[7] до 16233 (1915 г.)[8].

Но 1915 г. был отмечен не только выселением и бегством немцев из прифронтовой полосы, что вело к увеличению немецкого населения во внутренних губерниях и областях. Было разработано и начало реализовываться антинемецкое законодательство, направленное на ликвидацию немецкого землевладения по всей территории России. Если на территории Томской губернии его реализация приняла достаточно мягкие формы (ограничение аренды,

---

[1] Памятная книжка Томской губернии на 1913 г. Томск, 1913. С. 187.

[2] Там же.

[3] Памятная книжка Томской губернии за 1914 г. Томск, 1914. Статистический отдел. С. 4. Подсчет наш.

[4] Обзор Акмолинской области за 1915 г. Омск, 1916. С. 9.

[5] Обзор Акмолинской области за 1912 год. Омск, 1913. Приложение; Обзор … за 1915 год. Омск, 1916. Приложение.

[6] Там же.

[7] Памятная книжка Ставропольской губернии на 1914 г. Ставрополь, 1913. С. II.

[8] Памятная книжка Ставропольской губернии на 1916 г. Ставрополь, 1916. С. I.

переименование немецких переселенческих поселков), то в Акмолинской области этот процесс получил более развернутую форму, о чем свидетельствуют данные губернской статистики: за 1915 г. численность проживавших тут немцев сократилась 10766 чел. и составила 30513 чел.[1]. Сокращение произошло, в первую очередь, в Омском уезде (- 9244 чел.), что было связано с выселением с купленных и арендованных земель, принадлежавших Сибирскому казачьему войску. Так, у офицеров войска и их наследников немцами было куплено к 1915 г. более 61 тыс. дес. и арендовано более 100 тыс. дес.[2]

Отсутствие резкого прироста немецкого населения в городах и уездах Акмолинской области в этот период свидетельствует о том, что лишенные собственности, они вынуждены были переселиться в другие губернии (несибирские) или эмигрировать в американские государства (США, Аргентина и др.), где сельские поселения российских немцев начали появляться с конца 1870-х гг.

Обращает на себя внимание еще один факт сокращения немецкого населения: в Омске мужское немецкое население сократилось с 1534 чел. (1913 г.) до 807 чел. (1915 г.), что было связано с призывом на военную службу, которую немцы отбывали либо на Кавказском фронте, либо в санитарных и лесных командах (последнее было распространено на меннонитов, которым по религиозным канонам запрещено применять оружие).

Еврейская община Западной Сибири в военные годы также была нестабильной в своей численности. С одной стороны, она пополнялась за счет беженцев из польских и белорусско-литовских губерний. Так, в Томской губернии она увеличилась с 11997 чел. в 1913 г. до 12370 чел. в 1914 г. Подобная тенденция наблюдается в это время и в Акмолинской области, где она выросла с 4482 чел. до 5458 чел. С другой стороны, в Томской губернии, например, мы наблюдаем сокращение евреев как в городах (9177 чел. в 1914 г. против 8120 чел. в 1915 г.), так и в сельской местности (3193 чел. против 2506 чел. соответственно). Уменьшение можно объяснить, на наш взгляд, внутрирегиональными миграциями и мобилизацией в ряды действующей армии. Не последнюю роль сыграла эмиграция евреев. Так, только в 1914 г., спасаясь от войны и мобилизации в армию, Россию покинуло ок. 102 тыс. евреев[3]. Этими же причинами современники объясняли колебание численности еврейского населения в других регионах, например, в Иркутске и Иркутской губернии[4].

---

[1] Обзор Акмолинской области за 1915 г. Омск, 1916. С. 9. Подсчет наш.

[2] Вибе П.П. Немецкие колонии в Сибири... С. 245-286. Подсчет наш.

[3] Будницкий О.В. Российские евреи между красными и белыми. М., 2005. С. 31.

[4] Войтинский В.С., Горнштейн А.Я. евреи в Иркутске. Иркутск, 1915. С. 60.

Таким образом, в военные годы еврейская, польская и немецкая общины Западной Сибири по-прежнему не отличались стабильностью. На их формирование оказывали влияние различные механические факторы, возникшие под влиянием условий военного времени (беженство, депортации, эмиграция и др.).

Завершая рассмотрение вопроса об источниках формирования некоторых национальных общин в Западной Сибири в XIX – начале XX в., можно сделать следующие обобщающие выводы.

Процесс формирования общин не был одномоментным явлением. Это был длительный процесс, протекавший в сложных общественно-политических, экономических, социокультурных условиях, в котором можно выделить следующие периоды:

- 1800-е гг. – 1850-е гг.;
- пореформенный период (1860-е – 1880-е гг.);
- 1890-е гг. – 1914 г.;
- 1914 – 1917 гг.

Каждый из периодов имел для формирования общин свои особенности, имевшие как общие, так и различные черты. Так, на протяжении первых двух периодов еврейская и польская общины складывались под преобладающим влиянием принудительной миграции, имевшей административное, уголовное, политическое содержание, и которая сыграла определяющую роль с середины XIX в. В то же самое время немецкая община формировалась за счет добровольно пришедших в Сибирь военных и гражданских лиц различных государственных ведомств, а также частных лиц. В добровольную миграцию оказались включенными лишь члены семьи, имевшие право следовать за ссыльным.

В первой половине XIX в. определились основные центры формирования общин, сложившиеся преимущественно в Томской губернии (Томск, Мариинск, Каинск и прилегающие к ним уезды, Барнаул), а потому мы можем говорить об относительно компактном проживании еврейского, немецкого и польского населения на территории западносибирских губерний.

Характерной чертой большей части XIX в. стал фактический городской характер еврейского, немецкого и польского населения Западной Сибири. Это зачастую нарушало существовавшее сегрегационное законодательство, направленное на размещение ссыльных в сельской местности, и стремление властей не допустить высокий уровень концентрации нежелательного национального элемента (еврейского, польского) в немногочисленных городах Томской и Тобольской губерний.

Бурное развитие капиталистических отношений в губерниях Европейской России на рубеже XIX – XX вв. формировало благоприятные условия для развития трудовой миграции

внутри страны. Капитализация земли способствовала становлению фермерского типа хозяйствования в немецких колониях Новороссии и Поволжья и юнкерского типа в западных губерниях. Это вело к появлению многочисленной армии малоземельных и безземельных аграриев, стремившихся сохранить традиционный уклад за пределами малой родины. Избыток низкоквалифицированной рабочей силы в промышленности и на транспорте в условиях экономических кризисов начала XX в., активное развитие средне-специального технического образования, приведшее к росту рабочей аристократии способствовали их частичному выдавливанию в те регионы, которые остро нуждались в квалифицированных рабочих. Одним из таких районов в этот период была Сибирь, экономическое развитие которой стало одной из основных задач правительства. Строительство Транссибирской железной дороги, переселенческая кампания, активизировавшаяся в годы премьерства П.А. Столыпина, вовлекли в трудовую миграцию десятки тысяч евреев, поляков, немцев, пришедших в это время в регион. Именно добровольная (трудовая) миграция наряду с естественным приростом стала основным источником дальнейшего развития различных национальных общин. Значение ссылки в этот период резко упало, что было связано с проводившейся реформой пенецитиарной системы Российской империи.

Произошли не только изменения в источниках формирования общин. Они резко увеличиваются количественно. Это наиболее отчетливо видно на примере немецкой общины, которая выросла с нескольких тысяч до десятков тысяч в разных губерниях региона. Попытки властей свести к минимуму в регионе еврейское население вновь потерпели неудачу. Как мы видим, еврейская община сохраняла тенденцию к увеличению. На фоне традиционного тяготения еврейского населения к городам существенно изменилось соотношение городского и сельского населения в немецкой общине, которая стала преимущественно сельской вследствие притока поселян-собственников из колоний Новороссии и Среднего Поволжья. Приток крестьян из польских и белорусско-литовских губерний значительно увеличил долю сельского населения в составе западносибирской полонии.

Начавшаяся Первая мировая война ознаменовала начало нового периода в развитии рассматривающихся национальных общин в регионе. Антинемецкие настроения, царившие в среде русского генералитета, привели к началу депортации немцев из городов и сельской местности прифронтовой полосы. Часть депортационного потока была направлена в Сибирь. Польская и еврейская общины в этот же период пополнились беженцами, которые в основном оказались на территории Томской губернии и Акмолинской области.

На протяжении XIX – XX в. имелись не только источники количественного роста численности общин, но и факторы, способствовавшие ее уменьшению. В первую очередь, это

политические амнистии, оказавшие большое влияние на польскую общину в первый и второй периоды. Амнистии участников антирусских выступлений рубежа XVIII – XIX в. и русско-польской войны 1830 – 1831 гг. привели к резкому сокращению сибирской полонии: в регионе остались преимущественно только те ссыльные, которые за годы ссылки смогли адаптироваться и были связаны брачными отношениями с сибирячками. Частичная амнистия конца 1860-х – 1870-х гг. уже не имела такого разрушительного воздействия на полонию: большое количество каторжан, ссыльных, ссыльнопоселенцев и членов их семей было оставлено на жительство в регионе. Правда, часть из них получила возможность вернуться на родину либо была перемещена в губернии Европейской России.

Для еврейской общины таким фактором стали многочисленные попытки принудительного выселения за пределы Сибири, а также из мест фактического проживания в места полицейской (паспортной) приписки. Но в годы русско-японской войны, а затем и в Первую мировую войну выселенческие кампании из сибирских губерний были фактически прекращены.

В годы Первой мировой войны активизировалась эмиграция представителей некоторых национальных общин. В полной мере это относится к евреям и немцам Сибири, которые в это время, спасаясь от дискриминационной политики государства, уезжали в Америку.

К сожалению, перепись 1897 г. оказалась единственной в истории русской статистики, охватившей все население страны. Проводившиеся в 1916 и 1917 гг. переписи учитывали только сельское население, а потому их данные не могут рассматриваться как полноценные. Кроме того, до настоящего времени нет сводных данных по национальному составу, например, по сельскохозяйственной переписи 1917 г. Статистические сведения, приводимые в различного рода источниках, не носят общерегионального характера, но позволяют определить примерную численность общин в конце рассматриваемого периода.

Таким образом, на протяжении XIX – начала XX в. шел активный процесс формирования в Западной Сибири еврейской, немецкой и польской общин. Каждая из общин имела в различные периоды своего складывания особые факторы, оказывавшие на нее свое влияние. Были в этом процессе и общие черты. Анализ статистических данных позволяет нам говорить об устойчивой тенденции всех трех общин к увеличению, что было характерно для всего рассматриваемого периода.

ГЛАВА 4. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОБЩИН В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В XIX – НАЧАЛЕ XX В.

4.1. Хозяйственные занятия евреев, немцев и поляков в дореформенный период (1800-е - 1850-е гг.)

В первой половине XIX в. Сибирь значительно уступала Европейской России по уровню экономического развития, сохраняя полунатуральное хозяйство. Это объясняется во многом тем отношением, которое господствовало в правящих кругах в отношении данного региона. Сибирь рассматривалась преимущественно как источник государственных доходов вследствие эксплуатации местных ресурсов и место ссылки неблагонадежных. Именно на этом основании отсутствовало какое бы то ни было видение перспектив развития торгово-промышленного сектора и сельского хозяйства.

Основу экономики Западной Сибири составляло сельское хозяйство, что объясняется проживанием подавляющей массы населения в сельской местности. Слабая развитость малочисленных городов, их малозаселенность, низкий уровень развития товарно-денежных отношений, отсутствие развитой транспортной системы не способствовали товаризации аграрного сектора – крестьянское хозяйство сохраняло свой натуральный характер.

Торговля и промышленность в дореформенный период развивались достаточно непоследовательно. Это было связано с противоречивостью государственной политики в этом направлении. Первая треть XIX в. прошла под знаком усиления государственного присутствия в экономике. Это было связано, например, с изменениями правил производства и торговли хлебным вином, запретом на использование паровых двигателей. Но уже 1840-е – 1850-е гг. ознаменовались началом торгово-промышленной либерализации в сибирской экономике, что было связано с раздачей земель под строительство заводов, отменой системы винных откупов и пр.

Основой для развития торговли и промышленности стали представители различных сословий. Преобладание мещанства объясняется, в первую очередь, немногочисленностью купечества в первой половине XIX в. Но именно купечество в Сибири, как и в Европейской России, стало основой торгово-промышленного развития. Для этого сектора экономики в рассматриваемый период также было характерно сращивание торгового капитала с промышленным. Именно купцы зачастую являлись владельцами промышленных предприятий. Но, устраивая собственное производство, они продолжали вести торговую деятельность.

Сохранение феодально-крепостнических отношений значительно тормозило экономическое развитие региона. Но оградить Сибирь от распространения капиталистических отношений царская администрация была не в состоянии. Правда, она пыталась поместить новые социально-экономические явления, возникшие на фоне увеличения городского населения, усложнения городского хозяйства, роста буржуазных элементов в городе в традиционные рамки. Но эта политика не давала ожидаемого результата, и сибирское хозяйство продолжало медленно приобретать капиталистические черты. В техническом отношении это нашло свое выражение в более позднем, чем в Европейской России, начале промышленного переворота. В социальном аспекте это проявилось в начавшемся процессе формирования сибирской буржуазии и пролетариата. Наиболее втянутыми в рыночные отношения являлись представители купеческого сословия. Ядром мелкого и среднего предпринимательства были мещане. Торговые городские крестьяне, проживавшие на окраинах городов и торговавшие излишками своего труда, постепенно монополизировали торговлю на городских рынках. Законом 1815 г. чиновникам было запрещено заниматься предпринимательством, поэтому, только уходя в отставку, некоторые из них вставали на этот путь. Малочисленное дворянство в силу того, что не обладало в Сибири ни земельной собственностью, ни капиталом, почти не участвовало в торгово-предпринимательской деятельности.

На этом фоне оказавшиеся в Западной Сибири представители различных национальных групп вынуждены были искать экономические ниши, существование в которых позволило бы не только выжить в новых условиях, но и успешно адаптироваться. Этот процесс был связан не только с желаниями евреев, немцев или поляков, но и стремлением местной администрации наиболее полно использовать потенциал населения, добровольно или принудительно оказавшегося в регионе.

Уже в начале XIX в. сибирская администрация имела собственный опыт общения с евреями. Об этом свидетельствует, например, записка, поданная сибирским генерал-губернатором И.Б. Пестелем[1], в которой предлагалось выдавать паспорта находящимся в Сибири поселенцам (поселенцами являлись лица, отбывшие срок в ссылке или на каторге и оставленные в Сибири на проживание под надзором полиции – В.Ш.). В обращении к министру внутренних дел О.П. Козодавлеву он высказал мнение, что подобное мероприятие будет "весьма полезным с одной стороны для самих сих переселенцев, кои, имея, таким образом, свободу отлучаться по разным городам Сибирских губерний, будут иметь средство снискивать

[1]. Пестель Иван Борисович (1765 – 1843) – отец декабриста П.И. Пестеля, крупный чиновник конца XVIII – начала XIX вв., генерал-губернатор Сибири (1806 – 1818).

себе трудами пропитание и улучшать свое состояние, а с другой стороны для распространения в том краю торговли и промышленности"[1].

Комитет министров разрешил поставленный Сибирским генерал-губернатором вопрос в положительном смысле и утвердил выработанные им правила на выдачу паспортов. Решение было оформлено сенатским указом. В нем, в частности, упомянуты и евреи из числа поселенцев, которые были зачислены к тому моменту в мещане Томской губернии. Им, например, разрешалось получать паспорта сроком на один год, но только для перемещения по Томской губернии. Переезды по губернии были связаны с торговлей вином, солью и товарами, которые шли из России в Кяхту и в обратном направлении. Привлечение поселенцев, в том числе евреев, к местной торговле, по мнению Пестеля, не допустило бы роста цен на эти товары и установило здоровую конкуренцию[2].

Таким образом, Пестель стал первым сибирским администратором, определившим официальное отношение региональных властей к присутствовавшим здесь евреям. Последние были оценены им, исходя из общего контекста, как положительный экономический фактор. Надо сказать, что это мнение разительно отличалось от общепринятого тогда в петербургских кругах, согласно которому евреи были "вредной" группой населения[3].

Послабления, сделанные сибирской администрацией, привели к включению евреев в местную торговлю. Так, г. Каинск[4] стал одним из главных складов пушного товара (беличьих хвостов)[5]. К 1817 г., по данным канцелярии Сибирского генерал-губернатора, в городе "из обращаемых в Сибирский край на поселение евреев водворено и приписано в мещанство до 100 душ мужского пола. Они имеют 23 дома и некоторых из них почитают лучшими"[6]. Сибиряки, по сведениям С.В. Максимова, именовали Каинск не иначе как "жидовский Иерусалим"[7].

Свое описание Каинска на середину XIX в. оставил и Ю.А. Гагемейстер, писавший, о том, что "из 2700 жителей, более 400 евреи, сосланные за контрабанду, но по бедности не успевшие оживить торговлю города, которая производится в четырех лавках гостиного двора

---

[1]. ПСЗ – I. Т. XXXII, № 25169.

[2]. Там же.

[3]. Клиер Дж. Д. Россия собирает своих евреев. Происхождение еврейского вопроса в России: 1772 – 1825. М. – Иерусалим, 2000. С. 192.

[4]. Каинск – город в Томской губернии (ныне г. Куйбышев Новосибирской области).

[5]. Максимов С.В. Сибирь и каторга. В 3-х ч. Ч. 1. Изд. 3-е. СПб., 1900. С. 128-129.

[6]. РГИА. Ф. 1151. Оп. 1-1817. Д. 20. Л. 2.

[7]. Максимов С.В. Указ. соч. С. 128.

забракованными московскими товарами … В руках евреев вся мелочная торговля и кое-какие ремесла"[1].

Таким образом, Каинск стал первым еврейским экономическим центром в Сибири. Высокая концентрация в нем контингента, имевшего богатый опыт ведения различного рода торговых операций, способствовала его развитию. В то же время это давало возможность еврейскому населению занять одну из традиционных экономических ниш и получить средства к существованию.

В первой трети XIX в. появились первые сибирские купцы из евреев, которые были приписаны в гильдии некоторых сибирских городов. Например, к 1818 г. относится первый случай записи евреев в купечество Енисейской губернии, когда в третью гильдию по Красноярску из числа ссыльных поселенцев вступил Гирша Беркович Каминер. На 1827 г. в Красноярске числилось уже два еврея-купца[2].

Но в первой четверти XIX в. в Сибири в основном проживали сосланные на поселение иудеи. По Уставу о ссыльных 1822 г., они отписывались в разряд цеховых, а потому должны были быть привлекаемы к различным работам.

На местах чиновники по-разному пытались инкорпорировать евреев в хозяйственную жизнь губерний. Так, в 1814 г. сибирский генерал-губернатор Пестель сообщал министру внутренних дел О.П. Козодавлеву о мерах, принятых иркутским гражданским губернатором Н.И. Трескиным относительно евреев-поселенцев[3]. Местные власти столкнулись с тем, что евреи "по роду их жизни удалены от всякого хозяйства и по развратному поведению не могут быть полезны тамошнему краю"[4]. Для исправления нравов евреев и цыган было предложено отправлять тех, кто не имел ремесленных навыков, на казенное поселение в отдаленные от Иркутска селения Иркутского и Нижнеудинского уездов. Волостные правления обязаны были иметь за ними строжайший контроль, а сельские старшины принуждать их к различного рода сельским занятиям. Уклонение от работ грозило поселенцам через Земский суд направлением на винокуренные заводы. С этого момента, евреи невольно стали играть важную роль в данной отрасли пищевой промышленности региона.

---

[1] Гагемейстер Ю.А. Статистическое обозрение Сибири, составленное по высочайшему Его Императорского Величества повелению, при Сибирском комитете, действительным статским советником Гагемейстером . Часть II. – СПб., 1854. С. 152.

[2]. Комлева Е.В. Енисейское купечество (последняя четверть XVIII – первая половина XIX в.) // http://kulgor.narod.ru/biblioteka/komleva/glava1.html (Электронный ресурс. Режим доступа 17.02.2013 г.)

[3]. РГИА. Ф. 1285. Оп. 3. Д. 273. Л. 1.

[4]. Там же. Л. 3.

В 1826 г. Правительствующий Сенат запретил использовать труд евреев на казенных и частных винокуренных заводах 29 губерний Европейской России[1]. Но этот запрет не был распространен на Сибирь. Упомянутые выше винокуренные заводы явно находились не в блестящем состоянии. Это заставило Восточносибирского генерал-губернатора искать специалистов во внутренних губерниях. В 1827 г. Министерство финансов, разрешило выходцам из Орши Лейбе и Якову Давыдовым принять предложение А.С. Лавинского и заняться винокурением на Иркутских казенных заводах[2]. Правда, это разрешение было сопровождено рядом условий: контракт был заключен сроком на три года, Давыдовы дали подписку о том, что не станут никого из местных жителей склонять в "еврейскую веру"[3]. Деятельность Давыдовых в Иркутске способствовала развитию винокурения во всей Сибири.

Выше мы уже отмечали, что в рассматриваемый период евреи проживали преимущественно в городах и прилегающей к ним округе. Хозяйственные занятия еврейского населения в черте оседлости отчасти были спроецированы на Сибирь. Помимо торговли и винокурения, евреи занимались некоторыми видами ремесел, о чем свидетельствуют архивные документы. Например, в Тобольске некоторые из них занимались организацией стирки белья офицеров и нижних чинов. Отношения между евреями и военными далеко не всегда были добропорядочными. В 1838 г., например, Тобольская общая полицейская управа разбирала дело о конфликте между поручиком Кутиковым и проживавшим в Тобольске евреем Магазимером[4]. В это же время в городе вел свою деятельность часовых дел мастер Цейтлин[5]. Некоторые из евреев занимались мелочным торгом вразнос либо выполняли различную поденную работу.

Уже к середине 1820-х гг. евреи в Сибири оказались включенными в питейную торговлю. Об этом свидетельствуют некоторые косвенные данные. Например, начальник Колывано-Воскресенского горного округа Фролов, разыскивая евреев для выселения, указывал, что они могли проживать среди приписных крестьян Алтая по питейным делам. В дальнейшем их участие в торговле спиртными напитками в сибирских городах сохранялось до середины 1840-х гг. В 1846 г. был опубликован сенатский указ "О акцизно-откупном комиссионерстве для продажи с 1847 по 1851 год казенного вина и других питей в Сибирских губерниях", в котором был прописан официальный запрет на привлечение проживавших в регионе евреев к торговле вином в селениях[6]. Но в то же время откупщикам было дозволено нанимать на работу только

---

[1] ПСЗ – II. Т.1. № 86.

[2] Там же. Т. 2. №. 1355.

[3] Там же.

[4] ГУТО ГАТ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 557.

[5] Там же. Д. 546.

[6] ПСЗ – II. Т. 21. Отд. 1. № 20051. С. 552.

тех, кто был сослан в Сибирь на поселение и только в тех городах, к которым они были приписаны. Таким образом, виноторговля оказывалась доступной лишь небольшому кругу иудеев.

В первой половине XIX в. для евреев была доступна еще одна хозяйственная сфера – земледелие. Выше мы уже подробно рассматривали проблему создания в Западной Сибири земледельческих еврейских колоний по образцу новороссийских. Данный проект в целом оказался нереализованным, но это не означало исключение сибирских евреев из сельскохозяйственной деятельности. Так, в Омской области была создана колония, в которой на протяжении десятилетий проживали евреи, занимавшиеся земледелием. Малочисленность местной общности, ее удаленность от крупных городов (Омск, Тобольск и пр.) и транспортных магистралей не способствовали превращению ее в динамично развивающееся сообщество.

Изменение законодательства в 1840-х – 1850-х гг. способствовало экономической эмансипации еврейского населения Сибири. Этот процесс во многом был связан с деятельностью отдельных активных представителей сибирского еврейского сообщества. К середине XIX в. некоторые бывшие ссыльные, перейдя в разряд государственных крестьян, получили возможность заниматься различными видами деятельности, что позволило им быстро пройти стадию первоначального накопления капитала. Его наличие требовало дальнейшего развития, но было ограничено имевшимися законодательными рамками: наиболее прибыльные на тот момент сферы деятельности были закрыты для евреев. Это касалось, например, начавшей бурно развиваться в это время золотодобычи.

Уравнивание сибирских евреев с прочим населением региона продолжилось в 1847 г., когда появилось высочайше утвержденное положение Комитета министров о выдаче евреям, проживавшим в сибирских губерниях, торговых свидетельств[1]. Данный документ, в частности, определил, что выдача торговых свидетельств должна осуществляться на тех же основаниях, что и прочим сибирским обывателям. Но указанная норма исключала из торговой деятельности тех евреев, которые были сосланы на поселение.

С 1827 г. евреи оказались против своей воли привлеченными к военной службе. В результате армия стала для значительного числа еврейских мальчиков по всей России источником существования. Действие соответствующего закона было распространено и на Сибирь. В отличие от черты оседлости запись в кантонисты имело в регионе двоякое значение. С одной стороны, выполнялась рекрутская повинность; с другой стороны, это был один из способов сокращения численности еврейского населения в Азиатской России. В сложившихся условиях родители имели выбор: либо отправить сына по достижении определенного возраста в

[1] ПСЗ – II. Т. 22. Отд. 1. № 21701.

черту оседлости, либо записать его в кантонисты. Правда, избежать военной службы было проблематично: запись в кантонисты шла с 14 лет, а отправлять в европейские губернии мальчиков можно было по достижении 16 лет.

Исполняя роль "торгового меньшинства", евреи уже к середине XIX в. взяли на себя посреднические функции. Это проявилось, в том числе, в стремлении евреев получить различного рода подряды. Надо сказать, что подрядная система в это время получила широкое распространение. Ею пользовались государственные структуры, а позднее и общественные выборные органы. Но, как отмечал А.Р. Ивонин, подряды на казенные постройки не особенно прельщали "коренных" сибирских предпринимателей[1]. Одной из наиболее заметных фигур в этом секторе стал В.Х. Гудович. Судя по всему, его карьера подрядчика началась где-то в середине - второй половине 1830-х гг., поскольку генерал-губернатор Западной Сибири А.О. Дюгамель отмечал в 1862 г., что В. Гудович занят подрядами более 25 лет[2]. Так или иначе, но в 1850-е гг. к нему приходит некоторая известность. Силами Гудовича в различных городах Западной Сибири строились здание городской полиции (Ишим, 1856), резиденция генерал-губернатора Западной Сибири (Тобольск, 1858 – 1861), здание присутственных мест и тюремного замка (Семипалатинск, середина 1860-х гг.) и пр.[3]

В рассматриваемый период в Европейской части России шел активный процесс формирования капиталов. Одним из наиболее распространенных способов быстрого сколачивания состояний стало участие в откупах. Так, в 1950-х гг. П.И. Лященко отмечал, что все предыдущие "источники наживы и обогащения бледнеют перед системой откупов, в особенности винных"[4]. По его же мнению, "одни легальные доходы откупщиков в середине XIX в. достигали 600-780 млн. руб. ассигнациями"[5].

Вино, сахар, табак и другие товары являлись объектами откупной системы. Сам принцип ее существования (необходимость уплатить в казну заранее оговоренную сумму) изначально ограничил круг лиц, которые могли принимать в ней участие.

Активное участие в винных откупах принимали представители еврейских деловых кругов. Так, в Новороссийском генерал-губернаторстве видную роль играл одесский купец Рабинович, неоднократно успешно участвовавший в торгах на право получения винного откупа[6]. В 1840-х -

---

[1] Ивонин А.Р. Сибирские предприниматели дореформенного периода // Личность в истории Сибири XVIII-XX веков. Сборник биографических очерков. Новосибирск: ИД Сова, 2007. С. 83.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. Т. 2. М., 1952. С. 16.

[5] Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. Т. 2. М., 1952. С. 17.

[6] РГИА. Ф. 574. Оп. 5. Д. 671.

1850-х гг. в Волынской губернии винные откупа в значительной степени принадлежали местному купцу Офенгенделю[1]. Одним из крупнейших представителей стал выходец из черты оседлости Евзель Гинцбург, который, по оценкам исследователей, заработал на откупах до 8 млн. руб. серебром[2]. В период с 1859 по 1863 гг., по данным Государственной канцелярии по отделению государственной экономии, он должен был уплатить 3,77 млн. руб. обязательного платежа по питейному откупу[3]. В Сибири в это же время среди 3 откупщиков, плативших в казну почти 7,26 млн. руб.[4] (в среднем 2,42 млн. руб. каждый)[5], евреи не были представлены, что было связано с существовавшими законодательными запретами, о которых мы говорили ранее. Разумеется, этот шаг значительно сужал поле деятельности еврейских дельцов и тормозил процесс первоначального накопления капитала еврейскими фамилиями.

Таким образом, в первой половине XIX в. еврейское население Западной Сибири смогло занять свои экономические ниши, связанные преимущественно с оказанием посреднических услуг. Мелочная торговля и продажа спиртных напитков были традиционными сферами деятельности евреев в западных губерниях. Неразвитость этого сектора экономики в Сибири и богатый опыт осуществления различного рода торговых операций позволили им стать важным элементом местной хозяйственной системы. Отсутствие правового регулирования экономической деятельности евреев в Сибири заставило правительственные круги в 1840-е гг. обратиться к этому вопросу. Принятое законодательство оказалось для иудейского населения двояким: с одной стороны, им открывался доступ в различные сферы, с другой стороны, эти же сферы оказались доступными очень узкому кругу лиц – проживавшим в Сибири до 15 мая 1837 г. и добровольно пришедшим на жительство в сибирские губернии. Результатом стала сложившаяся практика оформления торговых свидетельств на жен ссыльных, добровольно пришедших за своими мужьями на основании указа 1836 г.

Немцы до середины XIX в. были связаны преимущественно с государственной службой, занимая, как правило, офицерские должности. Достаточно высоким был их процент среди высших чинов военной и гражданской администрации. Например, в течение XIX в. должность западносибирского губернатора занимали четыре прусских и остзейских немца: И. Пестель (1806 – 1819), Н. Сулима (1832 – 1836), Г. Гасфорд (1850 – 1861) и А. Дюгамель (1861 – 1866),

---

[1] РГИА. Ф. 574. Оп. 5. Д. 695.

[2] Ананьич Б.В. Банкирские дома в России. 1860 - 1914 гг. Очерки частного предпринимательства. Л., 1991. С. 38.

[3] Сведения о питейных сборах в России. Часть 3. СПб., 1860. С. 62.

[4] Там же. С. 61.

[5] Для сравнения: в Великороссийских губерниях в этот же период со 147 откупов казна получила 91,69 млн. руб. (в среднем по 620 тыс. с каждого), а всего по России было 216 питейных откупов на сумму в 127,77млн. руб. (в среднем 590 тыс. руб.).

которые в общей сложности руководили регионом в течение 33 лет. Достаточно часто немцы назначались на должность тобольского гражданского губернатора (Б. Гермес, Ф. Брин, К. Энгельке, Д. Гагман). Аналогичная ситуация наблюдалась и в соседней Томской губернии.

Особая страница истории немецкой общины Сибири связана с развитием горно-металлургической промышленности на Алтае и в Забайкалье. После передачи Колывано-Воскресенских заводов наследников А.Н. Демидова в ведение Кабинета Ее Величества (1747 г.) в их штате оказалось большое количество горных специалистов, металлургов, медиков – выходцев из германских княжеств, в первую очередь, из Саксонии. Именно они на первых порах выступали в качестве организаторов рабочего процесса на рудниках и заводах, а также непроизводственной сфере. Немцев влекла в Сибирь возможность быстро сделать карьеру и высокие оклады.

Горнозаводское производство стало одной из основных "ниш", в которой немцы достаточно быстро заняли ключевые позиции. При изучении формулярных списков чиновников Алтайского горного правления первой трети XIX в. обращает на себя большое внимание немецких фамилий, которые представляли собой потомственные производственные династии. На это, в частности, указывают порядковые номера, сопровождающие фамилии в официальных документах. Другим подтверждением тому является послужной список многих горных инженеров, которые были детьми горных специалистов и после обучения в Горном кадетском корпусе возвращались на Алтай.

В последней четверти XVIII в. появилась еще одна "ниша", которую первоначально заняли немцы. Речь идет о средне-профессиональном образовании. В открытом в Барнауле горном училище (1775 г.) педагогический коллектив был практически немецким. Идея создания в Барнауле горного училища принадлежала известному русско-немецкому ученому-минерологу последней трети XVIII в. И.М. Ренованцу. Он же составил первое штатное расписание и учебную программу заведения, в котором сам работал в течение ряда лет. С собой на Алтай ученый привез минералогическую коллекцию, состоявшую из 2 300 штуфов (образцов), которую кабинетское ведомство приобрело за 2 тыс. руб., суммы очень высокой для того времени[1]. Коллекция, предназначавшаяся для Барнаульского горного училища, была настолько обширна, что, по данным А.М. Родионова, только одно ее описание на немецком языке "едва уместилось на 86 страницах", столько же занял русский перевод, выполненный обер-бергмейстером Пятиным[2].

---

[1]. Колыванская шлифовальная фабрика на Алтае: Краткий исторический очерк. Барнаул, 1902. С. 7.

[2]. Родионов А.М. Колывань камнерезная. Барнаул, 2007. С. 68.

Фактически училище начало функционировать в 1785 г. Открытие его задерживалось из-за отсутствия преподавательских кадров. Наконец удалось привлечь к работе в училище коллежского асессора Мартова, архивариуса Шрамма и пастора Габриэля. Мартов преподавал арифметику, геометрию, начала алгебры, физику, общую и российскую географию, историю и российскую грамматику с упражнениями. Шрамм вел химию, минералогию и металлургию, а Габриэль – латинский, немецкий и французский языки.

В дальнейшем занятия для будущих горных инженеров вели архивариусы, пасторы, архитекторы, горные инженеры из немцев[1].

На рубеже XVIII – XIX вв. произошло сращивание горнозаводской алтайской администрации и гражданской администрации Томской губернии. Как правило, именно из числа немцев – горных инженеров рекрутировались чиновники высшей заводской администрации: 11 из 25 начальников Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа были немцами в первом-втором поколении (А. Беэр, Христиани, А. Фрезе, А. Остермейер, А. Гернгросс и др.).

Оказавшись на Алтае, немцы быстро заняли еще одну "нишу" - медицинскую. Показательными являются данные ежегодных формулярных списков классных чиновников. Так, например, на 1838 г. из 12 медицинских и аптекарских чиновников ведомства Алтайского горного правления шестеро были немцами в первом или втором поколении[2]. Особенностью немецких медиков был высокий уровень профессиональной подготовки. Многие из них имели высшее медицинское образование, пройдя курс обучения в русских или немецких университетах. Так, состоявшие на 1838 г. по медицинскому ведомству, Ф. Геблер, инспектор медицинской и фармацевтической части Алтайского горного правления, окончил университет в Йене (Германия)[3], Павел Люкс, лекарь при Змеиногорском лазарете, - Московское отделение Медико-хирургической академии[4], Ф. Лессинг, медик на частных золотых приисках Томской губернии, - Берлинский университет[5].

Одной из наиболее ярких фигур этого времени был Геблер Ф.В. (1782 – 1850), основатель первого краеведческого музея в Сибири. После завершения курса обучения в университете Йены он поступает на русскую службу и отправляется на алтайские заводы, где прошел путь от простого лекаря до инспектора медицинской и фармацевтической части горного правления.

---

[1]. Гришаев В. Барнаул // Немцы России: энциклопедия. Т. 1. А – И. М., 1999. С. 119.

[2]. Подсчитано по: ГААК. Ф. Д-2. Оп. 1. Д. 4145. ЛЛ. 44 – 63.

[3]. Там же. Л. 44 об.

[4]. Там же. Л. 50 об.

[5]. Там же. Л. 53 об.

Оказавшись на Алтае, Геблер увлекся естественными науками, и это его увлечение носило непраздный характер: в научном мире он был известен как энтомолог, геолог, за заслуги он был избран членом-корреспондентом Петербургской АН[1].

По мере роста численности немецкой общины, ее представители стали работать и в других сферах. Будучи высокообразованными людьми, они руководили различными службами: чертежными при рудниках и заводах, рудниками, заводами и фабриками, горным округом.

В начале XIX в. в Сибирь переселялись не только по долгу службы. Этот регион стал привлекательным для торговцев, которые надеялись заработать здесь баснословные капиталы. Так, в 1808 г. на имя тобольского губернатора поступили прошения прусских подданных, проживавших в Сибири, о выдаче им паспортов. Как выяснилось, прежние паспорта у них были изъяты в Москве или Петербурге, а взамен выданы новые паспорта, дававшие право жительства в той или иной губернии[2]. В результате некоторые прусские немцы добрались до Иркутска, где вели торговые дела.

На начало XIX в. приходится становление немецкого предпринимательства в промышленной сфере. По мнению В.А. Скубневского, этот факт связан с началом деятельности в Барнауле не позднее 1817 г. кожевенного и мыловаренного заведений, принадлежавших майору И. Мартину[3]. Производство на обоих предприятиях носило кустарный характер, что подтверждается численностью рабочих: на первом четыре, на втором два. Скупые сведения о них свидетельствуют о том, что функционировали они непродолжительное время. Тем не менее, объем производства был для того времени приличный. Так, с 1 января по 1 сентября 1817 г. было сварено 260 пуд. мыла[4]. Но этот опыт оказался единичным. Дальнейшего развития частное немецкое предпринимательство не получило.

Однако, оказавшись в принимающем обществе в меньшинстве, немцы не сумели из-за своей малочисленности создать замкнутую общину, поэтому особенностью немецкой общины этого периода стала достаточно быстрая ее ассимиляция русским населением. В качестве примера можно указать на семью упоминавшегося выше Ф. Геблера: сам он был женат на штаб-офицерской дочери греко-российского вероисповедания, православными были и четверо детей. Как правило, от "немецкого" прошлого во втором-третьем поколении уже не оставалось ничего, кроме фамилии и семейных преданий.

---

[1]. Там же. ЛЛ. 44 об. - 45.

[2]. ГУТО ГАТ. Ф. 329. Оп. 13. Д. 291.

[3] Скубневский В.А. Немецкое предпринимательство на Алтае во второй половине XIX – начале XX в. // Известия Алтайского государственного университета. Серия "История". 2010. 3-4. С. 198.

[4] Там же. С. 199.

Не последнюю роль в ускорении ассимиляционных процессов сыграло отсутствие церковной организации. Католические и лютеранские церковные округа были столь велики, что священники посещали своих прихожан крайне нерегулярно.

В 1760-е гг. настоятелем лютеранской общины в Колывано-Воскресенском и Нерчинском горных округах был будущий академик Э. Лаксманн. В своем письме Шлецеру он отмечал, что вынужден был для посещения своих прихожан и членов их семей совершать настоящие путешествия. Чего стоила его поездка из Барнаула за 3 тыс. верст в Забайкалье![1]

В свое время приглашение иностранцев на русскую службу было обусловлено нехваткой собственных кадров. А потому, они должны были выполнить определенную просветительскую функцию. Транслируя свои знания и опыт русскому населению, немцы тем самым разрушали уникальность своего положения в обществе, создавая многочисленных конкурентов, со временем вытеснивших их из занимаемых "ниш".

Кризис горнометаллургического кабинетского хозяйства середины XIX в. привел к значительному сокращению персонала на заводах и постепенной ликвидации самого производства. Многие горные инженеры вынуждены были покинуть Сибирь и вместе с семьями переехать в другие регионы либо выйти в отставку и попытаться найти себя в новых сферах.

Оказавшиеся в Сибири сотни ссыльных поляков также вынуждены были искать источники для существования. Социальный состав полонии заранее предопределил те хозяйственные ниши, которые были доступны ссыльным. Правда, власти в Петербурге предпринимали различные шаги по их сужению.

О жизни бывших конфедератов и ссыльных второй четверти XIX в. в сибирской ссылке сохранились лишь косвенные свидетельства. Так, С.В. Максимов писал в своей работе о том, что потомки барских конфедератов были рассеяны по всей Сибири. В Западной Сибири около Семипалатинска находились две деревни, образованные последними[2]. У волостного головы Пановского в Тарском уезде Тобольской губернии дедом был конфедерат, в самой Таре у торгующих мещан братьев Грабианских отец был поляком; в казаках Западной Сибири: Костылецкие, Яновские, Хлыновские и др.[3]

Для большинства ссыльных главным источником существования оказалась та финансовая помощь, которую они получали от родственников и государства. Надо сказать, что суммы, переводимые через полицейские участки. Так, например, только за январь – март 1844 г. П.

---

[1]. Laxmann E. Sibirische Briefe. Gottingen-Gotha, 1769. S. 12.

[2]. Максимов С.В. Указ. соч. С. 337.

[3]. Там же.

Цеплинскому было передано под расписку немногим более 100 руб. серебром, Клочковский получил от местного полицмейстера 282 руб. серебром, а находившийся уже на государственной службе Янушкевич – более 800 руб. серебром[1]. Одновременно с этим, как политические преступники, они получали ежегодное пособие от государства.

Насколько велики или малы были эти суммы для Сибири второй четверти XIX в. позволяет говорить следующее сравнение. В 1820-е годы высший оклад опытного канцеляриста в губернии составлял 20 руб./мес., а столоначальника губернского правления – 33 рубля. В 1827 г. оклады канцелярских служителей были увеличены, канцеляристы низших разрядов стали дополнительно получать кормовые и обмундирование. Но в условиях удорожания жизни новые оклады не могли существенным образом улучшить положение служащих[2].

Далеко не все получали значительные суммы. Основная масса польских ссыльных начала 1830-х гг., особенно старики, записанные по возрасту на основании "Уставу о ссыльных" в неспособные, испытывали финансовые трудности и жили за счет помощи близких. Например, декабрист Н.И. Лорер, отбывавший во второй половине 1830-х гг. ссылку в г. Кургане, в своих воспоминаниях писал о ссыльном князе Кириане Воронецком, проживавшем там же, которого он именовал "бедняком, достойным жалости"[3].

В феврале 1838 г. сибирские власти приступили к наделению ссыльных поляков 15-десятинными земельными наделами. Основанием для этого стало распоряжение, последовавшее генерал-губернатору Западной Сибири П.Д. Горчакову от графа А.Х. Бенкендорфа. В соответствии с этим, "последовавшее в 1835 году Высочайшее повеление об отводе поселенным в Сибири государственным преступникам … пахотной земли близ мест их жительства" следовало распространить и на "поселенных польских мятежников"[4].

Ответственность за проводимые мероприятия была возложена Горчаковым на Тобольскую Казенную Палату. Последняя обратилась с запросом в Тобольскую экспедицию о ссыльных с просьбой представить данные о поселенных в губернии поляках. В июне 1838 г. в Хозяйственное отделение Тобольской Казенной Палаты поступил "Именной список о всех польских мятежниках, поселенных в Тобольской губернии с 1832 года"[5].

Для чего властям необходимо было реализовать этот проект? Ответ на это можно найти во внутренних документах, которые дублировали петербургские циркуляры. В записке

---

[1] ГУТО ГАТ. Ф. 152. Оп. 1 ОЦ. Д. 25. Подсчет наш.

[2] Писарькова Л.Ф. Российский чиновник на службе в конце XVIII – первой половине XIX в. // Человек. 1995. №4. С. 147.

[3]. Лорер Н.И. Записки декабриста. Иркутск. 1984. С. 172.

[4]. ГУТО ГАТ. Ф. 154. Оп. 20. Д. 65. Л. 1.

[5]. Там же. Л. 5-5 об.

Хозяйственного отделения Тобольской Казенной Палаты было указано, что это необходимо для того, "дабы предоставить им через обрабатывание оной средства к удовлетворению нужд хозяйственных или облегчению будущей судьбы детей их прижитых в Сибири"[1].

Таким образом, наделение землей должно было прикрепить государственных преступников к Сибири. Надо сказать, что эта идея нашла поддержку у самих польских поселенцев. Так, в Тобольскую Казенную Палату поступил рапорт Курганского Земского Суда, в котором сообщалось о просьбе поляков-поселенцев Смоленской волости наделить их землей в одном месте[2]. В дальнейшем эта просьба была удовлетворена. Полякам достался земельный участок, который ранее был выделен сосланным декабристам Розену, Лореру, Бриггену и Назимову, которые к тому моменту выбыли из Курганского округа[3]. Так незамысловато возникала в сибирских регионах преемственность между различными группами политических ссыльных разных времен.

Оказавшись в Сибири, ссыльные старались устроить свой быт, найти источники для существования. Это им вполне удалось. Высокий образовательный уровень польских поселенцев позволял им включиться в качестве вспомогательного персонала в производственную и торговую деятельность. Корпоративность способствовала устройству их в качестве писцов в заводских конторах и волостных правлениях. Некоторым в 1840-е гг. удалось получить разрешение поступить на государственную службу. Правда, в этом случае поляки занимали низшие канцелярские должности. Например, ссыльный 1832 г. Павел Цеплинский исполнял в 1844 г. должность канцеляриста, о чем сообщалось в бумагах Омского полицмейстера[4]. Друг Адама Мицкевича Адольф Янушкевич в то же время числился канцеляристом Канцелярии пограничного начальника в г. Омске[5]. Прав был С.В. Максимов, который писал в конце XIX в., что "там, где удавалось укрепиться одному, находилась возможность к обеспечению другого поляка"[6].

Выше мы уже писали о землеустроительной кампании конца 1830-х гг., которая охватила сибирские губернии. Правда, размах ее был незначительным. В Тобольской губернии, например, по именному списку местной Экспедиции о ссыльных земельный надел полагался 41 поляку-мятежнику[7]. Анализ списка приводит к выводу, что из общего количества только 17

---

[1]. Там же. Л. 14 об.

[2]. Там же. Л. 18-18 об.

[3]. Там же.

[4]. ГУТО ГАТ. Ф. 152. Оп. 1 ОЦ. Д. 25. Л. 3.

[5]. Там же. Л. 17.

[6]. Максимов С.В. Указ. соч. С. 347.

[7]. ГУТО ГАТ. Ф. 154. Оп. 20. Д. 65. Л. 5.

человек в течение 1832-1838 гг. не меняли места жительства с момента прибытия в Тобольскую губернию[1] (см. прил. 33). Постоянная смена места жительства приводила к обнищанию ссыльных. Полученные от Казны земельные наделы становились для них потенциальным источником дохода, т.к. землеустройство велось вблизи населенных пунктов, к которым они были приписаны. Поляки вполне могли сдавать в аренду эти земли старожилам под выпас или сенокос.

Большой популярностью в среде сибирских промышленников пользовались поляки-техники, способствовавшие внедрению различных технических новшеств. Невольно они оказались включенными в процесс становления и развития различных отраслей обрабатывающей промышленности. Так, поляки обратили внимание на продукцию кедрового промысла, широко распространенную в Западной и Восточной Сибири.

Наиболее успешно дело по производству кедрового масла пошло у поляка Михаила Морачевского. Сам он до ссылки в Сибирь в 1831 г. был поручиком Аренсбургского батальона внутренней охраны. Оказавшись в Ишиме, он вскоре женился на богатой вдове[2]. Полученный в приданое капитал, вероятно, и был направлен на устройство маслобойни. Продукция его маслобойни попала в Москву и вызвала большой интерес местных торговцев[3]. В 1859 г. Морачевский, воспользовавшись амнистией, с семьей покинул Сибирь, а его предприятие прекратило деятельность.

Производство кедрового масла и его продажа в Европейскую Россию дало полякам Западной Сибири хороший доход. О размахе промысла свидетельствует тот факт, что на маслобойне поляка Савичевского в деревне Шембелик Иркутской губернии было произведено масла в 1859 г. на 12 тыс. руб.[4]

Спрос на подобный товар в России был громадный, т.к. это масло добавлялось в оливковое (деревянное), которое использовалось в лампадах в церквях и домах православного населения. До этого момента оливковое масло разбавляли суррогатным (в основном сурепным), но сибирское кедровое масло оказалось более походящим по своим качествам.

Поляки основали в Сибири сыроварни, мыловарни, занимались производством свечей и сигар из монгольского и нерчинского табака. Свой вклад они внесли в развитие пчеловодства и коневодства. Занятие земледельческими и ремесленными промыслами позволило им

---

[1]. Там же. ЛЛ. 6-10.

[2]. Филь С.Г. Поляки в Ишимской ссылке: первая половина XIX в. // http://a-pesni.org/polsk/a-ichim19.htm (режим доступа 20.03.2013 г.)

[3]. Максимов С.В. Указ. соч. С. 347.

[4]. Там же. С. 348.

обеспечить безбедное существование своим семьям. Правда, предприятия эти редко переживали своих основателей. Это было связано с позицией, занятой поляками. Для большинства из них производство того или иного товара нечасто носило рыночный характер, а должно было обеспечить привычный образ жизни. Поэтому продукция расходилась преимущественно в кругу выходцев из западных губерний.

Не имея возможности устроиться в Сибири, они незамедлительно пользовались правом вернуться на Родину. Потомки же барских конфедератов и костюшковцев оказались более успешными. Прожив в Сибири длительное время, они были вполне зажиточными и уважаемыми. Некоторые из них, как мы видим, служили выборными, другие смогли попасть в разряд чиновников. Столь комфортное существование ссыльных и их потомков не способствовало распространению в их среде тотального устремления на родину. Поэтому, как считал С.В. Максимов, "указ Павла на значительное число ссыльных не произвел никаких впечатлений"[1]. Подобная ситуация повторилась в середине 1810-х гг., когда в Сибирь пришло известие о разрешении полякам-военнопленным, служившим в армии Наполеона, вернуться на Родину: "из 900 человек, служивших в кавалерии и поступивших в сибирские казаки … остались добровольно навсегда в казаках 160 человек"[2].

Оставшиеся в Сибири поляки, оказались связанными с новым местом жительства и семейными узами, т.к. многие из них женились на сибирячках. Их потомки уже в первом поколении плохо владели польским языком, некоторые же и вовсе не умели говорить по-польски, считая себя коренными сибиряками. Таким образом, возникшая в конце XVIII – начале XIX вв. полония оказалась в Западной Сибири ассимилированной.

Одновременно с этим в 1840-х - 1850-х гг. начался процесс формирования польского дворянского предпринимательства. Одним из наиболее ярких его представителей являлся Альфонс Фомич Поклевский-Козелл (Козелло-Поклевский) (1809 – 1890), который после выхода в отставку (1852) обратился к предпринимательству.

Местная администрация в лице генерал-губернатора П. Д. Горчакова неоднократно высказывала заинтересованность в развитии речного сообщения между крупными городами. В этой ситуации в Петербурге было получено согласие на создание за счет частных капиталов сибирской пароходной компании с монопольными правами. Компания возникла при участии тюменского купца Тюфина, который строит пароход "Основа" и осуществляет ряд пробных рейсов по Туре. В 1839 г. ростовский купец 1-й гильдии Н.Ф. Мясников, ранее связанный с

---

[1]. Максимов С.В. Указ. соч. С. 339.

[2]. Там же.

системой винных откупов, получил привилегию для организации буксирного пароходства, на сибирских реках и Байкале, локализуя создаваемое пароходство в Тюмени. Выбор этого города был обусловлен комплексом факторов: освоенность и заселенность района, оживленное судоходство, растущая конкуренция грузов, близость к Уралу, расположенность у начала Сибирского водного пути. Поклевский-Козелл был назначен Горчаковым для контроля за ходом дел.

В 1843 "Основа" совершила рейс из Тюмени в Тобольск предположительно уже "под знаменем" Поклевского-Козелл. Вероятно, что к этому времени при поддержке генерал-губернатора Горчакова он уже выкупил пароход у Мясникова. В 1857 г. последний уступил на "комиссионерском праве", а затем полностью привилегию на создание пароходства в Западной Сибири. А Поклевский-Козелл стал уже не столько его контролером, сколько компаньоном.

Поклевский-Козелл заказал в Швеции двигатели в 50 и 10 лошадиных сил и поставил один на "Основу", спуская ее на воду в новом качестве. Получив привилегии на 10 лет пароходства на реках Западной Сибири, он создал "Пароходство Поклевского-Козелл и К°" и открыл регулярное буксирное сообщение между Тюменью и Томском в коммерческих целях. Но предприятие не имело особого коммерческого успеха. Как писали позднее "Томские губернские ведомости", "”Основа” делал в лето один рейс от Тюмени до Томска, оставаясь иногда во льдах Оби и не успевая приходить во время. Конечно, подобная неаккуратность доставляла только убытки, как владельцам парохода, так и кладчикам товаров"[1].

В первой половине 1850-х гг. А. Поклевский-Козелл предпринял попытку получить привилегию на содержание пароходов на территории Киргизской степи. С этой целью, используя свои связи, он заручился поддержкой со стороны генерал-губернатора Западной Сибири Гасфорда. Но для покупки пароходов и их доставки в Центральную Азию необходимы были большие средства, которых у А. Поклевского-Козелл, вероятно, не было. Последний факт подтолкнул его к кооперации с купцом Владимиром Кузнецевым, на средства которого в течение двух лет (1852 - 1853 гг.) была проведена работа по изучению течения р. Или. Как докладывал позднее в своей записке императору Николаю I Гасфорд, "исследование показало, что река Или на всем протяжении от Кульджи до озера Балхаш судоходна <...> она судоходна по всей длине"[2]. Этот факт и стал основанием для испрашивания 15-летней привилегии на учреждение и содержание пароходов на р. Или и оз. Балхаш.

Развитие транспорта в середине XIX в. в восточных районах Центральной Азии было обусловлено не только экономическими, но и стратегическими причинами. В 1847 г.

---

[1] Очерк развития речного пароходства в Западной Сибири // Томское губернские ведомости. Томск. 1863. № 22.

[2] РГИА. Ф. 1265. Оп. 13. Д. 13. Стлб. 190.

территория Старшего жуза была включена в состав Российской империи. На рубеже 1840-1850-х гг. Заилийская долина активно осваивалась русскими военными и первыми переселенцами. В 1854 г. Заилийское укрепление было переименовано в Верный (ныне Алматы), который стал форпостом на границе с Циньским Китаем и плацдармом для дальнейшего продвижения русских воинских команд на юг.

Выход России к границе с Китаем в этом регионе способствовал активизации русско-китайской торговли, главным центром которой стал г. Кульджа (Китай) - фактически административная и военная столица Циньского Синьцзяна.

Разумеется, Поклевский-Козелл прекрасно понимал все выгоды, которые сулит владение транспортной монополией в Семиречье. На это, в частности, указывал в своей записке и Гасфорд. Правда, поддерживая инициативу предпринимателей, он преследовал сугубо административные цели. В частности, по его убеждению, открытие пароходства "облегчит снабжение поселений наших в Заилийской долине военными и прочими припасами. Заилийская долина, таким образом, сделается твердой основой для могущих случиться военных действий в Средней Азии"[1]. Кроме того, это позволило бы Военному министерству вдвое сократить расходы по доставке расквартированным здесь воинским командам хлеба.

В марте1854 г. Второй Сибирский комитет рассмотрел на своем заседании вопрос "О пароходстве по озеру Балхаш и реке Или" и принял решение о предоставлении Поклевскому и Кузнецову 15-летней привилегии "на том же основании, как в 1839 г. была выдана привилегия купцу Мясникову на учреждение и содержание пароходства на оз. Байкал и некоторым сибирским рекам"[2].

В 1856 г. инженер Грабинский по поручению А. Поклевского-Козелл составил подробное описание речной системы Семиречья, включая озеро Балхаш. В том же году на пристани Бертышской был построен парусник "Св. Николай", совершивший рейс с 8 тыс. пудов хлеба до укрепления Илийского (будущий г. Верный, Алматы). Составленные во время экспедиции карты и сделанные промеры не потеряли свое значение и в середине 1880-х гг., когда ими воспользовался другой представитель семейства Поклевских[3].

Однако этот проект компаньоны так и не смогли реализовать. В 1857 г. Сибирский комитет вернулся к рассмотрению данного вопроса. Выяснилось, что за четыре навигации с момента получения привилегии они не смогли организовать пароходство. Главной причиной была

---

[1] РГИА. Ф. 1265. Оп. 13. Д. 13. Стлб. 191.

[2] РГИА. Ф. 1265. Оп. 13. Д. 13. Стлб. 199.

[3] Shaidurov, V. Poles in the Economy of Siberia and Central Asia in the Second Half of the 19th Century (As Illustrated in the Poklewski-Koziell Family) // International Business Management. 2016. Vol. 10. Iss. 3. Pp: 194 - 199.

названы Крымская война, "в течение коей прекратилась возможность получать из-за границы все нужное для устройства пароходов, а также остановки торговли нашей с Китаем в Чугучаке"[1].

Решением Сибирского комитета по предложению министра финансов П.Ф. Брока и с согласия министра внутренних дел С.С. Ланского и главноуправляющего путями сообщения П.П. Мельникова А. Поклевскому-Козелл и В. Кузнецову было разрешено организовать пароходство в последующие три навигации и сохранением общего срока привилегии без изменений. Это свидетельствует о несомненной заинтересованности правительственных кругов в укреплении позиций России в регионе. Однако в виду отсутствия коммерческой выгоды проект так и остался нереализованным в середине XIX в.

В середине 1850-х гг. Поклевский-Козелл значительно укрепил свои позиции в транспортной сфере. В 1853 г. образовалась новая компания из селенгинских купцов Марьина и Кондинского, иркутского - Хаминова и томского - Тецкова, выписавшая из Бельгии пароход "Ермак" с двигателем в 100 л.с., высокого давления, в железном корпусе. К компании этого пароходства в 1857 году присоединился Поклевский-Козелл с прежним пароходом "Основа" и новым "Иртыш" (80 л.с.), среднего давления. Таким образом, была создана новая пароходная компания под названием "Польза".

Поклевский-Козелл в 1859 г. расширил свое присутствие в фирме, приобретя пароход "Работник" мощностью в 120 л.с. По воспоминаниям Н.В. Шелгунова, этот пароход был одним из лучших в Сибири для пассажирского плавания[2].

В 1860 г. предприниматель доставлял по Иртышу казенную соль из Корякова в Тобольск вместо Беренса, заключившего контракт на перевозку соли по весьма низкой цене и не успевшего устроить к назначенному сроку ни парохода, ни баржей. Компания "Польза", состоявшая из пяти совладельцев, в 1859 г. разделилась: пароход "Основа" достался Марьину, "Ермак" - Хаминову, "Иртыш" - Тецкову, а остальными компаньонам (Поклевскому-Козелл и Кондинскому) были выделены денежные паи[3].

В 1860-х - 1880-х гг. торгово-промышленная деятельность А.Ф. Поклевского-Козелл получит свое дальнейшее развитие. К концу XIX в. он станет одним из наиболее влиятельных дельцов, которого современники будут именовать не иначе как "водочным королем".

---

[1] РГИА. Ф. 1265. Оп. 13. Д. 16. Стлб. 327.

[2] Шелгунов Н.В. Сибирь по большой дороге // http://www.oldriver.ru/Page.php?quest=&qstart=&PID=267&MID=130&start= (Электронный ресурс. Режим доступа 22.08.2013 г.).

[3] Очерк развития речного пароходства в Западной Сибири // Томское губернские ведомости. Томск. 1863. № 22.

Сформировавшиеся в дореформенный период национальные общины вынуждены были самостоятельно изыскивать средства к существованию. В более благоприятном положении оказались немцы, которые были преимущественно связаны с государственной военной и гражданской службой, что обеспечивало им стабильный источник дохода.

Еврейское население в сибирских губерниях в первой половине XIX в. оказалось вынужденным калькировать экономическую модель, существовавшую в черте оседлости, чему во многом способствовала неразвитость торгово-промышленной сферы в Сибири. Последнее делало ее чрезвычайно привлекательной. Поддержка со стороны местной администрации и разработка нормативно-правовой хозяйственной базы способствовали адаптации оказавшихся здесь евреев.

На общем фоне крайне сложно проходила хозяйственная адаптация поляков, ссылавшихся в Сибирь в первой половине XIX в. Преобладание в их среде представителей шляхетства не позволяло им в полном объеме включиться в хозяйственную жизнь региона. Это вело к тому, что многие из них в первые годы своего пребывания в ссылке испытывали серьезные финансовые трудности. В то же время, они, в отличие от других категорий ссыльнопоселенцев, получали значительные денежные суммы от родственников. Поддержка, оказывавшаяся со стороны сибирских чиновников, способствовала инкорпорированию поляков в местный административный аппарат управления. Немногочисленные поляки, имевшие техническое образование имели возможность устроиться на предприятия обрабатывающей промышленности. Но какого бы то ни было серьезного влияния на хозяйственную жизнь Сибири они, в отличие от немцев или евреев, не оказывали.

Новым явлением для региона стало формирование во второй четверти XIX в. нерусского национального предпринимательства, в котором ведущие позиции заняли евреи и поляки. Главным источником формирования еврейского предпринимательства стали бывшие ссыльные, получившие возможность причисляться в разряд мещан, купечества(Б. Хотимский, В. Гудович). Польское предпринимательство формировалось за счет вышедших в отставку (А.Ф. Поклевский-Козелл) или высланных на поселение (А. Морачевский) дворян.

В этот период шел процесс первоначального накопления капитала. При этом евреи сосредоточили свое внимание на тех сферах, которые могли приносить доход без значительных капиталовложений (казенные подряды, строительство, извоз, золотодобыча, мелочный торг). Немногочисленные в это время польские предприниматели развернули свою деятельность в сфере переработки сырья (винокурение, производство растительного масла).

Влияние еврейского и польского предпринимательства в сибирской экономике стало проявляться только к концу рассматриваемого периода, когда в руках его представителей были

сосредоточены значительные капиталы, а их предприятия производили значимую часть продукции или услуг в своих отраслях.

4.2. Хозяйственная деятельность евреев, немцев и поляков в пореформенный период (1860-е - 1890-е гг.)

Крестьянская реформа 1861 г. оказала свое влияние и на дальнейшее развитие Сибири. С одной стороны, в Сибири практически отсутствовало помещичье землевладение (общее количество крепостных составляло 3700, в том числе 900 дворовых[1]), но в то же время здесь была многочисленная группа приписных крестьян, значительная часть которых проживала на территории Алтайского горного округа. Раскрепощение приписных крестьян и мастеровых способствовало формированию рынка наемного труда и распространению капиталистических отношений в торгово-промышленной сфере и в сельском хозяйстве.

Аграрное развитие Западной Сибири в пореформенный период имело ряд специфических черт. В сибирской деревне, как и в Европейской России, шел процесс социально-имущественного расслоения крестьянства. Аграрный капитализм формировался и развивался преимущественно в тех местностях, которые примыкали к крупным городам и располагались вдоль Московского тракта. На большей части территории Западной Сибири сельское хозяйство находилось в достаточно неразвитом состоянии и сохраняло натуральный характер. Начавшееся в последней четверти XIX в. аграрное переселение в значительной степени стимулировало развитие земледелия и скотоводства в регионе. Положительные последствия этого явления скажутся уже в начале XX в.

Торгово-промышленная сфера Западной Сибири в рассматриваемый период развивалась динамично. Во многом сказывались те действия властей, которые были предприняты к стимулированию развития экономики региона в первой половине столетия. Так, все большее распространение получили частновладельческие предприятия. После отмены крепостного права они стали доминирующими во всех отраслях промышленности. Свертывание Кабинетской горнозаводской промышленности в Алтайском горном округе, выразившееся в закрытии заводов и рудников, привело к практическому выходу государства из промышленного сектора.

---

[1] История Сибири. Т. 3. М.-Л., 1969. С. 19.

Тем не менее, сибирская торговля и промышленность в пореформенный период развивались по догоняющему принципу в отношении Европейской России. В регионе остро ощущалась нехватка оборотных средств. Эта проблема решалась посредством прихода в регион представителей торгово-промышленных кругов из соседних регионов Европейской России и Урала, а также путем сращивания купечества с представителями административного аппарата. Другим сдерживающим фактором являлась недостаточная заселенность региона и его хозяйственное освоение, что значительно сужало рынок сбыта промышленной продукции. На развитие торговли и промышленности негативно сказывалась удаленность от крупных промышленных центров и отсутствие развитой транспортной системы.

Указанные выше проблемы требовали незамедлительного решения. В противном случае Сибирь рисковала окончательно отстать в своем развитии от остальной России и превратиться в сырьевой придаток. Экономическое развитие Западной Сибири в пореформенный период оказалось связанным с рядом государственных масштабных мероприятий и активизацией частной инициативы.

Несмотря на многочисленные сложности, к середине 1890-х гг. в Западной Сибири сформировалась собственная инфраструктура рынка, включавшая в себя институты и средства, которые материально и организационно способствовали обеспечению основных рыночных процессов (взаимный поиск между продавцами и покупателями, реклама, товародвижение, взаимообмен товаров и денег и пр.). В дальнейшем она получит свое развитие, в котором представители рассматриваемых общин сыграют немаловажную роль.

Говоря о вкладе евреев в развитие сибирской экономики конца XIX в., следует обратиться к официальным статистическим данным, которые позволят нам определить место еврейской общины в некоторых отраслях регионального хозяйства.

В отечественной литературе второй половины XX в. было распространено мнение, что до конца XIX в. сибирская буржуазия была абсолютно русской и только строительство Сибирской железной дороги привело к тому, что она стала пополняться за счет представителей других национальностей – поляков, евреев, украинцев, татар, латышей и пр.[1].

Современные исследования позволяют нам говорить о том, что в сибирских губерниях на протяжении второй половины XIX в. евреи играли важную роль в формировании сибирской буржуазии.

Рассуждая о еврейской буржуазии в регионе, сталкиваешься с вопросом о ее исторических корнях. До проведения Сибирской железной дороги ее главным источником были потомки ссыльных и кантонистов. Не последнюю роль в этом сыграли и многочисленные запреты на

[1] Рабинович Г.Х. Указ. соч. С. 70.

проживание евреев вне черты оседлости. Те же еврейские дельцы, которые имели право проживать в России повсеместно (купцы 1-й и 2-й гильдий), не видели в Сибири потенциального источника для обогащения. Только в 1890-х гг. Сибирь стала привлекательна для торговцев из Европейской части страны, чему немало способствовало строительство железнодорожной магистрали. С проведением Сибирской железной дороги мигранты усилили свое влияние на формирование крупной буржуазии в Сибири. Так, известным купцом стал представитель двинского еврейского сообщества купец 1-й гильдии Аарон Йоселевич Каган (Коган)[1]. Из среды мещан-переселенцев, пополнивших ряды буржуазии, вышли в Томске В.Е. Ельдештейн (из Орханска Пермской губернии), в Омке А. Ковлер (из шкловских мещан) и другие[2]. Большую роль в формировании еврейского купечества сыграли ссыльнопоселенцы и их потомки.

Формирование первоначального капитала в середине XIX в. имело свои отличительные черты. Главным источником становились торгово-ростовщические операции и деятельность в отраслях, требовавших минимальных капиталовложений при потенциально высокой доходности (золотопромышленность, строительные подряды и пр.).

В пореформенный период уже традиционной отраслью для еврейских предпринимателей стали казенные подряды. В 1860-х гг. продолжал свою деятельность В. Гудович, о котором шла речь выше. В 1860-х – 1880-х гг. активную роль в этой сфере играло многочисленное семейство Боруха Лейбовича Хотимского. Еще в 1864 г. его жена Марина, числившаяся томской купчихой первой гильдии, активно занималась не только торговлей и разработкой золотых приисков. Она активно боролась за получение казенных строительных подрядов[3].

Но далеко не всегда еврейские дельцы добросовестно относились к выполнению взятых на себя обязательств. В одних случаях это сходило с рук. Но были и обратные примеры. В 1883 г. на все имущество той же Хотимской был наложен арест, как было сказано "в обеспечение могущего пасть на Хотимскую взыскания по делу о неправильности постройки Больше-Косульского моста, находящегося в Мариинской округе, и по другим делам…"[4]. А уже через месяц (13 апреля 1883 г.) "по определению Томского Окружного Суда Томская 1-й гильдии купчиха Марина Григорьева Хотимская объявлена несостоятельной должницею…"[5].

---

[1] Рабинович Г.Х. Указ. соч. С. 66.

[2] Рабинович Г.Х. Указ. соч. С. 66.

[3] Томские губернские ведомости. Томск. 1883. - № 13.

[4] Там же. 1883. - № 13.

[5] Там же. № 17.

Сибирская пресса 1880-х гг. активно обсуждала проблему существования казенных подрядов. На конкретных примерах корреспонденты из различных сибирских городов писали о порочности данной системы. Это относилось не только к строительным подрядам, но и к работам в отношении Военного Министерства, Министерства внутренних дел, Министерства юстиции и др.

Подрядчики, что называется, делали деньги из воздуха. Так, в 1885 г. "Сибирская газета" поместила на своих страницах заметку из Верхнеудинска. В ней рассказывалось о заготовлении и расходовании арестантской обуви и одежды. Автор писал, что "заготовление одежды сдается подрядчику… По исполнении подряда он сдает заготовленные вещи комиссии, которая при приеме должна руководствоваться образцами этих одежд, присланных из областного управления"[1]. Подобная процедура должна исключить возможности для злоупотреблений. Однако, как писал корреспондент, "еврей из-за малой прибыли за гешефт не возьмется, а находчивости ему не занимать. Командированный для ревизии чиновник осматривает принятую одежду и находит ее очень дурной, сравнивает с образцами, а те еще хуже. Печать на образцах оправдывает еврея-подрядчика, а казенные денежки плачут"[2]. Часто в подобных случаях имел место подлог. И таких примеров было немало.

В первые пореформенные десятилетия в Сибири наблюдалась активизация частного капитала, в том числе еврейского в золотодобыче. Сибирские евреи из числа "нуворишей" становились владельцами золотых приисков, многие из которых находились на территории Алтайского горного округа. Так, например, в Мариинском округе на 1873 г. числился 281 частный золотой прииск, из которых 10 принадлежало томским и мариинским купцам еврейского происхождения[3]. Так, можно отметить Б.Л. Хотимского, который еще в 1862 г. получил свидетельство на право заниматься поиском и добычей золота. К 1873 г. ему принадлежало в Мариинском горном округе 5 золотоносных участков[4].

Евреи в Сибири стремились вести также поиск драгоценных камней и разработку минералов. Так, в 1873 г. соответствующее прошение и необходимые разрешительные свидетельства были представлены в Горное правление Алтайского округа от Г.О. Хаймовича[5].

---

[1] Сибирская газета. Томск. 1885. № 32.

[2] Там же.

[3]. ГААК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3036. Подсчет наш.

[4]. Хотимский Б.Л. // Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции в Сибири. В. 4-х т. Т. 4 (С – Я). Кн. 2. Новосибирск, 1998. С. 88.

[5]. ГААК. Оп. 1. Т. 4. Д. 7679.

Пореформенный период характеризовался формированием еврейских торгово-промышленных кланов, которые в некоторых экономических сферах будут играть заметную роль до начала XX в.

Наглядным примером еврейского семейного бизнеса в Томской губернии была семья Фуксманов. Одним из крупных производителей муки-крупчатки в этот период являлся томский купец Илья Леонтьевич Фуксман. По официальным данным, на основанной им в 1879 г. мельнице уже в 1887 г. было произведено 50 тыс. пудов крупчатки на сумму в 60 тыс. руб. Вся продукция реализовывалась в Томске. Мельница была оборудована паровым двигателем мощностью 16 л.с. Предприятие, как свидетельствуют документы, носило преимущественно сезонный характер - пик производства приходился на период с июля по сентябрь включительно, что было связано с уборкой и переработкой зерна нового урожая. В высокий сезон на мельнице работало до 30 человек, которые проживали в казармах при предприятии[1].

В конце 1890-х гг. мукомольное производство давало ежегодно около 42 тыс. пуд. муки на сумму более 50 тыс. руб. Предприятие И.Л. Фуксмана может быть отнесено в разряд средних, т.к. на нем было занято 35 рабочих[2]. О месте данного предприятия на мукомольном рынке губернии свидетельствуют следующие показатели: на его долю приходилось 5,1% общего объема произведенной крупчатки, что составляло около 6,5% в денежном исчислении, рабочие, занятые у Фуксмана, составляли 10% занятых в данной отрасли[3]. По данным, приводимым Статистическим отделением Департамента торговли и мануфактур Министерства финансов, к концу 1890-х гг. мукомольная мельница И.Л. Фуксмана в дер. Хайдуково Спасской волости Томского уезда по среднегодовому объему производимой продукции входила в число пяти крупнейших предприятий отрасли в Томской губернии: ее среднегодовой доход превышал 60 тыс. руб.[4].

Но Фуксманы занимались не только мукомольным бизнесом. Например, им принадлежал кожевенный завод в Томске[5].

Семейным делом с середины 1870-х гг. было винокурение. Уже в 1877 г. Григорьевский винокуренный завод И.Л. Фуксмана был одним из пяти предприятий отрасли, расположенных вблизи г. Томска. Объем квасильных чанов на заводе был зафиксирован в 5720 ведер. Именно столько вина завод должен был выкурить в отчетный период 1877 - 1878 гг.[6]. Надо сказать, что

---

[1] ГАТО. Ф. 234. Оп. 1. Д. 116. Л. 64.

[2] Там же. С. 202.

[3] Там же. С. 200. Подсчет наш.

[4] Торгово-промышленная Россия. Справочная книга для купцов и фабрикантов. СПб., 1899. Стлб. 255.

[5] Сибирская жизнь. Томск, 1897. № 250.

[6] ГАТО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 18. Л. 2.

через 2 года с момента начала работы, завод значительно уступал по объемам производимой продукции конкурентам - Егору Исаеву и Андрею Пастухову - в 3 и 2 раза соответственно.

Сын упомянутого выше Ильи Леонтьевича Григорий Ильич владел одним из крупных винокуренных заводов. Томские газеты обсуждали участие Фуксманов в так называемой "стачке томских винокуров" в 1888 г. В частности, "Сибирская газета" писала, что "ему [еврею Илье Фуксману] непосредственно нельзя участвовать в винокурении; между тем у него есть свой винокуренный завод "Григорьевский". Как тут быть? Изворотливый коммерсант очень ловко сумел не упустить из рук не только свой завод, но и участие в заманчивой стачке. В сентябре месяце, как раз перед самой сделкой, он крестил в лютеранство своего сына Григория и сдает по контракту за трехмесячную годовую аренду свой завод"[1].

Собственно на Григорьевском заводе, открытом в 1875 г., накануне введения запрета (1886 г.) было выкурено 24875 ведер вина на сумму 29850 руб. 80 коп. без акциза. Завод был оборудован паровым двигателем мощностью 8 л.с.[2], что было большой редкостью в отрасли. Так, на Трудолюбовском винокуренном заводе, принадлежавшем ТД "Ложникова и Быховской" в то же время применялся водяной и конный двигатели[3]. На винокуренном заводе томского 1-й гильдии купца А.Н. Пастухова были задействованы лишь 2 конных двигателя[4].

На Григорьевском винокуренном заводе было занято 16 рабочих. В отличие от конкурентов, Фуксман не использовал на заводе детский труд. Владелец указывал в заполненной им ведомости о предприятии, что наибольшее число рабочих нанимается в период с октября по июнь. При заводе были казармы, в которых проживали рабочие. Это тоже было новацией. Рабочие Трудолюбовского винокуренного завода вынуждены были жить артелью на стороне[5], а рабочие винокуренного завода Пастухова - на квартирах в деревне[6].

Продолжительность рабочего дня на Григорьевском винокуренном заводе не отличалась от прочих и составляла 12 часов. Заработок рабочих также был примерно таким же, как и на других предприятиях отрасли, составляя 12 руб./мес.[7].

Надо сказать, что в совместной собственности Ильи Леонтьевича Фуксмана и его брата Осипа Леонтьевича находился водочный завод. По данным самого О.Л. Фуксмана, представленных в Томский губернский статистический комитет в 1887 г., водочный завод, находившийся в Воскресенской части г. Томска, произвел в 1886 г. различных сортов наливок в

---

[1] Стачка томских виноторговцев // Сибирская газета. Томск, 1888. № 2.

[2] ГАТО. Ф. 234. Оп. 1. Д. 116. Л. 57.

[3] ГАТО. Ф. 234. Оп. 1. Д. 116. Л. 58.

[4] ГАТО. Ф. 234. Оп. 1. Д. 116. Л. 60.

[5] ГАТО. Ф. 234. Оп. 1. Д. 116. Л. 58.

[6] ГАТО. Ф. 234. Оп. 1. Д. 116. Л. 60.

[7] ГАТО. Ф. 234. Оп. 1. Д. 116. Л. 57.

объеме 2 тыс. ведер на сумму в 14 тыс. руб. и очищенной водки 18 тыс. ведер на сумму в 90 тыс. руб. На предприятии было занято в течение года 10 рабочих, которые жили на квартирах. Средняя продолжительность рабочего дня на водочном заводе составляла 13-14 часов, заработная плата - 13 руб./мес.[1]. Эти данные можно сравнить с аналогом по Григорьевскому винокуренному заводу.

Собственно, логическим завершением винно-водочного предпринимательства Фуксманов стал собственный оптовый склад, через который реализовывалась готовая продукция по всей Томской губернии[2].

Кроме того, Г.И. Фуксман был владельцем одного из крупных пивоваренных заводов, расположенных в Томске. Завод был открыт в 1880 г. и должен был конкурировать с уже действовавшими в городе аналогичными предприятиями Карла Крюгера и Михаила Рейхзелигмана. Уже к 1887 г. на заводе Фуксмана варилось ежегодно ок. 4 тыс. ведер пива на сумму в 5 тыс. руб.[3]. По объему сваренного пива, это было третье производство в губернии. Фуксман значительно уступал настоящему пивному "королю" Томска прусскому подданному Р.И. Крюгеру (в 1887 г. сварено 9 тыс. ведер пива) и другому представителю еврейских промышленных кругов М.О. Рейхзелигману (в 1887 г. сварено 10,3 тыс. ведер пива). Исходя из этого показателя, стоимость производства 1 ведра пива для Фуксмана составляла 1,25 руб., что было одним из самых высоких показателей, по которому он уступал только К. Зеленевскому, для которого ведро пива обходилось в 1,27 руб. В то же время у Крюгера оно стоило 1,20 руб., Вакано - 1 руб., Рейхзелигмана - 0,97 руб.

Для производства пива использовалось отечественное и зарубежное сырье (ок. 2 тыс. пудов российского ячменя, 5 пудов российского хмеля, 5 пудов баварского хмеля)[4]. В пересчете на 1 ведро готового продукта уходило 0,5 пуда ячменя и 40 г. хмеля. По расходу ячменя Григорий Фуксман мало уступал М. Рейхзелигману, на пивоварне которого расход был 0,49 пуда[5], а по расходу хмеля - Р. Крюгеру, тратившего 44 г. баварского хмеля на ведро готового пива[6].

Пивоваренный завод Фуксмана, как и прочие заводы отрасли, был малым предприятием по числу занятых на нем рабочих. В 1887 г. на нем работало 3 рабочих, которые жили при заводе, получая в среднем 15 руб./мес. на своем содержании. Следует отметить сезонность работы предприятия, которое функционировало только с мая по октябрь (5 мес./год).

---

[1] ГАТО. Ф. 234. Оп. 1. Д. 116. Л. 36.
[2] ГАТО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 18. Л. 5 об.
[3] ГАТО. Ф. 234. Оп. 1. Д. 116. Л. 41.
[4] ГАТО. Ф. 234. Оп. 1. Д. 116. Л. 41 об.
[5] ГАТО. Ф. 234. Оп. 1. Д. 116. Л. 39 об.
[6] ГАТО. Ф. 234. Оп. 1. Д. 116. Л. 38 об.

Надо сказать, что Фуксманы сконцентрировали основное внимание во второй половине 1870-х - 1880-х гг. на производственной сфере и оптовой торговле. В отличие, скажем, от А. Пастухова или Е.Исаева, они не сформировали собственную сеть ренсковых погребов и трактирных заведений.

В дальнейшем Фуксман откроет собственную пароходную компанию. В начале XX в., например, принадлежавший ему легко-пассажирский пароход "Владимир", имевший электрическое освещение и паровое отопление совершал регулярные рейсы между Томском и Барнаулом[1].

Слабостью многих томских купцов было коневодство и конные бега, регулярно проходившие на Томском ипподроме. Это имело отношение и к И.Л. Фуксману, который в этом деле конкурировал с купцами Королевым, Пастуховым, Самсоновым[2]. В 1897 г. побывавший в Томске министр юстиции Н.В. Муравьев приобрел у Фуксмана тройку вороных лошадей, которые были отправлены в Петербург[3]. Все это свидетельствует о том, что еврейские предприниматели в конце XIX в. не были склонны к узкой специализации, ведя свои операции в различных сферах, насколько позволяли наличные капиталы.

Одним из крупнейших пивоваров Томска был Михаил Осипович Рейхзелигман, начавший производство пива в 1866 г. Позднее он модернизировал предприятие, превратив его в первый паровой пивоваренный завод в Томске, уступавший лишь заводу Р. Крюгера. На 1879 г. это было самое совершенное предприятие своего времени.

По данным ведомостного опроса 1887 г., во владении Рейхзелигмана находились пивоваренный завод и заведению по изготовлению искусственных минеральных вод, которые работали с мая по сентябрь. Годовой объем производства в отчетный период составил 10,3 тыс. ведер пива на сумму в 10 тыс. руб. и 25 тыс. бутылок воды на сумму 1,1 тыс. руб.

По уровню технической оснащенности к 1887 г. Рейхзелигман значительно проигрывал своему главному конкуренту Р. Крюгеру. В то время как на заводе последнего уже применялись один водяной и один конный двигатели, Рейхзелигман использовал лишь конный двигатель[4].

В производстве было занято 3 мужчин и 1 женщина, проживавшие на своих квартирах[5]. Кроме взрослых рабочих, на заводе работала девочка в возрасте до 15 лет. Рабочий день продолжался, как и на других аналогичных заводах 12 часов. Заработок составлял 17 руб./мес. (у Крюгера рабочие получали от 15 до 20 руб. в зависимости от квалификации).

---

[1] Томская торгово-промышленная газета объявлений. Томск, 1905. № 32, 35, 37, 38.

[2] Сибирская газета. Томск, 1885. № 11.

[3] Томский листок. Томск, 1897. № 150.

[4] ГАТО. Ф. 234. Оп. 1. Д. 116. Л. 39.

[5] ГАТО. Ф. 234. Оп. 1. Д. 116. Л. 39.

Управляющим на пивоваренном заводе был специально приглашенный из Германии пивовар. Надо сказать, что подобная практика была обыденной: приглашенные из Германии пивовары были на заводах Крюгера, Вакано, у Фуксмана и Зеленевского работали русские мастера, обучавшиеся в Германии[1].

В 1897 г. на страницах "Томского листка" томский пивовар написал, что "завод существует 18 лет и за это время приобрел солидную репутацию, поэтому думаю, что дальнейшая реклама для моего завода не нужна"[2]. Подобное утверждение не было голословным, о чем свидетельствовали результаты исследований сортов пива, продаваемого в томских портерных: по качеству пиво Рейхзелигмана уступало лишь многочисленным сортам, варившимся на пивоварне Крюгера[3].

На долю Фуксмана и Рейхзелигмана приходилось в конце XIX в. производство почти 1/3 пива в Томской губернии[4]. На это указывают и данные по уплачивавшемуся акцизу. Так, на период с 1 июля 1888 г. по 1 июля 1889 г. 6 пивоваренных заводов, расположенных в Томске, должны были уплатить акций в размере почти 7,5 тыс. руб., из которых 4,1 тыс. (почти 55%) должны были заплатить Фуксман и Рейхзелигман (1512 руб. и 2640 руб. соответственно)[5].

Винокурение в отдельных округах Томской губернии полностью находилось в руках евреев. Так, в конце 1880-х – 1890-е гг. в Мариинском округе главную роль играли Файнберг, Юдалевич, Буткевич[6]. На фоне реального сговора с целью повысить цену на водку нельзя исключать и еще одну черту надвигавшегося монополистического капитализма – раздел сфер влияния.

Активному участию евреев в винокурении во многом способствовали разные факторы. С одной стороны, сказывался исторический опыт развития отрасли в польско-белорусском регионе. С другой стороны, конкуренция в этой отрасли была достаточно слабой вследствие непопулярности производства спиртосодержащей продукции у христианского населения[7]. Свою роль сыграло и отсутствие квалифицированных кадров.

Примечательно, что перепись 1897 г. зафиксировала относительно большое количество евреев, занимавшихся винокурением, пиво- и медоварением. По Тобольской, Томской губернии

---

[1] ГАТО. Ф. 234. Оп. 1. Д. 116. Лл. 36 об., 37 об., 38 об., 40 об.

[2] Томский листок. Томск. 1897. № 188 (2 сентября).

[3] Томский листок. Томск. 1897. № 112.

[4] Орлов П.А. Указатель фабрик и заводов окраин России: Царства Польского, Кавказа, Сибири и Средне-Азиатских владений. СПб., 1900. С. 208.

[5] Адрианов А.В. Томск в прошлом и настоящем. Томск, 1890 г. С. 145-146. Подсчет наш.

[6] Стачка томских виноторговцев // Сибирская газета. Томск, 1888. № 2.

[7] Галашова Н.Б. Евреи в Томской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. Красноярск, 2006. С. 98.

и Акмолинской области насчитывалось 30 самостоятельных лиц, включенных в отрасль, а вместе с членами семей их насчитывалось 182[1].

В это же время идет становление многочисленного семейства Мариупольских, включенное в различные отрасли перерабатывающей промышленности. Так, в Тобольской губернии развернул свою деятельность купец Михаил Мариупольский, бывший владельцем салотопенного завода. В конце XIX в. на нем ежегодно вытапливалось 1700 пуд. сала на общую сумму в 5 тыс. руб. В то же самое время на 28 салотопенных заводах Тобольской губернии в это время производилось 100800 пуд. готовой продукции стоимостью 820 тыс. руб.[2]. Таким образом, доля Мариупольского составила 1,6% общего объема и только 0,6% в рублевом эквиваленте.

В руках евреев оказались не только крупные предприятия пищевой промышленности. К концу XIX в. евреи начали обосновываться в лесной и лесоперерабатывающей промышленности Сибири. Одним из пионеров в этом направлении оказался томский купец 2-й гильдии М.И. Минский, запустивший 15 августа 1887 г. свою спичечную фабрику, расположенную в Нелюбинской волости Томского округа Томской губернии[3].

Новое предприятие сразу же столкнулось с необходимостью бороться за место на рынке. К этому моменту фактически монополистом по производству серных спичек в Томской губернии было предприятие екатеринбургского купца 2-й гильдии Михаила Афанасьевича Ворожцова, открытое им в Семилужской волости Томского округа в 1879 г.[4].

Уже в первый же год своего существования фабрика Минского произвела для томского спичечного рынка 40% продукции (10 тыс. ящиков[5]), что составило в рублевом эквиваленте те же 40% (25 тыс. руб.)[6]. Доходность составляла 2,5 руб. за 1 ящик и была на том же уровне, что и у конкурента.

В техническом отношении спичечные фабрики Минского и Ворожцова не отличались друг от друга. В обоих случаях преобладал ручной труд, основанный на наемных рабочих. Если на винокуренных и пивоваренных заводах работа носила сезонный характер, то спичечные фабрики работали круглогодично. Исключение составляли праздничные и табельные дни. В обоих случаях рабочие (60 чел. у Ворожцова и 50 чел. у Минского) жили в казармах при

---

[1] ПВПНРИ. Т. 78. С. 158; Там же. Т. 79. С. 156; Там же. Т. 81. С. 90.

[2] Орлов П.А. Указатель фабрик и заводов окраин России: Царства Польского, Кавказа, Сибири и Средне-Азиатских владений. СПб., 1900. С. 186.

[3] ГАТО. Ф. 234. Оп. 1. Д. 116. Л. 67-67 об.

[4] ГАТО. Ф. 234. Оп. 1. Д. 116. Л. 66-66 об.

[5] В каждом ящике было 100 пачек или 1000 коробок спичек.

[6] ГАТО. Ф. 234. Оп. 1. Д. 116. Л. 66, 67. Подсчет наш.

фабриках. Правда, социальные условия на фабрике Минского были более комфортными. Так, поденная оплата составляла у него 50 коп. с хозяйским питанием (у Ворожцова - от 30 коп. до 1,5 руб.). Рабочий день на фабрике Минского составлял 10 часов, тогда как у Ворожцова он длился с 6 утра до 7 вечера, включая обеда, ужина и чая[1].

К концу XIX в. оба предприятия являлись крупнейшими в отрасли, но лидерство сохранялось за М.А. Ворожцовым. На долю М.И. Минского к 1900 г. приходилось более 30% в рублевом эквиваленте. На фабрике было задействовано 60 человек (служащие, рабочие), что составляло почти 30% занятых в данной отрасли по всей Сибири[2].

К началу XX в. русские промышленники не смогли рационально использовать богатейшие лесные богатства Сибири: русский лес вывозился в Китай в виде крупных бревен, "совершенно неприспособленных для нагрузки на суда и покупаемых китайцами неохотно"[3]. Участие евреев в лесной и лесоперерабатывающей отраслях, по мнению современников, было благом для экономики не только Сибири, но и России в целом. Именно "рационализм и подвижность еврейского лесопромышленника" должны придать им новый импульс: влить "свежие, живительные соки в неповоротливый лесной организм России"[4].

Характер социально-экономического развития Сибири во многом предопределил значительное присутствие евреев во второй половине XIX в. в среде гильдейского купечества. Так, на 1877 г. в Томске было объявлено 19 личных капиталов первой гильдии, в том числе 4 – еврейских. Значительной была включенность евреев и во вторую гильдию купечества, где они, по данным Н.Б. Галашовой, составляли более 10%[5].

К середине 1890-х гг. ситуация по Западной Сибири в целом изменилась. Так, в "Сибирском торгово-промышленном календаре на 1895 год" среди купцов 1-й гильдии (33 фамилии) указан лишь Григорий Ильич Фуксман, приписанный к томскому купечеству[6]. Доля евреев в среде второгильдейского купечества также сократилась и составила немногим более 7%. При этом интересно не только распределение евреев-купцов по западносибирским городам, но и их удельный вес в купеческой среде (см. прил. 34).

Крайне неравномерное распределение еврейского купечества по территории Западной Сибири объясняется, в первую очередь, исторически сложившимися районами проживания еврейского населения. Так, в Тобольской губернии к гильдии было причислено только 14,3%

---

[1] ГАТО. Ф. 234. Оп. 1. Д. 116. Л. 66 - 67об.

[2] Орлов П.А. Указ. соч. С. 209. Подсчет наш.

[3] Коробов Х.И. Экономическая роль евреев в русской лесной торговле и промышленности. Пг., 1916. С. 125.

[4] Там же. С. 126.

[5] Галашова Н.Б. Евреи в Томской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. Красноярск, 2006. С. 99.

[6] Сибирский торгово-промышленный календарь на 1895 год. Год второй. Томск, 1895. С. 422.

евреев, выбиравших гильдейские документы. Традиционной была и их приписка к купеческим обществам городов, считавшихся "еврейскими" (в Мариинске они составили 27% от общего числа евреев-купцов 2-й гильдии). Сказывались и ограничения, связанные с перемещением евреев внутри Сибири, о которых мы говорили выше.

Специфической чертой еврейского предпринимательства являлось активное участие в бизнесе женщин. Это проявилось и в Сибири. Женщины самостоятельно руководили бизнесом, принимали важные решения. В некоторых случаях они замещали в делах своих мужей. Наглядно это демонстрируют данные статистики, согласно которым в конце XIX в. в Томске, например, торговлей занимались 457 семейных женщин против 253 семейных мужчин, а также 19 самостоятельных женщин против 233 самостоятельных мужчин[1].

Можно вполне согласиться со сложившимся мнением о том, что рост доли евреев среди сибирского купечества сдерживался искусственно: малочисленность населения, законодательная сегрегация в экономической сфере, отсутствие крупных капиталов[2]. Но, с другой стороны, данный факт свидетельствует о том, что сибирские евреи постепенно отходят от выполнения торгово-посреднических операций. Выражаясь словами профессора Калифорнийского университета Юрия Слезкина, они переходят от меркурианства, основанного на кочевом посредничестве и включавшего в себя полный набор традиционно посреднических профессий от торговли вразнос и кузнечного дела до врачевания и финансов, к производительному апполонийству[3].

К концу XIX в. в Западной Сибири активно развивается торговля товарами, которые привозились из Европейской России и других стран. В первую очередь, речь идет о торговле мануфактурой, галантереей, суровским[4] товаром. К 1899 г. здесь насчитывалось почти 2 тыс. торговых лавок: 302 в Акмолинской области, 546 в Тобольской губернии и 1240 в Томской губернии. Среднегодовой оборот предприятий колебался в пределах от 10 тыс. руб. (в Томской губернии) до 13 тыс. руб. (в Акмолинской области)[5]. Высокая конкуренция, как мы видим, сказывалась на экономической активности в данной сфере.

В крупных городах евреям принадлежали небольшие магазины и лавки. Так, в Тобольске из 30 предприятий, торговавших мануфактурным, галантерейным товарами только 5

---

[1] Галашова Н.Б. Евреи в Томской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. Красноярск, 2006. С. 96.

[2] Галашова Н.Б. Евреи в Томской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. Красноярск, 2006. С. 99.

[3] См. подробнее Слезкин Ю. Эра Меркурия. Евреи в современном мире. М., 2005.

[4] Суровский товар - шелковые, бумажные и легкие шерстяные ткани.

[5] Среднегодовой оборот подразумевает под собой скорость прохождения денежных средств через все стадии производства. Чем большей является скорость оборотного капитала, тем выше прибыль предприятия.

принадлежало евреям (55% имевших среднегодовой оборот ниже среднего)[1]. Вне городов в Тобольской губернии наиболее крупные торговые заведения принадлежали Хаиму Берковичу и Шмулю Хаимовичу Мариупольским, которые в Тюкалинском округе открыли 5 заведений, имевших оборот выше среднего[2]. Всего же в Тобольской губернии по гильдейскому праву мануфактурой, бакалеей, галантереей торговали 26 евреев, из которых 2 были женщинами.

В Томской губернии в городах было сосредоточено 71 заведение, торговавшее мануфактурой и имевшее оборот выше среднестатистического, из которых 10 принадлежали евреям. Наиболее высокая концентрация была в Мариинске, где им принадлежало 55% лавок и магазинов, наименьшая - в Томске (7%)[3]. В других уездных городах губернии они отсутствовали. Если же смотреть на мануфактурно-галантерейно-бакалейную торговлю в уездах Томской губернии, то здесь было открыто 79 еврейских торговых точек (36 с оборотом выше среднестатистического оборота, 43 - ниже среднестатистического оборота)[4].

Всего, как мы видим, доля евреев в этом торговом сегменте Томской губернии составила к концу XIX в. 7% от общего числа заведений. Это был самый высокий показатель в Западной Сибири. Малое количество еврейских торговых заведений в Тобольской губернии и Акмолинской области объяснимо, с одной стороны, меньшим числом евреев, а с другой стороны, доминированием в этом секторе русских, татар и казахов. Для сравнения: в Иркутской губернии еврейские мануфактурные магазины составили чуть более 12%[5].

Высокая концентрация еврейского населения преимущественно в губернских городах вела к их активной хозяйственной жизни Томска, Тобольска, Омска. В частности, в руках евреев-мещан оказались мелкие торговые, сервисные, медицинские заведения. Так, в Томске на Бочановской улице располагался дом терпимости Малки Абрамович, который вынужден был вести борьбу за клиентов с заведениями, принадлежавшими Носовицкой[6] и Рохе Бобович[7].

Мясо томское обыватели приобретали в лавках Лазаря Мошковича, Леонтия Шмуйловича, Исайи Холдина, Михеля Рахмана и других. Правда, как писали томские журналисты, санитарные условия производства мясных продуктов далеко не всегда было на должном

---

[1] Торгово-промышленная Россия: справочная книга ... Стлб. 1281. Подсчет наш.

[2] Торгово-промышленная Россия: справочная книга ... Стлб. 1282. Подсчет наш.

[3] Торгово-промышленная Россия: справочная книга ... Стлб. 1288-1290. Подсчет наш.

[4] Торгово-промышленная Россия: справочная книга ... Стлб. 1288-1306. Подсчет наш.

[5] Торгово-промышленная Россия: справочная книга ... Стлб. 960 - 965. Подсчет наш.

[6] Томский листок. Томск, 1897. № 87.

[7] Там же. № 54.

уровне[1]. Публикация заметок заставляла владельцев лавок наводить порядок, чтобы не потерять клиентов.

Надо сказать, что сибирские газеты уже в конце XIX в. были одним из наиболее эффективных рекламных проводников. Поэтому на страницах периодических изданий появлялись многочисленные объявления, в которых указывался владелец предприятия и выполняемые им работы. Это позволило нам выделить врачей-евреев, которые имели практику в сибирских городах. Так, в Томске свой зубоврачебный кабинет был у Анны Леонтьевны Цейтлин[2]. Это же относится к деятельности присяжных поверенных и их помощников. В рассматриваемый период в Томске имел свою юридическую практику выпускник Новороссийского университета Рафаил Вейсман, лично знакомый с Т. Герцелем. Успешная адвокатская деятельность позволила Вейсману заслужить уважение коллег. В дальнейшем он стал казначеем Томского совета поверенных.

Наличный капитал направлялся еврейскими предпринимателями не только в производственную сферу. Они открывали собственные кредитные конторы, занимаясь ростовщичеством. Так, в октябре 1885 г. в Томске была открыта ссудная касса иркутского временно 2-й гильдии купца Евгения Ельдештейна[3], которая сразу вступила в конкуренцию с уже единственной действовавшей в городе гласной кассой Яппо. Открывая свое предприятие, Ельдештейн предложил клиентам более низкий процент по залогу и выгодные условия погашения кредита. Это привело к настоящей войне между дельцами, которая завершилась победой последнего. В дальнейшем кассой управлял его сын Василий.

Для ведения операций Василий Евгеньевич Ельдештейн, остававшийся в крестьянском сословии, выбирал торговое свидетельство. В середине 1890-х гг. он причислился к томскому купечеству, входя во вторую гильдию. По данным Томского губернского податного присутствия на 1889 г., ссудная касса имела ежегодный оборот не менее 40 тыс. руб., принося владельцу прибыль не менее 4 тыс. руб.[4].

Главными конкурентами являлись конторы Я.А. Яппо и И.Я. Мизгера, имевшие на тот же год обороты свыше 20 тыс. руб. каждая. Это дает нам основание говорить о том, что ссудный капитал в Томске в 1880-х гг. находился под еврейским контролем.

Подобная ситуация сохранялась до конца XIX в. На рубеже XIX - XX вв. на смену ростовщическому капиталу пришел банковский. Так, в конце XIX в. в Томске были открыты

---

[1] См., напр., Томский листок. Томск, 1897. № 94, 102 и др.

[2] Томский листок. Томск, 1897. № 112.

[3] ГАТО. Ф. 233. Оп. 3. Д. 328. Л. 1.

[4] Адрианов А.В. Томск в прошлом и настоящем. Томск, 1890. С. 144.

отделения Государственного, Русского для внешней торговли, Сибирского торгового банков. Наряду с государственным и коммерческими банками функционировал Сибирский городской общественный банк. Ссудный капитал был сконцентрирован кроме того в Городском общественном ломбарде, банкирской конторе Е. Королева и ссудо-сберегательном товариществе Томской ремесленной управы[1].

Частновладельческие ссудные кассы стали закрываться, не выдерживая конкуренции. Так, еще в июле 1895 г. был проведен аукцион по распродаже просроченных закладов, внесенных в ссудную кассу В.Е. Ельдештейна. О том, что дела кассы к 1895 г. шли менее успешно, чем раньше, свидетельствует сам объем книг продаж просроченных залогов, которые были представлены комиссии от Томской Городской Думы, учрежденной для ее ревизии и ликвидации (см. прил. 35).

В Тобольской губернии в это же время кредитный сектор был представлен преимущественно отделениями Городского общественного банка (Тобольск, Тюмень, Ишим, Тюкалинск), Городской общественный банк Богачева (Курган), Городской общественный банк Немчинова (Тара)[2].

Во второй половине XIX в. активизировалось формирование слоя профессиональных управленцев в промышленной сфере. В разных отраслях оно шло неодинаково. Так, в золотопромышленности владельцы зачастую сами выступали в качестве управляющих приисками. Иная картина наблюдалась в винокурении, где из 48 заводов 43 работали под руководством наемных менеджеров. Некоторые исследователи обращали внимание на то, что винокурами в Сибири на треть были польские евреи[3]. Евреи стали играть заметную роль среди вспомогательного персонала в торговле. Так, В.П. Зиновьев, анализируя состав приказчиков в сибирских губерниях, отмечал, что в Томске из 207 приказчиков, подписавших контракты в 1887 г., было 75 евреев[4].

Евреи оказались вовлеченными в пореформенный период не только в развитие производственной сферы. Как уже упоминалось выше, они были связаны с системой здравоохранения. Но в конце 1870-х – начале 1890-х гг. уже и в образовательной системе появились первые представители еврейского общества. До 1840-х гг. в местах компактного проживания евреев была распространена традиционная система начального образования в виде

---

[1] Торгово-промышленная Россия: справочная книга для купцов и фабрикантов / Под ред. А.А. Блау. СПб., 1899. Стлб. 629.

[2] Торгово-промышленная Россия: справочная книга для купцов и фабрикантов / Под ред. А.А. Блау. СПб., 1899. Стлб. 629.

[3] Зиновьев В.П. Индустриальные кадры старой Сибири. Томск, 2007. С. 101 - 102.

[4] Зиновьев В.П. Индустриальные кадры... С. 83.

хедеров и толмуд-торы. С начала 1840-х гг. в рамках политики русификации был введен запрет на право преподавания тем еврейским учителям, которые не прошли курс обучения в казенных училищах и не имели соответствующего диплома. Правда, длительное время продолжали существовать подпольные хедеры, в которых обучением занимались доморощенные учителя.

В Западной Сибири в пореформенный период начала формироваться система еврейского образования. До начала 1870-х гг. она была представлена в Томске лишь небольшой толмуд-торой, которая, как отмечал современник, "далеко не удовлетворяла непритязательному вкусу даже среднего обывателя – еврея того времени"[1]. Уровень преподавания в ней был достаточно низкий. Но стремление томских евреев дать своим детям начальное образование привел к тому, что это заведение оказалось быстро переполненным, а единственному меламеду приходилось постоянно отказывать родителям в приеме в школу. В 1873 г. при непосредственном участии старосты Каменной синагоги И.Л. Фуксмана было открыто училище, в котором уже в следующем году обучалось 25 воспитанников[2]. Но отсутствие профессиональных учителей сохраняло длительное время низкий образовательный уровень выпускников училища. Главная задача заведения была сведена к тому, чтобы дать "еврейской детворе знание еврейских молитв и библии в русском переводе"[3]. В дальнейшем программа будет постепенно обогащаться, и ученики будут изучать краткую историю еврейского народа, катехизис на русском языке, еврейское письмо, заниматься гимнастикой. Со временем училище стало доступно для девочек. К 1885 г. в нем обучалось 32 мальчика и 8 девочек[4]. Расширение учебной программы требовало появления новых учителей, которые должны были быть иудеями.

Таким образом, еврейское население оказалось вовлеченным в различные сферы экономической деятельности. Немногочисленные источники позволяют нам реконструировать источники доходов. Например, они могут быть восстановлены применительно к евреям-горожанам г. Тобольска по итоговым ведомостям городской однодневной переписи населения 1882 г. (см. прил. 36). Для наглядности рассмотрим показатели в сравнении применительно к евреям и полякам.

Еврейскую общину Тобольска можно условно разделить на "потребителей" и "производителей". Подавляющая масса иудеев жила за счет так называемых нетрудовых доходов (ок. 68,4%). Одним из распространенных среди евреев занятий было нищенство,

---

[1] Ю.О. Еврейское училище в Томске. История его возникновения и развития. 1873 – 1913 гг. Томск, 1912. С. 1.

[2] Там же. С. 2.

[3] Там же. С. 3.

[4] Б/А. Открытие учебного округа // Сибирский вестник политики, литературы и общественной жизни. Томск, 1885. № 11.

представленное в тех местностях, где проживали евреи. Так, по данным газеты "Сибирская жизнь", в Томске на 1885 г. оно было источником существования около 40 евреев (см. прил. 37). Некоторые из них превратили нищенство в профессию, а для некоторых – это был образ жизни, "получение выгодного гешефта"[1]. Для сравнения: в польской среде был достаточно высоким процент иждивенцев среди мещан и крестьян был ниже и составил ок. 24,5%, которые существовали преимущественно за счет средств, присылаемых родственниками и получаемых в виде благотворительности.

Доля евреев, занятых извозом, практически не отличается от доли поляков – 2,8%. Однако удельный вес евреев, занятых в промышленно-ремесленной сфере значительно ниже, чем у поляков, и составляет ок. 9,6%. Далее следуют "прочие занятия" (9,9%) и торговля (8,3%). Значительная же часть польского населения Тобольска была занята в промышленно-ремесленной сфере (40%), крайне незначительная часть мещан, крестьян и ссыльных, составлявших тобольскую полонию, жила за счет собственных средств либо была задействована в транспортной сфере (1,7% и 2,9% соответственно).

Однако еврейская община достаточно прочно обосновалась в некоторых сферах, которые стали для них со временем основными "экономическими нишами" (см. прил. 38).

Среди таковых, в первую очередь, необходимо выделить торговлю и транспорт. Заметная роль еврейской общины в торговой сфере Тобольска неоднократно отмечалась современниками. Справедливости ради, следует отметить, что отзывы были далеко не всегда лестными. Так, А.И. Дмитриев-Мамонов писал, что "ростовщичество и сбыт краденых вещей – самые излюбленные занятия евреев…"[2]. При этом обращает внимание на себя активное участие евреев в развитии транспортной сферы, главным образом, извозного промысла. В то же время ремесло и промышленность в рассматриваемое время не являлись привлекательными для евреев, что подтверждается небольшим количеством ремесленников. По этим показателям они уступали, например, полякам, у которых в ремесле было занято ок. 40%.

Ремесло являлось одной из тех сфер, в которой требовалась наибольшая специализация. Материалы переписи позволяют нам определить место обеих общин в этой сфере деятельности (см. прил. 39).

Завершая анализ занятости еврейского населения Тобольска в ремесле, можно отметить, что она имела решающее значение только в стекольном производстве, в котором евреи составляли 70,5% всех занятых, т.е. это была одна из тех "экономических ниш", в которой

---

[1]. Сибирская газета. Томск, 1885. № 13.

[2]. Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 год. Тобольск, 1884. С. 51 – 52.

еврейство выступало с лидирующих позиций. Однако в других отраслях их значение было ничтожным: определенный вес они имели лишь в строительной сфере, в которой составляли почти 10% все занятых.

Еврейские посемейные списки 1893 г., содержащие в себе сведения о хозяйственной деятельности глав семей, позволяют нам посмотреть на аналогичное явление в г. Томске (см. прил. 40).

Как мы видим, к середине 1890-х гг. Томская еврейская община приобрела производственный характер: ок. 59% семей было связано с производством товаров и оказанием услуг. В это же время за счет посредничества (ведения торговых операций) жило 23,7% семей. Это является важным подтверждением того, что евреи постепенно переходили к производственному обществу, сохраняя свое присутствие в традиционных ремеслах. Среди таковых необходимо указать производство одежды и обуви (более 57% ремесленников), обработку древесины (14,3%), стекольное и зеркальное производство (почти 18%). В это де время томские евреи, преимущественно выходцы из Каинского и Мариинского округов, оказались вовлеченными в активно развивавшуюся транспортную сферу.

О некоторых результатах развития еврейской диаспоры в пореформенной России можно говорить, опираясь на материалы Всеобщей переписи населения 1897 г. Данные, сгруппированные по губерниям, позволяют рассмотреть структуру хозяйственной занятости представителей еврейской общины изнутри и относительно всего населения региона. В то же время они позволяют выявить общее и особенное в развитии общин в различных регионах России.

При рассмотрении полученных результатов (см. прил. 41), в первую очередь, необходимо отметить рост занятых в различных ремеслах и промыслах – ок. 20% работавшего еврейства в сравнении с началом 1880-х гг. Повсеместно основным занятием стало изготовление одежды: в этой сфере было занято более половины всех ремесленников.

Дальнейшее включение евреев в промышленную сферу было связано с особенностями регионального развития, и они оказывались в наиболее привлекательных отраслях. Так, в Новгородской губернии ок. 30% еврейских ремесленников было связано с керамическим производством[1], ок. 16,5% ремесленников из числа евреев Самарской губернии было вовлечено в различные циклы обработки металла[2], в Западной Сибири они оказались связанными с обработкой и переработкой сельскохозяйственной продукции. Таким образом, на структуру

---

[1]. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 26. Новгородская губерния. Тетрадь вторая. СПб., 1903. С. 155.

[2]. Там же. Т. 36. Самарская губерния. СПб., 1904. С. 125.

занятости непосредственное влияние оказывал характер экономического развития региона. Гораздо меньший интерес представляли различные службы (6 – 10%), земледелие (5 – 7%), ремонт и строительство (ок. 5%).

Обращает на себя внимание и тот факт, что некоторые сферы деятельности перестают быть массовыми. Это относится, например, к транспортной сфере. Во многом это объясняется изменением структуры транспорта и перераспределением грузопотоков между видами транспорта. Так, если в пореформенный период евреи были достаточно активно вовлечены в извозный промысел, который являлся доминирующим в это время в Сибири, то на рубеже XIX – XX вв. выделяется немногочисленная группа евреев, которая контролировала определенную часть транспортного рынка. Так, можно выделить семейство Ельдештейнов, которое владело несколькими пароходами. К 1910 г. обороты их пароходной компании составляли ок. 400 тыс. руб., а общий персонал (служащие, рабочие, матросы) насчитывал 335 чел.[1]

Надо сказать, что полученные данные по западносибирским губерниям вполне коррелируются с данными о хозяйственной деятельности еврейского населения в черте оседлости (на 1897 г.). В своих "Очерках по еврейской социальной и экономической истории" Аркадий Каган отмечал, что ок. 41% самостоятельных евреев занято в производственной сфере, на долю торговцев пришлось ок. 34,5%, а в транспортной сфере работает 3,7%[2]. Подобная концентрация евреев в разных отраслях экономики отличала российское еврейство, например, от германского или австро-венгерского. В Австро-Венгрии и Германии в сфере торговли и транспорте было занято почти 44% и 55%, а в промышленности лишь 28 % и 18,8% евреев соответственно[3].

В целом, можно говорить о том, что евреи к концу XIX в. заняли свои "экономические ниши". Но на этом фоне возникает вопрос о месте еврейской общины в экономической структуре Западной Сибири. Ранее мы уже на примере Тобольска 1882 г. видели, что в некоторых сферах евреи играли существенную роль. Насколько ситуация изменилась к концу XIX в. можно выяснить при сопоставлении данных переписи 1897 г., определив удельный вес евреев в той или иной профессиональной категории или группе категорий относительно всех занятых в ней (см. прил. 42).

Как видно из приведенной выше таблицы, евреи выделялись лишь в определенных сферах, которые являлись для них "экономическими нишами". Несмотря на малый удельный вес евреев в той или иной отрасли, можно выделить ряд направлений в сибирском ремесленном

---

[1]. Гончаров Ю.М. Очерки истории еврейских общин … С. 61.

[2] Kahan A. Essays in Jewish Social and Economic History. Chicago - London, 1986.

[3] Гепштейн С. Экономическая структура еврейского населения России. СПб., 1908. С. 18.

производстве, в котором они заняли не последнее место. В первую очередь, это ювелирное ремесло и изготовление предметов искусства и роскоши. Несмотря на абсолютное преобладание в этой сфере русских мастеров, еврейские ювелиры в Тобольской и Томской губерниях прочно удерживали второе место, занимая 3,3% и 2,7% рынка рабочей силы соответственно. Еще большим был вес еврейских мастеров-винокуров в Томской губернии, где они составляли 4,3%, уступая лишь русским (79,3%) и полякам (5,3%). Еврейские портные Тобольской губернии составляли всего 2,7%, в то же время по количеству мастеров евреи стояли на четвертом месте, уступая лишь русским (82,4% занятых в сфере), татарам (4,2%) и украинцам (3,9%)[1].

Общероссийские показатели несколько отличаются от сибирских. Наибольший процент евреев пришелся на торговлю, в которой они составили 39,7% всех занятых в этой сфере, наименьший - на сельское хозяйство, в котором еврейские крестьяне составили лишь 0,2%[2].

В непроизводственной сфере удельный вес евреев был ниже, чем у поляков, но выше, чем у сибирских немцев, о чем свидетельствуют приведенные ниже данные (см. прил. 43). Так, врачей польского происхождения было в почти в 2,5 раза выше, чем евреев. В сфере частной юридической практики это соотношение и вовсе было 10:1. Только в учебно-воспитательной сфере численность евреев была выше, что было связано с культивированием как традиционного, так и государственного еврейского образования, о чем уже отмечалось выше.

Подводя итог можно отметить, что еврейская община в пореформенный период представляла собой динамично развивающийся организм, который адекватно реагировал на те или иные вызовы времени. В первую очередь, это было обусловлено постоянным нарастанием критической массы "своих", что делало общину более сплоченной и препятствовало ассимиляции ее членов христианским большинством. Правда, источники для пополнения по-прежнему оставались непостоянными вследствие колебаний в законодательстве.

На протяжении 1860-х – 1870-х гг. в общих чертах определилось место евреев в сибирском социуме. По характеру развития сибирское еврейство мало отличалось от общин в других регионах страны. В экономическом отношении это проявилось, в частности, в переживании процесса первоначального накопления капитала. Источниками формирования купеческих капиталов выступали ростовщичество, торговля, строительные подряды, а после законодательного разрешения виноторговля и золотодобыча. Подобная ситуация объясняется стремлением свести к минимуму возможные потери в той или иной сфере, которые могли

---

[1]. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 78. Тобольская губерния. СПб., 1905. С. 156 – 161. Подсчет наш.

[2] Гепштейн С. Экономическая структура еврейского населения России. СПб., 1908. С. 16.

возникнуть как в результате неудачного ведения дел, так и по воле центральных или местных властей.

Экономические изменения, произошедшие на протяжении этого времени в некоторой степени изменили общину. Так, к концу XIX в. она оказалась сконцентрированной в тех округах западносибирских губерний, которые наиболее активно развивались под воздействием железнодорожного строительства либо аграрного развития. Однако даже фискальный интерес был не в состоянии сломить некоторые из феодальных пережитков, что делало отдельные административно-территориальные единицы закрытыми для еврейского водворения. Изменения в экономической структуре сибирского еврейства отразились к концу XIX в., в частности, в закреплении его представителей в определенных "экономических нишах", что создавало благоприятные условия для функционирования различных социальных институтов, связанных с религиозной сферой, образованием, благотворительностью и пр.

В целом, к концу XIX в. еврейские предпринимательские круги переживали те же процессы, что и прочие торговцы и промышленники. Вторая половина столетия стала для них периодом разорения старых семейств (Хотимские и др.) и выдвижением на первый план новых (Фуксманы, Ельдештейны, Мариупольские). Произошла смена акцентов в хозяйственной деятельности: если в 1850-х – 1880-х гг. для евреев главными источниками дохода были откупа, подряды, золотые прииски, то в последней четверти XIX в. они вкладывали капиталы в развитие отраслей перерабатывающей промышленности, транспорта, кредитной сферы, занимая в них достаточно часто лидирующие позиции.

Социально-экономические и политические процессы 1860-х – 1870-х гг. повлияли на положение немецкого меньшинства в Западной Сибири. Речь идет, в первую очередь, о реформах в Алтайском горном округе, в ходе которых коренным образом изменилось положение горных инженеров и чиновников, которые отчасти были немцами по происхождению. Об этом писал, например, В.П. Зиновьев отмечавший, что на предприятиях Кабинета управляющий персонал происходил из горнозаводских служителей и фрайбургских и остзейских немцев[1].

Как уже отмечалось выше, к 1860-м гг. немецкая община значительно сократилась за счет ассимиляционных процессов. Осталась небольшая группа лиц, которая продолжала идентифицировать себя немцами на русской службе. Этому не мешал переход в православие или происхождение от смешанных немецко-русских браков.

Во второй половине XIX в. немцы по-прежнему занимали ключевые позиции в административно-хозяйственном аппарате Томской, Тобольской губерний и Акмолинской

[1] Зиновьев В.П. Индустриальные кадры … С. 101 - 102.

области. Сохранявшееся до 1896 г. горнозаводское производство позволяло немцам оказывать влияние на эту отрасль, выполняя функции горных инженеров и управляющих различного уровня. Они занимали должности в Казенных палатах, судебном аппарате, почтово-телеграфной и медицинской службе. Немцы сохранили свои позиции в системе народного просвещения в качестве преподавателей гимназий. С открытием Томского университета они оказались вовлеченными в систему высшего образования. Но в сравнении с первой половиной XIX в., немцев (выходцев из прибалтийских губерний) на русской службе было гораздо меньше. Некоторые исследователи связывают этот факт с наступлением царской администрации на балтийско-немецкую автономию в 1870-х – 1880-х гг., что привело к сокращению числа желающих нести службу в России, а уж тем более в Сибири[1].

Алтайский округ в 1860-х гг. стал центром немецкого предпринимательства в Сибири. Его движущей силой стали вышедшие в отставку дворяне. Это было связано, в первую очередь, с высокой концентрацией здесь немцев-чиновников и горных инженеров, которые имели высокий потенциал к организации современного производства. В совокупности с наличием родственных и иных связей это привело к появлению первых крупных предприятий. Но процесс промышленного развития тормозился вследствие сохранения запрета на установку паровых двигателей на частных заводах.

Одним из первых частных заводов на Алтае в пореформенный период стал содовый завод Пранга, открытый в 1864 г. Значение соды для отечественной промышленности трудно переоценить. В свое время Д.И. Менделеев, делая обзор Парижской всемирной выставки, указывал на необходимость организации в России промышленного производства соды[2].

Надо сказать, что власти уже в конце 1850-х гг. понимали необходимость организации подобного производства. Об этом свидетельствует, например, данное отставному поручику Бенардаки на 10 лет право добывать из Астраханских озер горькую соль для производства соды[3]. В сопроводительной записке со стороны Министра финансов к этому положению Комитета министров указывалось, что "большая часть употребляемой в России соды, одного из важнейших продуктов в заводском и фабричном деле, особенно в стеклянном производстве, привозится из-за границы на весьма значительную сумму, тогда как основные материалы для выделки оной находятся у нас в изобилии, и туземное производство соды, сверх пользы для наших фабрик, могло бы образовать новую статью торговли, составить особый источник

---

[1] См., напр., Катин-Ярцев М.Ю. Балтийско-немецкое дворянство на российской службе. Конец XVIII – начало XX вв. Дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. М., 2000. С. 159.

[2] Менделеев Д.И. Обзор Парижской всемирной выставки. СПб., 1868.

[3] ПСЗ – II. Т. 33. Отд. 1. № 33339.

заработков, избавить фабрикантов от иностранной зависимости по приобретению оной, и сохранить внутри государства употребляемые для сего капиталы"[1].

Подобного рода карт-бланш давал потенциальным предпринимателям в некоторых регионах колоссальные возможности. Несомненно, будучи горными инженерами, братья Пранги[2] следили за всеми технологическими новинками. Благоприятное стечение обстоятельств дало им возможность организовать собственное, фактически монопольное, производство соды в Сибири.

Центром добычи горькой соли стало Мармышанские озера Кулундинской степи на территории Алтайского горного округа. Братья Иван и Егор Пранги получили по аналогии с упомянутым выше Бенардаки право безакцизной добычи соли[3].

В 1870 г. братья продали предприятие своему брату Матвею. В течение 1870 – 1872 гг. велась борьба с акцизным ведомством, которое заставило нового владельца платить акциз, мотивируя это тем, что безакцизное право распространялось на прежних владельцев, а не на предприятие. Это привело к тому, что на некоторое время Егор Пранг вновь вынужден был возглавить производство. Только в 1875 г. Матвей Пранг получил право безакцизно добывать соль в течение последующих 10 лет[4]. Именно он управлял производством до своей смерти в 1890 г., после чего завод перешел во владение его вдовы Ю.А. Пранг. В 1907 г. он был выкуплен фирмой "Любимов, Сольве и К°", имевшей более крупное аналогичное производство на Урале. В 1912 г. Барнаульский содовый завод был закрыт[5].

Первоначально на предприятии были установлены ручные печи. Отсутствие паровых двигателей было связано с запретом на их установку на частных заводах на землях Кабинета, действовавшим с 1828 г. Только в конце 1870-х – начале 1880-х гг. на нем была проведена модернизация оборудования. В частности, несмотря на сохранявшийся запрет, по разрешению начальника Алтайского горного округа А. Фрезе были установлены паровые двигатели. Это позволило М. Прангу значительно нарастить объемы производства. К 1888 г. на заводе была установлена паровая машина с двигателем мощностью 4 л.с., продолжались использоваться устаревшие машины на конной тяге мощностью 3 л.с.[6].

С самого начала, как показывает статистика, предприятие работало достаточно успешно. Уже в 1866 г. на заводе было произведено 3 тыс. пуд. соды, а в 1870-х гг. ежегодный объем

---

[1] Там же. С. 795.

[2] Иван и Егор Пранги прошли обучение в Горном кадетском корпусе в Санкт-Петербурге.

[3] Скубневский В.А. Немецкое предпринимательство … С. 199.

[4] ГААК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 7564. Л. 100 об.

[5] Скубневский В.А. Немецкое предпринимательство … С.. 199.

[6] ГАТО. Ф. 234. О. 1. Д. 116. Л. 160.

производства составлял уже ок. 6,2 тыс. пуд.[1]. Вне всякого сомнения, установка парового двигателя позволила значительно увеличить объемы производимой продукции. Так, по данным самого М. Пранга, в 1887 г. на заводе было изготовлено почти 17 тыс. пудов содовой продукции почти на 25 тыс. руб.[2].

По данным Орлова, на конец 1890-х гг. содовый завод "Пранг и К°" производил 14,2 тыс. пуд. каустической и 4 тыс. пуд. рафинированной соды[3]. К концу XIX в. предприятие являлось главным поставщиком соды на стекольные, кожевенные, мыловаренные заводы Сибири и Дальнего Востока. Единственным конкурентом Прангов в это время в регионе был завод К. Заневского в Забайкальской области, производивший в это время лишь 450 пуд. каустической соды[4].

Постепенное развитие рынка потребления соды подталкивало Пранга к увеличению числа рабочих. Так, к 1888 г. на его предприятии работало 55 чел., преимущественно мужчин (50 чел.). Предприятие сильно зависело от потребителей, а потому носило сезонный характер: наибольшая загруженность производственных мощностей приходилась на период с декабря до мая, наименьшая - с июля по сентябрь[5].

Сезонный характер работы повлиял на оплату труда и другие параметры социального положения рабочих. Так, на заводе был введен сменный график работы, каждая смена (дневная и ночная) продолжалась 11 часов, что было обыденным явлением для того времени. Оплата труда производилась на основе поденщины и составляла 25 коп. до 1 руб. 20 коп. в зависимости от квалификации. Уровень подготовки рабочих оставался крайне низким - никто из них не имел специального образования. Как указывал сам владелец предприятия, "производство работ в отделениях производится под наблюдением шести подмастерьев из рабочих, мещанского и крестьянского сословий ... под непосредственным руководством самого владельца завода"[6].

В исследованиях по вопросу организации труда на частных заводах в Алтайском горном округе начала XX в. сохранились сведения об организации производства и жизни рабочих на заводе "Пранг и К°"[7]. Так, С.П. Швецов отмечал, что сами заводские постройки находились в ужасном состоянии: "Первое отделение завода, где помещается ряд так называемых

---

[1] Скубневский В.А. Немецкое предпринимательство … С.. 199.

[2] ГАТО. Ф. 234. О. 1. Д. 116. Л. 160.

[3] Орлов П.А. Указ. соч. С. 185.

[4] Там же.

[5] ГАТО. Ф. 234. О. 1. Д. 116. Л. 160.

[6] ГАТО. Ф. 234. Оп. 1. Д. 116. Л. 160 об.

[7] См., напр., Швецов С.П. Положение труда на частных заводах Алтайского округа // Сборник правоведения и общественных знаний: Труды юридического общества, состоящем при Императорском Московском университете. Т. VII. М., 1897. С. 130 – 180.

сульфатовых печей, нечто иное, как довольно ветхий бревенчатый сарай, без окон и потолка; двери заменяют воротами, пол земляной"[1]. Об отсутствии элементарных мер безопасности на производстве указывает и то, что "без посторонней помощи нельзя было решительно ступить шагу, не рискуя провалиться куда-либо в котел или топку"[2].

Несмотря на значительный штат рабочих (в конце 1890-х гг. их было более 60[3]) на содовом заводе не было врача или фельдшера. Отсутствие медицинского персонала на столь опасном производстве компенсировалось наличием аптечки, из которой работники получали бесплатно медикаменты. В случае необходимости они направлялись на лечение в больницу Красного Креста в Барнауле. Расходы в этом случае владелец предприятия брал на свой счет[4].

Содовый завод был одним из немногих предприятий на Алтае, содержавшим школу. Как указывает Швецов, длительное время в ней преподавала жена Матвея Пранга Юлия Августовна. В 1890 г., после смерти мужа, она занялась управлением, приняв на вакантное место учительницу, окончившую Барнаульскую прогимназию[5]. Так как завод был расположен вблизи Барнаула, то в школе обучались дети рабочих и служащих заводской конторы.

По организации производства, объему производимой продукции, числу работников содовый завод Прангов может быть охарактеризован как предприятие фабричного типа. Это было первое производство подобного типа на Алтае. Кроме этого, значение завода состоит в том, что он являлся первым предприятием в России по промышленному производству соды. На Всероссийской промышленно-художественной выставке 1882 г. М.Б. Прангу была присуждена золотая медаль с надписью: "За основание первого, до настоящего времени единственного действующего в России содового завода, а также за содействие, оказанное экспонентом к развитию в Сибири мыловаренного и др. производств"[6].

Другим примером немецкого промышленного предпринимательства пореформенного периода стал М.Е. Функ. До выхода в отставку, он занимал пост начальника Барнаульской почтово-телеграфной конторы. В 1869 г. в партнерстве с В. Шмурыгиным он открыл в Барнауле завод по производству охотничьей дроби. Подобное партнерство для компаньонов было взаимовыгодным: у первого были связи, необходимые для получения согласований, а у второго – первоначальный капитал для открытия предприятия. Тандем подобного рода не был уникальным для того времени, наоборот, он был типичным в условиях сближения

[1] Там же. С. 160.

[2] Там же. С. 161.

[3] Орлов П.А. Указ. соч. С. 185.

[4] Швецов С.П. Указ. соч. С. 170.

[5] Там же. С. 172.

[6] Завидовский Н. Содовое производство в Сибири // Горный журнал. 1894. Т. III. Июль – сентябрь.

экономических интересов представителей военного и чиновного дворянства и купеческого сословия.

В условиях высокого спроса в Сибири на дробь предприятие оказалось прибыльным. К концу 1890-х гг. оно давало владельцам ежегодно до 12 тыс. руб.[1]. Современные исследователи, занимавшиеся историей деятельности М. Функа, указывают на то, что до 1880-х гг. свинец для производства дроби закупался на алтайских кабинетских сереброплавильных заводах. В 1880-е гг. сырье приобретали по возможности на Ирбитской ярмарке[2]. На рубеже XIX – XX вв. оно вновь стало отечественного происхождения[3].

До начала XX в. это был единственный в регионе завод, специализировавшийся на выпуске данной продукции. Как указывал еще в 1887 г. сам предприниматель, продукция реализовывалась в количестве от 10 до 15 тыс. шт. ежегодно в Томской и Иркутской губерниях[4].

Как и многие другие предприниматели пореформенного периода, Функ пытался занять свою нишу в нескольких отраслях. В первом случае ему это удалось сделать, как мы видим, блестяще. Другим направлением деятельности стало пароходство, которое было ориентировано на Северный морской путь и торговлю алтайскими товарами с североевропейскими странами. Объединив свои усилия с тарским купцом А.И. Щербаковым, он строит несколько пароходов, которые доставляли грузы в Обскую губу. Но это предприятие не оказалось успешным. Кроме того, Функ вместе с братом получает в конце 1880-х гг. право на добычу соли на Бурлинском озере в Барнаульском округе Томской губернии. Одновременно с этим он занимался хлебной торговлей[5].

Судьба предприятий Функа была во многом типичной для своего времени. После смерти владельца, наследники не занимались коммерческими делами и продали свои доли третьим лицам.

Немцы в пореформенный период устремились не только в торгово-промышленную сферу. Ими были сделаны попытки организовать в Западной Сибири сельскохозяйственные модернизированные производства. В частности, они впервые организовали на Алтае товарное производство технических культур.

В середине XIX в. в Западной Сибири находилось несколько десятков немцев, выехавших в Россию из германских государств для ведения торговых дел. Не принимая российского

---

[1] Орлов П.А. Указ. соч. С. 199.

[2] ГАТО. Ф. 234. Оп. 1. Д. 116. Л. 156 об.

[3] Скубневский В.А. немецкое предпринимательство … С. 200.

[4] ГАТО. Ф. 324. Оп. 1. Д. 116. Л. 156 об.

[5] Там же.

подданства, они оставались прусскими, гамбургскими, баварскими и т.д. Одним из таких "переселенцев" оказался выходец из вольного города Гамбурга Август Христофор Брок-Миллер, поселившийся на Алтае. Он настолько прочно обосновался в Округе, что, как отмечают историки, был временно барнаульским купцом и тестем управляющего Павловским сереброплавильным заводом Фиалковского[1].

В начале 60-х гг. XIX в. он получил отвод в 100 дес. земли близ с. Малышевского Барнаульского округа с разрешением выращивать сахарную свеклу. Опыт оказался удачным и Брок-Миллер построил свеклосахарный завод – первое предприятие данного профиля в Сибири. В 1862 г. он арендовал у Кабинета уже 300 дес. земли. Завод начал действовать в 1862 г. и произвел за 1862–1865 гг. 2400 пуд. сахара. Предприятие действовало при помощи конных двигателей, их приводили в движение 16 лошадей, на предприятии было занято 2 мастера и 70 рабочих.

Одновременно Брок-Миллер организовал и производство спирта. Для этого он использовал производственные мощности арендованного у казны Александровского винокуренного завода в Барнаульском уезде Томской губернии. Новаторство Брок-Миллера проявилось в использовании в качестве сырья вместо хлебных продуктов свекловицы[2]. Можно говорить об организации безотходного аграрно-промышленного производственного цикла. Это позволило ему значительно снизить себестоимость производимого вина и получить больший доход от реализации дешевой продукции. В 1864 г. было выкурено вина на 44, 5 тыс. руб., на производстве было занято 22 рабочих.

Использование нестандартного сырья для выкурки вина стало основанием для разбирательства в Департаменте неокладных сборов Министерства финансов в течение 1867 - 1869 гг., в ведении которого находилось винокурение в России[3]. В 1868 г. по распоряжению Кабинета заводы Брок-Миллера были закрыты, а владелец был обвинен в незаконном производстве спирта[4]. По мнению Н.В. Иванченко, не последнюю роль в деле Брок-Миллера сыграл К.П. Платонов, открывший в 1868 г. совместно с купцом Бадьиным Иткульский винокуренный завод в с. Соколово Бийского округа и стремившийся к устранению конкурента[5].

К концу XIX в. немцы-недворяне российского и иностранного происхождения активно включались в различные отрасли пищевой промышленности. Наибольшую активность они

---

[1] Иванченко Н.В. Сельские предприниматели Алтая в пореформенное время // Предпринимательство на Алтае: XVIII в. – 1920-е гг. Барнаул, 1993. С. 44.

[2] РГИА. Ф. 574. Оп. 2. Д. 162. Л. 5.

[3] Там же.

[4] Скубневский В.А. Немецкое предпринимательство … С. 199.

[5] Иванченко Н.В. Указ. соч. С. 44 – 45.

развернули в традиционных для них отраслях – мукомольной, мясоперерабатывающей, винокурении, пивоварении. Хотя по своему присутствию в этих отраслях они заметно уступали евреям и полякам. Тем не менее, можно выделить несколько крупных предприятий. Так, в Тюкалинском округе Тобольской губернии с 1883 г. действовал винокуренный завод, принадлежавший колонисту Альберту Ивановичу Фишеру. Несомненно, это предприятие не могло тягаться с такими "тузами" как Н.М. Давыдовская и наследники Поклевского-Козелл. В то же время завод можно отнести к средним предприятиям. Ежегодно он давал к концу 1890-х гг. около 8 тыс. ведер водки на сумму в 100 тыс. руб. На производстве в это время было занято 20 человек[1]. Как и прочие владельцы винокуренных заводов, Фишер разместил свое предприятие в одном из основных центров товарного производства зерна.

На конец 1880-х гг. приходится расцвет дрожжевого производства в Западной Сибири, что было связано с развитием смежных отраслей пищевой промышленности. Его центрами стали Томск и Омск. В 1887 г. прусский подданный Густав Гольцготер открыл свой завод в Томске. Через 10 лет на нем ежегодно производилось до 250 пуд. сухих дрожжей на сумму в 3 тыс. руб.[2] В 1888 г. в Омске был открыт дрожжевой завод Александра Ивановича Фишера, который, в отличие от предыдущего предприятия, был ориентирован на выпуск прессованных дрожжей. Завод давал до 200 пуд./год[3]. Оба завода сближал кустарный способ производства товара. Об этом свидетельствует численность занятых рабочих: и в том и в другом случае было занято по двое рабочих. Но если Гольцготеру приходилось конкурировать в Томской губернии с заводом Франца Каминского, то Фишер был избавлен от подобного в Акмолинской области, т.к. его завод был единственным.

Наиболее значимым в пореформенный период было присутствие немцев в западносибирском пивоварении. В каждой губернии был свой немец-пивовар. Очень часто немцы приглашались русскими и еврейскими владельцами пиво-медоваренных заводов в качестве специалистов. Так, в Акмолинской области с начала 1880-х гг. функционировали пивоваренные заводы надворного советника Ганса Шпрингбаха. Один его завод находился в Омске, и ежегодное производство составляло здесь более 10 тыс. ведер на сумму в 8 тыс. руб.[4]. Другое его предприятие по выпуску пиво-медоваренной продукции располагалось в Петропавловске, продукции оно выпускало меньше (6 тыс. ведер), но приносило ок. 9 тыс.

---

[1] Орлов П.А. Указ. соч. С. 205.

[2] Орлов П.А. Указ. соч. С. 208.

[3] Там же. С. 230.

[4] Там же. С. 229.

руб.[1]. Это объясняется, в первую очередь, ассортиментом производимых на предприятиях товаров и ценовой политикой предпринимателя. Оба завода были кустарными, на них было занято лишь 5 и 3 работника соответственно.

В 1884 г. в Томске организовал свое производство австрийский немец Роберт Филипп фон Вакано. Он приходился младшим братом Альфреду фон Вакано, который к этому времени являлся совладельцем акционерного общества, образованного вместе с М. Фабером в 1882 г., которое в 1900 г. будет реорганизовано в торговый дом "Товарищество Жигулевского пивоваренного завода Вакано и К^{o}.

Уже в 1887 г. на заводе было сварено 3 тыс. ведер пива (10,6% от общего объема производства) на сумму в 3 тыс. руб. Исходя из этого показателя, стоимость 1 ведра пива у Вакано была одной из самых низких и составляла 1 руб. В этом он уступал лишь М. Рейхзелигману (0,97 руб./ведро).

Ведомостный опрос 1887 г. дает представление о самом предприятии. Так, оно функционировало, в отличие от конкурентов круглогодично, что позволяло снабжать портерные лавки Томска свежесваренным пивом в период с осени по весну, когда другие заводы простаивали. Для 2 мужчин и 1 женщины, работавших на заводе, были квартиры при предприятии. Качественно отличается Вакано решением рабочего вопроса: продолжительность дня составляла 10 часов (против обычных 12 часов на пивоваренных заводах и 13-14 часов на винокуренных заводах Томска и округа), заработок составлял 30 руб./мес.[2]. В опросном листе Вакано указал, что на его заводе работает иностранец, получивший техническое образование в Австрии. Вероятно, члены семьи пивовара-технолога и были работниками завода.

Применение на производстве современных европейских технологий в производстве пива позволило Вакано сократить расходы на сырье. На его предприятии для приготовления одного ведра пива использовали 0,23 пуда ячменя и 32 г. хмеля, что было в 1,5 - 2 раза меньше, чем у конкурентов[3].

Завод "Германия", функционировавший до 1895 г.[4], значительно уступал по объемам производства конкурентам. Этот вывод подтверждается в том числе и суммой акциза, которые Вакано платил казне со сваренного пива. В 1889 г. был уплачен акцизный сбор в сумме 416 руб.

---

[1] Там же.

[2] ГАТО. Ф. 234. Оп. 1. Д. 116. Л. 37.

[3] ГАТО. Ф. 234. Оп. 1. Д. 116. Л. 37 об. Подсчет наш.

[4] Дмитриенко Н.М. Томские купцы: биографический словарь (вторая половина XVIII - начало XX в.). Томск, 2014. С. 40.

Для сравнения: в тот же налоговый период (июль 1888 - июль 1889 гг.) Фуксман платил 1512 руб., а Рейхзелигман 2640 руб.[1].

Крупнейшей немецкой предпринимательской семьей в Западной Сибири были томские пивовары прусского происхождения Крюгеры. Сведения о начале предпринимательской деятельности Карла Крюгера относятся к середине 1870-х гг.

Уже 11 августа 1876 г. на заседании Томской городской думы был зачитан документ следующего содержания:

"Подданный Северогерманского союза Карл Крюгер заявлением в городскую управу просит об отдаче ему в арендное содержание на 10 лет места земли, находящегося в ведении Юрточной части, по вновь проектируемой улице на задах городской больницы в количестве 913 с половиной кв. саж для устройства пивоваренного завода за цену, какая по общему соглашению будет назначена; при чем представил план на просимое место земли.

Вследствие сего городская управа, не находя препятствующих причин к отдаче в арендное содержание места земли в означенной местности, по общему соглашению назначила по сто рублей в год и определила предоставить ходатайство просителя на усмотрение думы. Рассмотрев план местности, приложенный к журналу управы, на каковом плане означено просимое Крюгером место земли, и находя условия выгодными, Томская городская дума постановила: просимое место земли отдать в арендное содержание пивоваренному мастеру Карлу Крюгеру сроком на 10 лет, с 1 сентября 1876 года, с платой в доход города ежегодно по 100 рублей"[2].

Строительство здания завода и установка оборудования заняли по времени примерно с год. В 1877 г. в Журнале генеральной поверки промышленных и торговых заведений уже была сделана запись о заводе К.И. Крюгера как о действующем. Собственно сам владелец указывал в 1887 г., что его предприятие "существует 12 лет"[3].

В 1880 г. в Томске началось строительство университета, и "место земли", на котором находилось действующее предприятие Крюгера, было передано в распоряжение строительного комитета. Понимая, что интересы императорского университета возьмут верх, К.И. Крюгер решился на новое строительство. Это происходит в начале 1884 г. на участке земли, который находился на углу Тюремного взвоза и Московского тракта 27 октября (9 ноября по новому

---

[1] Адрианов А.В. Томск в прошлом... С. 144-145.

[2] http://www.newagent.spb.ru/eference/82-beer-a-producers/315-httpwwwbeertomru (Электронный ресурс. Режим доступа 19.08.2013 г.).

[3] ГАТО. Ф. 234. Оп. 1. Д. 116. Л. 38 об.

стилю) 1884 г. акцизным чиновником в присутствии владельца завода Карла Крюгера была измерена новая посуда, и тем самым было дано законное разрешение на пуск предприятия.

Это было небольшое предприятие полукустарного типа. Но очень быстро оно превратилось в одно из ведущих в отрасли. В 1887 г. на нем было сварено 9 тыс. ведер пива на сумму ок. 10,8 тыс. руб. Расход сырья был средним: для приготовления 1 ведра готового напитка использовали 0,44 пуда отечественного ячменя для получения солода и 44 г. баварского хмеля[1]. Как и прочие пивоваренные заводы, завод Крюгера был сезонным и работал с 15 апреля по 15 сентября. На предприятии было занято 3 мужчин-рабочих. Предприятие было оснащено одним водяным и одним конным двигателями мощностью 1 л.с. каждый[2].

В сентябре 1890 г. Карл Крюгер передал завод в арендное содержание своему племяннику Роберту Крюгеру сроком на 5 лет. А в августе 1895 года томский №8 пивоваренный завод, принадлежащий Прусскому подданному Карлу Ивановичу Крюгеру, перешел в собственность Прусского подданного Роберта Ивановича Крюгера (позднее Роберт Крюгер с семьей перейдет в российское подданство).

В 1897-1898 годах предприятие было реконструировано. Вот как оно выглядело в феврале 1898 года согласно "Описанию пиво-медоваренного завода №8, находящегося в 5 участке г. Томска":

"…2. Завод паровой, здание каменное, трехэтажное.

3. В здании помещаются: а) один паровой котел; б) один колодец с паровым насосом и трубами; в) паровая 50-сильная машина, деревянный резервуар для питания паровика; г) холодильный аппарат; е) солодосушильня двухэтажная, под ней печь, рядом помещение, в котором установлена веялка для солода и ж) отделение старого огневого завода, проектируемого к уничтожению, где будет пивной склад.

4. В варочном отделение во 2-ом этаже помещаются: заторный чан, фильтрационный чан с перепускным чанком... В 1-ом этаже: а) затороваренный котел; б) сусловаренный котел; два центробежных насоса; г) хмелеотделитель и два конденсационных горошка; д) передаточные трубы для затора и сусла, а также и водопроводные трубы для горячей и холодной воды и е) проводы.

5. С правой стороны, рядом с варочным отделением в первом этаже – мойка для посуды с аппаратом для пастеризации. Над мойкой находится квартира для пивовара; параллельно с варочным отделением сзади бродильное отделение, в котором установлено 30 чанов и холодильный аппарат для охлаждения сусла, а также жестяные цилиндры для охлаждения

[1] ГАТО. Ф. 234. Оп. 1. Д. 116. Л. 38 об.
[2] ГАТО. Ф. 234. Оп. 1. Д. 116. Л. 38.

бродящего в чанах сусла, с левой стороны варочного отделения – машинное отделение и затем паровичное отделение. Во втором этаже над варочным отделением холодильная тарелка, в помещении рядом с тарелкой солододробилка и налево два резервуара для холодной и горячей воды.

6. В связи со зданием завода находится двухэтажная солодовня, в нижнем этаже ее помещается собственно солодовня, во втором этаже амбары для ячменя и солода.

7. С левой стороны завода находятся ледники для хранения пива.

8. Кроме того, при пиво- медоваренном заводе находятся еще следующие здания: а) дом заводовладельца; б) квартира для служащих; в) кухня для рабочих; г) квасоварочный завод; д) солодовня; е) амбары и конюшни"[1].

Модернизация предприятия, помимо перестройки самих помещений, выразилась, прежде всего, в установке парового двигателя 25 л.с. Деревянный заторный чан емкостью в 123 ведра был заменен на железный, рассчитанный на 199 ведер. Вместо 80-ведерного железного котла для отварки затора стал использоваться 132-ведерный, а 296-ведерный железный сусловаренный котел был заменен на 487-ведерный. Мощность завода была доведена до 50 тыс. ведер в год, до 1887 года она была не более 10 тыс. ведер. По данным промышленной статистики, в конце 1890-х гг., на долю пивоваренного завода Крюгера приходилось более 27% произведенной продукции или 31% в рублевом эквиваленте по Томской губернии[2].

Об объемах производства дает представление размер акциза, который владелец предприятия должен был уплатить в казну. Так, в отчетный период 1888 - 1889 гг. Крюгер должен был внести 1984 руб., что составило почти 27% от суммы акцизных сборов с пивоваренных заводов г. Томска[3].

Но производство оставалось во многом полукустарным – в этот период на нем было занято 4 рабочих[4]. Надо сказать, что по характеру производства, завод № 8 не отличался от других предприятий в отрасли: так, на пивоварне Рейхзелигмана работало 6 человек, у Фуксмана и Андроновского – по 3[5].

Надо сказать, что изначально К. Крюгер ориентировался исключительно на производство пива. Сорта пива на заводе Крюгера производились разнообразные: "Баварское", "Венское",

---

[1] http://www.newagent.spb.ru/eference/82-beer-a-producers/315-httpwwwbeertomru (Электронный ресурс. Режим доступа 19.08.2013 г.).

[2] Орлов П.А. Указ. соч. С. 208. Подсчет наш.

[3] Адрианов А.В. Томск в его прошлом и настоящем ... С. 146.

[4] Там же.

[5] Там же.

"Пильзенское", "Бок-Бир", "Экспорт", "Гамбринус", "Царское", "Козел", "Портер", "Кабинетное", "Белое", "Зимнее", "Летнее", "Эль", "Черное бархатное", "Мюнхенское"[1].

Со второй половине 1870-х гг. Крюгер не только производил пиво, но и занимался его реализацией. Так, в 1877 г. ему принадлежала одно из шести портерных заведений в г. Томске (Юрточная часть, там же находился и пивоваренный завод)[2]. Правда, в этом отношении он пока еще уступал Моисею Хаймовичу, у которого был не только собственный пиво-, медоваренный завод, но и две портерных, одна из которых находилась в доме Городского Общества[3].

К 1884 г. за Крюгером числилось уже четыре портерных заведения[4]. Всего же на тот момент в Томске было официально зарегистрировано 63 подобных заведения. Надо сказать, что прочие владельцы пивоваренных заводов (Фуксман, Рейхзелигман, Вакано) вовсе не имели собственной торговой розничной сети, реализуя продукцию через сторонние заведения. Исключение составлял лишь Егор Исаев, владевший в Томске двумя пивными[5].

В целом же место немецкого пивоварения в Томске наглядно демонстрирует составленная диаграмма (см. прил. 44).

На этом участие немцев в развитии сибирской промышленности не ограничивалось. Они были не только владельцами предприятий. К концу XIX в. широкое распространение получила практика приглашения инженеров, техников, технологов из Центральной Европы. Австро-Венгрия и Германия стали источником высококвалифицированных кадров для России, в том числе Сибири.

Проживая до конца XIX в. в крупных городах, немцы оказались включенными в городскую хозяйственную жизнь. В Томске, Тобольске, Омске, Барнауле они являлись владельцами мясных и колбасных лавок. Им принадлежали мебельные магазины и магазины по продаже музыкальных инструментов. С активизацией переселенческого процесса и резким увеличением спроса на усовершенствованную сельскохозяйственную технику они стали торговыми представителями крупнейших производителей ("МакКормик", "Эрлангер" и др.). Реклама этих заведений была постоянно размещена на страницах сибирских газет.

В 1880-х – 1890-х гг. немцы оказывали большое влияние на развитие образования в Западной Сибири. Это было связано с их присутствием на различных уровнях сферы народного просвещения. Так, в 1888-1889 гг. два из четырех членов Совета при попечителе Западно-Сибирского учебного округа (Гаазе и Гезехус) были немцами.

---

[1] Пиво томских заводов // Томский листок. Томск. 1897. № 112.

[2] ГАТО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 18. Л. 38 об.

[3] ГАТО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 18. Л. 38 об.

[4] ГАТО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 31. Подсчет наш.

[5] ГАТО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 31. Подсчет наш.

Открытие в 1888 г. в Томске Императорского университета привело к прибытию в город молодых и уже состоявшихся ученых, среди которых были и представители немецкой диаспоры. Одним из них был исполнявший обязанности ректора университета профессор, доктор физики Николай Гезехус[1], потомок переселенцев из германских земель, обрусевший к концу XIX в. Правда, в должности он прослужил недолго, уже в 1889 г. он был переведен в Петербург, где занял место ректора Технологического института, который возглавлял до 1918 г. Другим крупным ученым немецкого происхождения в Томском университете был профессор кафедры фармации и фармакогнозии Эдуард Леман[2], окончивший Дерптский фармацевтический институт. В 1893 г. профессором химии стал обрусевший немец Евгений Вернер[3]. В 1895 г. на кафедру медицинской химии был назначен профессором Фридрих Крюгер[4].

Немцы были не только среди профессоров, но и учебно-вспомогательного персонала. Так, с момента открытия в университете трудился в должности лаборанта при фармацевтической лаборатории выпускник Казанского университета Мориц Горст[5]. Консерватором зоологического музея являлся выпускник того же университета Эммануил Пельцам, а лаборантом при химической лаборатории - выпускник Дерптского университета Владимир фон Леш[6]. Надо сказать, что среди преподавателей Томского университета этого времени будут довольно часто встречаться питомцы Дерптского университета.

В пореформенный период в западносибирских городах открывается значительное количество казенных и частных учебных заведений, в которых уроки проводили учителя немецкого происхождения. Так, в Томской мужской гимназии французский язык преподавал выпускник этого же заведения В. Геблер, а занятия по немецкому языку проводились выпускником Кенигсбергского университета Л. Кан[7]. В Омской мужской гимназии древние языки преподавал выпускник историко-филологического отделения по разряду древних языков Санкт-Петербургского университета Н. фон Штерн[8]. Проведение уроков немецкого языка в этом же заведении входило в обязанности окончившего богословское отделение Дерптского

---

[1] Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа на 1888/89 год. Томск, 1889. С. 5.

[2] Там же. С. 6.

[3] Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа на 1897 год. Томск, 1897. С. 7.

[4] Там же.

[5] Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа на 1888/89 год. Томск, 1889. С. 7.

[6] Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа на 1890 год. Томск, 1890. С. 8.

[7] Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа на 1888/89 год. Томск, 1889. С. 17.

[8] Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа на 1888/89 год. Томск, 1889. С. 27.

университета Ю. Берга[1]. В Барнауле, Омске, Тобольске учителями по совместительству становились местные чиновники. Это объясняется, в первую очередь, нехваткой педагогических кадров в регионе во второй половине XIX в. В женских гимназиях и училищах немки чаще всего занимали должности не только преподавательниц иностранных языков или музыки, но и воспитательниц. Но все преподаватели в этот период имели как минимум гимназическое образование, дававшее право на преподавание отдельных дисциплин.

Среди сибирских городских обывателей большим спросом пользовались немецкие бонны (нечто среднее между гувернанткой и няней) и поварихи. В газетах часто появлялись объявления следующего содержания: "Нужна немка бонна и гувернантка на хорошее жалованье"[2].

В целом, по данным переписи населения 1897 г. в Тобольской и Томской губерниях учебной и воспитательной деятельностью было занято 13 и 19 (немцев соответственно (без членов семьей), что составило ок. 1,7% в обеих губерниях в данной профессиональной сфере[3]. Надо сказать, этот показатель был ниже, чем в целом по Сибири (почти 1,9%). Например, в Енисейской губернии он составил 2,6%, а в Амурской области - почти 3%[4]. Но столь высокий процент может быть объясним, в первую очередь, незначительной численностью учебно-воспитательного контингента. Если в Томской губернии занятых в образовательной сфере насчитывалось 1123, то в упомянутых Амурской области и Енисейской губернии 134 и 415 соответственно[5].

Крайне незначительная часть немецкой общины проживала к концу XIX в. в сельской местности. Преимущественно это были бывшие колонисты, пришедшие в Тобольскую и Томскую губернии из Среднего Поволжья. Оказавшись на новом месте жительства, они попытались адаптироваться к местным условиям, что им удалось. В основе их хозяйства традиционно лежало земледелие. Скотоводство носило вспомогательный характер. Незнание местных природно-климатических условий тормозило процесс становления крестьянских хозяйств. Отдаленность мест поселения от крупных городов и основных торговых путей не позволяло им включиться в процесс товарообмена, а потому длительное время хозяйства носили преимущественно самообеспечивающий характер.

---

[1] Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа на 1888/89 год. Томск, 1889. С. 29.

[2] Томская торгово-промышленная газета объявлений. Томск. 1905. № 14.

[3] Краткие общие сведения по империи. Распределение населения по главнейшим сословиям, вероисповеданиям, родному языку и по некоторым занятиям. СПб., 1905. С. 39. Подсчет наш.

[4] Там же. Подсчет наш.

[5] Там же.

В целом, Всеобщая перепись населения 1897 г. продемонстрировала неравномерное распределение немецких хозяйств по сферам хозяйственной деятельности (см. прил. 45).

Как мы видим, немецкая общность носила производительную направленность. Собственно потребительская часть общины и численность хозяйств, получавших доход от посреднической деятельности, были крайне невелики. Так, мужчины-домохозяева наиболее массово были втянуты в сельское хозяйство, что объясняется проживанием значительной части немцев вне городов. Наибольший процент (почти 70%) пришелся на Омский уезд Акмолинской области, который в конце XIX в. был одним из наиболее заселенных немецкими переселенцами из поволжских губерний.

Традиционным было вовлечение немцев в производственные циклы, связанные с обработкой дерева, металла, продукции сельского хозяйства. В этих сферах было занято от 9.2% (Омский уезд Акмолинской области) до 18,1% домохозяев (Тобольская губерния). Сугубо мужскими были сфера науки и искусств, винокурение и пивоварение, работа на железной дороге.

Для женщин-домохозяек главным источником дохода являлась поденная работа и найм в качестве прислуги. Другой сферой, в которой женщин было больше мужчин, была учебно-воспитательная деятельность. Ранее мы уже отмечали популярность в городской среде немецких гувернанток и бонн.

Нередкими были случаи ведения женщинами-домохозяйками самостоятельного земледельческого хозяйства. Так, в Томской губернии они составили 4%, а в Тобольской губернии более 14% в своей группе. Подобная ситуация может быть объяснена, в первую очередь, отсутствием домохозяина, который мог проходить в период переписи военную службу.

Таким образом, немцы в пореформенный период оказались более активно включенными в экономическую жизнь Западной Сибири, в сравнении с первой половиной XIX в. Если ранее немецкая община отличалась высокой концентрацией в рамках различных местных структур государственного военного и гражданского аппарата, то в последующий период произошло ее "размывание". К концу XIX в. немцы оказались в большей степени вовлеченными в производственную сферу в качестве владельцев небольших перерабатывающих предприятий либо наемных рабочих. В этот период их влияние на развитие сельского хозяйства в регионе было по-прежнему минимальным. Все попытки организации крупных сельскохозяйственных предприятий товарного типа оказались неэффективными. Эта сфера хозяйственной деятельности окажется в поле зрения немецкого населения Сибири в начале XX в.

История формирования этнических общин в регионе, дальнейшее расселение поляков в городах и сельской местности оказали заметное влияние на хозяйственные занятия их представителей. В частности, это выразилось в выборе экономических ниш, которые, с одной стороны, позволяли полякам сохранять свое этническое единство, с другой – интегрироваться в сибирский социум, который на рубеже XIX – XX вв. начинает развиваться достаточно динамично.

Во второй половине XIX в. западносибирская полония по-прежнему состояла из двух частей: незначительного количества добровольно прибывших в Сибирь для проживания либо прохождения службы и оказавшихся здесь в принудительном порядке.

Государственная служба оставалась одним из наиболее стабильных источников дохода. Поэтому многие стремились занять хоть какую-нибудь должность в местном административном аппарате. Уже в начале 1880-х гг., после того, как большая часть амнистированных участников Январского восстания, желавших вернуться в Европейскую Россию, покинула Сибирь, поляки имели право поступать на государственную и в общественную службу. Соответствующее общеимперское законодательство, как мы уже отмечали выше, определяло вполне демократичные критерии для вступления в гражданскую службу: наличие вакансии в ведомстве, соответствующее образование у соискателя.

В конце 1881 г. новый генерал-губернатор Западной Сибири Г.В. Мещеринов запросил у тобольского губернатора сведения о лицах польского происхождения, состоящих на государственной службе[1]. Представленные ему сведения, позволяют составить наиболее полное представление о тех ведомствах, в которых состояли на службе сибирские поляки.

Наибольшее число поляков было занято в ведомствах, входящих в структуру Министерства внутренних дел: врачебная часть (15), почта и телеграф (10). Всего в его подразделениях числилось 38 поляков. Различные должности они занимали в Управлении акцизными сборами Западной Сибири и отделениях Государственного Казначейства (от письмоводителя до начальника Отделения губернской Казенной палаты), находившихся в ведении Министерства финансов (всего 13 человек). Двое поляков числились в ведении Министерства народного просвещения, один - Министерства юстиции. Всего же было учтено 54 поляка[2]. Больше половины из них (31), состоя на службе, не имели классного чина, занимали лишь соответствующую штатную должность; 9 имели на момент сбора сведений старшие гражданские чины (от коллежского ассесора до статского советника); 14 - младшие

[1] ГУТО ГАТ. Ф. 152. Оп. 8. Д. 354. Л. 1.

[2] ГУТО ГАТ. Ф. 152. Оп. 8. Д. 354. Лл. 24-25.

гражданские чины (от коллежского регистратора до надворного советника)[1]. Можно с полной уверенностью говорить, что именно те из служащих, кто имел старшие чины (не более 20%), оказались в Западной Сибири по долгу службы. Остальные были бывшими ссыльными, которым благодаря личным связям удалось устроиться в том или ином ведомстве.

В то же время в Томской губернии на этот же период на государственной службе было гораздо меньше лиц польского происхождения. В своем рапорте на имя Томского губернатора В.И. Мерцалова Председатель Томского губернского правления указывал, что в его ведомстве "на службе состоят только два чиновника польского происхождения: коллежский регистратор Франц Викентьев Кроживец - исполняющий должность смотрителя поселений Томской экспедиции о ссыльных, и коллежский секретарь Феликс Викентьев Оношко - помощник начальника 2 стола 1-го Отделения"[2].

В рассматриваемый период именно поляки, наряду с немцами, составляли основу местного корпуса чиновников. Их было не так много, но они занимали ключевые должности в гражданском аппарате. Подобное положение дел было характерно для Сибири в целом. Об этом свидетельствует, например, письмо Антония Вериги от 3 июня 1867 г. известному петербургскому литератору В.И. Аскоченскому[3]. В нем автор писал о том, что польское восстание на Кругобайкальской дороге стало следствием недальновидной государственной политике в Сибири и того отношения, которое имелось к ссыльным со стороны администрации. В частности он писал: "А тут и на важных местах сплошь да рядом поляки. Начальник штаба Сибирских войск генерал Кукель – прирожденный поляк и католик; довольно и офицеров поляков. Полицмейстер Думанский тоже поляк, и хотя он из принявших православие, но сомнителен. Не говоря уже о том, что в Иркутске и кроме этих лиц есть должностные поляки, - вообще по всей Сибири весьма много из них таких, которые занимают очень важные места. Например, в Тобольске губернатором Деспот-Зенович, некогда сосланный по политическому делу; в Томске поляк начальник Экспедиции о ссыльных, в Иркутске управляющий питейными сборами и прочие"[4]. Аскоченский в дальнейшем переслал это письмо в Москву М.Н. Каткову[5].

---

[1] ГУТО ГАТ. Ф. 152. Оп. 8. Д. 354. Лл. 26-28. Подсчет наш.

[2] ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2110. Л. 2 - 2 об.

[3]. Аскоченский Виктор Ипатьевич (1820 – 1879) – писатель, журналист, историк, консерватор. С 1839 по 1846 гг. преподавал в Киевской духовной академии; в 1846 – 1857 гг. занимал различные административные и судебные должности. В 1858 – 1877 гг. издавал в Петербурге основанный им журнал "Домашняя беседа".

[4]. ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2а. Д. 796. Л. 5-5 об.

[5]. Катков Михаил Никифорович (1818 – 1887) - русский публицист, издатель, литературный критик. Редактор консервативно-оппозиционной по отношению к реформам Александра II газеты "Московские Ведомости" (1851 – 1856, 1863 - 1887), основоположник русской политической журналистики.

К концу XIX в. ситуация мало изменилась. Так, в 1897 г. начальником Томской губернии был генерал-майор А.А. Ломачевский, а Томским полицмейстером А.А. Зеленский. Поляки являлись чиновниками губернских медицинских управлений. Некоторые из них окажут положительное влияние на хозяйственное и культурное развитие Западной Сибири. Амнистирование участников Январского восстания 1863 г. привело к притоку образованных поляков в ряды низшего административного аппарата. Это позволило местным властям отчасти решить постоянную проблему пополнения рядов чиновников образованными кадрами.

Находясь на государственной службе, поляки сохраняли свою польскую идентичность, что выражалось, например, в приверженности римско-католической церкви. Для поддержания единоверцев ими были созданы различные римско-католические благотворительные общества, как правило, существовавшие при церквях.

Нередко оказавшиеся в Сибири поляки вынуждены были заниматься хозяйственной деятельностью. Для одних она становилась источником обогащения, для других – единственным источником дохода.

В пореформенный период свое продолжение получило крупное польское предпринимательство, представленное Альфонсом Поклевским-Козелл, который к середине 1860-х гг. занимал ключевые позиции в винокурении и виноторговле. 1850-е гг. стали для него чрезвычайно успешным периодом первоначального накопления капитала, когда доход получался из разных сфер деятельности: винокурения, грузо- и пассажироперевозок, торговли вином и т.д.

Дальнейшее процветание предпринимателя было связано с перевозкой транзитных товаров. Как отмечал Шелгунов, "вся китайская торговли идет теперь этим путем; перевозят железо, колониальные товары, чай, сукно, плис. Цена с пуда разная, смотря по качеству товара; за колониальные товары по 40 к. с пуда, за мануфактурные и чаи 50 к. с пуда, за железо 25 к. В 1861 году шесть пароходов в 570 сил заработали (фрахт) 350 т. или каждая сила 637 руб.".[1]

Развитие предприятия наглядно продемонстрировало открытие в Тюмени и Томске двух торговых домов, которые контролировали весь речной путь из Томской губернии в Тобольскую. Одновременно с этим он берет подряды на поставку провианта в армию, перевозя его на своих же баржах. После 1863 г. он на своих пароходах бесплатно перевозил отправленных на поселение в Сибирь участников Январского восстания 1863 г. Позднее многие

[1] Шелгунов Н.В. Сибирь по большой дороге // http://www.oldriver.ru/Page.php?quest=&qstart=&PID=267&MID=130&start= (Электронный ресурс. Режим доступа 22.08.2013 г.).

поляки получили работу на предприятиях Поклевского-Козелл, что позволило им выжить в суровых условиях ссылки[1].

После отмены в регионе откупной системы им были приобретены казенные винокуренные заводы, и он стал одним из первых производителей водки в Западной Сибири[2]. В дальнейшем в их руках оказались железоделательные заводы, золотые и асбестовые прииски, лесные дачи Урала и Сибири[3].

На первом этапе внимание Поклевского-Козелл Тюменский округ привлекал своей близостью к его пермским винокуренным заводам. Поставки вина с этих заводов в Тюмень и Тобольск были налажены уже в начале 1860-х гг. Постепенно сфера его интересов в Западной Сибири расширяется, к середине 60-х гг. XIX в. его оптовые склады заняли доминирующее положение на винных рынках Тюменского, Ялуторовского, Туринского округов Тобольской губернии, а также в Омском уезде Акмолинской области. Являясь не только заводчиком, но и виноторговцем, А.Ф. Поклевский-Козелл имел 7 складов спирта и 93 кабака в Тюменском и Ялуторовском округах Тобольской губернии.

В середине 1860-х гг. в Департаменте неокладных сборов Министерства финансов была высказана большая озабоченность по поводу фактической монополизации в винокурении в Сибири. Чиновник особых поручений Данилович в конфиденциальном письме сибирскому генерал-губернатору отмечал необходимость "противодействия развивающейся монополии по торговле вином в здешнем крае"[4]. Главным ее участником, по мнению чиновника, являлся А. Поклевский-Козелл.

Основанием к подобному утверждению стала ситуация с проведением торгов на аренду Екатерининского винокуренного завода в Тарском округе Тобольской губернии на вторую половину 1860-х гг. Назначавшиеся торги постоянно срывались. причиной тому являлось "тяготеющее над промышленностью влияние" Поклевского-Козелл, "вследствие чего никто не смел вступить с ним в соперничество"[5]. Разбирая сложившуюся ситуацию, Данилович обратил внимание на концентрацию в руках Поклевского одновременно 3-х заводов в Тобольской губернии (арендованные у казны Успенский и Екатерининский казенные заводы и собственный Падунский завод с ежегодной выкуркой 800 тыс. ведер вина) и 2-х заводов в Пермской

---

[1] Филь С.П. А. Поклевский-Козелл – основатель Западно-Сибирского речного пароходства // Словцовские чтения. – Тюмень. , 1995. – С. 117-118.

[2]. Сибирский листок, 1891, № 19

[3]. Скубневский В.А. Предпринимательство поляков в Сибири. Вторая половина XIX – начало XX вв. // Предприниматели и предпринимательство в Сибири. Выпуск 3. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2001. С. 143.

[4] РГИА. Ф. 574. Оп. 2. Д. 146. Л. 58.

[5] Там же. Л. 23 об.

губернии (производство ок. 600 тыс. ведер полугара)[1]. Это превращало его в одного из основных производителей вида, которое не только реализовывалось населению, но и в больших количествах закупалось казной для нужд русской армии. Стремясь укрепить свое положение на сибирском рынке, Поклевский в 1864 г. заключил сделку с купцами Кузнецовым и Корчемкиным на продажу вина[2]. Подобная сделка может быть квалифицирована как создание первого монополистического объединения на договорной основе в Сибири в форме синдиката.

Проникновение новых участников на винокуренный рынок Сибири было чрезвычайно затруднительно, что было связано, в первую очередь, с необходимостью иметь в наличии крупные капиталы. Данилович отмечал в своей аналитической записке от 19 октября 1866 г., что "в Сибири богатые люди занимаются или чайной торговлей, или сбором сала, или горным делом, или, наконец, имеют свои винокуренные заводы"[3]. На аренду казенного винокуренного завода необходимо было иметь в 1860-е гг. не менее 200 тыс. руб. оборотного капитала, что делало предприятие доступным "лишь исключительно людям слишком богатым"[4].

Концентрация производства и капиталов превратила Поклевского-Козелл в центральную фигуру в производстве и реализации вина в Сибири. В середине 1860-х гг. на долю принадлежавших ему заводов в Тобольской губернии и Семипалатинской области приходилось почти 40% выкуренного вина[5].

Развитие винокурения и виноторговли способствовали возникновению первых монополий в отрасли. Для увеличения доходности виноторговцы устраивали так называемые "стачки", договариваясь об одномоментном повышении цен на вино. Такие соглашения, как правило, нотариально не оформленные, продолжались на протяжении 1880-х – 1890-х гг. На первый план выходила прибыль, национальные и этнические противоречия уходили на второй план.

В 1864 г. Поклевский-Козелл совместно с купцами Корчемкиным и Кузнецовым заключил соглашение, имевшее характер товарищества, по которому стороны обязывались координировать свои действия по сбыту продукции[6]. Речь шла об установлении цен на вино, а также об объемах его продажи в тех округах, где члены товарищества имели общие интересы. Подобное соглашение ставило остальных оптовых торговцев вином в сложное положение, так как конкурировать с его авторами было очень трудно. По подсчетам А. Мариупольского, через

---

[1] РГИА. Ф. 574. Оп. 2. Д. 146. Л. 23 об.

[2] Там же.

[3] Там же. Л. 24 об.

[4] Там же.

[5] Там же. Л. 586. Подсчет наш.

[6] Мариупольский А.М. Оптовая торговля вином в Западной Сибири (60-80 гг. XIX в.) // Предприниматели и предпринимательство в Сибири (XVIII – начало XX в.). Барнаул, 1995. С. 64-65.

руки трех торговцев-монополистов проходило (в 1866 г.) 73,5% всего вина в Тобольской губернии[1]. Вполне можно согласиться с мнением Мариупольского, что "это было одно из первых объединений предпринимателей-виноторговцев в Западной Сибири, которое можно квалифицировать как раннюю монополию"[2].

Появившиеся конкуренты значительно потеснили Поклевского на рынке винокурения (Давыдовская Н.М., Смолин Д.И., братья Злоказовы). По данным Департамента торговли и мануфактур, к концу 1890-х гг. на его долю в Тобольской губернии приходилось лишь 20% выкуренного вина (ок. 140 тыс. ведер)[3]. Несмотря на подобные сдвиги на рынке, предприятие Поклевского-Козелл по объему ежегодной продукции продолжает относиться к числу крупных (среднестатистический объем выкурки по отрасли составлял 37 тыс. ведер полугара).

Надо сказать, что Поклевский-Козелл создал в Западной Сибири единственный концерн, объединявший к концу 1890-х гг. винокуренный и спиртоочистительный заводы в д. Падун и водочные заводы в г. Омске и г. Тюмени[4]. К концу 1890-х гг. фирма Поклевского-Козелл занимала важное место в водочном и спиртоочистительном производстве. Если винокуренных заводов по стране на 1899 г. было учтено ведомственной статистикой 2110[5], то спиртоочистительных 241[6], а водочных только 151[7].

В конце XIX в. наследникам Поклевского-Козелл принадлежали винокуренный и водочный заводы в Тобольской губернии. По объему производимой продукции это были крупнейшие предприятия отрасли. Так, Падунский винокуренный завод, действовавший с 1863 г., уступал лишь расположенному в Верхнеудинском округе Забайкальской области заводу потомственного почетного гражданина И.Ф. Голдобина (101 тыс. ведер спирта против 51,2 тыс.)[8]. Но по количеству работников (93) этому предприятию не было равных в Западной и Восточной Сибири[9]. Ежегодно продукция Падунского завода реализовывалась на сумму в 620 тыс. руб. В значительной степени реализация спирта облегчалась наличием собственного водочного завода в г. Тюмени, функционировавшим с 1889 г. В конце 1890-х гг., по данным

---

[1] Там же. С. 65.

[2] Там же.

[3] Торгово-промышленная Россия. Справочная книга для купцов и фабрикантов. СПб., 1899. Стлб. 110.

[4] Торгово-промышленная Россия. Справочная книга для купцов и фабрикантов. СПб., 1899. Стлб. 110, 118, 120, 124.

[5] Торгово-промышленная Россия. Справочная книга для купцов и фабрикантов. СПб., 1899. Стлб. 73.

[6] Торгово-промышленная Россия. Справочная книга для купцов и фабрикантов. СПб., 1899. Стлб. 121.

[7] Торгово-промышленная Россия. Справочная книга для купцов и фабрикантов. СПб., 1899. Стлб. 118.

[8] Орлов П.А. Указ. соч. С. 205.

[9] Там же.

статистики, на нем производилось до 3 тыс. ведер водок и наливок[1]. Кроме того, был водочный завод в Омске, открытый в 1868 г. Он значительно уступал по объемам продукции Падунскому заводу: на нем ежегодно изготавливалось 2,8 тыс. ведер водки и наливок на сумму в 20 тыс. руб.[2] Реализация готовой продукции шла через хорошо отлаженную сеть. К работам на винных складах, погребах достаточно часто привлекались специалисты из числа польских ссыльных и поселенцев.

Перерабатывающая промышленность стала для многих поляков способом разбогатеть. Это относится в полной мере как к оставшимся на жительство в Сибири бывшим ссыльным и поселенцам, так и к дворянам, оставившим в 1860-х – 1880-х гг. государственную службу.

Среди польских предпринимателей (выходцев из дворян) выделяется Казимир Зеленевский, который начал свою хозяйственную деятельность в середине 1880-х гг. В свое время за участие в Январском восстании он был сослан в Томскую губернию. К 1883 г. он уже был причислен к мещанскому обществу Томска, что давало возможность свободного перемещения по губернии и открывало широкие возможности для реализации коммерческих планов.

В сентябре 1883 г. он подал прошение о разрешении ему открыть паровой салотопенный и дрожжевой заводы. Для этих нужд Зеленевский по случаю приобрел за 1,6 тыс. руб. на окраине Томска в Сенной части в собственность земельный участок[3]. Со стороны губернских властей это прошение не встретило возражений, а Зеленевский получил право построить предприятия. Однако предпринимателем он оказался не очень удачливым и оба дела прогорели.

Закончилась неудачно попытка Казимира Зеленевского открыть собственный вино-водочный завод в 1884 - 1886 гг. К этому времени он уже был временно томским купцом 2-й гильдии. Жене Зеленевского принадлежал двухэтажный деревянный дом в Воскресенской части г. Томска по Обрубному переулку. На первом этаже этого строения он намеревался поместить производство очищаемого холодным способом вина[4]. Предприятие должно было быть основано только на ручном производстве без использования механических двигателей[5]. Однако расположение водочного производства в жилом массиве (вокруг располагались деревянные дома томских обывателей) создавало угрозу пожара. Именно это стало основанием для получения отказа на обустройство завода в указанном месте[6].

---

[1] Там же. С. 206.

[2] Там же. С. 228.

[3] ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2275. Л. 7-7 об.

[4] ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2324. Л. 1 об.

[5] Там же. Л. 2 об.

[6] Там же. Л. 4об.

Однако К. Зеленевский не оставлял надежу разбогатеть. С 1 января 1887 г. в Томске начал свою работу его собственный пивоваренный завод. Предприятие было расположено в Юрточной части Томска на пересечении улиц Киевской и Никитской. Впервые сведения об этом промышленном заведении появились в ведомственном опросе за 1887 г., который позволяет составить некоторое представление о предприятии и сравнить его с аналогичными заведениями Томска.

Анализ ведомости позволяет сделать вывод о значительном отставании К. Зеленевского по характеру развития производства и объему производимой продукции от Фуксмана, Рейхзелигмана, Крюгера, Вакано. За 1887 г. было сварено только 2 тыс. ведер пива на сумму 2,5 тыс. руб., что было в 1,5 раза меньше, чем за тот же период у Романа Вакано и в 5 раз меньше, чем у Михаила Рейхзелигмана[1]. Себестоимость продукции, как указывал сам Зеленевский, колебалась в пределах 1,2 - 1,6 руб./ведро, что было значительно выше, чем у конкурентов. Да и расход сырья на варку пива был крайне высок - 0,6 пуда отечественного ячменя и 64 г баварского хмеля на 1 ведро[2].

На заводе вместе с пивоваром, получившим образование в Германии, было задействовано 3 рабочих, которые в сезон работы жили при заводе. Рабочий день длился от 10 до 12 часов. Все, кроме мастера, были поденщиками и получали, в зависимости от квалификации, от 50 коп. до 1 руб. 50 коп. в день[3].

Предприятие было основано на ручном труде, в производстве использовался только один механизм - ручная дробилка для солода. Несомненно, сказывалось отсутствие первоначального капитала, для приобретения современного пивоваренного оборудования. Именно пивоварение Зеленевский использовал в качестве способа первоначального накопления капитала. Как и остальных, предприятие в это время носило сезонный характер, но действовало с 15 сентября по 15 мая[4].

Другим примером польского дворянского предпринимательства в Сибири может служить деятельность И.И. Андроновского. В конце XIX в. начал свою работу открытый им в Барнауле пивоваренный завод. Андроновскому пришлось столкнуться с конкуренцией со стороны барнаульского купца А.Ф. Ворсина. В 1890 г. он открыл в Томске винокуренный завод, который значительно уступал по объему производимого спирта остальным (6 тыс. ведер)[5].

---

[1] ГАТО. Ф. 234. Оп. 1. Д. 116. Л. 40. Подсчет наш.
[2] ГАТО. Ф. 234. Оп. 1. Д. 116. Л. 40 об. Подсчет наш.
[3] ГАТО. Ф. 234. Оп. 1. Д. 116. Л. 40.
[4] ГАТО. Ф. 234. Оп. 1. Д. 116. Л. 40 об. Подсчет наш.
[5] Орлов П.А. Указ. соч. С. 205.

Именно винокурение и пивоварение привлекало в последней трети XIX в. польских предпринимателей. Помимо Андроновского необходимо отметить деятельность проживавшего в Ишиме дворянина Виктора Ясевича, которому принадлежал пивоваренный завод (с 1882 г.). В Тарском округе активную деятельность вел М.М. Манусович, открывший в 1876 г. собственное винокуренное производство.

В эти сферы устремлялись не только дворяне, но и бывшие польские ссыльные, перешедшие в мещанское и купеческое сословие. Польское пивоварение распространилось в Акмолинской области. Так, в Петропавловске с 1880 г. существовал пиво-медоваренный завод купца Казимира Гецевича, который вынужден был на местном рынке конкурировать с заводом Г. Шпрингбаха, о котором мы упоминали выше[1].

Помимо этого поляки принимали участие в развитии кирпичного, мукомольного, спичечного производства в Тобольской, Томской губерниях и Акмолинской области. Так, в 1860 г. в Баимской волости Мариинского округа Томской губернии начала давать продукцию мукомольная мельница дворянина Юлиана Малевского[2]. С 1865 г. в Тобольске занимался спичечным производством местный мещанин Людвиг Терликовский[3]. В Омске в 1890 г. местный купец Михаил Юкляевский открыл собственную мыловарню, ежегодно производившую около 1 тыс. пуд. мыла и 500 пуд. сальных свечей[4].

В сибирских городах в этот период в различные хозяйственные сферы были включены не только поляки-предприниматели. Примером участия в сибирской экономической жизни могут служить многочисленные польские ссыльные, оказавшиеся в регионе после 1863 г. Так, Игнаций Пляпас был известен в Тобольске как один из лучших мастеров резьбы по кости. Первоначально он сбывал свои работы оказавшимся в ссылке богатым полякам, которые поддерживали его своими заказами, а в дальнейшем, когда значительная часть шляхты вернулась в польские губернии, он реализовывал на крупные суммы свои изделия оказавшимся в Тобольске иностранцам. Датский консул Мерк купил у него резных изделий из кости более чем на 400 руб. Покупателями были итальянцы, англичане, немцы. Заказы на работы из моржовой кости поступали даже из обеих столиц. О коммерческом успехе свидетельствует тот факт, что И. Пляпасу удалось на выручаемые средства не только содержать семью умершего брата, но и скопить ок. 3 тыс. руб.[5] И. Пляпас не только возродил в Тобольске костяной

[1] Там же. С. 229.

[2] Там же. С. 203.

[3] Там же. С. 209.

[4] Там же. С. 217.

[5]. Кое-что о ремеслах в г. Тобольске // Сибирский листок, 1891, № 3

промысел, который был поднят на высокий художественный уровень еще пленными шведами во второй трети XVIII в., но и подтолкнул к нему местное русское население.

В 1860-е – 1880-е гг. некоторые из поляков обратились к сельскохозяйственному предпринимательству. Одним из наиболее ярких тому примеров может служить фермерская деятельность Ф.Ю. Маткевича[1]. В течение длительного времени он занимал пост инспектора Томской врачебной управы. Будучи практикующим врачом, он занимался изучением лечебных свойств алтайского климата и природных ресурсов. Так, он одним из первых обратил внимание на медицинские свойства белокурихинских минеральных источников. Этот район привлекал его внимание своими курортными ресурсами, которые можно было использовать в медицинских целях. Но наиболее известной в истории оказалась молочная ферма, открытая им в 1876 г. близ с. Черги. Первоначально у Кабинета было арендовано 300 дес. земли. Для хозяйства был закуплен крупный рогатый скот голландской и холмогорской пород. Предприятие оказалось достаточно успешным, и в 1888 г. арендная дача по просьбе Маткевича была увеличена вдвое. Хозяйственная деятельность томского врача нашла поддержку у алтайского горного начальства, о чем свидетельствует отзыв о ней начальника Округа, который указывал, что, "задавшись целью вывести молочную породу, господин Маткевич заметно преуспел. Им выведено более 200 голов молочного скота путем скрещивания сначала холмогорских коров с местными породами, а потом их помеси с голландской и вновь с холмогорской породами"[2]. В своем хозяйстве, подчеркивалось в рапорте, селекционер впервые провел опыты по силосованию зеленой массы. Его технология была весьма проста: скошенную траву складывали в ямы и солили[3]. Несмотря на значительные отходы, новый корм содействовал получению неплохих удоев в зимнее время.

Появление значительной части поляков в сельской местности объясняет рост семей, занятых в сельском хозяйстве. Крестьянство стало одной из основных составляющих польской общины региона. Первоначально они выступали в качестве арендаторов казенно-оброчных

---

[1] В некоторых публикациях неверно указаны инициалы "Ф.П.", см., напр., Пустогачева Т.С. Хозяйственное развитие Горного Алтая во второй половине XIX – начале XX в. / Вестник Томского государственного университета. Серия "История". 2008. № 308. С. 101; или "Г", см., напр., Морковкин Г.Г., Демин В.А., И.В. Демина. Становление сельскохозяйственной науки на Алтае // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2009. № 8 (58). С. 6.

[2] ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2242. Л. 2-2 об.

[3] Пустогачева Т.С. Хозяйственное развитие Горного Алтая во второй половине XIX – начале XX в. / Вестник Томского государственного университета. Серия "История". 2008. № 308. С. 101.

статей[1]. Чаще всего на территории статей основывались небольшие поселения, а арендный договор оформлялся на одного из наиболее авторитетных членов общины. Иначе невозможно объяснить, например, факт аренды польским переселенцем Огинским в Каинском округе Томской губернии участка в 5401 дес.[2]. Кроме того, встречались случаи аренды земельных участков небольшой площади[3]. Кроме того, в "Томских губернских ведомостях" достаточно часто можно встретить упоминание о польских крестьянах-переселенцах, проживающих в уже существовавших поселениях в различных округах губернии[4].

Собственно, польские обособленные переселенческие поселки начали возникать в Западной Сибири еще в конце XIX в. Примером водворения бывших польских поселенцев в сельской местности может служить пос. Деспот-Зенович (Деспот-Зеновский) Тюкалинского округа Тобольской губернии. Поселение возникло около 1892 г. на основании прошения поляков "об отводе отдельного, выбранного ими участка земель, только что размежеванных западносибирским переселенческим отрядом"[5]. Уже в 1893 г. в поселке было 26 дворов, проживало 112 чел.[6] О том, что поселок не был временным, свидетельствует факт его учета Всеобщей переписью населения 1897 г. На тот момент в поселке было 25 дворов, в которых числилось 70 мужчин и 69 женщин[7]. Все население поселка на тот момент было католическим и в качестве родного языка указывало польский.

К концу XIX в. в адрес губернских властей поступало большое количество прошений польских крестьян, которые не могли вести успешное хозяйство вследствие малоземелья у себя на Родине. Некоторые количественные данные о переселенцах из привислинских губерний содержатся в ежегодных "Обзорах" сибирских губерний. Так, в 1897 г. в Сибирь проследовал 251 переселенец, из которых 235 добирались самостоятельно. Общий вес этой группы был невысок и составлял всего 0,3% от общего количества переселенцев[8]. В 1898 г. из Седлецкой, Плоцкой и Калишской губерний в Тобольской губернии водворилось 15 крестьян[9]. Пик

---

[1]. Казенными оброчными статьями являлись казенные недвижимые имущества (земли), отдаваемые в оброчное, с публичных торгов.

[2]. Ведомость казенно-оброчных статей, предназначенных к отдаче в оброчное содержание с начала 1884 года по Каинскому округу // Томские губернские ведомости. 1883. № 40.

[3]. Ведомость казенно-оброчных статей предназначенных к отдаче в оброчное содержание с начала 1884 года по Семилужской волости // Томские губернские ведомости. 1883. № 42.

[4]. Томские губернские ведомости. 1883, № 15

[5]. Цит. по: www.admsargp.narod.ru/despotzenovisch.pdf (электронный ресурс. Режим доступа 12.05.2013 г.)

[6]. Там же.

[7]. ГУТО ГАТ. Ф. 417. Оп. 2. Д. 2820. ЛЛ. 1 – 1 об.

[8] Обзор Тобольской губернии за 1898 год. Тобольск, 1899. С. 90.

[9]. Обзор Тобольской губернии за 1898 год. Тобольск, 1899. С. 30

переселенческой активности пришелся на 1899 г., в течение которого в Тобольской губернии обосновалось 70 семей в составе 375 чел. Наибольшее количество переселенцев этой партии были выходцами из Седлецкой и Люблинской губернии: 13 семей (56 чел.) и 42 семьи (234 чел.)[1]. Особенностью польской аграрной миграции этого периода являлось преобладание переселенцев, которые следовали в Сибирь по паспортам и без переселенческих свидетельств. Это заставляло сибирских губернаторов время от времени рассматривать и удовлетворять прошения крестьян на переселение[2].

В 1893 г. выборочное обследование переселенческих поселков Тобольской губернии охватило несколько поселков, в которых проживали поляки. Сравнительный анализ позволяет составить общую картину их экономической жизни[3].

Расположенные на отведенных землях, поселки на тот момент имели значительные излишки земли. Это позволяло крестьянам существовать в условиях заимочного землевладения. Правда, в некоторых поселках "строго следят за тем, чтобы односельцы не запахали лишнего"[4]. Польские крестьяне, переселившиеся из Гродненской и других губерний, отмечали, что на прежнем месте жительства у них было подворное землевладение. В пос. Деспот-Зеновича высказывалось предположение о необходимости подворного раздела земли лет через 10[5]. Сенокос делился в поселках по дворам, а лесные угодья - подушно.

К моменту обследования (лето 1893 г.) крестьяне-переселенцы прожили в Сибири непродолжительное время (ок. 5 лет). В сравнении с поселенцами из Деспот-Зеновича, уровень их экономического благосостояния оставлял желать много лучшего (см. прил. 46).

Приведенные табличные данные наглядно подтверждают зависимость благосостояния хозяйства от срока его существования. Крестьяне из Деспот-Зеновича проживали уже к моменту обследования в Тобольской губернии почти 30 лет и более 20 лет занимались сельским хозяйством. За это время они смогли обзавестись достаточно крепкими хозяйствами, которые были перевезены на новое место жительства после выделения земельного участка. Устойчивость польских хозяйств в других поселках обеспечивалась за счет привезенных с собой средств и помощи, которую они получали от местных поляков. Так, поселенцы пос.

---

[1]. Обзор Тобольской губернии за 1899 год. Тобольск, 1900, с. 39

[2]. Из истории земли Томской. Сибирский Белосток. / Сб. документов и материалов. Томск, 1998, с. 243-244.

[3] Филимонов Е.С. Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. Экономический быт государственных крестьян и инородцев Северо-Западной Барабы или Спасского участка Каинского округа Томской губернии. СПб., 1892. Прил. С. XIV - XV. Подсчет наш.

[4] Материалы для изучения быта переселенцев, выдворенных в Тобольской губернии за 15 лет (с конца 70-х годов по 1893 г.). Т. 1. Историко-статистическое описание 100 поселков. СПб., 1895. С. 448.

[5] Там же. С. 380.

Вознесенский пользовались поддержкой от ссыльных поляков, проживавших в с. Седельникове. От них они получали беспроцентно хлеб, деньги, инвентарь[1].

Капиталистические отношения в деревне находились в зачаточном состоянии. Многоземелье исключало факты товаризации земли. Наемный труд в поселках не был распространен. В Деспот-Зеновича, например, было лишь несколько случаев годового батрачества в своей среде за 25 руб.[2]. Однако поляки активно включались в местный рынок наемного труда. Как отмечали современники, "весной, летом, осенью работают очень много"[3]. Годовой заработок составлял в среднем 16 руб.[4].

Подобного рода ситуация сохранялась и в последующие годы. Так, в ходе переписи населения 1897 г. в пос. Деспот-Зеновича было зафиксировано 5 случаев найма рабочей силы[5]. Тот факт, что на момент статистического учета (январь 1897 г.) работники проживали у хозяина, речь идет о длительном найме, когда работник получал за свою работу не только деньги, но и находился на условиях полного пансиона в доме работодателя. В большинстве случаев работниками были мужчины в возрасте от 26 до 63 лет. Их труд применялся, в первую очередь, в сельском хозяйстве. Девушек нанимали преимущественно для выполнения домашних работ. Обращает на себя внимание факт присутствия как католиков, так и православных среди наемных рабочих. Первые, естественно, доминировали. Взаимоотношения между старожилами и выходцами из белорусско-польских губерний были достаточно напряженные. Современники отмечали настроения, царившие в среде местного населения: "Нет хуже народа как поляки"[6].

К сожалению, в переписном листе представлена крайне скудная информация о благосостоянии семейств. Одним из таких индикаторов стало количество и качество жилых построек. Надо сказать, что более одной четверти семей (28%), проживавших в пос. Деспот-Зеновича, имело 2 жилых строения: дом и избу, различавшихся по размерам. Изба часто

---

[1] Материалы для изучения быта переселенцев, выдворенных в Тобольской губернии за 15 лет (с конца 70-х годов по 1893 г.). Т. 1. Историко-статистическое описание 100 поселков. СПб., 1895. С. 71.

[2] Материалы для изучения быта переселенцев, выдворенных в Тобольской губернии за 15 лет (с конца 70-х годов по 1893 г.). Т. 1. Историко-статистическое описание 100 поселков. СПб., 1895. С. 382.

[3] Материалы для изучения быта переселенцев, выдворенных в Тобольской губернии за 15 лет (с конца 70-х годов по 1893 г.). Т. 1. Историко-статистическое описание 100 поселков. СПб., 1895. С. 71.

[4] Материалы для изучения быта переселенцев, выдворенных в Тобольской губернии за 15 лет (с конца 70-х годов по 1893 г.). Т. 1. Историко-статистическое описание 100 поселков. СПб., 1895. С. 382.

[5] ГУТО ГАТ. Ф. 417. Оп. 2. Д. 2820.

[6] Материалы для изучения быта переселенцев, выдворенных в Тобольской губернии за 15 лет (с конца 70-х годов по 1893 г.). Т. 1. Историко-статистическое описание 100 поселков. СПб., 1895. С. 71.

сдавалась в таких случаях квартирантам из числа ссыльных либо в ней проживали родители хозяина или хозяйки. Наиболее распространенной жилой постройкой являлся деревянный дом, который крыли дерном (67%)[1]. Лишь в одном случае отмечен случай наличия в поселке дома, крытого тесом, что свидетельствует о высоком уровне благосостояния семейства: не смотря на близость леса, он принадлежал государству и был достаточно дорог в качестве строительного материала.

Экономические обследования 1890-х гг. позволяют нам представить некоторые аспекты польского хлебопашества. Так, на рубеже 1880-х - 1890-х гг. в Спасской волости Каинского округа Томской губернии 64 польских семьи занималось земледелием. Это составило 2,3% хозяйств по волости. На их долю пришлось 1,7% всего посева[2]. Для сравнения: новоселы составили в волости 6,8% земледельческих хозяйств, обрабатывая 3,9% от общей пашни[3].

О структуре посевов можно сделать вывод на основании данных, приведенных в приложении 47.

У польских переселенцев и ссыльных отмечается примерно равное соотношение важнейших зерновых культур - ржи и пшеницы. В то же время у старожилов и новоселов мы наблюдаем доминирование той или иной культуры. Объяснение этой ситуации может быть в имевшемся агрикультурном опыте или отсутствии такового. Так, последние имели собственный опыт выращивания данных культур, который реализовывался в Сибири. Ссыльные и польские переселенцы были не знакомы с местными природно-климатическими условиями, а потому засевали поле как той, так и другой культурой. Среди огородных культур, отнесенных нами в категорию "Прочие", наиболее важными для поляков были картофель и горох, которые составили в своей группе 43,6% и 31% соответственно. В старожильческих и новосельческих хозяйствах доминировал горох (почти 40%), тогда как на долю картофеля приходилось 21,6% и 20,3% соответственно.

Таким образом, пришедшие в Западную Сибирь крестьяне, сохранили структуру своего традиционного хозяйства. В основе сельскохозяйственной деятельности лежало зерновое хозяйство. Помимо этого, они вынуждены были заниматься разведением крупного рогатого скота. Но эти виды деятельности не носили в рассматриваемый период товарного характера.

---

[1] ГУТО ГАТ. Ф. 417. Оп. 2. Д. 2820. Подсчет наш.

[2] Филимонов Е.С. Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. Экономический быт государственных крестьян и инородцев Северо-Западной Барабы или Спасского участка Каинского округа Томской губернии. СПб., 1892. Прил. С. XIV - XV. Подсчет наш.

[3] Филимонов Е.С. Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. Экономический быт государственных крестьян и инородцев Северо-Западной Барабы или Спасского участка Каинского округа Томской губернии. СПб., 1892. Прил. С. XIV - XV. Подсчет наш.

Относительная малочисленность польских крестьянских хозяйств и их натуральный характер в Сибири к концу XIX в. ограничивали их влияние на развитие аграрного сектора региона.

Незнание местных природно-климатических условий, отсутствие в первые годы проживания контактов с местным населением по причине незнания языка значительно затрудняло процесс адаптации переселенцев на новом месте жительства. Тормозился этот процесс и по финансовым причинам – в процессе переселения и водворения в Сибири они растратили большую часть имевшегося капитала. По закону, переселенцы в Сибирь имели право на получение налоговых льгот. Однако тот факт, что в среде польских крестьян в конце XIX в. преобладали самовольные переселенцы, лишало их права на эти фискальные послабления. Все это усугубляло тяжелое положение поляков.

При изучении польской деревни в Сибири необходимо помнить несколько моментов. Во-первых, такие поселки как Деспот-Зеновича (Новое поле) возникали по инициативе ссыльных, оказавшихся в регионе и записанных в крестьянское состояние. Во-вторых, с конца 1880-х гг. возникли первые поселки, основанные польскими крестьянами, переселявшимися не только из собственно польских, но и белорусских губерний (Гродненской и др.). Данный аспект необходимо учитывать при рассмотрении экономического благосостояния жителей поселков.

Кроме того, поляки оказались владельцами торговых лавок, ремесленных мастерских, бань, медицинских кабинетов преимущественно в крупных городах.

О вовлеченности поляков в торговую сферу свидетельствуют данные Томской губернской казенной палаты на 1889 г. Так, из пяти торговцев азиатскими товарами четверо были татарами, один поляк (Я. Березницкий), годовой оборот которого составлял не менее 5 тыс. руб.[1]. Бакалейными, колониальными товарами и табаком торговали в своих лавках братья М.В. и Т.В. Юкляевские, принадлежавшие к второгильдейскому томскому купечеству. Оборот их лавок составлял 40 тыс. и 35 тыс. соответственно[2]. Колбасными продуктами в своих лавках по торговым свидетельствам вели дела Драгомирецкий и Мацкевич, обороты которых были весьма солидны - 5 тыс. и 15 тыс. соответственно.

Винной и пивной торговлей занимались поляки разного происхождения. Так, свои кабак и пивная были у купца 2-й гильдии К.Я. Зеленевского, в которых он продавал пиво собственного производства. Это позволяло ему значительно сократить расходы и повысить доходность предприятия. Об этом свидетельствует тот факт, что при среднестатистической доходности томских кабаков в пределах 1,5 тыс. руб. кабак Зеленевского приносил владельцу не менее 2

---

[1] Адрианов А.В. Томск в прошлом и настоящем. Томск, 1890. С. 134.

[2] Там же. С. 136.

тыс. руб. ежегодного дохода[1]. Примерно сколько же он получал и с пивной. Другим представителем польской общины в этой сфере стала некто Горелло - жена польского переселенца, за которой числилось 3 кабака и оптовый склад[2].

К концу XIX в. поляки прочно заняли свое место в сфере гостиничного и ресторанного бизнеса. Об этом свидетельствуют данные Департамента мануфактур и торговли Министерства финансов, согласно которым в Тобольской губернии из 21 гостиницы, буфетов и трактиров 7 принадлежало полякам, обороты 6 из них были выше 10тыс. руб. Только Викентию Альфонсовичу Поклевскому-Козелл принадлежало 4 трактира[3].

В Томской губернии к 1899 г. доля поляков в этой сфере была не столь велика. Только заведение Казимира Шилкевича имело среднегодовой оборот более 10 тыс. руб., остальные же (2 трактира) имели меньший оборот[4]. Это можно объяснить высокой конкурентностью в рассматриваемой сфере.

На этом фоне резко выделялась Омская часть Акмолинской области. Так, всего в области было отмечено 5 заведений, из которых 1 гостиница и 2 трактира, находившиеся в г. Омске, принадлежали полякам. Правда, доходность этих заведений уступала аналогичным в Тобольской и Томской губерниях и составляла в среднегодовом обороте лишь 4 тыс. руб.[5].

Русские охотно прибегали и к помощи польских инженеров. Барон Иоганн Аминов сначала принимал участие в подавлении восстания 1863 г., а затем, став начальником строительства канала, соединяющего Обь с Енисеем, собрал вокруг себя польских специалистов: Балицкого, Мицкевича, Стратоновича[6].

В дальнейшем поляки принимали активное участие в строительстве Сибирской железной дороги. Так, одним из руководителей строительства был Константин Михайловский. Под его руководством строительство западносибирского отрезка дороги шло быстрыми темпами. В мае 1893 г. укладка пути началась, а уже к осени уложили 250 верст, подошли к Кургану, осенью 1894 г. - к Петропавловску, а оттуда - в сторону Омска. Навстречу же, от того же Омска, также шла укладка пути[7].

---

[1] Адрианов А.В. Томск в прошлом и настоящем. Томск, 1890. С. 141, 143.

[2] Там же. С. 141-142.

[3] Торгово-промышленная Россия: справочная книга ... Стлб. 677.

[4] Торгово-промышленная Россия: справочная книга ... Стлб. 678.

[5] Торгово-промышленная Россия: справочная книга ... Стлб. 673.

[6] Потоцкий М. Польские ссыльные в Сибири // Новая Польша. 2003. № 5 // http://www.novpol.ru/index.php?id=1862 (Электронный ресурс. Режим доступа 20.08.2013 г.).

[7] Шуклина Н.Я. Поляки – строители Транссиба (К.Я. Михайловский и В.-И. Роецкий) // Исторические чтения: Материалы науч. конференций "Неизвестный Челябинск" (1994). Ч. 2. Челябинск, 1996. С. 20.

Некоторые современные историки считают одним из основателей Новосибирска инженера-путейца польского происхождения Викентия-Игнация Роецкого, который в июне 1891 г. был направлен для проведения изыскательных работ в районе р. Обь. Позднее К. Михайловский писал в донесении Министру финансов С.Ю. Витте, что "По сведениям, полученным от инженера Роецкого, оставшегося в Колывани для съемки бассейна реки Обь, изыскания для линии железной дороги по пересечении Оби у села Кривощеково произведены у нескольких поселений. Намеченный изыскателями путь, по мнению инженера Роецкого, удовлетворяет всем техническим требованиям сооружения. Переход р. Обь у села Кривощеково и р. Томь у села Тутальского на всем пространстве этих рек – лучший"[1].

Появление большого количества польских инженеров и железнодорожников в Сибири отмечал и Б. Пилсудский, писавший в свое время о том, что "железнодорожники, инженеры … каждый на своем поле деятельности явил примеры своей добросовестности и трудолюбия, которые, к сожалению, им не дано было применить в родном краю"[2].

Важной составляющей непроизводственной деятельности поляков являлась образовательная система. В Томском Императорском университете и Томском технологическом институте поляки занимали преподавательские должности. Так, среди первых восьми профессоров Томского университета двое были по национальности поляками: профессор Станислав Залесский и профессор Александр Догель, выросшие в Томске в крупных учёных с мировым именем.

Видимо, в связи с Польским восстанием 1863 г. Догели покинули Литву и осели в Казани, где А.С. Догель жил в семье своего дяди. После окончания 1-й Казанской гимназии Александр поступил на медицинский факультет местного университета. Для специализации он выбрал кафедру гистологии, где начал работать под руководством известного профессора К.А. Аранштейна. В 1879 г. А.С. Догель с отличием окончил университет, но за отсутствием вакансий на кафедре уехал работать земским врачом в Воронежскую губернию. В 1883 г. он защитил диссертацию на степень доктора медицины в Казанском университете и после стажировки за границей (1884-1885 гг.) был оставлен на кафедре гистологии прозектором и преподавателем (приват-доцент с 1886 г.). До лета 1888 г. семья Догелей жила в Казани, а после

[1] Цит. по: Шуклина Н.Я. Указ. соч. С. 23.

[2] Пилсудский Б. Поляки в Сибири // http://www.icrap.org/ru/pils5-4.html (Электронный ресурс. Режим доступа 20.08.2013 г.).

открытия Томского университета А.С. Догель был назначен туда экстраординарным профессором по кафедре гистологии и эмбриологии[1].

Преподавание он совмещал с обязанностями декана медицинского факультета. Некоторое время Догель также замещал ректора Томского университета. Несмотря на административные нагрузки, Догель организовал в только что открытом университете неплохой гистологический кабинет и развернул там успешную педагогическую и научную деятельность, занимаясь изучением различных отделов центральной периферической нервной системы. Эти работы, опубликованные в русских, польских и немецких научных журналах, быстро получили мировое признание. Однако административная деятельность явилась для А.С. Догеля источником массы неприятностей из-за трений, возникших с попечителем учебного округа В.М. Флоринским[2]. В 1895 г. он был переведен в Петербургский университет, где и продолжал активно заниматься научной деятельностью.

Среди преподавателей и сотрудников Томского университета начального периода его существования следует упомянуть по медицинскому факультету ординарного профессора кафедры химии Станислава Залеского[3], лаборанта при физической лаборатории выпускника Санкт-Петербургского университета Владислава Здановича[4], секретаря по студенческим делам выпускника Московского университета Вячеслава Ржеуского[5], которые на протяжении многих лет трудились в университете.

Поляки были вовлечены и в деятельность средних и специальных образовательных учреждений. Так, в Томской мужской гимназии математику преподавал выпускник физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета Иосиф Быстржицкий[6]. Одновременно он вел уроки в Мариинской женской гимназии[7]. В Омской мужской гимназии уроки по древним языкам проводил действительный студент историко-филологического отделения Московского университета, имевший звание учителя латинского языка Болеслав

---

[1] Догель А.С. // Профессора медицинского факультета Томского университета – Томского медицинского института – Сибирского государственного медицинского университета (1878-2003): Биографический словарь / С.Ф. Фоминых, С.А. Некрылов, М.В. Грибовский, Г.И. Мендрина, А.И. Венгеровский, В.В. Новицкий. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004.

[2] Фокин С.И. Александр Станиславович Догель // Санкт-Петербургский университет. 2002. № 3 // http://www.spbumag.nw.ru/2002/03/11.html (Электронный ресурс. Режим доступа 18.03.2013).

[3] Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа на 1888 – 1889 учебный год. Томск, 1888. С. 6.

[4] Там же. С. 7.

[5] Там же. С. 9.

[6] Там же. С. 15.

[7] Там же. С. 56.

Раковский[1]. В Томском Алексеевском реальном училище французский язык преподавал окончивший курс Главного педагогического института со званием учителя гимназии Владимир Станкевич[2]. Он же обучал французскому языку воспитанниц женской гимназии[3]. В Томской Мариинской женской гимназии выпускник историко-филологического отделения Санкт-Петербургского университета Антон Квецинский преподавал русский язык и словесность, географию, историю[4].

Выше мы уже отмечали, что польским ссыльным законодательно было запрещено занимать какие бы то ни было должности на государственной и общественной службах. Фактическое нарушение этих норм отмечалось во всех регионах, которые приняли польских ссыльных. В документах III Отделения сохранились многочисленные упоминания о прямой либо косвенной помощи, которую сосланные поляки получали от других высокопоставленных губернских чиновников. Например, несмотря на запрещения, установленные законодательством, в Тобольской губернии всем присутственным местам и казенным учреждениям было негласно дано право предоставлять работу сосланным полякам[5].

Подобная ситуация наблюдалась в Томской губернии. По распоряжению губернатора Г.Г. Лерхе сосланные поляки могли занимать должности волостных и сельских писарей.

На этом фоне обращает на себя внимание судьба польского ссыльного-шестидесятника Б. Шостаковича. Так, в 1867 г. при содействии томского вице-губернатора М.Н. Берестова он получил место писца в канцелярии губернского правления, что обеспечило ему постоянный заработок[6]. С 1877 г. Б. Шостакович на протяжении 10 лет служил бухгалтером в конторе торговой компании Петрова и Михайлова. Одновременно с этим он принимал участие в местном городском самоуправлении, будучи избранным на четырехлетие (с 1883 г.) гласным Томской городской думы и членом городской управы. В 1885 г. его избрали на должность заступающего на место городского головы, но министр внутренних дел отказался утвердить

---

[1] Там же. С. 26.

[2] Там же. С. 44.

[3] Там же. С. 57.

[4] Там же. С. 55.

[5]. Митина Н.П. Указ. соч. С. 21.

[6] Шостакович Б.С. Революционер-шестидесятник Болеслав Шостакович в сибирской ссылке (по сохранившимся отрывкам его воспоминаний и другим неопубликованным материалам) // Ссылка и общественно-политическая жизнь в Сибири (XVIII – начало XX в.). Новосибирск, 1978. С. 186.

политического ссыльного в этой должности[1]. Правда, подобная история была исключением из правил.

Среди польских ссыльных середины 1860-х г. выделялась группа священнослужителей. Под надзором полиции в Западной Сибири оказались как ксендзы, так и монахи. По данным И.Н. Никулиной, в середине 1860-х гг. в Томской и Тобольской губерниях на поселении оказалось 95 священнослужителей (64 и 31 соответственно)[2]. Их значение было чрезвычайно велико не только для поляков, но в целом для католического населения региона. Отметим, что уже с середины XVIII в. в Сибири существовала католическая община, разбросанная по всему региону и постоянно испытывавшая сложности с осуществлением регулярной религиозной жизни по причине малочисленности священнослужителей. Власти крайне неохотно шли на открытие новых приходов и строительство католических костелов. Нередко, во второй половине XIX в. в сибирских газетах заранее помещались объявления о пастырских поездках томского ксендза для совершения различных церковных треб.

Появление в Сибири значительного количества грамотных власти использовали в том числе и для наведения порядка в управлении регионом. В своих донесениях вышестоящему начальству жандармские офицеры нередко докладывали, что ссыльные писари имели большое влияние на волостное и сельское начальство, которое по большей части было безграмотно, и тем самым "делали много злоупотреблений и давали своим собратьям полную свободу"[3].

Ссыльные поляки, предоставленные сами себе в вопросах обеспечения, вынуждены были самостоятельно изыскивать заработок. Многие из них становились домашними учителями и преподавали различные дисциплины детям местных чиновников и купцов. Проще было устроиться преподавателям математики, иностранных языков, музыки. Некоторые из них в прошлом были гимназическими преподавателями либо студентами университетов Вильно Варшавы, Киева. Их образовательный и профессиональный уровень был выше, чем у учителей местных учебных заведений, имевших, в лучшем случае, гимназическое свидетельство, и этим нельзя было не воспользоваться. Уже к концу XIX в. поляки заняли свою нишу в учебно-воспитательной сфере. По данным на 1897 г., в Тобольской и Томской губерниях они составляли примерно по 2%[4]. Выше этот показатель был в Иркутской губернии (3,7% - из 764-х

---

[1] Шостакович Б.С. Революционер-шестидесятник Болеслав Шостакович в сибирской ссылке (по сохранившимся отрывкам его воспоминаний и другим неопубликованным материалам) // Ссылка и общественно-политическая жизнь в Сибири (XVIII – начало XX в.). Новосибирск, 1978. С. 195.

[2] Никулина И.Н. Религия и политические ссыльные Западной Сибири в XIX в. (20-е – первая половина 70-х гг. XIX в.). Иркутск, 2011. С. 151.

[3]. Цит. по: Митина Н.П. Указ. соч. С. 22.

[4] Краткие общие сведения по империи. Распределение населения по главнейшим сословиям, вероисповеданиям,

29 были поляками[1]), что объясняется высокой концентрацией поляков в Восточной Сибири и Иркутске в частности.

О подобных нарушениях офицеры корпуса жандармов регулярно докладывали в Петербург. В губернские центры направлялись отношения от имени шефа жандармов генерала от инфантерии Муравьева, в которых перечислялись недопустимые послабления. Местные власти на подобные указания отвечали, что "честное приобретении себе куска хлеба без вреда другим может быть допущено", к тому же, по мнению оренбургского губернатора Г.С. Аксакова, "совершенное запрещение отношений ссылаемых с обществом может скорее усилить ожесточение последних"[2].

В своем стремлении не допустить общение поляков с местным русским населением жандармские чины сталкивались с еще одной проблемой. Многие ссыльные, занимавшиеся преподаванием, имели на то официальное разрешение со стороны Министерства народного просвещения. Так, например, ссыльный Родзевич преподавал математику в губернской гимназии (Уфа) и допущен к должности с разрешения Министра народного просвещения, который в отношении к губернатору от 16 ноября 1864 г. объявил, что "не находит препятствий к поступлению Родзевича вновь на службу"[3].

Уже в марте 1867 г. между генерал-губернатором Западной Сибири А.П. Хрущовым и губернскими начальниками развернулась активная переписка, в центре которой оказался вопрос об участии политических ссыльных (а на тот момент подавляющее большинство составляли поляки) в виноторговле. При этом был определен один немаловажный момент: сосланные под надзор полиции поляки не имели права занимать места сидельцев (служащих) в питейных заведениях[4]. Подобный шаг, несомненно, был направлен опять же на минимизацию контактов ссыльных с местным населением. Это лишало поляков одного из источников получения средств к существованию.

В то же время Хрущов вовсе не запрещал содержание этих заведений. Но отсутствие у ссыльных из Царства Польского и Западного края необходимых средств и ограниченность в передвижении (ссыльные не имели права покидать место своего проживания до истечения срока ссылки или поселения[5]) не давало возможность организовать собственный трактир.

родному языку и по некоторым занятиям. СПб., 1905. С. 39. Подсчет наш.

[1] Там же. Подсчет наш.

[2]. ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2а. Д. 777. Л. 1 об.

[3]. ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2а. Д. 777. Л. 1 – 1 об.

[4] ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1198. Л. 1.

[5] ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1198. Л. 7 об.

Многочисленные польские родственники, оставшиеся в Европейской России, предпринимали различные попытки добиться для близких права заниматься виноторговлей. Однако подобная активность дала отрицательный результат.

В сентябре 1867 г. в отношении Томскому губернатору Хрущов в нескольких словах описал ситуацию, сложившуюся вокруг политического ссыльного Хлевинского, размещенного в Тобольской губернии. Его мать, помещица Ковенской губернии, летом этого же года в своем прошении к Министру внутренних дел Валуеву просила разрешить сыну заниматься виноторговлей и отлучаться по делам из места водворения. В своем докладе министру Хрущов мотивировал данный ранее отказ. В развитие же ситуации он предложил министру не только не допускать политических ссыльных к исполнению должности сидельцев в питейных заведениях, но и вообще не допускать их к питейной торговле[1]. Одновременно вводился и тотальный запрет на оставление места приписка даже в том случае, если ссыльный занимался не торговлей, а земледелием. Эти предложения были поддержаны Министром внутренних дел и объявлены Тобольскому и Томскому губернаторам.

К этому моменту часть поляков, которые пользовались симпатиями сибиряков, сумела либо получить места служащих при питейных заведениях, либо открыть собственные заведения. Лишить их места работы не составило большого труда. Совершенно иначе обстояла ситуация с ликвидацией ренсковых погребов, портерных лавок и трактиров, которые уже действовали. Поляки использовали различные поводы, чтобы отсрочить окончательное закрытие заведений. Так, польский переселенец Франц Геншлицкий указывал в своем прошении Томскому губернатору, что он был выслан из Гродненской губернии в Сибирь без суда и без лишения прав. Это он считал основанием для получения права на ведение винной торговли в Спасской волости Каинского уезда Томской губернии[2]. Однако ему в ответ было указано, что "разрешается политическим ссыльным заниматься ремеслами и промышленностью"[3].

О длительности этой кампании свидетельствует тот факт, что Томский окружной исправник в своем рапорте губернатору от 4 апреля 1869 г. докладывал, вновь запретительное указание было дано во все волостные правления в марте того же года[4].

Несмотря на многочисленные запреты, польские ссыльные все же негласно принимались в трактиры и буфеты на различные должности. Полиция и губернское начальство, вероятно, было в курсе. Но они вынуждены были реагировать на рапорты, которые иногда исходили от

---

[1] ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1198. Л. 13 - 13 об.
[2] ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1198. Л. 40.
[3] ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1198. Л. 42.
[4] ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1198. Л. 49.

наиболее рьяных защитников существовавшего строя. Так, 24 июня 1869 г. коллежский регистратор К. вызвал пристава Воскресенской частной управы и понятых для составления акта о работе в буфете буфетчиками политических ссыльных Феликса Оношко и Игнатия Кульвеца и маркером в бильярдной Ксаверия Легуна[1]. Акт был отправлен вместе с рапортом губернатору. Полиция вынуждена была отреагировать на него и закрыть буфет, о чем и было в дальнейшем доложено по инстанции[2].

Однако уже в 1868 г. Западносибирский генерал-губернатор А.П. Хрущов разрешил польским ссыльным заниматься оптовой торговлей вином. Это разрешение стало реакцией на вопрос доверенного "одного из винокуренных заводчиков"[3]. Вероятно, этим заводчиком был Поклевский-Козелл, активно занимавшийся в это время виноторговлей на Урале и в Сибири. Как бы то ни было, этот циркуляр позволил сибирским купцам привлекать поляков из ссыльных в качестве приказчиков к оптовой торговле вином. Например, Туринская купчиха Мальцева в том же 1868 г. наняла для этих целей Александра Сачковского, который в дальнейшем получил соответствующее свидетельство[4].

Разрешая полякам заниматься оптовой продажей вина, местная администрация запрещала выдачу им патентов на розничную виноторговлю. Устанавливался подобный запрет, как показывает практика, исключительно для политических ссыльных. Поступавшие в это же время прошения на право виноторговли, например, от высланных из западных губерний евреев сопровождались обязательным требованием подтвердить факт их административной, а не политической ссылки[5]. Представление соответствующих документов открывало им возможность заниматься этой деятельностью.

В своих письмах родным некоторые поляки приводят данные о содействии им в ремесле и торговле со стороны сибирских властей. Например, Северин Видавский, водворенный в Енисейской губернии, писал в 1868 г. А.Ф. Видавской о "нежелании возвращаться в Россию в виду приличных условий жизни в Сибири"[6]. Он отмечал, что "многие до того [разрешения переселиться в губернии Европейской России, определенные властями – В.Ш.] завелись хозяйством, что и не думают ехать"[7]. Мало того, у каждого, писал Видавский, "есть протекция со стороны высшей власти. Ни в каких просьбах нам не отказывают, а в торговле и ремеслах

---

[1] ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1198. Л. 58 - 58 об.

[2] ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1198. Л. 62.

[3]. ГУТО ГАТ. Ф. 152. Оп. 4. Д. 33. Л. 1.

[4]. Там же Л. 3 об.

[5]. Там же. Д. 223. Л. 1.

[6]. ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2а. Д. 845. Л. 1.

[7]. Там же.

облегчают способы, не смотря на изданные сначала строгие правила"[1]. В письме упоминаются беспроцентные ссуды в размере 50 руб. серебром, предоставлявшиеся на занятие сельским хозяйством, ремеслом, торговлей. Подобная мера, действительно, имела место. Но это было не благодеяние властей по отношению к польским ссыльным, а ничем иным как выполнение решений Комитета министров от 8 и 22 февраля 1866 г., по которым поселенцы приравнивались к казенным переселенцам и получали право на безвозвратные ссуды из особого капитала Министерства государственных имуществ[2].

Надо сказать, что вопрос о наделении польских переселенцев землей в Западной Сибири решался неоднозначно. Так, минский губернатор П.Н. Шелгунов в своем отношении к томскому губернскому начальству в феврале 1868 г. запрашивал сведения о наделении землей 33-х высланных дворян[3]. Все они были водворены в Томском, Каинском и Мариинском округах Томской губернии. По сведениям окружных исправников, ссыльные к началу 1869 г. земельные наделы и причитавшиеся денежные пособия на домообзаводство так и не получили[4].

В то же время польские ссыльные часто вынуждены были сталкиваться с противодействием властей в организации различных предприятий. Так, проживавший в Тобольске политический ссыльный Ксаверий Александрович в 1868 г. обратился в Тобольское губернское управление с просьбой выдать ему удостоверения на получение из Городской Думы свидетельства на открытие гостиницы. Проситель к этому моменту имел договоренность с чиновницей Скириенковой об аренде под гостиницу ее дома[5]. Однако чиновники высказались против этой "затеи", и мотивация со стороны Тобольского полицмейстера была вполне убедительной: во-первых, прислуга будет набрана из того же звания; во-вторых, в гостинице будут бывать преимущественно польские политические ссыльные, что станет нарушением распоряжения Тобольского губернатора от 2 февраля 1867 г., согласно которому ссыльным можно собираться группами не более пяти человек[6].

Подобный запрет был распространен на занятие фотографическим делом. Этот запрет был установлен распоряжением министра внутренних дел Валуева от 14 июля 1865 г.[7] В 1868 г. ссыльные получили амнистию и начали подавать прошения о разрешении открыть им фотографические мастерские в сибирских городах. Но на все свои прошения они получали по-

---

[1]. Там же. Л. 1 – 1 об.

[2]. РГИА. Ф. 1263. Оп. 3. Д. 77. Л. 6 об. – 7.

[3] ГАТО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 403. Л. 2 - 2 об.

[4] ГАТО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 403. ЛЛ. 8, 11, 13.

[5]. ГУТО ГАТ. Ф. 152. Оп. 4. Д. 20. Л. 1

[6]. Там же. Л. 1 об.

[7]. Там же. Д. 506. Л. 3.

прежнему отказ[1]. В то же время власти не препятствовали открытию подобных заведений евреям, которые были сосланы в Сибирь в административном порядке.

Оказавшись в сибирской ссылке, поляки открыли для себя еще одну сферу деятельности, в которой они заняли доминирующие позиции. Речь идет о публицистике и журналистике. Так, например, они являлись корреспондентами не только сибирских, но и ряда столичных и зарубежных газет. Полученное в ранние годы образование позволяло им представлять на страницах периодических изданий местные события, писать аналитические статьи.

Между издателями сибирских газет, по словам С. Швецова, "до того к печатному станку и тем более к печатным органам никакого отношения не имевшими"[2], и политическими ссыльными возник взаимный интерес. В условиях мизерности местной интеллигенции "издания могли опираться только на политическую ссылку, если издатели их хотели, чтобы за ними было хоть какое-нибудь общественное значение"[3]. В западносибирских газетах политические ссыльные, в том числе поляки, входили и в редакционные советы и были репортерами. Например, одним из польских журналистов в Томске был Артур Станиславский. Его специализацией было золотопромышленное и горное дело. По этим и близким темам он публиковал свои материалы в "Вестнике золотопромышленности", "Сибирском вестнике", некоторых польских газетах и в парижской ежедневной газете "Le Figaro"[4]. Но этот промысел не давал журналистам большого дохода. Он позволял сводить концы с концами. После смерти Станиславского, как писала томская газета, "не осталось никаких средств, а обстановка его жизни, вообще, была крайне бедная"[5].

Таким образом, поляки в Западной Сибири в 1860-х – 1870-х гг. имели возможность найти себе достойное применение. Несмотря на существовавшие законодательные запреты, они пользовались правом занимать низшие административные и выборные должности. Те же из них, кто имел возможность получить денежные средства от родственников, неплохо устраивались на новом месте жительства. Они включались в систему откупов, перепродажу товаров, например, дров. Но большинство в это же время вынуждено было существовать за счет поденной работы.

---

[1]. Там же. Л. 4.

[2] Швецов С. Культурное значение политической ссылки в Западной Сибири // Каторга и ссылка. 1928. № 11 (Кн. 48). С. 90.

[3] Там же. С. 91.

[4] Томский листок. Томск. 1897. № 179.

[5] Там же.

В 1870-е – 1880-е гг. сибирская полония обрела определенную устойчивость: те, кто имел желание и возможность покинуть Сибирь, выехали в губернии Европейской России или в Царство Польское. За Уралом остались те, кто смог адаптироваться к условиям местной жизни.

Эпизодические статистические обследования 1880-х - 1890-х гг. позволяют нам говорить о характере экономической жизни польской общины в отдельно взятой местности. Этому способствуют, например, материалы некоторых однодневных переписей, проведенных в западносибирских городах, обследования переселенческих поселков и Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Они позволяют частично рассмотреть жизнь полонии в динамике.

Рассмотрим структуру хозяйственной занятости представителей польской общины в начале 1880-х гг. Для этого используем сводные данные по Тобольской губернии. Об источниках доходов польских поселенцев в Тобольске наглядно говорит одна из ведомостей однодневной переписи 1882 г. (см. прил. 48).

Из приведенных данных видно, что значительная часть польского населения была занята в промышленно-ремесленной сфере (40%). Почти четверть поляков по своим источникам дохода оказалась отнесенной в категорию "Прочие", в которую включена, в первую очередь, поденная работа. Крайне незначительная часть мещан, крестьян и ссыльных, составлявших тобольскую полонию, жила за счет собственных средств либо была задействована в транспортной сфере (1,7% и 2,9% соответственно). Наибольшую активность по родам занятий проявляли, как мы видим, польские мещане и ссыльные, тогда как крестьянство было достаточно пассивным в рассматриваемых сферах.

Обращает на себя внимание тот факт, что в польской среде был достаточно высоким процент иждивенцев из числа политических ссыльных и поселенцев, особенно среди мещан и крестьян (ок. 24,5%), которые существовали преимущественно за счет средств, присылаемых родственниками. В фонде Тобольского губернского управления сохранилось большое количество запросов мещан и дворян из польских губерний, которые разыскивали своих сосланных близких[1].

Польская община достаточно прочно обосновались в некоторых сферах, которые стали для них со временем основными экономическими нишами. Так, например, среди тобольских ремесленников в 1882 г. поляки составили 10%, в ямском промысле – 6,5%, в промышленности – 5,6%, в торговле – 5,5%[2].

---

[1]. ГУТО ГАТ. Ф. 152. Оп. 2. Д. 86, 100 и др.

[2]. Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 год. Тобольск, 1884, ведомость XVII, XVIII

Изучение поселений в разных частях Западной Сибири в конце 1880-х - начале 1890-х гг. затронуло не только русское и инородческое население. В Спасской волости Каинского округа Томской губернии в сводные ведомости попали сведения о польских переселенцах, проживавших в сельской местности на положении государственных крестьян. Так, в волости было учтено 134 семейства[1]. Немногим более половины польских крестьянских хозяйств (52,2%)[2] были лишь причислены к сельским обществам, но не занимались хлебопашеством. При этом доля хозяйств, существовавших за счет иных источников доходов, была выше в южной части волости, где она составляла от 75 до 86%[3]. В урманах же на севере Спасской волости почти половина семей существовала за счет сельского хозяйства. Это объясняется, в первую очередь, расположением в центральной и южной части волости крупных промысловых сел, среди которых выделяется и волостной центр. Здесь поляки могли найти, как правило, поденную работу.

Амнистии привели к отъезду части ссыльных и поселенцев из Сибири. Тем не менее, в 1870-е – 1880-е гг. наиболее предприимчивые предпочли остаться на новом месте жительства и продолжали свою деятельность. В значительной степени это объясняется тем, что бывшим ссыльным полякам было разрешено причисляться в купеческие гильдии, заниматься золотодобычей и другими промыслами. Те же, кто не находился под надзором полиции, был допущен в сферу государственной и общественной службы[4].

Подобного рода правовые изменения привели к трансформации структуры занятости в польской общине, что было достаточно наглядно продемонстрировано результатами Первой всеобщей переписи населения 1897 г. Распределение по сферам деятельности, сложившееся на конец XIX в., во многом объясняется прошлым членов общин. В тобольской полонии распределение по сословиям было достаточно традиционным: 1/4 составляло дворянство

---

[1] Филимонов Е.С. Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. Экономический быт государственных крестьян и инородцев Северо-Западной Барабы или Спасского участка Каинского округа Томской губернии. СПб., 1892. Прил. С. X.

[2] Филимонов Е.С. Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. Экономический быт государственных крестьян и инородцев Северо-западной Барабы или Спасского участка Каинского округа Томской губернии. СПб., 1892. Прил. С. XIV. Подсчет наш.

[3] Филимонов Е.С. Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. Экономический быт государственных крестьян и инородцев Северо-Западной Барабы или Спасского участка Каинского округа Томской губернии. СПб., 1892. Прил. С. XII, XIV.

[4]. Герасимов Б. Ссыльные поляки в Семипалатинской области (Краткий исторический очерк) // Записки Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела Русского географического общества. Выпуск XII. Семипалатинск, 1918., с. 13-14

(ссыльные дворяне составляли в Сибири ок. 1/3 поляков), почти половина поляков относилась к мещанскому сословию (47,4%), доля крестьянства была меньше – 17,4%[1].

Первая всеобщая перепись населения 1897 г. позволяет нам провести реконструкцию хозяйственных занятий польского населения региона и определить их удельный вес в наиболее массовых для них видах деятельности. Последнее поможет понять место польской общины в экономике региона (см. прил. 49).

Занятие сельским хозяйством (земледелие и животноводство) было наиболее массовым видом деятельности для поляков Тобольской и Томской губерний, на долю которого приходилось от 33,8% (Томская губерния) до 37,2% семейств. При этом обращает на себя внимание чрезвычайно высокая доля женщин, занимавшихся земледелием в Тобольской губернии. Этот факт объясняется, в первую очередь, высокой долей поляков, проживавших вне городов.

В целом, можно обозначить виды деятельности, в которых поляки были задействованы в рассмотренных губерниях примерно в одинаковой мере. Это, в первую очередь, администрация, питейная торговля, иждивение, рантье, строительство и ремонт, некоторые производственные занятия (обработка волокнистых веществ, металлов, дерева).

Для женщин наиболее массовыми были работа по найму и поденщина. Отчетливо это мы видим на примере Омска, где более 46% женщин была вовлечена в эту сферу. Бурно развивавшийся город формировал собственные запросы на рынке труда. Везде, как мы видим, доля польских женщин в данной сфере была выше, чем доля мужчин.

Развернувшееся железнодорожное строительство способствовало формированию новых рабочих мест. Как уже отмечалось выше, поляки привлекались в различном качестве для работы на железной дороге. Самая многочисленная группа польских железнодорожников была в Томской губернии (167 чел.). Привлекательной была эта сфера и в Омске, в которую было вовлечено 4,6% самостоятельных хозяев-поляков.

Однако распределение поляков по сферам деятельности позволяет представить хозяйственный портрет сообщества. И только их удельный вес в каждой отрасли позволит говорить об их месте в хозяйственной структуре региона.

Административный и военный характер Омска объясняет высокий процент поляков, привлеченных к государственной службе. В общей массе гражданских чиновников они составили ок. 4%. В Томской и Тобольской губерниях этот показатель был в пределах ок. 3%.

Из 16 адвокатов и нотариусов в г. Омске один был поляком (6,25% в отрасли). В Тобольской губернии из 42 частных юристов 6 были поляками (14,3%). В Томской губернии из

[1]. Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 год. Тобольск, 1884

49 лиц, занимавшихся частной юридической деятельностью, поляками были 4 (8,2%). Следует отметить, что в Западной Сибири вели свои дела 11 из 18 польских юристов Сибири и Дальнего Востока.

В медицинской сфере рассматриваемого региона поляки составили 6,8% персонала. Наиболее высоким показатель был в Тобольской губернии, где он составил 9,1%. В целом же по Западной и Восточной Сибири на их долю пришлось 8,7%. Это объясняется, в первую очередь, тем, что в западносибирских губерниях имели врачебную практику лишь 27,4% польских медиков Сибири.

Необходимо отметить и активное участие поляков в сфере развития железнодорожного транспорта. В целом по Сибири на их долю пришлось ок. 5,6% рабочих мест. В Западной Сибири показатель был на том же уровне.

В целом, именно в непроизводственных сферах, базирующихся на интеллектуальной деятельности и высококвалифицированном труде, поляки играли заметную роль, внося свой вклад в их развитие.

Сибирская полония во второй половине XIX в. в целом смогла обрести свое место в экономической сфере Западной Сибири. Административная деятельность продолжала оставаться доступной узкому кругу лиц, хотя к концу рассматриваемого периода все законодательные ограничения для поляков на занятие государственных и выборных общественных должностей были отменены. Не имея внешних источников к существованию, многие поляки стремились организовать собственное предприятие. Далеко не всегда эти попытки заканчивались успехом. Но в этот период начало формироваться польское промышленное предпринимательство в Томской, Тобольской губерниях и Акмолинской области. Во второй половине XIX в. возник ряд крупных фирм, принадлежавших полякам из числа отставных чиновников или бывшим ссыльным, перешедшим в мещанство или купечество, которые оказали большое влияние на развитие различных отраслей обрабатывающей промышленности и транспорта. Уже в тот период население на бытовом уровне высоко оценило вклад полонии в экономическое развитие региона[1]. Одновременно с этим поляки принимали активное участие в становлении и развитии сибирского здравоохранения, образования, железнодорожного транспорта.

Таким образом, в пореформенный период национальные общины оказались более активно включенными в хозяйственную жизнь Западной Сибири. Во многом это было связано с проходившим процессом их социально-экономической, психологической адаптации в новых условиях проживания.

---

[1] П/Н. Ссылка как фактор экономической жизни Сибири // Сибирская газета. Томск. 1885. № 39.

Доступные экономические ниши в этот период были определены законодательно. Правда, на протяжении данного периода шел процесс их расширения. С другой стороны, открытые для евреев, немцев, поляков сферы деятельности во многом были определены характером экономического развития сибирского региона в рассматриваемый период. Подавляющая часть русского населения была связана с земледелием. Аборигенное население традиционно занималось охотой, рыбной ловлей, прочими промыслами. Торговля и промышленная сфера являлись в Сибири незанятыми.

Евреи, немцы и поляки стали мобильной группой, способствовавшей развитию этих отраслей экономики. Они заняли ведущие позиции в отдельных отраслях, к которым у русской торгово-промышленной прослойки не было особого интереса либо возможностей для развития. Фабричное производство в Сибири до строительства Сибирской железной дороги развивалось преимущественно в мукомольной промышленности. К числу капиталистов-фабрикантов конца XIX в., по мнению Г.Х. Рабиновича, могут быть отнесены среди прочих томский купец И. Фуксман, владелица содового завода в Барнауле Ю. Пранг[1].

Так, евреи, немцы и поляки сыграли важную роль в формировании сибирской буржуазии. Благодаря активной торговле ими были сформированы значительные капиталы, которые были направлены в производственную сферу, в первую очередь, в отрасли перерабатывающей промышленности (винокурение, пивоварение, мукомольное производство и пр.). Одновременно с этим они приняли участие в формировании сибирской интеллигенции, развивая систему образования, здравоохранения и пр. К концу XIX в. на их долю, по оценкам современных исследователей, из более чем 150 тыс. человек, занятых в индустриальной сфере, евреи составляли 1,7%, поляки – 1,2%, немцы – 0,5%[2]. В среде занятых по найму (ок. 101 тыс.) поляки составляли 1%, евреи – 0,4%, немцы – 0,3%[3].

4.3. Хозяйственная жизнь общин в начале XX вв.

Экономика Западной Сибири к рубежу XIX – XX вв. оказалась тесно связанной с Европейской Россией. Во многом эти связи носили соподчиненный характер вследствие отсталости сибирского региона в своем развитии. В то же время Азиатская Россия в данный

[1] Рабинович Г.Х. Указ. суч. С. 86.

[2] Карих Е.В. Указ. суч. С. 223 – 226.

[3] Карих Е.В. Указ. суч. С. 223 – 226.

период обладала колоссальным потенциалом, который будет задействован торгово-промышленными кругами России в данный период.

В конце XIX в. Сибирь и Дальний Восток России получили колоссальный стимул в экономическом развитии. Это было связано со строительством Транссибирской железной дороги, протянувшейся на 7 тыс. км от Челябинска до Владивостока. Сибирские промышленники и торговцы прекрасно осознавали все последствия железнодорожного строительства, а потому активно включились в процесс обсуждения планов строительства. Это проявилось, например, в спорах алтайских и томских купцов, которые стремились склонить Комитет по строительству дороги к проведению магистрали через Барнаул и Томск соответственно.

Проведение железнодорожной магистрали и дальнейшее строительство местных железных дорог способствовало формированию и развитию товарно-денежных отношений на местном уровне. Оно значительно удешевило переезд из Европейской России в Сибирь, что способствовало активизации переселенческого движения. Резкий рост населения региона привел к росту темпов его хозяйственного развития и дальнейшему увеличению емкости местных рынков промышленной и сельскохозяйственной продукции.

В то же время в Сибири сохраняется слабая развитость промышленного сектора. Крупная буржуазия Урала и Юга не была заинтересована в развитии в регионе металлургии и машиностроения. Практически все металлические изделия и машины в данный период ввозятся из Европейской России или из-за границы. Большая часть сибирского сырья (полиметаллические руды, лес, продукция сельского хозяйства) вывозилась из региона без обработки.

На фоне неразвитости отраслей тяжелой промышленности Сибирь переживала на рубеже XIX – XX вв. период бурного развития обрабатывающих отраслей, преимущественно в пищевой промышленности. По всему региону шло строительство огромного количества мельниц, элеваторов, маслобоен, холодильников. В обрабатывающей промышленности в этот период произошли качественные изменения: фабрика вытесняла мануфактуру и кустарное производство. Но эти изменения затронули лишь отдельные отрасли. В кожевенной, овчинно-шубной, дрожжевой, маслодельной и иных отраслях сохранялось мелкое производство полукустарного типа.

Наиболее заметными были изменения в мукомольной отрасли. Крупнейшими центрами переработки зерна в это время стали Курган, Омск, Барнаул, Павлодар, Семипалатинск, Ново-Николаевск. О высоком уровне развития мукомольного производства в регионе свидетельствует возникновение монополистических объединений – синдикатов. Одним из

примеров подобного рода монополий был "Алтайский мукомол", объединивший барнаульских и ново-николаевских владельцев паровых мельниц[1].

Подобная ситуация стала возможна в том числе благодаря изменениям, произошедшим в аграрном секторе. В конце XIX в. в сибирскую деревню активно проникают капиталистические отношения, что выразилось в концентрации собственности в руках зажиточных крестьян и формировании рынка сельскохозяйственных наемных рабочих. Широкое распространение усовершенствованной сельскохозяйственной техники (сеялок, веялок, молотилок и пр.) привело к высокой товаризации крестьянских хозяйств. Резкий рост населения сибирских городов (с 8,5% всего населения Сибири в 1895 г. до 11,4% в 1914 г.[2]) и в целом в регионе способствовал быстрому увеличению спроса на сельскохозяйственную продукцию, что также являлось стимулом для развития крестьянских хозяйств.

Развитие промышленности и сельского хозяйства было невозможно без динамичного роста торговли и распространения банковской системы. Историки отмечают, что "стремительное увеличение внутрисибирской торговли являлось, пожалуй, самой отличительной чертой развития экономики Сибири после постройки Сибирской железной дороги"[3]. Снятие сословных ограничений на право ведения торговли способствовало включению в этот процесс широких масс населения, преимущественно крестьянства. Широко распространенным явлением стало приобретение так называемых промысловых свидетельств, а не переход в купечество для ведения торговых операций. В сибирских городах были открыты не только отделения Государственного Банка, но и большинства крупнейших русских банков – Русско-Азиатского (возник на основе Русско-Китайского банка), Русского для внешней торговли банка и др.

В экономические процессы, протекавшие в это время, было активно вовлечено население Западной Сибири. Национальные общины, занявшие в XIX в. свои экономические ниши и выполнявшие роль "мобильных групп-диаспор", сыграли свою роль в аграрном, торговом, промышленном, транспортном развитии региона.

Ломка старых сословных барьеров и распространение буржуазно-капиталистических отношений привели к изменению положения рассматриваемых национальных общин в экономической жизни Западной Сибири. Как отмечал в своей работе " Россия многонациональная империя" австрийско-германский историк А. Каппелер, в этот период происходит крушение границ, разделявших представителей национальных меньшинств, и

---

[1] Рабинович Г.Х. Указ. соч. С. 92.

[2] Скубневский В.А., Гончаров Ю.М. Города Западной Сибири во второй половине XIX - начале XX в. Барнаул, 2007. С. 61.

[3] История Сибири. Т. 3. С. 190.

последние получили возможность действовать в тех экономических нишах, которые ранее для них были недоступны. Но подобное явление было характерно, как нам представляется, в обществе с развитой хозяйственной системой. Сибирь в начале XX в. к таковым не относилась. Но динамичное развитие в регионе отдельных отраслей способствовало экономической эмансипации евреев, поляков, немцев, начавшейся в пореформенный период.

Выше уже было отмечено, что в промышленности Сибири наиболее динамично развивались обрабатывающие отрасли. Уже во второй половине XIX в., как мы писали, евреи, немцы и поляки заняли в них свои позиции, открыв собственные предприятия в мукомольной, кожевенной, салотопенной, винокуренной, пивоваренной, мыловаренной, спичечной и иных отраслях. В начале XX в. эти заведения по большей части продолжили свою деятельность.

Новой чертой региональной экономики стало институционирование торгово-промышленной, транспортной сферы посредством учреждения торговых домов. Наибольшее распространение получили товарищества на вере (коммандитное товарищество), основанные на складочном капитале, вносимом полными товарищами и вкладчиками-коммандитистами, и полные товарищества, состоявшие только из полных товарищей, и в которых отсутствовали вкладчики. Полные товарищи осуществляли предпринимательскую деятельность от имени товарищества и отвечали по его обязательствам своим имуществом. Вкладчики рисковали только своими вкладами, внесенными в уставной капитал для определенных целей. Свою деятельность товарищество на вере осуществляло на основании устава, который регистрировался нотариусом, после чего предприятие регистрировалось городской управой или иным органом местного самоуправления. Сведения о нем ежегодно отправлялись в соответствующий отдел Министерства торговли и промышленности.

Анализ уставов различных товариществ, учрежденных в губерниях Европейской России и в Западной Сибири, привел нас к следующим заключениям. К началу Первой мировой войны в стране числилось по данным статистики 3054 торговых дома, занимавшихся промышленной деятельностью, и 6148 торговых домов, занимавшихся торговлей[1]. Большая их часть была зарегистрирована в крупных городах Европейской России. Ограниченность ликвидной денежной массы в России вела к дифференциации предприятий по размеру уставного капитала. Наиболее распространенный размер уставного капитала колебался в начале XX в. в пределах 2 -

[1] Сборник сведений о действующих в России торговых домах (товариществах полных и на вере). Издание Отдела торговли Министерства торговли и промышленности. Пг., 1915.

5 тыс. руб.[1]. В крайне редких случаях торговые дома, открывавшие свои отделения и представительства в западносибирских городах, имели уставной капитал 10 тыс. руб. и более[2].

Собственно сибирских торговых домов, в сравнении с Европейской Россией, было немного. Так, в 1910 г., по данным Барнаульской городской управы, в Барнаульском уезде Томской губернии было зарегистрировано 19 торговых домов[3]. На январь 1912 г. в Томском уезде было зарегистрировано 54 торговых дома[4]. В Мариинском уезде Томской губернии на тот же период был зарегистрирован один торговый дом "Бр. Хейфиц", который вел торговлю мануфактурой[5]. Как показывает практика, торговые дома открывали те предприниматели, которые на протяжении нескольких лет, а то и десятилетий занимались торгово-промышленной деятельностью и имели значительные капиталы. Это позволяло им открывать торговые дома с большим уставным капиталом. Ниже приводятся данные о некоторых торговых домах, открытых в уездах Тобольской, Томской губерний, Акмолинской области в 1910 - 1912 гг. (см. прил. 50).

Активное участие в учреждении торговых домов разного рода принимали участие еврейские, польские и немецкие предприниматели. Наибольшую активность проявляли представители еврейских торгово-промышленных кругов. Так, в Ново-Николаевске, который в 1910-х гг. был одним из наиболее динамично развивавшихся экономических центров Сибири, на январь 1912 г. было зарегистрировано 37 торговых домов, из которых каждый пятый (8) был еврейским[6].

В пореформенный период в Западной Сибири определилось несколько крупнейших еврейских фамилий, которые оказали колоссальное влияние на развитие промышленности и транспортной системы – Фуксманы, Хотимские, Ельдештейны, Мариупольские, Гудовичи и др. На протяжении второй половины XIX в. шел процесс активного первоначального накопления капитала посредством универсального ведения бизнеса. Последнее подразумевало под собой сращивание торгового и промышленного капитала и средоточие в одних руках производства товара и его сбыта на рынке. Имея достаточно ограниченный круг источников для вложения в торгово-промышленную сферу, еврейские предприниматели вынуждены были включаться в любое легальное или полулегальное предприятие, которое могло принести прибыль. Подобная деятельность вела не столько к высокой концентрации капитала, сколько зачастую приводила к

---

[1] РГИА. Ф. 23. Оп. 11. Д. 1014. Л. 110 - 142.

[2] Там же.

[3] Там же. Лл. 31 об. - 38.

[4] Там же. Лл. 40 об. - 60.

[5] Там же. Лл. 77 об. - 78.

[6] Там же. Лл. 80 - 98. Подсчет наш.

распылению средств и сил, следствием чего становилось банкротство. Не последнюю роль в раздроблении семейного бизнеса в еврейской среде играли традиционные для XIX в. большие патриархальные семьи. К началу XX в. еврейская семья может быть охарактеризована скорее как современная, состоявшая из 4-6 человек, включая родителей. Но это не означало исчезновение с экономической сцены семейных кланов, части которых поддерживали друг друга в хозяйственной деятельности.

В Западной Сибири в это время произошла частичная смена поколений еврейских купцов. Хотимские, Гудовичи и прочие ушли на второй план или вовсе разорились. Им на смену пришли предприниматели новой формации, более гибкие и приспособленные к новым условиям. С целью сохранения семейного бизнеса некоторые из них были готовы пойти на смену веры, что раньше было вовсе недопустимо.

Сформировавшаяся в предшествующий период промышленная специализация западносибирских городов по-прежнему определяла хозяйственные занятия представителей еврейских предпринимателей. Правда, на рубеже XIX – XX вв. евреи достаточно осторожно вкладывали капиталы в региональную производственную сферу. Это объясняется регулярными попытками губернской администрации выселить евреев в места их приписки. Нерешенность данного вопроса на самом высоком уровне, как мы отмечали выше, порождала нервозность в еврейском сообществе.

Тем не менее, можно выделить целый ряд секторов, которые в начале XX в. привлекали повышенный интерес еврейского бизнеса. Данные промышленной статистики 1910 – 1912 гг. наглядно свидетельствуют о степени присутствия евреев в сфере обработки животных продуктов (кожевенное, обувное, перчаточное, рукавичное производство). Наиболее крупное еврейское производство принадлежало торговому дому "Фуксман Б. с Сыном"[1], расположенное в Томске. В 1908 г. им был открыт кожевенный завод, выпускавший ежегодно продукции на сумму в 50 тыс. руб.[2] Надо сказать, что производство Фуксмана отличалось от прочих не только объемами производимой продукции, но и размером. К 1910 г. на нем было занято 15 сотрудников (рабочих и служащих)[3]. На этот период в Томской губернии завод Фуксманов уступал лишь бийскому предприятию наследников Е. Морозовой с годовым оборотом более

[1] Основан Фуксманами Берко (Борисом) Вульфовичем (Леонтьевичем) (1852 г.р.) и его сыном Владимиром.

[2] Список фабрик и заводов России. 1910 г. По официальным данным фабричного податного и горного надзора. М., СПб., Варшава, 1912. С. 452.

[3] Там же.

чем в 200 тыс. руб.[1] и находившемуся в с. Змеиногорское заводу купца В.П. Митина, который производил кож, свечей и клея на 75 тыс. руб./год[2].

Прочие еврейские кожевенные заводы носили кустарный характер. Об этом свидетельствует, например, объем годового производства и количество занятых на них рабочих. Так, расположенный в с. Осиновые колки Каинского уезда Томской губернии завод Розенфельда, основанный еще в 1898 г., выдавал продукции лишь на 4200 руб./год. На момент статистического обследования (1910 г.) на нем было занято только 5 рабочих[3]. У Юстины Дахневич на кожевенном заводе, открытом в 1906 г. было занято 6 рабочих и служащих, производивших различных кож на 8200 руб./год[4]. И подобных примеров было достаточное количество.

В целом, еврейское производство в этой отрасли не отличалось от прочего. Статистика показала, что в среднем кожевенные предприятия производили продукции на сумму от 2,5 до 10 тыс. руб. В Томской губернии на 1910 г. было 9 из 20 предприятий с производством более 10 тыс. руб./год[5].

В начале XX в. сохранял свою силу введенный в 1887 г. запрет евреям быть владельцами винокуренных заводов. Но уже в конце XIX в., как мы видели, они находили различные способы сохранить за собой контроль над производством водки. Наиболее распространенным стала фиктивная передача предприятия лицам, на которых упомянутый запрет не распространялся. В дальнейшем винокуренный завод на наиболее благоприятных условиях сдавался в аренду бывшему владельцу. Таким образом, буква закона соблюдалась безукоризненно. Так, например, в Томской губернии по-прежнему в аренде за И.Л. Фуксманом числился Григорьевский винокуренный завод № 5[6]. В Тобольской губернии Николаевского винокуренного завода № 8, принадлежавшего купцу А.А. Сыромятникову, выступал А.Г. Фильберт[7].

Подобного рода шаг для сохранения контроля был характерен для евреев Томской и Тобольской губерний. В Восточной Сибири для этих целей создавались товарищества на паях, в которые помимо евреев входили купцы других национальностей. Так, например,

---

[1] Там же.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] Там же.

[5] Там же. С. 451 – 452. Подсчет наш.

[6] Там же. С. 560.

[7] Там же. С. 559.

Иннокентьевский винокуренный завод № 27 в Иркутской губернии находился в собственности товарищества, которое контролировали И.П. Лесков, Н.Ф. Зицерман, А.М. Шейнис[1].

Надо сказать, что в конце XIX – начале XX в. с развитием товарного зернового хозяйства Алтайский округ стал одним из центров винокурения в Западной Сибири. Здесь продолжают функционировать открытые в 1860-х – 1890-х гг. винокуренные заводы и открываются новые предприятия. Резкий рост спиртоводочного производства был связан с увеличением потребления данной продукции увеличивающимся населением в городах, на строительстве железных дорог, приисках. Но эти предприятия принадлежали русским купцам, польским дворянам, но не евреям. Все это свидетельствовало о перераспределении объемов производимой водки между Томской и Алтайской частями губернии и о значительном сокращении доли произведенной продукции "еврейскими" предприятиями в отрасти.

Сохранили свое присутствие еврейские купцы в сибирском пивоварении. Как и в пореформенный период, Томская губерния оставалась центром производства пива. Но внутри губернии произошли существенные изменения. Если в пореформенный период основные производители располагались в Томске, то в начале XX в. в отрасли наблюдались те же процессы, что и в винокурении: центр пивоварения постепенно "сползает" на юг губернии и одним из центров стал Барнаул.

Сибирское пивоварение относилось к традиционным отраслям местной промышленности. В начале XX в. оно подверглось перестройке. В условиях жесточайшей конкуренции владельцы вынуждены были модернизировать производство, расширять ассортимент производимой продукции. Большинство заводов было переоборудовано, значительно выросла их производственная мощность. Теперь пивоваренные заводы имели и безалкогольное производство. Они были сконцентрированы в крупных городах: в Омске – завод Мариупольских с производством до 800 тыс. руб. имел до 100 рабочих, в Томске – Рейхзелигман, Фуксман[2].

Начало XX в.характеризовалось увеличением номинального объема производства пива. Например, на пивоварне М.М. Рейхзелигмана в конце 1890-х гг. варилось 11,5 тыс. ведер пива, в 1910 г. на ней ежегодно производилось более 60 тыс. ведер. Но росло количество заводов и объемы производимой ими продукции. В результате на долю пивоваренных заводов Михаила Рейхзелигмана и Шпринцы Фуксман приходилось в 1910 г. лишь 16% общего объема

[1] Там же. С. 495.

[2] Рабинович Г.Х. Указ. соч. С. 92.

производства[1]. Напомним, что в конце 1890-х гг. доля "еврейского" пивоварения составляла более 30%.

Если в Томской губернии евреи несколько уступили свои позиции в отрасли, то в Акмолинской области наблюдалась иная ситуация. В начале XX в. крупнейшим производителем пива стал принадлежавший торговому дому "Мариупольский М. и К°", расположенный в Омске завод. На его долю приходилось почти 40% производимого пива (161 тыс. ведер)[2]. В предвоенный период это было крупнейшее предприятие в отрасли в Западной Сибири. По объему сваренного пива компания превосходила своих конкурентов в регионе: братьев Ворсиных (145 тыс. ведер), Р. Крюгера (120 тыс. ведер), Н. Давыдовскую (97 тыс. ведер) и пр.[3].

Анализ состояния пивоваренной отрасли в Западной и Восточной Сибири приводит к выводу о том, что еврейский капитал традиционно присутствовал в ней в Западной Сибири. В Восточной Сибири это явление фактически отсутствовало.

Бурное развитие западносибирского пивоварения было невозможно без сопутствующего производства. С одной стороны, это крестьянское хозяйство, обеспечивавшее пивоваренные заводы необходимым зерновым сырьем, а с другой стороны, первый в Сибири солодовенный завод А.Н. Ковлера, находившийся в Омске. Незадолго до Первой мировой войны завод представлял собой механизированное производство, в котором было занято 10 работников. Ежегодный объем производства составлял в рублевом эквиваленте 40 тыс. руб.[4]. Продукция завода была высоко оценена на одной из Всероссийских промышленных выставок серебряной медалью. Этим фактом Аарон Ковлер чрезвычайно гордился и постоянно помещал оттиски медалей на рекламных плакатах[5].

О высокой степени организации капитала свидетельствовали шаги по организации акционерных обществ. Если винокурение оказалось незатронутым акционированием, то в пивоварении наблюдалась иная картина. Одним из крупнейших акционерных предприятий в отрасли являлось в начале XX в. "Акционерное общество М. Мариупольский и сыновья", основанное в 1913 г. Основной акционерный капитал составил 800 тыс. руб. (3200 акций по 250 руб. каждая). Контрольный пакет акций принадлежал семье Мариупольских, но часть акций принадлежала омским предпринимателям[6]. Так, среди акционеров был председатель Омского

---

[1] Там же. С. 614. Подсчет наш.

[2] Там же. С. 584.

[3] Там же. С. 614.

[4] Список фабрик и заводов Российской империи … Раздел II. С. 37.

[5] Сибирский торгово-промышленный календарь на 1910 год. … Отд. 5. С. 156.

[6] Рабинович Г.Х. Указ. соч. С. 100.

биржевого комитета Ф.Ф. Штумпф, занимавшийся животноводческим предпринимательством. Об успешности предприятия говорит тот факт, что на 1 января 1915 г. баланс общества составил более 1 млн. руб.[1].

Исследователи отмечают высокую степень присутствия еврейских предпринимателей в ряде отраслей пищевой промышленности, в частности, в мукомольной[2]. Сопоставление данных по сибирским губерниям на начало XX в. позволяет выявить некоторую специфику данного явления в Западной и Восточной Сибири. Так, по данным Л.В. Кальминой, в восточносибирских губерниях был высокий процент евреев – владельцев фабрик по производству продуктов питания. Этой фабрикой, как правило, была мельница, не требующая значительных капиталов[3]. Увеличение спроса влекло за собой расширение производства. В результате, крупнейшие мукомольные предприятия Восточной Сибири принадлежали верхнеудинскому купцу Нафтолию Капельману и Торговому дому "Братья Клейман и Родовский", которые стали постоянными поставщиками военного ведомства[4].

В Западной Сибири евреи вынуждены были выдерживать высокую конкуренцию со стороны русских, польских, немецких мукомолов. Появление большого числа мельниц было связано, в первую очередь, с резким увеличением спроса на данную продукцию из-за высоких темпов роста населения. Это, в свою очередь, стимулировало бурное развитие товарного зернового хозяйства. Переселенцы, основавшие преимущественно в Томской губернии и частично в Акмолинской области сотни переселенческих поселков нуждались в услугах предприятий по переработке зерна. На волне этой "горячки" еврейские предприниматели стремились наряду с прочими занять свое место на этом емком рынке. Некоторые из представителей деловых кругов активно занимались скупкой зерна в последней четверти XIX в. Но в тот период зерно шло преимущественно на изготовление хлебного вина. Теперь же произошла переориентация на производство муки-крупчатки. Эта ситуация достаточно хорошо прослеживается на примере семейного бизнеса И.Л. и Г.Л. Фуксманов. В 1880-х – 1890-х гг. главная статья дохода – винокуренное производство, о чем бы уже отмечали выше. Но в1910-х гг. Григорьевский винокуренный завод производил продукции на 22850 руб.[5]. В это же время "Ильинская паровая крупчатая мельница" Г.И. Фуксмана в Томске (основана в 1907 г.) давала

---

[1] Рабинович Г.Х. Указ. соч. С. 102.

[2] Кальмина Л.В. Еврейские общины Восточной Сибири … С. 158.

[3] Там же.

[4] Там же. С. 159.

[5] Список заводов и фабрик Российской империи. СПб., 1912. С. 250.

продукции на 687 тыс. руб.[1] Это ставило его в один ряд с такими "тузами" от мукомольного производства как И.И. Федулов, А.И. Винокуров, В.А. Горохов и др.

В рассматриваемый период в мукомольной отрасли имела место жестокая конкуренция. Об этом свидетельствует не только большое количество предприятий, но и возникновение монополистических объединений в форме синдикатов. Ранее уже упоминался союз "Алтайский мукомол". Для того, чтобы не быть поглощенным конкурентами и не разориться, нужно было иметь современное производство, дававшее конкурентоспособную продукцию. Так, Ильинская мельница Г. Фуксмана представляла собой не только крупное предприятие, на котором было занято 75 работников и служащих. В 1910 г. оно было оснащено двумя паровыми двигателями общей мощностью 95 л.с.[2]. Но этого было недостаточно, и уже в 1912 г. фабричная статистика зафиксировала на предприятии двигателей общей мощностью уже 160 л.с.[3], что свидетельствовало о дальнейшем расширении производства. Помимо прочего, владелец стремился максимально использовать производственный ресурс мельницы, а потому она давала не только 400 тыс. пуд. муки ежегодно, но и 150 тыс. пуд. отрубей[4].

В том случае, если не удавалось самостоятельно отстаивать свои позиции на мукомольном рынке, еврейские предприниматели шли на создание товариществ на паях совместно с дельцами прочих национальностей. Примером тому может служить, например, действовавшее в Ново-Николаевске товарищество "Зильбербарт и Токовников"[5].

В начале 1910-х гг. начался процесс акционирования в мукомольной промышленности Ново-Николаевска. Крупнейшим предприятием стала "Алтайская фабрично-промышленная компания", в руководстве которой важную роль играл выходец из еврейской среды А. Каган, обладавший 4100 акциями из 10 тыс. выпущенных[6]. Г.Х. Рабинович в своей работе отметил 1914 год моментом создания компании[7]. К этому моменту предприятие успешно развивалось несколько лет. Данные Ново-Николаевской городской управы на январь 1912 г. содержат в себе сведения о регистрации Товарищества на вере "Алтайская фабрично-промышленная компания" 26 января 1911 г.[8].

---

[1] Там же. С. 115.

[2] Список фабрик и заводов России. 1910 г. … С. 792.

[3] Список заводов и фабрик Российской империи … С. 115.

[4] Список фабрик и заводов России. 1910 г. … С. 792.

[5] Список фабрик и заводов России. 1910 г. … С. 792.

[6] Рабинович Г.Х. Указ. соч. С. 102.

[7] Там же.

[8] Р Г И А. Ф. 23. Оп. 11. Д. 1014. Л. 29 об.

В течение 1911 - 1912 гг. предприятие претерпело существенную трансформацию в составе учредителей. Первоначально на момент создания в 1910 г. уставной капитал в 450 тыс. руб. равными паями был распределен между царицынским купцом 1 гильдии Николаем Тункиным, его братом Константином, иркутским купцом Кулаевым, красноярским купцом Удадовым, владивостокским купцом Бликановым и царицынским купцом Дьяковым. Уже год спустя упомянутый выше Коган перекупил паи всех учредителей, за исключением Николая Тункина. В 1912 г. уставной капитал был увеличен до 499 тыс. руб., внесенных полными товарищами Тункиным и Коганом, и 1 тыс. руб. Удадовым, который в уставе товарищества упоминался как единственный вкладчик[1].

Но в 1910-х гг. в Томской губернии и Акмолинской области функционировали преимущественно малые мельницы, принадлежавшие евреям. Так, в Барнаульском уезде Томской губернии функционировала мельница Ильи Абрамовича, оснащенная локомобилем мощностью в 10[2] л.с. На предприятии было занято 7 работников, ежегодно оно производило пшеничной и ржаной муки на сумму в 14 тыс. руб.[3]

В конце 1880-х – 1890-е гг. в Западной Сибири началось динамичное развитие маслобойного и маслодельного производства. Его центром стала Тобольская губерния. Южные уезды губернии с конца XIX в. стали производить в промышленных объемах льняное, конопляное, горчичное, маковое масло. Отходы производства использовались для изготовления олифы и других товаров. Продукция местных маслобоен была высокого качества и заслужила высокие награды на промышленных выставках. Так, товары Скородумской и Суерской маслобойных артелей на Первой Всероссийской выставке 1893 г. были удостоены Малых золотых медалей, а Емуртлинской – бронзовой. В дальнейшем шло территориальное расширение отрасли. Со временем подобные предприятия возникли и в Томской губернии.

На рубеже XIX – XX вв. в Сибири получает широкое распространение товарное производство сливочного масла. В короткий период Западная Сибирь превратилась не только в крупнейшего производителя этого товара, но и в одного из главных его экспортеров в Западную Европу. Это стало возможным в результате широкого распространения сепаратора, позволившего механизировать процесс отделения сливок. В большинстве сел Юга Западной Сибири крестьяне стали активно использовать товарное молочное животноводство для получения дополнительного дохода.

---

[1] Там же. Л. 30.

[2] Там же.

[3] Список заводов и фабрик Российской империи … С. 114.

Сибирское масло вывозилось по железной дороге в Санкт-Петербург и Ригу, откуда шло в Данию, Германию, Англию. Главным экспортером сибирского сливочного масла стала датская компания "Сибирская компания", имевшая свои закупочные конторы в большинстве крупных сел региона. Высокое качество продукта и высокая прибыль привели к жесткой конкуренции на рынке. Если в конце XIX – начале XX вв. в регионе преобладали кустарные частные маслодельни, то в 1910-х гг. наибольшее значение приобрели артельные, кооперативные и частные крупные предприятия, которые могли предложить крестьянину высокую цену за сдаваемое им молоко, а, следовательно, сохранять и расширять круг поставщиков исходного сырья.

Уже в начале 1900-х гг. евреи стали активно включаться в маслодельческий промысел. Одним из центров стал Каинский уезд Томской губернии. Здесь развернули свою деятельность многочисленные представители клана Мариупольских, которые были приписаны к данному уезду. Последнее было связано в том числе с введением "индивидуальной черты оседлости" для евреев в Сибири, когда местом постоянного проживания признавался уезд, к которому еврей был приписан. Так, в 1902 г. в Томское губернское управление было подано прошение крестьянина дер. Кулунда Казаткульской волости Каинского уезда Аврума Гиршева Мариупольского, в котором испрашивалось разрешение от открытии маслодельного завода. Формально завод, устроенный в крестьянской избе, уже функционировал. Владелец решил открыть еще одно сливочное отделение на другом конце деревни и узаконить свою деятельность[1].

Один из немногочисленных сохранившихся актов описания позволяет составить представление об этом предприятии. Так, завод был расположен на усадебной земле, принадлежавшей заявителю. Это очень облегчало его положение, т.к. в этой ситуации не требовалось разрешение сельского общества на его строительство. Получив по выделу от общества свой надел, Мариупольский распоряжался им по собственному усмотрению.

Собственно маслодельный завод располагался в просторном деревянном строении и был обеспечен двумя ручными сепараторами. Это позволяло перерабатывать ежегодно до 6,6 тыс. пудов молока и получать не менее 300 пуд. сливочного масла. Уже на начальном этапе Мариупольский реализовывал продукцию в Омск и Ригу. На предприятии к тому моменту работали мастер и 2 работника. На зимний период оставляли мастера и одного работника. Продолжительность рабочего дня составляла от 8 до 12 часов. Заработок мастера, по акту осмотра, составлял 240 руб., а рабочего - 120 руб. в год[2].

---

[1] ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 5301. Л. 1 - 1 об.

[2] ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 5301. Л. 6 об.

Одновременно с этим, как уже отмечалось выше, А. Мариупольский запускал сливочный цех, расположенный в другой части деревни. В нем предполагалось силами одного мастера перерабатывать 2,5 тыс. пудов молока ежегодно. Из технических средств предполагалось использовать только ручной сепаратор. Часть полученных сливок должно было перерабатываться на месте, а часть - на маслодельном заводе[1].

Надо сказать, что этому моменту у А. Мариупольского, кроме упомянутого завода и цеха в дер. Кулунда Казаткульской волости, были аналогичные маслодельные заводы в деревнях Блюдцы и Малая Тохта Юдинской волости и Успенской Казаткульской волости Каинского уезда[2].

Однако проделанная подготовительная работа оказалась не нужной: по разъяснению Министра внутренних дел от 17 июля 1903 г., маслодельные заводы, действующие без паровых двигателей, признавались сельскохозяйственным производством, а потому специального разрешения на их открытие больше не требовалось[3].

Еврейские предприниматели смогли занять свое место в данной отрасли. Им принадлежали маслодельные заводы не только в Томской, но и Тобольской губернии. Так, в Тарском и Тюкалинском уездах им принадлежала часть местных заводов. Некоторые представители клана Мариупольских являлись владельцами маслобоен в Еланской волости Тюкалинского уезда[4]. В целом, на 1910 г. фабрично-заводская статистика зафиксировала в Тобольской губернии семь предприятий, принадлежавших местным евреям[5]. Получившее в дальнейшем артельное маслоделие стало главным конкурентом частников. Так, по данным сельскохозяйственной переписи 1916 г. в Каинском уезде Томской губернии на 368 артельных маслодельных заводов приходилось 296 частновладельческих[6].

В начале XX в. широкое распространение в России получило консервное производство. Его необходимость наиболее остро ощутила русская армия во время боевых действий на Дальнем Востоке 1904 – 1905 гг. Так, генерал А. Игнатьев в своих мемуарах "50 лет в строю" писал, что "хотел было отец снабдить меня в дорогу консервами, но в России они в ту пору не выделывались. Лишь впоследствии выслал он мне в Маньчжурию английские"[7].

---

[1] ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 5301. Л. 7 об.

[2] ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 5301. Л. 12.

[3] ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 5301. Л. 17.

[4] Список фабрик и заводов России. 1910 г. … С. 853.

[5] Список фабрик и заводов России. 1910 г. … С. 845 – 858. Подсчет наш.

[6] Алтайско-Томская часть Сибири по данным сельскохозяйственной переписи 1916 г. Томск, 1927. С. 21.

[7] Игнатьев А.А. Пятьдесят лет в строю. Кн. 1. М., 1954. С. 145.

Производство различного рода консервированных продуктов было организовано и в Сибири. В Тобольской губернии одно из основных предприятий по выпуску рыбных консервов принадлежало Торговому дому "Плотников М. с С-ми", производившему продукции на 100 тыс. руб./год[1]. В Томской губернии владельцами крупнейшего мясоконсервного производства были представители еврейского капитала – основавшие в 1891 г. "Томское торгово-промышленное товарищество" томское купцы Фильберт К.В. и Дашевский С.М. В начале 1910-х гг. фабрика выпускала продукции на 70-80 тыс. руб. Предприятие носило сезонный характер, о чем свидетельствует "плавающий" показатель численности занятых рабочих – от 15 до 20[2].

В целом, еврейские предприниматели присутствовали в различных отраслях обрабатывающей промышленности. Часто это зависело от региональной специализации. Приток земледельческого элемента привел к бурному развитию сельского хозяйства, требовавшего открытия большого количества предприятий по переработке сельскохозяйственного сырья. Перманентная зависимость еврейского населения от воли правительства и в начале XX в. тормозила их включение в промышленную сферу. Евреи сознательно открывали малые предприятия с небольшим количеством рабочих. В основном их привлекали малозатратные в финансовом плане, но доходные сферы. Как отмечает Л.В. Кальмина, "стабилизировался процесс вкладывания еврейскими купцами денег в производство лишь тогда, когда появилась уверенность, что длительное время проживания в данном населенном пункте, сложившаяся репутация полезного для города человека плюс обладание недвижимостью служат определенной, хотя и не полной гарантией от неприятных неожиданностей"[3].

Одной из особенностей присутствия евреев в западносибирской экономике стала высокая концентрация еврейского торгового элемента в ряде уездов. В наибольшей степени это прослеживалось в местах традиционного компактного поселения иудеев в Томской губернии – Каинском и Мариинском уездах. Как и в первой половине XIX в., в их руках оставалась практически вся мелочная торговля. Об этом свидетельствуют, например, данные о численности купечества и количестве фирм различных разрядов. В Мариинске в 1909 г. из 21 купца второй гильдии 16 были евреями[4], из 29 торговых свидетельств второго разряда девять было выдано евреям. В их руках была сосредоточена практически вся торговля мануфактурным товаром в городе и уезде. Для некоторых из них гильдейские свидетельства требовались не для

---

[1] Список фабрик и заводов России. 1910 г. … С. 882.

[2] Там же.

[3] Кальмина Л.В. Еврейские общины Восточной Сибири … С. 158.

[4] Сибирский торгово-промышленный календарь на 1910 г. Год XV. СПб., 1910. Отд. V. С. 132 – 133. Подсчет наш.

ведения торговых дел, а для проживания в других городах. Так, купец второй гильдии Абрам Лейбович Лапышев, как указывал "Сибирский торгово-промышленный календарь на 1910 год", проживал в Томске, купец той же гильдии Абрам Соломонович Парашницер торговлей не занимался, проживая в Санкт-Петербурге[1].

Проведение Сибирской железной дороги способствовало развитию товарности сельского хозяйства и торговле сельскохозяйственной продукцией. Среди крупнейших хлеботорговцев Западной Сибири выделялись М. Мариупольский (Омск), Т. Фуксман (Барнаул), А. Коган (Ново-Николаевск). Скупаемый у крестьян хлеб шел на переработку с дальнейшей продажей муки в другие регионы. Крупным покупателем являлось военное ведомство в лице интендантства. По данным Г.Х. Рабиновича, только в 1913 г. оно закупило у западносибирских хлеботорговцев ок. 5 млн. пудов хлеба. Подобная торговля для некоторых дельцов была чрезвычайно прибыльной. Так, в январе 1910 г. иркутское интендантство закупило у А. Когана 150 тыс. пуд. пшеницы по 94 коп./пуд. (при средней цене 81 – 85 коп./пуд.)[2].

В западносибирском пароходстве еврейские предприниматели заняли видное место. На начало XX в. наиболее крупными фигурами на рынке речных пассажиро- и грузоперевозок были Ельдештейны и Фуксманы.

В 1895 г. Василий Евгеньевич (отец) и Евгений Васильевич Ельдештейны заложили основу собственному пароходству, спустив на воду пароход "Любимец". По возвращении с военной службы в 1899 г. Евгений Ельдештейн продолжил начатое дело, купив новое пассажирское судно "Евгений", в том же году при финансовой помощи отца он начал строительство третьего парохода (двухпалубного) "Товарищ"[3]. К 1910 г. пароходство созданного Торгового дома "Наследники В.Е. Ельдештейна" насчитывало 5 пароходов и 12 грузовых барж. Для развития пароходной компании использовались накопленные ранее средства, в том числе посредством функционирования ссудной кассы в Томске, ликвидированной в 1893 г.[4]

В период становления пароходная компания сосредоточила свою деятельность на участке Оби между Барнаулом и Томском. На принадлежавших ему судах осуществлялись пассажирские и грузовые перевозки. Последние в данный период ежегодно увеличивались, что было связано с бурным развитием товарного земледелия и скотоводства на Алтае. И здесь

---

[1] Там же. С. 132.

[2] Рабинович Г.Х. Указ. соч. С. 233.

[3] Воробцова Л.Н. Барнаульский купец Евгений Васильевич Ельдештейн // Личность в истории Сибири XVIII – XX вв. Сборник биографических очерков // http://history.nsc.ru/kapital/project/person/11.html (Электронный ресурс. Режим доступа 22.08.2013 г.).

[4] Там же.

приходилось испытывать жесткую конкуренцию со стороны фирм Плотникова Мельниковой и др.[1]

В начале XX в. на Оби между Бийском и Томском существовало 5 пароходств, владельцы которых решили объединиться в "Соединенную пароходную компанию" из-за возросшей конкуренции. Это произошло в 1911 г., а в 1915-1916 гг. общая сумма паевого капитала была 1575,1 тыс. руб. и банковский кредит в 50 тыс. руб. (1912) в Барнаульском отделении Госбанка. При этом из общей суммы паевого капитала компании на счету "Наследников В.Е. Ельдештейна" было 250,9 тыс. руб.[2]

Развитие пароходной компании Фуксманов было связано с их устойчивой ориентацией на алтайское зерновое производство. Но, если в конце XIX в. зерно требовалось в больших количествах для винокуренного завода, то в начале XX в. главным потребителем алтайской пшеницы стала мукомольная мельница по производству крупчатки. Перевозка грузов сопровождалась развитием пассажирского сообщения. Два быстроходных первоклассных парохода курсировали между Томском и Барнаулом.

Начало активного железнодорожного строительства в Сибири оживило еврейские предпринимательские круги – появилась возможность заработать солидные капиталы на строительных подрядах. Как отмечает Л.В. Кальмина, "в постройке Великого сибирского пути евреи-подрядчики играли видную роль: поставляли стройматериалы, занимались земляными работами, строили мосты"[3]. Работа во многом облегчалась тем, что многочисленные небольшие заводы по производству строительных материалов (кирпича и пр.) в западносибирских губерниях так же принадлежали евреям. В Томске, например, в начале XX в. успешно работали кирпичные заводы Кунерштейна и Пейсахова.

Качественно новым явлением начала XX в. в экономической деятельности сибирских евреев стало их активное включение в угледобычу. Пионером в этом направлении стал ТД "Братья Ельдештейн и К^0", которая первоначально была известна в Сибири как "Алтайский уголь", а с 1915 г. действовала как фирма "Ново-Судженские копи". Распорядителем компании являлся Андрей Андреевич Ельдештейн, кроме него учредителями являлись кандидат коммерции Михаил Гиршевич Миллер, личный почетный гражданин Петр Андреевич Ельдештейн, жена личного почетного гражданина Елизавета Дмитриевна Ельдештейн, томский купеческий сын Петр Петрович Вытнов[4].

---

[1] Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь на 1898 год. Год пятый. Томск, 1898. С. 706.

[2] Скубневский В.А., Старцев А.В., Гончаров Ю.М. Предприниматели Алтая. Барнаул, 1996. С. 51.

[3] Кальмина Л.В. Еврейские общины Восточной Сибири … С. 161.

[4] ГАТО. Ф. 433. Оп. 2. Д. 1920. Л. 10.

В течение 1915 - 1916 гг. фирма значительно укрепила свои позиции. В ноябре 1915 г. Томское горное управление закрепило за ней четыре участка, которыми до этого времени владел А.Д. Федоров[1]. В сентябре 1916 г. в распоряжение Ново-Судженских копей перешли четыре участка, ранее принадлежавшие М.М. Бобыриной[2]. В течение 1914 - 1915 гг. были проведены необходимые изыскательные работы. На всех восьми участках, расположенных в Томском уезде Томской губернии, были обнаружены залежи каменного угля.

С 1916 г. начался процесс эксплуатации Судженского угленосного участка. К концу 1916 г. "была пройдена и оборудована шахта протяженностью 27 саж. (57,6 м - В.Ш.), из которой велись рассечки по углю, кроме того возведены постройки: казармы для 300 чел. рабочих, дома служащих, амбары, складочные помещения; заготовлены лесные строительные и крепежные материалы"[3].

Уже в 1916 г. предприятие имело свой круг потребителей каменного угля. Среди них были Йодовый завод[4], Томская городская управа[5], дрожжевой завод ТД "Д. Зверев и К°"[6] и другие. При этом именно Томская городская управа являлась одним из крупнейших потребителей, закупая для нужд городского водопровода до 200 тыс. пуд. угля[7]. Все это свидетельствует о том, что предприятие может быть отнесено в разряд крупных.

Большие объемы продаж требовали от руководства компании решения логистической проблемы. Вывоз угля гужевым транспортом был крайне неудобен и дорог. То же можно говорить о речном транспорте. Выход из ситуации был в получении доступа к Сибирской железной дороге. Уже в октябре 1917 г. Министерство торговли и промышленности разрешило Ново-Судженским копям осуществлять вывоз каменного угля по железной дороге в объеме до 50 тыс. пуд./год[8]. Министерство приняло предложение А.А. Ельдештейна по установлению платы за перевозку в размере 0,5 коп./пуд. Надо сказать, что это было достаточно важным достижением Ельдештейна, ибо преобладала в тот период другая схема провозки грузов по железной дороге - плата рассчитывалась применительно не к весу, а единице расстояния.

Даже в годы Гражданский войны Ново-Судженские копи продолжали добычу каменного угля и реализовывали его на местном рынке.

---

[1] ГАТО. Ф. 433. Оп. 2. Д. 1920. Л. 1.
[2] ГАТО. Ф. 433. Оп. 2. Д. 1920. Л. 2.
[3] ГАТО. Ф. 428. Оп. 1. Д. 2932. Л. 29.
[4] ГАТО. Ф. 433. Оп. 2. Д. 1920. Л. 17.
[5] ГАТО. Ф. 433. Оп. 2. Д. 1920. Л. 18.
[6] ГАТО. Ф. 433. Оп. 2. Д. 1920. Л. 24.
[7] ГАТО. Ф. 433. Оп. 2. Д. 1920. Л. 18.
[8] ГАТО. Ф. 433. Оп. 2. Д. 1920. Л. 73.

Не столь успешной была деятельность ТД "Бр. Ельдештейн и К^{0}" в другом секторе горнодобычи - рудном. В марте 1916 г. за П.А. Ельдештейном были закреплены 11 участков в Мариинском уезде Томской губернии для поиска месторождений железной руды. Однако в течение года разведочные работы не были начаты и уже в августе 1917 г. разрешительные свидетельства были отозваны[1].

Бурное промышленное и гражданское строительство начала XX в. требовало большого количества высококвалифицированных специалистов. На протяжении второй половины XIX – начала XX в. главным учебным заведением по подготовке архитекторов был Институт гражданских инженеров. Открытие в Томском технологическом институте подотделения инженеров гражданских сооружений в значительной степени позволило Сибири решить проблему нехватки кадров. Одним из наиболее известных архитекторов еврейского происхождения начала XX в. в Западной Сибири являлся Товий Лазаревич Фишель (1869 – после 1913), занимавший пост городского архитектора Томска с 1905 по 1911 гг. В это время Томская городская дума выделяла значительные средства для строительства общественно значимых городских объектов. Использовались как государственные ассигнования, так и привлекались значительные частные пожертвования.

Фишель много работал по частным заказам, строил особняки для купцов и предпринимателей. По его чертежам, в частности, был выстроен дом известного сибирского просветителя Петра Макушина. Перу Фишеля принадлежат также проекты доходного дома купца Ивана Некрасова, особняка купца Григория Нестерова, других домов в городе. Благодаря Фишелю в эти годы на томских улицах возникли новые учебные заведения: двухэтажные каменные школы на Миллионной и Жандармской улицах, Владимирское училище, построенное в память о первой Государственной Думе на той же Миллионной, и крупнейшее в городе Заозерное училище. На средства купца первой гильдии Ильи Леонтьевича Фуксмана, одного из крупных коммерсантов Томска, в 1910 г. зодчий строит двухэтажное каменное здание еврейского начального училища. Несколько торговых корпусов обязаны своим появлением Фишелю: торговые лавки на Спасском базаре, Съестной ряд на Базарной площади, уникальный по архитектуре мучной корпус, построенный в 1908 г. на средства купцов, на той же площади. Корпус на шесть торговых помещений, по числу пайщиков, спроектирован так, что в рисунке фасада здания явственно просматриваются очертания двух мучных мешков[2]. По его проектам были построены некоторые медицинские и богоугодные заведения в городе. Однако комплекс

[1] ГАТО. Ф. 428. Оп. 1. Д. 3030. Л. 2.

[2] Юшковский В. "Сибирские мотивы" Фишеля // http://www.judaica.kiev.ua/Conference/Conf2002/Conf41-02.htm (Электронный ресурс. Режим доступа 22.08.2013 г.).

причин (состояние здоровья, проблемы в отношениях с местными чиновниками и гласными Думы) заставили Фишеля свернуть свою деятельность в Томске и подать прошение об увольнении от должности.

Это был один из немногих случаев в истории Западной Сибири, когда еврей-архитектор в течение почти 6 лет занимался проектированием и строительством в губернском городе. Сохранявшаяся процентная норма на прием евреев в высшие учебные заведения не способствовала притоку евреев в эту сферу. Как отмечала Е.З. Гончарова, среди архитекторов в России в начале XX в. их число было крайне незначительно[1].

Императорский Томский университет в начале XX в. предоставлял евреям не только возможность получить высшее образование на медицинском или юридическом факультетах. Для некоторых представителей общины он стал источником дохода. Так, в 1909 г. по кафедре энциклопедии права и истории философии права должность приват-доцента занимал Леонид Мариупольский, имевший степень доктора философии Берлинского и Гельсинфорского университетов. В Томском университете в должности приват-доцента он числился с 1907 г.[2]. Некоторые должности они занимали в Университетской клинике при медицинском факультете. Например, ординатором детской клиники был окончивший Томский университет с дипломом лекаря с отличием Николай Гинзберг (иудейского исповедания)[3]. С 1908 г. ординатором акушерско-гинекологической клиники был Лейба Короневский, также окончивший курс в Томском университете[4].

В ряде сибирских городов евреи играли заметную роль в сфере обслуживания. Они достаточно часто открывали бани, парикмахерские, медицинские кабинеты, гостиницы, пивные, сдавали мебелированные комнаты, фотографии. Так, большая часть зубоврачебных кабинетов в сибирских городах принадлежала евреям. Так, в 1910 г. в Барнауле четыре из пяти зуболечебных врача были иудеями. Особенностью местной стоматологии было преобладание женщин: Гершевич Людмила, Иппо-Перельман Ида, Кричман Зинаида[5]. Это свидетельствует о том, что евреи начали активно включаться в развитие медицины в Сибири.

Постоянный рост населения в городах, его возрастающие потребности вследствие модернизации образа жизни делал эту сферу хозяйственной деятельности достаточно емкой. Ее

---

[1] Гончарова Е.З. Поляки-архитекторы на службе Российской империи во второй половине XIX в. // Россия – Польша. Два аспекта европейской культуры. Материалы XVIII Царскосельской научной конференции. СПб., 2012. С. 124.

[2] Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа на 1909 год. Томск, 1909. С. 10.

[3] Там же. С. 25.

[4] Там же. С. 26.

[5] Сибирский торгово-промышленный календарь на 1910 г. … Отд. 5. С. 17.

высокая привлекательность объяснялась тем, что заведения подобного рода не требовали значительных капиталовложений, а прибыль приносили стабильно. В большей степени это относилось к кабакам. Так, один из корреспондентов "Сибирской газеты" писал, о конкуренции между русскими и еврейскими кабатчиками. Русский требует с крестьян деньги, в долг не дает и ничего не берет. В то же время еврей-кабатчик хоть и продавал вино хуже по качеству, "зато дает в долг, берет корову, барана, кожу, хлеб"[1], что делало водку доступной крестьянину, а кабатчику приносило прибыль. Подобная ситуация была характерна и для начала XX в.

Рост городского населения за счет притока мигрантов из других регионов и сельской местности порождал благоприятную почву для распространения девиантных настроений. В конце XIX – начале XX в. проституция в Сибири переживала период своего наивысшего расцвета. Это было связано с наплывом в регион большого количества рабочих, мастеровых, служащих в связи со строительством Транссибирской железной дороги и активизацией переселенческого движения. Современные историки, изучавшие это явление, отмечали, что центрами проституции в регионе были большие торговые и трактовые села, крупные города, прииски, места уголовной ссылки[2]. Именно содержание домов терпимости оставалось одним из видов хозяйственной деятельности, в которой евреи Томской губернии сохраняли свои позиции в начале XX в.

Деятельность публичных домов и проституток-одиночек в дореволюционной России была подчинена медико-полицейскому контролю. С 1843 г. в городах империи создавались врачебно-полицейские комитеты для надзора за проституцией. В функции полицейского управления входила выдача разрешений на открытие дома терпимости, сбор необходимых сведений о его хозяйке и проститутках (фамилия, имя, отчество, сословное происхождение, возраст, адрес, образ жизни). Проститутку не допускали к ее промыслу, пока ее не освидетельствовал врач и ей не был выдан медицинский билет ("желтая карточка"). В Сибири, в силу недостатка врачей, а также финансирования, медицинский контроль над проституцией первоначально существовал лишь формально. Однако во второй половине XIX в. в связи с широким распространением венерических заболеваний городские власти всерьез озаботились этой проблемой. Проститутки должны были регулярно проходить медицинское освидетельствование[3].

---

[1] Сибирская газета. Томск. 1882. № 37

[2] Зверев В.А. Признаки дезорганизации общинной и семейной жизни в сибирской деревне конца XIX – начала XX века // Община и семья в сибирской деревне XVIII – начала XX вв.: Межвуз. сб. науч. тр. - Новосибирск, 1989. С. 73.

[3] Долидович О.М. Женская проституция в Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. // http://podelise.ru/docs/59610/index-5269.html (Электронный ресурс. Режим доступа 21.08.2013 г.).

Содержательницами публичных домов становились, как правило, бывшие проститутки, которые сами в силу возраста не пользовались спросом на рынке интимных услуг. Те, кому удавалось скопить определенную сумму на открытие публичного дома. Поэтому по социальному составу это были мещанки и крестьянки. Так, в Томске в декабре 1901 г. было зарегистрировано 12 домов терпимости с 87 проститутками. Среди их содержательниц преобладали мещанки (66,6%). Для некоторых эта сфера становилась семейным делом – среди содержательниц публичных домов числились Захир Вера, Захир Бейла, Захир Надежда (см. прил. 51).

Половина из перечисленных выше заведений принадлежала еврейкам. На 1901 г. на них работало 37% официальных проституток Томска. При этом обращает на себя внимание тот факт, что сами они проституцией практически не занимались. По данным переписи населения 1897 г., в Томской губернии данным видом деятельности занималось 286 чел., из которых 206 (72%) составляли русские, лица же иудейского вероисповедания среди них составили лишь 4,5%[1]. При этом не было в губернии легальных проституток среди полячек и немок. То же можно сказать и про Тобольскую губернию.

Некоторые дома терпимости, как мы видим, существовали в Томске не один год, что свидетельствует об успешной организации дела. Так, в 1897 г. уже действовали дома терпимости Абрамович и Бобович[2].

Дома терпимости, в соответствии с действовавшим законодательством открывались по согласованию с городским полицейским управлением. Состоявшие при них проститутки должны были регулярно проходить медицинский осмотр с внесением его результатов в специальный медицинский билет (так называемая "желтая карточка" - по цвету билета). Соблюдение законодательства являлось основанием для получения свидетельства в дальнейшей деятельности заведения[3].

Присутствие в данной сфере представительниц различных национальностей свидетельствует о размывании национальных границ в данном явлении. Успех, как и в других экономических сферах, зависел от наличия капитала и организации дела. Но еврейки, как правило, выступали исключительно в качестве содержательниц домов терпимости. Среди самих проституток евреек практически не было. Еще в 1886 г. из 131 проститутки, зарегистрированных Томским городским полицейским управлением, только 2 были еврейками[4].

---

[1] Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Т. 79. Томская губерния. СПб., 1904. С. 152, 156. Подсчет наш.

[2] Томский листок. Томск, 1897. № 54.

[3] ГАТО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 3153. Л. 70.

[4] ГАТО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 1848. Подсчет наш.

Таким образом, в начале XX в. еврейская община продолжала играть важную роль в экономической жизни Западной Сибири. Размывание социальных и этнических границ способствовало более активной инкорпорации еврейского капитала в промышленность, торговлю, транспорт, сельское хозяйство региона. Высокая концентрация евреев в городах предопределила их связь с торговым и промышленным секторами. С сельскохозяйственным производством они были связаны лишь выступая в качестве скупщиков продуктов либо их переработчиками.

Экономическое развитие сообщества по-прежнему зависело от отношения к нему со стороны государства, а потому евреи оставались заложниками нерешенности пресловутого еврейского вопроса. Постоянная угроза выселения из развитых районов в места официальной приписки тормозила включение ее в модернизируемую экономику. Сохранявшиеся законодательные запреты на отдельные виды хозяйственной деятельности они продолжали обходить. Местные власти, заинтересованные в экономическом развитии, вынуждены были закрывать на это глаза либо выступать на стороне еврейских предпринимателей в случае возникновения конфликтных ситуаций с представителями Министерства внутренних дел либо других ведомств.

Несмотря на все сложности, еврейское сообщество приняло активное участие в начавшейся экономической модернизации Западной Сибири. Его представители строили заводы и фабрики, открывали торговые заведения, обустраивали транспортное сообщение. Все это происходило в условиях жесткой конкуренции. Но евреи прочно устроились в Сибири и выдерживали ее, зачастую устанавливая высокую планку развития производства либо оказания тех или иных услуг.

В начале XX в. поляки играли важную роль в административном управлении регионом. Они были представлены в управлении железной дорогой, финансовом ведомстве, полицейских и судебных органах, лесном ведомстве. Наплыв поляков в Сибирь некоторые исследователи объясняют тем, что польская интеллигенция была лишена возможности занимать должности в административном аппарате в Царстве Польском[1].

Одним из наиболее ярких администраторов, например, Алтайского округа в 1900 – 1904 гг. был выходец из старинного польского дворянского рода Адам Феликсович Кублицкий-Пиоттух. В отличие от многих своих предшественников, он имел юридическое образование, полученное в Санкт-Петербургском университете. Встав во главе администрации Алтайского округа, он способствовал развитию научных исследований. Так, например, в 1900 г. он

[1] Островский Л.К. Указ. соч. С. 106.

разрешил использовать две комнаты в здании заводской лаборатории для библиотеки и музея Общества любителей исследования Алтая[1].

Часть поляков оказалась связанной с различными отраслями перерабатывающей промышленности. Как и в конце пореформенного периода, поляки были вовлечены в сферу промышленного предпринимательства. Особых изменений в структуре их вовлеченности в этом направлении не произошло.

В начале XX в. сохранило свое значение польское дворянское предпринимательство в отдельных отраслях перерабатывающей промышленности. Это относится, в первую очередь, к винокурению и пивоварению.

Одним из крупнейших производителей водки в данный период в Западной Сибири оставался винокуренный завод наследников А.Ф. Поклевского-Козелл. Падунский завод в Ялуторовском уезде Тобольской губернии, по данным фабричной статистики, к 1909 г. производил до 250 тыс. ведер спирта. Объем годового производства составлял в начале XX в. от 190 до 260 тыс. руб.[2] Если сравнить эти два показателя с аналогичными за конец 1890-х гг., но проявится интересная динамика, характерная для экономического развития сибирского региона. Напомним, что в прежний период на Падунском заводе выкуривалось 51.2 тыс. ведер спирта на сумму в 620 тыс. руб. За 10 с небольшим лет объем производства вырос почти в 5 раз, тогда как объем производства в рублевом эквиваленте сократился почти в три раза. Это свидетельствовало, с одной стороны, о бурном развитии производства, а с другой стороны, о падении цен на производимую продукцию в условиях жесткой конкуренции. В этих условиях увеличилось и количество занятых рабочих. Теперь их насчитывалось на предприятии уже 102[3]. Столь значительное число рабочих и служащих говорит о значительных размерах производства и высокой степени разделения труда.

В Тобольской губернии Падунский завод продолжал конкурировать с производством Н. Давыдовской, наследниками Хаймовича, Фильбертом и др. Но он оставался крупнейшим предприятием в отрасли на территории Тобольской губернии. На долю этого предприятия к 1910 г. приходилось более 28% произведенного спирта и более 15% рабочих и служащих[4]. В масштабах Западной Сибири в начале XX в. предприятие входило в пятерку крупнейших, уступая по объему годового производства лишь Петровскому винокуренному заводу Торгового дома "Вытилов В. с сыном Петром" (794 тыс. ведер), Знаменскому винокуренному заводу

---

[1] Сергеев А.Д. Географическое общество на Алтае // Родная природа. Барнаул, 1983. С. 93.

[2] Список фабрик и заводов России. 1910 г. … С. 559.

[3] Там же.

[4] Там же. С. 559 – 560. Подсчет наш.

Торгового дома "Плещеев и К°" (408 тыс. ведер), Иткульскому заводу Товарищества "Платонов И.К. и Судовской Е.И. наследники" (400 тыс. ведер), Барнаульскому винокуренному заводу братьев Ворсиных и Олюнина (250 тыс. ведер)[1].

Надо сказать, что не только в Сибири представители клана Поклевских-Козелл занимались винокурением. Так, например, только в Виленской губернии к 1910 г. действовали Веречатский винокуренный завод А.К. Поклевского-Козелл[2], Княгининский винокуренный завод наследников К.К. Поклевского-Козелл[3], Ковеневский винокуренный завод Г.Д. Поклевского-Козелл[4].

В начале XX в. продолжали сохранять свое значение в сибирском винокурении и другие предприятия, владельцами которых были польские дворяне-предприниматели. Это относится, в частности, к винокуренному заводу И. Андроновского, который начал свою деятельность еще в конце XIX в. К 1910 г. на заводе уже производилось 70 тыс. ведер спирта, что было более чем в 10 раз больше в сравнении с концом 1890-х гг.[5]. За 10 лет выросли не только объемы производства, но и доходность предприятия. К 1910 г. оно приносило ежегодно в товарном виде 70 тыс. руб. Произошло значительное расширение производства, что потребовало от владельца увеличения рабочих штатов. К 1910 г. на Томском винокуренном заводе было занято 25 рабочих и служащих.

В Каинском уезде Томской губернии успешно развивался Ичинский винокуренный завод, принадлежавший Ичинскому товариществу. Вероятно, дела шли неважно, что заставило учредителей сдать его в аренду. В качестве арендатора выступил Игнатий Новицкий, который сумел оживить производственный процесс. К 1910 г. завод ежегодно выкуривал ок. 90 тыс. ведер спирта[6].

В общей сложности накануне Первой мировой войны в Тобольской, Томской губерниях и Акмолинской области выкуривалось ок. 4,2 млн. ведер спирта[7]. Заводами наследников Поклевского-Козелл, Андроновского и Новицкого в этот период производилось ок. 420 тыс. ведер спирта, что составляло ок. 10% общего объема производства. В то же время на их

---

[1] Там же. С. 474, 559-560.

[2] Там же. С. 478.

[3] Там же. С. 479.

[4] Там же.

[5] Список фабрик и заводов России. 1910 г. … С. 561.

[6] Там же. С. 560.

[7] Список фабрик и заводов России. 1910 год. … С. 474, 459-561. Подсчет наш.

предприятиях в это время было занято ок. 1% рабочих и служащих в отрасли по Западной Сибири[1].

В начале XX в. поляки сохранили свое традиционное присутствие в западносибирском пивоварении. В Томской губернии, которая, по-прежнему, занимала лидирующие позиции в отрасли, в этот период продолжили свою производственную деятельность пивоваренный завод И.И. Андроновского в Барнауле и К.З. Зеленевского в Томске. Оба завода производили различные сорта пива. Так, на барнаульском заводе варилось черное пиво, пильзенское, эль[2]. Томский пивоваренный завод Зеленевского варил в этот период экспортное, баварское, козел, пильзенское[3]. Надо сказать, что ассортимент "польских" пивоварен не отличался от прочих. На заводах Р. Крюгера, М. Рейхзелигмана или Шпринцы Фуксман варили те же сорта пива. Аналогичный ассортимент был и в других регионах. Например, на пивоварнях Псковской губернии, которые принадлежали преимущественно немцам или евреям, в 11 случаях из 13 основным сортом было баварское[4]. На пивоваренных заводах Седлецкой губернии в 17 случаях из 18 также варилось баварское пиво[5].

Даже поверхностный анализ ассортимента пивоваренных заводов Европейской России и Сибири приводит к выводу о его большем разнообразии во втором случае. На заводах Томской губернии варилось в среднем три - четыре сорта пива, тогда как во внутренних губерниях владельцы предприятия ограничивались одним – двумя сортами. Высокая конкуренция на сибирском пивном рынке заставляла владельцев предприятий не только наращивать объемы производства, стремясь удовлетворить растущие потребности населения, но и искать новые возможности для закрепления собственных позиций.

В начале XX в. сибирские пивовары идут по пути активного завоевания внутреннего рынка. Андроновский и Зеленевский стремились не только сохранить свои позиции, но и значительно расширить свое присутствие в этом секторе посредством наращивания объемов производимой продукции. Это наглядно можно продемонстрировать на примере Томского пивоваренного завода К. Зеленевского.

В начале XX в. совершенствование технологии позволило значительно сократить расход сырья в пивоварении. Если в 1880-х гг. на заводе того же Зеленевского на приготовление одного ведра пива уходило 0,6 пуда ячменя, то к 1905 г. этот показатель составил 0,25 пуда[6].

---

[1] Список фабрик и заводов России. 1910 год. … С. 474, 459-561. Подсчет наш.

[2] Список фабрик и заводов России. 1910 год. … С. 614.

[3] Там же.

[4] Там же. С. 608.

[5] Там же. С. 612.

[6] ГАТО. Ф. 210. Оп. 1. Д. 152. Подсчет наш.

Сокращение расходов на сырье позволяло наращивать производство продукции. Так, если в середине 1880-х гг. его стартовая мощность составляла ок. 2 тыс. ведер пива ежегодно, то в первой половине 1900-х гг. ситуация изменилась. Сохранившиеся объявления и свидетельства акцизного ведомства позволяют нам определить размеры производства и сырьевых затрат. В 1900 г. на пивоварне было сварено 28,2 тыс. ведер пива, за которые был уплачен акциз в размере 8460 руб.[1]. Столь значительный рост стал возможен, в первую очередь, в результате увеличения числа потребителей. Последнее же произошло вследствие активизации переселенческого процесса. Но уже в 1905 г. объем производства несколько сократился и составил 24,8 тыс. ведер пива с уплатой акциза в сумме 7440 руб.[2].

При этом производственный процесс в течение года оставался неравномерным и носил сезонный характер (см. прил. 52).

Таким образом, 50 и более процентов пива варилось, как и в 1880-х гг., в период с марта по сентябрь.

Социальный состав польско-сибирской буржуазии начала XX в. был неоднородным. Сказывались источники формирования польской общины в регионе. Так, среди представителей средней и мелкой буржуазии были польские дворяне. Например, в Тобольске торговлю лесом вел купец 2-й гильдии Ян Почакас, происходивший из дворян Сувалкской губернии и сосланный в Сибирь после подавления Январского восстания. Его сыновья, так же выбиравшие второгильдейские свидетельства, торговали строительными материалами (лес, цемент, известь). Им принадлежал лесопильный завод с оборотом 8 тыс. руб. /год, на котором в 1910 г. трудилось 12 рабочих[3].

Примером польского сибирско-крестьянского предпринимательства стал выходец из крестьян купец 2-й гильдии Иосиф Лемелевич, торговавший в с. Спасском Усть-Тартасской волости Каинского уезда Томской губернии, в котором проживало большое число поляков. С 1905 г. торговлю разными товарами продолжил его сын, также бывший купцом 2-й гильдии[4].

Как отмечают современные исследователи, польские предприниматели в Сибири доминировали в колбасном и кондитерском производстве. В Томске были известны колбасные заведения Ф. Богушевского, А. Юшкевича[5].

---

[1] ГАТО. Ф. 210. Оп. 1. Д. 29. Подсчет наш.

[2] ГАТО. Ф. 210. Оп. 1. Д. 152. Подсчет наш.

[3] Островский Л.К. Поляки в Западной Сибири (1890е – 1830-е гг.). Новосибирск, 2011. С. 126 – 127.

[4] Островский Л.К. Поляки в Западной Сибири (1890е – 1830-е гг.). Новосибирск, 2011. С. 129.

[5] Карих Е.В. Роль поляков в хозяйственном освоении Сибири // Сибирская полония: прошлое настоящее будущее. Мат-лы междунар. науч.-практ. Конф. Томск, 1999. С. 68 – 69.

До сих пор нет единства во мнениях о численности поляков-предпринимателей. По данным М.В. Шиловского, территориально польские предприниматели располагались в 14 городах Сибири: по одному в Тюмени, Кургане, Камне-на-Оби, Енисейске, Чите, Якутске, Нерчинске; по два в Тобольске, Ишиме, Томске, Мариинске, четверо в Тюкалинске, пятеро в Омске, семеро в Иркутске. К рубежу XIX – XX в., по мнению М.В. Шиловского, в Сибири вели свою деятельность 25 польских предпринимателей, из которых 21 выбирали гильдейские купеческие свидетельства[1]. На наш взгляд, эти данные не отличаются полнотой. Мы склонны согласиться с мнением В.А. Скубневского, который определяет численность поляков-предпринимателей в количестве свыше 60[2].

В это время на всей территории региона наблюдался бурный расцвет маслоделия. В отрасль была вовлечена значительная часть населения и финансовых ресурсов. На территории только Томской губернии, по данным 1911 г., официально функционировало более 1,8 тыс. маслодельных заводов, принадлежавших частным лицам, артелям, торговым домам[3]. Этот факт свидетельствует о прибыльности отрасли, продукция которой на 80% экспортировалась в Западную Европу. Поляки открывали свои заводы, которые по объему произведенной продукции уступали, скажем, еврейским, но вносили свой вклад в развитие отрасли. Так, например, в Верхне-Омской волости им принадлежало 8 предприятий, которые произвели в 1911 г. более 10 тыс. пуд. сливочного масла (21,3% общего объема)[4]. Можно выделить и индивидуальных владельцев маслодельных заводов в Тобольской губернии: Е. Бацевич, Фр. Глембоцкий, Х. Доманский и пр.[5]. Их предприятия, как и большинство остальных, находились в Ялуторовском и Тюкалинском уездах, в которых крестьянство с началом маслодельного бума ориентировалось на разведение крупного рогатого скота.

Вследствие благоприятных природно-климатических условий и притока переселенцев в начале XX в. одним из основных зернопроизводящих районов стал Юг Западной Сибири. Это вызвало к жизни развитие мукомольного производства, в котором поляки также принятии активное участие. Их присутствие в отрасли было не столь заметно на фоне Горохова, Винокурова или Фуксмана. Но их деятельность также должна учитываться при изучении

---

[1] Шиловский М.В. Сибирские поляки-предприниматели до 1917 г. // Сибирская полония: прошлое настоящее будущее. Мат-лы междунар. науч.-практ. Конф. Томск, 1999. С. 84 (С. 82 – 84).

[2] Скубневский В.А. Предпринимательство поляков в Сибири. Вторая половина XIX – начало XX вв. // Предприниматели и предпринимательство в Сибири. Выпуск 3. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2001. С. 141.

[3]. Указатель маслодельных заводов по Томской губернии. Составлено на основании данных за 1911 год. Ново-Николаевск, 1912

[4]. Там же, с. 34-35

[5] Список фабрик и заводов России. 1910 год. … С. 848, 850.

экономического развития региона. В частности, обращают на себя внимание мукомольные производства Бронислава Судьбинского в Ново-Николаевске и Михаила Фальковского в с. Камень Барнаульского уезда Томской губернии. Последний был владельцем одного из крупнейших мукомольных производство в Алтайском округе. Ему принадлежала основанная в 1909 г. паровая раструсная мельница. О характере производства говорит наличие двигателей общей мощностью в 100 л.с., производивших до 500 тыс. пуд. муки ежегодно[1].

Характерным явлением стало появление в сельской местности небольших мельниц, которые обслуживали несколько близлежащих деревень либо городские пригороды. Так, в 1904 г. варшавским мещанином Петром Пель вблизи Барнаула была построена мукомольная мельница[2]. Но поляки открывали свои небольшие предприятия не только в городах, но ориентировались и на сельскую местность. При этом они вынуждены были сталкиваться в новых условиях с определенными проблемами. Примером предпринимательской активности поляков в сельской местности может служить деятельность А. Ковальского, переселившегося в 1904 г. на Алтай со своим семейством. Выходец из Могилевского уезда Подольской губернии он прибыл по приглашению своего друга, который в многочисленных письмах указывал, "что здесь заселенность большая, нуждается в паровых мельницах и мастерских для исправления крестьянских сельскохозяйственных орудий"[3].

До переселения в Сибирь А. Ковальский содержал мельницу в Бессарабской губернии. Основав небольшую мельницу на арендованном участке Локтевского имения, он столкнулся с первыми же сложностями. Они проявились, в первую очередь, в различиях действующего законодательства о промышленных предприятиях, выпускающих продукцию, облагавшуюся акцизом. Дело в том, что в Европейской России контроль над использованием паровых двигателей на производстве осуществлялся со стороны фабрично-заводской инспекции. В Сибири в это время она еще отсутствовала, а ее обязанности выполнялись различными органами, в том числе полицией, строительным отделением губернского управления и пр.

В марте 1907 г. возникшая переписка между А. Ковальским и томскими чиновниками позволила выявить противоречия, но еще до этого возникла конфликтная ситуация между мелким предпринимателем и представителями полиции, настаивавшими на соблюдении действующего регионального законодательства. При этом представители полиции действовали достаточно жестко, но последовательно. Первоначально ими было предложено мукомолу представить томскому начальству необходимые для открытия раструсной мельницы

---

[1] Там же. С. 792.

[2]. ГААК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 181. Л. 1.

[3]. Там же. Ф. 31. Д. 255. Л. 8

документы. Однако А. Ковальский постарался сослаться на законодательство, знакомое ему по прежнему месту жительства и продолжил незаконно эксплуатировать локомобиль[1]. Несговорчивость поляка привела к тому, что два года спустя с момента возникновения разбирательства по распоряжению змеиногорского исправника шелковниковский пристав опечатал локомобиль[2], оставив, тем самым, А. Ковальского без работы.

Возникшая ситуация заставила мукомола в сравнительно короткий срок изыскать средства для выполнения в надлежащей форме чертежа мельницы, двигателя, составления всех сопроводительных документов и отправить их в Томск. Это позволило ему получить 30 апреля 1909 г. разрешение на работу мельницы. Повторное открытие раструсной мельницы позволило обеспечить мукой население близлежащих 15 населенных пунктов[3].

Большой вклад поляки внесли в развитие хлебобулочного и кондитерского производства в Сибири. Это относится как к Западной ее части, так и к Восточной. Центрами производства стали крупные города, в которых население нуждалось в большом количестве печеного хлеба. В 1899 г. в Томске кондитерско-булочное производство основал мещанин Бронислав Бородзич. Первоначально оно представляло кустарную мастерскую. В 1900 г., например, 5 рабочих и 1 подросток произвели продукции 350 пуд. В 1905 г. владелец получил разрешение установить паровой котел и двигатель, что, несомненно, вело к росту производства[4]. К 1910 г. предприятие значительно выросло. В нем было занято уже 35 работников и служащих. В ассортименте были конфеты, печенье, булки, хлеб. Годовое производство доходило до 80 тыс. руб.[5]. "Сибирский торгово-промышленный календарь на 1910 год" писал о наличии в Томске предприятия "Бронислав", которое являлось первой в Сибири паровой шоколадной фабрикой[6]. В 1911 г. продукция первой сибирской шоколадной фабрики получила на Первой Западно-Сибирской сельскохозяйственной выставке большую золотую медаль. В этом же году был одобрен строительным отделом Томского губернского управления проект фабрики, которая была завершена к 1914 г.[7]

Помимо пищевых отраслей обрабатывающей промышленности поляки обращали внимание и на прочие производственные сферы. Так, они внесли существенный вклад в становление и развитие в Западной Сибири одного из направлений химической промышленности. Это было

---

[1]. Там же. Ф. 31. Д. 255. Лл. 8, 18

[2]. Там же. Л. 18

[3]. Там же, л. 18 об.

[4] Скубневский В.А. Предпринимательство поляков в Сибири … С. 147.

[5] Список фабрик и заводов России. 1910 год. … С. 811.

[6] Сибирский торгово-промышленный календарь на 1910 год … С. 237.

[7] Скубневский В.А. Предпринимательство поляков в Сибири … С. 147.

связано с деятельностью в Акмолинской области завода "Довборы", основанного вблизи Омска в 1898 г. Предприятие принадлежало Товариществу "Яздовский С.И. и Твардовский С.И." с основным капиталом в 80 тыс. руб. К 1910 г. на предприятии было занято 30 рабочих. Это было механизированное производство с паровым двигателем мощностью 30 л.с. Завод представлял собой две производственные линии. На одной изготавливалось растительное масло из семени конопли и льна, привозимого из южных уездов соседней Тобольской губернии, а на другой из отходов маслобойного производства изготавливалась олифа, а также краски, лаки и эмали. Так что ассортимент производимой продукции был достаточно широким. О промышленном размахе говорят объемы производимой продукции: только конопляного и льняного масла производилось до 20 тыс. пуд. Общий объем производимой продукции в рублевом эквиваленте доходил до 400 – 450 тыс. руб.[1]

Таким образом, в промышленной сфере польское предпринимательство в начале XX в. продолжало развиваться крайне неравномерно. На общем фоне выделялось небольшое количество крупных предприятий, которые развивались в фабрично-заводской форме. Но большая часть промышленных заведений, принадлежавших полякам, продолжала сохранять свой кустарно-ремесленный профиль.

На рубеже XIX – XX вв. начинается качественно новый этап в экономическом развитии польской общины Сибири: все большее значение приобретает добровольное переселение, следовательно, постоянно увеличивается доля поляков, занятых в сельском хозяйстве.

Сельское хозяйство стало для подавляющего большинства поляков в начале XX в. основной формой хозяйственной деятельности. Это было связано, как мы видели выше, с изменением распределения полонии между городом и деревней. Преобладание поляков в сельской местности было связано с их активным включением в миграционный процесс.

В фонде Переселенческого управления Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург) сохранились дела о переселенческом движении крестьян из польских губерний в Сибирь. Анализ документов по Люблинской, Седлецкой и иным губерниям позволяет сделать вывод о том, что местные власти не всегда являлись сторонниками переселения крестьян в Сибирь. В условиях несовершенства переселенческого законодательства комиссары по крестьянским делам имели возможность отказать им в праве на переезд. Так, отказ мог последовать в случае, когда семья состояла из родителей и малолетних детей. В этом случае чиновники заявляли, что они-де "не имели взрослых работников"[2]. Непременным условием для получения разрешения являлось наличие достаточных денежных

---

[1] Список фабрик и заводов России. 1910 год. … С. 813.

[2]. РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 839. Л. 38 об.

средств – крестьяне должны были документально подтвердить свое материальное благосостояние. В случае, если денежных средств было недостаточно, то о переселении и речи быть не могло, однако их наличие также не гарантировало получение разрешительных документов. Например, чиновники Люблинской губернии заявляли, что "каждый хозяин, располагающий имуществом в 500 руб., может при посредстве Крестьянского Поземельного банка приобрести участок вполне доброкачественный в пределах Люблинской губернии и завести на эти деньги необходимый инвентарь", а потому "ходатайство просителей не заслуживает удовлетворения"[1]. Местные комиссары по крестьянским делам проводили среди желавших уехать в Сибирь "разъяснительную работу", стремясь удержать крестьян от переезда. Многие после подобных бесед отказывались от своих планов и оставались на прежнем месте жительства. Подобная ситуация объяснялась отсутствием достоверной информации о Сибири. К тому же для многих поляков она по-прежнему ассоциировалась с каторгой и ссылкой.

Но миграционный поток из польских губерний постепенно набирал силу. Так, в прошении о разрешении на строительство католической церкви на имя тобольского губернатора коллежский советник А.С. Гриневицкий отмечал, что только "в г. Тара и Тарском уезде проживает до двух тысяч католиков"[2]. В докладной записке от 6 июля 1901 г. статс-секретарю А.Н. Куломзину он писал, что нужно "делать хотя что-нибудь для переселенцев католического вероисповедания, переселившихся из Гродненской, Минской, Витебской и Могилевской губерний и поселившихся в поселках … Тарского уезда Бутаковской волости и других волостях того же уезда"[3].

В годы столыпинской аграрной реформы в положительную сторону меняется общее представление об Азиатской России, чему способствовали многочисленные разъяснительные брошюры, издававшиеся губернскими переселенческими управлениями и иными организациями: крестьяне получили более достоверную информацию о местах водворения и условиях переселения, и это способствовало распространению среди польских крестьян миграционных настроений. На рубеже XIX-XX вв. ими начинают создаваться обособленные поселения. Наиболее известным является пос. Белосток, основанный в 1899 г. в Томской губернии, который вскоре становится центром притяжения польских переселенцев. Здесь в начале XX в. был открыт римско-католический костел, который стал не только религиозным, но

---

[1]. Там же. Л. 28.

[2]. Там же. Ф. 391. Оп. 2. Д. 850. Л. 4.

[3]. Там же, л. 2 об.

и образовательным центром. К 1916 г. в поселке насчитывалось уже 95 крестьянских хозяйств (516 жителей)[1].

О характере экономического развития польской переселенческой деревни можно составить представление по материалам сельскохозяйственной переписи 1916 г. К сожалению, в ней содержится информация лишь о таких экономических показателях как размер посемейного пашенного участка, структура посева, аренда земли, численность поголовья различных видов домашнего скота.

Как показывает обработка статистических данных, уровень экономического благосостояния польских переселенческих хозяйств на 1916 г. был неодинаковым. Об уровне социально-имущественной дифференциации говорят полученные статистические данные (см. прил. 53).

Как мы видим, доля земледельческих хозяйств, которые мы могли бы отнести к зажиточным, минимальна и составляет ок. 5,2%. В то же время и хозяйства, не имевшие собственной запашки и рабочего скота, также было немного. На их долю пришлось 3,2%. При этом следует отметить, что среди последних было немало польских беженцев, прибывших в поселок в 1915 г. из Виленской и Гродненской губерний и имевших официальный статус. Около 1/3 хозяйств, имевших 1-2 лошади при запашке до 4-х дес. можно отнести к бедным. Собственно середняцкие хозяйства составили ок. 47,3%, охваченных переписью дворов.

В этой ситуации обращает на себя внимание факт малоземелья в переселенческих поселках, расположенных в Томском уезде. Приведенный в качестве примера пос. Белостокский не был исключением. Среднедворовый надел пашенной земли колебался в пределах 2,5-2,8 дес.

Природно-климатические условия и малоземелье нашли свое отражение и в структуре посева польской деревни. Если на Юге Западной Сибири (Алтайский округ) основной зерновой культурой была пшеница, то в Томском уезде ведущее место занимала озимая рожь, на долю которой пришлось ок. 48% посевной площади. Почти 38% было занято зернофуражными культурами, из которых 12,2% составляли посевы ячменя и 25,7% - овса[2].

Традиционно поляки продолжали выращивать картофель, который являлся не только ценной пищевой культурой для крестьян, но и кормовой культурой для домашнего скота. Он являлся одной из распространенных культур и встречался более чем в 94% польских крестьянских хозяйств. Незначительные подворные посадки картофеля (в среднем 0,2 дес.)[3]

---

[1]. Из истории земли Томской…, 1998, с. 245

[2] ГАТО. Ф. 239. Оп. 16. Д. 208. Подсчет наш.

[3] ГАТО. Ф. 239. Оп. 16. Д. 208. Подсчет наш.

свидетельствуют о том, что в промышленную переработку с целью получения крахмала или иных пищевых продуктов он не поступал.

Иначе дело обстояло с льном, который переселенцы заимствовали у русских крестьян-старожилов. Более чем у 60% польских переселенцев были небольшие посевы этой технической культуры. Собиравшийся лен в дальнейшем использовался в домашнем прядении и ткачестве для получения холста. Холст использовался, как правило, для собственного потребления.

Проблему малоземелья крестьяне решали посредством аренды земли. Как правило, арендные отношения связывали однообщинников. Средний размер арендованного участка земли составлял 2 дес., ок. 77% арендаторов пользовались участками до 3-х дес., 23% - от 3-х дес. и выше[1].

Гораздо большее значение для польских переселенцев представляло скотоводство. Об этом наглядно свидетельствуют данные об обеспеченности разными видами домашнего скота (см. прил. 54).

Как мы видим, поляки пошли по пути разведения домашнего скота. К этому их подтолкнуло малоземелье и климат. В этом они оказались близки к эстонским переселенцам по некоторым позициям. Так, они незначительно уступали им по обеспеченности крупным рогатым скотом (у эстонцев этот показатель составлял ок. 56 голов на 10 хозяйств)[2] и мелким рогатым скотом (у эстонцев - 117)[3]. Следует отметить, что более чем в 36% польских хозяйств держалось более 5 голов крупного рогатого скота. Многочисленным было и поголовье молодняка, наличие которого создавало благоприятную перспективу для развития отрасли.

Однако по поголовью свиней в расчете на 10 хозяйств поляки заняли одно из ведущих мест в регионе (у эстонцев только 17 голов, у немцев - 22[4], а у украинцев - 5[5]). Молоко перерабатывалось маслодельными кооперативами, шерсть реализовывалась томским пимокатным мастерским, шкуры - на кожевенные и шубные заводы, свиное сало - на салотопенные заводы. Таким образом, именно продуктивное животноводство стало одной из основ польской крестьянской экономики в Западной Сибири.

Оказавшись в Сибири, польские крестьяне занимались традиционными видами хозяйственной деятельности. В структуре хозяйства доминировало скотоводство. Земледелие носило скорее вспомогательный характер.

---

[1] ГАТО. Ф. 239. Оп. 16. Д. 208. Подсчет наш.
[2] ГААК. Ф. 233. Оп. 1-б. Д. 575. Подсчет наш.
[3] ГААК. Ф. 233. Оп. 1-б. Д. 575. Подсчет наш.
[4] ГААК. Ф. 233. Оп. 1-б. Д. 411. Подсчет наш.
[5] ГААК. Ф. 233. Оп. 1-б. Д. 576. Подсчет наш.

Водворение крестьян в переселенческих поселках вблизи Томска и других уездных городов, а также вдоль Сибирской железной дороги предопределило ориентацию на развитие товарного хозяйства. Значительное производство излишков земледельческого труда позволяло переселенцам рассчитываться за полученные ссуды, платить за землю, по истечении льготных лет – налоги и подати. Помимо всего прочего, это позволяло купить на вырученные средства более совершенную сельскохозяйственную технику, которая с начала XX в. продавалась в Сибири повсеместно. Продукция американской фирмы "МакКормик" и российского производителя сельскохозяйственных машин "Эрлангер" пользовалась большой популярностью: она была относительно недорогой в силу высокой конкуренции и позволяла значительно механизировать труд земледельца. Правда, польская деревня не стала крупным поставщиком на сибирский рынок зерна, как, например, немецкая.

Активизировавшаяся на рубеже XIX - XX вв. миграция из польских губерний была не только крестьянской. Как отмечал Л.К. Островский, в это время большую часть среди польских переселенцев в Сибирь составляли рабочие и ремесленники[1].

К рубежу XIX – XX вв. пик железнодорожного строительства был пройден, сформировался более или менее стабильный рынок труда. Распространенное среди поляков техническое образование породило в итоге в польских губерниях переизбыток рабочих и служащих железных дорог. Именно эта избыточная масса и была востребована в Азиатской России, в том числе в Сибири. К концу XIX в. поляки составляли уже ок. 5% всех рабочих региона.

Радикальная перемена в отношении поляков к Сибири наступила в связи со строительством Сибирской железной дороги. На строительстве были заняты польские инженеры, техники, рабочие. После вступления ее в строй, сюда прибывают польские железнодорожники. Для подавляющего большинства переезд в Сибирь стал возможностью улучшить свое материальное положение. По некоторым данным, уже в 1908 г. польские инженеры и служащие составляли 18-20% всего персонала Сибирской железной дороги[2]. Позднее поляки были задействованы на строительстве Алтайской железной дороги (Семипалатинск – Ново-Николаевск).

Железнодорожное строительство способствовало формированию новых локальных рынков труда. Отсутствие необходимых специалистов среди местных рабочих вело к высокому спросу на них. Первоначальный высокий уровень заработка способствовал быстрому заполнению рынка.

---

[1] Островский Л.К. Поляки в Западной Сибири (1890е – 1830-е гг.). Новосибирск, 2011. С. 93.

[2] Островский Л.К. Указ. соч. С. 98.

В начале XX в. польская община участвовала не только в развитии в Западной Сибири производственной сферы. Она оказала существенное влияние и на дальнейшее развитие сферы обслуживания.

В крупных городах поляки были широко представлены в медицинской сфере. С одной стороны, это были лица, занимавшие должности в губернском аппарате или армии, с другой стороны, это были частнопрактикующие врачи, оставившие государственную службу.

Одной из наиболее заметных фигур в медицинских кругах Томской губернии конца XIX – начала XX вв. был Владислав Станиславович Пирусский (1857 – 1933). По окончании медицинского факультета Московского университета он был назначен в 1882 г. окружным врачом в город Каинск, затем работал в Томске. Начинания Пирусского в области развития физической культуры основывались на идее естественного метода лечения и предупреждения заболеваний с помощью природных факторов (солнце, воздух, вода) и рационального режима питания, труда и активного отдыха. Лучшими средствами физического воспитания считал подвижные игры, экскурсии, путешествия по родному краю, прогулки в поле, лесу, лазание по горам, бег, коньки, лыжи, плавание, фехтование и физический труд на свежем воздухе (заготовка дров, садовые, огородные, полевые и др. работы). Непременное сочетание физического и трудового воспитания составляло основу педагогических взглядов Пирусского. В 1895 г. Пирусский основал Томское общество содействия физическому развитию (четвертое в России после Санкт-Петербургского, Московского и Одесского). Общество создало первые в Сибири детские летние и зимние физкультурные площадки, катки, купальни, оздоровительные, детские колонии в сельской местности, организовало горячие завтраки в школах (1896-1898 гг.). В 1904-1913 г. в Томске по инициативе Пирусского на благотворительные средства был построен Дом физического развития (манеж), где школьники занимались физическими упражнениями, играми и приобретали трудовые навыки. Пирусский открыл первые в Сибири курсы гимнастики для детей и взрослых (1909 г.). Он известен как организатор курсов для инструкторов по устройству детских яслей, дошкольных и школьных площадок (1914 г.) и курсов для руководителей физического воспитания в дошкольных учреждениях (2-годичные; 1917 г.). Добился издания физкультурной газеты "Здоровье для всех" (1913 г.) и журнала под тем же названием (1917 г.). В 1916 г. основал постоянно действующую школу-колонию для детей погибших воинов на 50 мест[1].

Благодаря полякам в начале XX в. продолжилось развитие периодической печати в Сибири. Они выступали журналистами как местных, так и столичных газет.

---

[1] Плезанов А.В. Пирусский В.С. // Российская педагогическая энциклопедия: в 2 тт. Т. 2. М., 1999. С. 149.

Западная Сибирь в начале XX в. стала местом активной творческой деятельности архитекторов польского происхождения. Их появление в регионе было связано с активным промышленным, гражданским и железнодорожным строительством. Так, именно польские инженеры, состоявшие в штате Министерства путей сообщений, принимали активное участие в строительстве Транссибирской железной дороги. Первый костыль первого звена Запсиба забил студент-практикант Петербургского института инженеров путей сообщения Александр Васильевич Ливеровский, который тогда был начальником дистанции (небольшого участка пути в 30-40 верст). Позднее он работал на участке Челябинск-Екатеринбург. Но судьба уготовила А.В. Ливеровскому большую честь: в 1915 г. в Хабаровске он (вместе с начальниками дистанции и участка, а также генерал-губернатором) забил последний, "серебряный", костыль Великого Сибирского пути. Тогда Ливеровский уже возглавлял строительство Восточно-Амурской магистрали, одного из последних участков Транссиба. Он, как любил говаривать впоследствии студентам, "начал и замкнул Великий Сибирский путь", чем всегда гордился[1].

Одним из видных архитекторов польского происхождения в Западной Сибири был Б. Татарчук. По его проекту был выстроен Томский манеж, о котором было упомянуто выше. В дальнейшем он был связан с Министерством путей сообщений, для которого спроектировал железнодорожный вокзал в Орске.

Кроме этого, они продолжали играть заметную роль в развитии образования в Западной Сибири. Речь идет, в первую очередь, о преподавателях Императорского Томского университета и Томского технологического института, которые готовили высококвалифицированные кадры для Сибири и Дальнего Востока.

В 1901 – 1912 гг. ординарным профессором кафедры международного права был В.А. Уляницкий, один из крупных специалистов по международному праву начала XX в.[2]. Именно ему, например, были заказаны многие статьи по этому направлению для энциклопедического словаря Гранат.

Другим крупным юристом, связанным с Томским университетом, был профессор кафедры энциклопедии права и истории философии права Иосиф-Степан Михайловский. В 1889 г. он окончил юридический факультет Киевского университета Св. Владимира и последующие несколько лет занимался судебной практикой. С 1895 г. он изучал уголовное право под руководством профессора Л.С. Белогриц-Котляровского, а с 1899 г. – профессора Б.Н.

---

[1] Шуклина Н.Я. Поляки – строители Транссиба (К.Я. Михайловский и В.-И. Роецкий) // Исторические чтения: Материалы науч. конференций "Неизвестный Челябинск" (1994). Ч. 2. Челябинск, 1996. С. 20.

[2] Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа на 1909 год. Томск, 1909. С. 8.

Чичерина. С 1904 г. он числился в штате преподавателей Томского университета, а с 1912 г. и Томского технологического института им. Императора Николая II[1].

Если профессор Уляницкий был больше историком, чем правоведом, то профессора Михайловского считают "не только крупным теоретиком права, но и оригинальным и глубоким философом, разработавшим собственную философскую концепцию в качестве основания правовой теории"[2].

Были поляки и среди преподавателей на медицинском факультете. Так, например, экстраординарным профессором кафедры частной патологии и терапии и терапевтической госпитальной клиники с 1908 г. был доктор медицины Илья Александрович-Дочевский[3]. В течение длительного времени он вместе с другими своими коллегами вел активные научные исследования по фармакологии под руководством профессора П.В. Буржинского[4].

В Томском технологическом институте в 1910-х гг. профессором по кафедре горного искусства был выпускник Санкт-Петербургского Горного института Станислав Доборжинский[5]. Преподавателем архитектурного рисования в этом же учебном заведении был Викентий Оржешко, художник-архитектор, выпускник Высшего художественного училища при Императорской Академии художеств[6].

В 1860-х – 1880-х гг., как мы уже отмечали выше, полякам было запрещено быть владельцами фотографических салонов. Но после амнистии и с расцветом фотографического дела, рождением синематографа поляки стали активно проникать в недоступную ранее для них отрасль. В Омске владельцами фотографий были Юкляевская А.Н. и Кадыш И.И.[7], в Тобольске – Уссаковская М.[8] и др.

Поляки владели рядом типографий в сибирских городах. Так, в Омске в начале XX в. вполне успешно функционировала типография "Прогресс", принадлежавшая И. Чеканскому[9]. Крупным полиграфическим производством являлась омская типография "Иртыш",

---

[1] Звягин С.П. Научная, учебная и общественная деятельность профессора Томского университета И.В. Михайловского // Мат-лы II Всерос. науч. чтений "Интеллектуальный и индустриальный потенциал регионов России". Кемерово, 2002. С. 18 – 19.

[2] Там же. С. 20.

[3] Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа на 1909 год. Томск, 1909. С. 15.

[4] Венгеровский А.И. Старейшая кафедра фармакологии в Сибири (к 120-летиюсо дня открытия) // Бюллетень сибирской медицины. Томск, 2011. - № 5. С. 18.

[5] Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа на 1909 год. Томск, 1909. С. 37-38.

[6] Там же. С. 39.

[7] Сибирский торгово-промышленный календарь на 1910 год. … Отд. 5. С. 162.

[8] Там же. С. 201.

[9] Сибирский торгово-промышленный календарь на 1910 год. … Отд. 5. С. 162.

принадлежавшая польскому дворянину Людомиру Корвину-Круковскому[1]. Типография располагалась в доме, принадлежавшем Поклевским-Козелл, что свидетельствует об определенных контактах между двумя семьями. Тот факт, что Корвин-Круковский придерживался социалистических взглядов, свидетельствует о том, что и наследники Альфонса Фомича также были не чужды идеям социалистического лагеря. В типографии печаталась газета "Омский вестник", которая широко распространялась по Сибири.

Современные исследователи истории полонии Западной Сибири отмечают присутствие ее представителей в сфере гостиничных услуг, найма прислуги[2]. Если вновь обратиться к заведениям Омска, то среди них мы обнаружим контору прислуги И. Чеканского. Это было единственное заведение в городе подобного рода, отмеченное в "Сибирском торгово-промышленном календаре на 1910 год"[3]. Вероятно, были и другие конторы. Но размещение информации в печатном издании свидетельствовало о стремлении владельца заведения как можно шире распространить информацию о нем среди потенциальных потребителей.

По разным оценкам, в Сибири действовало более 60 крупных промышленных предпринимателей польского происхождения[4]. Большая их часть была сконцентрирована в Восточной Сибири. В Западной Сибири крупных предприятий было немного. Как мы уже отмечали, в основном это были заведения кустарно-ремесленного типа. Но все они оказали существенное влияние на становление и развитие отдельных отраслей народного хозяйства.

Изучая историю сибирской полонии в полной мере можно согласиться с высказыванием современника, который указал еще в конце XIX в., что "поляки, водворившись в районе Тобольской губернии, в значительной степени содействовали развитию цивилизации и промышленности в среде ее обывателей. Молодежь, получившая образование в высших или средних учебных заведениях империи, занималась преподаванием наук молодому поколению тоболяков, приготовляя их к поступлению в гимназию, или же поступали на государственную службу; люди же пожилые, преимущественно из среднего сословия, имея торговые или промышленные занятия, открывали магазины галантерейных вещей, устраивали гостиницы, столовые или мелочные лавочки, или же, наконец, занявшись мастерством сапожным, токарным, слесарным или шорным, вполне удовлетворяли потребности местного населения"[5].

---

[1] Список фабрик и заводов России. 1910 год. … С. 151.

[2] Скубневский В.А. Предпринимательство поляков в Сибири … С. 144.

[3] Сибирский торгово-промышленный календарь на 1910 год … Отд. 5. С. 163.

[4] Скубневский В.А. Предпринимательство поляков в Сибири … С. 145.

[5]. Памятная книжка Тобольской губернии на 1884. Тобольск, 1884, с. 50.

Наряду с прочими национальными меньшинствами в начале XX в. немцы продолжали оказывать заметное влияние на народное хозяйство Западной Сибири. Но в этот период в силу отмечавшихся выше обстоятельств их положение в экономике претерпело существенную трансформацию.

С одной стороны, немцы по-прежнему занимали видное место в сибирской администрации. Они были представлены на всех ступенях иерархической лестницы в Томской, Тобольской губерниях и Акмолинской области. Так, пост Степного генерал-губернатора в 1908 – 1915 гг. занимал генерал от кавалерии Евгений Оттович Шмит, происходивший из дворян немецкого происхождения Санкт-Петербургской губернии. В 1908 – 1912 гг. губернатором Тобольской губернии был Дмитрий Федорович фон Гагман. Подобная ситуация наблюдалась и в Томской губернии, где с 1905 по 1908 гг. губернатором был барон Карл Нолькен, а с 1911 по 1914 гг. – Петр Гран. В Алтайском округе, который после реформирования в 1896 г. продолжал сохранять свою обособленность в составе Томской губернии, в 1904 – 1906 гг. начальником был барон Владимир Владимирович Меллер-Закомельский, в 1906 – 1910 гг. – Иван Андреевич Ульрих. Кроме того, немцы занимали должности в административном, финансовом, судебном, почтово-телеграфном, медицинском ведомствах губерний и области. Образно можно сказать, что в начале XX в. Западной Сибирью управляли русские, немцы и поляки.

В начале XX в. немецкое крупное предпринимательство сохранилось лишь в отдельных отраслях перерабатывающей промышленности. В первую очередь, речь идет о предприятиях, возникших в пореформенный период. Так, до 1912 г. сохранял свои лидирующие позиции Барнаульский содовый завод Пранга. Однако владелица предприятия Юлия Пранг не смогла противостоять промышленному натиску конкурентов. Завод по производству дроби М. Функа оказался в рассматриваемый период в руках компаньона, который, вероятно, выкупил его у прямых наследников.

В пивоваренной отрасли немцы смогли сохранить свои позиции. В начале XX в. томский купец из прусских подданных Роберт Крюгер оставался одним из крупнейших производителей различных сортов пива в Западной Сибири. К 1910 г. на его предприятии варилось ежегодно до 120 тыс. ведер. На предприятии в это время было занято 35 рабочих[1]. Так же, как и конкуренты в лице Рейхзелигмана или Андроновского, он производил несколько сортов пива (баварское, пильзен, экспортное, козел), которые отличались высоким качеством, что подтверждалось различного рода экспертизами. Томские газеты нередко писали об исследованиях, продаваемых

[1] Список фабрик и заводов России. 1910 год. … С. 614.

в местных портерных пива[1]. Образцы покупались в пивных и изучались местными врачами. Традиционно сорта пива Крюгера лидировало.

Высокое качество продаваемой продукции, несомненно, диктовалось высоким уровнем конкуренции, о которой мы уже упоминали выше. Расширение линейки ассортимента было лишь одним из способов удержать свои позиции на рынке. Кроме того, Роберт Крюгер привлекал для работы не только отечественных пивоваров-технологов. С конца XIX в. управляющим был приглашенный из Вены пивовар[2], который способствовал переходу производства на европейские стандарты качества.

В начале XX в. на территории Акмолинской области сохранял свои позиции Ганс Зандерович Шпрингбах, владевший пиво- медоваренными заводами, объединенными в товарищество "Бавария" недалеко от Омска и в Петропавловске. Основное производство было расположено в областном центре. Здесь варилось баварское, пильзенское, столовое пиво. Ежегодный объем производства к 1910 г. составлял более 60 тыс. ведер[3]. На Петропавловском заводе объемы производства были скромнее и составляли 12-13 тыс. ведер. В отличие от Омского завода, здесь варилось черное пиво[4]. На двух заводах было занято 34 рабочих (28 и 6 соответственно).

Надо сказать, что Ганс Шпрингбах оставил свой след не только в сибирском пивоварении. Он был административным головой г. Петропавловска, крупным золотопромышленником. Ему принадлежал золотой прииск близ г. Степняк Акмолинской области[5].

Немцы были представлены и в других отраслях промышленности. Так, они принимали участие в производстве строительных материалов, на которые в начале XX в. в Сибири был колоссальный спрос. В Ново-Николаевске, например, успешно функционировал завод по выпуску силикатного кирпича Карла Генриховича Адельштейна[6]. В с. Боровое Акмолинской области находилась паровая мельница Морица Бергля[7]. Но это были единичные случаи, особо не влиявшие на ситуацию в отрасли.

Не только Роберт Крюгер приглашал технологов из Европы. В Западной Сибири в этот период оказались чехи, немцы, являвшиеся признанными специалистами в пивоварении. Так, в

---

[1] См., напр., Пиво томских заводов // Томский листок. 1897 г. № 112 и др.

[2] Томский листок. Томск. 1897. № 80.

[3] Список фабрик и заводов России. 1910 год. … С. 584.

[4] Там же.

[5] Смагина Г.И., Семенова А.Б. Немцы в экономической жизни России // Немцы в России // http://genrogge.ru/grbook/06-2.htm (Электронный ресурс. Режим доступа 20.08.2013 г.).

[6] Список фабрик и заводов России. 1910 год. … С. 401.

[7] Там же. С. 179.

1903 г. чех австрийского происхождения Вацлав (Вячеслав) Гампль стал сначала управляющим на пивоваренном заводе наследников курганского купца Смолина, а затем взял его в аренду. Качество пива было оценено в Европе: в 1903 – 1905 гг. оно получило высокие награды на выставках в Лондоне, Ростове, Брюсселе. В дальнейшем он строит собственный пивоваренный завод, который к 1910 г. производил ежегодно почти 80 тыс. ведер пива на сумму ок. 90 тыс. руб. На заводе, оснащенном по последнему слову техники, работало 35 человек[1].

Другим примером может быть немец-технолог Дюмлер, работавший на заводе Н. Давыдовской – владелицы крупнейшего пивоваренного производства в регионе с конца XIX в. На ее заводе недалеко от Тюмени варили "Кульмбахерское", "Пльзенское", "Венское", "Столовое", "Мартовское", "Экстра", "Кабинетное", "Новое", "Портер", "Жигулевское", "Мюнхенское", "Украинское", "Баварское"[2]. В 1909 г. в Милане и Лондоне фабриканты фирмы за свое превосходное качество получили, кроме Больших золотых медалей, еще и лучшие награды – "Гран-При" и "Большой почетный Кубок". Это было результатом, как писала сама Н.М. Давыдовская, той непрерывной деятельности, когда "не жалеют затрат на техническое улучшение и употребляют самые высшие сорта материалов производства". Авторитет и высочайшее качество продукции пивоваренного завода Н.М. Давыдовской обеспечивал знаменитый пивовар-немец Дюмлер. Жена и сын в условиях величайшей секретности готовили сусло, а пробы пива Дюмлер брал только в ночные часы и без свидетелей. Когда знаменитый заграничный пивовар покинул тюменцев и вместо него заступил местный мастер, необычный вкус напитка был утрачен навсегда[3].

Ранее мы уже отмечали факт бурного развития сельского хозяйства в южных районах Западной Сибири, что стало дополнительным стимулом к развитию отдельных направлений пищевой отрасли промышленности. Развитие торгового земледелия поддерживало на высоком уровне мукомольное производство, а разведение крупного рогатого скота – маслоделия.

Среди немецкого промышленного предпринимательства в Западной Сибири можно выделить две тенденции. С одной стороны, инициативу в строительстве предприятий обрабатывающей промышленности проявляли переселенцы-крестьяне. С другой стороны, можно говорить о предпринимательской активности со стороны выходцев из Германии и лиц немецкого происхождения, проживавших в прежнее время в городах Европейской России. Различия между ними могут быть сведены к формам организации производства – коллективной

---

[1] Список фабрик и заводов России. 1910 год. … С. 614.

[2] Барбот де Марни Н. П. Урал и его богатства. Екатеринбург. 1910.

[3] Иваненко А.С., Иваненко В.Е. Перерабатывающая база агропромышленного комплекса Юга Тюменской области // http://law.admtyumen.ru/nic?print&nd=466201090 (Электронный ресурс. Режим доступа 18.02.2013 г.).

и индивидуальной, характерных, соответственно для первой и второй тенденций, и наличию средств, необходимых для строительства.

Нередко появлялись лица, которые брали на себя обязательство построить мельницу или иное предприятие за счет собственных средств. В то же время индивидуалам приходилось решать проблему с получением земельного отвода под строительство. До начала массовой землеустроительной кампании они вынуждены были арендовать, преимущественно, кабинетские земли, которые предоставлялись им иногда на невыгодных условиях (непродолжительный срок аренды, относительно высокая арендная плата, удаленность от населенных пунктов и рынков сбыта и т.д.). После 1907 г. ситуация несколько изменилась в лучшую сторону. Кроме того, сказывалось наличие свободного земельного фонда в дачах переселенческих поселков, образуемых в это время в степных районах Алтая.

Наибольшая активность немцами в строительстве мукомольных мельниц приходилась на 1910-1911 гг., т.е. время хозяйственного становления переселенческих поселков степной части Алтайского округа Томской губернии и Омском уезде Акмолинской области. Можно говорить о предпринимательском характере немецких мукомолов. Это подтверждается, в первую очередь, той целью, которая ставилась ими перед основываемыми предприятиями – получение прибыли. С этой целью мукомольные мельницы строились в наиболее густонаселенных районах, в которых имелась наибольшая потребность в переработке зерна. Заводчики подобного плана не видели разницу в национальности пользователей услуг. Для них на первом месте стояла прибыль, которую они готовы были получить любой ценой.

Некоторые предприниматели стремились построить не одну, а несколько мельниц в разных местах. В качестве примера можно говорить о деятельности в Суминской и Ярковской волостях Барнаульского уезда поселянина колонии Александровской Нальчикского округа Терской области Кондрата Миллера. В январе 1908 г. на основании договоренности с сельским обществом заимки Печенево Суминской волости он получает в аренду участок земли, на котором предполагалось строительство мельницы с нефтяным двигателем. Миллер планировал построить одноэтажное здание, которое должно было состоять из двух помещений. В течение 1908-1910 гг. велась переписка между заявителем и Строительным управлением Томского губернского правления. Только в ноябре 1910 г. было дано разрешение на строительство[1].

Получив упомянутое разрешение, Миллер начинает новые переговоры, теперь уже с представителями Утянского сельского общества Ярковской волости об уступке трех десятин

[1] ГААК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 368. Л. 3.

земли в аренду. В начале 1911 г. на сельском сходе принимается единогласное решение о предоставлении участка[1].

Однако уже в 1914 г. Миллер возбуждает очередное ходатайство перед Строительным управлением о переносе мельницы на новое место – с. Быструхинское Алексеевской волости Барнаульского уезда[2]. Одна из причин переноса заключалась в причислении Кондрата Миллера к данному сельскому обществу, что позволило ему получить земельный участок и не тратить средства на аренду такового. С другой стороны, этот факт свидетельствует о том, что, имея разрешение на строительство с 1910-1911 гг., Миллер не торопился начинать возведение мельницы, изыскивая для предприятия наиболее выгодные условия.

Одним из основных зернопроизводящих районов на Юге Западной Сибири в годы столыпинской переселенческой кампании становится северная часть Кулундинской степи с центром в селе Славгородское. Этот населенный пункт, основанный в 1907 г., достаточно быстро превратился в один из основных центров аграрного предпринимательства в регионе. Здесь сосредоточились представительства крупнейших торговых домов, занимавшихся хлебной торговлей, в том числе "А.И. Винокуров и сыновья", "В.А. Горохов" и др., связанные со скупкой немецкого хлеба.

Славгород превращается в один из центров перерабатывающей промышленности. Уже в 1910 г. представители торгового дома "Фрей и Васловский" возбуждают перед Томским губернским управлением ходатайство о разрешении строительства мукомольной мельницы, работающей на нефтяном двигателе[3].

Одна из наиболее крупных мельниц, построенных немцами на Алтае, находилась в поселке Гальбштадт Орловской волости Барнаульского уезда. Подготовительные работы к этому были начаты уже в 1910 г. На сельском сходе общество поселка принимает решение об удовлетворении просьбы поселянина селения Тесеклы-Ишун Александровской волости Перекопского уезда Таврической губернии Якова Ивановича Тьярта о предоставлении ему двух десятин земли под строительство вальцевой крупчатой мельницы на девятилетний срок. В приговоре общества оговаривалась возможность продления аренды еще на девять лет и приобретение данного участка у общества на основании купчей в случае, "если на то получится законное право"[4]. Размер арендной платы был определен в 300 руб., плата должна была вноситься ежегодно равными суммами до 26 мая.

---

[1] Там же. Д. 386. Л. 3.

[2] Там же. Д. 433. Л. 1.

[3] Там же. Д. 374. Л. 1.

[4] Там же. Д. 385. Л. 4 об.

В марте 1911 года от имени Якова Тьярта на имя томского губернатора было подано прошение, в котором испрашивалось разрешение на строительство мельницы на арендованном участке. Заявителем по доверенности стал компаньон Тьярта.

Согласно генеральному плану, мельница должна была занимать здание в три с половиной этажа и представлять одно из наиболее крупных аналогичных промышленных предприятий округи. К выполнению различных работ Тьярт предполагал привлечь не менее 10 человек, для которых предполагалось на арендованном участке построить жилые казармы. Об этом заводчик заявил в "Сведениях о предполагаемом к открытию заведении"[1]. В этом же документе представлена краткая информация о техническом освещении мельницы. Механизм предполагалось приводить в действие газогенератором. Помимо этого в качестве главнейших механизмов и аппаратов предполагалось использовать четыре вальцевые машины и две пары жерновов[2]. Это заметно выделяло предприятие Тьярта на общем фоне, когда и здания были не столь представительны, и механизмы были не столь мощны.

Однако строительство мельницы обошлось компаньонам в значительно большую сумму, чем они рассчитывали. Большая часть финансов была потрачена на приобретение в Германии необходимого оборудования. Это привело к замедлению темпов строительства и ввода объекта в эксплуатацию. С целью решения данной проблемы ими было принято решение о привлечении капиталов со стороны. В итоге мельница начала работать на полную мощность только накануне Первой мировой войны[3]. О капитальности строения и его технической "начинки" говорит то, что мельница без модернизации работала до конца 1950-х гг., обеспечивая окружавшие пос. Гальбштадт (Некрасово) населенные пункты мукой.

В мукомольную промышленность пытаются проникнуть выходцы из соседних регионов, например, Семипалатинской области. В январе 1912 г. было подано прошение поселенцем Францем Вибе, проживающим в Павлодаре о разрешении ему построить паровую мукомольную мельницу. В сравнительно короткий срок на арендованном участке в поселке Фернгейм Троицкой волости Барнаульского уезда была построена двухэтажная мельница, которая обслуживала окрестные немецкие и русские переселенческие поселки.

В немецких поселках инициатива строительства мельниц нередко исходила от сельских обществ. Общества стремились придать этому процессу наиболее легитимную форму. Вопрос о необходимости строительства выносился на обсуждение сельского схода. Как правило, он поднимался по итогам сельскохозяйственного года, когда поселяне сталкивались с

---

[1] Там же. Л. 1 об.

[2] Там же.

[3] Fast G. In den Steppen Sibiriens. Winnipeg, 1954. S. 24.

необходимостью отправляться в соседние поселки, в которых имелись собственные мельницы. Часто приходилось проделывать путь в несколько десятков верст, что, несомненно, доставляло большие неудобства. Подобные сложности приводили к тому, что решение принималось единогласно. По итогам собрания составлялось прошение на имя Главного управления Алтайского округа или Томского губернского управления по переселенческому делу. Зачастую поселяне испрашивали не только разрешение на строительство, но и денежные суммы для строительства, которые колебались в пределах 2-3 тыс. руб. Это свидетельствует о том, что крестьяне имели желание, но не имели возможность реализовать его собственными силами. Однако достаточно часто власти оставляли подобного рода прошения без удовлетворения, указывая на то, что "устройство паровой мельницы в местности с небольшими запасами и нехлебородной не вызывается особой нуждой и будет предприятием чисто коммерческого характера, преследующим только личные интересы просителей"[1].

Активную деятельность по строительству мукомольных мельниц немцы развернули в Омском уезде Акмолинской области. Это было связано с резким ростом потребления муки-крупчатки в Омске и окрестностях в связи с увеличением населения. В общей сложности за ними числилось, по данным "Памятной книжки Акмолинской области на 1912 год", одна треть мельниц. Переселенцы стоили свои предприятия как на арендованных землях, так и на собственных, которые были выкуплены у казаков. Так, 6 из 23 мельниц, принадлежавших немцам-предпринимателям, располагались на собственных участках[2]. В остальных случаях они находились на землях переселенческих поселков.

В рассматриваемый период немцы стоили мукомольные мельницы не только в сельской местности, но и в городах. Это были, как правило, более крупные предприятия, оснащенные паровыми двигателями. Так, в Омске действовало предприятие Дитриха Гардера[3]. Вблизи ст. Татарская Сибирской железной дороги (Каинский уезд Томской губернии) с 1906 г. успешно функционировало мукомольное заведение Иоганна Реннера. Его особенностью было наличие нефтяного двигателя мощностью 40 л.с., что для Сибири того времени было большой редкостью. На предприятии работало в зависимости от сезона 3-4 человека. К 1910 – 1912 гг. годовое производство составляло в пересчете на рублевый эквивалент 48 тыс. руб.[4]

---

[1] ГАТО. Ф. 239. Оп. 8. Д. 68. Л. 1.

[2] Памятная книжка Акмолинской области на 1912 год. Омск, 1912. С. 212 – 214. Подсчет наш.

[3] Список фабрик и заводов России. 1910 год. … С. 654.

[4] Список фабрик и заводов России. 1910 год. … С. 792; Список фабрик и заводов Российской империи … Ч. 2. С. 115.

Активное участи немцев в распространении товарного животноводства на Юге Западной Сибири способствовало их включению в развитие маслоделия. Крупный рогатый скот (немцы привезли с собой из новороссийских губерний более приспособленную к степному климату породу – красную степную) стал в начале XX в. для немецких крестьян-переселенцев стал не только источником разнообразия пищевого рациона, но и одним из важных источников формирования семейного бюджета. Практически в каждом крупном немецком поселке Кулундинской степи, вблизи Омска, на юге Алтая в 1910-е гг. возникли маслодельческие кооперативы. Именно эта форма объединения стала доминирующей, частные немецкие маслодельческие заводы практически отсутствовали. Производимое сливочное масло продавалось в ближайшие закупочные конторы. Так, продукция, произведенная в Подсосновской, Славгородской и частично Орловской волостях Барнаульского уезда Томской губернии реализовывалась в Славгороде, который в 1910 г. стал крупным центром скупки сельскохозяйственной продукции. Сливочное масло с большей части артелей Орловской волости отправлялось в с. Камень. Но в обоих случаях главным скупщиком выступала датская компания "Сибирская компания", доминировавшая в этом сегменте рынка.

Надо сказать, что немецкое сливочное масло с Алтая уже тогда пользовалось большим спросом. Это объясняется подходом к организации производства. Немцы использовали новинки техники, появлявшиеся на рынке. Этому во многом способствовал и тот факт, что в городах торговые заведения, которые реализовывали оборудование для изготовления сливочного масла, принадлежали немцам. Это было и в Барнауле, и в Омске, и в Кургане, и других городах Западной Сибири. Масло отличалось сухостью, что значительно продлевало срок его хранения, а потому его можно было экспортировать за границу.

Первая мировая война и Гражданская война в России нанесли колоссальный урон отрасли. Уже в начале 1920-х гг. немцы сумели в кратчайший срок восстановить производство сливочного масла в промышленных масштабах. На ежегодных конкурсах, определявших потенциальных поставщиков экспортной продукции, немецкие маслодельни традиционно занимали первые места.

Приход первых групп немецких крестьян на Алтай совпал с урожайными годами (сам-7, сам-8), а в 1899 г. крестьяне сняли рекордный для 1896-1916 гг. урожай хлебов: средняя урожайность составила 67,6 пуд./дес.[1], но пришедшие в 1900 г. и уже в первые годы XX в. столкнулись с небывалыми трудностями: в 1900 г. средний урожай зерновых по Сибири составил 35,5 пуд./дес., тогда как местами он доходил до 23,5 пуд.[2], а, по данным заведующего

---

[1]. Огановский Н.П. Народное хозяйство Сибири. - Омск, 1921. С. 52.

[2]. Там же.

статистическим отделением, предоставленных начальнику Алтайского округа, немцы-католики, проживающие в Локтевском имении Кабинета Его Величества, собрали в тот год всего по 4 пуд пшеницы и 6 пуд. овса с десятины, а немцы-лютеране, проживавшие там же, - 1 и 8 пуд. соответственно[1]. Все это еще больше усугубило экономическое положение прибывших из Европейской России в Сибирь переселенцев.

Положение переселенцев в первые годы проживания в новых природно-климатических условиях было тяжелым. Почти 16% крестьянских хозяйств мы можем отнести к бедняцким, в первую очередь, это те семьи, которые не имели собственной запашки и рабочего скота, а также обладавшие посевом до 4 десятин, но без рабочего скота или при 1-2 головах без посева. Почти 80% крестьянских дворов, подвергшихся статистическому обследованию в 1900 г., по своим экономическим характеристикам могут рассматриваться как середняцкие. В данную категорию нами были отнесены хозяйства, обладавшие посевом до 4 десятин и от 4 до 10 десятин при 1-2 головах рабочего скота (53 и 21,5% соответственно), имевшие до 4 десятин и от 4 до 10 дес. при наличии 3-4 голов скота (3 и 1,5% соответственно). Отличительной чертой их являлась самообеспеченность, т.е. связь данной группы с местными рынками сбыта была минимальной. Гораздо активней она проявлялась у крупнокрестьянских или зажиточных хозяйств, в разряд которых нами были отнесены дворы, обладавшие пашней более 10 дес. при 3 и более головах рабочего скота (3,5%)[2]. Эта квазибуржуазия села выполняла на тот момент роль своего рода колонистской элиты: она обладала не только значительным количеством земли и скота, но и денежных сумм, за счет которых арендовались земельные участки в оброчных статьях Кабинета, на их имена оформлялись арендные договоры, что еще больше повышало их роль в жизнедеятельности населенного пункта.

Потеря части капиталов во время переселения и первых лет жизни на новом месте, когда в результате голода колонисты, по их словам, "у кого были припасены с собой деньги и вещи - все проели"[3], привела к появлению группы пролетариата. Колонисты же, сумевшие вывезти с прежнего места жительства значительные капиталы и выгодно разместившие их на новом месте, как правило, под процент своим однообщинникам, образовали костяк будущей сельской буржуазии. Но подавляющее большинство все же составили середняки, уровень жизни которых в метрополии был высок. Это опровергает, по крайней мере, для немецких переселенцев,

---

[1]. Ковригина М.П. Неурожай хлебов в юго-западной части Алтайского округа в 1900 г. и размеры продовольственной нужды в 10 селениях Покровской волости Барнаульского уезда // Алтайский сборник. Т. 5.- Барнаул, 1903. С. 115.

[2]. ГААК. Ф.4. Оп.1. Д.2566. ЛЛ. 85-85 об. Подсчет наш.

[3]. Там же. Д. 2554. Л. 30 об.

утверждение о том, что в потоке мигрантов за Урал в рассматриваемый период преобладали бедняки. Это позволяет в качестве одной из особенностей немецкого переселения на Алтай указать на более высокий уровень материального достатка. Это подтверждается тем, что сумма средств, которую они привозили в Сибирь, как уже отмечалось, составляла в среднем 280 руб. на каждую семью, тогда как в среде переселенцев вообще по прибытии в Томск более 100 руб. имели 11,4% семей, а остальные - менее этой суммы1.

Водворение немецких крестьян-переселенцев в Кулундинской степи, которая является зоной рискованного земледелия, первоначально привело к негативным последствиям для их экономического благосостояния. В 1909 и 1910 гг. Кулундинский переселенческий подрайон был охвачен неурожаями и эпизоотией. На имя посетившего Алтай в 1910 г. Председателя Совета министров П.А. Столыпина были поданы десятки прошений с просьбой об оказании различной помощи. Надо сказать, что в их числе были и прошения от немецких крестьян. Так, переселенцы из Таврической губернии, основавшие пос. Екатеринталь в Славгородской волости в 1908 г., указывали в своем прошении на сложности, с которыми им пришлось столкнуться. В частности, отмечалось, что посевы 1909 и 1910 гг. оказался неурожайным. Спасаясь от голода, они вынуждены были продавать различную домашнюю рухлядь, привезенную с собой. Они были готовы заработать деньги для приобретения хлеба. Но "заработки очень скудные, потому что нас очень много собралось в Сибири…, и хотя и зарабатывают, то таковые заработки недостаточны на покупку хлеба на голодающее семейство"[2]. Отсутствие в малозаселенной Кулундинской степи емкого спроса на рабочие руки усугублялось дороговизной продовольственных товаров.

В подобной ситуации оказались и прочие переселенцы на Юге Западной Сибири. Так, малороссийские крестьяне, водворенные в пос. Херсонка Славгородской волости Барнаульского уезда Томской губернии в это же время писали в своем прошении на имя Главноуправляющего землеустройством и земледелием А.В. Кривошеина: " В марте месяце сего года (1910 – В.Ш.) по прибытии из Европейской России, мы водворены … на участок, где и образовали поселок "Херсонка", построив себе жилища благодаря правительственной ссуде, а как на средства к дальнейшему существованию возлагали надежды на урожай хлебов текущего года, посевы которых нами были произведены своевременно. Однако наши надежды не оправдались: поля наши постиг полный неурожай, и мы не собрали даже семян, урожай же сена был тоже крайне плох, поэтому теперь же содержим свои семьи покупным хлебом, а средства на покупку быстро истощаются как не восполняемые по случаю отсутствия заработков на

---

[1]. Там же. Д.671. Л. 40. Подсчет наш.

[2] ГРИА. Ф. 391. Оп. 4. Д. 67. ЛЛ. 17-17 об.

стороне; кроме того не имеем средств к приобретению как посевного зерна к посеву будущего года, так и необходимого рабочего скота и мертвого сельскохозяйственного инвентаря, в котором так нуждаемся для восстановления на новом месте поселения своих хозяйств"[1].

В одном из многочисленных прошений этого времени крестьяне описали природные условия, в которых они оказались. Так, крестьяне пос. Ново-Александровка Славгородской волости Барнаульского уезда указывали, что "… в настоящем 1910 г. на выданном нам участке урожая хлеба по случаю засухи ничего решительно не оказалось, даже до сего времени (осень 1910 г. – В.Ш.) во многих местностях осталось невсхожим, а который взошел, еще зеленью окончательно повыгорел, так что по снятии урожая в некоторых домохозяйствах даже не получили семян, которые были высеяны при посеве весной сего года"[2].

Ситуация усугублялась эпизоотиями. Так, крестьяне пос. Успенский Славгородской волости просили ссуду на приобретение необходимого рабочего и домашнего скота. В своем прошении они писали, что "приехав в Сибирь и обзаведшись лошадьми, в текущем году (1910 г. – В.Ш.) потеряли положительно все, в настоящее время не имеем ни одной лошади, а также не имеем средств к покупке таковых"[3].

Поддержка со стороны Переселенческого Управления позволила переселенцам несколько улучшить свое положение. К началу Первой мировой войны экономическое положение немецких колонистов заметно улучшилось, что наглядно демонстрируют, правда, более поздние статистические обследования (1917 г.). К 1914 г. доля беднейших хозяйств сократилась до 9%, а по некоторым поселкам, например, Подсосновской и Орловской волостей даже до 3%. За счет сокращения доли середняцких хозяйств, улучшивших свое экономическое благосостояние вследствие влияния различных объективных и субъективных факторов, удельный вес средне- и крупнокрестьянских хозяйств очень сильно вырос и достиг отметки 40 - 50%, тогда как по наиболее зажиточным северным поселениям число зажиточных дворов составляло до 70%[4]. Все это позволяло уже в конце 20-х гг. XX в. характеризовать немецкую деревню как "сплошь кулацкую"[5].

Первая мировая война и последовавшие за ней события негативно отразились на жизни сибирских немцев. Несмотря на то, что антинемецкая кампания, в первую очередь, ударила по немцам Европейской России, сибирские немцы также испытали на себе некоторые из ее

---

[1] ГРИА. Ф. 391. Оп. 4. Д. 67. ЛЛ. 4-5.

[2] ГРИА. Ф. 391. Оп. 4. Д. 67. ЛЛ. 12-12 об.

[3] ГРИА. Ф. 391. Оп. 4. Д. 67. Л. 46.

[4]. Там же. Ф. 233. Оп. 1. ДД. 799, 800, 801, 802, 803, 805, 808, 810, 812, 815. Оп. 1-б. Д. 575. Подсчет наш.

[5]. Краткий отчет ВЦИКу о положении немецкого крестьянства в Сибири члена ВЦИК, заместителя наркома просвещения РСФСР В.А. Курца // Новое время - Neue Zeit. Славгород. № 35 от 22 марта 1994 г.

проявлений. Так, например, с начала 1915 г. начался процесс расторжения арендных контрактов, для чего использовались различные поводы, порой, самые надуманные. Немецкие поселяне ответили на эти шаги потоком жалоб на имя начальника Алтайского округа, доказывая в них, что их хозяйство имеет культурное значение, и ничего, кроме пользы, не приносит. Однако все эти ходатайства отклонялись. Несмотря на это, "они вновь возбуждают аналогичные ходатайства, подкрепляя их такой мотивацией, которая ставит в затруднение Управление Округа", - писал в своем донесении начальник Округа Управляющему Кабинетом Его Величества[1]. В нем он пытался вступиться за немцев-арендаторов, указывая в донесении на то, что для расторжения договоров чаще всего используются "формальные основания". Подобная позиция не вписывалась в имевшиеся установки, а потому она вызвала в Петрограде неудовольствие. Поэтому в ответном распоряжении указывалось, что "Начальник Округа не должен придавать значения общим соображениям, а в каждом отдельном случае от каждого просителя требовать определенных доказательств, что ... лицо может пользоваться установленными в законе льготами"[2]. В результате по отношению к немцам, арендовавшим на Алтае кабинетские земли, была применена буква закона. Незамедлительно это привело к сокращению числа арендаторов. При этом 71 семье удалось сохранить права на аренду, т.к. удалось документально подтвердить, что их предки перешли в российское подданство еще во второй половине XVIII - начале XIX вв.[3]

К 1917 г. Алтайский округ Томской губернии становится основным центром тяготения немецких переселенцев из Поволжья, Причерноморья и других регионов Российской империи. К этому времени здесь сформировались основные районы поселения немецких колонистов, которые объединяли около 140 компактно или дисперсно расположенных колоний, в которых проживали преимущественно немцы. Кроме того, немецкие крестьяне поселялись совместно с русскими и казахами, и число подобных поселений на сегодняшний день пока не восстановлено. Проанализировав полученные количественные данные о географии выселения и динамике переселения по различным губерниям применительно к трем выделенным районам, можно говорить о диахронности движения переселенцев на Алтай. Заселив закрепленные за ходоками выделенные участки, немецкие крестьяне двигались далее в те районы, в которых власти предлагали свободные земельные наделы. При этом обращает на себя внимание не только не одновременность освоения регионов, но также диахронность включения основных ареалов расселения колонистов в Европейской России в процесс переселения. Всего на Алтае в

---

[1]. ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3702. Л. 175.

[2]. Там же. ЛЛ. 177 об. - 178.

[3]. Там же. ЛЛ. 273 - 274. Подсчет наш.

сельской местности за период с 1889 по 1917 год поселилось около 43 тыс. немцев. Эти данные являются приблизительными по той причине, что часть мужского населения в момент проведения переписи 1917 г. не находилась в местах постоянного проживания в силу того, что они в военное время были призваны на службу в воинские вспомогательные команды.

Рассмотрим немецкую деревню с экономических позиций. Одними из наиболее сложных являются вопросы о землевладении и землепользовании. На Алтае правительство допускало существование различных видов владения, в том числе и общинного. Однако наряду с этим, проводилась идея о том, что "продолжать дело отвода участков в прежнем порядке, не приняв никаких мер против развития здесь в будущем общинной неурядицы, было бы исторический ошибкой"[1].

В немецких поселках подворное землевладение нашло свое выражение в виде отрубов, как наследия столыпинской аграрной реформы. При этом наделение в обществах землей происходило на основании количества душ в семье. Число душевых наделов колебалось от одного до десяти. Были случаи, когда в поселках проживали безнадельные семьи. Распределение земли по душам было распространено у переселенцев – лютеран и католиков. Меннониты Алтая также приняли отрубную систему, но они были не согласны с подушным наделением, стремясь сохранить на новом месте жительства систему "больших" и "малых" хозяйств ("Grosswirtschaft" и "Kleinwirtschaft" соответственно), которые имели место в новороссийских материнских меннонитских колониях. Они выступали за подворное наделение переселенцев, размер участка не должен был зависеть от людности семьи. Заселившись на выделенных участках, они стремились переделить даровые земли на семейные участки по 60 дес. В районе Славгорода, основном месте проживания, меннонитам накануне Первой мировой войны удалось добиться разрешения на подобный передел[2]. При этом надо отметить, что ряд исследователей указывает на то, что война помешала меннонитам осуществить необходимые мероприятия[3]. Однако этот процесс не повсеместно, но происходил. Материалы переписи 1917 г. свидетельствуют о том, что, например, в пос. Глядень меннониты являлись владельцами семейных участков в размере 60 дес. всех угодий.

Необходимо обратить внимание на то, что среди немецких переселенцев подворное землевладение в форме отрубных наделов было распространено шире, чем у представителей

---

[1]. Столыпин П.А., Кривошеин А.В. Записка председателя Совета министров … Приложение к всеподданнейшему докладу. СПб., 1910. С. 68 – 69.

[2]. Малиновский Л.В. Причины и обстоятельства миграции … С. 95.

[3]. См., напр., Малиновский Л.В. Причины и обстоятельства миграции … С. 95.

прочих национальностей. По степени его распространения они уступали лишь эстонцам[1]. В среде же русских и украинских крестьян в течение рассматриваемого периода преобладала передельная община.

В первые годы проживания на землях выделенного переселенческого участка немецкие колонисты не были ограничены рамками земельного фонда. Но со временем количество хозяйств увеличивалось, что требовало от общества регламентации в вопросах землепользования. При этом колонисты указывали на то, что землю "следовало бы поделить подворно: только в таком случае, по мнению колонистов, можно бы ее, например, навозить. Но сами же они находят, что сделать это трудно: участок не однородный, много на нем, к тому же, леса; кому достанется последнего много – негде пахать будет"[2].

Отношение немецких колонистов к общинному землепользованию было неоднозначным. Оно имело как сторонников, так и противников. "Теперешний, общинный порядок пользования пахотной землей большинство считает неудобным, стеснительным: пахать надо, сообразуясь с требованиями всего общества, удобрять или особенно стараться над обработкой своей пашни отдельному хозяину не стоит, так как труд такой может всегда пропасть даром. С другой стороны, раздаются голоса, что нынешний порядок желателен и в будущем, потому что "многосемейный и должен получать больше земли, а малосемейный меньше"[3].

Преобладание в алтайских немецких поселениях подворного землевладения отличает их, скажем, от переселенческих поселков в Средней Азии, где в значительной степени была распространена передельная община. Лишь в редких случаях переселенцы в Средней Азии "поделили отведенный им надел на подворные участки на вечные времена"[4]. В Сибири же власти имели возможность повлиять на будущую форму землевладения. В этом направлении они могли пользоваться следующей нормой: заводить общинные порядки могли лишь те общества, где ранее имелись земельные переделы[5].

Процесс передачи земельных угодий из ведения Кабинета Переселенческому Управлению Главного Управления Землеустройства и Земледелия привел к тому, что немецкие крестьяне стали с точки зрения права владельцами полученной земли. Однако до 1917 г. в силу ряда обстоятельств, здесь не возник институт частной собственности на землю. Это явление резко выделяло Алтай из числа прочих регионов Российской империи. Оно же предопределило

---

[1]. Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Томской губернии. Выпуск II. Томск, 1913. Приложение. Подсчет наш.

[2]. Там же.

[3]. Там же. С. 15.

[4]. Кронгардт Г.К. Указ. соч. С. 37.

[5]. Островский И.В. Аграрная политика царизма в Сибири периода империализма. Новосибирск, 1991. С. 73.

отличие немецкой колонии от аналогичных поселений в других регионах в вопросах землепользования.

Выделенный обществом земельный надел не всегда мог удовлетворить потребности части немецких переселенцев. С другой стороны, определенная доля земельных угодий, которые были переданы колонистам, пустовали. Это создало благоприятную почву для формирования рынка сдачи – аренды земельных угодий. В сложившихся условиях увеличение земельного фонда отдельной семьи возможно было лишь путем аренды, а не приобретения новых земель на правах собственности, как это было, например, в Оренбургской губернии[1] или в Степном крае[2].

Насколько спрос и предложения удовлетворяли друг друга? По разным поселкам число дворов, сдававших землю, колебалось от 7 до 27%[3]. Основная часть сдаваемых земель обращалась новыми пользователями в полевые пашни, в редких случаях речь шла о сдаче в аренду сенокосных угодий. О соотношении размеров земельных участков, сдававшихся в аренду, говорят полученные данные (см. прил. 55).

Из таблицы видно, что колонисты предпочитали сдавать земли средними по размеру участками, чаще от 5 до 10 дес. Это говорит, с одной стороны, о наличии свободных земель, а с другой – об ограниченности свободного от хозяйственного использования земельного фонда.

Подобная картина наблюдалась и в случае с арендой земельных участков. Правда, число дворов, прибегавших к ней, было несколько больше (в среднем по Алтаю - 31,4%)[4]. Столь высокий спрос на землю говорит о том, что часть семей при водворении получила недостаточное количество земли, с одной стороны, а, с другой стороны, они при имеющихся возможностях могли обрабатывать более значительные по площади земельные угодья. Однако спрос на землю явно был выше предложения. Это говорит о том, что частные лица не могли удовлетворить его. В свою очередь это приводило к тому, что в рынок сдачи – аренды земли включались не только частные лица, но также переселенческие общества с целью увеличения своих доходов. Общество на сельском сходе принимало решение о сдаче в аренду земель из запасного фонда. Если частные лица сдавали земли на срок до 5 лет, то общество практиковало переуступку своих прав на пользование землями, как правило, на годичный срок. То есть в немецких поселках преобладала краткосрочная аренда. При этом земли колонистами арендовались средними участками (см. прил. 56).

---

[1]. Федорова А.В. Немецкие колонии на землях войска Оренбургского // Оренбургские немцы: этническая история и духовная культура. Оренбург, 1998. С. 27.

[2]. Вибе П.П. Переселение немцев-колонистов в Степной край … // История немцев Центральной Азии … С. 26.

[3]. ГААК. Ф. 233. Оп. 1. ДД. 411, 805, 808, 812, 815. Оп. 1-б. Д. 866. Подсчет наш.

[4]. Там же. ДД. 186, 411, 799 – 803, 805, 808, 812, 815. Оп. 1-б. Д. 575, 866. Подсчет наш.

Также как и в ситуации со сдачей земли, основную массу составляли участки в 5–10 дес. (почти 40%).

К сожалению, не сохранились сведения о размере арендной платы в немецких поселках. Однако материалы переписи 1917 г. позволяют нам говорить исключительно о денежной оплате за пользование земельными участками как в отношении частных лиц, так и переселенческих обществ.

Рассмотрев формы землевладения и землепользования, обратимся к вопросу о хозяйственном использовании переселенцами земельных угодий. Они состояли из удобных и неудобных земель, которые, в свою очередь, складывались из полевой пашни, выгона, сенокоса, лесных и прочих угодий.

Первоначально значительная часть площадей была занята под сенокосом, тогда как пашня составляла едва 1/5 от общей площади. Это можно объяснить, на наш взгляд, тем, что в данное время район был еще довольно слабо заселен, а крестьяне ввели в хозяйственный оборот лишь незначительную часть пригодных к хлебопашеству земель. Тип хозяйственной деятельности сыграл свою роль в изменении структуры земельных дач эстонского, украинского и немецкого переселенческих поселков, что наглядно демонстрируют материалы переписи 1917 г. (см. прил. 57).

Анализ полученных количественных данных позволяет нам сделать следующие выводы. В зависимости от того, какую роль в хозяйственной жизни общества играло земледелие и скотоводство, была изменена первоначальная структура земельной дачи. Там, где ведущую роль играло разведение крупного рогатого скота, например, в эстонских поселениях, основная часть угодий была отведена под покос и выгон (в нашем случае более 65%). В немецких переселенческих поселках основной сферой деятельности являлось земледелие, именно этим объясняется факт того, что почти 50% земли занимала полевая пашня. В то же время в поселениях, в которых не наблюдалось четко выраженной сельскохозяйственной специализации, например, в нашем случае таковыми являются украинские переселенческие поселки, соотношение между пашней, покосом и выгоном было практически одинаково.

Таким образом, детальный анализ полученных данных о структуре земельных дач позволяет с известной долей вероятности говорить о специализированности хозяйств в том случае, если основополагающий вид угодий составляет 50 и более процентов.

Рассмотрим более подробно структуру посевов в немецких переселенческих поселках на Алтае (см. прил. 58).

Основными культурами, которые выращивали переселенцы – немцы, являлись на рассматриваемый момент зерновые: они занимали в общей сложности до 98% посевной

площади. Однако имели место и технические культуры, например, картофель, прочно занявший свое место в структуре посевов немецких колонистов Европейской России еще в первой половине XIX в. В целом, данный набор культур был для немцев типичным и ничем не отличался от господствовавшего в колониях Поволжья или Юга России[1].

Однако соотношение между зерновыми культурами (яровой пшеницей, ячменем и овсом) в немецких поселениях и, скажем, в эстонских и украинских деревнях было несколько различным (см. прил. 59).

В немецких поселках размер посева под пшеницей составлял в среднем 77–85%, тогда как посевная площадь под ячменем и овсом не превышала 20-ти процентной отметки. В эстонских и украинских поселках, напротив, удельный вес ячменя и овса был значительно выше, тогда как доля пшеницы в общей структуре полевых посевов не превышала 70%. Это объясняется тем, что роль крупного рогатого скота в их хозяйства была более значимой, чем выращивание пшеницы, т.е. земледелие в известной мере носило прикладной характер. Эти показатели в очередной раз подтверждают сделанный нами ранее вывод о том, что анализ структуры видов угодий и их составляющих позволяет говорить о специализированности хозяйств.

Основанное в динамично развивающихся районах Сибири немецкое переселенческое хозяйство также должно было развиваться достаточно динамично. Этот тезис в полной степени применим к немецкой колонии на Алтае, что достаточно отчетливо продемонстрировали результаты, полученные при обработке первичных материалов Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г., которая стала своего рода итоговой отметкой в капиталистическом развитии сельского хозяйства России.

В известной степени можно говорить о консервативности сельского хозяйства, о его менее динамичном развитии в сравнении с промышленностью. Какие же изменения произошли в немецких переселенческих поселениях за 10–17 лет, прошедших с момента их возникновения? Ситуация на момент водворения представлена по пос. Мариенбург (см. табл. 45). Для сравнения взяты данные переписи 1917 г. по трем разным немецким переселенческим поселкам (см. прил. 60-63).

Из таблиц, составленных на основе первичных данных переписи 1917 г., достаточно отчетливо видно изменение соотношения различных социальных групп в немецкой деревне во всех основных районах расселения. Благодаря различным факторам их представители сумели в сравнительно короткий срок подняться на более высокую ступень "социальной лестницы", что

[1]. См., напр., Дитц Я. Указ. соч. С. 227.

выразилось в сокращении доли пролетариата почти вдвое, ибо его представители перешли в разряд середняцких хозяйств.

О самой группе середняков говорить как о целостной становится с течением времени затруднительно, поэтому представляется более логичным выделение трех подгрупп: тяготеющие к середнякам – I (занимает промежуточное положение между середняками и пролетариатом, но с преобладанием признаков первых) – сюда относятся хозяйства, обладавшие запашкой до 4 дес. при наличии 1–2 и 3–4 голов рабочего скота, а также беспосевные дворы с 3–4 лошадьми (2,9%, 9,1% и 8,1% соответственно по рассматриваемым переселенческим поселкам); собственно середняки – в данную подгруппу нами были отнесены хозяйства, имевшие на момент обследования до 4 дес. посева при 5 и более головах скота или 4–10 дес. при 1–4 головах рабочего скота (14,71%, 27,2%, 45,9% соответственно); и, наконец, тяготеющие к середнякам–2 (занимает промежуточное положение между середняками и крупнокрестьянскими хозяйствами с преобладанием черт первых) – сюда нами были отнесены крестьянские дворы, владевшие посевом в размере 4–10 дес. на семью при 5 и более головах рабочего скота, а также 10 дес. при отсутствии скота или наличии 1–2 ее голов (10,25%, 18,2%, 2,7% соответственно). Столь значительное сокращение удельного веса середняцких хозяйств в среднем на 25–50% в сравнении с предыдущим периодом объясняется, на наш взгляд, оттоком хозяйств, оказавшихся в разряде середняцких вследствие переселения, в разряд более зажиточных. Но даже эта группа не представляется на тот момент целостной, а потому в ней можно выделить как минимум две подгруппы: крупнокрестьянские хозяйства, имевшие более 10 дес. посева при наличии 3–4 голов рабочего скота (38,4%, 31,9%, 21,6% соответственно); и сельская буржуазия, к которой нами отнесены хозяйства, обладавшие запашкой свыше 10 дес. при 5 и более головах рабочего скота (27,94%, 4,5%, 13,6% соответственно). Отличие между ними заключается, главным образом, в отношениях с местными рынками: сельская буржуазия по своей природе была тесно с ним связана, главным образом ориентируясь на реализацию зерна, муки, сливочного масла и прочей сельскохозяйственной продукции, производившейся в излишке.

Наблюдается резкий подъем немецкого колонистского хозяйства на Алтае, даже несмотря на то, что в различных районах темпы его значительно различались. Эти результаты дают нам повод говорить о своего рода "экономическом чуде", которое имело под собой различные субъективные и объективные составляющие. Они по-разному преломлялись в каждой из зон расселения, по-разному влияя, тем самым, на социально-экономическое развитие общества.

Определенную роль в определении результатов экономического развития немецкой переселенческой деревни сыграло прежнее место жительства. При рассмотрении аграрной

истории этот фактор ни в коем случае не должен упускаться из виду. Об этом красноречиво свидетельствуют результаты переписи 1917 г., раскассированные в рамках осуществленной выборки в зависимости от прежнего места проживания (Поволжье и Новороссия) (см. прил. 64 - 65).

При приближенном рассмотрении полученных результатов группировки можно заметить более высокую степень обеспеченности землей и лошадьми колонистов, переселившихся из Новороссии: число зажиточных и крупнокрестьянских хозяйств определяется в их среде в более чем 58%. В указанную категорию нами отнесены хозяйства, имевшие на момент обследования при 3 и более головах лошадей свыше 10 дес. посева. При этом доля хозяйств с 3 лошадьми и посевом более 10 дес. была незначительна и составила всего 10,8% дворов.

Обращает на себя внимание тот факт, что среди бывших причерноморских немцев очень невелика группа хозяйств, которые могут быть отнесены в разряд пролетарских (2,4%). Так же невелика доля бедноты (безлошадные хозяйства с посевом от 0,1 до 10 дес. и беспосевные дворы с 1 лошадью), она составила всего 9,2%. Столь незначительная доля бедняцких хозяйств свидетельствует о том, что из новороссийских губерний на Алтай переселялись более зажиточные колонисты. Однако далеко не все колонисты, попавшие в эту группу, являлись неимущими. Нередкими в немецкой деревне были случаи, когда семья жила за счет сдачи в аренду однообщинникам или обществу пахотных земель и покоса, являя собой тип рантье. Наиболее распространены подобные случаи были среди семей, состоящих из 2–3 членов, как правило, стариков или молодежи, которые были не в состоянии самостоятельно обрабатывать принадлежащий им земельный надел.

На долю середняцких хозяйств приходилось всего 1/3. Но эта масса не была однородной по своему составу. Согласно принятой методике, она была раскассирована на три составляющие. Половину (15,1% от общего числа) составили хозяйства, обладавшие 1–4 лошадьми с посевом от 4 до 10 дес. Но в их составе основную часть составляли дворы с 2 лошадьми (8,8%). Значительную роль в определении хозяйственного лица середняков играли хозяйства, определенные нами как "тяготеющие к середнякам – II", т. е. занимавшие промежуточное положение между середняками и зажиточными семьями. Подобные дворы, засевавшие более 10 дес. при 1–2 лошадях, составляли в общей массе 13%.

При этом не стоит забывать и о том, что не только из Новороссии на Алтай переселялись колонисты. Значительная их часть пришла из Поволжья. Это ставит перед нами вопрос: имелись ли различия в уровне экономического развития переселенцев из различных регионов Российской империи, оказавшихся в одно время примерно в одинаковых условиях. Ответ на него можно получить вследствие сравнительного анализа результатов группировки

экономических показателей в рамках соответствующих выборок. Данные по новороссийским переселенцам нами были приведены выше. Теперь сравним их с аналогичными показателями по поволжским немцам.

Сразу же бросается в глаза факт более низкой степени стратифицированности поволжских немцев в сравнении с новороссийскими немцами – соотношение бедноты – середняков – зажиточных хозяйств примерно равно (21,4% - 40,7% - 37,9%), тогда как в среде последних степень стратификации была значительно выше (11,6% - 30% - 58,4% соответственно).

Среди переселенцев из поволжских губерний, как видим, спустя 5–10 лет с момента водворения была относительно высокой доля бедняцких хозяйств, не имевших посева и рабочего скота (11,3%). Чуть меньшей была доля хозяйств, которые занимали промежуточное положение между сельским пролетариатом и середняками (10,1%).

Обращает на себя внимание, особенно на фоне сравнения с мигрантами из причерноморских губерний, меньшая раздробленность середняцкой группы хозяйств. Половина из них (21,4% от общего числа) приходилась на семьи с 2–3 лошадьми и небольшим посевом в 4–10 дес. Уровень состоятельности поволжских немцев представляется возможным определить в сравнении с причерноморскими переселенцами. На долю зажиточных и крупнокрестьянских хозяйств среди переселенцев из Поволжья приходилось всего лишь 37,9% общего числа хозяйств.

Приведенные выше данные свидетельствую о том, что немецкие колонисты, пришедшие из новороссийских губерний (Екатеринославской, Бессарабской, Таврической и Херсонской) на момент водворения на Алтае были в экономическом плане более состоятельными. Больший размер вывезенных с родины капиталов, как мы это увидим далее, позволил им в сравнительно короткий срок встать на ноги в новых географических и иных условиях. Не последнюю роль в столь высокой зажиточности переселенцев из Новороссии сыграло то, что активное участие в течение 1908–1909, 1912–1913 гг. в переселенческом процессе сыграли меннониты (о роли религиозного фактора см. далее).

Известную роль в становлении немецкого хозяйства сыграл временной фактор. Для подтверждения этого тезиса нами было проанализировано экономическое положение переселенцев различных лет водворения на момент проведения переписи 1917 г. Хозяйства были раскассированы на две временные группы: действующие до 5 лет, т.е. 1912–1917 гг. прибытия; от 5 до 10 лет, т.е. 1907–1911 гг. прибытия (см. прил. 66).

Сравнивая полученный результат можно сделать следующие выводы. Соотношение основных социально-экономических категорий в значительной степени зависело от времени проживания переселенцев на новом месте. Это достаточно отчетливо видно на примере группы

бедняцких хозяйств: среди переселенцев 1907–1911 гг. эта категория составила 7,4% от общего числа, тогда как в отношении переселенцев 1912–1917 гг. число бедняцких хозяйств несколько выросло и составило уже 10,18% от общего числа. При этом обращает на себя внимание факт увеличения доли тяготеющих к пролетариату хозяйств во второй временной группе (6,6% против 9,4%). Аналогичным образом произошли изменения в группе середняцких хозяйств. Значительное увеличение их доли произошло за счет роста хозяйств, относящихся к категории "тяготеющих к середнякам – II", т.е. находившихся в экономическом плане на стыке середняцких и зажиточных хозяйств. Эти данные свидетельствуют о том, что в период последней предреволюционной волны миграции немецких колонистов на Алтай среди мигрантов доля обеспеченных хозяйств, принявших решение переселиться, была значительно выше, чем в первые годы столыпинского переселения. То есть в процесс миграции начали включаться более зажиточные хозяйства. Это видно на примере социально-экономической дифференциации меннонитских хозяйств, возникших на Алтае в течение 1912–1917 гг. Доля бедноты среди них находилась на том же уровне, что и среди переселенцев 1907–1911 гг. (7,3% от общего числа). Среди меннонитов в сравнении с прочими категориями переселенцев была достаточно невелика группа середняцких хозяйств (13,8% от общего числа), при этом наиболее крупной в их среде была подгруппа хозяйств "тяготеющие к середнякам– II", которая составляла около половины дворов группы (6,5% от общего числа). О том, что в среде меннонитов в путь за Урал отправлялись достаточно обеспеченные семьи, свидетельствует доминирование зажиточных хозяйств в общей среде: в целом почти 79% дворов мы относим к этой категории.

Говоря о факторах, повлиявших на социально-экономическое развитие немецкой деревни, необходимо обратить внимание на конфессиональный состав переселенцев. Представим данные сравнительного анализа экономического положения меннонитов, католиков и лютеран (см. прил. 67 - 69).

Как видно из приведенных выше таблиц, наибольшая доля зажиточных хозяйств приходилась на меннонитов, наименьшая – католиков. Это объясняется не только объективными причинами (меннониты обладали большими финансовыми возможностями вследствие активной поддержки со стороны материнских колоний в Новороссии), но и субъективными факторами: на новом месте жительства меннониты переходили к подворной форме землевладения, тогда как католики и лютеране осуществляли свое хозяйствование в условиях общинно-уравнительного подхода. Одна и та же "протестантская этика" оказалась по-разному воплощенной в экономической жизни.

Не последнюю роль в экономическом развитии немецкой деревни на Алтае сыграла ее высокая обеспеченность сельскохозяйственным инвентарем (см. прил. 70).

Этот показатель являлся одним из основных для хозяйственной деятельности земледельцев. При рассмотрении его в целом применительно к меннонитам и всем прочим немецким переселенцам необходимо отметить более высокую степень обеспеченности первых сложными сельскохозяйственными машинами (0,55 единицы/двор против 0,41)[1]. При приближенном рассмотрении, т. е. рассматривая состав сельхозорудий, включенных в показатель, эта разница видна еще более отчетливо. Если обеспеченность плугами, косилками и конными граблями примерно одинакова и колеблется в пределах 10 единиц на 10 хозяйств и для первых, и для вторых, то о количестве прочего инвентаря этого нельзя сказать: обеспеченность жнейками среди меннонитов в 1,7 раза, веялками – в 2,5 раза, а молотилками в 5,2 раза была выше, чем среди прочих немецких колонистов, проживавших на территории Алтая в рассматриваемое время. При этом низкой обеспеченность немецких колонистов сельскохозяйственной техникой можно считать лишь с известной долей относительности, ибо относительно представителей прочих национальных групп переселенцев, как мы видим из приведенной таблицы, немецкие крестьяне имели достаточно высокую обеспеченность сложными машинами: например, если в русской переселенческой деревне на 10 хозяйств приходилось 3,13 жнейки, то для немецких дочерних колоний этот показатель составлял 4,78 единиц, еще меньше жнеек приходилось на те же 10 дворов в эстонской деревне.

О высоком уровне обеспеченности немецких колонистов сложными машинами свидетельствует тот факт, что доля арендованных уборочных машин в их среде была значительно ниже, чем, например, у русских или украинских переселенцев (см. прил. 71).

При этом сохраняется тенденция, согласно которой наибольшее число случаев аренды приходится на дорогостоящую технику, в частности, молотилки. Сопоставление и анализ данных о собственном и арендованном наличном сельскохозяйственном инвентаре позволяет нам сделать выводы о хозяйственном лице национального хозяйства в целом. Так, например, незначительное количество жнеек из расчета на 10 хозяйств среди русского старожильческого населения (1,18) свидетельствует в пользу малой роли, которую играло машинное производство при уборке хлебов и высокой степени применения ручного труда. Низкая обеспеченность плугами и жнейками в эстонских хозяйствах (1,36 и 5,9 единиц на 10 хозяйств соответственно), но высокий уровень обеспеченности косилками и конными граблями наталкивает на мысль о

[1]. Там же. Ф. 233. Оп. 1. ДД. 411, 799-803, 805, 808, 812, 815. Оп. 1 – б. Д. 39, 355, 575, 576. Подсчет наш.

том, что земледелие играло в них далеко не главную роль, что подтверждается дальнейшими показателями.

Все это позволяет нам говорить о том, что в немецких хозяйствах на Алтае переселенцы были обеспечены сложными сельскохозяйственными машинами в достаточном количестве. Колонисты менее других переселенцев и старожилов использовали в своей деятельности ручной труд при осуществлении различных агрикультурных мероприятий (жатва, молотьба и т.д.), что позволяло им с лучшим качеством обрабатывать значительные земельные наделы, получая, как следствие, больше прибыли. Это стало еще одним экономическим фактором, который в значительной степени повлиял на то, что немецким переселенцам удалось поднять свое хозяйство в сравнительно короткий срок на высокий уровень.

Другим не менее значимым экономическим фактором являлась обеспеченность крестьянских хозяйств рабочим и продуктивным скотом. В целом немецкие переселенческие хозяйства ничем не отличались от прочих по разновидности скота: лошади, крупный рогатый скот, овцы и свиньи. Другое дело, сколько голов приходилось на одну хозяйственную единицу (см. прил. 72).

Сопоставляя абсолютные и относительные показатели, можно заметить, что основную роль в немецких и меннонитских хозяйствах в сфере животноводства играло разведение лошадей как основной тягловой рабочей силы. При этом средний показатель для немецкой переселенческой деревни в целом был несколько выше, чем для прочих национальных групп.

Распределение продуктивного скота в немецкой (католической и лютеранской) и меннонитской деревнях значительным образом отличалось. В них на втором месте по значимости и по численности находился крупный рогатый скот. Немцы вывезли с прежних мест жительства красную степную или "немецкую" породу, которая была достаточно неприхотлива и легко адаптировалась в степных условиях Алтая. Удельный вес крупного рогатого скота в немецкой деревне был значительно выше чем, скажем, в русских старожильческой и переселенческой и украинской деревнях. Однако немцы значительно уступали в этом показателе эстонским крестьянам, для которых разведение молочных пород крупного рогатого скота являлось основным занятием, как в Прибалтике, так и на Алтае. Еще большее значение приобрело разведение КРС с распространением сепараторов и организацией маслодельческих артелей и кооперативов, что позволяло переселенцам получать дополнительные деньги. В среде немецких переселенцев встречаются случаи, когда целые поселки занимались исключительно разведением КРС и переработкой молока. Таковыми были, например, пос. Америка и Кениговский Змеиногорского уезда).

Немецкие колонисты предпринимали попытки разводить на Алтае тонкорунные породы овец. Однако это начинание укоренилось лишь в южных районах региона, тогда как солончаковые земли Кулундинской степи не позволяли заниматься их разведением.

В целом же высокая степень обеспеченности немецких хозяйств рабочим и продуктивным скотом сыграла не последнюю роль в их экономическом развитии. Зависимость между ним и экономическим положением переселенцев достаточно очевидна, что подтверждает анализ данных переписи 1917 г. (см. прил. 73).

Из таблицы 47 явно видно, что основную массу беспосевных и малопосевных хозяйств составили первые две временные группы, тогда как среди хозяйств, просуществовавших более пяти лет, их доля очень мала, а местами равна нулю. Доля зажиточных хозяйств возрастает пропорционально с увеличением срока существования хозяйства. Подобная картина наблюдается и в отношении количества голов рабочего скота.

Эта же зависимость еще более отчетливо выявляется при использовании корреляционного анализа. Проведенный анализ выявляет значительную зависимость между сроком проживания и размером посевной площади (колебания от 0,48 до 0,50) и сроком проживания и количеством голов рабочего скота (колебания от 0,38 до 0,43).

Одним из существенных, но малоизученных факторов, оказавших влияние на экономическое становление немецких хозяйств, явилось широкое распространение в переселенческих поселках на Алтае различных форм кооперации, в том числе и в форме кредитных товариществ, основной задачей которых было кредитование нужд переселенцев посредством свободных денежных средств самих же переселенцев.

В немецких поселках кредитные кооперативы возникают с 1912 г. О популярности их свидетельствует тот факт, что в 1915 г. 51,2% хозяйств, расположенных в районах их деятельности, входили в них на полных правах. При этом данный показатель колебался от 26% для Орловского кредитного товарищества, до 85% в зоне деятельности Златополинского кооператива. Это можно объяснить тем, что в ряде "старых" поселений колонисты уже в меньшей степени нуждались в дополнительных источниках финансирования, чем в недавно возникших, где переселенцы постоянно нуждались в первоначальном стартовом капитале для приобретения скота, инвентаря, семенного материала, вложения его в строительство и другие нужды. С другой стороны, подобная ситуация объясняется разной степенью участия прежних обществ проживания, как мы уже отмечали, в налаживании жизни своих вчерашних членов на новом месте.

Немецкие кредитные товарищества значительно выделялись из общей массы по ряду показателей (см. 74).

Значительными были суммы кредитов, освоенных переселенцами из числа немцев. В общей сложности на 1915 г. членам товариществ было выдано 446270 руб. Наибольшей этот показатель был в Гляденском обществе (230205 руб.), наименьшим – в Подсосновском товариществе (46875 руб.). В то же время средняя сумма кредита, открытого в различных обществах Барнаульского уезда не превышала 35 тыс. руб. Кроме того, немецкие кредитные товарищества отличались высоким размером максимального кредита: в среднем по уезду этот показатель составил не более 300 руб., тогда как у немцев – 540 руб. Эти и иные аспекты привлекали в кооперативы, основанные немецкими переселенцами, русских и украинских крестьян из соседних поселков.

Немцы в начале XX в. внесли большой вклад в дальнейшее развитие образовательной системы в регионе. С одной стороны, речь идет об открытии в переселенческих поселках начальных училищ, в которых преподавали выходцы из бывших колоний Поволжья и Новороссии. Подобные школы открывались в Барнаульском и Змеиногорском уездах Томской области, Омском уезде Акмолинской области.

Анализ статистических данных свидетельствует о том, что уровень грамотности в немецких поселениях был значительно выше, чем у представителей прочих национальных групп. По этому показателю немецкое сельское население Алтая незначительно уступало лишь представителям прибалтийских губерний. Средний показатель грамотности среди мужского населения пос. Камышинский приближался к 70%, а в средней возрастной группе он достигает 77%. Среди женщин уровень грамотности достигал 56% от общего числа, при этом сохранялась тенденция более высокой грамотности среди женщин средней возрастной группы (61%)[1]. Достаточно высокий уровень грамотности достигался в значительной степени благодаря тому, что в немецких поселениях традиционно большое внимание обществом уделялось школьному образованию. На Алтае около 50–55% немецких мальчиков и около 40 % девочек в возрасте до 14 лет посещали школы[2].

Приведенные выше данные вполне вписываются в общую картину грамотности немецкого населения по различным регионам России конца XIX–начала XX вв. (см. прил. 75).

Столь ощутимый разрыв в уровне грамотности в материнских и дочерних колониях объясняется некоторым нарушением общественной жизни колонистов и нехваткой учителей на новом месте жительства. Нередко местные власти не позволяли колонистам открывать свои школы. Это продолжалось вплоть до 1915 г., когда немцам на Алтае наконец-то официально

---

[1]. ГААК. Ф. 233. Оп. 1. Д. 810. Подсчет наш.

[2]. Там же. ДД. 799 – 803, 805, 808, 812, 815, Оп. 1-б. Д. 454, 457. Подсчет наш.

разрешили открывать начальные школы. Тем не менее, этот уровень был значительно выше, чем, например, среди русских переселенцев, составлявший в среднем 25%, а уровень охвата детей начальным школьным образованием едва превышал 5 –процентный рубеж[1].

С другой стороны, немцы продолжали заниматься преподаванием практически во всех учебных заведениях на территории Западно-Сибирского учебного округа.

В начале XX в. в Императорском Томском университете работало несколько видных ученых немецкого происхождения. Одним из них был Фридрих Крюгер (1862 г.р.[2]), занимавший должность профессора кафедры медицинской химии с 1895 по 1912 гг. В 1879 – 1889 гг. он проходил курс обучения Дерптском университете, который окончил со степенью доктора медицины. В Дерпте он начал свою научную работу под руководством профессора А. Шмидта, который был в конце XIX в. одним из крупнейших специалистов в области физиологии. В 1895 г. Крюгер, вернувшийся из зарубежной командировки, получил назначение в Томск. В течение длительного времени он возглавлял кафедру медицинской химии и определял характер ее научной работы. В Томске им были написаны основные научные и учебные работы, опубликованные в России и за рубежом. Но профессор Крюгер был не только крупным ученым. Он являлся сторонником доступного образования. В 1911 г. вместе с профессорами А.А. Кулябко и В.Н. Саввиным он поддержал предложение о допуске женщин для получения высшего образования на медицинском факультете университета[3]. В немногочисленных публикациях о профессоре Крюгере пишется о том, что в 1912 г. "за выслугой лет" он был уволен с должности ординарного профессора и переехал в Лифляндскую губернию[4]. Однако в "Памятной книжке Западно-Сибирского учебного округа на 1916 год", он продолжал числиться в должности ординарного профессора по кафедре медицинской химии (вне штата), получая пенсию в 4500 руб.[5].

Немцы в Томском университете были преподавателями немецкого и иных иностранных языков[6], консерваторами зоологического кабинета[1] и т.д. Многие из них, как и профессор Крюгер, получили образование в Дерптском (Юрьевском) университете.

---

[1]. Там же. Д. 209. Подсчет.

[2] Российский медицинский список, издаваемый Управлением Главного врачебного инспектора Министерства внутренних дел, на 1908 год. СПб., 1908. С. 214.

[3] Некрылов С.А. К 145-летию со дня рождения ординарного профессора по кафедре медицинской химии Императорского Томского университета Фридриха Карловича Крюгера // Сибирский медицинский журнал. Томск. 2007. № 2. С. 140.

[4] Там же.

[5] Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа на 1916 год. Томск, 1916. С. 16.

[6] Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа на 1909 год. Томск, 1909. С. 18.

Еще больше немцев среди преподавательского состава в начале XX в. было в Томском технологическом институте императора Николая II, открытом в 1900 г. Если для преподавателей университета alma mater был Дерптский университет, то для многих сотрудников технологического института немецкого происхождения ею был Горный институт в Петербурге. Не последнюю роль в привлечении в Томск выпускников этого заведения сыграл декан горного факультета профессор В.А. Обручев.

В губернских училищах также было достаточное количество немцев, которые преподавали не только немецкий язык или основы вероисповедания. Так, в Тобольской гимназии физику и природоведение преподавал выпускник Казанского университета Николай Дингельштедт[2]. В Тюменском Александровском реальном училище учителем естествоведения был выпускник Санкт-Петербургского университета Петр Штрейс[3].

Среди преподавателей высших и средних учебных заведений были немцы преимущественно лютеранского происхождения. Но были и потомки обрусевших немцев, которые в силу законодательства были при рождении крещены в православии[4]. Далеко не все из них были представителями дворянских фамилий. Например, профессор Крюгер был сыном петербургского купца. Они заканчивали различные высшие учебные заведения России. Это свидетельствует о том, что в их среде были не только представители прибалтийских немцев, но также выходцы из других территориальных групп.

В сравнительно короткий срок (конец XIX–начало XX вв.) происходит процесс бурного формирования и становления новой в географическом плане группы российских немцев – сибирской. Результаты проделанной работы показали, что значительная часть немецких колонистов (около 45–50 %) в течение рассматриваемого периода поселилась на территории Алтая. Немецкая община была достаточно многочисленной и входила в число десяти наиболее крупных национальных групп. При этом в отдельных районах она занимала второе – третье место по численности, уступая лишь русским и украинцам. Столичные и местные чиновники нередко высказывались против переселения немецких крестьян в Сибирь. Важным моментом являлось сохранение моноэтничности и моноконфессиональности переселенческих немецких поселков. Однако вплоть до начала массового переселения в 1906–1907 гг. по причине малочисленности переселенцев и многоземелья в рамках выделяемых земельных дач создать

---

[1] Там же. С. 20.

[2] Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа на 1909 год. Томск, 1909. С. 59.

[3] Там же. С. 79.

[4] По действовавшему законодательству допускались браки между лютеранами и православными, католиками и православными. Рожденные в таком браке дети крестились по православному обряду.

однородные поселения было очень сложно. Это заставляло переселенцев селиться в это время, как правило, в качестве арендаторов на землях оброчных статей Кабинета Его Величества. С другой стороны, особенностью переселенческого движения немецких крестьян на территорию Алтая и в Сибирь в целом до 1917 г. являлось наличие в среде переселенцев двух образующих начал. Основную массу составили добровольные переселенцы из материнских колоний Европейской России. Однако имелась и иная сторона переселенческого процесса. Она заключалась в том, что определенную часть в составе новой сибирской немецкой диаспоры составили депортированные из некоторых западных губерний России колонисты. Таким образом, говоря о переселении немецких колонистов из районов Поволжья и Новороссии на Алтай, можно разделить его на два последовательных этапа: в течение первого этапа (до 1914 г.) в качестве основных причин миграции выступали, как правило, социально-экономические причины; в течение второго периода (1914–1917 гг.) в качестве основного фактора, двигавшего мигрантами, являлся политический фактор, который сыграл большую роль в перемещении значительных масс населения против их воли. В процессе формирования немецкой сельской диаспоры на Алтае приняли участие все основные регионы, в которых немецкие колонисты к последней трети XIX в. проживали компактно. При этом наибольшее число мигрантов вышло в течение 1880–1917 гг. из районов Нижнего Поволжья, Новороссии, губерний Западного края, Северного Кавказа.

Конец XIX–начало XX вв. характеризуется новыми закономерностями в развитии экономики немецкой деревни. Именно в период перехода к индустриальной модели натуральность хозяйства как базис устойчивого воспроизводства традиционной этнокультурной специфики постепенно начинает исчезать из их жизни, а экономика переводится на рельсы широкого обмена деятельностью и ее результатами внутри региона и страны в целом. Новые закономерности воспроизводства условий жизни изменяют характер этнокультурной специфики во всех сферах жизни субнациональной группы, придают новое качество и новые импульсы развитию связей, соединяющих людей в общность этнонационального типа.

Для буржуазного или капиталистического "типа" жизнедеятельности конкретной общности обязательным условием является втягивание большинства народонаселения данной национальности в систему рыночных отношений. В конкретных случаях это находит свое выражение в различных формах общения российских немцев с окружающим населением. Насколько глубоки были капиталистические корни в немецкой деревне в Сибири, показывает проведенная исследовательская работа.

На рубеже XIX - XX вв. начался процесс постепенного размывания этнических границ в экономической сфере. Характерной чертой XIX в. было формирование семейно-клановых

торгово-промышленных групп, сохранявших свое значение на протяжении двух-трех поколений. Созданные по национальному или религиозному принципу предприятия достаточно часто являлись спонсорами объектов социальной сферы (приютов, богаделен и пр.). Более динамичному развитию различных отраслей зачатую препятствовали национальные или конфессиональные различия, не позволявшие объединить капиталы и усилия.

В эпоху бурного развития капиталистических отношений в начале XX в. национально-конфессиональные противоречия, как наследие феодальной эпохи, постепенно уступили место экономической выгоде. Это вело к возникновению предприятий на условиях взаимной заинтересованности. Результатом стали различного рода объединения, в которых произошло объединение различных национальных капиталов.

Наиболее показательным примером, разумеется, были создававшиеся акционерные общества, паи в которых могли купить все желающие. Однако, как уже отмечалось выше, процесс акционирования в Сибири начался гораздо позже, чем в Европейской России.

Наиболее активно на создание мешанных в национальном отношении торговых домов шли представители еврейского капитала. И заинтересованность в этом сближении исходила, в первую очередь, от евреев. В первую очередь, это было связано с коренным изменением места еврейского сообщества в русской экономической системе. Если до конца XIX в. евреи выступали как меркурианская (торгово-посредническая) диаспора, то в начале XX в. государство уже не нуждалось в них как проводниках между ним и маргинальным населением страны. Оно сосредоточило в своих руках сбор налогов, торговлю вином и т.д. Лишив евреев посреднических функций, государство препятствовало их адаптации к новым экономическим условиям посредством различных запретов (занятие государственных должностей и пр.) и ограничений (введение процентной нормы к поступлению в учебные заведения и пр.). Однако постепенно евреи переходили к производственной сфере и становились современными горожанами[1].

Одним из примеров объединения русских и еврейских капиталов стала "Рыбопромышленная компания", учрежденная в марте 1916 г. тобольским купцом Абрамом Фришманом и крестьянином Василием Красновским. Летом того же года в компании было занято 30 работников, за сезон на рыболовных песках было выловлено 1200 пуд. рыбы[2]. При этом Абрам Фришман оставался одним из совладельцев Торгового дома "Бр. Фришман и сын", одним из основных предприятий которого была мукомольная мельница в г. Тобольске, перемалывавшая уже в годы Первой мировой войны, по данным податного инспектора

[1] Слезкин Ю. Эра меркурианства. Евреи и в современном мире. М., 2007. С. 79.

[2] ГУТО ГАТ. Ф. И 455. Оп. 1. Д. 90. Л. 1.

Чеплевского, ежегодно ок. 200 тыс. пудов разных хлебов[1]. Другим примером межнациональной кооперации являлось Нижне-Обского Товарищество рыболовства, торговли и судоходства. Его владельцами являлись крестьяне Лифлядской губернии Александр Дзирне (латыш) и Ян Берзин (латыш), личный почетный гражданин Отто Мейер (немец)[2]. Производительность товарищества составляло в нелучшие военные годы от 8 до 10 тыс. пудов рыбы в год. В это же время на нем было занято от 150 до 200 работников[3].

Другим примером объединения капиталов может служить торговый дом "Ф. Попов и Ко", созданный в мае 1911 г. в Томске. Основой для него стала кондитерско-пекарская фирма "Россия", принадлежавшая к тому моменту могилевскому мещанину Исайю Лазаревичу Драпкину, который на протяжении длительного времени проживал в Томске. Желая оградить свое предприятие от ликвидации по национальному признаку (в случае высылки в место приписки и т.д.), он предложил ростовскому мещанину Филиппу Попову объединить усилия и создать фирму под новым названием. По уставному договору, Драпкин входил в учреждаемое предприятие существующим предприятием "Россия", имуществом и товаром на общую сумму 3 тыс. руб., тогда как Попов вносил 3 тыс. руб. деньгами и давал свое имя торговому дому. Об искусственности этого предприятия может свидетельствовать факт включения в устав статьи, по которой все дела по производству и реализации продукции осуществлял только Драпкин[4]. И подобных примеров было много как в Тобольской, так и в Томской губернии.

Однако дальнейшее динамичное развитие западносибирской экономике и, следовательно, рассматриваемых национальных общин, тормозилось отсутствием разветвленной железнодорожной сети. В первую очередь, это относится к Югу Западной Сибири, который являлся основным производителем товарного зерна, сливочного масла и других продовольственных товаров.

Необходимость железнодорожного строительства понимали сами крестьяне, благополучие которых зависело от объема проданного зерна. В 1910 г. Сибирь посетил премьер-министр Столыпин. Крестьяне обратились к нему с просьбой о строительстве железной дороги от села Славгород до Сибирской железной дороги. Заведующий переселенческим делом в Томском районе в своем отношении в Переселенческое Управление 30 декабря 1910 г. указывал, что "лично ознакомился со всеми существующими проектами направлений новых железнодорожных линий в Сибири, и, сообразуясь с местными условиями, должен сказать, что

---

[1] ГУТО ГАТ. Ф. И 455. Оп. 1. Д. 91. Л. 3.

[2] ГУТО ГАТ. Ф. И 455. Оп. 1. Д. 83. Л. 4.

[3] ГУТО ГАТ. Ф. И 455. Оп. 1. Д. 108. Л. 5 об.

[4] РГИА.Ф. 23. Оп. 11. Д. 1014. Л. 48 об.

ни один из них, как продиктованный исключительно интересами городов и крупных железнодорожных предпринимателей, не соответствует в полной мере действительным местным и государственным интересам. Наиболее правильным с этой точки зрения является направление Уральск-Семипалатинск-Барнаул. Если это направление в интересах транзитных наиболее отдаленного участка … спрямить и провести линию Уральск-Павлодар-Барнаул, то это направление – наивыгоднейшее… совпадает с местными интересами хлебородного запада Томской губернии и в частности территории, тяготеющей к селу Славгородскому"[1].

В 1913-1915 гг. была построена частная Алтайская железная дорога от Семипалатинска до Ново-Николаевска. Главным акционером стал Русско-Французский банковский синдикат. Строительство железной дороги позволило вывозить зерно из южных районов Алтая. В 1917 г. было завершено строительство Кулундинской железной дороги между г. Славгород и станцией Татарская, которая соединила один из крупнейших динамично развивавшихся переселенческих районов Сибири с Сибирской железной дорогой (в 1910 г. здесь проживало ок. 600 тыс. крестьян, которые обрабатывали более 5 млн. дес. земли).

Таким образом, на протяжении XIX – начала XX вв. на территории Западной Сибири сформировались крупные нерусские национальные общины, насчитывавшие по несколько десятков тысяч человек, занимавшая одно из первых мест по численности среди нерусских этнических групп. В течение этого времени общины кардинально изменили свой социальный облик, пройдя путь от замкнутых сообществ (этно-конфессионального, корпоративной социально-профессиональной группы), сконцентрированных преимущественно в крупных городах, до размытых в социальном отношении общин, рассредоточенных по огромной территории региона.

Развитие капиталистических отношений, размывание сословных границ, изменение социального облика повлекло за собой смену места общин в структуре народного хозяйства Сибири. Наиболее отчетливо это прослеживается на примере сибирских евреев, которые стали играть важную роль в горнодобывающей, перерабатывающей, пищевой отраслях, транспорте и финансовой сфере.

К началу XX в. успешно шел процесс адаптации поляков, оказавшихся в Сибири в рамках репрессивной или миграционной политики государства. Все большую роль стали играть выходцы из польских губерний, отправившиеся на Восток с целью улучшить собственное материальное положение. Отсутствие сегрегационного законодательства позволяло им вписываться в различные профессиональные группы в промышленности, сельском хозяйстве, на транспорте.

---

[1] ГРИА. Ф. 391. Оп. 4. Д. 67. ЛЛ. 480-480 об.

На рубеже XIX – XX вв. немцы приняли активное участие в переселенческой кампании правительства, в результате которой немецкая община оказалась сконцентрированной в Западной Сибири преимущественно в сельской местности. Массовый характер переселения привел к появлению в регионе нескольких ареалов их компактного проживания. Благоприятные экономические условия способствовали тому, что немецкие переселенцы в короткий срок превратились в одну из основных движущих сил аграрного развития Юга Западной Сибири, ориентируясь на ведение среднего и мелкого фермерского хозяйства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Со второй половины XVI в. Россия начала проводить активную внешнюю политику, включая в свой состав территории, ранее ей не принадлежавшие и населенные нерусскими народами. Неразвитые и слабозаселенные пространства нуждались в хозяйственном освоении и включении в общегосударственный организм. В этом отношении она ничем не отличалась от других империй Позднего Средневековья и Нового времени (Британской, Австрийской, Османской, Китайской и др.).

Государственная политика Екатерины II привела к многочисленным качественным и количественным трансформациям в общественной и экономической жизни России. Присоединение части земель Речи Посполитой способствовали появлению в империи многочисленных польской и еврейской диаспор, а хозяйственное освоение Среднего Поволжья и Юга России (Новороссии) - немецкой диаспоры, которые стали неотъемлемой частью российского общества.

На протяжении XIX – начала XX в. в российской провинции под влиянием принудительной и добровольной миграции происходили изменения в этническом составе населения. Так, появлялись новые региональные национальные группы. Подобные процессы протекали и в Западной Сибири, где в результате реализации различных внутриполитических мероприятий возникли некоренные этнические общности. Среди них не последнюю роль занимали евреи, немцы и поляки.

Уже во второй половине XIX в. появились первые публикации, в которых рассматривались различные аспекты жизни и деятельности нерусских народов в Сибири. Количество этих работ напрямую зависело от численности общины и общественной активности ее членов. Именно этим можно объяснить факт издания в России и за рубежом работ о сибирских евреях и поляках и отсутствие исследований, которые были бы обращены на сибирских немцев.

Общий анализ публикаций второй половины XIX - начала XXI в. позволил сделать следующие выводы. Во-первых, изучение еврейской, немецкой и польской общин укладывается в одни и те же периоды (вторая половина XIX в. - 1920 г.; 1920-е - 1940-е гг.; 1950-е - 1980-е гг.; конец XX - начало XXI в.), в течение которых шло неравномерное исследование различных сторон жизни общин.

Во-вторых, уже на рубеже XIX - XX вв. оформились основные тенденции в историографии, которые сохраняют свое значение до настоящего времени. Так, применительно к еврейской общине Сибири внимание уделено преимущественно вопросам внутриобщинного характера

(религиозная жизнь, система традиционного образования, общественные объединения и пр.). Изучение сибирской полонии носит преимущественно биографический характер с мартирологических позиций. И в том, и другом случаях крайне слабо изучены вопросы экономической жизни общин в целом. Высокий интерес к представителям национального предпринимательства, существующий в литературе, к сожалению, не решает обозначенную выше проблему. На этом фоне выделяется глубокая степень исследования различных сторон социально-экономической жизни сибирских немцев в дореволюционный период, что характерно как для отечественной, так и для зарубежной историографии. Крайне неравномерно в имеющейся историографии изучен вопрос об источниках формирования общин в разные исторические периоды. Фактически не поднимался вопрос об эволюции законодательной базы XIX - начала XX в., на основе которой шел процесс складывания и социально-экономического развития общин.

В-третьих, многочисленные исследования носят сугубо национальный характер и выполнены с позиций регионального подхода. С одной стороны, это позволило авторам осуществить реконструкцию отдельных аспектов жизни общин в конкретный исторический период. С другой стороны, эти работы носят ограниченный характер, т.к. в них крайне слабо представлено сравнение однопорядковых явлений, присущих разным национальным общинам. Использование сравнительного подхода позволит решить эту проблему и выведет исследовательскую практику на новый уровень развития.

Нерешенность многих исследовательских задач потребовала привлечения широкого круга исторических источников, часть из которых была впервые введена в научный оборот. Так, обнаруженные нормативные и делопроизводственные документы Кабинета Его Императорского Величества, Министерства внутренних дел, Министерства финансов позволили впервые в полной мере изучить вопрос о запрете проживания евреев в Западной Сибири с 1824 г. Выявленные документы Второго Сибирского Комитета, Министерства внутренних дел и Министерства финансов позволили опровергнуть мнение, утвердившееся в историографии о том, что в Сибирь в результате переселенческой кампании 1836 - 1837 гг. переселилось более 1 тыс. евреев. В фондах Тобольского архива были обнаружены делопроизводственные документы, позволившие реконструировать процесс адаптации польских ссыльных в разных округах Тобольской губернии в 1830-х - 1840-х гг. Для определения уровня социально-экономической дифференциации в немецких переселенческих поселках на похозяйственном уровне нами впервые были использованы первичные материалы Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. Предложенная методика

группировки хозяйств по размеру посева и поголовью рабочего скота получила свое признание и используется другими исследователями.

Выявленные нормативно-правовые, делопроизводственные, статистические, публицистические, мемуарные источники позволили решить поставленные задачи.

Этноцентричная политика Российского государства опиралась на нормативно-правовую базу, которая определяла положение той или иной национальной группы. В результате общественно-политическая, экономическая, социокультурная, конфессиональная жизнь общин находилась в рамках жесткой регламентации, сохранявшейся вплоть до начала XX в. При этом следует отметить непродолжительные периоды смягчения сегрегационного законодательства (период буржуазно-демократических реформ Александра II), на смену которым приходило введение новых ограничительных норм (деятельность Паленской комиссии 1882 г. и выработка новых законов о евреях, ограничительное законодательство в отношении российских немцев). В Сибири возникала крайне непростая ситуация, когда происходило наложение одной правовой нормы на другую. В условиях одновременного действия противоположных норм возникали многочисленные конфликтные ситуации, в решение которых вынужден был вмешиваться Сенат, как высшая судебная инстанция, либо Министерство внутренних дел, регламентировавшее деятельность губернских органов управления. Все это лишний раз подтверждает существовавшее несоответствие законотворчества и правоприменения в Российской империи.

Как бы то ни было, к началу XX в. был оформлен корпус нормативно-правовых актов, регламентировавших жизнь и деятельность еврейской, немецкой и польской общин в Западной Сибири. При этом только относительно еврейского населения продолжали сохраняться ограничительные нормы, закрепленные в индивидуальной черте оседлости. Положение же немцев и поляков определялось общегосударственными законодательными актами.

Наличие ограничительного, а порой и запретительного законодательства в различные периоды также сближало евреев, немцев и поляков. Эти ограничения носили как принципиальный характер и были связаны с запретом на проживание на определенных территориях, заниматься каким-либо видом хозяйственной деятельности, так и исключительно формальный, связанный с запретом применять, например, географические названия на родном языке или носить тот или иной элемент национальной одежды.

Процесс формирования общин не был одномоментным явлением. Это был длительный процесс, протекавший в сложных общественно-политических, экономических, социокультурных условиях, в котором можно выделить следующие периоды:

- 1800-е гг. – 1850-е гг.;

- пореформенный период (1860-е – 1880-е гг.);

- 1890-е гг. – 1914 г.;

- 1914 – 1917 гг.

Каждый из периодов имел для формирования общин свои особенности, имевшие как общие, так и различные черты. В первой половине XIX в. доминировало принудительное поселение за Уралом, и среди представителей общин преобладали ссыльные и их потомки, число же добровольных или самовольных мигрантов было крайне невелико. Среди последних были, в первую очередь, военные, чиновники, торговцы. В этот период власти лишь один раз предприняли попытку реализовать переселенческую кампанию, связанную с переселением нескольких тысяч евреев в Сибирь, но по идеологическим соображениям она не получила своего развития. Пенецитиарный характер миграции и существовавшее законодательство предполагали возвращение ссыльных в прежнее место проживания, что не способствовало устойчивости национальных общин в регионе.

Со второй половины XIX в. акцент начал смещаться в сторону преобладания добровольных переселенцев, что было связано с либеральными веяниями в национальной политике. Так, уже в 1860-х гг. отдельные категории евреев получили право проживать за чертой оседлости, в том числе в Сибири.

Коренной перелом произошел на рубеже XIX - XX вв., когда государство начало отказываться от административной ссылки правонарушителей в Сибирь, с одной стороны, и, с другой стороны, стало реализовывать различные мероприятия по активному хозяйственному освоению региона (железнодорожное строительство, крестьянское переселение и т.д.). В начале же XX в. (до начала Первой мировой войны) трудовая миграция, как одна из форм добровольной, практически полностью вытеснила пенитенциарную и стала определять лицо еврейской, немецкой и польской общин. Наиболее активно поляки и немцы из числа крестьян стали переселяться в Сибирь в годы Столыпинской аграрной реформы, пользуясь многочисленными правами и льготами для успешной адаптации на новом месте жительства.

Начавшаяся Первая мировая война вновь вывела на первый план вынужденную миграцию (депортация, беженцы) как источник пополнения сформировавшихся общин. В течение первых месяцев войны решением военных властей была проведена частичная депортация немцев и евреев в тыловые губернии. В общем потоке беженцев оказались и поляки, которые переселялись в те регионы, где существовали польские общины (Поволжье, Сибирь, Урал).

В результате миграционных процессов в Западной Сибири сформировались крупные еврейская (ок. 25,5 тыс. чел.), немецкая (ок. 80 тыс. чел.) и польская (ок. 34 тыс. чел) общины, которые оказались крайне неравномерно расселенными по территории региона. География

расселения к началу XX в. уже имела исторические традиции, связанные с размещением немцев и большей части евреев и поляков в крупных городах и прилегающих у ним уездах (Томск, Омск, Тобольск, Тюмень, Каинск, Курган и их уезды). В начале XX в. возникли новые районы их компактного проживания (Омский уезд Акмолинской области, Барнаульский, Змеиногорский и Томский уезды Томской области), в которых возникли многочисленные моноэтничные немецкие и польские переселенческие поселки.

Рассмотренные общины изначально были "чужими" в сибирском социуме. В первой половине XIX в. они вынуждены были изыскивать для себя второстепенные экономические ниши, которые позволили бы им не просто поддерживать собственное существование в принимающем обществе, но и вполне успешно развиваться. Поиск ниш был во многом предопределен их правовым положением и социальным статусом. Так, в XIX в. немцы были связаны преимущественно с местными административными и военными институтами, а также управлением горнозаводским комплексом. Евреи оказались вовлеченными в традиционные для них сферы (торговля, подряды и пр.). То есть экономическая адаптация этих национальных групп в новых условиях жизни протекала более успешно. Этого нельзя сказать о представителях сибирской полонии, которые, находясь под влиянием психологического фактора неминуемого возвращения на родину, зачастую не предпринимали попыток найти свое место в принимавшем их сообществе. С другой стороны, негативную роль в их слабой адаптации сыграло и запретительное законодательство, не допускавшее поляков в целый ряд сфер деятельности (фотодело и пр.).

В целом, экономическая отсталость Сибири, сохранявшаяся во второй половине XIX - начале XX в. позволила общинам укорениться в различных видах хозяйственной деятельности. При этом они смогли сделать "своими" те неразвитые или слабо освоенные ниши, которые были близки им по духу и историческому развитию. Так, евреи, опираясь на меркурианский дух, стали играть важную роль в региональной торговле. Поляки же, используя изначально более высокое сословное положение, оказались в административной, военной сферах. Используя административный ресурс, они создали феномен польского предпринимательства, распространенного преимущественно в промышленной сфере.

На рубеже XIX - XX вв. Сибирь оказалась втянутой в бурный процесс развития капиталистических отношений. Протестантский дух, базирующийся на индивидуализме и капитале, способствовал размыванию этнических границ в экономических сферах, сделав их общедоступными. К этому моменту евреи, немцы и поляки сумели органично вписаться в сибирское общество, став его неотъемлемой частью. Не последнюю роль в этом процессе

сыграли вертикальные и горизонтальные связи, которые способствовали эмансипации некоренного населения.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

ВМ - Военное министерство

ГААК - Государственный архив Алтайского края

ГАРФ - Государственный архив Российской Федерации

ГАТО - Государственный архив Томской области

ГУТО ГАТ - Государственное учреждение Томской области "Государственный архив г. Тобольска"

МВД - Министерство внутренних дел

МГИ - Министерство государственных имуществ

МИДв - Министерство Императорского Двора

МФ - Министерство финансов

ПСЗ РИ - Полное собрание законов Российской империи

РГИА - Российский государственный исторический архив

СЗ РИ - Свод законов Российской империи

САНЈР - The Central Archives for the History of the Jewish People Jerusalem

СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ

Адаптивность (приспосабливаемость) - умение жить в различных языковых и культурных средах, свободно переходить из одной в другую. Сочетается со стремлением и умением сохранять собственную идентичность**.**

Ассимиляция (от лат. assimilatio – "уподобление"; англ. - assimilation, нем. - Assimilation) - вид объединительных этнических процессов, в которых уже достаточно сформировавшиеся этносы или отделившиеся от них части и особенно - небольшие группы, вступив в тесный контакт с другим народом - более многочисленным или развитым в социально- экономическом отношении, а особенно сравнительно небольшие этнические группы, оказавшиеся в среде этих народов, воспринимают их язык и культуру и постепенно, обычно в последующих поколениях, сливаются с нам, утрачивают прежнее самосознание и причисляют себя к этим народам.

Диаспора (от греч. "рассеяние") - политическое пребывание значительной части народа (этнической общности) вне страны его происхождения как следствие насильственного выселения, угрозы геноцида (истребления), социально-исторических, экологических и прочих катаклизмов.

Дискриминация расовая, этническая (англ - discrimination, нем. - Diskriminierung) - .юридически оформленное или фактическое ограничение (лишение) тех или иных прав и возможностей, преследование каких-либо лиц или групп людей по мотивам их расовой, этнической принадлежности, не совпадающей с господствующей.

Дочерняя колония – поселение, возникшее в результате вторичной миграции российских немцев в Сибирь, Центральную Азию и другие регионы Российской империи во второй половине XIX – начале XX в.

Иммиграция (англ. - immigration; нем. - Immigration) - вселение, въезд в какую-либо страну, связанный со стремлением поселиться в ней (иногда на определенное время).

"Имперская" нация – нация, воссоздававшая островки метрополии в местах компактного проживания своих представителей, приспосабливавшая страны и народы проживания к своим нравам, привычкам, обычаям.

Интеграция межэтническая (англ - interethnic integration, нем - Interethnische integration) - вид объединительных этнических процессов, заключающийся во взаимодействии уже сложившихся более или менее разнообразных по своим языково-культурным и другим

параметрам этносов классового общества типа народностей и наций обычно в рамках многонациональных государств; это ведет к постепенному сближению и слиянию этносов с выработкой общих элементов культуры, общего самосознания и т.п.

Кагал – орган самоуправления еврейской общины.

Меньшинство этническое (англ. - ethnic minority, нем. - ethnische Minderheit - группа людей той или иной этнической (национальной) принадлежности существенно уступающая по численности окружающему ее иноэтническому населению в ареале ее основного расселения (этнической территории) или в соответствующих административно-территориальных границах; к этническим меньшинствам могут быть отнесены и группы иммигрантов в основных районах их расселения.

Метрополия – применительно к истории российских немцев поселение, возникшее во второй половине XVIII – первой половине XIX вв. в европейской части России, из которых шел процесс вторичной миграции.

Миграции (населения) (от лат. migratio – "переселение"; англ. - migration, нем. - Migration) - перемещение людей, связанные с постоянной временной переменой места их жительства.

Мобильная группа-диаспора – национальное меньшинство, выполняющее те специфические функции, какие не может выполнить доминирующая в стране этническая группа.

Народ (англ - people, нем. - Volk) - термин, служащий в русском языке в широком смысле для обозначения большой группы людей, связанных главным образом местом своего рождения и/или пребывания: от простой толпы (напр., в выражении "на улице много народа") до жителей целого государства (напр., "немецкий народ").

Национальная политика (англ. - national policy, нем. - Nationalituten politik) - совокупность законодательных, идеологических, организационных мер государства, направленных на то или иное решение национального вопроса.

Национальное движение (англ. - national movement, нем. - nationale Bewegung) - массовое движение в среде этнической группы для достижения ею своих интересов: экономических, политических или языково-культурных. В зависимости от конкретных условий, в которых развиваются национальные движения, их целей, программ и социальной базы, они могут носить или прогрессивный, или реакционный характер.

Национальный вопрос (англ. - national question, нем. - Nationale Frage) - в широком смысле - вопрос об общих и частных способах гармонизации отношений между

национальностями или этническими группами, взаимодействующими главным образом в границах многонациональных государств.

Расселение этническое (англ. - ethnic settling; нем. - ethnische Ansiedeln) - особенности территориального размещения этносов. Различают два основных вида этнического расселения по отношению с другими этносами: компактное и смешанное.

Самоопределение этническое (англ. - ethnic identity; нем. - ethnische Identifizierung): - этническая идентификация, определение индивидом своей этнической принадлежности, причисление себя к той или иной этнической группе, общности.

Самосознание этническое (англ. - ethnic consciousness; нем. - ethnisches Selbawusstsein) - чувство принадлежности к определенному этносу, важный признак этноса, являющийся отражением в сознании людей реально существующих этнических связей и внешне проявляющийся в форме самоназвания.

"Ситуационная диаспора" - диаспора, которая носит рассеянный характер, но за ее спиной есть большой "материк" – отечество.

Субэтнос (от лат. sub – "под" и греч. ethnos – "народ"; англ. - subethnos; нем. - Subethnos) - общность людей, живущая более или менее компактно на определенной территории, адаптированная к природным условиям этой территории своим хозяйством, материальной и очасти духовной культурой, осознающая это единство и использующая единое самоназвание, т.е. отвечающая большинству признаков этноса.

Территория этническая (англ. - ethnic territory; нем. - ethnisches Territorium) - пространство, в пределах которого живут группы людей, принадлежащих к тому или иному этносу и воспроизводящие в ее пределах свою языково-культурную и другую специфику.

Черта оседлости – ограниченная территория, определенная властями для проживания евреев в Российской империи в XIX – начале XX в.

Эмиграция (англ. - emigration; нем. - Emigration) - выезд из какой-либо страны в другую (иногда на время – "временная" или – "сезонная" эмиграция).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

архивные фонды

Государственный архив Российской Федерации

Ф. 102. Департамент полиции Министерства внутренних дел.

Ф. 109. Третье отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии.

Российский государственный исторический архив

Ф. 23. Министерство торговли и промышленности.

Ф. 41. Комиссия по открытию тайной торговли золотом на Урале при Министерстве финансов.

Ф. 383. Первый Департамент Министерства государственных имуществ.

Ф. 391. Переселенческое управление Министерства земледелия.

Ф. 468. Кабинет Его Императорского Величества Министерства императорского Двора.

Ф. 574. Департамент неокладных сборов Министерства финансов.

Ф. 821. Департамент духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел.

Ф. 826. Канцелярия Митрополита римско-католических церквей в России Министерства внутренних дел.

Ф. 1149. Департамент законов Государственного Совета.

Ф. 1151. Департамент гражданских и духовных дел Государственного Совета.

Ф. 1263. Комитет министров (1802 – 1906 гг.).

Ф. 1264. Первый Сибирский Комитет.

Ф. 1265. Второй Сибирский комитет.

Ф. 1269. Еврейский Комитет.

Ф. 1285. Департамент государственного хозяйства Министерства внутренних дел.

Ф. 1286. Департамент полиции исполнительной Министерства внутренних дел.

Государственный архив Алтайского края

Ф. 2. Алтайское горное правление.

Ф. 3. Главное управление Алтайского горного округа.

Ф. 4. Главное управление Алтайского округа.

Ф. 31. Строительное отделение Томского губернского правления.

Ф. 170. Бийское уездное полицейское управление.

Ф. 233. Алтайская губернская земская управа.

Государственный архив Томской области

Ф. 3. Томское губернское управление.

Ф. 104. Томское городское полицейское управление.

Ф. 209. Акцизное управление V акцизного округа.

Ф. 210. Управление Первого акцизного округа Томской губернии и Семипалатинской области.

Ф. 233. Томская городская управа.

Ф. 234. Томский губернский статистический комитет.

Ф. 239. Всероссийская сельскохозяйственная перепись

Ф. 428. Томский горный округ.

Ф. 433. Томское горное управление.

Государственное учреждение Тюменской области

"Государственный архив в г. Тобольске"

Ф. И-1. Тобольское городское полицейское управление.

Ф. И-152. Тобольское губернское управление.

Ф. И-154. Тобольская казенная палата.

Ф. И-156. Тобольская духовная консистория.

Ф. И-329. Тобольское губернское правление.

Ф. И-417. Губернский статистический комитет.

Ф. И-455. Тобольское уездное по воинской повинности присутствие.

The Central Archives for the History of the Jewish People Jerusalem (CAHJP)
Центральный архив истории еврейского народа

(г. Иерусалим, Израиль)

RU - фонд документов по истории евреев Российской империи

опубликованные источники:

Сборники, своды законов

Полное собрание законов Российской империи. Издание I. СПб., 1830 – 1839.

Полное собрание законов Российской империи. Издание II. СПб., 1830 – 1885.

Полное собрание законов Российской империи. Издание III. СПб., 1885 – 1916.

Свод учреждений и уставов о колониях иностранцев в Империи, 1857 г. / Свод законов Российской империи. Т. 12. Часть 2. СПб., Издание Министерства внутренних дел, 1876. С. 578 – 583.

Устав о ссыльных // Свод законов Российской империи. Т. XIV. СПб., 1857.

Устав о паспортах // Свод законов Российской империи. Т. XIV. СПб., 1857.

Сборники документов

История российских немцев в документах (1763 – 1992 гг.). / Под ред. В.И. Аумана, В.Г. Чеботаревой. М., МИГУП, 1993. - 447 с.

Из истории земли Томской. Сибирский Белосток. / Сб. документов и материалов. Томск, 1998.

Кутилова Л.А., Нам И.В., Наумова Н.И., Сафонов В.А. Национальные меньшинства Томской губернии: Хроника общественной и культурной жизни. 1885-1919. / Л.А. Кутилова, И.В. Нам, Н.И. Наумова, В.А. Сафонов.Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. – 296 с.

Статистические сборники

Алтайско-Томская часть Сибири по данным сельскохозяйственной переписи 1916 г. Томск, 1927.

Бауфал А.М., Горюшкин Л.М., Золототрубов В.С. и др. Материалы переписи 1916 года по Томской губернии (Из опыта обработки на ЭВМ). / А.М. Бауфал, Л.М. Горюшкин, В.С. Золототрубов. Новосибирск, Наука, 1969. 306 с.

Беженцы в Томской губернии: список семейств беженцев и адреса их / Регистр. и спр. для беженцев бюро при Стат. отделе Том. переселенч. района. Вып. 1. Томск, 1916.

Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. IX. Ч. 3. Гродненская губерния / Сост. Калмберг. СПб.: Тип. Деп. Ген. Штаба, 1849.

Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. IX. Ч. 4. Минская губерния / Сост. Стрен. СПб.: Тип. Деп. Ген. Штаба, 1848.

Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. X V. Ч. 2. Плоцкая губерния / Сост. Крузе. СПб.: Тип. Деп. Ген. Штаба, 1849..

Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. XV. Ч. 3. Варшавская губерния / Сост. Астафьев. СПб.: Тип. Деп. Ген. Штаба, 1850.

Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. XV. Ч. 4. Люблинская губерния / Сост. Витковский. СПб.: Тип. Деп. Ген. Штаба, 1851.

Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. XVII. Ч. 1. Тобольская губерния. СПб., 1849. С

Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. XVII. Ч. 2. Томская губерния. СПб., 1849.

Город Барнаул по переписи 26 марта 1895 года // Алтайский сборник. Т. II. Вып. 1 и 2. Барнаул, 1898.

Еврейское население России по данным переписи 1897 г. и по новейшим источникам. Пг.: Тип. "Кадима", 1917. - 78 с.

Книга образования переселенческих участков 1885 – 1912 гг. Томск, Издание Томской переселенческой организации, 1913.

Краткие общие сведения по империи. Распределение населения по главнейшим сословиям, вероисповеданиям, родному языку и по некоторым занятиям. СПб., 1905.

Костров Н. Однодневная перепись населения города Томска 16 марта 1880 года. / Н. Костров. Томск, 1880.

Материалы анкетного обследования кустарно-ремесленной промышленности в Томской губернии. Томск, 1915.

Материалы для изучения быта переселенцев, выдворенных в Тобольской губернии за 15 лет (с конца 70-х годов по 1893 г.). Т. 1. Историко-статистическое описание 100 поселков. СПб., 1895. 448 с.

Орлов П.А. Указатель фабрик и заводов окраин России: Царства Польского, Кавказа, Сибири и Средне-Азиатских владений. / П.А. Орлов. СПб., 1900. - 281 с.

Патканов С. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании специально разработанных материалов переписи 1897 г.). / С. Патканов. В 3-х книгах. СПб., 1911.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г Т. 36. Самарская губерния. СПб., 1904. С. 125.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 26. Новгородская губерния. Тетрадь вторая. СПб., 1903. С. 155.

Первая Всеобщая перепись населения Российской империи. Т. 15. Кн. 2. Калужская губерния. СПб., 1903. С. 77.

Первая Всеобщая перепись населения Российской империи. Т. 20. Курская губерния. СПб., 1904. С. 103.

Первая Всеобщая перепись населения Российской империи. Т. 29.Орловская губерния. СПб., 1904. С. 85.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Т. 73. Енисейская губерния. СПб., 1904.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Т. 74. Забайкальская область. СПб., 1904.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Т. 78. Тобольская губерния. СПб., 1905.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Т. 79. Томская губерния. СПб., 1904.

Первая Всеобщая перепись населения Российской империи. Т. 8. Волынская губерния. СПб., 1904. С. 74.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Т. 81. Акмолинская область. СПб., 1905.

Сборник сведений о действующих в России торговых домах (товариществах полных и на вере). Издание Отдела торговли Министерства торговли и промышленности. Пг., 1915.

Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Томской губернии. Выпуск 1. Томск, 1913. 282 с.

Сборник статистических сведений по Самарской губернии. Отдел хозяйственной статистики. Новоузенский уезд. Самара, 1890.

Сборник статистических сведений по Саратовской губернии. Том XI. Камышинский уезд. Саратов, 1891.

Сборник статистических сведений по Таврической губернии. Том 1, Выпуск 2. М., 1887.

Сельскохозяйственный обзор Самарской губернии за 1899 – 1900 год. Самара, 1902.

Сведения о питейных сборах в России. Часть 3. СПб., 1860.

Словцов И.Я. Материалы по истории и статистике Омска, извлеченные из однодневной переписи 1877 г. / И.Я. Словцов. Ч. 1. Омск, 1880.

Списки населенных мест Российской империи. Т. LX. Тобольская губерния. СПб., 1871.

Список фабрик и заводов России. По официальным данным фабричного, заводского и горного надзоров. М., СПб., Варшава, 1910. - 1034 с.

Статистико-экономические бюллетени. № 1. Октябрь 1915 г. Томск, Издание Томского переселенческого района, 1915.

Статистико-экономические бюллетени. № 5. Томск, Издание Томского переселенческого района, 1917.

Статистико-экономический обзор по Одесскому уезду за 1892 год. Под ред. Б.Ю. Трояновского. Одесса, 1893.

Статистический временник Российской империи. Выпуск 1. СПб., 1866. С. I.

Статистический обзор Томской губернии. Томск, 1872.

Торгово-промышленная Россия: справочная книга для купцов и фабрикантов / Под ред. А.А. Блау. СПб., 1899. - 1604 с.

Томская губерния. Статистический очерк. Состав. В.Я. Нагнибеда. Томск, 1917. 31 с.

Указатель маслодельных заводов по Томской губернии. Составлено на основании данных за 1911 год. Ново-Николаевск, 1912.

Памятные книжки, обзоры губерний

Обзор Акмолинской области за 1912 год. Омск, 1913.

Обзор Акмолинской области за 1913 г. Омск, 1914.

Обзор Акмолинской области за 1915 г. Омск, 1916.

Обзор Тобольской губернии за 1897 год. Тобольск, 1898.

Обзор Тобольской губернии за 1898 год. Тобольск, 1899.

Обзор Тобольской губернии за 1899 год. Тобольск, 1900.

Обзор Томской губернии за 1893 год. Томск, 1894.

Обзор Томской губернии за 1905 год. Томск, 1906.

Памятная книжка Акмолинской области на 1912 год. Омск, 1912.

Памятная книжка Енисейской губернии на 1865 год. Красноярск, 1864. С. 187.

Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа на 1888/89 год. Томск, 1889.

Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа на 1890 год. Томск, 1890.

Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа на 1897 год. Томск, 1897.

Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа на 1909 год. Томск, 1909.

Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа на 1916 год. Томск, 1916.

Памятная книжка Иркутской губернии на 1863 год. Иркутск, 1863.

Памятная книжка Новгородской губернии на 1864 год. Новгород, 1864.

Памятная книжка Новгородской губернии на 1864 год. Часть вторая. Новгород, 1864.

Памятная книжка Ставропольской губернии на 1914 г. Ставрополь, 1913.

Памятная книжка Ставропольской губернии на 1916 г. Ставрополь, 1916.

Памятная книжка Таврической губернии. Под ред. К.А. Вернера. Составлено статистическим бюро губернского земства. Симферополь, 1889.

Памятная книжка Тобольской губернии на 1858 год. Тобольск, 1860.

Памятная книжка Тобольской губернии на 1860 год. Тобольск, 1860.

Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 год / Сост. А.И. Дмитриевым-Мамоновым и К.М. Голодниковым. Тобольск, 1884.

Памятная книжка Томской губернии за 1914 г. Томск, 1914.

Памятная книжка Томской губернии на 1871 г. Томск, 1871.

Памятная книжка Томской губернии на 1884 г. Томск, 1884.

Памятная книжка Томской губернии на 1904 год. Томск, 1904.

Памятная книжка Томской губернии на 1908 год. Томск, 1908.

Памятная книжка Томской губернии на 1910 год. Томск, 1910.

Памятная книжка Томской губернии на 1911 год. Томск, 1911.

Памятная книжка Томской губернии на 1913 г. Томск, 1913.

Памятная книжка Томской губернии. Томск, 1871.

Памятная книжка Енисейской губернии на 1865 год. Красноярск, 1864.

Памятная книжка Иркутской губернии на 1863 год. Иркутск, 1863.

Воспоминания

Игнатьев А.А. Пятьдесят лет в строю. / А.А. Игнатьев. Кн. 1. М.: Госполитиздат, 1955. - 452 с.

Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания. 1903 – 1919 гг. / В.Н. Коковцов. В 2-х книгах. М.., 1992.

Лорер Н.И. Записки моего времени. Воспоминание о прошлом / Н.И. Лорер // Мемуары декабристов. М., 1988.

Новомейский М. От Байкала до Мертвого моря / М. Новомейский // http://novomeysky.narod.ru/mose/book/glava1_2.htm [Электронный ресурс. Режим доступа 27.07.2013 г.]

Ручиньский Ю. Конарщик / Ю. Ручиньский // Воспоминания из Сибири: Мемуары, очерки, дневниковые записи польских ссыльных в Восточную Сибирь первой половины XIX столетия. Иркутск: Изд-во ООО "Артиздат", 2009. С. 325-476.

Судьбы поколений. Из воспоминаний М.Я. Нейфельд. Оренбург, 1995.

Цам Г.Я. Записки офицера-еврея отставного капитана / Г.Я. Цам // Восход. 1903. № 347. С. 31–36.

Цам Г.Я. История возникновения в Томске военно-молитвенной солдатской школы. / Г.Я. Цам. Томск, 1909. 21 с.

Novomeysky A. My Siberian life. London, 1956 / A. Novomeysky // http://novomeysky.narod.ru/mose/book/glava1_2.htm [Электронный ресурс. Дата доступа 10.05.2013]

Материалы периодической печати

Ведомость казенно-оброчных статей предназначенных к отдаче в оброчное содержание с начала 1884 года по Семилужской волости // Томские губернские ведомости. 1883. № 42.

Ведомость казенно-оброчных статей, предназначенных к отдаче в оброчное содержание с начала 1884 года по Каинскому округу // Томские губернские ведомости. 1883. № 40.

Б.А. Евреи как колонизаторы Сибири // Сибирь. 1878. № 17–18.

Б.А. Из Иркутска // Вестник русских евреев. СПб., 1871. - № 5;

Б.А. Кое-что о ремеслах в г. Тобольске // Сибирский листок, 1891, № 3

Б.А. Открытие учебного округа // Сибирский вестник политики, литературы и общественной жизни. Томск, 1885. № 11.

Б.А. Стачка томских виноторговцев // Сибирская газета. Томск. 1888.- № 2.

Гудович. Быт евреев в Сибири (Из заметок еврейского старожила) / Гудович // Вестник русских евреев. СПб., 1871. - № 29-30.

Дижь-ракель. Еврейский вопрос и евреи в Сибири / Дижь-ракель // Тобольские губернские ведомости. 1895. - № 5, 8, 10, 12, 14, 16.

Жизнь Алтая. Барнаул. № 188 от 25 августа 1916 г.

Историческое обозрение колоний в царствование императора Николая I // Журнал МГИ. 1855. Ч. 54. № 2. С. 71 – 88.

История и статистика колоний иностранных поселенцев в России. Историческое обозрение водворения иностранных поселенцев в России // Журнал МГИ. 1854. Ч. 52. № 8. С. 35-78.

Кеппен П.И. О числе евреев в Российской губернии в 1838 году / П.И. Кеппен // Санкт-Петербургские ведомости. СПб., 1841. - № 76.

Корреспонденция из с. Локоть Змеиногорского уезда // Сибирское сельское хозяйство. 1914. - № 12.

Краткий отчет ВЦИКу о положении немецкого крестьянства в Сибири члена ВЦИК, заместителя наркома просвещения РСФСР В.А. Курца // Новое время - Neue Zeit. Славгород. № 35 от 22 марта 1994 г.

Очерк развития речного пароходства в Западной Сибири // Томское губернские ведомости. Томск. 1863. № 22.

Сибирский листок. Тобольск. 1891. №. 19.

Томские губернские ведомости. 1883. № 15. № 40, №42.

Очерк развития речного пароходства в Западной Сибири // Томское губернские ведомости. Томск. 1863. № 22.

П.Н. Ссылка как фактор экономической жизни Сибири // Сибирская газета. Томск. 1885. № 39.

Сибирская газета. Томск, 1885. № 11.

Томская торгово-промышленная газета объявлений. Томск, 1905. № 32, 35, 37, 38.

Томский листок. Томск, 1897. № 150, 188.

Томский листок. Томск. 1897. № 54, 87, 94, 102, 112.

Ф.В. [Ф. Волховский] Евреи в Сибири // Восход. 1887. № 9. С. 1-8.

N. Из Сибири // Вестник русских евреев. СПб., 1871. - № 16.

Диссертации и авторефераты диссертаций

Катин-Ярцев М.Ю. Балтийско-немецкое дворянство на российской службе. Конец XVIII – начало XX вв. / М.Ю. Катин-Ярцев. Дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. М., 2000. - 296 с.

Колоткин М.Н. Балтийская диаспора Сибири: социально-политический аспект (1917 – середина 1930-х гг.). / М.Н. Колоткин. Автореф. дисс. … докт. ист. наук. Томск, 1997. - 48 с.

Малиновский Л.В. Социально-экономическая жизнь немецкой колонистской деревни в Южной России (1762 – 1917 гг.) / Л.В. Малиновский. Автореф. дисс. … докт. ист. наук. Л., 1986. - 48 с.

Масярж В. Поляки в Восточной Сибири (1907–1947 гг.) / В. Масярж. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Иркутск, 1995. - 48 с.

Мулина С.А. Участники Польского восстания 1863 года в западносибирской ссылке. / С.А. Мулина. Автореф. дисс. … канд. ист. наук. Омск, 2005. - 20 с.

Недзелюк Т.Г. Римско-католическая церковь в Западной Сибири 1881-1918 гг. / Т.Г. Недзелюк. Автореф. дисс. … канд. ист. наук. Новосибирск, 2001. - 20 с.

Никулин П.Ф. Всероссийская сельскохозяйственная перепись 1916 года как источник для изучения крестьянского хозяйства Западной Сибири. / П.Ф. Никулин. Автореф. дисс. … канд. ист. наук. М., 1989. - 20 с.

Оплаканская Р.В. Польская диаспора в Сибири в конце XVIII - первой половине XIX в. / Р.В. Оплаканская. Автореф. дисс. … канд. ист. наук. Новосибирск, 2001. 20 с.

Орехова Н.А. Еврейские общины на территории Енисейской губернии (XIX – начало 30-х гг. XX в.). / Н.А. Орехова. Автореф. дисс. … канд. ист. наук. Красноярск, 2007. - 20 с.

Островский Л.К. Польские политические ссыльные в Сибири (середина 90-х гг. XIX в. - февраль 1917 г.) / Л.К. Островский. Автореф. дисс. … канд. ист. наук. - Новосибирск, 1987. - 20 с.

Плохотнюк Т.Н. Немецкое население Северного Кавказа: социально-экономическая, политическая и религиозная жизнь (конец XVIII – середина XX вв.)./ Т.Н. Плохотнюк. Автореф. дисс. … канд. ист. наук. Ставрополь, 1996. - 20 с.

Савиных М.Н. Законодательная политика Российского самодержавия в отношении евреев во второй половине XIX – начале XX в. / М.Н. Савиных. Автореф. дис. …к.и.н. Томск, 1999. - 20 с.

Храмков А.А. Крестьянство Западной Сибири накануне февраля 1917 года (по материалам Томской губернии). / А.А. Храмков. Автореф. дисс. … канд. ист. наук. Томск, 1955. - 20 с.

Шостакович Б.С. Поляки в Сибири в 1870 – 1890-е гг. / Б.С. Шостакович. Автореф. дис. … к.и.н. Иркутск, 1974. - 20 с.

Шостакович Б.С. Узловые вопросы истории поляков в Сибири (конец XVIII – конец XX в.). / Б.С. Шостакович. Научн. доклад дисс. на соиск. уч. ст. докт. ист. наук. М., 1997.

Щетинина А.С. Беженцы на Юге Западной Сибири (1914 - 1923 гг.). / А.С. Щетинина Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2007. - 20 с.

Литература

на русском языке:

Адрианов А.В. Томск в прошлом и настоящем. / А.В. Адрианов. Томск, 1890. - 433 с.

Азиатская Россия. Т. 1. СПб., 1914. - 576 с.

Акиньшин А.Н. Еврейская община в Воронежской губернии во второй половине XIX – XX веке / А.Н. Акиньшин // Исторические записки. Научные труды исторического факультета. Воронеж, 2001. С. 22 – 44.

Ананьич Б.В. Банкирские дома в России. 1860 - 1914 гг. Очерки частного предпринимательства. / Б.В. Ананьич. Л.: Наука, 1991. - 196 с.

Анашкин А.П., Мельников А.Н. Немцы на Алтае / А.П. Анашкин, А.Н. Мельников // Энциклопедия Алтайского края. Т.2. Барнаул, 1996. С. 243 – 244.

Анисимов И.Ш. Кавказские евреи-горцы. / И.Ш. Анисимов. М.: Тип. Е. Потапова, 1888. - 152 с.

Антропова И.Е. К истории формирования еврейских общин Тобольской губернии и г. Тюмени (XVII в. – 1837 г.) / И.Е. Антропова // "Приезд и водворение в Сибирь евреям воспрещается…". Из истории еврейской общины в Тюмени. Тюмень, 2004. С. 28–43.

Анучин Е.Н. Исследования о проценте сосланных в Сибирь в период 1827 – 1846 гг.: материалы для уголовной статистики России. / Е.Н. Анучин. СПб., 1873. – 246 с.

Баах С. Законопроект П.А. Столыпина об ограничении иностранного землевладения в Юго-Западном крае Российской империи / С. Баах // Немцы России: социально-экономическое и духовное развитие (1871 - 1941 гг.). М., 2002. С. 59 - 70.

Базыкин С.С. Сельское хозяйство Сибири и заселение / С.С. Базыкин // Северная Азия. 1929. - № 3. С. 18 - 29.

Барталь И. От общины к нации: евреи Восточной Европы в 1772 – 1881 гг. / И. Барталь. М.: Изд-во Гешарим, 2007. - 262 с.

Бахтурина А.Ю. "Лучше пусть немцы разорятся, чем будут шпионить": немцы-колонисты и российское общество в годы "Германской" войны / А.Ю. Бахтурина // Новый исторический вестник. 2013. № 35. С. 6-32.

Белковский Г.А. Русское законодательство о евреях в Сибири. / Г.А. Белковский. СПб., 1905. - 340 с.

Белова И. Вынужденные мигранты Первой мировой войны в Российской империи. 1914 - 1917 / И.Белова // Гефтер // http://gefter.ru/archive/13169 [Электронный ресурс. Режим доступа 18.01.2013].

Бетхер А.Р. Состояние животноводства в хозяйстве немецкого населения Западной Сибири в первой трети XX в. (на примере меннонитов) / А.Р. Бетхер // Немцы России: социально-экономическое и духовное развитие (1871 - 1941 гг.). М., 2002. С. 137 - 149.

Бетхер А.Р. Состояние индивидуального и коллективного начал землепользования у различных этнических групп немцев Западной Сибири (конец XIX - начало XX в.) / А.Р. Бетхер // Немцы России: социально-экономическое и духовное развитие (1871 - 1941 гг.). М., 2002. С. 125 - 136;

Бетхер А.Р. Хозяйство немцев на территории Омского уезда в начале XX века / А.Р. Бетхер // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. Омск, 1996. С. 128-130.

Богина Ш.А. Иммигрантское население США, 1865-1900. / Ш.А. Богина. Л., Наука, 1976. - 275 с.

Бойко В.П. Купечество Западной Сибири в конце XVIII - XIX вв.: Очерки социальной, отраслевой и ментальной истории. / В.П. Бойко. Томск: Изд-во ТГАСУ, 2009. - 308 с.

Бойко В.П. Томское купечество в конце XVIII–XIX вв. Из истории формирования сибирской буржуазии. / В.П. Бойко. Томск, 1996. 320 с.

Боровой С.Я. Еврейская земледельческая колонизация в старой России: политика - идеология - хозяйство - быт. / С.Я. Боровой. М., 1928. С. 137.

Брудо А.И. С.А. Бершадский как историк русских евреев. / А.И. Брудо. СПб., 1896.

Бруль В.И. Немцы в Западной Сибири. В 2-х частях. / В.И. Бруль. Топчиха, 1996.

Бруцкус Б.Д. Профессиональный состав еврейского населения России: по материалам Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. / Б.Д. Бруцкус. СПб., 1908. - 262 с.

Бугай Н.Ф. Предисловие / Н.Ф. Бугай // Чернова-Дёке Т.Н. Российские немцы. Отечественная библиография. 1991 – 2000 гг. М., 2001. С. 11.

Будницкий О.В. Российские евреи между красными и белыми. / О.В. Будницкий. М.: РОССПЭН, 2005. - 548 с.

Булычев М.И. Социально-экономическое положение немецких селений Саратовской губернии в конце XIX – начале XX вв. / М.И. Булычев // Российские немцы. Проблемы истории, языка и современного положения. М., 1996. С. 211 – 212.

Бурматов А.А. Демографическая история Каинска–Куйбышева и его округи. / А.А. Бурматов. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. пед. ун-та, 1997. - 161 с.

Ведерников В.В. Саксонцы на Алтае: их роль и место в становлении и развитии сереброплавильного производства / В.В. Ведерников // Европейские общины в российской провинции во второй половине XIX - начала XX веков. Барнаул, 2010. С. 131 - 151.

Велицын А.Я. Немцы в России: очерки исторического развития и настоящего положения немецких колоний на юге и востоке России. / А.Я. Велицын. СПб., 1893. - 282 с.

Венгеровский А.И. Старейшая кафедра фармакологии в Сибири (к 120-летиюсо дня открытия) / А.И. Венгеровский // Бюллетень сибирской медицины. Томск, 2011. - № 5. С. 18.

Вибе П., Баах С. Антинемецкая компания в Сибирском регионе в начале XX в. / П. Вибе, С. Баах // Немцы России: социально-экономическое и духовное развитие (1871 - 1941 гг.). М., 2002. С. 56 - 57.

Вибе П.П. Политика государственного регулирования переселения немцев-колонистов в Сибирь в конце 19 – начале 20 вв. / П.П. Вибе // Немцы Сибири: история и современность. Часть 1. Омск, 1995. С. 40-44.

Вибе П.П. Вклад немцев-предпринимателей в становление крупных культурных хозяйств в Сибири / П.П. Вибе // Немцы в России: российско-немецкий диалог. СПб., 2001. С. 399 - 411.

Вибе П.П. К вопросу о факторах, определявших колонизационные возможности немцев-колонистов в Сибири (конец 19 – начало 20 вв.) / П.П. Вибе // Российские немцы. Проблемы истории, языка и современного положения. Материалы междунар. науч. конф., Анапа, 20-25 сент. 1995 г. М., 1996. С. 232- 237.

Вибе П.П. Немецкие колонии в Сибири: социально-экономический аспект. / П.П. Вибе. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2007. - 368 с.

Вибе П.П. Образование и становление немецких колоний в Западной Сибири в конце XIX – начале XX веков / П.П. Вибе // Немцы. Россия. Сибирь. Омск, 1996. С. 5 – 57.

Вибе П.П. Основные районы немецкой крестьянской колонизации в Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. / П.П. Вибе // Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект. М., Готика, 1998. С. 134 – 144.

Вибе П.П. Переселение немцев – колонистов в Степной край в конце XIX – начале XX вв. (На примере Акмолинской и Семипалатинской областей) / П.П. Вибе // История немцев Центральной Азии: Материалы Междунар. науч. конф. Алматы, ТОО "Комплекс", 1998. С. 19 – 30.

Вибе П.П. Политика государственного регулирования переселения немцев-колонистов в Сибирь в конце 19 – начале 20 вв. / П.П. Вибе // Немцы Сибири: история и современность. Часть 1. Омск, 1995. С. 40-44.

Вибе П.П. Факторы, определявшие колонизационные возможности переселенцев Сибири в эпоху капитализма (историография вопроса) / П.П. Вибе // Проблемы источниковедения и историографии Сибири дооктябрьского периода. Омск, 1990. С. 78 – 95.

Вибе П., Баах С. Антинемецкая компания в Сибирском регионе в начале XX в. / П.П. Вибе // Немцы России: социально-экономическое и духовное развитие (1871 - 1941 гг.). М., 2002. С. 56 - 57.

Войтинский В.С., Горнштейн А.Я. Евреи в Иркутске. /В.С. Войтинский, А.Я. Горнштейн. Иркутск, 1915. - 393 с.

Воробцова Л.Н. Барнаульский купец Евгений Васильевич Ельдештейн / Л.Н. Воробцова // Личность в истории Сибири XVIII – XX вв. Сборник биографических очерков // http://history.nsc.ru/kapital/project/person/11.html (Электронный ресурс. Режим доступа 22.08.2013 г.).

Вощинин В.П. На сибирском просторе: картины переселения. / В.П. Вощинин. СПб., 1912. - 91 с.

Гагемейстер Ю.А. Статистическое обозрение Сибири, составленное по высочайшему Его Императорского Величества повелению, при Сибирском комитете, действительным статским советником Гагемейстером . В 3-х ч. / Ю.А. Гагемейстер. СПб., 1854.

Гаксгаузен А. Закавказский край. Заметки о семейной и общественной жизни и отношениях народов, обитающих между Черным и Каспийским морями. В. 2-х ч. / А. Гаксгаузен. СПб., 1857.

Галашова Н.Б. "Книги прихода и расхода" как источник по изучению жизнедеятельности синагог г. Томска (1899–1907 гг.) / Н.Б. Галашова // История еврейских общин Сибири и Дальнего Востока: Сб. матер. III регион. науч.-практ. конф. Улан-Удэ, 26–27 августа, 2002 г. Красноярск, 2002. С. 56–63.

Галашова Н.Б. Внутренние противоречия как фактор развития еврейских общин Томской губернии (конец XIX – начало XX вв.) / Н.Б. Галашова // Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке:

история и современность: Матер. VI регион. науч.-практ. конф. Красноярск; Барнаул, 2005. С. 34–41.

Галашова Н.Б. Евреи в Томской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. / Н.Б. Галашова. Красноярск, 2006. - 242 с.

Галашова Н.Б. Социально-демографическая характеристика томских евреев по данным переписи населения 1897 г. / Н.Б. Галашова // Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке: история и современность: Матер. IV регион. науч.-практ. конф. Красноярск; Биробиджан, 2003. С. 122–127.

Гепштейн С. Экономическая структура еврейского населения России. / С. Гепштейн. СПб.: Тип. "Грамотность", 1908. - 40 с.

Герасимов Б. Ссыльные поляки в Семипалатинской области (краткий исторический очерк) / Б. Герасимов // Записки Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела Русского географического общества. Семипалатинск, 1918. С. 1-109.

Герман А.А. Новая книга о немцах Сибири (рецензия) / А.А. Герман // Научно-информационный бюллетень. Издание Института германских и восточноевропейских исследований, Международного союза немецкой культуры, Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев. М., 1996. – № 2. С. 27-28.

Гессен Ю.И. История еврейского народа в России. В 2-х тт. / Ю.И. Гессен. Пг., 1916.

Глушковский П. Современные польские исследования по истории Сибири (Викторья Сливовская и Антони Кучиньский) / П. Глушковский // Польские исследователи Сибири. – СПб.: Алетейя, 2011. С. 9 - 18.

Гозулов А.И. Очерки истории отечественной статистики. / А.И. Гозулов. М., Наука, 1972. - 310 с.

Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X века / Н. Голб, О. Прицак // Ред. и коммент. В.Я. Петрухина. Изд. 2-е. М.; Иерусалим, 2003. - 239 с.

Голицын Н.Н. Записка о развитии русского законодательства о евреях. / Н.Н. Голицын. СПб., 1884. - 1117 с.

Голицын Н.Н. Записка по еврейскому вопросу. / Н.Н. Голицын. Каменец-Подольский, 1873. - 840 с.

Голицын Н.Н. О пересмотре "Временных правил" 3 мая 1882 года. / Н.Н. Голицын. СПб., 1886. - 157 с.

Головачев П.М. Экономическая география Сибири. / П.М. Головачев. М., Изд-во Т-ва Сытина, 1914. - 183 с.

Голодников К.М. Тобольская губерния накануне 300-летней годовщины завоевания Сибири. / К.М. Голодников. Тобольск, 1881. - 192 с.

Гончаров Ю.М. "Сибирский Иерусалим": еврейская община города Каинска в XIX – начале XX в. / Ю.М. Гончаров // Известия Алтайского государственного университета. Серия "История". 2010. № 4-3. С. 54 – 57.

Гончаров Ю.М. Евреи в сибирском социуме второй половины XIX – начала XX в. / Ю.М. Гончаров // Страницы истории евреев Сибири в XIX–XX веках. Вып. 1. Красноярск, 2003. С. 28–48.

Гончаров Ю.М. Еврейская община г. Каинска в середине XIX – начале XX в. / Ю.М. Гончаров // III научные чтения памяти Ю.С. Булыгина. Барнаул, 2005. С. 97–106.

Гончаров Ю.М. Еврейская община г. Мариинска в конце XIX – начале XX в. / Ю.М. Гончаров // Очерки истории еврейских общин Сибири и Дальнего Востока (XIX – начало XX в.). Красноярск, 2001. С. 53–64.

Гончаров Ю.М. Еврейская община Западной Сибири на рубеже XIX–XX вв.: демографические особенности / Ю.М. Гончаров // Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке: история и современность. Вып. 9. Красноярск; Барнаул, 2005. С. 27–33.

Гончаров Ю.М. Еврейская семья в Сибири в XIX – начале XX в.: демографические особенности / Ю.М. Гончаров // Европейские общины в российской провинции во второй половине XIX – начале XX в. Барнаул, 2010. С. 215–230.

Гончаров Ю.М. Еврейское купечество Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. / Ю.М. Гончаров // Диаспоры. 2000. № 3. С. 155–172.

Гончаров Ю.М. К проблеме изучения региональной идентичности евреев дореволюционной Сибири / Ю.М. Гончаров // Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке: история и современность: Матер. VIII регион. научн.-практ. конф. Красноярск, 2007. С. 208–218.

Гончаров Ю.М. Начальный этап демографического перехода среди евреев Сибири: конец XIX – начало XX в. / Ю.М. Гончаров // Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке: история и современность: Матер. V регион. науч.-практ. конф. Красноярск, 2004. С. 30–35.

Гончаров Ю.М. Особенности формирования еврейской общины Сибири XIX – начала XX в. / Ю.М. Гончаров // Известия Алтайского государственного университета. Серия: история, политология. 2012. № 4/1. С. 68–72.

Гончаров Ю.М. Очерки истории еврейских общин Западной Сибири XIX – начала XX в. / Ю.М. Гончаров. Барнаул: АзБука, 2005. - 108 с.

Гончаров Ю.М. Религиозная жизнь евреев Западной Сибири в XIX – начале XX в. / Ю.М. Гончаров // Сибирь на перекрестке мировых религий: Матер. III межрегион. конф. Новосибирск, 2006. С. 208–211.

Гончаров Ю.М. Религиозная жизнь как форма национальной самоорганизации еврейских общин Западной Сибири в середине XIX – начале XX в. / Ю.М. Гончаров // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2010. № 2 (13). С. 179–185.

Гончарова Е.З. Еврейское купечество дореволюционной Сибири в новейшей историографии /Е.З. Гончарова // Проблемы еврейской истории. Ч. 1 / Мат-лы научных конференций центра "Сэфер" по иудаике 2007 г. М., 2008. С. 207-208.

Гончарова Е.З. Поляки-архитекторы на службе Российской империи во второй половине XIX в. / Е.З. Гончарова // Россия – Польша. Два аспекта европейской культуры. Материалы XVIII Царскосельской научной конференции. СПб., 2012. С. 122-126.

Горелов Ю.П. Прием беженцев в Сибири в годы Первой мировой войны Ю.П. Горелов // Сибирь: XX век. Кемерово: Изд-во Кемеровского ун-та, 2002. С. 65-70.

Горизонтов Л.Е. Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше. / Л.Е. Горизонтов. М.: "Индрик", 1999. - 272 с.

Горюшкин Л.М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900 – 1917 гг.). / Л.М. Горюшкин. Новосибирск: Наука, 1976. - 343 с.

Горюшкин Л.М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков. Конец XIX - начало XX в. / Л.М. Горюшкин. Новосибирск: Наука, 1967. - 412 с.

Горюшкин Л.М., Миненко Н.А. Историография Сибири дооктябрьского периода (конец XVI – начало XX в.). / Л.М. Горюшкин, Н.А. Миненко. Новосибирск: Наука, 1984. - 317 с.

Градовский Н.Д. Торговые и другие права евреев России в историческом ходе законодательных мер, предшествовавших ныне действующему законодательству о евреях. / Н.Д. Градовский. СПб., 1885. – 288 с.

Гройсман А.Г. Евреи в Якутске (рукопись). / А.Г. Гройсман. Якутск, 1991.

Данилевский И.Н., Кабанов В.В., Медушевская О.М., Румянцева М.Ф. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории. / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. М.:Открытое общество, 1998. - 701 с.

Дедлов В.Л. Переселенцы и новые места. Путевые заметки. / В.Л. Дедлов. СПб., Издание М.М. Ледерле и К, 1894.- 201 с.

Дитц Я. История поволжских немцев – колонистов. / Я.Дитц. М., Готика, 1997. - 496 с.

Дмитриенко Н.М. Евреи-предприниматели в дореволюционном Томске / Н.М. Дмитриенко // История еврейских общин Сибири и Дальнего Востока: Матер. I регион. науч.-практ. конф. Томск, 4–5 ноября 2000 г. Томск, 2000. С. 40–44.

Довнар-Запольский М.В. Народное хозяйство Белоруссии. 1861 - 1914 гг. / М.В. Довнар-Запольский. Минск, 1926. - 240 с.

Долидович О.М. Женская проституция в Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. / О.М. Долидович // http://podelise.ru/docs/59610/index-5269.html (Электронный ресурс. Режим доступа 21.08.2013 г.).

Дорноступ В.В. Гражданско-правовой статус немецких колонистов в контексте переселенческой политики государства в XIX в. / В.В. Дорноступ // Немцы Оренбуржья: прошлое, настоящее, будущее. Оренбург, 1997. С. 67 – 70.

Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. / Н.М. Дружинин. Т. 1-2. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1946.

Дубнов С.М. Евреи в России и Западной Европе. Кн. 1. Евреи в России в царствование Александра III. / С.М. Дубнов. Пг., 1923. - 128 с.

Дубнов С.М. Евреи в царствование Николая II. / С.М. Дубнов. Пг., 1922. - 100 с.

Дубнов С.М. Об изучении истории русских евреев и об учреждении русско-еврейского исторического общества. / С.М. Дубнов. СПб., 1891. - 91 с.

Дубровский С.М. Столыпинская земельная реформа. Из истории сельского хозяйства и крестьянства России в начале XX в. / С.М. Дубровский. М.: Изд-во АН СССР, 1963. - 599 с.

Дятлов В. Диаспора: попытка определиться в понятиях / В. Дятлов // Диаспоры. 1999. - № 1. С. 8-23.

Дятлов В.И. Евреи: диаспора и "торговый народ" / В.И. Дятлов // Сибирский еврейский сборник. Иркутск, 1996. № 2. С.6-14.

Евсеева А.Н. Педагогическая деятельность ссыльных большевиков в Сибири (конец XIX - начало XX вв.) / А.Н. Евсеева // Революционная и общественная деятельность ссыльных большевиков в Сибири (1903 — февраль 1917 гг.): опыт, историография, источниковедение. Омск, 1989. С. 32.

Ерофеева И.В. Немцы в структурах государственно-административных органов Западной Сибири и Казахстана в середине XVIII – начале XX вв. / И.В. Ерофеева // Немцы Сибири: история и современность. Часть 1. Омск, 1995. С. 49 – 53.

Ерофеева И.В. Типы миграций немцев в Казахстан в дореволюционный период / И.В. Ерофеева // Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект. М., Готика, 1998. С. 159 – 170.

Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. Т. 11. Западная Сибирь / Под ред. П. Семенова. СПб., - М., 1884. - 370 с.

Жидков Г.П. Кабинетское землевладение (1747 – 1917 гг.). / Г.П. Жидков. Новосибирск: Наука, 1973. - 264 с.

Заалов М. Меннониты и их колонии на Кавказе / М. Заалов // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 23. Тифлис, 1897. С. 89-127.

Завидовский Н. Содовое производство в Сибири / Н. Завидовский // Горный журнал. 1894. Т. III. Июль – сентябрь.

Западные окраины Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2006. – 608 с.

Звягин С.П. Научная, учебная и общественная деятельность профессора Томского университета И.В. Михайловского / С.П. Звягин // Мат-лы II Всерос. науч. чтений "Интеллектуальный и индустриальный потенциал регионов России". Кемерово, 2002. С. 18 – 19.

Звягин С.П. Научная, учебная и общественная деятельность профессора Томского университета И.В. Михайловского / С.П. Звягин // Мат-лы II Всерос. науч. чтений "Интеллектуальный и индустриальный потенциал регионов России". Кемерово, 2002. С. 18 – 19.

Зиновьев В.П. Индустриальные кадры старой Сибири. / В.П. Зиновьев. Томск: Изд-воТомского ун-та, 2007. - 258 с.

Иваненко А.С., Иваненко В.Е. Перерабатывающая база агропромышленного комплекса Юга Тюменской области / А.С. Иваненко, В.Е. Иваненко // http://law.admtyumen.ru/nic?print&nd=466201090 (Электронный ресурс. Режим доступа 18.02.2013 г.).

Иванов Д.С. Евреи в сибирском регионе: историографический обзор / Д.С. Иванов // Евреи в социокультурном пространстве Тюмени и региона. Мат-лы науч.-практ. конф. Тюмень, 2013. С. 5-18.

Иванченко Н.В. Сельские предприниматели Алтая в пореформенное время / Н.В. Иванченко // Предпринимательство на Алтае. XVIII в. – 1920-е годы. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1993. С. 44-49.

Ивонин А.Р. Губернская администрация и сибирские евреи в конце XIX в. / А.Р. Ивонин // Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке: история и современность: Матер. IV регион. науч.-практ. конф. Красноярск; Биробиджан, 2003.С. 21–25.

Ивонин А.Р. Евреи-предприниматели Западной Сибири в дореформенный период / А.Р. Ивонин // Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке: история и современность: Матер. V регион. науч.-практ. конф. Красноярск, 2004. С. 7–11.

Ивонин А.Р. Еврейская община в Западной Сибири (первая половина XIX в.) / А.Р. Ивонин // История еврейских общин Сибири и Дальнего Востока: Матер. II регион. науч.-практ. конф. Красноярск; Иркутск, 2001. С. 3–5.

Ивонин А.Р. Еврейская община в Западной Сибири в первой половине XIX в. / А.Р. Ивонин // Проблемы административно-государственного регулирования межнациональных отношений в Тюменском регионе. Тобольск, 1995. С. 39–42.

Ивонин А.Р. Еврейское население Западной Сибири в демографических процессах 30-х – начала 60-х гг. XIX в. / А.Р. Ивонин // История еврейских общин Сибири и Дальнего Востока: Матер. III регион. науч.-практ. конф. Красноярск; Улан-Удэ, 2002. С. 16–22.

Ивонин А.Р. Сибирские предприниматели дореформенного периода / А.Р. Ивонин // Личность в истории Сибири XVIII-XX веков. Сборник биографических очерков. Новосибирск: ИД Сова, 2007. С. 81-94.

Иноземцева Е.А. Проблемы еврейского населения в представлениях политических ссыльных Сибири 50–60-х гг. XIX в. / Е.А. Иноземцева // Диаспоры в историческом времени и пространстве. Иркутск, 1994. С. 101–103.

Иордан В.К. Государственное управление немецкими колониями в России во второй половине XVIII – первой трети XIX вв. / В.К. Иордан // Российские немцы на Дону, Кавказе и Волге. Материалы российско-германской научной конференции, Анапа, 22 – 26 сентября 1994 г. М., 1994. С. 33 – 39.

История Сибири с древнейших времен до наших дней. В 5 т. М.-Л., 1968-1969.

Источниковедение истории СССР / Под ред. И.Д. Ковальченко. М., Высшая школа, 1973 - 559 с.

Источниковедение истории СССР XIX – начала XX века / Под ред. И.А. Федосеева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970 - 469 с.

Кабузан В.М. Немецкое население в России в XVIII – начале XX вв. (численность и размещение) / В.М. Кабузан // Вопросы истории. 1989. - № 12. С. 18 – 29.

Каганович А. Отношение администрации к бухарским евреям и их правовое положение в Туркестанском крае в 1867 – 1917 гг. / А. Каганович. Иерусалим, 2003. - 126 с.

Каганович А. Речица: История еврейского местечка Юго-Восточной Белоруссии. / А. Каганович. Иерусалим, 2007. - 450 с.

Казанский П. У кулундинских немцев / П. Казанский // Алтайский сборник. Выпуск 12. Барнаул, 1930. С. 61 – 66.

Кальмина Л.В. Стать своим и остаться собой. Некоренные этнические группы в Забайкальском социуме во второй половине XIX – начале XX вв. / Л.В. Кальмина // Tartaria Magna. 2001. № 1. С. 38 – 52.

Кальмина Л.В. "Детский вопрос" (О положении детей ссыльных евреев в Сибири) / Л.В. Кальмина // Материалы XV Межд. Междисципл. конф. по иудаике. Ч. 2. М., 2008. С. 232–239.

Кальмина Л.В. 12 июня 1860 года: законодательный парадокс / Л.В. Кальмина // Некоторые проблемы истории евреев Сибири в XIX–XX веках. Красноярск, 2004. С. 20–30.

Кальмина Л.В. Диаспоры в Сибири: закономерности и особенности интеграции (середина XIX – начало XX в.) / Л.В. Кальмина // Адаптационные механизмы и практики в традиционных и трансформирующихся обществах: опыт освоения Азиатской России: Матер. Всерос. научн.-практ. конф. Новосибирск, 2008. С. 86–90.

Кальмина Л.В. Евреи в Западном Забайкалье: поиск экономических ниш (вторая половина XIX – начало XX в.) / Л.В. Кальмина // Диаспоры. 1999. № 1. С. 104 – 114.

Кальмина Л.В. Еврейские общины Восточной Сибири (середина XIX в. – февраль 1917 года). / Л.В. Кальмина. Улан-Удэ, 2003. 423 с.

Кальмина Л.В. Забайкальские диаспоры в XIX – начале XX в.: "свои среди чужих" или "чужие среди своих"? / Л.В. Кальмина // Европейские общины в российской провинции во второй половине XIX – начале XX в. Барнаул, 2010. С. 5–20.

Кальмина Л.В. Закон 12 июня 1860 года как результат провала сибирской "еврейской" законодательной политики 1837 года / Л.В. Кальмина // Материалы XIII Ежегодн. межд. междисципл. конф. по иудаике. М., 2006. С. 393–399.

Кальмина Л.В. Затерянные в Сибири. Еврейская земледельческая колонизация 1836 года / Л.В. Кальмина // Вестник еврейского университета. 2005. № 10 (28). С. 335–364.

Кальмина Л.В. Сибирская "еврейская" политика графа Блудова / Л.В. Кальмина // Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке: история и современность: Материалы VII регион. науч.-практ. конф. (21–22 авг. 2006 г.). Красноярск; Кемерово: Красноярский писатель, 2006. С. 3–11.

Кальмина Л.В. Сибирский золотопромышленник и меценат Яков Фризен / Л.В. Кальмина // Вопросы истории. 2003. № 3. С. 142 – 145.

Кальмина Л.В. Социокультурная характеристика католической общины Верхнеудинска в начале XX в. (по метрическим книгам Верхнеудинского польского католического костела) / Л.В. Кальмина // Стереотипы и национальные системы ценностей в межкультурной

коммуникации. Выпуск 1. СПб. Ольштын: Изд-во Невского ин-та языка и культуры, 2009. С. 185-191.

Кальмина Л.В. Стать своим и остаться собой. Некоренные этнические группы в Забайкальском социуме во второй половине XIX – начале XX вв. / Л.В. Кальмина // Tartaria Magna. 2001. № 1. С. 38 – 52.

Кальмина Л.В. Этническая политика самодержавия и некоренные этнические группы в Байкальском регионе (конец XIX – начало XX в.) / Л.В. Кальмина // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2009. № 10. С. 96-101.

Каменский П.В. Вопрос или недоразумение? (К вопросу об иностранных поселениях на Юге России). / П.В. Каменский. М., 1895. - 136 с.

Карих Е.В. Межэтнические отношения в Западной Сибири в процессе ее хозяйственного освоения. XIX – начало XX в. / Е.В. Карих. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2004. - 232 с.

Карих Е.В. Роль поляков в хозяйственном освоении Сибири / Е.В. Карих // Сибирская полония: прошлое настоящее будущее. Мат-лы междунар. науч.-практ. Конф. Томск, 1999. С. 68 – 69.

Кауфман А.А. Переселение и колонизация. / А.А. Кайфман. СПб.: Тип. "Общественная польза", 1905. - 443 с.

Качинска Э. политические ссыльные и уголовные преступники. Столкновение двух миров /Э. Качинска // Польская ссылка в России XIX – XX веков: региональные центры. Казань, 1998. С. 20 – 22.

Качинская Э. Поляки в Сибири (1815 – 1914 гг.). Социально-демографический аспект / Э. Качинская // Сибирь в истории и культуре польского народа. М., 2002. С. 225 – 277.

Кеннан Дж. Сибирь и ссылка. / Дж. Кеннан. В 2-х ч. СПб., 1906.

Кижаева Т.А. Дискриминация немцев России в годы Первой мировой войны (на примере Алтайского округа) / Т.А. Кижаева // Немцы России: социально-экономическое и духовное развитие (1871 - 1941 гг.). М., 2002. С. 304 - 317.

Кижнер Д.М. История возникновения синагог в Томске / Д.М. Кижнер // Евреи в Сибири. Томск, 2000. С. 3–9.

Клайнман И. Еврейское общество за пределами черты оседлости / И. Клайман // История еврейского народа в России. От разделов Польши до падения Российской империи, 1772 – 1917. М., 2012. С. 188-203.

Клаус А. Наши колонии. / А. Клаус. СПб., 1869. - 456 с.

Клибанов А.И. К характеристике идейных движений в среде государственных и удельных крестьян в первой трети XIX в. /А.И. Клибанов // Из истории экономической и общественной жизни России. М., Наука, 1976. С. 153 – 167.

Клибанов А.И. Народная социальная утопия в России в XIX в. / А.И. Клибанов. М., Наука, 1978. С. 317.

Клиер Дж. Россия собирает своих евреев: Происхождение еврейского вопроса в России: 1772 – 1825. / Дж. Клиер. М., 2000.

Клюева В.П. Евреи в Западной Сибири: политика государства и проблемы адаптации в сибирском обществе (XVII – начало XX в.) / В.П. Клюева // "Приезд и водворение в Сибирь евреям воспрещается …". Тюмень, 2004. С. 5 – 27.

Клюева В.П. Евреи между иудаизмом и православием (Тобольская губерния на рубеже XIX–XX в.) / В.П. Клюева // Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке: история и современность: Матер. IV регион. науч.-практ. конф. Красноярск; Биробиджан, 2003. С. 144–148.

Клюева В.П. Иноземцы в Сибири XVII в.: стратегии конфессионального предпочтения / В.П. Клюева // Иноземцы в России в XV-XVII веках. М.: Древлехранилище, 2006. С.463-472.

Клюева В.П. Иудаизм / В.П. Клюева // Историческая энциклопедия Сибири. В 3-х т. Т. 1. А–И. Новосибирск, 2009. С. 709–711.

Клюева В.П. Религиозная жизнь евреев в Тобольской губернии (середина XIX – начало XX в.): скандалы и проблемы / В.П. Клюева // Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке: история и современность: Матер. VI регион. науч.-практ. конф. Красноярск; Барнаул, 2005. С. 42–48.

Ковригина М.П. Неурожай хлебов в юго-западной части Алтайского округа в 1900 г. и размеры продовольственной нужды в 10 селениях Покровской волости Барнаульского уезда /М.П. Ковригина // Алтайский сборник. Т. 5. Барнаул, 1903. С. 115 – 133.

Колоткин М.Н. Балтийская диаспора Сибири: Опыт исторического анализа 20-30-х гг. / М.Н. Колоткин / Отв. ред. А.Г. Осипов, Новосибирск, 1994. - 166 с.

Комлева Е.В. Енисейское купечество (последняя четверть XVIII – первая половина XIX в.) / Е.В. Комлева // http://kulgor.narod.ru/biblioteka/komleva/glava1.html (Электронный ресурс. Режим доступа 17.02.2013 г.)

Кононова Л.П. Участники польского восстания 1863-1864 гг. в архангельской ссылке / Л.П. Кононова // http://do.gendocs.ru/docs/index-316193.html (Электронный ресурс. Режим доступа 22.03.2013 г.).

Коробков Х.И. Экономическая роль евреев в русской лесной торговле и промышленности. / Х.И. Коробков. Пг.: Тип. Ганзбурга, 1916. - 173 с.

Крестьянство Сибири в эпоху капитализма / Под ред. Л.М. Горюшкина. Новосибирск: Наука, 1983. - 399 с.

Кригер В.Э., Фризен А. Из истории советских немцев / В.Э. Кригер, А. Фризен // История Казахстана: белые пятна. Алма-Ата, 1991. С. 250 – 275.

Кронгкрдт Г.К. Немцы в Кыргыстане: 1880 – 1990 гг. / Г.К. Кронгардт // Науч. ред.: С.С. Данияров, К.У. Усенбаев. Бишкек, Изд-во Илим, 1997. - 416 с.

Кротт И.И. Немецкое сельскохозяйственное предпринимательство Омского Прииртышья в конце XIX - начале XX вв. / И.И. Кротт // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. Омск. 2000. № 8. С. 167 - 170.

Кротт И.И. Сельскохозяйственное предпринимательство: поведенческие стратегии и практики в условиях трансформации сибирского общества (1914 - 1920 годы). / И.И. Кротт. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2010. - 336 с.

Курас С.Л. Ссылка евреев в Сибирь в законодательных актах и делопроизводственной документации (вторая половина XIX в. – февраль 1917 г.). / С.Л. Курас. Улан-Удэ, 2010. - 159 с.

Курас С.Л. Роль и место еврейской ссылки в карательной системе Российской империи / С.Л. Курас // Власть. 2008. - № 10. С. 116 – 119.

Курас С.Л. Уголовно-правовая характеристика преступника-иудея, сосланного в Сибирь (конец XIX в.) / С.Л. Курас // Власть. 2009. - № 9. С. 147 – 150.

Курносов А.А. К вопросу о природе видов источников /А.А. Курносов // Источниковедение отечественной истории. Под ред. Н.И. Павленко. М., 1977. С. 5 – 25.

Курцев А.Н. Беженцы Первой мировой войны в России /А.Н. Курцев // http://historystudies.org/2012/07/kurcev-a-n-bezhency-pervoj-mirovoj-vojny-v-rossii/ [Электронный ресурс. Режим доступа 18.01.2013].

Левин В.И. История евреев России. Взгляд из Пензы. / В.И. Левин. Пенза, 2003. - 394 с.

Ленин В.И. Развитие капитализма в России. / В.И. Ленин. Полное собрание сочинений. Издание 5-е. Т. 3.

Леончик С. Поляки в переселенческой политике российского государства в конце XIX – начале XX века /С. Леончик // Поляки в социокультурном пространстве сибирской деревни. Материалы Международной научно-практической конференции (Омск – Тара, 7 – 10 августа 2009 г.). Омск, 2012. С. 7 - 12.

Леончик С.В. Польские ссыльные и польские добровольные переселенцы в Сибири в конце XIX - начале XX в.: причины появления, взаимоотношения на новой родине /С.В. Леончик // Польские ссыльные в Сибири во второй половине XVIII - начале XX в. в восприятии российской администрации, переселенцев и коренных народов Сибири. Омск, 2015. С. 263-274.

Леончик С. Сибирь и ссыльные поляки /С. Леончик // Родина, заново обретенная. Абакан, 2007. С. 4 - 12.

Лисицина С.А. Евреи в зеркале сибирской прессы (на примере периодической печати Тобольской губернии конца XIX – начала XX в.) / С.А. Лисицина // "Приезд и водворение в Сибирь евреям воспрещается…". Из истории еврейской общины в Тюмени. Тюмень, 2004. С. 64–76.

Локшин А.Е. Современная зарубежная историография российского еврейства XVII – начала XX вв. Взгляд из России / А.Е. Локшин // История еврейских общин Сибири и Дальнего Востока. Красноярск, 2002. С. 3-8.

Лор Э. Русский национализм и Российская империя: кампания против "враждебных подданных" в годы Первой мировой войны. / Э. Лор. М.: НЛО, 2012. - 301 с.

Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. / П.И. Лященко. Т. 2. М.: Госполитиздат, 1952 - 736 с.

Макаров А. Очерк водворения по Тобольской губернии переселенцев из Царства Польского и Западного края после мятежа 1863 г. (по материалам архива Тобольской казенной палаты) /А. Макаров // Ежегодник Тобольского губернского музея. Выпуск 21. Тобольск, 1911. С. 1 - 32; Там же. Выпуск 24. Тобольск, 1915. С. 33 - 80; Там же. Выпуск 26. Тобольск, 1915. С. 81 - 124.

Максимов С.В. Сибирь и каторга. /С.В. Максимов. Издание 3. СПб., 1900. – 487 с.

Малиновский Л.В. Заблуждения и ходячие стереотипы в истории российских немцев / Л.В. Малиновский // Российские немцы. Проблемы истории, языка и современного положения. М., 1996. С. 127 – 130.

Малиновский Л.В. К характеристике некоторых групп переселенцев в Сибирь конца XIX – начала XX в. / Л.В. Малиновский // Известия СО АН СССР. Серия общ. наук. № 1. Вып. 1. Новосибирск, 1980. С. 98 – 104.

Малиновский Л.В. Немцы в России и на Алтае. / Л.В. Малиновский. Барнаул, Изд-во "Алтай", 1995. - 182 с.

Малиновский Л.В. Причины и обстоятельства миграции немецких колонистов на Восток в XIX – XX вв. / Л.В. Малиновский // Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект. М., Готика, 1998. С. 89 – 98.

Малиновский Л.В. Сельское хозяйство западных национальных меньшинств в Сибири (1919-1928 гг.) / Л.В. Малиновский // Вопросы истории Сибири. Выпуск 3. Томск, 1967. С. 202-213.

Малиновский Л.В. Столыпинская реформа и немецкая деревня в России 1900 - 1917 гг. / Л.В. Малиновский // Немцы России: социально-экономическое и духовное развитие (1871 - 1941 гг.). М., 2002. С. 119 - 124.

Мамсик Т.С. Западносибирская приписная деревня в системе товарно-денежного хозяйства: Кайлинская волость по материалам окладных книг 1827 г. /Т.С.Мамсик. Новосибирск, 1998. С. 23.

Мариупольский А.М. Еврейская питейная торговля в Сибири во второй половине XIX в. / А.М. Мариупольский // Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке: история и современность: Матер. V регион. науч.-практ. конф. Красноярск, 2004. С. 12–13.

Мариупольский А.М. Оптовая торговля вином в Западной Сибири (60-80 гг. XIX в.) / А.М. Мариупольский // Предприниматели и предпринимательство в Сибири (XVIII – начало XX в.). Барнаул, 1995. С. 54-74.

Масярж В. Миграция польских крестьян в Сибирь в конце XIX – начале XX века / В. Масярж // Сибирь в истории и культуре польского народа. М.: Изд-во "Ладомир", 2002. С. 241 – 245.

Материалы для изучения быта переселенцев, водворенных в Тобольской губернии за 15 лет (с конца 70-х годов по 1893 г.). Т. 1. Историко-статистическое описание 100 поселков / Под ред. А. Станкевича. СПб., 1895. С. 548.

Менделеев Д.И. Обзор Парижской всемирной выставки. / Д.И. Менделеев. СПб., 1868. - 68 с.

Мендрина Г.И. Медицинская деятельность политических ссыльных в Сибири. / Г.И. Мендрина. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1962. - 64 с.

Милитарев А. О содержании термина "диаспора" (к разработке дефиниции) / А. Милитарев // Диаспоры. 1999. N 1. С. 26.

Миллер А. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. / А. Миллер. М.: Новое литературное обозрение, 2006. – 248 с.

Миндлин А. "Еврейская политика" Столыпина / А. Миндлин // http://jhistory.nfurman.com/russ/russ003.htm (Электронный ресурс. Режим доступа 7.06.2013 г.)

Миронов Б.Н. Социальная история России периода Империи (XIX - начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. / Б.Н. Миронов. В 2-х тт. СПб., 1999.

Митина Н.П. Во глубине сибирских руд. / Н.П. Митина. М.: Наука, 1966. – 146 с.

Морковкин Г.Г., Демин В.А., И.В. Демина. Становление сельскохозяйственной науки на Алтае / Морковкин Г.Г., В.А. Демин, И.В. Демина // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2009. № 8 (58). С. 5-13.

Морозов А. Переселенческие поселки Омского уезда в 1897 г. / А. Морозов // Записки Западносибирского отделения императорского Русского географического общества. Книга XXVII. Омск, 1900.

Морозов И.М. Алтайский округ в колонизационном отношении. / И.М. Морозов Полтава: Тип. Шиндлера, 1908. - 62 с.

Морозов И.М. Алтайский округ в сельскохозяйственном отношении. / И.М. Морозов. Харьков: Тип. Бенгис ,1908. - 75 с.

Мулина С.А. Мигранты поневоле: адаптация ссыльных участников Польского восстания 1863 года в Западную Сибирь. / С.А. Мулина. СПб., 2012. - 200 с.

Мучник Ю.М. Евреи в Томске / Ю.М. Мучник // Сибирская старина. 2003. № 21. С. 21–25.

Мучник Ю.М. Из истории еврейской диаспоры в Томске / Ю.И. Мучник // Очерки истории еврейских общин Сибири и Дальнего Востока (XIX – начало XX в.). Красноярск, 2001. С. 12–52.

Мучник Ю.М. Очерки из истории евреев в досоветской Сибири. / Ю.М. Мучник. Томск, 1997. 59 с.

Мучник Ю.М. Религиозная жизнь сибирских евреев в XIX столетии (по материалам Томской губернии) / Ю.И. Мучник // Диаспоры. 1999. № 1. С. 58–76.

Нам И.В. Жизнь в диаспоре (городские немцы Западной Сибири в конце XIX - начале XX в.) / И.В. Нам // Немцы России: социально-экономическое и духовное развитие (1871 - 1941 гг.). М., 2002. С. 361 - 398.

Нам И.В. Национальные меньшинства Сибири и Дальнего Востока на историческом переломе. (1917–1922 гг.). / И.В. Нам. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2009. 500 с.

Нам И.В. Численность и национальный состав беженцев в Сибири в годы Первой мировой войны / И.В. Нам // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Сибири. Барнаул, 2003. С. 276-279.

Натанс Б. За чертой: евреи встречаются с позднеимперской Россией. / Б. Натанс. М.: РОССПЭН, 2007. - 461 с.

Недзелюк Т.Г. Римско-католическая церковь в полиэтничном пространстве Западной Сибири 1881 - 1918 гг. / Т.Г. Недзелюк. Новосибирск: Изд-во "Прометей", 2009. 214 с.

Некрылов С.А. К 145-летию со дня рождения ординарного профессора по кафедре медицинской химии Императорского Томского университета Фридриха Карловича Крюгера / С.А. Некрылов // Сибирский медицинский журнал. Томск. 2007. № 2. С. 140.

Нелипович С.Г. Депортации в России 1914 – 1918 гг. / С.Г. Нелипович // Военно-исторический журнал. 1997. - № 1. С. 42-53.

Никитин В.Н. Евреи земледельцы: Историческое, законодательное, административное и бытовое положение колоний со времени их возникновения до наших дней. 1807-1887. / В.Н. Никитин. СПб., 1887. - 692 с.

Никитин В.Н. Удивительное беспристрастие ("История русского законодательства о евреях". Сочинение кн. Н.Н. Голицына). / В.Н. Никитин. СПб., 1887. - 18 с.

Николаев В.И. Сибирская периодическая печать и политическая ссылка / В.И. Николаев // Каторга и ссылка. Вып. XLI. С. 101 – 119, Вып. XLII. С. 96 – 122.

Николаев В.И. Сибирская политическая ссылка и изучение местного края // Каторга и ссылка. Вып. XXXIV. С. 87 – 116.

Николаев В.И. Сибирская периодическая печать и политическая ссылка / В.И. Николаев // Каторга и ссылка. Вып. XLI. С. 101 – 119, Вып. XLII. С. 96 – 122.

Никулина И.Н. Из истории польской ссылки второй половины XIX века в Западной Сибири /И.Н. Никулина // Известия Томского политехнического университета. 2004. Т. 307. № 4. С. 169-174.

Никулина И.Н. Из истории пребывания поляков на Алтае (60-е гг. XIX в.) /И.Н. Никулина // Диаспоры. 2005. № 4. С. 83-99.

Никулина И.Н. Представители католического духовенства в западносибирской ссылке (60-70-е гг. XIX в.) /И.Н. Никулина // Известия Иркутского государственного университета. Серия "Политология. Религиоведение". 2007. № 1. С. 155-160.

Никулина И.Н. Религия и политические ссыльные Западной Сибири в XIX в. (20-е – первая половина 70-х гг. XIX в.). /И.Н. Никулина. Иркутск, 2011. - 253 с.

Огановский Н.П. Народное хозяйство Сибири. / Н.П. Огановский. Омск, 1921. - 175 с.

Оль П.В. Иностранные капиталы в народном хозяйстве дореволюционной России. / П.В. Оль. Л., 1925. - 35 с.

Оршанский И.Г. Русское законодательство о евреях. / И.Г. Оршанский. СПб., 1877. - 456 с.

Оршанский И.Г. Евреи в России: очерки экономического и общественного быта русских евреев. / И.Г. Оршанский. СПб., 1877. – 440 с.

Островский И.В. Аграрная политика царизма в Сибири периода империализма. / И.В. Островский. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1991. - 308 с.

Островский Л.К. Польское население городов Западной Сибири (1890 – 1917 гг.) / Л.К. Островский // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 4. С. 80-83.

Островский Л.К. Польское население Томска, Тобольска и Омска и деятельность католических благотворительных обществ 1890-е – начало 1920-х гг.) / Л.К. Островский. // Известия Новосибирского государственного университета. Серия "История. Филология". 2012. Т. 11. № 8. С. 59-62.

Островский Л.К. Поляки в Западной Сибири (1890е – 1830-е гг.). / Л.К. Островский. Новосибирск, 2011: Изд-во НГАСУ. - 460 с.

Островский Ю. Сибирские евреи. /Ю. Островский. СПб., 1911. - 62 с.

Петров М. Западная Сибирь. Губернии Тобольская и Томская. / М. Петров. М.: Тип. И. Сытина, 1908. - 207 с.

Петровский-Штерн Й. Евреи в Русской армии. 1827 - 1917. / Й. Петровский-Штерн.М.: НЛО, 2003. - 552 с.

Пилсудский Б. Поляки в Сибири / Б. Пилсудский // http://www.icrap.org/ru/pils5-4.html [Электронный ресурс. Режим доступа 30.07.2013 г.]

Пилсудский Б. Поляки в Сибири / Б. Пилсудский / Перевод с польского яз. Л. И. Каберник. Подготовка текста, публикация и комментарии Б.С. Шостаковича // Известия Института наследия Бронислава Пилсудского. 2001. № 5. С. 125–153.

Пинигина Ю.Н. Меньшинства и власть: стремление к сосуществованию? (Опыт еврейской общины дореволюционного Иркутска) / Ю.Н. Пинигина // Вестник Евразии. 2000. - № 4. С. 5 – 19.

Писаревский Г.Г. Вызов в Россию колонистов из Данцига. Эпизод из истории иностранной колонизации в России (по неизданным архивным документам) / Г.Г. Писаревский // Русская мысль. 1902. Кн. IX. С. 71 – 94.

Писаревский Г.Г. Вызов меннонитов в Россию (по неизданным архивным документам) / Г.Г. Писаревский // Русская мысль. 1903. Кн. X. С. 49-102.

Писаревский Г.Г. Из истории иностранной колонизации в России в XVIII в. (по неизданным архивным документам). / Г.Г. Писаревский. М.: Печатня А. Снегиревой, 1909. - 342 с.

Писаревский Г.Г. Хозяйство и форма землевладения в колониях Поволжья в XVIII – первой четверти XIX века. / Г.Г. Писаревский. Ростов-на-Дону: Тип. А. Тер-Абрамиана, 1916. - 116 с.

Писарькова Л.Ф. Российский чиновник на службе в конце XVIII – первой половине XIX в. /Л.Ф. Писарькова // Человек. 1995. № 4. С. 147-158.

Плеханов Г.В. Материалистическое понимание истории /Г.В. Плеханов // Избранные произведения. В 5-ти тт. Т. 2 – М., 1956. - 649 с..

Плохотнюк Т.Н. Положение этнических немцев Ставрополья в годы Первой и Второй мировых воин / Т.Н. Плохотнюк // Российский исторический журнал. 1995. - № 4. С. 12 – 18.

Потоцкий М. Польские ссыльные в Сибири / М. Потоцкий // Новая Польша. 2003. № 5 // http://www.novpol.ru/index.php?id=1862 (Электронный ресурс. Режим доступа 20.08.2013 г.).

Прокопович С.Н. Война и народное хозяйство. / С.Н. Прокопович. М., 1918. - 264 с.

Пудалов Б.М. Евреи в Нижнем Новгороде: XIX – начало XX в. / Б.М. Пудалов. Нижний Новгород, 1998. - 164 с.

Пузыревский А.К. Русско-польская война 1831 года. / А.К. Пузыревский. СПб., 1886. - 685 с.

Пулькин М.В. Иудаизм на Европейском Севере и в Сибири (конец XIX - начало XX вв.) / М.В. Пулькин // Религиоведение. 2011. № 2. С. 26-34.

Пулькин М.В. Формирование иудейских общин на Европейском Севере и в Сибири /М.В. Пулькин // Материалы XVIII ежегодной Международной конференции по иудаике. Т. 2. М., 2012. С. 145 - 151.

Пустогачева Т.С. Хозяйственное развитие Горного Алтая во второй половине XIX – начале XX в. /Т.С. Пустогачева // Вестник Томского государственного университета. Серия "История". 2008. № 308. С. 100-104.

Рабинович В.Ю. Евреи дореволюционного Иркутска: меняющееся меньшинство в меняющемся обществе. / В.Ю. Рабинович. Красноярск, 2002. - 240 с.

Рабинович В.Ю. Евреи и поляки в дореволюционном Иркутске: "переселенцы" в переселенческом обществе / В.Ю. Рабинович // Известия Алтайского государственного университета. Серия "История". 2010. № 4-1. С. 201 – 206.

Рабинович В.Ю. Еврей или сибиряк? / В.Ю. Рабинович // Ab Imperio. 2003. № 4. С. 115–142.

Рабинович В.Ю. О "чужести" сибирских евреев (последняя треть XIX – начало XX в.) / В.Ю. Рабинович // История еврейских общин Сибири и Дальнего Востока: Матер. II регион. науч.-практ. конф. Красноярск; Иркутск, 2001. С. 22–24.

Рабинович В.Ю. О некоторых чертах предпринимательских меньшинств / В.Ю. Рабинович // Материалы VII ежегодной Международной междисциплинарной конференции по иудаике. Москва, 2000. С. 141–146.

Рабинович В.Ю. Сибирские евреи: проблемы и поиски /В.Ю. Рабинович // Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке: история и современность. Материалы IV региональной научно-практической конференции. Биробиджан, 25-26 августа 2003 года. Красноярск: Кларетианум, 2003. С. 8–12.

Рабинович Г.Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX – начала XX вв. / Г.Х. Рабинович. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1975. - 327 с.

Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период / Под ред. В.Н. Блинова. Новосибирск: Наука, 1982. - 459 с.

Разгон В.Н. Частное предпринимательство на Алтае в XVIII – первой половине XIX вв. / В.Н. Разгон // Предпринимательство на Алтае XVIII в. – 1920-е годы. – Барнаул, 1993. С. 11-30.

Разгон В.Н., Храмков А.А., Пожарская К.А. Столыпинская аграрная реформа и Алтай. / В.Н. Разгон, А.А. Храмков, К.А. Пожарская. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2010. - 278 с.

Резун Д.Я. О периодизации развития исторической урбанистики Сибири XVII – XX вв. / Д.Я. Резун // Городская культура Сибири: история и современность. Омск, 1997. С. 16 – 32.

Розенберг Л. Немецкая колония Семеновка Кубанской области Кавказского отдела / Л. Розенберг // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 27. Тифлис, 1900. С. 162-191.

Романова В.В. Власть и евреи на Дальнем Востоке России: история взаимоотношений (вторая половина XIX - 20-е годы XX в.). Красноярск: Кларетинаум, 2001. - 295 с.

Рощевская Л.П. Члены польской партии "Пролетариат" в западносибирской ссылке / Л.П. Рощевская // Советское славяноведение. 1976. - № 6. С. 31 - 42.

Савиных М.Н. Законодательная политика Российского самодержавия в отношении евреев во второй половине XIX – начале XX вв. / М.Н. Савиных. Омск, 2004. - 164 с.

Сальникова И.В. Обзор архивных и музейных источников по вопросу формирования еврейской диаспоры Томской губернии /И.В. Сальникова // История еврейских общин Сибири и Дальнего Востока. Матер. II регион. науч.-практ. конф. Красноярск; Иркутск, 2001. С. 19–21.

Самович А.Л. Проблема польских военнопленных и пути ее решения в 1831 г. /А.Л. Самович // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: "Грамота", 2011. № 2 (8): в 3-х ч. Ч. III. С. 161-164.

Семенов Ю.И. Этнос, нация, диаспора / Ю.И. Семенов // Этнографическое обозрение. – М., 2000. – № 2. – С. 64-74.

Сидоров А.А. Польское восстание 1863 года: исторический очерк. / А.А. Сидоров. СПб., 1903. – 256 с.

Скальковский А.А. Опыт статистического описания Новороссийского края. / А.А. Скальковский. В 2-х частях. Ч. 1. Одесса, 1850; Ч. 2. Одесса, 1853.

Скляров Л.Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. / Л.Ф. Скляров. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1962. - 558 с.

Скубневский В.А. Деятели науки и культуры польского происхождения в Западной Сибири XIX – начала XX в. / В.А. Скубневский // Стереотипы и национальные системы ценностей в межкультурной коммуникации. Выпуск 1. СПб., Ольштын: Изд-во Невского ин-та языка и культуры, 2009. С. 180-185.

Скубневский В.А. Источники изучения хозяйственной деятельности поляков в Сибири (вторая половина XIX – начало XX в.) / В.А. Скубневский // Восточная Европа и Россия: история, современное состояние и перспективы взаимоотношений. СПб.: Изд-во Невского ин-та языка и культуры, 2008. С. 82-92.

Скубневский В.А. Немецкое предпринимательство на Алтае во второй половине XIX - начале XX в. / В.А. Скубневский // Известия Алтайского государственного университета. Серия "История". 2010. № 3-4. С. 198 - 202.

Скубневский В.А. Польское население Сибири по материалам переписи 1897 года / В.А. Скубневский // Польская ссылка в России XIX – XX веков: региональные центры. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1998. С. 170 – 175.

Скубневский В.А. Предпринимательство поляков в Сибири. Вторая половина XIX – начало XX вв. / В.А. Скубневский // Предприниматели и предпринимательство в Сибири. Выпуск 3. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2001. С. 139-152.

Скубневский В.А., Гончаров Ю.М. Города Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Ч. I: Население. Экономика. / В.А. Скубневский, Ю.М. Гончаров. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2003. 360 с.

Славко Т.И. Математико-статистические методы в исторических исследованиях. / Т.И. Славко. М., 1981. - 158 с.

Сластухин Ф., Чешихин Г. Заселение и процесс капитализации сельского хозяйства Сибири до революции / Ф. Сластухин, Г. Чешихин // Советская Азия, 1930, № 3-4. С. 160.

Сливовская В. Польская Сибирь – мифы и действительность / В. Сливовская // Новая Польша. 2010. № 1. // http://www.novpol.ru/index.php?id=1262 (электронный ресурс. Режим доступа 12.11.2012 г.).

Слезкин Ю. Эра Меркурия. Евреи в современном мире. / Ю. Слезкин. М.: НЛО, 2005. - 544 с.

Слиозберг Г.Б. Законы о евреях и практика их применения. / Г.Б. Слиозберг. СПб., 1907. - 55 с.

Слиозберг Г.Б. Записка по вопросу о правах евреев на приезд и постоянное пребывание в Сибири. / Г.Б. Слиозберг. СПб., 1896. - 12 с.

Смагина Г.И., Семенова А.Б. Немцы в экономической жизни России / Г.И. Смагина, А.Б. Семенова // Немцы в России // http://genrogge.ru/grbook/06-2.htm (Электронный ресурс. Режим доступа 20.08.2013 г.).

Смирнова Т.Б. Этническая история немецкой диаспоры в трудах сибирских ученых /Т.Б. Смирнова // Гуманитарные науки в Сибири. 2008. - № 3. С. 63 – 68.

Соловьева Е.И. Крестьянская промышленность Сибири во второй половине XIX в. / Е.И. Соловьева. Новосибирск, Наука, 1975. 198 с.

Соловьева Е.И. Промыслы сибирского крестьянства в пореформенный период. / Е.И. Соловьева. Новосибирск, Наука, 1981. 329 с.

Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / П.А. Сорокин. М.: Политиздат, 1992. - 540 с.

Старцев А.В., Гончаров Ю.М. История предпринимательства в Сибири (XVII - начало XX в.). / А.В. Старцев, Ю.М. Гончаров. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2002. - 215 с.

Тихонов А.К. Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последней четверти XVIII - начале XX в. / А.К. Тихонов. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. - 355 с.

Тихонов Т.И. Еврейский вопрос в России и Сибири. / Т.И. Тихонов. СПб., 1906. 102 с.

Тихонов Т.И. Сибирские евреи, их права и нужды / Т.И. Тихонов // Сибирские вопросы. 1905. - № 1. С. 278 – 309.

Тишков В.А. Исторический феномен диаспоры / В.А. Тишков // Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX-XX вв. Сб. ст. под ред. Ю.А. Полякова и Г.Я. Тарле. – М., 2001. - С. 9-44.

Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. / В.А. Тишков. М., 2003. - 544 с.

Тощенко Ж.Т., Чаптыкова Т.И. Диаспора как объект социологического исследования /Ж.Т. Тощенко, Т.И. Чаптыкова // Социс. – М., 1996. – №12. – С. 33-42.

Трунк И. Историки русского еврейства / И. Трунк // Книга о русском еврействе от 1860-х годов до революции 1917 г. Иерусалим – М., 2002. С. 16 – 39.

Тюкавкин В.Г. Сибирская деревня накануне Октября. / В.Г. Тюкавкин. Иркутск: Изд-во Иркутского гос. ун-та, 1966. - 471 с.

Ульянова О.С. Еврейское население в экономической, социокультурной и общественно-политической жизни города Томска (вторая половина XIX – 20-е гг. XX столетия). / О.С. Ульянова. Томск, 2010. - 246 с.

Ульянова О.С. Конфессиональная жизнь еврейской общины в аспекте функционирования синагог и молитвенных домов (на материалах по Томску второй половины XIX – начала XX столетия) / О.С. Ульянова // Вестник ТГУ. Серия "История". 2009. - № 324. С. 152 – 154.

Ульянова О.С. Метрические книги Томского еврейского духовного правления как источник по истории евреев г. Томска второй половины XIX – начала XX столетия / О.С. Ульянова // Вестник Томского государственного университета. Серия "История". 2008. - № 3 (4). С. 57 – 62.

Усольцев А.В. Имперская политика в отношении евреев на Алтае в XIX в. / А.В. Усольцев // История еврейских общин Сибири и Дальнего Востока: Матер. II регион. науч.-практ. конф. Красноярск; Иркутск, 2001. С. 6–9.

Фельдман Д.З. К истории появления крещеных евреев в Московском государстве XVII в. / Д.З. Фельдман // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2005. № 4 (22). С. 21-27.

Филимонов Е.С. Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. Экономический быт государственных крестьян и инородцев Северо-Западной Барабы или Спасского участка Каинского округа Томской губернии. / Е.С. Филимонов. СПб., 1892.

Филь С. Поклевские-Козелл - владельцы винокуренного завода / С. Филь // Лукич. 2001. № 3(19). С. 56 - 63.

Филь С. Поляки в Ишимской ссылке в первой половине XIX века / С. Филь // Коркина слобода. Краеведческий альманах. Выпуск 4 - Ишим: изд-во ИГПИ им. П.П. Ершова, 2002. С. 9-14.

Филь С.Г. Поляки в Ишимской ссылке: первая половина XIX в. / С. Филь // http://a-pesni.org/polsk/a-ichim19.htm (Электронный ресурс. Режим доступа 20.03.2013 г.).

Филь С.П. А. Поклевский-Козелл – основатель Западно-Сибирского речного пароходства / С.П. Филь // Словцовские чтения. – Тюмень. , 1995. – С. 117-118.

Фокин С.И. Александр Станиславович Догель / С.И. Фокин // Санкт-Петербургский университет. 2002. № 3 // http://www.spbumag.nw.ru/2002/03/11.html (Электронный ресурс. Режим доступа 18.03.2013).

Храмков А.А. Земельная реформа в Сибири (1896-1916 гг.) и ее влияние на положение крестьян. / А.А. Храмков. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1994. - 91 с.

Цветков Д.В. К истории изучения вопроса об иностранцах в России. / Д.В. Цветков. Варшава, 1891. - 12 с.

Чуркин М.К. Иноэтничный фактор в колонизации Сибири? общественно-политический дискурс второй половины XIX - начала XX века / М.К. Чуркин // Польские ссыльные в Сибири во второй половине XVIII - начале XX в. в восприятии российской администрации, переселенцев и коренных народов Сибири. Омск: Изд-во Омск. гос. аграрн. ун-та, 2015. С. 168 - 176.

Чуркин М.К. Переселенческое движение в Сибирь в общественно-политическом дискурсе и имперских практиках конца XIX - начала XX вв. / М.К. Чуркин // Вопросы истории Сибири. Выпуск 12 / Отв. ред. М.К. Чуркин, И.И. Кротт, Т.А. Сабурова. Омск: Изд-во Омск. гос. пед. ун-та, 2015. С. 194-203.

Шайдуров В.Н. Алтайские немцы накануне и в ходе Первой мировой войны / В.Н. Шайдуров // История и культура немцев Алтая. Выпуск 1. Барнаул, 1999. С

Шайдуров В.Н. География расселения и численность немецких переселенцев на Алтае: конец XIX - начало XX вв. / В.Н. Шайдуров // Отв. ред. Т.Б. Смирнова, Н.А. Томилов. - Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. С. 79-84.

Шайдуров В.Н. Георгий Петрович Гельмерсен: ученый, педагог, администратор / В.Н. Шайдуров // Известия вузов. Горный журнал. 2014. № 3. С. 114-120.

Шайдуров В.Н. Диаспоры в России XVIII – начала XX вв.: общероссийские и региональные особенности формирования / В.Н. Шайдуров // Вопросы отечественной и всеобщей истории: Сб. ст. Вып. 3 / Под ред. В.П. Бойко Томск: Изд-во Томского гос. пед. ун-та, 2006. С. 51-62.

Шайдуров В.Н. Евреи и их место в социальной структуре сибирского общества в XIX в. / В.Н. Шайдуров // Былые годы. 2014. №32 (2). С. 239-244.

Шайдуров В.Н. Евреи и их место в хозяйственной жизни Западной Сибири во второй половине XIX в. / В.Н. Шайдуров // Новый исторический вестник. 2014. № 39. С. 21-35.

Шайдуров В.Н. Евреи Сибири в первой трети XIX в.: некоторые особенности развития / В.Н. Шайдуров // Евреи в социокультурном пространстве Тюмени и региона. Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2013. С. 18 – 25.

Шайдуров В.Н. Евреи, немцы, поляки в Западной Сибири в XIX - начале XX в. / В.Н. Шайдуров - СПб.: Изд-во Невского института языка и культуры, 2013. 260 с.

Шайдуров В.Н. Еврейская община Западной Сибири по материалам Всеобщей переписи населения 1897 г. / В.Н. Шайдуров // Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке: история и современность: Матер. VI регион. науч.-практ. конф. Красноярск; Барнаул, 2005. С. 18–22.

Шайдуров В.Н. Европейские диаспоры в Западной Сибири: численность, размещение и хозяйственные занятия (по материалам Первой Всеобщей переписи населения 1897 г.) / В.Н. Шайдуров // Современное историческое сибириведение (XVII – начало XX вв.). Барнаул, 2005. С. 105 – 116.

Шайдуров В.Н. Закон, имперская бюрократия и евреи в XIX – начале XX в. / Е.С. Норкина, В.Н. Шайдуров // Былые годы. 2015. № 37 (3). С. 623-632.

Шайдуров В.Н. Из истории лютеранской общины на Алтае (конец XIX – начало XX вв.) / В.Н. Шайдуров // Новое время – Neue Zeit. Славгород. 1997. - № 6 от 14 января 1997 г.

Шайдуров В.Н. История заселения немцами Сибири на рубеже XIX - XX вв. в дореволюционной историографии / В.Н. Шайдуров // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири // Четвертые научные чтения памяти проф. А.П. Бородавкина. Сб. науч. трудов. Кн. II / Под ред. В.А. Скубневского, Ю.М. Гончарова. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. С. 67-71

Шайдуров В.Н. История немецкой колонизации в России второй половины XVIII в. в отечественных публикациях (1860-е гг. – 1917 г.) / В.Н. Шайдуров // Гуманитарные науки в Сибири. 2008. № 3. С. 59-63.

Шайдуров В.Н. История немцев Алтая в отечественной и зарубежной историографии 50-х – 90-х гг. XX в. / В.Н. Шайдуров // Европейские общины в российской провинции во второй половине XIX – начале XX в.: Сборник научных статей / Отв. ред. В.А. Скубневский, Ю.М. Гончаров. Барнаул: Азбука, 2010. С. 53 – 60.

Шайдуров В.Н. Источники по немецкой колонизации Алтая конца XIX – начала XX вв. / В.Н. Шайдуров // Научные чтения памяти Ю.С. Булыгина. Барнаул, 2004. С. 45-52.

Шайдуров В.Н. Источники по этнической истории населения сибирского города второй половины XIX - начала XX вв. / В.Н. Шайдуров // Полевая этнография - 2006: Материалы междунар. конф. / Под ред. В.А. Козьмина, Н.В. Юхневой, И.И. Верняева. СПб.: Левша "Санкт-Петербург", 2007. С. 127-130.

Шайдуров В.Н. К вопросу о еврейской общине Сибири в дореформенный период / В.Н. Шайдуров // Современное историческое сибиреведение XVIII – начала XX вв. Выпуск 3: Сб. науч. тр. / Под ред. Ю.М. Гончарова, В.Н. Шайдурова. Спб.: Изд-во Невского ин-та языка и культуры, 2010. С. 50 – 59.

Шайдуров В.Н. К вопросу о формировании еврейской общины Сибири в дореформенный период / В.Н. Шайдуров // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. № 4-1 (52). С. 104-109.

Шайдуров В.Н. К вопросу о формировании немецкой общины в российской провинции

(на примере Алтая) / В.Н. Шайдуров // Актуальные проблемы современной науки. СПб., 2012. № 1 (1). С. 58 – 62.

Шайдуров В.Н. К вопросу о формировании польской общины в Западной Сибири: вторая половина XIX - начало XX в. / В.Н. Шайдуров // Славяноведение. 2013. № 5. С. 86 – 92.

Шайдуров В.Н. Меннониты Сибири и военная служба в годы Первой мировой войны / В.Н. Шайдуров // Актуальные вопросы истории Сибири. Пятые научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина: Сборник научных трудов / Под ред. В.А. Скубневского и Ю.М. Гончарова. Барнаул: "Аз Бука", 2005. С. 155-158.

Шайдуров В.Н. Место и роль еврейских общин в экономической жизни вне черты оседлости во второй половине XIX в. (на примере Западной Сибири) / В.Н. Шайдуров // Евреи Европы и Ближнего Востока: история, социология, культура: Материалы Междунар. науч. конф., 27 апреля 2014 г., Санкт-Петербург / Отв. Ред. М.О. Мельцин, А.Н. Пилипенко; Петербургский ин-т иудаики. СПб., 2014. С. 120 – 130.

Шайдуров В.Н. Миграции и их влияние на формирование этнической карты региона во второй половине XIX века (на примере Западной Сибири) / В.Н. Шайдуров // Известия Юго-Западного государственного университета. 2014. № 2 (53). С. 172-181.

Шайдуров В.Н. Национальные общины в хозяйственной жизни в дореформенный период / В.Н. Шайдуров // Этнокультурное взаимодействие народов в трансграничном пространстве Северной Азии: Сборник научных статей / Под ред. Ю.М. Гончарова, Л.В. Кальминой. Барнаул: ИП Колмогоров И.А., 2013.

Шайдуров В.Н. Национальные общины Западной Сибири второй половины XIX – начала XX в. (по материалам периодической печати) / В.Н. Шайдуров // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «История. Политология». 2008. № 5 (1). С. 65-72.

Шайдуров В.Н. Некоторые направления деятельности Е.Ф. Канкрина / О.Г. Ларина, В.Н. Шайдуров // Былые годы. 2014. № 31 (1). С. 77-81.

Шайдуров В.Н. Немецкая колонизация в России второй половины XVIII в. в трудах Г.Г. Писаревского / В.Н. Шайдуров // Актуальные проблемы современной науки // Материалы международ. науч.-практ. конф. науч. сессии «XIII Невские чтения» (20 – 22 апреля 2011 г.). / Под общ. ред. Н.И. Озеровой. – СПб.: Изд-во Невского ин-та языка и культуры, 2011. С. 60 – 68.

Шайдуров В.Н. Немецкая община Западной Сибири (вторая половина XVIII – начало XX вв.) / В.Н. Шайдуров // Новый исторический вестник. 2008. № 17. С. 50-63.

Шайдуров В.Н. Немцы и русские на Алтае. Контакты и конфликты на рубеже XIX - XX вв. / В.Н. Шайдуров // Диаспоры. 2003. № 2. С. 67-87.

Шайдуров В.Н. О национальном компоненте в преподавании в преподавании гуманитарных дисциплин / В.Н. Шайдуров // Записки Горного института. 2011. № 193. С. 260-261.

Шайдуров В.Н. О некоторых особенностях источников по истории еврейской общины Западной Сибири второй половины XIX – начала XX в. (на примере региональной периодической печати) / В.Н. Шайдуров // Материалы XVIII Международной конференции по иудаике. Вып. 35. Т. 2. М., 2012. С. 129 – 139.

Шайдуров В.Н. О некоторых особенностях польской общины в западной Сибири: вторая половина XIX – начало XX в. / В.Н. Шайдуров // Przegląd Wschodnioeuropejski. Olshtyn. 2012. № 3. С. 117 – 128.

Шайдуров В.Н. О некоторых особенностях формирования и экономического развития еврейской общины Западной Сибири во второй половине XIX в. / В.Н. Шайдуров // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История. 2007. № 4. С. 77–85.

Шайдуров В.Н. О некоторых особенностях формирования и экономического развития польской общины Западной Сибири XIX - начала XX в. / В.Н. Шайдуров // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 2 (21). С. 88-97.

Шайдуров В.Н. Об источниках формирования еврейского населения Сибири в первой половине XIX в. / В.Н. Шайдуров // История. Память. Люди. Мат-лы VI Междунар. науч.-практ. конф. (г. Алматы, Казахстан, 18 октября 2012). Алматы, 2013. С. 387 – 399.

Шайдуров В.Н. Об особенностях формирования еврейского населения Сибири в первой половине XIX в. / В.Н. Шайдуров // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 4. С. 82-86.

Шайдуров В.Н. Особенности формирования и развития польской общины в российской провинции в первой половине XIX века (на примере Западной Сибири) / В.Н. Шайдуров // Rocznik Instytutu Polsko-Rosyjskiego. Wrozlaw. Nr 1 (4) 2013. С. 9 – 24.

Шайдуров В.Н. Первая мировая война и судьба российских немцев / В.Н. Шайдуров // Алтайский сборник. Выпуск XX Барнаул, 2000. С. 48 - 62.

Шайдуров В.Н. Повседневная жизнь европейских общин в Западной Сибири второй половины XIX – начала XX в. (по материалам периодической печати) / В.Н. Шайдуров // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 335. С. 88–92.

Шайдуров В.Н. Подготовка кадров для горнозаводской промышленности в регионах России на примере Алтайского горного округа / В.Н. Шайдуров // Известия вузов. Горный журнал. 2014. № 5. С. 141-147.

Шайдуров В.Н. Польская община Западной Сибири в конце XIX - начале XX века: численность, размещение, хозяйственные занятия / В.Н. Шайдуров // Вестник Новосибирского

государственного университета. Серия "История. Философия". 2006. Т. 5. Вып 1 (доп.). С. 129-133.

Шайдуров В.Н. Польская община Западной Сибири в конце XIX – начале XX в.: особенности формирования и развития / В.Н. Шайдуров // Известия Алтайского государственного университета. 2009. Т. 3. № 4. С. 253-258.

Шайдуров В.Н. Роль западных национальных меньшинств в развитии перерабатывающей промышленности Алтая в конце XIX – начале XX в. / В.Н. Шайдуров // Алтайская деревня во второй половине XIX - начале XX в. / Под ред. В.Н. Разгона. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2004. С. 62-69.

Шайдуров В.Н. Российские немцы на Алтае (по материалам Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г.) / В.Н. Шайдуров // Европейские общины в российской провинции во второй половине XIX – начале XX в.: Сборник научных статей / Отв. ред. В.А. Скубневский, Ю.М. Гончаров. Барнаул: Азбука, 2010. С. 152 – 187.

Шайдуров В.Н. Российские немцы на Алтае: конец XIX - начало XX в. Переселение. Экономическое развитие. / В.Н. Шайдуров - Саарбрюккен: Palmarium Academic Publ., 2012. 200 с.

Шайдуров В.Н. Российские немцы на Алтае: конец XIX – начало XX в. / В.Н. Шайдуров / История Алтайского края XVIII – XX вв.: науч. и документ. материалы / Под ред. Т.К. Щегловой, А.В. Контева. Барнаул: Изд-во Алт. гос. пед. ун-та, 2004. С. 181-191.

Шайдуров В.Н. Российские немцы: трагедия одного народа / В.Н. Шайдуров // Репрессии против российских немцев: Наказанный народ. М., Звенья, 1999. С. 9 – 17.

Шайдуров В.Н. Самовольные поселения немецких крестьян на Алтае (конец XIX - начало XX в.) / В.Н. Шайдуров // История и культура российских немцев. Выпуск 3. Ч. 1. Саратов, 1996. С. 66 - 75.

Шайдуров В.Н. Семейно-брачные отношения немцев Сибири: конец XIX – начало XX в. / В.Н. Шайдуров // Сибирский плавильный котел: социально-демографические процессы в Северной Азии XVI – начала XX в. / Под ред. Д.Я. Резуна. Новосибирск, 2004. С. 186-195.

Шайдуров В.Н. Сибирская полония как результат национальной политики первой половины XIX в. / В.Н. Шайдуров // Былые годы. 2014. № 32 (2). С. 245-251.

Шайдуров В.Н. Сибирские немцы и Первая мировая война / В.Н. Шайдуров // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития: Сб. науч. тр. Омск, 2000. С. 62 - 64.

Шайдуров В.Н. Столыпинская аграрная реформа и ее влияние на положение российских немцев: 1907 – 1916 гг. / В.Н. Шайдуров // Сборник трудов Международной научно-

исторической конференции им. Акад. Л. Блюментроста. № 1. Берлин: Wissenschaftliche Welt e. V., 2013. С. 230 – 240.

Шайдуров В.Н. Формирование и социально-экономическое развитие немецкой диаспоры на Алтае. Конец XIX - начало XX в. / В.Н. Шайдуров - Барнаул: ООО "Полиграф-Сервис", 2003. 142 с.

Шарова П.Н. Переселенческая политика царизма в Средней Азии / П.Н. Шарова // Исторические записки. Выпуск 8. М., Наука, 1940. С. 3 – 36.

Швецов С.П. Культурное значение политической ссылки в Западной Сибири / С.П. Швецов // Каторга и ссылка. Вып. XL. С. 57 – 87; Вып. XLI. С. 90 – 100; Вып. XLVII. С. 96 – 112; Вып. XLVIII. С. 88 – 105.

Швецов С.П. Положение труда на частных заводах Алтайского округа / С.П. Швецов // Сборник правоведения и общественных знаний. М., 1897. Т. 7. С. 130 – 180.

Швецов С.П. Положение труда на частных заводах Алтайского округа / С.П. Швецов // Сборник правоведения и общественных знаний: Труды юридического общества, состоящем при Императорском Московском университете. Т. VII. М., 1897. С. 130 – 180.

Швецов С.П. Культурное значение политической ссылки в Западной Сибири / С.П. Швецов // Каторга и ссылка. 1928. № 11 (Кн. 48). С. 90.

Шелгунов Н.В. Сибирь по большой дороге / Н.В. Шелгунов // http://www.oldriver.ru/Page.php?quest=&qstart=&PID=267&MID=130&start= (Электронный ресурс. Режим доступа 22.08.2013 г.).

Шеленберг И.И. История села Орлово. / И.И. Шеленберг. М., Готика, 1996. - 168 с.

Шиллер В.В. Евреи г. Мариинска Томской губернии в конце XIX – начале XX в.: проблемы генеалогических реконструкций / В.В. Шиллер // Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке: история и современность: Матер. VI регион. науч.-практ. конф. Красноярск; Барнаул, 2005. С. 49–55.

Шиллер В.В. Проблемы этно-конфессионального взаимодействия в Мариинском уезде (конец XIX – начало XX в.) / В.В. Шиллер // Кузбасский родовед: Историко-краеведческий альманах. Вып. 2. Кемерово, 2002. С. 85–96.

Шиловский М.В. Сибирские евреи во второй половине XIX – начале XX в.: вопросы региональной идентичности / М.В. Шиловский // Европейские общины в российской провинции во второй половине XIX – начале XX в. Сборник научных статей / Отв. ред. В.А. Скубневский, Ю.М. Гончаров. Барнаул: Азбука, 2010. С. 120–130.

Шиловский М.В. Сибирские поляки-предприниматели до 1917 г. /М.В. Шиловский // Сибирская полония: прошлое настоящее будущее. Мат-лы междунар. науч.-практ. Конф. Томск, 1999. С. 82 – 84.

Шостакович Б.С. История поляков в Сибири (XVII – XIX вв.). / Б.С. Шостакович. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1995. – 165 с.

Шостакович Б.С. Конарщик Юстысьян Ручиньский и его воспоминания о сибирской ссылке / Б.С. Шостакович // Воспоминания из Сибири: Мемуары, очерки, дневниковые записи польских ссыльных в Восточную Сибирь первой половины XIX столетия. Иркутск: Изд-во ООО "Артиздат", 2009. С. 301 – 324.

Шостакович Б.С. Революционер-шестидесятник Болеслав Шостакович в сибирской ссылке (по сохранившимся отрывкам его воспоминаний и другим неопубликованным материалам) /Б.С. Шостакович // Ссылка и общественно-политическая жизнь в Сибири (XVIII – начало XX в.). Новосибирск, 1978. С. 175 – 205.

Штампфер Ш. Преследования и миграция евреев-ашкеназов в Восточную Европу / Ш. Штампфер // Научные труды по иудаике. Материалы XVII Международной ежегодной конференции по иудаике. Вып. 31. Т. 2. М., 2010. С. 43-67.

Штах Я. Очерки из истории и современной жизни южнорусских колонистов. / Я. Штах М.: Тип. А. Мамонтова, 1916. - 266 с.

Шуклина Н.Я. Поляки – строители Транссиба (К.Я. Михайловский и В.-И. Роецкий) /Н.Я. Шуклина // Исторические чтения: Материалы науч. конференций "Неизвестный Челябинск" (1994). Ч. 2. Челябинск, 1996. С. 18-22.

Щетинина А.С. Профессиональный состав беженцев Первой мировой войны в Томской губернии / А.С. Щетинина // Историческое профессиоведение: источники, методы, теории анализа. Под ред. В.Н. Владимирова, М.Х.Д. ван Леувена. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2008. С. 224 - 226.

Энгман М. Финляндцы в Петербурге. / М. Энгман. СПб.: Европейский дом, 2008. - 470 с.

Этак Дж. Арендаторы и мелкие фермеры в XIX веке: проблемы роста аренды на Севере / Дж. Этак // Аграрная эволюция России и США в XIX – начале XX века – М., 1991. С. 214.

Ю.О. Еврейское училище в Томске. История его возникновения и развития. 1873 – 1913 гг. Томск, 1912.

Юшковский В. "Сибирские мотивы" Фишеля / В. Юшковский // http://www.judaica.kiev.ua/Conference/Conf2002/Conf41-02.htm (Электронный ресурс. Режим доступа 22.08.2013 г.).

Яковенко Е.И. Из воспоминаний о сибирской ссылке (К истории сибирской журналистики) / Е.И. Яковенко // Каторга и ссылка. Вып. XXXVII. С. 100 – 104.

на английском языке:

Avrutin E. Jews and the imperial state : identification politics in tsarist Russia. /E. Avrutin. Ithaca, N.Y. : Cornell University Press, 2010. Pages: 216.

Kahan A. Essays in Jewish Social and Economic History. /A. Kahan.Chicago - London, 1986.

Kalmina L., Kuras L. A History of exiles: The Jews of Buryatia / L. Kalmina, L. Kuras // East European Jewish Affairs. Volume 31, Issue 1, 2001. P. 49-60.

Kelner V. Materials concerning the history of the Jews in Russia in the personal archives of the manuscript department of the Russian national library / V. Kelner // East European Jewish Affairs. Volume 22, Issue 2, 1992. P. 56-63.

Klier J.Russia gathers her Jews : the origins of the "Jewish question" in Russia, 1772-1825. / J. Klier. DeKalb, Ill. : Northern Illinois University Press. 1986. Pages: 236.

Lee, J. C. Across Siberia Alone. An American Women's Adventures. / J.C. Lee. New York, MCMXIV. P. 186.

Levitats, I. The Jewish Community in Russia, 1772 – 1844. / I. Levitats. New York, Columbia University Press, 1943.

Lohr E. Nationalizing the Russian Empire: the Campaign against enemy aliens during World War I. / E. Lohr. Harvard University Press. Cambridge. 2003. Pages: 237.

Lukin B. The Creation of a Documentary Collection on the History of Russian Jewry at the Central Archives for the History of the Jewish People / B. Lukin // Slavic & East European Information Resources. 2003. Vol. 4. Is. 2-3. P. 17-36.

Mochalova V. Jewish studies in Russia in the post-communist era / V. Mochalova // Journal of Modern Jewish Studies. Volume 10, Issue 1, 2011. P. 119-133.

Nathans B.Beyond the pale : the Jewish encounter with late imperial Russia. / B. Nathans. Berkeley ; Los Angeles : University of California Press. 2002. Pages: 424.

Pohl O.Catherine's grandchildren : a short history of the Russian-Germans under the Soviet rule. / O. Pohl. Lincoln, Nebraska : American Historical Society of Germans from Russia. 2009. Pages: 106.

Shaidurov V. European diasporas in Russia of the late 18th and early 19th centuries: National and regional formation features (as illustrated in the case of Jews, Germans and Poles) / V. Shaidurov,

O. Larina // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. Vol. 6 Iss. 5S1, pp. 460 - 466.

Shaidurov V. Jews and their economic life impact in Western Siberia in the second mid-to-late XIX century / V. Shaidurov // Anthropology, Archaeology, History and Philosophy. International Multidisciplinary Scientific Conferences on Social Sciences and Arts (SGEM 2014). Albena, 2014, pp. 511-518.

Shaidurov V. Jews of Siberia in the 19th century / V. Shaidurov // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. Vol. 6, Iss. 4S2, pp. 207-215.

Shaidurov V. Migrations and their influence on the ethnic composition of the Northern Asian population in the second half of the 19th century / V. Shaidurov // Life Science Journal. 2014. № 11 (7), 43, pp. 371-377.

Shaidurov V. Migrations and their influence on the ethnic composition of the Northern Asian population in the second half of the 19th century / V. Shaidurov // Anthropology, Archaeology, History and Philosophy. International Multidisciplinary Scientific Conferences on Social Sciences and Arts (SGEM 2014). Albena, 2014, pp. 527-534.

Shaidurov V. National Entrepreneurship in the Context of Economic Modernization in the Russian Empire (As Illustrated with Germans in Siberia) / V. Shaidurov // The Social Sciences. 2015. Vol. 10, Is. 3. pp. 377-383.

Shaidurov V. On restriction of ethnic minorities rights in the Russian Empire in the second half of the 19th and early 20th centuries (as illustrated in the case of Russian Germans) / V. Shaidurov // Anthropology, Archaeology, History and Philosophy. International Multidisciplinary Scientific Conferences on Social Sciences and Arts (SGEM 2014). Albena, 2014, pp. 534-541.

Shaidurov V. On the emerging Polish diaspora and its development in Siberia in the first half of the 19th century / V. Shaidurov // Middle - East Journal of Scientific Research. 2014. № 19 (2), pp. 251-257.

Shaidurov V. Poles in the economy of Siberia and Central Asia in the second half of the 19th century (as illustrated in the Poklewski-Koziell family) / V. Shaidurov // International Business Management. 2016. № 10 (3), pp. 194-199.

Shaidurov V. Russian Germans in Russian Historiography from the last third of the 18th to the first half of the 19th Century / V. Shaidurov // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. Vol. 6, Iss. 6 S4, pp. 148-156.

Shaidurov V. The Stolypin's agrarian reforms and their impacts on the Russian Germans situation: 1907-1916 / V. Shaidurov // Anthropology, Archaeology, History and Philosophy. International Multidisciplinary Scientific Conferences on Social Sciences and Arts (SGEM 2014). Albena, 2014, pp. 645-649.

на немецком языке:

Anger H. Die Deutschen in Sibirien.- Reise duerch die deutschen Doerfen Westsibiriens. / H. Anger. Berlin, Ost-Europa-Verlag, 1930. 103 S., 7 Karten.

Deutsche Geschichte im Osten Europas. Russland. Herausgegeben von Gerd Stricker. Siedler Verlag, Berlin, 1997. 672 S.

Deutsche im Ausland – Fremde in Deutschland. Migration in Geschichte und Gegenwart. Herausgegeben von Klaus J. Bade. Verlag C.H. Beck, Muenchen, 1992. 452 S.

Eisfeld A. Die Russlanddeutschen. / A. Eisfeld. Studienbuchreihe der Striftung Ost-deutscher Kulturrat. Band 2. F.A. Herbig Verlagsbuchhandlung GmbH, Muenchen. 1992. 226 S.

Fast G. In den Steppen Sibiriens. / G. Fast. Winnipeg, 1954. - 157 S.

Fast G. Im Stammen des Todes. / G. Fast. Winnipeg. 1954. - 163 S.

Fleischhauer I. Deutschen in Zarenreich. / I. Fleischhauer. Stuttgart, 1986. 671 S.

Hilfer M. Die deutschen Kolonien in Russland und die neueste russische Agrarreform /M. Hilfer // Deutsche Monatsschrift fuer Russland. 1914. S. 439 – 444.

Janssen S. Vom Zarenreich in der amerikanischen Westen: Deusche in Russland und Russlanddeutsche in der USA (1871 – 1928). / S. Janssen. Muenster, Lit Verlag,1997. - 327 S.

Kappeler A. Die Deutschen im Rahmen des zaristischen und sowjetischen Vielvoelkerreiches: Kontinuitaeten und Bruehe / A. Kappeler / Die Deutschen im Russischen Reich und im Sowjetstaat. Koeln, Markus Verlag, 1987. S. 9 – 20.

Kappeler A. Russland als Vielvoelkerreich. / A. Kappeler. Muenchen, Verlag C.H. Beck, 1992. - 395 S.

Laxmann E. Sibirische Briefe. / E. Laxmann. Goettingen-Gotha, 1769.

Loew R. Deutsche Bauernstaaten auf russischen Steppe. Berlin- Charlottenburg, Ostlandverlag, 1916. 64 S.

M … r A. Das Deutschtum in Sibirien und Mittelasien / A. M...r // Heimatbuch der Deutschen aus Russland. 1959. Stuttgart, 1959. S. 16 – 25 (mit Karten).

M … r A. Das kirchliche und religioese Leben der Deutschen in Sibirien und Mittelasien von seinen anfaenger bis zum Jahre 1914 / A. M... к // Heimatbuch der Deutschen aus Russland. 1964. Stuttgart, 1964. S. 118 – 127.

Mergenthalter A. Das Russlanddeutschtum in Zahlen / A. Mergenthalter // Deutsche Post aus dem Osten. 1938. - № 5. S. 1- 4.

Mirow J. Geschichte des deutsches Volkes: Von den Anfaengen bis zur Gegenwart. / J. Mirov. Koeln, Parkland Verlag GmbH,1996. 1288 S.

Moering E. Zur Lage der Deutschen in Russland / E. Moering // Hilfe. 1915. S. 777 – 778.

Rempel J. Zur Geschichte der deutschen Ansiedlungen in Sibirien / J. Rempel // Deutscher Arbeiter- und Bauernkalender. M., 1924.

Rempel J. Zur Geschichte der Slawgoroder Kolonien / J. Rempel // Deutscher Arbeiter- und Bauernkalender. M., 1924.

Schmidt E. Die deutschen Kolonien in Sibirien und Mittelasien / E. Schmidt // Deutsche im Ausland. Breslau, 1926. S. 95 – 100.

Stach J. Das Deutschtum in Sibirien, Mittelasien und dem Fernen Osten. / J. Stach. Stuttgart, 1938. - 334 S.

Stumpp K. Die evangelisch-lutherischen Kirche in Suedrussland von 1789 – 1910 / K. Stumpp // Heimatbuch der Deutschen aus Russland. 1960. Stuttgart, 1960. S. 81 – 95.

Stumpp K. Folgenschwere Auswirkungen der russischen politischen Ent-wicklung auf das Russlanddeutschtum / K. Stumpp // Heimatbuch der Deutschen aus Rus-sland. 1966. Stuttgart, 1966. S. 5 – 13.

Stumpp K. Die Russlanddeutschen. Zweihundert Jahre unterwegs. / K. Stumpp. Tuebingen, 1965. - 178 S.

Stumpp K. Der Russlanddeutschtum in Nord- (Sibirien) und Mittelasien / K. Stumpp // Heimatbuch der Deutschen aus Russland. 1964. Stuttgart, 1964. S. 5 – 14

Stumpp K. Verzeichnis der deutschen Gemeinden in Nord- und Mittelasien / K. Stumpp // Heimatbuch der Deutschen aus Russland. 1964. Stuttgart, 1964. S. 87 – 99.

на польском языке:

Giller A. Opisanie Zabajkalskiej Krainy w Syberji. / A. Giller. 1-3 t. Lipsk, 1867.

Janik M. Dzieje polakow na Syberji. Krakow: Nakladem krakowskiej spolki wydawniczej, 1928 / M. Janik // Biblioteka Zeslanca. Warszawa Wroclaw, 1991. S. 1 -472.

Jewsiewicki W. Na syberyjskim zeslaniu. / W. Jewsiewicki. Warszawa: Panstwowe wydawnictwo naukowe, 1959. - 263 s.

Kuczynski A. Syberia. Czterysta lat polskiej diaspory. / A. Kuczynski. Wroclaw, Warszawa, Krakow, 1993. - 435 s.

Leończyk S. Migracja chłopów polskich z Królestwa Polskiego na Syberię po reformie agrarnej Piotra Stołypina / S. Leończyk // Studia Europaea Gnesnensia. 2012. - № 6. s. 281-298.

Librowicz Z. Polacy w Syberji. Krakow. / Z. Librowicz. G. Gebethner I Spolka, 1884. - 380 s.

Lukawski Z. Ludnosc polska w Rosji 1863 — 1914. / Z. Lukawski Wroclaw Warszawa - Krakow - Gdansk: Zaklad narodowy imienia ossolinskich wydawnictwo polskiej akademii nauk, 1978. 229 s.

Masiarz W. Dzieje kosciola I polskiej diaspory w Tobolsku na Syberii. 1838 – 1922. / W. Masiarz. Krakow, 1999. - 201 s.

на украинском языке:

Кулинич І. М., Кривець Н.В. Нариси з історії німецьких колоній в Україні. К., Ін-т історії України НАН України, 1995. 272 с.

Справочно-энциклопедические издания

на русском языке:

Библиография еврейского вопроса в России с 1855 по 1875 год / Сост. В.И. Межов. СПб.: Типография А.Е. Ландау, 1875. - 77 с.

Голицын Н.Н. Список главнейших законоположений о евреях (в порядке законодательных инстанций и хронологическом). 1768 – 1873 гг. / Н.Н. Голицын. СПб., 1884. - 44 с.

Дмитриенко Н.М. Томские купцы: биографический словарь (вторая половина XVIII - начало XX в.). / Н.М. Дмитриенко. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2014. - 334 с.

Еврейская электронная энциклопедия // http://www.eleven.co.il [Электронный ресурс. Режим доступа 15.03.2011].

Историческая энциклопедия Сибири. В 3-х тт. / Под ред. В.А. Ламина. Новосибирск: Ист. наследие Сибири, 2009.

Кальмина Л.В., Курас Л.В., Немчинова Т.А. Евреи Сибири и Дальнего Востока: Библиографический указатель литературы на русском языке. / Л.В. Кальмина, Л.В. Курас, Т.А. Немчинова. Красноярск: Кларетинаум, 2004. 160 с.

Кеппен П.И. Хронологический указатель материалов для истории инородцев Европейской России. / П.И. Кеппен. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1861. – 510 с.

Краткая еврейская энциклопедия. В 11 тт. Иерусалим, 1976 - 2005.

Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции в Сибири. В. 4-х т. / В.П. Зиновьев, А.С. Зуев, Е.А. Зуева, Д.Я. Резун, В.А. Скубневский. Новосибирск, 1994-1998.

Немцы России. Энциклопедия. / Отв. ред. В. Карев. В 4-х тт. М., 1999.

Профессора медицинского факультета Томского университета – Томского медицинского института – Сибирского государственного медицинского университета (1878-2003): Биографический словарь / С.Ф. Фоминых, С.А. Некрылов, М.В. Грибовский, Г.И. Мендрина, А.И. Венгеровский, В.В. Новицкий. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004.

Российская педагогическая энциклопедия: в 2 тт. Т. 1. М., 1993; Т. 2. М., 1999.

Российский медицинский список, издаваемый Управлением Главного врачебного инспектора Министерства внутренних дел, на 1908 год. СПб., 1908.

Сибирская советская энциклопедия. Т. 1-3. Новосибирск, 1929-1932.

Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь на 1898 год. Год пятый. Томск, 1898.

Сибирский торгово-промышленный календарь на 1895 год. Год второй. Томск, 1895.

Сибирский торгово-промышленный календарь на 1910 г. Год XV. СПб., 1910.

Скубневский В.А., Старцев А.В., Гончаров Ю.М. Предприниматели Алтая: Энциклопедия. / В.А. Скубневский, А.В. Старцев, Ю.М. Гончаров. Барнаул: Демидовский фонд, 1996. - 112 с.

Черказьянова И.В. Летопись диссертаций по истории и культуре российских немцев (1960-е – 2009 гг.). / И.В. Черказьянова. СПб.: Изд-во "Нестор - История", 2009. - 286 с.

Чернова-Дёке Т.Н. Российские немцы. Отечественная библиография. 1991 – 2000 гг. / Т.Н. Чернова-Деке. М.: МСНК-Пресс, 2001. - 272 с.

Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб., 1890 - 1907.

Энциклопедия Алтайского края. В 2-х тт. Барнаул, 1996.

на английском языке:

Long J. The German – Russians. A Bibliography of Russian Materials with Introductory Essay, Annotations, and Locations of Materials in Major Ameri-can and Soviet Libraries. / J. Long. Clio Books, Santa Barbara, California, Oxford, Eng-land, 1978. 137 p.

на немецком языке:

Brandes D., Busch M., Pavlovic’ K. Bibliographie zur Geschichte und Kultur der Russlanddeutschen. / D. Brandes, M. Busch, K. Pavlovic’. Band 1. Von der Einwanderung bis 1917. R. Oldenburg Verlag, Muenchen, 1994. - 370 S.

Stumpp K. Das Schrifttum ueber das Deutschtum in Russland (Eine Bibliographie) / K. Stumpp // Heimatbuch der Deutschen aus Russland. 1959. Stuttgart, 1959. S. 1 – 60.